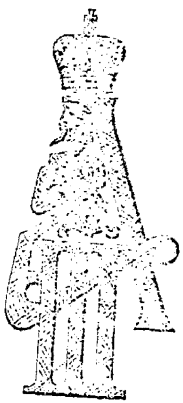
ИСТОРІЯ

СОЦІАЛЬНЫХЪ СИСТЕМЪ

ОТЪ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

Д. ЩЕГЛОВА.



ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ I.

Критическое обозрѣніе соціальныхъ ученій Платона, Т. Мора, Кампанеллы, Гаррингтона, Морелли, Мабли, Бриссо, Сенъ-Симона, сенъ-симонистовъ и Р. Оуэна.

СОБСТВЕННАЯ ЕГО ИМПЕРАТ. ВЕЛИЧ. БИБЛІОТЕКА
АНИЧКОВА ДВОРЦА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1870.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
280
32

Печатано въ типографіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе автора I

Введеніе. Послѣдовательныя измѣненія въ экономическомъ быту человѣка. Общія свойства каждой ступени экономическаго развитія и неудобства, сопровождающія ихъ. Естественность появленія соціальныхъ утопій; отношеніе, которое должна имѣть къ нимъ наука. Условія, вызывающія ихъ появленіе. XVII

ГЛАВА I.

ПЛАТОНЪ.

Данныя касательно жизни Платона; уваженіе къ нему древнихъ; отношенія Платона къ Сократу; современное Платону состояніе Аѳинъ 1

Причины упадка Аѳинъ: характеръ аѳинской конституціи, направленіе тогдашней науки и литературы, экономическій бытъ, вражда партій 6

Разговоръ Платона о государствѣ: происхожденіе государства, сословія, сословіе воиновъ, воспитаніе его, разборъ дѣтей по способностямъ, содержаніе воиновъ, коммунизмъ въ имуществѣ и бракѣ, основаніе силы платонова государства, правители государства; разговоръ о законахъ 13

Отношеніе между идеаломъ Платона и современнымъ ему состояніемъ Греціи; значеніе семейства въ области государственной; характеръ имущественнаго коммунизма у Платона; положеніе воиновъ и другихъ классовъ общества. Мнѣніе Аристотеля о коммунизмѣ. Насколько Платонъ достигаетъ своей главной цѣли, обезпеченія спокойствія и безопасности государства? 28

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Поводъ къ разговору о государствѣ 48

Б. Разсужденіе софиста о справедливости 50

В. О справедливости въ государствѣ, начало государства, раздѣленіе занятій 53

Г. Происхожденіе войны, необходимость особаго военнаго сословія 56

Д. Коммунистическая организація военнаго сословія . . . 57

Е. Объ отношеніи частнаго благосостоянія къ общему; о чрезмѣрномъ богатствѣ и бѣдности 58

Ж. О недостаточности опытнаго познанія для пониманія дѣйствительнаго бытія вещей 61
З. Извлеченія изъ разговора о законахъ . . 63
И. О заимствованіяхъ, сдѣланныхъ Платономъ у евреевъ . 66
І Разговоръ объ Атлантидѣ или Критій . . 67
К. Соціальные реформаторы Греціи, жившіе прежде и послѣ Платона (Фалеасъ, Ипподамъ, Пиѳагоръ, Гекатей и др.) 69
Л. Содержаніе разговора о государствѣ . 71
М Издатели, комментаторы, біографы и переводчики Платона 73

ГЛАВА II.

ТОМАСЪ МОРЪ.

Судьба Греціи послѣ Платона. Паденіе другихъ государствъ древняго міра: еврейскаго, римскаго, византійскаго, новоперсидскаго. Симптомы соціализма, предшествовавшіе этому паденію 79

Общественный бытъ западной Европы въ средніе вѣка: римская церковь; различіе ея духа отъ духа церкви восточной и результаты этого различія въ общественной жизни. Пятнадцатый вѣкъ въ западной Европѣ 97

Жизнь и характеръ Томаса Мора, его отношенія къ правительству Генриха VIII и католицизму. Появленіе Утопіи; басня, положенная въ основаніи ея: Р. Гиѳлодей, спутникъ Ам. Веспуччи. Взглядъ Т. Мора на современное ему состояніе Англіи. пауперизмъ и причины его, ложная внѣшняя и внутренняя политика государей, недобросовѣстность ихъ совѣтниковъ и служителей церкви. Служеніе золотому тельцу 102

Островъ Утопія. Положеніе Утопіи, ея пространство и населеніе. Конституція; общность имуществъ: производство богатствъ и распредѣленіе; бракъ; рабство; торговля; употребленіе драгоцѣнныхъ металловъ; внѣшняя политика; религія; свобода совѣсти 120

Что остается въ Англіи изъ того зла, которое указано Т. Моромъ? Значеніе рабства въ Утопіи. Послѣдовательность Т. Мора въ томъ, что онъ въ Утопіи рисуетъ не одно добро, но и зло. Зло утопійское очень велико. Прогрессъ утопійскій весьма медленъ. Доказательства, что Т. Моръ не былъ въ дѣйствительности сторонникомъ коммунизма 143

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Какимъ образомъ Томасъ Моръ познакомился съ Гиѳлодеемъ, путешественникомъ, открывшимъ Утопію . . 155
Б. Географія Утопіи и ея учрежденія . . . 156
В. Утопійскія арміи 158
Г. Бракъ въ Утопіи 159

Д. О религіи въ Утопіи, праздникахъ и храмахъ 160
Е. Сравненіе утопійскаго и европейскаго экономическаго порядка 161
Ж. Мнѣніе Томаса Мора относительно разсказа Гиелодея . 162
З. Государство Цицерона (de republica) 163
И. Божье государство (civitas Dei) Бл. Августина . . . 166
І. Ессеи и серапевты 167
К. Коммунизмъ въ Персіи: Маздакъ. 171
Л. Библіографическія свѣдѣнія касательно Утопіи и другихъ сочиненій Т. Мора 174

ГЛАВА III.

ПЕРЕХОДЪ ОТЪ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ КЪ НОВОМУ ВРЕМЕНИ.

Сравнительные успѣхи политической и общественной жизни въ Англіи и на материкѣ Европы въ XVI, XVII, и XVIII вѣкахъ. Наклонность философовъ того времени къ радикальнымъ реформамъ 177

Кампанелла и его городъ Солнца: устройство города Солнца и управленіе его, обученіе юношества, коммунизмъ въ имуществѣ и бракѣ, астрологическія гаданія и пр. Заимствованія у Платона и Т. Мора 182

Гарриигтонъ: Океана, ея исторія и конституція, основанная на новыхъ принципахъ. Кромвель и Гарриигтоецъ. — Аббатъ Сенъ-Пьеръ: его проектъ вѣчнаго мира и трактатъ о полисинодіи 192

Морелли: его Базиліада и Кодексъ природы. Свободное влеченіе природы. — Мабли: его сомнѣнія въ естественности существующаго порядка; новыя побужденія для дѣятельности человѣка. — Бриссо: его воззрѣнія на собственность естественную и гражданскую. Цѣль его «философическихъ изслѣдованій о собственности и воровствѣ» 205

Ленге: его взглядъ на судьбу современныхъ рабочихъ. — Неккеръ: его анализъ условій, опредѣляющихъ рабочую плату. — Феге. его планъ организаціи земледѣльческой общины 222

Бабефъ: его планъ пересозданія общества и государства. Особенности этого плана, объясняемыя обстоятельствами, при которыхъ онъ составленъ. 223

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Коммунизмъ религіозныхъ сектъ въ Германіи во время реформаціи и въ другихъ странахъ Европы въ вѣка предъидущіе. (Альбигойцы, вальденсы, фратичелли, беггарды, апостолики, тюрлюпены, Іоаннъ Бегеймъ, Шторхъ и Т. Мюнцеръ, анабаптисты въ Швейцаріи, Моравіи и Мюнстерѣ, моравскіе братья, гернгутеры, езуитскія миссіи въ Парагваѣ) 242

Б Библіографическій указатель сочиненій, излагающихъ но-

выя идеи касательно общественнаго устройства, отъ конца среднихъ вѣковъ до конца XVIII вѣка. (Сочиненія Себ. Франка, Доми, Дж. Бруно, Савонаролы, Николая изъ Мюнстера, Кардана, Телезіо, Ванини, Кампанеллы, Андреэ, Фр. Бакона, Галля, Гаррингтона, Верасса, Г Фулльи, Антона Ле-Гран, Беллерса, Фенелона, аб. Сенъ-Пьера, Берингтона, Гольберга, Морелли, Фонтенеля, Ж. Ж. Руссо, Мабли, Бриссо, Ленге, Рейналя, Феге, Неккера, Дидеро, Гельвеція, Ла Пломбани, Ст. Лещинскаго, Себ. Мерсье, Ретифъ де ла Бретонна, Мерсье Ла Ривьера, Огильви, Годвина, Фихте и др.) 255

ГЛАВА IV.

СЕНЪ-СИМОНЪ.

Прогрессъ XVIII вѣка, совершавшійся болѣе въ области мысли, нежели въ жизни. Революція и попытки соціальной реформы, какъ слѣдствіе отсталости движенія жизни отъ движенія мысли. — С.-Симонъ, его происхожденіе и годы юности; первые проекты С.-Симона. Отношенія его къ революціи 275

Реформаторская дѣятельность С.-Симона: проектъ подвинуть впередъ науку; средства для исполненія его. Основаніе новой религіи. Введеніе въ научные труды XIX вѣка. Отношенія С.-Симона къ Наполеону, къ Бурбонамъ и къ промышленному классу. Попытка самоубійства. Новая реформа христіанства 285

Сочиненія С.-Симона: «Письма женевскаго обитателя». Основаніе новой религіи, ньютонизма. Раздѣленіе человѣчества на 4 отдѣленія. Ньютоновъ совѣтъ; роль ученыхъ и художниковъ 308

«Парабола»; истина и ложь, содержащіяся въ ней. «Взгляды на собственность и законодательство»; реформа представительства во Франціи. «Катихизисъ промышленниковъ»; передача власти крупнымъ промышленникамъ. «Новое христіанство»; недостатки католицизма и лютеранства; духъ и цѣль новаго христіанства . . 319

Общій взглядъ на дѣятельность С.-Симона. Противоположность его стремленій въ разные періоды жизни и причины ея 336

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Реорганизація европейскаго общества 345
Б. Исповѣданіе вѣры основателей положительной политики . 347
В. Новое христіанство 348
Г. Содержаніе и духъ всѣхъ трехъ частей книги о новомъ христіанствѣ, изложенныя самимъ авторомъ . . 349
Д. Взглядъ Л. Штейна на С.-Симона 352
Е. Характеристика С.-Симона, начерченная въ нашей литературѣ 355
Ж. Сочиненія С.-Симона, ихъ изданія и матеріалы для его біографіи 361

ГЛАВА V.

СЕНЪ-СИМОНИСТЫ.

Связь между С.-Симономъ и его учениками. Изданіе «Производителя». Образованіе школы. Корреспонденція, какъ средство пропаганды. Чтенія въ улицѣ Тараннъ. 365

«Ученіе» с.-симонистовъ. Критическая часть: анархія въ области наукъ и промышленности. Новая наука. Прогрессъ въ исторіи въ отношеніи политическомъ, экономическомъ и религіозномъ. Взглядъ школы на образованіе. Часть законоположительная: ученіе о Богѣ, оправданіе матеріи; будущая организація общества: іерархія нравственности, науки и промышленности; живой законъ 372

Превращеніе школы с.-симонистовъ въ религіозное братство: Базаръ и Анфантенъ. Революція 1830 года. Письмо къ президенту палаты. Усиленная пропаганда посредствомъ проповѣди и журналистики. Семейство въ улицѣ Монсиньи. Расколъ 397

Жизнь семейства послѣ удаленія Базара. Балы зимою 1831—32 года. Новая идея о couple-prêtre. Ассоціаціи рабочихъ. Финансы с.-симонистовъ. Нокый расколъ и банкротство. Семейство въ Менильмонтанѣ. Процессъ и распаденіе семейства 407

Разборъ главныхъ положеній ученія с.-симонистовъ: организація трудовъ ученыхъ и промышленныхъ, новая наука, вознагражденіе сообразно способностямъ и дѣламъ, оправданіе матеріи. 421

Нравственная сторона практической дѣятельности с.-симонистовъ. Насколько въ ней было искренности? Рѣшеніе жизни касательно состоятельности системы с.-симонистовъ. 436

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Бракъ въ семействѣ с.-симонистовъ 446
Б Погребеніе въ семействѣ с.-симонистовъ 447
В. Письмо О. Конта къ редактору «Глоба» по случаю того, что въ «Глобѣ» 3-го января 1832 года сказано было, будто О. Контъ отдѣлился отъ общества с.-симонистовъ 448
Г. Воззваніе Родрига къ ученикамъ и къ публикѣ по случаю новаго займа общины с.-симонистовъ . . . 449
Д. Воззваніе къ женщинамъ 451
Е. Книга бытія с.-симонистовъ 451
Ж. Мнѣніе Дж Ст Милля о сенъ-симонизмѣ 454
З. Мнѣнія о сенъ-симонизмѣ и сенъ-симонистахъ, высказанныя въ нашей литературѣ 356
И. Библіографическій указатель сочиненій и изданій с.-симонистовъ и матеріаловъ для исторіи сенъ-симонизма 463

ГЛАВА VI.

РОБЕРТЪ ОУЭНЪ.

Предшественники Роберта Оуэна въ Англіи: Беллерсъ, Годвинъ, Спенсъ и др. Воспитаніе Оуэна. промышленная область; недостатокъ научнаго образованія; вліяніе Руссо, Рейда и Беллерса 467

Дѣятельность Оуэна въ Нью-Ланаркѣ: нью-ланаркская фабрика до Оуэна; бѣдность и пороки рабочихъ, средства Оуэна противъ того и другаго, воспитаніе и обученіе дѣтей, экономическіе результаты 474

Литературная и общественная дѣятельность Оуэна въ Европѣ отъ 1812 до 1824 г.: «Опыты объ образованіи характера»; земледѣльческія и мануфактурныя деревни; записки Оуэна, представленныя членамъ Ахенскаго конгресса; коммунизмъ; попытка Оуэна получить мѣсто въ парламентѣ, неудачи его въ Англіи 488

Дѣятельность Оуэна въ Америкѣ и Англіи до 1842 года. Оуэнъ и сѣверо-американскій Конгрессъ, дальнѣйшее развитіе идей Оуэна: кооперативная община; Нью-Гармони и подражанія ему въ Америкѣ; полный неуспѣхъ ихъ. Орбистонъ; поѣздка Оуэна въ Мексику, послѣдніе опыты Оуэна 507

Окончательное развитіе идей Оуэна: «основныя положенія кооперативной системы»; различіе въ идеяхъ и стремленіяхъ Оуэна до 1824 г. и послѣ 1824 года. Послѣдніе годы Оуэна, измѣненіе религіознаго чувства. 533

Заслуги и ошибки Оуэна. The new existence of man и значеніе этого сборника 557

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Изъ манифеста Р. Оуэна. 567
Б. Соціальная наука 576
В. О началѣ зла 581
Г. Новый нравственный міръ 572
Д. Мнѣнія о дѣятельности Р. Оуэна, изложенныя въ сочиненіяхъ Ад. Бланки, Л. Рейбо, Тониссена, Рошера и Бунге . . . 589
Е. Отношеніе нашей журналистики къ Оуэну . . . 595
Ж. Сочиненія Оуэна и другіе источники для изученія его ученій и практическихъ опытовъ 603

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Предлагаемая публикѣ „Исторія соціальныхъ системъ“ содержитъ въ себѣ изложеніе и оцѣнку наиболѣе извѣстныхъ литературныхъ проектовъ къ улучшенію экономическаго быта народовъ,—появлявшихся въ извѣстные періоды и отличающихся нѣкоторыми, весьма существенными, общими чертами, именно тѣми, которыя составляютъ принадлежность цѣлой экономической школы, извѣстной подъ именемъ соціализма. Соціализмъ слово новое и намъ кажется, что ему дано не совсѣмъ правильное значеніе. Соціальный значитъ собственно общественный; и по этимологіи соціализмъ есть ничто иное, какъ занятіе общественными вопросами, служеніе общественному дѣлу. И въ этомъ смыслѣ всякая книга, занимающаяся вопросами политики, права, политической экономіи, есть соціальная. Но по употребленію соціализмъ есть направленіе, стремящееся къ коренной реформѣ общественныхъ и преимущественно экономическихъ отношеній, безъ всякаго вниманія къ тому порядку, который сложился вѣками *. Отъ этого происходитъ

* Этого опредѣленія мы не считаемъ достаточнымъ: мы его принимаемъ, какъ временное, предпочитая его всѣмъ другимъ существующимъ опредѣленіямъ соціализма. Въ концѣ книги, разсмотрѣвъ соціальныя системы различныхъ оттѣнковъ, мы постараемся сдѣлать болѣе точное опредѣленіе, на основаніи разсмотрѣнныхъ фактовъ.

слѣдующая непослѣдовательность: противники соціалистовъ, называя ихъ этимъ именемъ, и называя ихъ мысли и стремленія соціальными, въ то же время называютъ ихъ и антисоціальными. Такимъ образомъ является видимое противорѣчіе.— Для избѣжанія его стараются проекты и стремленія соціалистовъ называть не соціальными, а соціалистическими; но это слово еще не вытѣснило изъ употребленія слово „соціальный“, и едва ли вытѣснитъ, потому что сами соціалисты и даже многіе не-соціалисты продолжаютъ держаться прежняго названія. — Въ соціализмѣ заключается коммунизмъ, какъ частное понятіе въ общемъ; всѣ коммунисты соціалисты; потому что они стремятся къ самой коренной реформѣ экономическаго быта, къ уничтоженію частной собственности; но не всѣ соціалисты коммунисты, потому что нѣкоторые соціалисты признаютъ возможнымъ сдѣлать свою реформу безъ уничтоженія собственности.

Двусмысленность слова „соціальный“ между прочимъ послужила причиною слѣдующаго факта въ литературѣ политической экономіи. Нѣкоторые писатели даютъ своимъ трудамъ названіе „трактатовъ или принциповъ не политической экономіи, а экономіи соціальной“, напр. Сисмонди, Дюнуайе. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ даже нѣчто общее съ ученіемъ соціалистовъ, какъ Сисмонди, который раньше и даже основательнѣе, чѣмъ соціалисты, разсмотрѣлъ невыгодныя стороны современнаго производства богатствъ. Другіе писатели, занимавшіеся разработкою политической экономіи вообще или по частямъ, также находили и указывали недостатки въ экономическомъ устройствѣ Европы, напр. Милль,

Бланки, Дрозъ и пр. Всѣ такіе писатели не войдутъ въ рамки этого сочиненія; потому что оно имѣетъ въ виду исключительно такихъ авторовъ, которые представили новыя или только подновленныя теоріи экономической и вообще соціальной организаціи общества. Эти теоріи, какъ и всякія другія теоріи изъ области науки, имѣя свое общее право на вниманіе науки, имѣютъ для насъ нѣкоторое особенное значеніе, какъ предостереженіе отъ того, что допустила у себя западная Европа, т. е. отъ развитія пролетаріата.—Кромѣ того нельзя не обратить вниманія и на тотъ странный фактъ, что соціальныя теоріи нашли доступъ въ систему воззрѣній болѣе или менѣе значительной части нашего общества.

Нашъ экономическій бытъ весьма существеннымъ образомъ отличается отъ экономическаго быта западной Европы, по крайней мѣрѣ относительно главной массы рабочаго класса. Мы страдаемъ совсѣмъ не тѣми экономическими недостатками, которыми страдаютъ корифеи западно-европейскаго экономическаго развитія. Поэтому можно бы ожидать, что экономическія теоріи, направленныя къ исправленію несуществующихъ у насъ недостатковъ, если и найдутъ у насъ безкорыстныхъ партизановъ, то исключительно съ точки зрѣнія теоретической, безъ всякаго практическаго значенія. Между тѣмъ оказалось противное; теоріи западныхъ реформаторовъ, будучи усвоены нами, обнаружили непонятное съ перваго раза стремленіе перейти въ дѣло, для чего они, разумѣется, не нашли ни матеріала, ни почвы.—Впрочемъ, это явленіе становится понятнымъ, если его разсматривать въ ряду другихъ явле-

ній нашей общественной жизни. Перенимать съ запада то, что намъ не нужно, что не соотвѣтствуетъ существеннымъ особенностямъ нашего быта, особенностямъ нашего міровоззрѣнія, и что въ сущности своей не имѣетъ никакихъ достоинствъ, намъ не въ первый разъ; и даже въ то время, когда новѣйшія экономическія теоріи распространялись въ одной части общества, одновременно съ этимъ, другія теоріи не менѣе ложныя или односторонніе распространялись въ другой; въ то время, какъ одни благоговѣли передъ каждою строчкою, исшедшею изъ-подъ пера Оуэна, Фурье или Л. Блана, другіе благоговѣли передъ другими именами и другими теоріями. Существенная причина такого отношенія къ чужой мысли, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, заключается въ непривычкѣ повѣрять своею собственною мѣркою всякія новыя теоріи, вообще въ недостаточномъ знаніи собственнаго своего быта и въ давно присущей намъ мысли о безспорномъ превосходствѣ всего, что есть и появляется на западѣ, передъ тѣмъ, что есть у насъ самихъ. Въ этомъ случаѣ намъ приходятъ на память недовольно оцѣненныя слова замѣчательнѣйшаго изъ нашихъ мыслителей, покойнаго А. С. Хомякова. Насъ губитъ, говорилъ онъ, наше суевѣріе, именно суевѣріе передъ иностранною наукою.—Наши почитатели запада всегда относились и относятся къ этой мысли съ рѣзкимъ осужденіемъ. Между тѣмъ мысль Хомякова заключаетъ въ себѣ неоспоримую и весьма важную истину, и въ самой себѣ, для всѣхъ вообще, и въ особенности для насъ. Не противъ уваженія къ научной истинѣ она направлена; она не требуетъ отрицанія того, что зем-

ля движется около солнца, что квадратъ гипотенузы равняется суммѣ квадратовъ катетовъ, но подъ именемъ научной истины у насъ часто выдаются совершенно несостоятельныя, ложныя теоріи, которыя стараются только принять наружность научной истины.

Къ нимъ въ области экономической относятся всѣ эти радикальные проекты соціальной реформы. Но кромѣ ихъ можно указать нѣкоторые другіе, которые, не принадлежа къ области утопіи, въ практическомъ отношеніи повредили бы намъ не только неменьше, а гораздо больше, чѣмъ самыя опасныя теоріи утопистовъ, потому что теоріи утопистовъ неисполнимы; осуществленіе ихъ по необходимости должно остановиться на первомъ шагу; а теоріи, о которыхъ мы говоримъ теперь, исполнимы, и несчастные результаты ихъ оказываются только впродолженіе десятковъ и даже сотенъ лѣтъ. Такова теорія согласія интересовъ, вслѣдствіе которой, будто бы, при всякихъ данныхъ обстоятельствахъ, экономическіе интересы народовъ сами собою приходятъ въ согласіе — и наилучшимъ образомъ удовлетворяются, и потомъ, какъ частные выводы изъ этой теоріи, — ненадобность обезпеченія сельскаго населенія посредствомъ поземельнаго надѣла, уничтоженіе нашего мірскаго землевладѣнія, ненадобность покровительства нашей мануфактурной промышленности и т. п. Осуществленіе этихъ теорій привело бы насъ дѣйствительно къ пролетаріату со всѣми его послѣдствіями. Теперь мы избавлены отъ этого великаго зла; исторія, которая во многихъ отношеніяхъ была къ намъ немилостива, дала намъ такое экономическое устройство,

о которомъ не смѣетъ даже мечтать западная Европа. И серьезные ученые западной Европы *, еще въ то время, когда у насъ господствовало крѣпостное право, сравнивая положеніе рабочаго населенія у насъ и на западѣ, не могли не видѣть существенныхъ преимуществъ въ бытѣ нашихъ рабочихъ.

Освобожденіе крестьянъ, съ надѣломъ ихъ землею и съ удержаніемъ мірскаго землевладѣнія, безъ сомнѣнія гарантируетъ насъ отъ пролетаріата и на будущее время и даетъ намъ возможность мирнаго и естественнаго развитія и безостановочнаго прогресса въ области политической и экономической жизни.—Такимъ образомъ объясненія для появленія у насъ утопическихъ проектовъ и стремленій нужно искать не въ экономическомъ строѣ нашей жизни, а въ нравственномъ состояніи и отчасти въ обстоятельствахъ той среды, въ которой онѣ распространились. Никакое дѣйствіе безъ сомнѣнія безъ причины не бываетъ; и если для какого-нибудь дѣйствія не находится причины въ немъ самомъ, въ той области, куда оно направлено, то его нужно искать въ особенностяхъ дѣйствующаго лица и цѣлой среды, въ которой оно происходитъ.— Мы не станемъ указывать обстоятельства и особенности нравственнаго состоянія той среды, въ которой нашли себѣ сочувствіе соціальныя идеи, но обратимъ вниманіе на нѣкоторыя особенности самыхъ идей, отчасти благопріятствовавшія появленію и распространенію ихъ у насъ. Онѣ сами въ себѣ, въ своей сущности или только во внѣшности

---

* Напр. Moreau Christophe, Haxthausen, Le Play и др.

имѣютъ нѣкоторыя черты, располагающія многихъ въ ихъ пользу. Во-первыхъ, онѣ представлялись, какъ послѣднее слово науки, которой положенія безъ сомнѣнія обязательны для насъ, какъ и для всѣхъ другихъ, съ тою только разницею, что мы, какъ замѣтилъ Хомяковъ, не стараемся разобрать, какія положенія науки имѣютъ дѣйствительно этотъ характеръ, и какія только кажутся такими. Во-вторыхъ, онѣ безъ исключенія всѣ отличаются гуманнымъ характеромъ; онѣ стремятся устроить судьбу бѣднѣйшихъ классовъ въ западной Европѣ; а у насъ въ послѣдніе годы стремленіе къ гуманности вообще замѣтнымъ образомъ преобладаетъ во всемъ обществѣ и въ литературѣ, причемъ не разбирается принесетъ ли дѣйствительную пользу гуманная теорія, или она только повредитъ тѣмъ, въ пользу кого она направлена. Въ-третьихъ, новыя теоріи одну изъ существенныхъ своихъ чертъ имѣютъ въ либерализмѣ; авторы ихъ и въ своихъ сочиненіяхъ и въ практической жизни были большею частію представителями наиболѣе либеральныхъ партій; а либерализмъ въ послѣднее время также пользуется у насъ особеннымъ кредитомъ; причемъ, разумѣется, не разбирается, гдѣ и до какой степени онъ разуменъ и правъ; этотъ самый вопросъ служитъ уже признакомъ отсталости и даже злонамѣренности въ этомъ отношеніи.

Наконецъ, новыя теоріи были плодомъ запрещеннымъ; и проходили онѣ въ общество въ нѣкоторомъ смыслѣ путемъ кантрабанды, обходившей умственныя таможни, всегда непріятныя людямъ, желающимъ знанія истины. И это обстоятельство было, повидимому, главною причиною, дававшею

особый авторитетъ новымъ теоріямъ. Серьезное обсужденіе ихъ было невозможно, и даже изложеніе въ подлинномъ видѣ и подъ собственнымъ ихъ именемъ было очень трудно; потому онѣ излагались иногда только въ незначительныхъ отрывкахъ, въ отдѣльныхъ фразахъ, или подъ чужимъ именемъ. Черезъ это доступъ ихъ въ общество могъ имѣть мѣсто, а правильное обсужденіе не могло.

Такимъ образомъ различные проекты соціальной реформы не подвергались обстоятельному обсужденію въ нашей литературѣ. Большинство ихъ, и именно такіе, которые пользовались у насъ наибольшимъ кредитомъ, даже совсѣмъ почти неизвѣстны русской читающей публикѣ. Другіе извѣстны посредствомъ сочиненій, которыя относились къ нимъ съ безусловнымъ уваженіемъ или, вообще, смотрѣли на нихъ односторонне. И въ такомъ случаѣ они изложены не только безъ критики, но и безъ достаточной полноты. Все это не могло благопріятствовать истинѣ, которая не боится свѣта и всесторонняго обсужденія, а, напротивъ, требуетъ ихъ, чтобы явиться во всей своей силѣ.

Въ настоящемъ обозрѣніи соціальныхъ системъ прежде всего обращено вниманіе на изложеніе самыхъ системъ въ наиболѣе существенныхъ чертахъ ихъ и въ возможной полнотѣ; причемъ авторъ старался основныя ученія и развитіе ихъ приводить даже въ собственныхъ словахъ разсматриваемыхъ писателей. Подвергая ихъ критикѣ, авторъ обращалъ главное вниманіе какъ на основныя положенія, такъ и на самыя существенныя построенія въ различныхъ системахъ, оставляя большею частію въ сторонѣ подробности; потому что подробности со-

ставляютъ ничто иное, какъ внѣшній видъ, иногда только украшеніе всего зданія; а внѣшній видъ и украшенія могутъ принимать самыя разнообразныя формы, въ то время, какъ сущность дѣла остается та же самая. И соціалисты, по справедливости, жаловались на своихъ противниковъ, что они нерѣдко придирались къ подробностямъ, оставляя въ сторонѣ сущность системы. Когда намъ встрѣчались двѣ или нѣсколько системъ, сходныхъ въ существенныхъ чертахъ, то мы больше вниманія обращали на такія, которыя ближе къ намъ по времени, или которыя имѣли и имѣютъ большій кредитъ, бо́льшую извѣстность.—Главное вниманіе обращено собственно на теорію; но если за теоріею слѣдовали практическіе опыты осуществленія ея, то и они не оставлены безъ вниманія, а разсмотрѣны съ возможною полнотою. Не обойдены безъ вниманія даже и тѣ опыты, которыхъ теоріи намъ неизвѣстны и могутъ быть открыты только въ подробностяхъ самыхъ опытовъ, что относится преимущественно къ опытамъ соціальной реформы на религіозныхъ основаніяхъ.

Всѣ главы, входящія въ первый томъ, были предварительно напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; но для этого изданія онѣ всѣ значительно передѣланы и дополнены, потому что авторъ имѣлъ въ виду представить по возможности обстоятельное изложеніе соціальныхъ теорій, которое могло бы удовлетворить людей, желающихъ имѣть о научныхъ предметахъ болѣе свѣдѣній, нежели сколько ихъ могутъ дать неспеціальные журналы.

ВВЕДЕНІЕ.

Послѣдовательныя измѣненія въ экономическомъ быту человѣка. Общія свойства каждой ступени экономическаго развитія и неудобства, сопровождающія ихъ. Естественность появленія соціальныхъ утопій; отношеніе, которое должна имѣть къ нимъ наука. Условія, вызывающія ихъ появленіе.

Экономическое устройство человѣческихъ обществъ, подобно устройству всѣхъ другихъ сторонъ человѣческой жизни, не указано человѣку свыше и не изобрѣтено имъ вдругъ, a priori; для этого нуженъ былъ бы высшій, всеобъемлющій умъ, котораго человѣкъ не имѣетъ. Потому человѣкъ долженъ былъ устроивать свой экономическій бытъ мало по малу, по отдѣльнымъ указаніямъ опыта. Но такія указанія не могли быть полны и достаточно опредѣленны, и притомъ постоянно измѣнялись, потому что измѣнялся самъ человѣкъ, его потребности и обстоятельства, среди которыхъ онъ находился.

Первобытный человѣкъ, обитатель теплыхъ странъ, имѣлъ мало потребностей, и удовлетворялъ ихъ легко. Природа доставляла ему въ изобиліи свои даровыя произведенія, плоды, корни или животныхъ. Человѣку слѣдовало только сорвать плодъ, вырвать изъ земли корень, поймать или убить животное, и онъ былъ доволенъ: ему больше ничего не было нужно. Вѣтви дерева, пещера или простой шалашъ и звѣриная шкура защищали его отъ дѣйствія стихій. Таковъ былъ первоначальный экономическій бытъ человѣка. Но какъ онъ ни простъ и ни бѣденъ, въ немъ можно уже замѣтить нѣкоторыя существенныя черты, безъ которыхъ онъ былъ бы еще бѣднѣе и жалче, безъ которыхъ человѣкъ не могъ бы совсѣмъ существовать. Во-первыхъ, человѣкъ долженъ былъ т р у д и т ь с я, отыскивать дикіе плоды и корни, преслѣдовать дикихъ животныхъ, строить шалашъ и пр. Во-вторыхъ, въ это время

у него появилась уже собственность; шалашъ принадлежалъ тому, кто его устроилъ, звѣриная шкура тому, кто убилъ звѣря, орудія для убиванія или ловли звѣрей тому, кто ихъ сдѣлалъ.—Нѣкоторое время этотъ бытъ удовлетворялъ человѣка; но скоро въ немъ оказались неудобства весьма важныя. Природа не всегда въ изобиліи давала человѣку плоды и корни; въ годы неурожая онъ подвергался лишеніямъ и страданіямъ. Наконецъ для увеличившагося населенія стало мало даровыхъ произведеній земли, дикихъ плодовъ, корней, даже и тогда, когда неурожая не было; благопріятное для человѣка отношеніе между потребленіемъ и даровымъ производствомъ природы измѣнилось естественнымъ образомъ вслѣдствіе размноженія людей; къ этому присоединилось другое зло. Дикія животныя оставляли тѣ мѣста, гдѣ не находили безопасности, и человѣкъ долженъ былъ преслѣдовать ихъ въ мѣстахъ отдаленныхъ, иногда съ величайшимъ изнеможеніемъ силъ и притомъ не всегда съ успѣхомъ.

Между тѣмъ человѣкъ по опыту узналъ, что нѣкоторыя дикія животныя, будучи пойманы, привыкаютъ къ человѣку и даже могутъ размножаться въ неволѣ. Это привело его къ новому экономическому порядку. Онъ сталъ воспитывать молодыхъ животныхъ, заботился объ ихъ сохраненіи, сталъ пастухомъ-блюстителемъ своего стада; его бытъ улучшился; ему не нужно было пробѣгать огромныя пространства для добыванія пищи; она у него была подъ рукою; и притомъ разнообразіе пищи увеличилось; кромѣ прежней пищи у него явилось молоко, способное принимать разные виды и вкусы. Онъ воспользовался шерстью животныхъ; его одежда и жилище сдѣлались удобнѣе; другія животныя дали ему возможность перевозить безъ труда свое имущество или самому переноситься съ мѣста на мѣсто безъ утомленія. Собственность его увеличилась; ему стали принадлежать не только звѣриныя шкуры, шалашъ и орудія охоты, а еще цѣлыя стада животныхъ, въ которыхъ заключалось обезпеченіе всей его жизни, его стола, дома, одежды и перевозочныхъ средствъ.— Но и этотъ бытъ раньше или позже оказался неудобнымъ.

Необходимость кормить стада заставляла человѣка часто кочевать съ мѣста на мѣсто; онъ былъ странникомъ на землѣ; онъ не имѣлъ постояннаго своего угла; его домъ могъ существовать только въ видѣ палатки, потому, что его нужно было переносить съ мѣста на мѣсто; по той же причинѣ человѣкъ не могъ накоплять въ изобиліи полезныхъ для себя вещей, потому что и ихъ слѣдовало перевозить изъ мѣста въ мѣсто; и самая пища его, будучи разнообразнѣе, чѣмъ прежде, состояла почти исключительно изъ произведеній царства животнаго; наконецъ, его постигали бѣдствія; повальная болѣзнь скота иногда уничтожала все его богатство. — Кромѣ того и безъ этой причины скотоводство въ концѣ концовъ переставало удовлетворять человѣка. Размножившееся населеніе все болѣе и болѣе сокращало пастбища для скота, такъ что большія стада содержать стало невозможно. И человѣку пришлось опять перемѣнить экономическій бытъ. Не находя достаточто продовольствія въ стадѣ, онъ обратился непосредственно къ землѣ, сталъ разводить полезныя растенія и истреблять вредныя. Это опять подняло его благосостояніе; его питаніе сдѣлалось разнообразнѣе и здоровѣе; его домъ былъ удобнѣе, у него явился постоянный домашній очагъ, явились новые матеріалы для одежды; а скотоводство по прежнему доставляло ему мясную пищу и перевозочныя средства, хотя не въ такомъ изобиліи, какъ прежде. Его собственность увеличилась; теперь ему принадлежитъ уже не одно движимое имущество: ему принадлежитъ и земля, на которой построенъ его домъ, на которой посѣянъ его хлѣбъ или разведены фруктовыя деревья. Новый способъ жизни потребовалъ отъ него большихъ жертвъ; и прежде совсѣмъ безъ труда ему ничто не давалось, но трудъ дикаря и пастуха не столь утомителенъ, какъ новый трудъ, котораго потребовало земледѣліе. А первобытный человѣкъ не былъ привыченъ къ упорному труду; тогда съ одной стороны является законодательство, которое обязываетъ его трудиться. Древнее законодательство даже въ дѣлахъ, касающихся исключительно экономическихъ отношеній человѣка, являлось въ видѣ религіознаго предписанія, и такое предписаніе каса-

тельно труда мы находимъ въ одномъ изъ древнѣйшихъ законодательствъ востока. Зороастръ училъ своихъ послѣдователей, что трудъ въ полѣ и въ саду, разведеніе полезныхъ хлѣбныхъ растеній и фруктовыхъ деревьевъ есть служеніе угодное Ормузду, что чрезъ это распространяется доброе царство его на землѣ, и сокращается царство Аримана.—Съ другой стороны тяжелый трудъ, требуемый земледѣліемъ, повелъ ко злу, къ порабощенію однихъ другими. И прежде, еще въ періодъ пастушеской жизни появились рабы, которые вмѣсто своихъ господъ должны были беречь ихъ стада и служить имъ самимъ. Но въ то время рабовъ было мало; потому что имъ было мало дѣла. Земледѣліе потребовало бо́льшаго числа рабочихъ рукъ, и потому человѣкъ сталъ запасаться ими въ большемъ числѣ. Средствомъ для этого были войны. Войны существовали при самомъ началѣ человѣческихъ обществъ. Дикари и теперь воюютъ и прежде воевали другъ съ другомъ; но побѣжденнаго врага они убивали и съѣдали,—единственная польза, которую они могли извлечь изъ него. Оставить его въ живыхъ они не могли, потому что, будучи отпущенъ на свободу, онъ опять сталъ бы имъ вредить, а будучи взятъ въ неволю, онъ, не будучи имъ полезенъ, только былъ бы лишнимъ потребителемъ даровъ природы, и безъ того не обильныхъ.

Народы осѣдлые, побѣждая непріятеля, не убивали, а порабощали его, или уводили его въ свою страну, гдѣ онъ дѣлался рабомъ, привязаннымъ къ личности побѣдителя и его семейства, обрабатывалъ его землю и исполнялъ всякія другія работы; такъ произошло рабство во всѣхъ почти странахъ древняго міра, въ Финикіи, Греціи и Римѣ,—или побѣдители сами оставались въ покоренной странѣ, овладѣвали почти всѣми ея богатствами, а побѣжденнымъ оставляли жизнь, чтобы работать на нихъ; такъ было въ Индіи, Египтѣ, отчасти въ Спартѣ и въ средне-вѣковыхъ государствахъ Западной Европы. Такимъ образомъ прогрессъ экономическій повелъ за собою великое, также экономическое, зло. Но это зло было не единственнымъ, а было и другое, вызванное отчасти человѣче-

скою непредусмотрительностью и нелюбовью къ труду, отчасти самыми свойствами новаго быта, отчасти даже какими-нибудь посторонними обстоятельствами. Природа не всегда вознаграждаетъ человѣка за его труды земледѣльческіе; иногда вслѣдствіе причинъ, совсѣмъ независящихъ отъ него, хлѣбъ не родится. Если раньше этого человѣкъ не сдѣлалъ запасовъ, если онъ, не предвидя будущаго, не хотѣлъ трудиться больше, нежели требовали нужды одного года, то въ такомъ случаѣ онъ терпѣлъ жестокія лишенія и страданія; тотъ же результатъ имѣли и нѣкоторыя постороннія обстоятельства, напр. войны, во время которыхъ непріятели опустошали поля, и которыя отрывали человѣка отъ воздѣлыванія ихъ. Все это приводило человѣка къ тому, что онъ снова подвергался жестокимъ лишеніямъ, которыя заставляли его покупать дорогою цѣною средства для жизни. Онъ уступалъ свою собственность въ пользу того, кто давалъ ему пропитаніе, отказывался даже отъ своей свободы, давалъ на себя кабалу. Послѣ этого, въ обоихъ случаяхъ, при потерѣ собственности и свободы, экономическій бытъ человѣка ухудшался; онъ совсѣмъ не имѣлъ средствъ къ жизни, которыя теперь исключительно зависѣли отъ его трудовъ въ пользу другихъ; и если другіе не нуждались въ его трудѣ, то онъ оставался совсѣмъ безъ средствъ къ жизни, онъ терпѣлъ голодъ, ту malesuadam famem, которая вела его къ преступленію, если онъ былъ одинъ или если голодныхъ было мало, и къ революціи, если ихъ было много. Отъ этой причины происходила большая часть смутъ, терзавшихъ древнія государства Греціи и Римъ; именно такой характеръ имѣли смуты, предшествовавшія реформамъ Ликурга и Солона, смуты, продолжавшіяся около 150 лѣтъ въ Римѣ послѣ изгнанія царей, и появившіяся тамъ снова за 100 лѣтъ до начала имперіи. Въ такихъ случаяхъ иногда законодательство являлось на помощь страдавшимъ; побуждаемое отчасти человѣколюбіемъ, отчасти стремленіемъ водворить спокойствіе въ государствѣ, и отвратить отъ него грозящія ему бѣды, оно такъ или иначе помогало бѣднымъ, и улучшало ихъ бытъ. Такъ поступили Ликургъ и Солонъ, такъ по-

ступало римское государство вскорѣ послѣ основанія республики и въ концѣ ея, равно какъ и при императорахъ, съ тою только разницею, что въ первое время оно помогло бѣднымъ посредствомъ надѣла ихъ землею изъ общественнаго поля, а въ послѣднее время республики и при императорахъ посредствомъ даровой раздачи хлѣба.

Такимъ образомъ даже въ тѣхъ странахъ древняго міра, которыя были наилучшимъ образомъ организованы, которыя достигли высшей степени тогдашней цивилизаціи, экономическій бытъ, основанный главнымъ образомъ на земледѣліи, на сельскомъ хозяйствѣ вообще, оказался неудовлетворителенъ, принесъ съ собою бѣдствія, отъ которыхъ страдала значительная часть народа, а потомъ и весь народъ, и которыя были главною причиною паденія древняго міра.

Новыя государства Западной Европы устроились совершенно на другихъ началахъ; первоначально это были военные лагери, разбросанные по частямъ по всей территоріи государства. Такіе военные лагери состояли изъ феодальныхъ владѣльцевъ, со всею ихъ лѣстницею чиноначалія, которые, укрѣпившись въ своихъ замкахъ, господствовали надъ порабощенными народами. Въ политическомъ и культурномъ отношеніи феодальныя государства представляютъ большой шагъ назадъ сравнительно съ Греціею и Римомъ; въ экономическомъ отношеніи феодальный порядокъ доставлялъ благосостояніе только очень незначительной части народа; большая часть его была въ порабощеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нищетѣ, потому что трудъ ея шелъ на пользу другихъ. — Но въ средневѣковыхъ государствахъ были два залога лучшаго будущаго, христіанство и греко-римское образованіе, которое совсѣмъ не погибло, а сохранялось въ видѣ пергаменовъ, мертвыхъ до времени, но заключавшихъ въ себѣ зародышъ жизни.

Христіанство привело къ освобожденію порабощенную часть населенія, дало ей возможность трудиться для себя и избирать тѣ занятія, которыя каждый найдетъ выгодными, а греко-римское образованіе возбудило духъ изслѣдованія, приведшаго къ важнѣйшимъ открытіямъ въ области наукъ, которыя въ свою

очередь развили торговлю и мануфактурное производство, доставившія освобожденнымъ классамъ новыя занятія и вмѣстѣ съ тѣмъ средства къ жизни. Такимъ образомъ экономическій бытъ новыхъ государствъ Европы въ послѣднія три столѣтія сложился изъ совмѣстнаго дѣйствія разныхъ родовъ промышленности, основанныхъ на большей или меньшей свободѣ труда, при взаимномъ участіи въ одной и той же отрасли промышленности людей, принадлежащихъ къ разнымъ классамъ общества: землевладѣльцевъ, капиталистовъ, ученыхъ, техниковъ и простыхъ рабочихъ. Этотъ порядокъ представляетъ безспорно великій шагъ впередъ, сравнительно съ средними вѣками и даже тѣмъ порядкомъ, который господствовалъ въ греческихъ государствахъ и въ Римѣ. Раздѣленіе разныхъ отраслей промышленности и свобода труда были новою причиною, быстро подвинувшею впередъ развитіе промышленности. Для предпринимателей явилась возможность составлять большіе капиталы, рабочій классъ съ помощію труда и бережливости также пріобрѣталъ состоянія, увеличивалъ ихъ, и люди изъ этого класса переходили въ классъ предпринимателей, начинали на свой счетъ мануфактурное производство или эксплуатацію почвы. Общее благосостояніе народа увеличилось, число собственниковъ возросло, и самые виды собственности умножились. Но съ теченіемъ времени и этотъ порядокъ дѣлъ представилъ неудобства и притомъ весьма важныя. Во-первыхъ, изъ трудящагося класса далеко не всѣ обезпечили себя состояніемъ; обыкновенная рабочая плата была такъ невелика, что ея едва доставало на содержаніе рабочаго; а при увеличеніи народонаселенія нѣкоторые совсѣмъ не находили работы; другіе разстроивали свое благосостояніе своими собственными пороками, небрежностью въ трудѣ, невоздержностью и т. п. Во-вторыхъ, раздѣленіе разныхъ отраслей промышленности между отдѣльными предпринимателями и отчасти даже между различными классами общества повело за собою большую солидарность различныхъ отраслей промышленности, такъ что благосостояніе каждой изъ нихъ зависѣло отъ благосостоянія остальныхъ, потому что произведенія всякой отрасли потреблялись

главнымъ образомъ производителями другихъ предметовъ; слѣдовательно, для успѣшнаго сбыта произведеній стало нужно, чтобы другіе производители пользовались благосостояніемъ, могли покупать ихъ. Кромѣ того, большое развитіе промышленности потребовало большаго развитія кредита. Это повело за собою новое усиленіе солидарности между отдѣльными промышленными заведеніями и даже цѣлыми отраслями промышленности. Производители получали въ кредитъ сырыя произведенія и сами отдавали также въ кредитъ свои произведенія, извѣстнымъ образомъ обдѣланныя. Благодаря этому, иногда невѣрный разсчетъ одного предпринимателя велъ за собою растройство дѣлъ всѣхъ, кто непосредственно или посредственно былъ связанъ съ нимъ помощію кредита. А это въ свою очередь приводило въ растройство другія отрасли промышленности. Производство вдругъ останавливалось или должно было сокращаться; рабочіе не имѣли занятій и средствъ къ жизни. Оба эти вновь явившіяся обстоятельства, т. е. раздѣленіе промышленности и кредитъ съ другой стороны имѣютъ благодѣтельное вліяніе на экономическій бытъ современныхъ народовъ, усиливая производство, т. е. умножая богатство людей; и это вліяніе имѣетъ значеніе не для однихъ капиталистовъ предпринимателей, но и для рабочихъ, усиливая спросъ на ихъ работу, и удешевляя нѣкоторые предметы потребленія. Но тѣмъ не менѣе и первое вліяніе существуетъ, и отрицать его нельзя. Подобное же двоякое вліяніе обнаруживается еще въ одномъ факторѣ производства, котораго благодѣтельное вліяніе выше всякихъ споровъ, именно въ машинахъ; увеличивая и удешевляя въ громадныхъ размѣрахъ производство, онѣ тѣмъ не менѣе производятъ временное возмущеніе экономическаго быта рабочихъ, лишаютъ ихъ работы и вмѣстѣ съ тѣмъ куска хлѣба, — зло, ничѣмъ невознаградимое, потому что человѣкъ не можетъ питаться надеждою на будущее; ему нуженъ насущный хлѣбъ; — и рабочій прежде, нежели обнаружится благодѣтельное вліяніе машинъ, успѣлъ бы нѣсколько разъ умереть съ голоду, еслибы это было возможно.

Такимъ образомъ съ самыхъ древнихъ временъ и до сихъ

поръ экономическое благосостояніе страдало и страдаетъ отъ многихъ причинъ, неблагопріятно дѣйствующихъ на него. Эти страданія и причины ихъ были предметомъ изслѣдованія и заботливости не только со стороны законодателей, но и со стороны частныхъ людей. Вслѣдствіе этого появлялись практическія попытки и литературные проекты къ улучшенію экономическаго быта народовъ. Появленіе ихъ совершенно естественно, потому что человѣкъ самъ долженъ усовершенствовать свой экономическій бытъ, самъ долженъ отыскивать лучшія условія для своей экономической жизни. И вся литература политической экономіи имѣетъ въ виду ничто иное, какъ эту цѣль. Но, по общему свойству человѣческой природы, эти попытки и литературные проекты могли быть правильными и неправильными, могли отличаться вѣрностью взгляда на современныя и будущія экономическія отношенія, или невѣрностью, могли быть практичны или непрактичны, наконецъ могли быть согласны съ вѣчными законами истины и правды, или несогласны. — Знаніе тѣхъ и другихъ необходимо въ наукѣ политической экономіи; во-первыхъ потому, что чистая истина, безъ примѣси ошибокъ, никому не дана между людьми. Это относится и къ наукѣ; и въ особенности о наукахъ политическихъ можно сказать, что онѣ еще не представили такихъ произведеній, которыя заключали бы въ себѣ одну чистую истину. Съ другой стороны самыя ошибочныя теоріи иногда содержатъ въ себѣ безукоризненную истину въ какихъ нибудь подробностяхъ, въ основаніяхъ, или наконецъ въ отдѣльныхъ фактахъ. Во-вторыхъ, знаніе и справедливая оцѣнка самыхъ ложныхъ теорій уже по тому одному полезна, что удаляетъ изъ области науки то, что стремится примкнуть къ ней, не имѣя на это права. Одинъ первокласснный ученый сказалъ, что новому міру грозитъ одно очень серьезное зло, котораго не зналъ ни древній міръ, ни средніе вѣка. Это зло заключается во множествѣ пустыхъ книгъ, которыя уже въ XVII вѣкѣ стали наводнять европейскія литературы. Въ наше время число книгъ вообще безъ сомнѣнія увеличилось въ громадныхъ размѣрахъ сравнительно съ XVII

вѣкомъ; и всякая наука должна сдѣлать и дѣлаетъ разборъ между книгами, принадлежащими къ ея области, какъ вообще въ интересѣ истины, такъ и для того, чтобы указать своимъ неофитамъ сочиненія, достойныя ихъ вниманія въ большей или меньшей степени, или совсѣмъ недостойныя вниманія людей, стремящихся къ истинѣ. — Но, чтобы наука могла правильно сдѣлать такой разборъ, для этого необходимо болѣе или менѣе обстоятельное и по возможности полное предварительное изученіе литературы, относящейся къ этой наукѣ, не исключая изъ нея никакихъ книгъ, какъ бы содержаніе ихъ ни было ложно и направленіе превратно. Даже превратное направленіе обязываетъ науку имѣть къ нимъ особенное вниманіе, если онѣ пользуются довѣріемъ и уваженіемъ въ литературѣ или въ обществѣ. — Въ литературѣ политической экономіи книгъ съ превратнымъ направленіемъ едва ли не больше, чѣмъ въ области какой-нибудь другой науки, и въ ихъ ряду особенное значеніе имѣютъ тѣ, которыя содержатъ въ себѣ новыя теоріи общественной жизни, потому что эти теоріи по самой сущности своей не остаются только въ видѣ теорій, а непремѣнно стремятся перейдти въ практику, въ жизнь.

Литературные проекты экономической реформы съ соціалистическимъ характеромъ начались еще въ древности; первые проекты принадлежатъ Платону, а послѣдній проектъ безъ сомнѣнія еще не написанъ. И появленіе соціалистическихъ теорій не есть дѣло случайное: оно слѣдуетъ извѣстнымъ законамъ, производится извѣстными причинами. Обыкновенно эти теоріи являются въ то время, когда экономическій бытъ народа достигаетъ большаго разстройства, когда значительная масса народа теряетъ возможность добывать себѣ средства къ жизни, приходитъ къ нищетѣ, а съ другой стороны появляются колоссальныя богатства частныхъ людей. Въ такія времена обыкновенно усиливаются политическія смуты и борьба партій принимаетъ ожесточенный характеръ, самое существованіе государства подвергается опасности; и проекты реформы являются съ одной стороны, какъ средство для облегченія участи бѣд-

ныхъ, съ другой—какъ средство для поддержанія разрушающагося государства. Таковы именно проекты Платона.

Въ Римѣ, когда тамъ появилась бѣдность гражданъ въ громадныхъ размѣрахъ, т. е. послѣ разрушенія Карѳагена, не явилось ни одного литературнаго проекта соціальной реформы; для этого римляне не были еще достаточно образованы въ литературномъ отношеніи и въ то же время были слишкомъ практичны. Но когда попытка поправить экономическій бытъ Рима посредствомъ возстановленія законовъ Лициція не удалась, тогда послѣдовали одна за другой революціонныя попытки, имѣвшія въ виду ниспроверженіе правительства, вмѣстѣ съ грабежемъ богатыхъ гражданъ; таковы были coups d'état, произведенные Маріемъ и Суллою; таковъ былъ заговоръ Катилины; тотъ же характеръ имѣло возстаніе Цезаря, потомъ проскрипціи втораго тріумвирата, и т. п.

Въ средніе вѣка феодализмъ тяготѣлъ слишкомъ большимъ бременемъ надъ народонаселеніями Европы, и грамотность была такъ мало распространена, что литературныхъ проектовъ соцільной реформы не могло быть; и не отъ такихъ средствъ средневѣковые народы ждали своего спасенія. Они тѣ ожидали конца міра и втораго пришествія, тѣ стремились въ святую землю, чтобы съ вѣрою и надеждою припасть къ тѣмъ мѣстамъ, которыхъ касались стопы Спасителя, когда онъ проповѣдывалъ свое ученіе. — Впрочемъ, религіозное одушевленіе не заглушало совсѣмъ недовольства западныхъ народовъ своею печальною долею. Это недовольство даже было, какъ извѣстно, одною изъ причинъ, которыя придали крестовымъ походамъ ихъ огромные размѣры. И въ свою очередь крестовые походы служили громоотводомъ для него; если бы ихъ не было, то очень вѣроятно, что возстанія крестьянъ во Франціи, Англіи и Германіи произошли бы гораздо раньше. Не смотря на то, и въ средніе вѣка были попытки обновленія соціальнаго быта Европы, только онѣ выражались не въ литературныхъ проектахъ, а въ религіозныхъ сектахъ, которыя появлялись во время самыхъ крестовыхъ походовъ и непосредственно послѣ нихъ. Тотъ же характеръ безъ сомнѣнія имѣли и возстанія кресть-

янъ, которыя начались немного позже, когда религіозное одушевленіе народовъ нѣсколько поостыло.

Шестнадцатый вѣкъ представлялъ условія въ особенности благопріятныя для возникновенія соціальныхъ ученій и стремленій. Съ одной стороны возродившееся изученіе классическихъ литературъ познакомило наиболѣе образованныхъ людей того времени съ идеалами древности, и между прочимъ привело Т. Мора къ мысли изложить свой протестъ противъ современныхъ порядковъ въ его Утопіи. Съ другой, вновь подогрѣтое реформаціею религіозное одушевленіе, соединенное съ отрицаніемъ авторитета папъ, главныхъ представителей средневѣкового строя жизни, авторитета, замѣненнаго исключительнымъ авторитетомъ Евангелія и вообще Св. писанія, обратило взоры людей, недовольныхъ современнымъ порядкомъ, ко временамъ апостольскимъ и къ царствованіямъ Давида и Соломона, когда каждый сынъ Израиля блаженствовалъ подъ кущею и смоковницею своею. Это направленіе вызвало соціальныя ученія Т. Мюнцера, анабаптистовъ въ Мюнстерѣ и въ Швейцаріи и т. п. Съ тѣхъ поръ до нашего времени появленіе новыхъ соціалистическихъ ученій не прекращалось, потому что пролетаріатъ, вызывающій ихъ, не исчезъ въ западной Европѣ. — По временамъ соціалистическія теоріи и стремленія получали особую силу, какъ въ концѣ прошлаго столѣтія во Франціи, когда пролетаріатъ сталъ играть очень замѣтную роль въ политической жизни народа, заявляя о себѣ съ того времени преимущественно революціями, которыхъ такъ много испытала Франція въ послѣднія 80 лѣтъ. Въ сороковыхъ годахъ этого столѣтія соціалистическія стремленія французскаго пролетаріата получили новую силу и большую опредѣленность; въ то время явилось нѣсколько новыхъ проектовъ соціальной реформы, соціальныя стремленія глубоко проникли въ массу народа и выразились въ нѣсколькихъ возстаніяхъ, въ революціи 1848 года и въ іюнскомъ кровопролитіи этого года на улицахъ Парижа.

Почти всеобщія волненія въ Европѣ въ 1848 и 1849 г., въ которыхъ рабочій классъ принималъ самое дѣятельное участіе, доказываютъ, что духъ реформы и, безъ сомнѣнія, не

одной только политической, проникъ до самыхъ нижнихъ слоевъ общества во всѣхъ почти государствахъ западной Европы. И нѣтъ сомнѣнія, что европейскія правительства не покончили совсѣмъ съ этимъ духомъ. Онъ безъ сомнѣнія не угасъ; потому что не исчезла причина, производящая его. Онъ только отдыхаетъ послѣ волненій 1848 и 1849 годовъ. Нѣкоторые признаки бури показываются уже и теперь; о коаліціяхъ рабочихъ слышно чаще и чаще, политическая борьба партій во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, въ Италіи и даже Испаніи усиливается; въ Англіи является феніанизмъ, какъ протестъ противъ политическаго и экономическаго порабощенія Ирландіи, и т. п. И въ самые послѣдніе годы Европа увидѣла небывалое зрѣлище—международные съѣзды рабочихъ, которые открыто требуютъ измѣненія современныхъ экономическихъ условій западной Европы. Очевидно, что рано или поздно западная Европа должна будетъ вести серьезные счеты съ своими пролетаріями и съ литературными представителями ихъ—соціалистами. И какъ правительства, такъ и ученые западной Европы должны обратить болѣе серьезное вниманіе на то, что есть справедливаго и несправедливаго въ ученіяхъ и требованіяхъ соціалистовъ. Вопросъ о пролетаріатѣ составляетъ для всякой страны вопросъ жизни, вопросъ свободы и прогресса.

ГЛАВА I.

ПЛАТОНЪ.

Данныя касательно жизни Платона; уваженіе къ нему древнихъ; отношенія Платона къ Сократу; современное Платону состояніе Аѳинъ.

Причины упадка Аѳинъ: характеръ аѳинской конституціи, направленіе тогдашней науки и литературы, экономическій бытъ, вражда партій.

Разговоръ Платона о государствѣ: происхожденіе государства, сословія, сословіе воиновъ, воспитаніе его, разборъ дѣтей по способностямъ, содержаніе воиновъ, коммунизмъ въ имуществѣ и бракѣ, основаніе силы платонова государства, правители государства; разговоръ о законахъ.

Отношеніе между идеаломъ Платона и современнымъ ему состояніемъ Греціи; значеніе семейства въ области государственной; характеръ имущественнаго коммунизма у Платона; положеніе воиновъ и другихъ классовъ общества. Мнѣніе Аристотеля о коммунизмѣ. Насколько Платонъ достигаетъ своей главной цѣли обезпеченія спокойствія и безопасности государства?

Приложенія.

Первый проектъ общественной реформы въ духѣ соціализма принадлежитъ Платону, котораго вся древность почитала величайшимъ умомъ Греціи, который назывался «мудрѣйшимъ изо всѣхъ грековъ» и «божественнымъ». Какъ велико было уваженіе древнихъ къ Платону, можно видѣть изъ легендъ, которыми украшены годы его юности и самое рожденіе. Говорятъ, что отецъ его Аристонъ былъ его отцомъ только по имени; дѣйствительнымъ же отцомъ Платона былъ самъ Аполлонъ, богъ свѣта физическаго и духовнаго. Аристонъ, женившись на своей двоюродной сестрѣ

Периктіонѣ, увидѣлъ го снѣ Аполлона, который запретилъ ему приближаться къ женѣ, потому что она уже беременна, и отцомъ имѣющаго родиться ребенка былъ самъ онъ, Аполлонъ. Аристонъ благочестиво повиновался этому приказанію, почитая жену свою, какъ богиню, до тѣхъ поръ, пока не родился Платонъ. Когда ребенокъ еще былъ въ колыбели, пчелы горы Гимета прилетали къ нему и кормили его медомъ. Подростая, Платонъ видѣлъ однажды во снѣ, будто у него три глаза;—третій глазъ—это его необыкновенный умъ, которымъ онъ какъ будто созерцалъ высокія истины, недоступныя другимъ.—Наканунѣ того дня, когда Платонъ пришелъ къ Сократу, чтобы учиться у него, Сократъ видѣлъ лебедя, который отъ жертвенника любви прилетѣлъ къ нему, приникъ къ его груди и потомъ вознесся къ небу, издавая умилительные звуки.

Платонъ съ ранней юности предался изученію наукъ и искуствъ, бывшихъ въ то время достояніемъ человѣчества. Онъ изучалъ грамматику, геометрію, живопись, гимнастику, поэзію. Въ этомъ послѣднемъ родѣ онъ самъ серьезнымъ образомъ пробовалъ упражняться и написалъ нѣсколько трагедій и другихъ поэтическихъ произведеній; но послѣ самъ же сжегъ ихъ, когда началъ учиться у Сократа.—Отношенія между Сократомъ и Платономъ съ одной стороны характеризуются приведенною легендою о лебедѣ, съ другой тѣмъ, что Платонъ въ послѣдствіи написалъ апологію Сократа и благодарилъ боговъ за то, что они дали ему жизнь въ то время, когда жилъ Сократъ, у котораго онъ могъ учиться.

Впрочемъ возможность учиться у Сократа была едвали не единственнымъ благомъ, за которое Платонъ могъ благословлять боговъ. Всѣ другія современныя ему обстоятельства греческой жизни были таковы, что за нихъ можно было благословлять боговъ только по примѣру праведнаго Іова. Платонъ родился въ началѣ Пелопонезской войны *) и скончался за 10 лѣтъ до Херонейской битвы, имѣя отъ роду около 80

*) Въ точнѣйшемъ опредѣленіи года рожденія Платона ученые разногласятъ, относя его къ 430, 429 и даже 426 году до Р. Х.

лѣтъ; вся жизнь его протекла въ тотъ печальный періодъ греческой исторіи, когда Греція и во главѣ ея Аѳины, отечество Платона, отъ видимаго апогея своего процвѣтанія быстрыми шагами шли къ упадку и потерѣ независимости.

Первыя впечатлѣнія юноши относились къ событіямъ братоубійственной войны, истощившей Грецію въ экономическомъ и нравственномъ отношеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ тѣмъ внутреннимъ смутамъ, которыя имѣли мѣсто въ Аѳинахъ во второй половинѣ Пелопонезской войны.—Аѳинская конституція оказалась несостоятельною; она погубила дѣло, въ началѣ своемъ обѣщавшее успѣхъ или, по крайней-мѣрѣ, не грозившее опасностью республикѣ. —Сицилійская экспедиція, совершившая переворотъ въ войнѣ, была дѣломъ демократіи, доведенной до послѣднихъ предѣловъ. Демократія, надменная предъидущими успѣхами, задумала это дѣло; она же его и погубила. Выборъ Алкивіада вождемъ экспедиціи, раньше окончанія судебнаго дѣла, къ которому онъ былъ прикосновенъ, потомъ отозваніе вождя отъ войска, заочный судъ надъ нимъ и присужденіе его къ смерти—все это было дѣломъ народа, слишкомъ послушнаго своимъ страстямъ и демагогамъ, которые ихъ разжигали. Погибель Сицилійской экспедиціи была началомъ неудачъ, вслѣдствіе которыхъ народъ до такой степени упалъ духомъ, что демократія, которою аѳиняне прежде столько дорожили и гордились, въ которой они видѣли источникъ своей силы и благосостоянія, была уничтожена и замѣнена аристократіею или даже олигархіею. Но олигархія оказалась еще хуже демократіи: внутри государства она ознаменовала себя казнями и изгнаніями; относительно враговъ спартанцевъ она показала столько уступчивости, что народъ видѣлъ въ ней явную измѣну. Слѣдствіемъ было то, что демократія была возстановлена; и Алкивіадъ, недавній врагъ своего отечества, который только что интриговалъ въ пользу аристократіи, получилъ начальство надъ войскомъ и былъ встрѣченъ въ Пиреѣ сбѣжавшимся народомъ, какъ благодѣтель отечества. Казалось бы, что наученный горькимъ опытомъ, народъ хоть теперь будетъ принимать свои рѣшенія болѣе обдуманнымъ образомъ;

но вышло напротивъ. Алкивіадъ снова потерялъ расположеніе народа за дѣло, въ которомъ онъ былъ невиноватъ; народъ довѣрилъ веденіе войны людямъ неспособнымъ, и она скоро окончилась тѣмъ, что Аѳины были взяты спартанцами; стѣны аѳинскія, построенныя въ видахъ самой здравой, дальновидной и патріотической политики, были разрушены, конституція измѣнена по плану враговъ побѣдителей. Но это не послѣдняя перемѣна; когда народъ потерялъ свои нравственныя силы, въ то время никакая конституція не оказывается пригодною; а правленіе тридцати тирановъ тѣмъ болѣе не могло удовлетворить аѳинянъ; еще разъ лучшія силы народа соединились и возстановили прежнее правленіе. Но не возстановлена была прежняя доблесть народа. Возстановленная демократія ознаменовала себя на первыхъ порахъ казнью Сократа.

Казнь Сократа поразила Платона въ самое сердце; въ Сократѣ онъ потерялъ друга, учителя, человѣка, котораго онъ любилъ и уважалъ болѣе, нежели кого нибудь въ мірѣ. И Платонъ неостался безучастнымъ зрителемъ процесса Сократа. Онъ явился въ судѣ добровольнымъ защитникомъ своего учителя, сказалъ или лучше только началъ говорить защитительную рѣчь, но былъ прерванъ фанатиками-судьями, которые не позволили ему окончить защиту. Послѣ смерти Сократа онъ нехотѣлъ оставаться въ Аѳинахъ, удалился въ Мегару и вскорѣ началъ свои философическія путешествія, былъ въ Италіи, гдѣ изучалъ систему Пиѳагора, былъ въ Киренѣ, въ Египтѣ, гдѣ ознакомился съ мудростію тамошнихъ жрецовъ. Послѣ того онъ на время поселился въ Италіи, путешествовалъ въ Сицилію, гдѣ навлекъ на себя ненависть Діонисія Старшаго, былъ проданъ въ рабство, отъ котораго освободился благодаря щедрости одного изъ своихъ почитателей. Въ послѣдствіи онъ еще два раза былъ въ Сициліи, пріобрѣлъ было расположеніе Діонисія Младшаго, но оно оказалось безполезнымъ; потому что Діонисій готовъ былъ оказывать ему почести, но слѣдовать его совѣтамъ не хотѣлъ. Напротивъ нѣкоторые греческіе города присылали къ нему нарочныя посольства съ просьбою написать для нихъ законы. Платонъ то отказывался отъ испол-

нія подобныхъ просьбъ, то исполнялъ ихъ, если надѣялся на искренность просителей, на твердое желаніе ихъ улучшить свой бытъ посредствомъ лучшихъ учрежденій. Но его законы держались не долго, хотя онъ и старался расходиться въ нихъ, какъ можно меньше съ дѣйствительными современными условіями греческой жизни. Нравственное состояніе Греціи было не таково, чтобы законы, написанные Платономъ, могли быть охотно исполняемы; да очень вѣроятно, что и самъ Платонъ, не смотря на все желаніе, не избѣжалъ вполнѣ той отрѣшенности отъ жизни, которою болѣе или менѣе проникнуты его уцѣлѣвшіе проекты соціальной реформы.

Свою знаменитую школу въ саду Академа Платонъ открылъ тотчасъ послѣ своего освобожденія изъ плѣна около 388 г. до Р. Х. Послѣ чего онъ до конца жизни оставался въ Аѳинахъ (за исключеніемъ двухъ послѣднихъ путешествій въ Сицилію), гдѣ и умеръ въ 348 или 347 году.

Къ отысканію новыхъ основаній и формъ государственной и общественной жизни Платонъ обратился въ скоромъ времени послѣ казни Сократа. Несправедливость суда надъ Сократомъ, жестокость, совершенная надъ добродѣтельнѣйшимъ и полезнѣйшимъ гражданиномъ республики, вмѣстѣ съ предъидущими неудачами аѳинянъ, вмѣстѣ съ ихъ непостоянствомъ, недостаткомъ твердости, отсутствіемъ самыхъ обыкновенныхъ гражданскихъ и человѣческихъ добродѣтелей, привели Платона къ убѣжденію, что греческія государства нуждаются въ коренномъ преобразованіи ихъ общественнаго и государственнаго быта. Дальнѣйшія событія греческой исторіи были не таковы, чтобы могли поколебать въ Платонѣ это убѣжденіе.

Вслѣдъ за Пелопонезскою войною начались походы спартанцевъ въ Персію, которые блескомъ своихъ подвиговъ могли ослѣпить кого-нибудь другого, а не Платона. Всѣ эти подвиги окончились безславнымъ Анталкидовымъ миромъ, возмутившимъ всѣхъ сколько-нибудь нравственныхъ грековъ того времени.—Дальше слѣдовали Ѳиванскія войны, послѣдняя возвышенная страница въ исторіи Греціи, которою она была

обязана добродѣтелямъ только двухъ человѣкъ; но Платонъ пережилъ и Пелопида и Эпаминонда. Послѣдніе преклонные годы его жизни относятся къ тому времени, когда во всей Греціи не было почти ни одного достойнаго и виднаго политическаго человѣка; это было тогда, когда Діогенъ среди дня съ фонаремъ искалъ человѣка. Въ это время, Филиппъ уже обнаружилъ свои замыслы противъ Греціи, и мало-по-малу овладѣвалъ греческими городами на сѣверномъ берегу Эгейскаго моря.—Остальнаго предвидѣть Платону было не трудно. Въ это время уже Демосѳенъ выступалъ съ своими филиппиками.

Мы изложили факты; теперь посмотримъ на причины, пониманіе которыхъ намъ болѣе или менѣе доступно, благодаря обилію историческихъ источниковъ, относящихся къ этому времени, и благодаря трудамъ ученыхъ, объяснившихъ исторію Греціи. Платонъ, какъ современникъ, очевидецъ событій, какъ мыслитель, за которымъ осталось имя человѣка, умнѣйшаго въ цѣлой Греціи, долженъ былъ проникать въ эти причины, и если хотѣлъ лѣчить зло, то долженъ былъ дѣйствовать на его корень, на причины, производившія его, а не на отдѣльныя проявленія.

Передъ Пелопонезскою войной, Греція достигла апогея своего могущества и благосостоянія. Аѳины были впереди и почти во главѣ всей Греціи. Народонаселеніе ихъ было многочисленно, граждане богаты, благодаря промышленности, торговлѣ и политическимъ успѣхамъ предъидущаго времени. Вслѣдствіе этой же причины, была богата и государственная казна, такъ что Аѳины начинали Пелопонезскую войну подъ самыми благопріятными предзнаменованіями. Образованіе сдѣлало къ тому времени большіе успѣхи. Аѳиняне уже имѣли въ то время Эсхила, Софокла и Эврипида; Геродотъ только-что написалъ свою исторію. А поэмы Гомера уже давно обращались во всей

массѣ народа вмѣстѣ съ пѣснями Пиндара и Анакреона. Философія сдѣлала свои первые научные шаги въ системахъ Анаксагора и Сократа. Риторы собирались отовсюду въ Аѳины и учили тонкостямъ краснорѣчія аѳинское юношество.—Объ успѣхѣ искуствъ нечего и говорить; достаточно сказать, что Пелопонезской войнѣ предшествуетъ то, что̀ называется вѣкомъ Перикла, въ который блистали Фидій, Зевксисъ и Парразій, произведеніями которыхъ любовался весь народъ; но эстетическое образованіе народа этимъ не оканчивалось; кромѣ того, весь народъ смотрѣлъ въ театрѣ комедіи Аристофана и трагедіи Эврипида; деньги за право входа въ театръ платила казна; такъ она была богата! Повидимому, все обѣщало Аѳинамъ самую блестящую будущность. А между тѣмъ не прошло двадцати лѣтъ послѣ смерти Перикла, какъ аѳиняне стали метаться изъ стороны въ сторону въ политикѣ: сегодня отмѣняли старую конституцію, и вводили новую, а черезъ день снова вводили старую и отмѣняли новую и т. д. Черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ смерти Перикла, стѣны Аѳинъ были разрушены и существованіемъ своимъ, какъ независимое, и то не вполнѣ, государство Греціи, Аѳины были обязаны только великодушію своихъ враговъ, между которыми были и такіе, которые предлагали срыть городъ до основанія, чтобы и памяти его не было. И еслибы это рѣшеніе было принято, то оно было бы и исполнено: воспрепятствовать этому аѳиняне не могли.

Дѣло въ томъ, что блескъ аѳинской жизни былъ болѣе наружный, чѣмъ дѣйствительный, или, правильнѣе, это былъ именно блескъ, а не что-нибудь иное. Подъ этимъ блескомъ скрывалось зло, которое и привело къ столь плачевнымъ результатамъ. Посмотримъ сначала на конституцію Аѳинъ. Аѳиняне довели демократію до крайнихъ предѣловъ; извѣстно, что̀ такое демократія древнихъ временъ: она имѣетъ существенное отличіе, напримѣръ, отъ демократіи Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ всякій совершеннолѣтній человѣкъ, жившій на территоріи государства не меньше пяти лѣтъ, пользуется всѣми политическими правами; вся-

кій имѣетъ свою ($\frac{1}{30,000,000}$) долю вліянія на общественныя дѣла посредствомъ выбора президента, членовъ конгресса и даже административныхъ лицъ. Но тѣмъ и ограничивается участіе гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ. Веденіе ихъ предоставляется вполнѣ, безъ ограниченій, этимъ избираемымъ лицамъ, президенту и конгрессу. Въ президенты и члены законодательныхъ палатъ тамъ попадаютъ люди, проведшіе свою юность въ самыхъ нехитрыхъ ремесленныхъ занятіяхъ. Но они не прямо отъ ремесла переходятъ къ управленію государствомъ, къ законодательной дѣятельности. Обыкновенно, такіе люди заранѣе оставляютъ ремесло и посвящаютъ себя общественнымъ дѣламъ сначала въ своемъ штатѣ, потомъ во всемъ государствѣ вообще. Переходною ступенью большею частію служитъ адвокатура, гдѣ человѣкъ съ большими способностями и трудолюбіемъ всего легче завоюетъ себѣ общественное положеніе, но гдѣ требуются дѣйствительно и способности, и трудъ, и образованіе. Такимъ образомъ въ Соединенныхъ Штатахъ, при господствѣ самой неограниченной демократіи, веденіе государственныхъ дѣлъ достается въ руки людей, соединяющихъ въ себѣ и умъ, и образованіе, и опытность. Не то было въ Аѳинахъ; тамъ господствовала непосредственная демократія. Тамъ народное собраніе само издавало законы, само принимало мѣры относительно внѣшней и внутренней политики, относительно мира и войны. А что такое было это народное собраніе?—Это было дѣйствительное собраніе всѣхъ полноправныхъ гражданъ, число которыхъ простиралось до нѣсколькихъ тысячъ. Можно ли предположить, что эти нѣсколько тысячъ человѣкъ были настолько хорошими политиками, чтобы ихъ рѣшенія были благоразумны и дальновидны? Можно ли ручаться, что, особенно за 2,000 лѣтъ до нашего времени, эти тысячи народа были настолько разумными людьми, чтобы они понимали хорошо своихъ совѣтниковъ-ораторовъ, чтобы они не позволяли себя обманывать, чтобы на нихъ больше дѣйствовали аргументы, а не побочныя обстоятельства, какъ богатство, звучный и пріятный голосъ, привлекательная наружность и щедро расточаемая лесть?—Очевидно, этого не могло

быть; этого и не было, какъ оказалось на дѣлѣ; недаромъ Аристофанъ представляетъ аѳинскій народъ въ видѣ выжившаго изъ ума старика, котораго можно привязать къ себѣ лакомствами —Подобныя массы народа не разсуждаютъ, а дѣйствуютъ по увлеченію; тутъ нужно только, чтобъ вождей привлечь въ пользу той или другой мѣры; масса пойдетъ безъ разсужденія за вождями. Нѣчто весьма похожее было у насъ въ Новгородѣ; и оттого новгородская политика не устояла противъ политики московской, хотя и московская политика не была ни особенно искусна, ни особенно послѣдовательна.

Въ Аѳинахъ такой порядокъ дѣлъ давалъ вліяніе или богатымъ гулякамъ, какъ Алкивіадъ, или дѣйствительнымъ кожевникамъ, какъ Клеонъ и Анитъ, которые знали свое кожевенное производство, а политическаго знанія и умѣнья ничѣмъ не доказали.—Пелопонезская война дурно окончилась для аѳинянъ именно вслѣдствіе такого устройства аѳинскаго правленія; всѣ эти противоположныя рѣшенія были принимаемы однимъ и тѣмъ же народомъ, слѣдовавшимъ то за тѣмъ, то за другимъ демагогомъ. Спартанская герусія вела дѣла обдуманно и послѣдовательно; и она выиграла дѣло.

Но имѣя это большое неудобство, аѳинская конституція не опиралась на крѣпкихъ основаніяхъ; она имѣла подпору только въ гражданахъ, а гражданъ въ Аѳинахъ въ счастливѣйшее время ихъ исторіи при Периклѣ было только 14,000 при населеніи города въ 300,000 человѣкъ. Стало-быть, большинство не пользовалось политическими правами, вслѣдствіе чего оно должно было ревниво относиться къ правамъ и даже къ успѣхамъ полноправнаго меньшинства. И такъ съ сущности въ Аѳинахъ была ни демократія, ни аристократія; потому что 14,000 управляющихъ—какіе же это ἄριστοι?—Въ Аѳинахъ были только худшія стороны, какъ аристократіи, такъ и демократіи—безправіе большинства и веденіе дѣлъ въ рукахъ толпы, охлократія.

Образованіе аѳинянъ также было привлекательно только съ виду; въ сущности оно не только было недостаточно, оно уклонилось еще въ сторону, сбилось съ дороги. Прежняя серьез-

пость ума, равно какъ сила и глубина чувства уступили мѣсто болѣе легкимъ воззрѣніямъ и болѣе легкому отношенію ко всему. Мудрецами того времени были не Солонъ, патріотъ философъ, не занятый изслѣдованіемъ законовъ міра Ѳалесъ, не Анаксагоръ и Сократъ, которые оба аѳинянами осуждены на смерть, а Горгій риторъ-софистъ, и даже Протагоръ, который также имѣлъ большой успѣхъ въ Аѳинахъ. Они учили аѳинское юношество діалектическимъ тонкостямъ, которыя приводили къ тому, что нѣтъ истины, нѣтъ добра, что не нужно ничего любить, ни ненавидѣть и т. п. Этой мудрости трудно найти себѣ сочувствіе въ здоровой средѣ; и стало быть, если Протагоръ и Горгій находили сочувствіе въ Аѳинахъ, то въ аѳинскомъ народѣ было что-то ненормальное, было уклоненіе въ сторону. Въ драматическомъ искуствѣ то же самое уклоненіе. Патріотическія и возвышенныя трагедіи Эсхила и Софокла уже не нравятся, а нравится сантиментальный Эврипидъ, прямой предшественникъ Менандра, водевилиста слѣдующаго вѣка. Даже Аристофанъ не всегда дѣйствуетъ на добрую сторону природы человѣческой; его «ахарняне» по своимъ мотивамъ не выше пьесъ нашихъ современниковъ, гг. Сарду и Эд. Абу.

Если мы взглянемъ на другія основы аѳинскаго благосостоянія, то всздѣ найдемъ одно и то же. Богатство аѳинянъ также было болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ. Правда, въ Аѳинахъ процвѣтала промышленость и торговля; но тѣмъ и другимъ обогащались не столько аѳинскіе граждане, сколько метеки. Аѳинскіе граждане и аѳинская казна были богаты, главнымъ образомъ, благодаря внѣшнимъ успѣхамъ предъидущаго времени. Союзническая касса была въ ихъ полномъ распоряженіи; это давало возможность производить значительныя общественныя постройки, содержать многочисленный флотъ и т. п. Это же давало средства къ жизни и отдѣльнымъ гражданамъ, посредствомъ платы жалованья изъ казны за отправленіе общественныхъ обязанностей. Но что большинство гражданъ не было богато, это видно, во-первыхъ, изъ того, что они наперерывъ добивались служебныхъ мѣстъ изъ-за жалованья, во-вторыхъ изъ того, что еще Периклъ нашелъ нужнымъ

выдавать гражданамъ ѳеориконъ, ничтожную плату для входа въ театръ, которою однако аѳиняне необыкновенно дорожили. Нѣтъ сомнѣнія, что и между гражданами были такіе, которые были очень богаты; и богатство того времени далеко превышало богатство вѣковъ предъидущихъ. Во время Солона, богатымъ человѣкомъ считался владѣлецъ семи талантовъ, или, какъ обыкновенно считаютъ на современныя деньги— владѣлецъ 40,000 рублей. Во время Пелопонезской войны, частные люди имѣли по 100 и по 200 талантовъ, то-есть по полумильону и по мильону рублей: страшное богатство, если принять въ соображеніе образъ жизни и потребности того времени! Такимъ образомъ масса аѳинскихъ гражданъ раздѣлялась на два неровные отдѣла: къ первому принадлежали богачи, незнавшіе, куда употребить свое богатство, подобно Алкивіаду; ко второму, составлявшему огромное большинство—бѣдняки, искавшіе изъ-за жалованья общественныхъ должностей—тѣ, которые издали законъ, грозившій смертною казнью всякому, кто только сдѣлаетъ предложеніе объ употребленіи ѳеорикона на другое назначеніе. Въ политикѣ это отражалось такимъ образомъ: богачи были друзьями спартанцевъ, какъ Кимонъ, и стремились по примѣру Спарты передѣлать свою конституцію; оттого дружба со Спартою и вражда съ демократіею всегда совпадали. Если почему нибудь демократія ослабѣвала, тотчасъ заключался союзъ со Спартою; и наоборотъ, если обстоятельства приводили къ союзу со Спартою, который, впрочемъ, не могъ быть ничѣмъ, какъ признаніемъ полной спартанской гегемоніи, тотчасъ демократія падала. Кимонъ, другъ Спарты, былъ противникомъ демократіи; Периклъ, демократъ, началъ войну со Спартою. Учрежденіе олигархіи послѣ втораго изгнанія Алкивіада, тотчасъ повело къ союзу со Спартою; подчиненіе Спартѣ послѣ взятія Аѳинъ привело снова къ олигархіи. Побѣда той или другой партіи кромѣ того сопровождалась конфискаціями, ссылками и казнями; вражда партій была очень сильна, и источникомъ ея было громадное неравенство состояній; о древней аристократіи не было и

помину; потомки древнихъ эвпатридовъ теперь нерѣдко были на сторонѣ демократіи.

Вражда между партіями въ отдѣльныхъ городахъ была источникомъ вражды и между самыми городами Греціи; но она была не единственною причиною этой вражды. Аристократическіе города такъ же ссорились и воевали съ городами аристократическими, какъ и демократическіе города воевали съ городами демократическими. Раздѣленная на мелкія республики, Греція была осуждена на вѣчную вражду, которая должна была истощить ея силы, уменьшить ея богатства и сдѣлать болѣе рѣдкими ряды ея защитниковъ. Событія прямо вели Грецію къ тому, чтобы повергнуть ее къ погамъ перваго сильнаго и искуснаго врага. Персія въ то время разлагалась, но и персидскій царь уже диктовалъ условія грекамъ. Непобѣжденные оружіемъ персовъ, бывшихъ могущественнѣйшимъ народомъ сто лѣтъ назадъ, греки должны были подчиниться ихъ волѣ въ то время, когда сами персы ослабѣли. Чего не сдѣлало оружіе персовъ, то сдѣлано было ихъ золотомъ; Агезилай говорилъ, что онъ долженъ уступить 30,000 стрѣлковъ, разумѣя подъ этимъ 30,000 персидскихъ монетъ съ изображеніемъ стрѣлка, и вскорѣ послѣ этого Филиппъ находилъ возможнымъ сказать, что лучшимъ полководцемъ его времени въ Греціи былъ оселъ, съ мѣшкомъ золота на спинѣ; такой полководецъ, прибавлялъ онъ, въ состояніи взять самую неприступную крѣпость. Такъ выродились потомки марѳономаховъ!

Итакъ, ни въ политическомъ устройствѣ Греціи, ни въ ея экономическомъ быту, ни въ нравственномъ состояніи современниковъ Платона, мы не видимъ никакихъ залоговъ прочнаго благосостоянія, ничего такого, чѣмъ бы могъ остаться доволенъ современный наблюдатель-патріотъ—тотъ, который благодарилъ боговъ за то, что онъ родился грекомъ, а не варваромъ. Неудивительно, что онъ предложилъ новый планъ, по которому слѣдовало, по его мнѣнію, перестроить общество.

Собственно Платонъ предложилъ два отдѣльные плана общественной реформы: одинъ изложенъ имъ въ разговорѣ о государствѣ, другой — въ разговорѣ о законахъ *). Эти планы, будучи согласны между собою по цѣли, расходятся въ основаніяхъ. Можно бы подумать, что самъ Платонъ разговоромъ о законахъ хотѣлъ исправить свои ошибки, допущенныя въ разговорѣ о государствѣ, что въ разговорѣ о законахъ онъ изложилъ болѣе зрѣлыя мысли относительно общественной реформы **). Но это мнѣніе едва-ли будетъ справедливо: въ самомъ разговорѣ о законахъ Платонъ говоритъ, что здѣсь онъ излагаетъ такую форму общественной жизни, которая не можетъ быть названа лучшею; а лучшею формою должна быть названа та, которая изложена въ разговорѣ о государствѣ. Этому взгляду на оба разговора соотвѣтствуетъ и то, что въ разговорѣ о государствѣ планъ реформы развиваетъ самъ Сократъ въ обществѣ нѣсколькихъ аѳинянъ, а въ разговорѣ о законахъ реформаторъ есть только просто аѳинянинъ, бесѣдующій съ однимъ критяниномъ, и однимъ лакедемонянниномъ.

Разговоръ о государствѣ начинается съ вопроса о справедливости; собесѣдники захотѣли рѣшить вопросъ о томъ, что такое справедливость, въ чемъ она состоитъ. Это привело Сократа къ изложенію своего взгляда на государство, основанное на справедливости. Будучи основано на справедливости, оно приведетъ гражданъ къ благосостоянію, невозмутимому спокойствію и внѣшней безопасности ***). Впрочемъ, справедливость есть тутъ только исходный пунктъ; впродолженіе разговора Сократъ гораздо меньше обращаетъ

*) Третій образецъ государственнаго устройства изложенъ имъ въ разговорѣ объ Атлантидѣ или Критіи. Но этотъ разговоръ не дошолъ до насъ въ цѣлости. См. приложеніе I.

**) Разговоръ о государствѣ, по мнѣнію Моргенштерна, ученаго комментатора Платона, написанъ около 390 года, т. е. когда Платону было около 40 лѣтъ По мнѣнію нашего ученаго переводчика и комментатора Платона, покойнаго проф. Карпова, разговоръ о государствѣ написанъ 10 годами позже, т. е. около 380 года, когда Платону было около 50 лѣтъ.—Разговоръ о законахъ написанъ Платономъ незадолго до смерти, т. е. около 350 года

***) См. приложенія А и Б.

вниманія на нее, чѣмъ на внутреннее спокойствіе и внѣшнюю безопасность.

Сократъ или, все равно, Платонъ начинаетъ свои соображенія такимъ образомъ: онъ задаетъ себѣ вопросъ, что̀ служитъ причиною соединенія людей въ союзъ государственный? и отвѣчаетъ на него такъ. городъ (или государство; по гречески это все равно, потому что у грековъ въ жизни эти два предмета были тождественны) начинается въ то время, когда оказывается, что одинъ человѣкъ не можетъ удовлетворить своимъ потребностямъ безъ помощи другихъ. Въ такомъ случаѣ люди соединяются и образуютъ городъ. Что̀ нужно прежде всего для города?—Первая и главная потребность людей есть пища, потомъ жилище, потомъ одежда. Отсюда необходимость заниматься земледѣліемъ, постройкою домовъ, приготовленіемъ тканей, выдѣлкою кожъ и т. п. Но тутъ является вопросъ: нужно ли, чтобы каждый человѣкъ занимался всѣмъ этимъ поперемѣнно, или чтобы люди раздѣлили эти занятія между собою такъ, чтобы одинъ занимался однимъ, а другой другимъ?—Отвѣтъ Платона на этотъ вопросъ приводится современными экономистами, какъ замѣчательный примѣръ его экономической предусмотрительности, за 2,000 лѣтъ высказавшей ту мысль, которая, будучи развита впослѣдствіи Адамомъ Смитомъ, составляетъ одну изъ его заслугъ въ политической экономіи. Именно Платонъ высказывается въ пользу раздѣленія труда; вотъ это мѣсто разговора.

— Я думаю—говоритъ Сократъ—что каждый изъ насъ рождается непохожимъ на другихъ, но имѣетъ въ своей природѣ особенности, которыя и дѣлаютъ его болѣе способнымъ къ извѣстному занятію. И въ какомъ случаѣ работа будетъ лучше: когда каждый занимается многими ремеслами, или только однимъ? — Разумѣется, отвѣчаетъ его собесѣдникъ (Адимантъ), когда каждый занимается только однимъ ремесломъ. — Не надобно забывать, что работа не ждетъ, пока будетъ досугъ работнику; напротивъ, необходимо, чтобы всякій дѣлалъ дѣло во̀-время, а не тогда, когда онъ будетъ свободенъ.—Очевидно, замѣтилъ Адимантъ.—Отъ этого и про-

исходитъ то, что дѣла идутъ гораздо лучше, когда всякій, оставивши всѣ другія дѣла, займется однимъ, сообразнымъ съ своею природою, и будетъ его дѣлать благовременно. —

Но очевидно, четырехъ человѣкъ будетъ недостаточно для удовлетворенія всѣмъ потребностямъ общества; земледѣлецъ не станетъ самъ себѣ дѣлать соху, если захочетъ имѣть ее хорошую; не станетъ дѣлать ни заступа, ни другихъ орудій; равно и плотникъ или каменщикъ, ткачъ и кожевникъ не станутъ сами приготовлять для себя необходимыя орудія. Стало быть, число людей, занимающихся приготовленіемъ различныхъ вещей, будетъ очень велико, такъ что городъ долженъ имѣть весьма значительный объемъ *). Между тѣмъ населеніе будетъ расти, и вмѣстѣ съ тѣмъ потребности и промышленость будутъ развиваться; наконецъ территорія города сдѣлается недостаточною для его пропитанія; нужно будетъ отрѣзать земли отъ сосѣдей помощью войны; отсюда необходимость войска **).

Войско составляетъ главный предметъ, занимающій Платона; дальше онъ оставляетъ почти безъ вниманія другіе классы народа, а говоритъ только о войскѣ; главная его забота состоитъ въ томъ, чтобы образовать воиновъ такимъ образомъ, чтобы они были кротки съ гражданами и страшны врагамъ, чтобы они отличались силою, искуствомъ и храбростью, чтобы у нихъ не было никакихъ причинъ ко взаимнымъ ссорамъ и ко враждѣ съ остальными гражданами. Чтобы воины имѣли эти желаемыя качества, для этого Платонъ заботится о нихъ еще прежде ихъ рожденія. Но всего больше предметомъ его заботъ служитъ ихъ воспитаніе. Дѣти, будущіе воины, должны воспитываться на гимнастикѣ и музыкѣ, т.-е. на извѣстномъ кругѣ наукъ. Гимнастика должна ихъ сдѣлать сильными и искусными воинами, а наука—мудрыми философами. Наука начинается еще съ басенъ или миѳовъ, разсказываемыхъ кормилицами; а кормилицы разсказываютъ имъ безъ разбору всѣ миѳы, такъ что въ дѣтствѣ внушаютъ

*) См. приложеніе В. — **) См. приложеніе Г.

имъ, напримѣръ, превратныя понятія о божествѣ, и т. п. Чтобы помочь этому злу, нужно избрать нѣкоторые миѳы и отбросить другіе, даже тѣ, которые разсказаны Гомеромъ и Гезіодомъ, потому что и Гомеръ и Гезіодъ представляютъ боговъ въ видѣ, несвойственномъ божеству; у нихъ боги сердятся, мстятъ, обманываютъ, нарушаютъ клятвы. Бога нужно представлять такимъ, каковъ онъ въ своей сущности, то-есть добрымъ, справедливымъ, чуждымъ лжи; только такимъ образомъ можно возбудить въ дѣтяхъ уваженіе къ божеству и стремленіе къ тому, чтобы уподобляться ему своими качествами.—А для всего этого нужно строго опредѣлить содержаніе обученія юношества; учители должны позаботиться о томъ, чтобы дѣтямъ остались совершенно неизвѣстными нѣкоторые миѳы, какъ тѣ, которые представляютъ божество въ превратномъ видѣ, такъ и тѣ, которые представляютъ разные ужасы послѣ смерти; эти послѣдніе вредны, потому что внушаютъ человѣку страхъ смерти, убиваютъ въ немъ мужество. Весьма вредны также разсказы Гомера о непочтительности къ начальникамъ: подобные разсказы могутъ развить въ юношествѣ то же самое. И такъ лучше, чтобы юноши совсѣмъ не знали ихъ *).

Въ разговорѣ о законахъ Платонъ развиваетъ мысль объ этомъ предметѣ дальше; по его мнѣнію, должны быть назначены особенные судьи, которыхъ обязанность должна состоять въ томъ, чтобы въ древнихъ поэтахъ отдѣлить полезное отъ вреднаго. Полезное они одобряютъ для всеобщаго употребленія, а вредное запрещаютъ. А то, что имѣетъ только какіе-нибудь недостатки, они исправляютъ, дополняютъ, употребляя на это дѣло современныхъ поэтовъ, которые должны работать подъ ихъ руководствомъ, какъ въ исправленіи древнихъ поэтовъ, такъ и въ сочиненіи собственныхъ своихъ произведеній.

Такими средствами Платонъ надѣется воспитать воиновъ сообразно своимъ видамъ, такъ чтобы они были кротки относительно гражданъ и страшны врагамъ, подобно хорошимъ со-

*) Разговоръ о республикѣ, книги 2-я и 3-я.

бакамъ (это сравненіе принадлежитъ самому Платону), которыя ласкаются къ своимъ и кусаютъ чужихъ. Потому у Платона и называются они постоянно не воинами, а стражами (φύλακες).

Теперь вопросъ о томъ, кому же быть въ городѣ начальниками и воинами, и кому заниматься промышленностью. У Платона нѣтъ потомственной аристократіи; его аристократія выбирается изъ числа всѣхъ гражданъ, которые для сего подвергаются наблюденіямъ правителей со дня рожденія. Новорожденныхъ правители осматриваютъ и изъ нихъ воспитываютъ только тѣхъ, которые обѣщаютъ быть полезными гражданами. Объ этомъ Платонъ говоритъ очень кратко; но, тѣмъ не менѣе, онъ успѣлъ ясно выразить свою мысль: дѣти, не обѣщающія быть полезными гражданами, не должны быть воспитываемы, ихъ нужно скрывать въ тайномъ и неизвѣстномъ мѣстѣ, и притомъ безъ пищи; очевидно, здѣсь говорится объ убіеніи такихъ дѣтей, такъ чтобы и родители не знали объ этомъ; потому что въ государствѣ Платона дѣти тотчасъ по рожденіи поступаютъ въ вѣдѣніе правителей, которые и заботятся объ ихъ воспитаніи, какъ первоначальномъ, такъ и дальнѣйшемъ. Когда дѣти достигнутъ извѣстнаго возраста, такъ что можно будетъ уже судить о ихъ способностяхъ, правители постараются раздѣлить ихъ на классы, чтобы воспитывать ихъ сообразно ихъ назначенію. Но подрастающія дѣти могутъ быть недовольны своими назначеніями; а это возмутитъ спокойствіе государства, которое Платонъ по преимуществу намѣренъ обезпечить. Противъ этого зла Платонъ придумываетъ слѣдующее средство. Правители, чтобы развить въ дѣтяхъ любовь къ отечеству, постараются убѣдить ихъ въ томъ, что они не рождены отъ людей, а произведены самою землею, на которой они живутъ, и если они помнятъ что-нибудь такое, что противорѣчитъ этому, такъ это не больше, какъ сонъ. Вслѣдствіе этого Платонъ и думаетъ, что его воспитанники будутъ любить родную землю, какъ мать. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальники увѣрятъ юношей, что Богъ, произведшій ихъ

отъ земли, въ организмъ однихъ подмѣшалъ золота, въ организмъ другихъ серебра, въ организмъ третьихъ—мѣди и желѣза. Это убѣжденіе успокоитъ юношей и заставитъ ихъ покориться своему назначенію. И Платонъ надѣется, что если ему будетъ трудно убѣдить въ этомъ первое поколѣніе образцоваго государства, то относительно слѣдующихъ, правильно воспитанныхъ поколѣній, это не составитъ никакого труда.

Дѣти, въ организмѣ которыхъ примѣшано золото и серебро, должны быть приготовляемы къ званію воиновъ; и именно дѣти съ примѣсью серебра будутъ простыми воинами, а съ примѣсью золота—правителями. Но раздѣленіе ихъ будетъ сдѣлано уже впослѣдствіи, когда они успѣютъ достаточно обнаружить нетолько свои способности, но и нравственныя качества. При этомъ должно обращать вниманіе на любовь къ отечеству, попеченіе о его пользахъ, разсудительность, неспособность къ обольщенію, увлеченію и насильственнымъ поступкамъ. Въ комъ будутъ замѣчены эти качества послѣ тщательныхъ наблюденій, нетолько въ юности, но и въ зрѣломъ возрастѣ, тотъ будетъ отнесенъ къ числу правителей. Такимъ образомъ въ правители можно будетъ попасть только въ зрѣломъ возрастѣ, и этотъ выборъ на первое время, очевидно, законодатель предоставляетъ себѣ; а на будущее время онъ будетъ предоставленъ корпораціи правителей, высшей власти въ государствѣ. Корпорація правителей будетъ завѣдывать всѣми дѣлами государства; другіе обязаны только повиноваться ей. Такимъ путемъ и возродится золотой вѣкъ на землѣ. Это будетъ такое время, когда царствовать будутъ философы или когда цари будутъ философствовать, т. е. когда будутъ управлять мудрѣйшіе изъ воиновъ, избранные способомъ, описаннымъ выше. Другіе должны будутъ безотчетно повиноваться имъ; въ случаѣ же неповиновенія, если оно будетъ оказано земледѣльцами и ремесленниками, они должны быть принуждены къ повиновенію силою; а если кто нибудь изъ воиновъ, недовольный своею жизнью, захочетъ добыть себѣ что-нибудь насиліемъ, то... Платонъ не договариваетъ своей мысли; онъ замѣчаетъ

только: великій мудрецъ былъ тотъ, кто сказалъ, что половина больше цѣлаго; очевидно, подъ этими словами разумѣется также мысль о строгомъ наказаніи.

Организація военнаго сословія вмѣстѣ съ воспитаніемъ его у Платона составляетъ основу всего государственнаго порядка. Воины не должны имѣть никакой собственности, ни земли, ни дома, ничего подобнаго. Только самыя необходимыя вещи могутъ принадлежать имъ, или лучше, только ими воины пользуются каждый отдѣльно. Всѣмъ остальнымъ, жилищемъ, пищею они пользуются сообща, на началахъ коммунизма.— Но откуда же они будутъ брать предметы своего потребленія, какими средствами они будутъ пріобрѣтать ихъ? Воины чужды всякихъ промышленныхъ занятій; они занимаются только военными упражненіями и отчасти науками. А все, что нужно имъ для содержанія, доставляетъ имъ низшій классъ гражданъ, тѣ, которыхъ земля произвела безъ примѣси драгоцѣнныхъ металловъ. Воины получаютъ все въ достаточномъ количествѣ; но только въ достаточномъ. Они хорошо накормлены, хорошо одѣты, имѣютъ хорошее помѣщеніе. Но никакая роскошь имъ недоступна Это отчасти входитъ въ виды законодателя; тутъ именно та цѣль, чтобы роскошь не ослабила душевной силы воиновъ, не уменьшила ихъ добродѣтели. Отчасти это необходимый результатъ порядка основаннаго на коммунизмѣ. Роскошь со всѣми ея удовольствіями предполагаетъ свободное распоряженіе извѣстными средствами для удовлетворенія разнобразныхъ человѣческихъ потребностей и даже прихотей; а воины Платона не имѣютъ никакихъ собственныхъ средствъ и не могутъ ничѣмъ распоряжаться по своей волѣ; потому что никто изъ нихъ не имѣетъ ничего собственнаго, у нихъ все общее.—Ихъ коммунизмъ простирается даже гораздо дальше. У нихъ общія — не только пища, одежда и жилище, но и самыя жены и дѣти (ἡ τῶν γυναικῶν τε καὶ παίδων κοινωνία τοῖς φύλαξι). *)

*) Platonis philosophi, quae exstant. Biponti. 1781—7. VI, 33 (de republ. lib V)

Что Платонъ не допускаетъ у воиновъ никакой частной собственности, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, ни недоразумѣнія. Но его о б щ н о с т ь ж е н ъ можно понимать различно. Женщинъ онъ не предназначаетъ на одни домашнія занятія; онъ допускаетъ, что женщина можетъ быть и музыкантомъ и врачомъ, и гимнастомъ, и даже воиномъ, смотря по своимъ способностямъ. Воспитываться женщины будутъ также всѣ вмѣстѣ, какъ и мужчины; при этомъ въ гимназіи или въ другихъ мѣстахъ онѣ будутъ имѣть частые случаи видѣть мужчинъ и упражняться вмѣстѣ съ ними въ гимнастикѣ. Это частое соприкосновеніе могло бы повести ихъ дальше, и Платонъ находитъ, что при этомъ произошелъ бы безпорядокъ, котораго нельзя допустить въ благоустроенномъ обществѣ людей счастливыхъ. Итакъ нужно какъ-нибудь регламентировать отношенія между полами. Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ Платонъ:

Сократъ, обращаясь къ Главкону, говоритъ:

— «Въ твоемъ домѣ я вижу хорошихъ собакъ и птицъ. Безъ сомнѣнія, ты обращалъ вниманіе на ихъ б р а к и и дѣторожденіе?

— Какое вниманіе? спросилъ Главконъ.

— Вопервыхъ, между этими хорошими животными есть ли лучшія?

— Безъ сомнѣнія.

— Такъ ото всѣхъ ли ты равно стараешься получить приплодъ, или преимущественно отъ лучшихъ?

— Разумѣется, особенно отъ лучшихъ.

— Отъ какихъ: отъ самыхъ молодыхъ, отъ старыхъ, или отъ тѣхъ, которыя находятся въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ?

— Отъ тѣхъ, которыя въ цвѣтущемъ возрастѣ.

— А если будетъ приплодъ отъ старыхъ или очень молодыхъ, то какъ ты думаешь, улучшится или ухудшится порода?

— Очевидно, ухудшится.

— А что ты думаешь о лошадяхъ и другихъ животныхъ? То же ли бываетъ и съ ними?

— Странно было бы, еслибъ это было иначе.

— Но вѣдь то же бываетъ и въ родѣ человѣческомъ. О, нужно имѣть много ума нашимъ правителямъ!

— Къ чему ты говоришь это? спросилъ Главконъ.

— А вотъ къ чему: нашимъ правителямъ придется прибѣгнуть ко многимъ лѣкарствамъ. Когда организмъ не нуждается въ лѣкарствахъ, а повинуется однимъ средствамъ діэты, то можетъ помочь и посредственный врачъ. Но если дѣло дойдетъ до лѣкарствъ, то нуженъ врачъ очень искусный. Нашимъ правителямъ придется неразъ прибѣгнуть ко лжи и къ обману; а это своего рода лѣкарство, какъ мы сказали прежде.

— Да, это правда.

— И вотъ къ этому-то средству придется прибѣгать въ особенности при бракахъ и дѣторожденіи.

—Какимъ образомъ?

—Мы уже сказали, что лучшіе мужчины должны соединяться съ лучшими женщинами, а худшіе съ худшими; и тѣ должны воспитывать дѣтей, а эти не должны, если порода людей не должна ухудшаться; и притомъ все это нужно держать въ секретѣ ото всѣхъ, кромѣ правителей; иначе спокойствіе общества можетъ нарушиться.

— Совершенно справедливо.

— Такъ не придется ли учредить какіе-нибудь праздники, на которыхъ собирались бы женихи и невѣсты, гдѣ были бы приносимы жертвы, и гдѣ поэты пѣли бы пѣсни, приличныя этому случаю? И не поручить ли намъ опредѣленіе количества браковъ правителямъ, чтобы они, имѣя въ виду болѣзни и войну, озаботились тѣмъ, чтобы государство не имѣло недостатка въ мужчинахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣло въ нихъ и излишка?

— Это было бы хорошо, сказалъ Главконъ.

— Но при этомъ оказывается необходимымъ устроить бросанье жребія такъ, чтобы лучшіе мужчины получали лучшихъ женщинъ, а худшіе худшихъ, и чтобы при этомъ худшіе мужчины, получивши худшихъ женщинъ, приписывали это случаю и не могли жаловаться ни на кого, кромѣ своей судьбы. А

самымъ лучшимъ юношамъ, отличившимся на войнѣ или въ чемъ другомъ, нужно дать награды и преміи; между прочимъ имъ нужно дать позволеніе болѣе частаго соединенія съ женщинами, чтобы отъ нихъ рождалось, какъ можно, больше дѣтей.

— Это разумно.

— Но пойдемъ далѣе къ своей цѣли, продолжалъ Сократъ. Мы уже сказали, что дѣти должны рождаться отъ людей цвѣтущаго возраста. Ты долженъ согласиться, что у женщины цвѣтущій возрастъ начинается въ двадцать лѣтъ, а у мужчины въ тридцать.

— Безъ сомнѣнія; но когда же онъ оканчивается?

— Женщина можетъ рождать дѣтей полезныхъ для государства отъ двадцати до сорока лѣтъ, а мужчина—отъ тридцати до пятидесяти.

— Дѣйствительно, замѣтилъ Главконъ:—въ эти именно годы цвѣтутъ, и тѣлесно и умственно, тотъ и другой полъ.

— Потому, если какой-нибудь гражданинъ старше или моложе этихъ лѣтъ, будетъ имѣть дѣтей, то, мы вмѣнимъ ему это въ грѣхъ, какъ дѣло нечестивое и неправедное.

— Это будетъ справедливо.

— Тотъ же законъ будетъ имѣть силу, если мужчина бодрый войдетъ въ связь съ женщиною зрѣлою, но безъ благословенія правителя, потому что въ такомъ случаѣ онъ доставитъ государству подкидыша, дитя незаконное и неосвященное. А когда мужчины и женщины переживутъ періодъ дѣторожденія, то нужно предоставить имъ свободу: пусть соединяются съ кѣмъ хотятъ—женщины со всякимъ мужчиною, кромѣ сыновей, внуковъ и отцовъ, а мужчины—со всѣми, кромѣ дочерей, внучекъ и матерей. Но если и въ такомъ случаѣ родится дитя, то его не воспитывать, а положить гдѣнибудь безъ пищи.

— Но какимъ же образомъ при такомъ устройствѣ можно отличать отцовъ, матерей, сыновей и дочерей? возразилъ Главконъ.

— Никакимъ, отвѣчалъ Сократъ.—Всякій мужчина будетъ называть своими сыновьями или дочерями всѣхъ дѣтей, кото-

рыя родятся начиная отъ седьмаго до десятаго мѣсяца съ того времени, какъ онъ сталъ женихомъ; а всѣ эти дѣти будутъ его звать отцомъ. Дѣти этихъ дѣтей будутъ звать его дѣдомъ, а онъ ихъ—внуками. А тѣ, которыя родились въ одно время, будутъ называть другъ друга братьями и сестрами. Братья съ сетрами могутъ вступать въ сожительство, если выпадетъ жребій и будетъ утвержденъ Пиѳіею» *).

И такъ, какое же мнѣніе имѣетъ Платонъ объ о б щ н о с т и женъ и дѣтей? Слово это онъ употребляетъ не разъ, онъ говоритъ прямо, что у его воиновъ жены и дѣти общія. Въ какомъ смыслѣ нужно понимать эту общность женъ и дѣтей?

Прежде всего, очевидно, что н а б р а къ П л а т о н ъ с м о т р и т ъ совершенно оригинальнымъ взглядомъ. Для него бракъ есть учрежденіе въ родѣ государственнаго коннозаводства: его цѣль только одна — полученіе здоровыхъ дѣтей (въ разговорѣ о законахъ этотъ взглядъ значительно смягченъ). О личности людей, вступающихъ въ бракъ, объ ихъ сочувствіи, сходствѣ характеровъ, понятій— тутъ нѣтъ и рѣчи. И, очевидно, платоновъ бракъ не есть учрежденіе на всю жизнь; женщины послѣ сорока лѣтъ, и мужчины послѣ 50 развязаны вполнѣ. Но, можно думать, что устроиваемые на праздникахъ браки не простираются и на весь цвѣтущій періодъ жизни какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Гораздо больше вѣроятности, что это не болѣе, какъ временное сожитіе индивидуумовъ разнаго пола, которое недаромъ Платонъ сравниваетъ со спариваньемъ животныхъ, которое у него также называется бракомъ (γάμος). Повидимому, время этого сожитія опредѣляется только рожденіемъ одного ребёнка; затѣмъ послѣ того, какъ мать выкормитъ ребёнка (не своего, а какого придется изъ родившихся въ то же время), устроивается новый бракъ по выбору правителей. Учрежденію брака на весь цвѣтущій возрастъ противорѣчило бы правило соединять людей только цвѣтущихъ и здоровыхъ; очевидно, при постоянномъ супружествѣ одинъ изъ супруговъ можетъ времен-

*) Государство, книга 5-я.

но потерять здоровье, тогда-какъ другой совершенно здоровъ; сожитіе между ними, въ такомъ случаѣ, могло бы быть чуть не преступленіемъ по понятіямъ Платона. Такому учрежденію противорѣчитъ и то постановленіе, которое право соединенія даетъ молодымъ людямъ, какъ награду, за подвиги. Этого не могло бы быть, еслибъ бракъ былъ постояннымъ, по крайней-мѣрѣ, на цвѣтущее время жизни.

Такимъ образомъ общность женъ въ государствѣ Платона не есть киногамія въ томъ видѣ, въ какомъ ее наблюдали кругосвѣтные плаватели у океанійскихъ дикарей въ XVII и XVIII вѣкѣ Тѣмъ не менѣе она все-таки должна быть названа киногаміею: жены у воиновъ Платонова государства дѣйствительно общія одной женщинѣ придется побывать замужемъ за 10 или 15 человѣками, впродолженіе 20 лѣтъ цвѣтущаго періода; но, по крайней-мѣрѣ, это не одновременно, а послѣдовательно; а тамъ, за предѣломъ цвѣтущаго возраста, уже начинается полная киногамія. Нельзя не узнать въ Платонѣ человѣка своего времени, когда лучшіе люди Аѳинъ собирались въ домѣ Аспазіи, содержательницы гетеръ *).

Но Платонъ находитъ, что такое устройство всего болѣе гарантируетъ и добрые нравы, и спокойствіе, и безопасность государства Въ нашей республикѣ—говоритъ онъ—всѣ воины будутъ братьями, это будетъ цѣльный организмъ; боль одного члена будутъ чувствовать всѣ другіе; все войско будетъ, какъ одинъ человѣкъ, въ отношеніи непріятелей. А между собою воины не будутъ ссориться, какъ потому, что всѣ они или братья или находятся въ отношеніи отцовъ и дѣтей, такъ и потому, что между ними не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Совмѣстное существованіе богатства и бѣдности служитъ главною причиною смутъ между гражданами. Въ другихъ городахъ—говоритъ Платонъ—въ каждомъ отдѣльномъ городѣ не одинъ городъ, а нѣсколько; одинъ такой городъ часто состоитъ изъ самыхъ богатыхъ, другой просто изъ богатыхъ, третій изъ достаточ-

*) Самъ Платонъ никогда не былъ женатъ; но отъ знакомства съ гетерами не отказывался

ныхъ только, четвертый изъ бѣдныхъ. Начните вы войну съ такимъ городомъ, вы всегда въ самомъ городѣ найдете союзниковъ; такіе города нетрудно побѣждать; а нашъ городъ невозможно, потому что у насъ единодушіе, храбрость, искуство и бодрость (между прочимъ, воины платонова государства не будучи тучны, потому что небогаты, въ состояніи бороться каждый противъ трехъ тучныхъ непріятелей; на это Платонъ также разсчитываетъ).

И такъ платонову государству предстоитъ вѣчное спокойствіе внутри, безопасность со стороны непріятелей, и даже побѣда надъ ними. Можно бы подумать, что его правители зазнаются и захотятъ поработить остальныхъ гражданъ; но противъ этого Платонъ гарантируетъ свое государство тѣмъ, что его правители выбираются изъ самыхъ добрыхъ, безкорыстныхъ, разсудительныхъ и любящихъ отечество воиновъ. Эти качества опредѣляются еще раньше вступленія ихъ въ званіе правителей и пріобрѣтаются ими посредствомъ высшаго образованія. Усвоивши себѣ разныя науки, имѣющія предметомъ явленія воспринимаемыя чувствами, они переходятъ къ высшей наукѣ, діалектикѣ, подъ которою Платонъ разумѣетъ философію въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, для которой всѣ другія науки служатъ только вступленіемъ, подготовкою. Діалектика, пользуясь содѣйствіемъ другихъ наукъ, направляетъ умъ человѣческій, «око душевное» въ область болѣе возвышенную, къ предметамъ, которые постигаются только умомъ, мышленіемъ; она соединяетъ частныя положенія другихъ наукъ и «возводитъ ихъ къ самому началу съ тѣмъ, чтобы утвердить ихъ». Она-то сообщаетъ человѣку наибольшее пониманіе блага, τὴν τοῦ ἀγαθοῦ ἰδέαν, имѣющую тоже, значеніе въ области мысли, какое солнце имѣетъ въ области вещества, и столько же необходимую для нашего ума, какъ солнце необходимо для нашего зрѣнія. А безъ нея всѣ познанія человѣческія съ ихъ частнымъ содержаніемъ, невозведеннымъ къ общему началу, имѣютъ для человѣка самое небольшое значеніе, — мысль, которую въ нашъ вѣкъ реализма въ наукѣ къ сожалѣнію совсѣмъ забываютъ.

Образованіе начальниковъ, по мнѣнію Платона, должно служить вѣрнымъ ручательствомъ за то, что они будутъ хорошо управлять государствомъ; вооруженные пониманіемъ добра, они съумѣютъ осуществить въ государствѣ и справедливость и гармонію, какъ вообще, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.— И потомъ уже, послуживши отечеству, достигши преклонныхъ лѣтъ, они передадутъ управленіе другимъ, а сами предадутся исключительно размышленіямъ и приготовленію къ загробной жизни, дѣйствительное бытіе которой Платонъ тутъ-же кстати и доказываетъ весьма остроумными и глубокими соображеніями. Это вмѣстѣ съ ученіемъ Платона о Богѣ и о человѣческомъ познаніи *) и есть та часть книги Платона, за которую его называютъ языческимъ предшественникомъ христіанскихъ отцевъ церкви **).

Въ разговорѣ о законахъ, какъ мы сказали, Платонъ стремится къ той же цѣли, только съ помощію другихъ средствъ. (См. прил. З). Здѣсь также Платонъ прежде всего имѣетъ въ виду спокойствіе и безопасность государства; такъ же старается основать ихъ на воспитаніи, но уже не на общности имуществъ, а на равенствѣ. Вся земля дѣлится на равные участки, и каждый гражданинъ владѣетъ только однимъ участкомъ. Участки не должны соединяться ни посредствомъ браковъ, ни посредствомъ наслѣдства. Но богатство непоземель-

*) См. прил. Ж.

**) Ж. де-Местръ выразился о Платонѣ даже такимъ образомъ, что «онъ написалъ предисловіе къ Евангелію». Этотъ отзывъ безспорно всего больше относится къ «государству», разговоръ о государствѣ всегда пользовался наибольшимъ вниманіемъ ученыхъ, какъ по богатству содержанія, захватывающаго всѣ стороны жизни человѣка: науку, искусство, воспитаніе, экономическій бытъ, семейство, военное дѣло и даже религію, такъ и по возвышенности содержащихся въ немъ ученій, за исключеніемъ ученія о семейной жизни, къ которому ученые прилагаютъ выраженіе: Homerus quandoque dormitat. — Нѣкоторые ученые были такъ поражены чистотою ученія Платона о божествѣ, что предполагали, будто онъ заимствовалъ его у Евреевъ (См. приложеніе И). Другихъ ученыхъ вводило въ недоумѣніе разнообразіе содержанія въ разговорѣ о государствѣ, такъ что они не могли согласиться въ томъ, что̀ служитъ главнымъ предметомъ его—(См. прил. Л).

ное не совсѣмъ изгоняется изъ государства, а только ограничивается посредствомъ максимума; и Платонъ совѣтуетъ гражданамъ не прилагать сердца къ богатству, находя его все-таки очень вреднымъ.—Между прочимъ въ этомъ государствѣ Платонъ допускаетъ существованіе рабства.

Браки устраиваются также совсѣмъ иначе. Гражданину позволяется выбирать себѣ невѣсту, только не совѣтуется богатому жениться на богатой; онъ можетъ обращать вниманіе на ея нравственныя качества; короче, бракъ совершенно свободный ***).

Самъ Платонъ называетъ этотъ проектъ государства менѣе совершеннымъ, и такъ-какъ онъ написанъ послѣ, то можно думать, что въ немъ Платонъ сошелъ съ высоты своихъ подоблачныхъ теорій, вступилъ въ сдѣлку съ дѣйствительностью, въ надеждѣ, что этотъ новый проектъ можетъ получить практическое примѣненіе. Примѣненія онъ не получилъ, но въ существенныхъ чертахъ онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ спартанскою конституціею Ликурга, которая существовала въ дѣйствительности; и надобно отдать справедливость Платону, онъ болѣе, нежели спартанскій законодатель, обращаетъ вниманія на человѣческое достоинство своихъ гражданъ, на ихъ нравственное и умственное образованіе. Но если взять во вниманіе коренныя основы жизни, то между двумя проектами Платона окажется существеннѣйшая разница; эти не многія слова: общность женъ, дѣтей и имущества—заключаютъ въ себѣ всю соціальную жизнь; второй проектъ не допускалъ ихъ.

***) Замѣчательно, что свободу брака Платонъ нарушаетъ въ своихъ законахъ другимъ образомъ: онъ хочетъ обязать всякаго гражданина, достигшаго тридцатипятилѣтняго возраста, къ браку, а съ неженатыхъ въ этомъ возрастѣ полагаетъ денежный штрафъ, потому что «нужно слѣдовать законамъ природы, вѣчно рождающей, и оставляя жизнь, нужно представлять Богу другихъ служителей вмѣсто себя». Нѣчто подробное было въ Финикіи; и впослѣдствіи моралисты предлагали то же самое средство противъ безбрачія.

Сравнивая проекты Платона съ современнымъ ему состояніемъ Греціи и особенно Аѳинъ, нельзя не замѣтить, что Платонъ искалъ средствъ противъ дѣйствительныхъ золъ тогдашней жизни. Аѳины и вся Греція того времени, какъ мы уже видѣли, страдали отъ чрезмѣрнаго неравенства состояній; оно было дѣйствительною причиною внутреннихъ смутъ во всѣхъ городахъ Греціи. И Платонъ указываетъ противъ него средство; но онъ, какъ часто бываетъ, хочетъ лѣчить зло другимъ, только противоположнымъ: неравенство состояній замѣняетъ уничтоженіемъ собственности. Греція страдала отъ упадка нравственныхъ силъ народа, отъ потери древней доблести, отъ потери религіи, отъ недостатка политической честности Платонъ видитъ средство противъ этого въ воспитаніи юношества, основанномъ на раціональной религіи, представленной въ чертахъ, дѣйствительно, хорошихъ. Греція обязана была потерею всего этого по крайней мѣрѣ отчасти легкомысленному направленію тогдашней философіи и литературы. Платонъ подвергаетъ цензурѣ поэтовъ, старается музу «строгую» поставить на мѣсто музы «сладострастной», развиваетъ философію теоретическую и нравственную, глубокую по своимъ началамъ, несовершенную въ частностяхъ—потому, что и Платонъ не могъ не заплатить дани вѣку и народности, къ которымъ онъ принадлежалъ. Наконецъ, Аѳины страдали отъ демократіи, доведенной до послѣднихъ предѣловъ, до охлократіи; Платонъ предоставляетъ управленіе государствомъ философамъ—людямъ, испытаннымъ въ своихъ способностяхъ, познаніяхъ, чувствахъ и правилахъ.

Вообще Платонъ предлагаетъ средства противъ дѣйствительныхъ золъ общества. Каковы эти средства — это другой вопросъ; но они составляютъ, безспорно, продуктъ ума, искавшаго истины, стремившагося къ исцѣленію общественныхъ язвъ. Есть, однако, недостатки греческой жизни, и весьма существенные, упущенные изъ виду Платономъ; мы уже видѣли, что независимо отъ внутреннихъ партій, греческія республики страдали еще отъ того, что были совершенно разъединены одна отъ другой; малѣйшее недоразумѣніе между ними

вело къ войнѣ; древній амфиктіонскій судъ потерялъ свое значеніе и силу; и Платонъ не дошелъ до мысли какъ нибудь помочь этому злу: онъ разсчитываетъ, что его государство, будучи бѣдно, не возбудитъ жадныхъ взоровъ сосѣдей, а если почему нибудь будетъ вовлечено въ войну, то найдетъ въ себѣ силы, чтобы вынести ее съ честью. Но, безъ сомнѣнія, еще больше надѣялся Периклъ, что Аѳины вынесутъ съ честью войну со спартанцами; и кто въ то время могъ сомнѣваться въ этомъ? А между тѣмъ Аѳины пали. Вслѣдъ затѣмъ едва не пала и Спарта; достаточно было еще одного похода Эпаминонда, чтобы Спарта подверглась участи Аѳинъ. А спартанская конституція очень походила на ту, которую начерталъ Платонъ въ разговорѣ о законахъ. Тамъ такъ же управляли государствомъ мудрые старцы, а воины были храбры и искусны.—А между тѣмъ Платонъ только нѣсколькими десятками лѣтъ умеръ раньше образованія лиги Ахейской. Въ исторіи, безспорно, рядомъ съ необходимымъ дѣйствіемъ законовъ историческихъ, большую роль играютъ и случайности. Можно думать, что еслибы лига Ахейская образовалась столѣтіемъ раньше, то Греція не потеряла бы своей независимости и могла бы нравственно возродиться для лучшей жизни.

Такимъ образомъ противъ одного изъ главныхъ золъ, увлекавшихъ Грецію къ паденію, Платонъ не придумалъ ничего; даже, судя по всему, онъ и не подозрѣвалъ важности этого зла.

Изъ тѣхъ мѣръ, которыя предложены Платономъ для возстановленія падавшей Греціи, наиболѣе замѣчательна организація брака въ сословіи воиновъ, измѣняющая самымъ радикальнимъ образомъ весь ихъ бытъ. Всѣ вообще соціальные реформаторы болѣе или менѣе недовольны существующею организаціею брака, устройствомъ семьи у европейскихъ народовъ; и это недовольство довольно распространено въ нашихъ обществахъ даже между тѣми, которые въ экономическомъ и политическомъ отношеніи не раздѣляютъ воззрѣній соціалистовъ. Впрочемъ оно имѣетъ два характера совершенно противоположные между собою; одни недовольны распущенностью нашей

семьи, недостаточною строгостью въ бракѣ, нерѣдкими случаями нарушенія супружескаго долга, равно какъ и тѣмъ, что брачныя отношенія для мужчинъ, иногда даже и для женщинъ, начинаются гораздо раньше брака, черезъ что образуются разныя виды разврата, которые въ Европѣ перестали считаться такими. Но число недовольныхъ этого рода очень незначительно; гораздо многочисленѣе тѣ, которые въ современномъ бракѣ находятъ условія слишкомъ стѣснительныя; бракъ заключаемый на всю жизнь кажется имъ учрежденіемъ деспотическимъ, ведущимъ къ несчастію нерѣдко обѣ стороны; такіе недовольные — идеаломъ брака считаютъ такой, который позволялъ бы мужу и женѣ безпрепятственно разорвать бракъ и вступить въ новый во всякомъ случаѣ, когда ихъ измѣнившіяся чувства потребуютъ этого. Съ этими воззрѣніями мы еще встрѣтимся впереди, и тогда выскажемъ свое мнѣніе касательно ихъ. Теперь замѣтимъ только, что для подобныхъ тенденцій авторитетъ Платона не служитъ подкрѣпленіемъ; Платонъ даетъ очень мало значенія чувству человѣка въ бракѣ, и въ особенности чувству женщины. Мужчина, если ему нравится какая нибуть женщина, можетъ еще какъ нибуть заслужить, какъ говорится въ романахъ, обладаніе ею посредствомъ подвиговъ; но женщина поставлена совсѣмъ иначе: Платонъ смотритъ на нее, какъ на вещь, посредствомъ которой государство награждаетъ своихъ слугъ и вмѣстѣ съ тѣмъ производитъ здоровыхъ дѣтей сообразно съ своими видами; на ея волю, чувства необращается никакого вниманія. Очевидно такому взгляду на бракъ въ наше время уваженія къ человѣческой личности сочувствовать нельзя; и потому съ точки зрѣнія нравственныхъ интересовъ лицъ, вступающихъ въ бракъ, противъ Платонова идеала брака мы не скажемъ ничего; это не имѣло бы никакой цѣли. — Но существованіе брака ведетъ за собою существованіе семьи; и семья у всѣхъ народовъ, даже у дикихъ, существовала въ видѣ особенной общественной единицы, которой члены связаны между собою происхожденіемъ, чувствами, единствомъ средствъ къ жизни, вообще очень сильными интересами нравственными

и экономическими. Платонъ уничтожаетъ семью; у него она поглощается государствомъ. Авторитетъ Платона въ области нравственнаго ученія очень великъ и потому, разсматривая его соціальный идеалъ, мы находимъ всего умѣстнѣе обратить вниманіе на нравственное и политическое значеніе семьи. Семья служитъ основою, почвою, на которой выростаетъ нравственное достоинство человѣка, одинъ изъ видовъ того нематеріальнаго капитала, безъ котораго невозможно даже матеріальное благосостояніе человѣческихъ обществъ, самое производство богатствъ въ достаточномъ количествѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что строгость и чистота семейной жизни вездѣ совпадаютъ со временемъ наибольшаго развитія нравственныхъ качествъ въ народѣ. Что въ древнѣйшій періодъ греческой жизни греческая семья отличалась крѣпостью и строгостью, это можно видѣть во многихъ фактахъ. Не говоря объ Адметѣ и Альцестѣ, о Троянской войнѣ, возникшей изъ за оскорбленія семейнаго очага, не говоря о Пенелопѣ, укажемъ на факты, имѣющіе характеръ большей исторической достовѣрности. Солонъ указалъ Крезу, какъ на идеалъ человѣческаго счастія, на такіе факты семейной жизни, гдѣ семейство является, какъ святыня въ глазахъ грековъ, которая возвышаетъ ихъ нравственное достоинство и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ имъ истинное счастіе на землѣ. Аѳинскія женщины во время персидскихъ войнъ отличаются домовитостью и исключительною преданностью семейному очагу. Послѣ персидскихъ войнъ положеніе измѣняется; аѳинскія женщины пренебрегаютъ счастіемъ семейной жизни, у нихъ является небывалое стремленіе къ городской разсѣянной жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ къ роскоши, къ издержкамъ сверхъ своихъ средствъ; и наконецъ честная женщина мало по малу уступаетъ мѣсто гетерѣ. Аспазія была первою женщиною въ Аѳинахъ въ началѣ Пелопонезской войны; а въ Спартѣ вскорѣ послѣ этого у царя Агиса родился сынъ, въ законности котораго сомнѣвался самъ отецъ. — Совершенно параллельно этому идетъ нравственное достоинство Греческаго народа. Отъ начала своей исторіи до конца персидскихъ войнъ Греки представ-

ляютъ героическій народъ, для котораго идея долга была выше всего, который для отечества, для согражданъ жертвовалъ и своимъ имуществомъ и своею жизнью. Извѣстно, что послѣ персидскихъ войнъ Греки стали вырождаться, добродѣтели стали между ними рѣдки *); наконецъ они превратились въ тѣхъ graeculos, которые были предметомъ презрѣнія даже для римлянъ временъ имперіи.

Въ исторіи Рима тоже самое: до тѣхъ поръ пока въ Римѣ были Лукреціи, Ветуріи, Волумніи, Корнеліи, Римляне отличались всѣми видами добродѣтели. А когда у нихъ появились Фульвіи, Мессалины, когда въ Римѣ могла жить Клеопатра, съ тѣхъ поръ всякая добродѣтель въ Римѣ сдѣлалась рѣдкостью. — Тоже мы видимъ и у современныхъ народовъ; гдѣ крѣпка семейная жизнь, тамъ крѣпка народная нравственность и наоборотъ. Какъ объясняются эти факты?

О характерѣ и свойствахъ природы человѣческой много спорили; одни находили въ ней только добро, другіе только зло, несомнѣнно то, что человѣкъ бываетъ и добрый и злой, и нравственный и безнравственный, и притомъ такъ, что въ каждомъ человѣкѣ бываетъ соединеніе и тѣхъ и другихъ качествъ; самый добрый и нравственный человѣкъ имѣетъ какіе нибудь недостатки; самый злой и безнравственный человѣкъ имѣетъ какіе нибудь добрыя качества; извѣстно что нѣкоторые люди, получавшіе монтіоновскую премію за добродѣтель, въ послѣдствіи совершали преступленія, за которыя законъ опредѣляетъ смертную казнь. Это показываетъ что человѣческая природа одинаковымъ образомъ содержитъ въ себѣ in potentia и добро и зло.—Если мы будемъ анализиро-

*) Замѣчательно, что Платонъ за нравственный упадокъ аѳинянъ винитъ Перикла говоря, что онъ развратилъ аѳинянъ (Горгій). Намъ кажется, что это мнѣніе заслуживаетъ серьознаго вниманія. Наши историки обыкновенно имѣютъ односторонній взглядъ на вѣкъ Перикла. При Периклѣ, говорятъ, Аѳины дошли до апогея ихъ славы, могущества и благосостоянія. Странно только, что послѣ этого апогея Аѳины немедленно потеряли и могущество и славу и благосостояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ независимость. — Мы съ своей стороны не желаемъ ни одному современному народу апогея, ведущаго за собою подобные результаты.

вать добрыя и злыя качества человѣка, то найдемъ, что добрыя имѣютъ постоянную характеристику въ чувствахъ симпатическихъ. Какое доброе качество мы ни представимъ себѣ, во всякое входитъ, какъ самая существенная черта, симпатическое отношеніе къ другимъ; равнымъ образомъ во всякое злое качество входитъ излишнее развитіе чувства эгоистическаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ всякое доброе, честное, достойное уваженія дѣйствіе человѣка всегда отмѣчено другою чертою неменѣе существенною, уваженіемъ къ идеѣ долга, исполненіемъ его въ большей или меньшей мѣрѣ; что впрочемъ сводится почти къ тому же, потому что исполненіе долга основывается большею частію на правильномъ развитіи чувствъ симпатическихъ и эгоистическихъ. Всѣ истинно великіе люди, всѣ эти свѣтлыя историческія личности, примѣромъ которыхъ возвышалась нравственность народовъ въ теченіи тысячелѣтій, непремѣнно жертвовали своими влеченіями для идеи долга, своими выгодами для выгоды общей, или, другими словами— давали перевѣсъ чувствамъ симпатическимъ надъ чувствами эгоистическими. То же самое мы видимъ и вокругъ насъ: добрымъ отцомъ мы называемъ того, кто своимъ спокойствіемъ и другими удовольствіями жертвуетъ для блага дѣтей, добрый мужъ жертвуетъ свой трудъ и всякаго рода эгоистическія удовольствія для блага жены, такъ же поступаетъ и добрая жена, всякій благотворитель жертвуетъ свои средства, т. е. свои удовольствія, для блага бѣдныхъ и несчастныхъ классовъ народа, преступниковъ, сиротъ, оставленныхъ дѣтей и т. п.—Вопросъ въ томъ, отчего у однихъ преобладаютъ чувства симпатическія, у другихъ чувства эгоистическія, исключительное стремленіе къ личному благосостоянію и удовольствію?—Было и есть довольно мыслителей, которые всякія психическія свойства человѣка ставятъ въ полную и исключительную зависимость отъ его соматической организаціи и перемѣнъ, происходящихъ въ ней. Если это мнѣніе справедливо, то всякому ученому, государственному человѣку, публицисту, педагогу и пр. остается только сложить руки и безстрастно наблюдать происходящее вокругъ него, потому что организма человѣческаго

передѣлать никто не въ состояніи; въ немъ можно производить нѣкоторыя измѣненія посредствомъ извѣстнаго рода пищи, напитковъ и медикаментовъ; и слѣдовательно судьбу человѣчества нужно предоставить поварамъ, виноторговцамъ и дрогистамъ. По счастью, сами сторонники этой философіи далеко не вполнѣ увѣрены въ ея истинности; вслѣдствіе чего они дѣйствуютъ не столько матеріальными средствами на тѣло человѣка, сколько духовными на душу, убѣжденіемъ — на умъ. Слѣдовательно несторонникамъ этой философіи позволительно довѣряться ей еще менѣе.

Другаго рода мыслители характеръ психической дѣятельности ставятъ въ исключительную зависимость отъ воспитанія въ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. отъ воспитанія собственно педагогическаго и отъ воспитанія всею жизнью, всѣми обстоятельствами, окружающими человѣка преимущественно въ юности. Съ этою философіею мы еще встрѣтимся впослѣдствіи. Теперь замѣтимъ только, что неотразимаго вліянія воспитанія на человѣка признать нельзя; бываетъ много примѣровъ, что самое старательное воспитаніе приводитъ къ результатамъ весьма достойнымъ сожалѣнія, съ другой стороны при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ вырабатываются наилучшіе характеры человѣческіе; у лучшихъ отцовъ бываютъ иногда наиболѣе презрѣнныя дѣти, и у дурныхъ отцовъ выдаются дѣти наиболѣе достойныя уваженія. Кромѣ того, достойные уваженія и недостойные его люди встрѣчаются во всѣхъ классахъ общества, при всякихъ состояніяхъ, на всякой ступени цивилизаціи, при всякомъ политическомъ порядкѣ. Все это приводитъ къ тому, что не одно воспитаніе даже въ обширномъ смыслѣ слова образуетъ характеръ человѣка, что въ этомъ дѣлѣ есть мѣсто и для самодѣятельности человѣка. Но тѣмъ не менѣе весьма могущественнаго вліянія воспитанія не признать нельзя, и мы должны допустить, что старательное и болѣе или менѣе разумное воспитаніе въ большинствѣ случаевъ должно дать результаты удовлетворительные, должно способствовать развитію въ человѣкѣ чувствъ симпатическихъ.

Теперь вопросъ въ томъ, въ какой средѣ наилучшимъ образомъ развиваются чувства симпатическія? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы обратимъ вниманіе на возбужденіе и укрѣпленіе всякихъ вообще чувствъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всякое чувство возбуждается и укрѣпляется не иначе, какъ чувствомъ однороднымъ, и убивается или ослабляется чувствомъ противоположнымъ. Любовь возбуждаетъ любовь, ненависть возбуждаетъ ненависть. Съ другой стороны любовь, на которую отвѣчаютъ ненавистью, мало по малу ослабѣваетъ и даже смѣняется ненавистью или нерасположеніемъ; въ свою очередь ненависть обезоруживается или ослабляется любовью, привязанностью. Слѣдовательно для возбужденія симпатическихъ чувствъ въ человѣкѣ всего удобнѣе та среда, которая сама проникнута чувствами симпатическими Но можно ли сравнивать въ этомъ отношеніи семейство и общественное воспитательное заведеніе? Не говоритъ ли намъ ежедневный опытъ, что всякій отецъ и мать больше любятъ своихъ собственныхъ дѣтей, нежели чужихъ? Во всѣ тысячелѣтія исторической и доисторической жизни человѣка, всякій отецъ и всякая мать безъ всякаго вмѣшательства закона, по влеченію своего сердца, жертвовали своимъ спокойствіемъ, удовольствіями, для блага дѣтей и между прочимъ для ихъ воспитанія. — Странно даже доказывать существованіе особаго и весьма сильнаго чувства, родительской любви. И вотъ, дѣйствіе этого-то чувства въ семьѣ и служитъ причиною, что въ ней симпатическія чувства вообще развиваются болѣе надежнымъ способомъ. И если устранить это дѣйствіе, то окажется недостатокъ въ наиболѣе могучемъ средствѣ для возбужденія и укрѣпленія симпатическихъ чувствъ; т. е нравственный характеръ общества, воспитываемаго безъ этого средства, понизится въ своемъ уровнѣ, измѣнится къ худшему въ своемъ качествѣ, общество сдѣлается болѣе эгоистическимъ, т. е. менѣе нравственнымъ и совершеннымъ.—Противъ этого могутъ возразить, что симпатическія чувства, развиваемыя въ семействѣ, все-таки имѣютъ характеръ исключительности, что они направлены на отца, мать, братьевъ и

сестеръ, а не на всѣхъ людей, не на всѣхъ гражданъ; напротивъ въ государствѣ Платона граждане или по крайней мѣрѣ высшій классъ, воины, составляютъ одинъ организмъ, такъ что страданіе одного органа чувствуютъ всѣ другіе; потому что Платоновы воины родные между собою, родители или дѣти, братья или сестры и пр.—Но они родные не дѣйствительно по крови, а потому что дѣти не знаютъ своихъ родителей, братья не знаютъ своихъ братьевъ и т. д. и потому всѣ почитаютъ другъ друга родными условнымъ образомъ. И еще Аристотель справедливо замѣтилъ, что такое родство возбуждаетъ чувство людей и вообще связываетъ ихъ между собою очень ненадежнымъ образомъ, что онъ желалъ бы быть лучше «племянникомъ при обыкновенномъ порядкѣ вещей, чѣмъ сыномъ» въ государствѣ Платона. *) Природу передѣлать нельзя; нельзя достигнуть того, чтобы отцы и матери одинаково любили и своихъ и чужихъ дѣтей и наоборотъ дѣти одинаково любили и своихъ и чужихъ отцовъ и матерей.—Что касается исключительности родственныхъ чувствъ, она составляетъ явленіе естественное, и необходимое въ нравственномъ воспитаніи человѣка; и ее нельзя понимать такимъ образомъ, чтобы она закрывала сердце человѣка для симпатическихъ чувствъ ко всему остальному міру за границею семьи. Въ симпатическихъ чувствахъ человѣка существуетъ извѣстная, естественная градація, которой ступени отличаются одна отъ другой силою и характеромъ, но не исключаютъ, а даже взаимно обусловливаютъ одна другую. Родственныя чувства не уничтожаютъ чувствъ патріотическихъ, а чувства патріотическія не уничтожаютъ чувствъ гуманно-космополитическихъ. Одинъ современный ученый (Рошеръ) даже очень вѣрно замѣчаетъ, что отсутствіе симпатическихъ

*) Впрочемъ Аристотель думаетъ, что въ Платоновомъ государствѣ, невозможно будетъ достигнуть того, чтобы отцы и матери не знали своихъ дѣтей По его мнѣнію отцы всегда будутъ узнавать ихъ по физическому сходству съ ними самими, подобно тому, какъ въ Верхней Ливіи при общности женъ, отцы дѣлятъ между собою дѣтей по сходству. (Политика, кн. II, гл. 1)

чувствъ къ лицамъ болѣе близкимъ, къ роднымъ, къ соотечественникамъ, при существованіи такихъ чувствъ къ лицамъ болѣе далекимъ, ко всему вообще человѣчеству, дѣлаетъ очень подозрительными эти послѣднія чувства, этотъ всеобщій гуманизмъ и космополитизмъ. Намъ кажется, что это замѣчаніе основано на глубокомъ пониманіи природы человѣка. Человѣкъ по природѣ своей эгоистъ; любви къ самому себѣ ему никакая религія не внушаетъ, не предписываетъ; эта любовь предполагается, какъ фактъ безспорный и всеобщій, котораго религія не отрицаетъ и не желаетъ уничтожить, и который настолько присущъ природѣ человѣка и на столько пропикаетъ ее, что нѣкоторая доля его должна непремѣнно проявляться въ самыхъ симпатичныхъ чувствахъ. Человѣкъ любитъ своего отца, своихъ дѣтей, своихъ родныхъ, своихъ земляковъ, своихъ соотечественниковъ, своихъ соплеменниковъ, и пр., и наконецъ всѣхъ вообще себѣ подобныхъ. Въ этой градаціи чувствъ и отношеній весьма легко замѣтить, что симпатическія чувства тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе отношенія, соединяющія людей, чѣмъ тѣснѣе кругъ, образуемый извѣстными отношеніями; такъ членовъ своей семьи человѣкъ любитъ больше, чѣмъ вообще родныхъ, родныхъ любитъ больше, чѣмъ всѣхъ своихъ земляковъ, земляковъ—больше, чѣмъ вообще соотечественниковъ,—соотечественниковъ больше, чѣмъ соплеменниковъ и т. д. Какъ объясняется это психическое явленіе? Его можно объяснить не иначе, какъ тѣсною связью между чувствами эгоистическими и симпатическими. Если человѣкъ любитъ однихъ больше, другихъ меньше, и если мы замѣчаемъ, что степень чувства соотвѣтствуетъ близости отношеній, связывающихъ этого человѣка съ любимыми существами, то очевидно эта близость и служитъ необходимымъ условіемъ большей или меньшей степени чувства. И слѣдовательно, если при большей близости отношеній мы не замѣчаемъ въ человѣкѣ чувствъ симпатическихъ, а при меньшей близости замѣчаемъ ихъ, то очень легко усомниться въ искренности этихъ чувствъ, въ ихъ неподдѣльности, въ томъ, что они не напускныя. Если

какой-нибудь отецъ проматываетъ состояніе своихъ дѣтей, пренебрегаетъ ихъ воспитаніемъ и въ то же время жертвуетъ значительныя суммы на какія-нибудь благотворительныя цѣли, состоитъ членомъ какого-нибудь филантропическаго общества, то можно съ большою увѣренностью утверждать, что его филантропическія чувства существуютъ только наружнымъ образомъ, на показъ. И сочлены этого филантропа-родителя поступили бы правильно и разумно, еслибъ они, поблагодаривши его за содѣйствіе имъ въ достиженіи ихъ цѣлей, обратили вниманіе его на собственныхъ дѣтей. Такимъ образомъ исключительность симпатическихъ чувствъ, возбуждаемыхъ въ семействѣ, совсѣмъ не заслуживаетъ осужденія; мало того, въ ней мы должны видѣть необходимый признакъ способности человѣка къ чувствамъ симпатическимъ вообще, необходимое условіе симпатическаго, т. е. нравственнаго воспитанія человѣка Непризнаніе этого благотворнаго значенія семейной жизни со стороны Платона мы можемъ объяснить только особенностями тѣхъ политическихъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ жилъ. Мы видѣли, что состояніе Спарты по крайней мѣрѣ въ первую половину жизни Платона (когда написанъ разговоръ о государствѣ) было гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ состояніе Аѳинъ. Очень естественно, что это было приписано Платономъ дѣйствію спартанскихъ учрежденій и между прочимъ, а можетъ быть и главнымъ образомъ, спартанскому воспитанію. А спартанское воспитаніе по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ лѣтахъ отрывало ребенка отъ семейства. Находя это правильнымъ, Платонъ потребовалъ болѣе строгаго примѣненія принципа: онъ уже ни одного дня не оставляетъ ребенка на рукахъ отца съ матерью, а прямо послѣ рожденія передаетъ его на руки правителямъ государства. Послѣ того, разумѣется, нѣтъ причины (по крайней мѣрѣ главной) для существованія семейства и постояннаго брака; Платонъ не задумывается и ихъ уничтожить и замѣняетъ ихъ временнымъ спариваньемъ мужчинъ и женщинъ, совершаемымъ сообразно съ видами государства, и съ полнымъ пренебреженіемъ къ личнымъ человѣческимъ чувствамъ и мужчины и женщины.

Взглядъ Платона на семейство и вмѣстѣ съ тѣмъ на бракъ тѣмъ болѣе страненъ, что онъ исходитъ именно отъ него, отъ философа-идеалиста, всегда и вездѣ старающагося возвысить природу человѣческую. Въ самомъ взглядѣ на отношенія между полами это стремленіе Платона возвысить природу человѣческую отчасти также замѣтно. Извѣстенъ его взглядъ на любовь (платоническая любовь), по которому онъ желаетъ, чтобы это чувство между молодыми людьми не было унижено никакими соматическими пожеланіями; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проектируетъ въ своемъ идеальномъ государствѣ такія отношенія между полами, которыя совершенно унижаютъ человѣческое достоинство и мужчины и женщины. Это очевидная непослѣдовательность со стороны Платона, противорѣчіе его своимъ собственнымъ принципамъ, которое впрочемъ легко объясняется нѣкоторыми наблюденіями надъ его сочиненіями.—Еще древніе раздѣляли сочиненія Платона на два разряда: во 1-хъ такія, въ которыхъ онъ стремится доказать какія-нибудь истины, во 2-хъ такія, которыя имѣютъ цѣлью только упражненіе ума. Кажется и та и другая цѣль могутъ быть ясно различаемы не только въ отдѣльныхъ разговорахъ, но и въ одномъ и томъ же, напр. въ разговорѣ о государствѣ. Другими словами эта мысль можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ. Платонъ слишкомъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на подробностяхъ, забывая объ ихъ отношеніи къ цѣлому, къ задачѣ всего сочиненія, къ его идеѣ. Такъ, заботясь о томъ, чтобы воины его государства отличались крѣпостью, онъ устраиваетъ систему браковъ, которая дѣйствительно приведетъ къ этой цѣли, заботливо указываетъ всѣ подробности, которыя облегчатъ достиженіе ея, отстраняетъ всякія препятствія, могущія затруднить его. Планъ выходитъ цѣлесообразенъ въ цѣломъ и въ частяхъ; но въ немъ забыты такія вещи, которыми самъ же Платонъ чрезвычайно дорожитъ, забыто человѣческое достоинство, человѣческое благополучіе, по крайней мѣрѣ такая доля его, на которую всякій имѣетъ право разсчитывать, и даже забыта самая справедливость, на

мѣсто которой прямо и открыто ставится неправда, обманъ.— Если слѣдить за Платономъ шагъ за шагомъ, страница за страницей, и притомъ такъ, чтобы каждая страница отвѣчала только за себя, и не была обязана соглашать свое содержимое съ содержимымъ страницъ предъидущихъ и послѣдующихъ, то нить его разсужденій окажется безукоризненною. Въ противномъ случаѣ она нерѣдко заслуживаетъ серьезныхъ упрековъ. Это мы замѣтили на разсужденіяхъ Платона о бракѣ; то же, можетъ быть еще въ большей степени, обнаруживается въ нѣкоторыхъ другихъ частностяхъ его системы.

Послѣ брака важнѣйшая изъ этихъ частностей состоитъ въ имущественномъ коммунизмѣ. Платоновъ коммунизмъ существенымъ образомъ отличается отъ коммунизма нашего времени; онъ подчиненъ ограниченіямъ, которыя даютъ ему особый смыслъ. Именно у Платона коммунизмъ относится не къ производству, а только къ потребленію, и практикуется только въ одномъ сословіи воиновъ за исключеніемъ всѣхъ другихъ сословій производительныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Мы надѣемся, что въ нашемъ изложеніи системы Платона это совершенно очевидно; но такому взгляду противорѣчитъ авторитетъ очень важный. Аристотель, современикъ и ученикъ Платона Аристотель, разбирая въ своей «Политикѣ» соціальныя ученія Платона, между прочимъ, говоритъ, будто у Платона не видно, на кого собственно простирается коммунистическая организація въ имуществѣ, на однихъ воиновъ или на всѣхъ вообще жителей государства. Аристотеля уже упрекали ученые въ томъ, что, разбирая Платона, онъ невѣрно приводитъ его мысли. Этотъ упрекъ безъ сомнѣнія всего справедливѣе относится именно къ этому мѣсту. Правда, у Платона нѣтъ отдѣльной, точной, опредѣленной фразы, которая говорила бы, что коммунизмъ въ бракѣ или имуществѣ не относится ни къ кому изъ гражданъ его государства, кромѣ воиновъ. Но это несомнѣнно явствуетъ изо всего, что Платонъ проектируетъ для промышленныхъ классовъ. Во-первыхъ, какъ мы видѣли, сословіе промышленниковъ организовано такъ, что они производятъ,

трудятся побуждаемые личнымъ интересомъ; они производятъ на свой страхъ; произведенные предметы они промѣниваютъ другъ у друга посредствомъ торговли и денегъ (см. прилож. В); они пріобрѣтаютъ поля, строятъ для себя прекрасные дома, покупаютъ мебель, приносятъ богамъ особенныя жертвы, принимаютъ гостей, копятъ золото, серебро и пр. (См. пр. Е.) Можно ли послѣ всего этого сомнѣваться, что промышленныя сословія организуются Платономъ не въ духѣ коммунизма? Всѣ приведенныя черты ихъ быта совершенно несовмѣстны съ коммунизмомъ, прямо противоположны ему. Для доказательства нашей мысли мы могли бы привести изъ разговора о государствѣ цѣлые десятки другихъ мѣстъ, показывающихъ, что коммунизмъ въ имуществѣ, вопреки Аристотелю, проектируется Платономъ исключительно для воиновъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разумѣется для правителей, которыхъ бытъ Платонъ устраиваетъ одинаковымъ образомъ съ воинами, смотря на тѣхъ и на другихъ, какъ на одинъ классъ *). Надобно только удивляться, какимъ образомъ Аристотель могъ допустить подобную ошибку; и объяснять ее кажется нужно такимъ образомъ, что Аристотель, изучая конституціи, существовавшія въ его время и даже раньше, существовавшія въ дѣйствительности или только на бумагѣ, подобно проектамъ Платона, и составляя свое критическое обозрѣніе ихъ, перемѣшалъ подробности, относящіяся къ нимъ; и между прочимъ представилъ невѣрно нѣкоторыя подробности соціальной системы Платона.

Аристотель и отчасти Моргенштернъ сомнѣваются еще въ томъ, къ кому относитъ Платонъ свой коммунизмъ въ бракѣ, къ воинамъ или ко всѣмъ вообще гражданамъ. Въ этомъ случаѣ сомнѣніе опять ни на чемъ не основано. Правда, Платонъ

*) Какъ мы уже сказали, воиновъ Платонъ постоянно называетъ стражами (φύλακες), правителей называетъ архонтами (ἄρχοντες); но въ тоже время называетъ ихъ и стражами, прибавляя только къ нимъ названіе совершенныхъ (φύλακες παντελεῖς), а воиновъ называетъ помощниками и сотрудниками въ рѣшеніяхъ архонтовъ (ἐπίκουροι καὶ βοηθοὶ τοῖς τῶν ἀρχόντων δόγμασιν).

о бракѣ промышленныхъ классовъ совсѣмъ ничего не говоритъ. Не смотря на то, нѣтъ никакого сомнѣнія, что коммунизмъ въ бракѣ не предназначается имъ для этихъ классовъ. Такъ во-первыхъ коммунизмъ въ бракѣ вмѣстѣ съ коммунизмомъ въ имуществѣ устроивается съ цѣлью возвышенія нравственнаго уровня и вмѣстѣ съ тѣмъ улучшенія породы только одного класса воиновъ, вслѣдствіе чего Платонъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ говоритъ, что «жены и дѣти общія у воиновъ», а не вообще у гражданъ (одно изъ этихъ мѣстъ мы привели выше). Во-вторыхъ существованіе частнаго имущества уже само по себѣ предполагаетъ существованіе семейства. Но кромѣ того Платонъ прямо и ясно говоритъ, что люди, принадлежащіе къ промышленному классу, имѣютъ семейства, заботятся о его содержаніи и даже о будущности. Такъ, описывая бытъ гражданъ, Платонъ говоритъ, что они будутъ вкушать пищу вмѣстѣ съ дѣтьми, чего не могло бы быть при коммунизмѣ въ бракѣ, и при стремленіи самого Платона къ тому, чтобы дѣти, происходящія отъ коммунистическаго брака, не знали родителей и сами оставались имъ неизвѣстны. Очевидно, семейный бытъ промышленныхъ классовъ существеннымъ образомъ отличается отъ быта воиновъ. Далѣе Платонъ говоритъ, что граждане, принадлежащіе къ промышленнымъ классамъ, постараются имѣть дѣтей не болѣе того, сколько позволяетъ имъ состояніе *). Отсюда слѣдуетъ во-первыхъ, что рожденіе дѣтей, заключеніе браковъ въ промышленныхъ классахъ зависятъ уже отъ самихъ гражданъ, а не отъ правителей, во-вторыхъ, что граждане не только знаютъ своихъ дѣтей, не только не отдаютъ ихъ въ общественные воспитательные дома подобно воинамъ, но и сами должны заботиться объ ихъ содержаніи: двойное доказательство—въ пользу несуществованія въ средѣ промышленныхъ классовъ коммунизма брачнаго и коммунизма имущественнаго **). Но вмѣстѣ съ тѣмъ

*) Госуд. кн. 2-я.

**) Доказательствъ этихъ впрочемъ въ книгѣ Платона разсѣяно много, такъ родными: братьями и сестрами, отцами и дѣтьми считаютъ себя только воины. Другіе классы исключены изъ этого родства.

Платонъ дѣйствительно говоритъ вещи, которыя могутъ вводить его читателя въ сомнѣніе Такъ по его проекту способныя дѣти изъ промышленнаго класса будутъ переходить въ сословіе воиновъ, а неспособныя дѣти воиновъ въ промышленный классъ. Но если промышленникъ отдастъ своего ребенка въ сословіе воиновъ, когда у него окажутся способности, то и онъ будетъ знать своего сына, и сынъ будетъ знать своего отца, что противорѣчитъ одному изъ главныхъ стремленій законодателя Потомъ, кто же будетъ воспитывать и содержать ребенка, переведеннаго изъ сословія воиновъ въ промышленный классъ? Въ этомъ классѣ всякій отецъ воспитываетъ и содержитъ своего сына, и нельзя навязать ему чужаго; потому что изъ этого класса семейныя отношенія и чувства не изгнаны, и собственность въ немъ существуетъ. Слѣдовательно ребенку, удаленному изъ сословія воиновъ, пристать къ промышленному классу негдѣ. Очевидно все это Платонъ упустилъ изъ виду, подробности не связалъ съ цѣлымъ. — Впрочемъ оставимъ въ сторонѣ Платоновъ коммунизмъ въ бракѣ, мы уже достаточно высказались касательно возможныхъ нравственныхъ результатовъ его.

Теперь обратимся къ коммунизму имущественному. Аристотель вооружается противъ него очень сильно. Общая собственность, говоритъ онъ, убиваетъ въ насъ прилежаніе, а частная возбуждаетъ его; люди весьма усердно заботятся о своихъ собственныхъ дѣлахъ, а общественныя оставляютъ безъ вниманія.—Эти аргументы годятся противъ всякаго другаго коммунизма, кромѣ коммунизма Платона. У Платона коммунизмъ исключительно потребительный, а не производительный; а въ потребленіи люди одинаково прилежны при коммунизмѣ и при частной собственности, быть можетъ даже при коммунизмѣ нѣсколько прилежнѣе въ той мысли, чтобы «наше не пропадало». Слѣдовательно въ усердіи Платоновыхъ воиновъ къ потребленію того, что доставятъ имъ промышленные классы, сомнѣваться, вопреки Аристотелю, нельзя. Другія возраженія Аристотеля направлены гораздо вѣрнѣе: такъ онъ говоритъ, что при коммунизмѣ люди гораздо больше будутъ ссориться только

потому одному, что они очень часто будутъ между собою встрѣчаться; другою причиною, увеличивающею ссоры между гражданами, явится распредѣленіе произведеній *). Съ тѣмъ и другимъ нельзя не согласиться. Но вообще Платоновъ коммунизмъ, т. е. коммунизмъ въ потребленіи есть вещь весьма легко осуществимая, даже осуществленная и существующая въ настоящее время. Такъ войска вездѣ продовольствуются коммунистическимъ порядкомъ: солдаты получаютъ все готовое и потребляютъ сообща; у нихъ общее помѣщеніе, общій столъ; платье, обувь, оружіе выдаются каждому отдѣльно; но безъ сомнѣнія то же имѣлъ въ виду и Платонъ, говоря о нѣкоторыхъ необходимыхъ вещахъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ воинамъ. Правда, солдаты не имѣютъ съ собою въ казармахъ и за общимъ столомъ своихъ женъ. Но и это не представило бы ничего неисполнимаго, особенно — если положить за правило — въ случаѣ рожденія ребенка тотчасъ отбирать его въ общественный воспитательный домъ. Это увеличило бы только издержки содержанія войска. Правда еще, что такая жизнь не представляетъ ничего привлекательнаго; но Платонъ въ этомъ отношеніи себя и не обманываетъ. Онъ согласенъ, что прочіе граждане могутъ быть счастливѣе воиновъ; но проектируемая имъ организація военнаго сословія необходима для того, чтобы воины не сдѣлались жадны, чтобы собаки не превратились въ волковъ. Когда воины, говоритъ Платонъ, пріобрѣтутъ землю, дома и деньги, то вмѣсто стражей сдѣлаются хозяевами и земледѣльцами, вмѣсто защитниковъ прочихъ гражданъ—непріязненными господами. **) А намъ кажется, что напротивъ, не имѣя собственности, воины будутъ непріязненнѣе смотрѣть на прочихъ гражданъ, и гораздо скорѣе сдѣлаютъ покушеніе противъ ихъ свободы и противъ законовъ. И исторія подтвердитъ это мнѣніе. Катилина потому задумалъ сдѣлать переворотъ въ Римѣ, что разорился. Та же причина побудила и Цезаря устроить тріумвиратъ. Компетентные судьи увѣряютъ, что подобная причи-

*) Политика, книга II, гл. 2-я. — **) См. прил. Д.

на побудила и Цезаря нашихъ дней перейти свой Рубиконъ.— Вообще мысль Платона, что неимѣніе собственности удержитъ воиновъ въ повиновеніи законамъ, принадлежитъ къ числу предположеній наименѣе оправдываемыхъ и исторіей и психологіею. Впрочемъ и тутъ Платонъ не хочетъ обманывать себя вполнѣ; онъ не имѣетъ полной увѣренности, что его воины всегда будутъ довольны своимъ состояніемъ, всегда будутъ добрыми стражами. Онъ, какъ мы видѣли, допускаетъ возможность противнаго; но надѣется, что всякая попытка со стороны воиновъ къ ниспроверженію существующаго порядка, окончится неудачею и повлечетъ за собою наказаніе виновныхъ. Но очевидно, этотъ разсчетъ принадлежитъ къ числу такихъ, которые имѣютъ очень неполную вѣроятность исполненія. Попытка воиновъ въ платоновомъ, какъ и во всякомъ другомъ, государствѣ, можетъ окончиться и неудачею и удачею. Дѣло въ томъ, что у воиновъ Платона есть причина быть недовольными своимъ положеніемъ; это и дѣлаетъ существованіе его государства непрочнымъ. Главная задача, предположенная Платономъ, оказывается нерѣшенною. Но есть и другая причина, дѣлающая непрочнымъ существованіе его государства. Положеніе промышленныхъ классовъ въ немъ таково, что и они не могутъ не желать перемѣнъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ отличаются промышленные классы Платона отъ промышленныхъ классовъ напр. въ Аѳинахъ? — Въ Аѳинахъ промышленные классы страдали отъ общихъ политическихъ и экономическихъ невзгодъ своего отечества и во время Платона были вообще недостаточны. Чѣмъ же гарантируетъ Платонъ экономическое благосостояніе своихъ гражданъ? Очевидно ничѣмъ. Онъ говоритъ только, что стражи должны внимательно наблюдать, чтобы бѣдность и богатство безъ ихъ вѣдома не вторглись въ городъ. Но противъ богатства стражи еще могутъ сдѣлать что-нибудь очень дѣйствительное. А противъ бѣдности они совершенно безсильны. Если бѣдность безъ ихъ вѣдома вторгнется въ городъ, то не въ ихъ власти будетъ изгнать ее. Обѣднѣвшіе же граждане очевидно не будутъ усердными почитателями порядка, при которомъ имъ живется худо. Правда они не владѣютъ оружіемъ и

сами по себѣ не въ состояніи произвести революцію, но они могутъ поддержать тѣхъ изъ воиновъ, которые задумаютъ ниспровергнуть существующій порядокъ вещей.

Промышленные классы имѣютъ и другія причины быть недовольными своимъ положеніемъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ гражданами дѣйствительныхъ греческихъ государствъ. Въ Греціи вездѣ, даже въ аристократическихъ государствахъ, народная масса принимала нѣкоторое участіе въ правленіи; въ самой Спартѣ существовало народное собраніе. А Платонъ свои промышленные классы совершенно устраняетъ отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, предоставляя ихъ исключительно правителямъ и воинамъ, стражамъ совершеннымъ и простымъ; (вслѣдствіе этого Платонъ самъ и называетъ свое государство аристократическимъ). Съ такимъ порядкомъ дѣлъ грекъ помириться не могъ. И Платонъ, если вздумалъ бы осуществлять свой планъ, долженъ былъ искать для него другой почвы, гдѣ-нибудь внѣ Греціи. — Платонъ тѣмъ болѣе несправедливъ къ промышленнымъ классамъ, что вся экономическая тяжесть государственнаго управленія лежитъ исключительно на нихъ. Они доставляютъ воинамъ и правителямъ все ихъ содержаніе, всѣ средства для защиты государства и управленія имъ. Это безъ сомнѣнія не увеличиваетъ ихъ экономическаго благосостоянія. Конечно и воины и правители люди не безполезные; но во всякомъ случаѣ постоянное содержаніе войска въ количествѣ и въ состояніи, которыя позволяютъ ему во всякое время начать войну, по справедливости считается обременительнымъ для платильщиковъ податей. Слѣдовательно тутъ лежитъ новая причина не улучшающая, а ухудшающая бытъ промышленныхъ классовъ народа. Но въ этомъ случаѣ Платонъ снова не обманываетъ себя. Онъ и не говоритъ, чтобы его промышленники пользовались хорошимъ экономическимъ и политическимъ положеніемъ, и только сравнивая его съ положеніемъ рабовъ въ греческихъ государствахъ отдаетъ ему предпочтеніе. Въ другихъ государствахъ, говоритъ Сократъ, самый низшій классъ народа находится въ рабствѣ; соотвѣтственно этому всѣхъ принадлежащихъ къ нему и называютъ

рабами, а въ нашемъ государствѣ правители будутъ звать принадлежащихъ къ промышленнымъ классамъ людей не рабами, а платильщиками и кормильцами (μισθοδότας καὶ τροφέας). Правда, положеніе платильщиковъ и кормильцевъ лучше, чѣмъ положеніе рабовъ. Но когда люди только платятъ, повинуются, хотя бы они повиновались и платили лучшимъ философамъ въ мірѣ, своей судьбой они довольны не будутъ и захотятъ перемѣнить ее. А если эти философы окажутся со слабостями, то желаніе перемѣны въ платящихъ и повинующихся будетъ еще сильнѣе; т. е. и у Платона, какъ и въ другихъ государствахъ Греціи, будетъ не одинъ городъ, а два. Одинъ будетъ состоять изъ довольныхъ существующимъ порядкомъ, другой изъ недовольныхъ, и слѣд. спокойствіе и безопасность Платонова государства будутъ обезпечены очень ненадежнымъ образомъ.

Вообще новыя основы общественной жизни, проектируемыя Платономъ, вводятъ такія политическія и экономическія отношенія между различными классами общества, которыя не могутъ удовлетворить ни однихъ, ни другихъ, и въ то же время индивидуальную жизнь человѣка, въ высшемъ, руководящемъ классѣ этого общества, подвергаютъ такимъ грубымъ ограниченіямъ, которыя противны его благосостоянію, способны заглушить всякое доброе чувство въ человѣкѣ взросломъ и препятствуютъ развитію его въ ребенкѣ, т. е. будутъ не содѣйствовать, а противодѣйствовать той цѣли, для которой должно существовать всякое государство.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

Поводъ къ разговору о государствѣ

(Государство, кн. I.)

«Вчера съ Главкономъ, сыномъ Аристона, я ходилъ въ Пирей поклониться божеству, и вмѣстѣ съ тѣмъ посмотрѣть, какъ будетъ идти праздникъ, совершаемый нынѣ въ первый разъ. Мнѣ показалось, что церемонія выполнена здѣшними жителями столь же хорошо, какъ будто бы выполняли ее сами Ѳракійцы. Поклонившись и посмотрѣвши, мы отправились назадъ въ городъ (т. е. въ Аѳины). Тутъ Полемархъ, сынъ Кефаловъ, увидѣвъ издали, что мы спѣшимъ домой, приказалъ своему мальчику догнать насъ и просить, чтобы мы подождали. Мальчикъ, схвативъ меня сзади за плащъ, сказалъ: Полемархъ просилъ васъ подождать. — Я обернулся и спросилъ: гдѣ же онъ? — Онъ назади, идетъ сюда, отвѣчалъ мальчикъ, подождите, сдѣлайте милость. — Хорошо, подождемъ, сказалъ Главконъ. — Немного спустя, къ намъ подошли Полемархъ, Адимантъ, сынъ Главкона, Никиратъ, сынъ Никія, и нѣкоторые другіе, возвращавшіеся съ церемоніи. — Тогда Полемархъ сказалъ: Сократъ! вы, кажется спѣшите въ городъ. — Тебѣ

Прим. Эти приложенія заимствованы изъ перевода разговора о государствѣ Карпова, и разговора о законахъ Оболенскаго. Оба перевода, особенно переводъ Карпова, отличаются большою точностью. Переводчикъ разговора о государствѣ переводитъ почти каждую греческую частицу, каждое собственно эллинское выраженіе съ буквальною точностью Это дѣлаетъ переводъ его весьма достойнымъ вниманія въ глазахъ ученаго, но отъ этого мѣстами страдаетъ русскій языкъ Въ переводѣ Оболенскаго русскій языкъ довольно устарѣлъ. Вслѣдствіе этого въ обоихъ переводахъ я позволялъ себѣ измѣнять нѣкоторыя выраженія, послѣ сравненія ихъ съ подлинникомъ (изд. 1781—1787 г. Вір.), если находилъ, что эти выраженія недовольно ясны или невполнѣ удачно передаютъ мысль автора.

правильно кажется, отвѣчалъ я.—А видишь ли, сколько насъ? прибавилъ онъ.—Какъ не видѣть.—Такъ вамъ, говоритъ, надобно или быть посильнѣе этого общества, или остаться здѣсь.—Но есть еще одно, возразилъ я: убѣдить васъ въ томъ, что не слѣдуетъ задерживать насъ. — А развѣ можно убѣдить тѣхъ, которые не слушаютъ? спросилъ онъ.—Совершенно невозможно, отвѣчалъ Главконъ. — Будьте же увѣрены, сказалъ онъ, что мы слушать васъ не станемъ.—Ужели вы не знаете, примолвилъ Адимантъ, что вечеромъ въ честь божества будетъ конская скачка съ факелами? — Конская скачка! воскликнулъ я; это новость: то-есть, обгоняя другъ друга на коняхъ, будутъ передавать одинъ другому факелы? Такъ ли?—Именно такъ, отвѣчалъ Полемархъ; и сверхъ того будутъ устроены другія ночныя увеселенія, которыя стоитъ посмотрѣть. Послѣ ужина мы увидимъ ихъ и, встрѣтивъ тамъ много молодыхъ людей, будемъ разговаривать съ ними. Останьтесь-ка, не упрямьтесь.—Да, приходится остаться, сказалъ Главконъ.—Если угодно, пусть будетъ такъ, примолвилъ я.—

«Такимъ образомъ мы пошли въ домъ къ Полемарху и встрѣтили тамъ Полемарховыхъ братьевъ—Лизія и Эвеидема, вмѣстѣ съ Халкидонцемъ Тразимахомъ, Пеанцемъ Харантидомъ и Клитофономъ Аристонимовымъ. Тутъ же былъ и отецъ Полемарха—Кефалъ. Мнѣ показалось, что онъ очень постарѣлъ; прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ его. Старикъ сидѣлъ съ вѣнкомъ на головѣ на стулѣ, покрытомъ подушкой, потому что приносилъ жертву на домашнемъ жертвенникѣ. Мы усѣлись подлѣ него, такъ какъ здѣсь вокругъ стояли стулья. Увидѣвъ меня, онъ тотчасъ сдѣлалъ мнѣ привѣтствіе и сказалъ: Сократъ! ты нынѣ рѣдко жалуешь къ намъ въ Пирей; а надобно бы. Если бы я имѣлъ довольно силы, чтобы ходить въ городъ, то тебѣ хоть бы и не бывать здѣсь; тогда мы сами посѣщали бы тебя. А теперь ты долженъ приходить къ намъ чаще; чѣмъ болѣе чуждыми становятся для меня удовольствія тѣлесныя, тѣмъ сильнѣе возрастаетъ во мнѣ желаніе и удовольствіе бесѣдовать. Итакъ продолжай заниматься—съ этими молодыми людьми, но не забывай навѣщать и насъ, какъ друзей и короткихъ знакомыхъ. — Мнѣ пріятно, Кефалъ, бесѣдовать съ глубокими старцами, сказалъ я: они уже прошли тотъ путь, которымъ идти, можетъ быть, понадобится и намъ; а потому у нихъ-то, думаю, слѣдуетъ спрашивать, каковъ онъ, — труденъ или легокъ. Особенно тебѣ я охотно вѣрилъ бы въ этомъ отношеніи; потому что ты уже въ томъ возрастѣ, который поэты называютъ порогомъ старости, Что же, трудна эта часть жизни? какъ ты скажешь? — Я скажу тебѣ, Сократъ, ради Зевса, именно то, что мнѣ кажется, отвѣчалъ

онъ. Нѣсколько насъ человѣкъ, почти равныхъ лѣтъ, часто сходимся въ какое-нибудь одно мѣсто, оправдывая старинную пословицу. Въ нашихъ собраніяхъ многіе оплакиваютъ вожделѣнныя удовольствія юности, воспоминанія о любовныхъ связяхъ, попойкахъ, пирушкахъ и другихъ забавахъ того же рода, и обнаруживаютъ брюзгливость, какъ будто лишились чего-то великаго, какъ будто въ тѣ времена они жили прекрасно, а теперь вовсе не живутъ. А иные досадуютъ на то, что ихъ старость подвержена насмѣшкамъ со стороны ближнихъ; а потому о ней, какъ о виновницѣ всѣхъ своихъ золъ, они поютъ ту же жалобную пѣсню. Но по моему, Сократъ, тутъ не старость виновата. Если бы причиною дѣйствительно была старость, то и я терпѣлъ бы отъ ней то же самое, что всѣ прочіе, достигшіе того же возраста. Знай, Сократъ, что кто близокъ къ мысли о смерти, у того рождается боязнь и забота о такихъ предметахъ, о которыхъ прежде онъ и не думалъ. Надъ миѳами о преисподней, о томъ, что порочные должны тамъ получить наказаніе, до самой старости человѣкъ смѣется; а когда придетъ она, въ его душу вселяется мучительное недоумѣніе, — что если они справедливы. Отъ слабости ли, свойственной старику, или отъ близости къ той жизни, онъ какъ-то болѣе занятъ тѣмъ, что будетъ за гробомъ. Полный сомнѣнія и страха, онъ начинаетъ размышлять и разсматривать, не обидѣлъ ли кого какъ-нибудь. Находя въ своей жизни много несправедливостей, подобно дѣтямъ, нечаянно пробужденнымъ отъ сна, онъ трепещетъ и живетъ съ горькими ожиданіями. А кто не сознаетъ въ себѣ ничего несправедливаго, тому всегда сопутствуетъ пріятная надежда, добрая питательница старости, какъ говоритъ Пиндаръ».

Б.

Разсужденіе софиста о справедливости.

(Госуд. кн. I).

«Среди нашего разговора Тразимахъ *) неоднократно порывался прервать рѣчь, но все былъ удерживаемъ другими, тутъ сидѣвшими, которымъ хотѣлось выслушать бесѣду до конца. Когда же мы остановились и я предложилъ этотъ вопросъ (въ чемъ состоитъ справедливость), онъ уже не удержался, но, ощетинившись подобно звѣрю, подбѣжалъ къ намъ, какъ будто съ тѣмъ, чтобъ изорвать насъ. Я и Полемархъ

*) Софистъ, отличавшійся большимъ даромъ слова.

испугались; а онъ, стоя на срединѣ комнаты, закричалъ: Какая болтовня обуяла вами, Сократъ! Какими глупостями мѣняетесь вы, уступая другъ другу! Если ужъ въ самомъ дѣлѣ ты хочешь узнать, что такое справедливость, то не ограничивайся одними вопросами и не любуйся опроверженіемъ предлагаемыхъ тебѣ отвѣтовъ. Вѣдь извѣстно, что спрашивать легче, нежели отвѣчать. Лучше отвѣчай самъ и скажи, что ты почитаешь справедливымъ. Да не говори мнѣ, что справедливость состоитъ въ томъ, что полезно, что выгодно, что пригодно, что должно. Все, что говоришь, говори ясно и точно, а такихъ пустяковъ я не принимаю. — Пораженный этими словами, я посмотрѣлъ на него со страхомъ и подумалъ: что если бы онъ взглянулъ на меня прежде, чѣмъ я на него? **) мнѣ бы и слова не вымолвить. Но такъ какъ неистовство Тразимаха началось рѣчью, то мой взглядъ былъ на него первый, а потому, имѣя возможность отвѣчать, я сказалъ съ трепетомъ: Не гнѣвайся на насъ, Тразимахъ. Если мы при изслѣдованіи предмета въ чемъ нибудь погрѣшили, то будь увѣренъ,—погрѣшили противъ воли. Подумай, что, ища золота, мы не уступили бы другъ другу въ исканіи и не мѣшали бы сами себѣ найти его: такимъ же образомъ, ища справедливости, которая драгоцѣннѣе всякаго золота, могли ли мы столь безумно уступать одинъ другому и не стараться открыть ее всѣми силами? Нѣтъ, не думай такъ, другъ мой; мы просто не въ состояніи открыть истину, и потому отъ васъ, людей сильныхъ, заслуживаемъ больше сожалѣнія, чѣмъ гнѣва.

«Выслушавъ это, онъ усмѣхнулся и сказалъ: вотъ она, тутъ и есть, клянусь Иракломъ, обыкновенная Сократова иронія. Я напередъ видѣлъ, что ты не захочешь отвѣчать, а будешь притворяться и скорѣе все сдѣлаешь, чѣмъ согласишься давать отвѣты на чьи-нибудь вопросы. — Разумѣется, ты — мудрецъ, Тразимахъ, сказалъ я, слѣдственно знаешь, что, если кого спросишь, изъ чего состоитъ число двѣнадцать, и спрашивая, напередъ скажешь: не говори мнѣ, сударь, что двѣнадцать равны дважды — шести, или трижды — четыремъ, или шестью — двумъ, или четырежды — тремъ: иначе твоей болтовни я не приму,—то уже для тебя понятно, что никто не будетъ въ состояніи отвѣчать на такой вопросъ. А когда бы спросили тебя: что ты это говоришь Тразимахъ? какъ же не сказать ничего того, что ты напередъ сказалъ? Да если именно то, что ты сказалъ, и есть справедливо, —

**) Ироническій намекъ на то, что Тразимахъ былъ яростенъ, какъ волкъ; по греческому повѣрью, кто при встрѣчѣ съ волкомъ взглянетъ на него раньше, тому волкъ не страшенъ, а если волкъ взглянетъ первый, то человѣку не сдобровать.

неужели надобно справедливымъ называть несправедливое? — что отвѣтишь ты на это? — Такъ сказалъ онъ; это какъ разъ походитъ на то. — Какая нужда примолвилъ я, пусть и не походитъ; да если спрошенному кажется такъ, — думаешь ли, что онъ будетъ отвѣчать не то, что представляется ему самому, хотя бы ему это запрещали?—Не намѣренъ ли и ты также дѣлать? спросилъ онъ; не хочешь ли и ты говорить то, что я запретилъ? — Немудрено, отвѣчалъ я, если къ этому приведетъ меня изслѣдованіе.— А что, когда я укажу на другой отвѣтъ о справедливости, сказалъ онъ, который отличенъ отъ всѣхъ тѣхъ и лучше ихъ? Какое тогда изволишь избрать себѣ наказаніе?—Какое же больше, отвѣчалъ я, кромѣ того, которому долженъ подвергнуться человѣкъ незнающій? Вѣроятно надобно будетъ поучиться у знающаго;—и на такое наказаніе я охотно соглашусь.—Сладокъ ты, примолвилъ онъ; но за то, что будешь учиться, заплати-ка деньги. — Охотно заплатилъ бы, если бы онѣ были, сказалъ я.—Есть, есть! вскричалъ Главконъ. Какъ скоро нужны деньги, Тразимахъ, — говори, мы всѣ внесемъ за Сократа. — Конечно, сказалъ онъ, это для того, чтобы Сократъ былъ вѣренъ своему обычаю, то-есть, самъ не отвѣчалъ, а подхватывалъ отвѣты другаго и опровергалъ ихъ. —Да какъ же отвѣчать-то, любезный мой, когда, во-первыхъ, не знаешь и признаешься въ своемъ незнаніи, и когда, во-вторыхъ, если бы и имѣлъ какое понятіе о предметѣ,—человѣкъ порядочный запрещаетъ тебѣ говорить, что думаешь. Тебѣ конечно болѣе пристало говорить; потому что ты-то вотъ и знаешь и можешь сказать. Такъ не откажись же и не скрывай; научи, сдѣлай милость, своими отвѣтами и меня, и Главкона, и всѣхъ другихъ.—Вслѣдъ за мною, стали просить его и Главконъ, и прочіе, чтобы онъ не отказывался. Видно было, что Тразимаху и самому сильно хотѣлось говорить; его подстрекало желаніе похвалы, и онъ надѣялся, что отвѣтъ будетъ прекрасенъ, но все еще притворно спорилъ, заставляя меня отвѣчать. Наконецъ онъ долженъ былъ уступить и сказалъ: такова ужъ и есть мудрость Сократа, что самъ онъ не хочетъ учить, а бродитъ и учится у другихъ, да еще и не платитъ за то благодарностію.—Что я учусь у другихъ, былъ мой отвѣтъ,—это правда, Тразимахъ; но что я по твоимъ словамъ остаюсь неблагодарнымъ,—это неправда. Благодарю, какъ могу; а могу благодарить только похвалою: денегъ у меня нѣтъ. И съ какимъ усердіемъ это дѣлаю, когда чьи-нибудь слова мнѣ нравятся, ты тотчасъ же это узнаешь, потому что твои отвѣты, конечно, будутъ хороши. — Такъ слушай, сказалъ онъ: справедливымъ я называю ничто иное, какъ полезное сильнѣй-

шему. Ну, что же не хвалишь? видно не хочешь?—Наперед надобно понять, что ты говоришь, примолвилъ я; теперь пока еще не понимаю. Справедливое, говоришь, есть полезное сильнѣйшему: но что же бы это такое, Трасимахъ? Не разумѣть ли тебя, слѣдующимъ образомъ: если Полидамасъ нашъ самый сильный боецъ, и для его тѣла полезна говядина, то и намъ, которые слабѣе его, полезна и вмѣстѣ справедлива та же самая пища.—Ты крайне безстыденъ, Сократъ, сказалъ онъ,—принимаешь слово въ такомъ смыслѣ, въ какомъ только можно уронить его.—Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ я, но вырази твою мысль яснѣе.—Да развѣ ты не знаешь, сказалъ онъ, что одни изъ городовъ управляются тиранами, другіе — народомъ, а иные—знатными?—Какъ не знать?—И не тотъ ли сильнѣе въ каждомъ городѣ, кто управляетъ?—Конечно.—Но всякая власть даетъ законы, сообразные съ ея пользою; народная—народные, тиранская—тиранскіе, и т. д. Давъ же законы, полезные для себя, она объявляетъ ихъ справедливыми для подданныхъ, и нарушителя этихъ законовъ наказываетъ, какъ беззаконника и противника правдѣ. Такъ вотъ я и говорю, любезнѣйшій, что во всѣхъ городахъ справедливое—одно и то же: эта — польза постановленной власти. Но власть имѣетъ на своей сторонѣ силу; стало быть, кто правильно мыслитъ, тотъ и заключитъ, что справедливое вездѣ одно, — именно, польза сильнѣйшаго».

В.

О справедливости въ Государствѣ, начало Государства, раздѣленіе занятій.

(Госуд. Кн. II)

«Поэтому я началъ говорить, что думалъ, именно, — что предпринимаемое нами изслѣдованіе, есть дѣло немаловажное и приличное человѣку съ острымъ взглядомъ. А такъ какъ мы, примолвилъ я, кажется, не довольно сильны, для произведенія такого изслѣдованія, какъ не довольно сильны тѣ, которымъ, при слабомъ зрѣніи, приказано читать издали мелко написанную рукопись; то, кто вздумалъ бы эти самыя строки начертать въ большемъ видѣ и на большей вещи, тотъ, думаю, открылъ бы кладъ: прочитавъ сперва это крупное, мы разобрали бы уже и мелкое, если оно то же самое. Мы приписываемъ справедливость одному человѣку; но ее, вѣроятно, можно приписывать и цѣлому обществу. — Ужъ конечно, сказалъ онъ.—А общество не больше ли одного человѣка?—Больше, отвѣчалъ онъ.—Въ большемъ же мо-

жетъ быть больше и справедливости, слѣдовательно, легче и изучать ее. Такъ если хотите, сперва изслѣдуемъ, что такое справедливость въ обществѣ, а потомъ разсмотримъ ее и въ недѣлимомъ; ибо идея меньшаго есть подобіе большаго.—Ты, мнѣ кажется, хорошо говоришь. — Но если въ своемъ разсужденіи, продолжалъ я, мы захотимъ наблюдать происхожденіе государства, то не увидимъ ли также происхожденіе справедливости и несправедливости? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. — А когда онѣ будутъ зарождаться, то не будетъ ли надежды легче разсмотрѣть искомое? — Много легче. — Такъ предпріятіе, кажется, надобно привести къ концу, хотя дѣла тутъ, повидимому, немало. Изслѣдуйте-ка. — Готовы, сказалъ Адимантъ, только ты не отказывайся.

«Городъ, такъ началъ я, по моему мнѣнію, рождается тогда, когда каждый изъ насъ отдѣльно не можетъ удовлетворять своимъ потребностямъ и чувствуетъ нужду въ другихъ. Или ты предполагаешь другое начало города?—Никакого болѣе, отвѣчалъ онъ.—Но всякій входитъ въ извѣстныя отношенія къ другимъ, не иначе какъ въ той мысли, что ему будетъ лучше.—Конечно.—Давай же, сказалъ я, устроивать въ умѣ городъ съ самаго начала; при чемъ будемъ руководиться самыми потребностями. Первая же и самая главная изъ потребностей есть приготовленіе пищи.—Непремѣнно.—Вторая—приготовленіе жилища, третья—одежды и тому подобныхъ вещей.—Правда.—Смотри же, сказалъ я, какимъ образомъ городъ будетъ всего удобнѣе производить все это? Не такъ ли, что одинъ въ немъ будетъ земледѣльцемъ, другой каменьщикомъ, третій ткачемъ, четвертый кожевникомъ и т. д.?—Конечно.—Стало быть, городъ, слѣдуя необходимости, можетъ ограничиваться четырьмя или пятью человѣками.—Кажется.—Чтожъ теперь? Каждый изъ этихъ людей долженъ ли посвящать свою работу всѣмъ вообще, напр. такъ, чтобы земледѣлецъ одинъ приготовлялъ пищу для всѣхъ остальныхъ, или, не заботясь объ этомъ, онъ запасетъ извѣстное количество пищи только для себя и употребитъ на то часть своего времени, а остальное время употребитъ на постройку дома, шитье платья, обуви, и вообще будетъ заниматься работою не съ тѣмъ, чтобы обмѣниваться съ другими? — Можетъ быть, первое будетъ удобнѣе, легче, чѣмъ это, сказалъ Адимантъ. — Нѣтъ ничего страннаго, клянусь Зевсомъ, примолвилъ я. Слыша тебя, я и самъ понимаю, что каждый изъ насъ рождается не слишкомъ похожимъ на другихъ, но имѣетъ особенности въ своей природѣ, которыя дѣлаютъ его болѣе способнымъ для совершенія извѣстной работы. Или ты думаешъ иначе?—Нѣтъ, я согласенъ съ тобою.—Далѣе, лучше ли можетъ работать всякій, занимаясь

многими искуствами, или когда всякій занимается только однимъ?—Лучше, когда одинъ занимался однимъ, отвѣчалъ онъ.—Впрочемъ и то, думаю, очевидно, что если время какой-нибудь работы протекло, то оно пропало.—Конечно.—Потому что работа не хочетъ ждать, пока будетъ досугъ работнику; напротивъ необходимо, чтобы работникъ занимался своимъ дѣломъ во время.—Необходимо.—Оттого-то многія частныя дѣла совершаются лучше и легче, когда одинъ, дѣлая одно, дѣлаетъ сообразно съ природою, въ благопріятное время, оставивъ всѣ другія занятія.—Безъ всякаго сомнѣнія.—Но для приготовленія того, о чемъ мы говорили, Адимантъ, должно быть гражданъ болѣе четырехъ; потому что земледѣлецъ, вѣроятно, не самъ будетъ дѣлать плугъ, если захочетъ имѣть плугъ хорошій, и заступъ, и прочія орудія земледѣлія; не самъ будетъ приготовлять свои орудія и домостроитель, и ткачъ, и кожевникъ. Или нѣтъ? — Правда.—Но столяры, мѣдники и многіе подобные имъ мастеровые, бывъ припяты въ маленькій нашъ городокъ, дѣлаютъ его уже многолюднымъ. — Да, конечно.—Однакожъ, онъ все-таки былъ бы невеликъ, если бы мы не присоединили къ нему волопасовъ, овчаровъ и другихъ пастуховъ; нужно, чтобы земледѣльцы имѣли воловъ для паханія поля, домостроители—для перевозки тяжестей, а ткачи и кожевники должны имѣть кожу и шерсть.—Городъ, имѣющій все это, былъ бы уже не малъ, сказалъ онъ.—Но вѣдь поселить нашъ городъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не требовалось бы произведеній другихъ мѣстъ, почти невозможно, сказалъ я.—Да, невозможно.—Стало быть, понадобятся еще и другіе, для перевозки потребныхъ вещей изъ иныхъ городовъ. — Понадобятся.—Но промышленникъ, прибывшій куда-нибудь порожнемъ и непривезшій съ собою ничего, въ чемъ тамъ имѣютъ нужду, и откуда получается то, въ чемъ онъ самъ нуждается, этотъ промышленникъ порожнемъ и возвратится. Не такъ ли?—Мнѣ кажется. — Значитъ, въ нашемъ городѣ нужно приготовлять нѣкоторые предметы въ достаточномъ количествѣ, не только для себя, но и для другихъ городовъ, имѣющихъ въ томъ нужду.—Да, надобно.— Слѣдовательно, нашему городу нужно больше земледѣльцевъ и другихъ мастеровыхъ? — Конечно болѣе.— Стало быть, больше и промышленниковъ для вывоза и ввоза всякой всячины, т. е. купцовъ. — Не правда ли? — Да.—Поэтому въ нашемъ городѣ должны быть и купцы?—Конечно.—И если торговля будетъ совершаться моремъ, то понадобится множество и другихъ людей, умѣющихъ дѣйствовать на морѣ? — Да, очень много. — Чтожъ теперь? въ самомъ городѣ, какимъ образомъ граждане будутъ обмѣниваться другъ съ другомъ тѣмъ, что каждый изъ нихъ производитъ? Вѣдь для этого-то мы и устроили общество, для это-

го и основали городъ.—Очевидно, сказалъ онъ, посредствомъ продажи и купли. — Такъ потому у насъ будетъ площадь и монета — знакъ для обмѣна? — Конечно».

Г.

Происхожденіе войны, необходимость особаго военнаго сословія.

(Госуд. Кн. II).

«Страна, бывшая сначала достаточною для пропитанія, теперь (по мѣрѣ увеличенія народонаселенія) уже сдѣлается малою. Такъ ли?—Такъ отвѣчалъ онъ. — Значитъ, не понадобится ли намъ отрѣзать земли отъ страны сосѣдней, когда хотимъ, чтобы у насъ достаточно было земли луговой и пахатной? Подобнымъ образомъ и сосѣди не переступятъ ли также за предѣлы необходимаго, и не отрѣжутъ ли отъ нашей?—Неизбѣжно, Сократъ, сказалъ онъ.—Чтожъ послѣ этого, Главконъ? будемъ воевать, или какъ?—Воевать, отвѣчалъ онъ.—Теперь мы, пожалуй, хоть и не станемъ еще говорить, примолвилъ я, зло ли производитъ война или добро; замѣтимъ только, что мы открыли происхожденіе войны.—Конечно открыли.—И такъ свой городъ, другъ мой, надобно намъ увеличить,—и увеличить не бездѣлицею, а цѣлою арміею, которая, отправившись въ походъ, сражалась бы съ наступающимъ непріятелемъ за свое достояніе, и за все то, о чемъ сейчасъ говорено было.—Конечно такъ, сказалъ онъ? но развѣ сами жители города не въ состояніи сражаться? — Нѣтъ, отвѣчалъ я, если только ты и всѣ мы хорошо положили, для чего мы устраиваемъ городъ. Помнишь, мы согласились, что одному нельзя успѣшно заниматься многими искуствами. — Да, правда, сказалъ онъ. — Чтожъ? продолжалъ я; военное дѣло развѣ по твоему не требуетъ искуства? — И очень требуетъ отвѣчалъ онъ.— Или искуство, напримѣръ, кожевника, достойно бо́льшаго попеченія, нежели искуство воина.—Отнюдь нѣтъ.—Но вѣдь мы и кожевнику, и земледѣльцу, и ткачу, и домостроителю не мѣшаемъ исполнять свое дѣло, въ тѣхъ видахъ, чтобы у насъ всякая работа шла хорошо; и безъ сомнѣнія военное дѣло стоитъ не меньшаго вниманія, чѣмъ всѣ эти занятія? — Оно не такъ легко, чтобъ и земледѣлецъ, и кожевникъ и всякій ремесленникъ могъ быть хорошимъ воиномъ; и въ кости нельзя хорошо играть, не занимавшись этимъ дѣломъ съ дѣтства. Нельзя же думать, что стоитъ только человѣку взять въ руки оружіе и щитъ, и онъ будетъ хорошимъ воиномъ на полѣ битвы. Мы не называемъ мастеромъ того, кто въ первый разъ взялся за какой-нибудь

инструментъ; оружіе подобно всякому другому инструменту требуетъ упражненія и навыка. — Да, это все правда, сказалъ онъ. — Итакъ, чѣмъ важнѣе обязанность воиновъ, продолжалъ я, тѣмъ болѣе они имѣютъ нужды въ досугѣ, тѣмъ больше имъ нужно искуства и вниманія къ своему дѣлу. — Я съ этимъ согласенъ, сказалъ онъ. — Но кромѣ того, для военнаго дѣла не требуется ли и расположеніе природы? — Безъ сомнѣнія».

Д.

Коммунистическая организація военнаго сословія.

(Госуд. Кн. III).

«Вооруживъ этихъ земнородныхъ *), мы выведемъ ихъ на свѣтъ подъ управленіемъ начальниковъ. Пришедши (въ общество людей), пусть они сами ищутъ, въ какомъ мѣстѣ города имъ лучше расположиться лагеремъ, откуда бы можно было и удерживать своихъ гражданъ, если бы кто изъ нихъ не захотѣлъ повиноваться законамъ, и отражать непріятелей, если бы они напали на городъ, какъ волкъ на стадо. Избравъ же лагерное мѣсто и принесши, кому должно, жертвы, пусть они ставятъ палатки. Не такъ ли? — Такъ, сказалъ онъ. — И не такія ли, которыя могли бы укрывать ихъ? — Безъ сомнѣнія? Вѣдь ты говоришь о жилищахъ? прибавилъ онъ.— Да; и притомъ о военныхъ, а не о промышленныхъ. — Но чѣмъ же отличаешь ты ихъ, одни отъ другихъ? спросилъ онъ. — Постараюсь объяснить тебѣ это, сказалъ я. Должно быть, всего ужаснѣе и постыднѣе, когда пастухи содержатъ такихъ собакъ и такъ плохо кормятъ ихъ, что онѣ ѣдятъ овецъ и чрезъ то уподобляются волкамъ. — Конечно, это не хорошо, примолвилъ онъ? — Итакъ, надобно всячески наблюдать, чтобы у насъ оберегатели не поступали такимъ образомъ съ гражданами и вмѣсто благосклонныхъ защитниковъ не сдѣлались жестокими господами. — Надобно позаботиться объ этомъ, сказалъ онъ.— А для этого не нужно ли, чтобъ они были хорошо воспитаны, сообразно съ своимъ назначеніемъ? — Но именно такъ они и воспитаны, замѣтилъ онъ. — Этого мало, любезный Главконъ, возразилъ я, хотя и справедливо, что сказано прежде,— то-есть, что они должны получить нѣкоторыя правильныя наставленія, чтобы впослѣдствіи имѣть весьма много рѣшимости быть кроткими и между собою, и въ отношеніи къ тѣмъ, кого они охраняютъ.— Конечно справедливо, сказалъ онъ. — Но кромѣ упомянутыхъ

*) Т. е. юношей, которымъ внушено, что они произошли отъ земли.

наставленій, скажетъ какой-нибудь умный человѣкъ, надобно, чтобы и жилища, и всѣ другія вещи были у нихъ таковы, чтобъ не мѣшали воинамъ оставаться лучшими людьми по своимъ свойствамъ, и не наводили ихъ на злыя дѣла въ отношеніи къ другимъ гражданамъ.—И онъ скажетъ справедливо.— Смотри же, продолжалъ я: для этого не должны ли они быть обставлены слѣдующими условіями: Во-первыхъ, никто изъ нихъ не долженъ имѣть никакой собственности, кромѣ совершенно необходимаго. Во-вторыхъ, ни у кого изъ нихъ не должно быть ни жилья, ни какой-нибудь кладовой, въ которую не могъ бы войти всякій желающій. А нужныя вещи, сколько ихъ требуется для разумныхъ и мужественныхъ подвижниковъ на войнѣ, надобно имъ, въ награду за охраненіе, получать отъ прочихъ гражданъ, опредѣливъ ежегодно такое количество всего, какое было бы и невелико и не мало. Они должны ходить въ общія столовыя, какъ бы цѣлымъ лагеремъ, и жить сообща. А что касается до золота и серебра, то имъ слѣдуетъ говорить, что въ душѣ ихъ всегда есть золото божественное отъ боговъ, и что въ человѣческомъ они не имѣютъ нужды. Имѣющему божественное сокровище даже и не хорошо осквернять его примѣсью золота тлѣннаго. Деньги, обращающіяся въ народѣ, производятъ много дурнаго, а сокровище, полученное отъ боговъ, чисто. Въ обществѣ гражданъ, имъ однимъ не должно принимать и касаться золота и серебра — не должно даже обзаводиться золотыми и серебряными сосудами и пить изъ нихъ. При такихъ условіяхъ они не только сами останутся добродѣтельны, но будутъ хорошо защищать городъ. А когда пріобрѣтутъ собственную землю, дома и деньги, тогда, вмѣсто стражей, сдѣлаются хозяевами и земледѣльцами, вмѣсто защитниковъ прочихъ гражданъ,— непріязненными господами, и во всю свою жизнь будутъ ненавидѣть и находиться въ ненависти, коварствовать и подвергаться коварству,—будутъ гораздо болѣе бояться внутреннихъ, чѣмъ внѣшнихъ непріятелей, и какъ сами приблизится къ погибели, такъ погубятъ и весь городъ. По всѣмъ этимъ причинамъ согласимся, заключилъ я, что и касательно жилищъ, и вразсужденіи всего прочаго, такъ именно должны быть устроены воины. Постановимъ это, или нѣтъ? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Главконъ».

Е.

Объ отношеніи частнаго благосостоянія къ общему; о чрезмѣрномъ богатствѣ и бѣдности.

(Гос. Кн. IV).

«Но Адимантъ возразилъ: чѣмъ однакожъ защититься тебѣ,

Сократъ, когда кто скажетъ, что этихъ людей (воиновъ) дѣлаешь ты неслишкомъ счастливыми — и притомъ по собственной ихъ волѣ? ибо, имѣя городъ въ своей власти, они не пользуются никакими его благами, какъ другіе, которые пріобрѣтаютъ поля, строятъ прекрасные и огромные домы, покупаютъ соотвѣтствующую имъ мебель, приносятъ богамъ особенныя жертвы, принимаютъ гостей, да еще, какъ ты сейчасъ сказалъ, собираютъ золото, серебро и все, что признается необходимымъ для человѣческаго счастія. Вѣдь это просто наемные надзиратели, которые сидятъ въ городѣ, занимаясь только карауломъ. — Да, отвѣчалъ я; и притомъ караулятъ лишь изъ хлѣба и, кромѣ хлѣба, доходовъ, подобно другимъ, не получаютъ; такъ что и предпринимать путешествія, если бы захотѣли, и дарить любовницъ, и для удовлетворенія какимъ нибудь другимъ желаніямъ сорить деньги, — хотя сорители-то ихъ и представляются людьми счастливыми, — имъ невозможно. Этого и всего подобнаго ты не внесъ въ свое возраженіе. — Такъ пусть войдетъ и это, примолвилъ онъ. Чѣмъ же защитимъ мы свое положеніе? — Теперь мы о счастливомъ городѣ составляемъ себѣ понятіе не частное и беремъ его не относительно нѣсколькихъ человѣкъ, а относительно цѣлаго; а потомъ будемъ изслѣдовать съ другой точки зрѣнія. Пусть въ то время, какъ мы расписываемъ статую, къ намъ подошелъ бы кто-нибудь и, порицая насъ, сказалъ, что для самыхъ красивыхъ частей тѣла у насъ употребляются не самые красивые цвѣта: глаза, напримѣръ, наводятся не пурпуровою, а черною краскою. Противъ такого порицателя мы могли бы, кажется, порядочно защититься говоря: Не думай, сказали бы мы, что слѣдуетъ рисовать столь крекрасные глаза, чтобы они не казались глазами. Смотри-ка, не тогда ли у насъ является прекрасное цѣлое, когда каждой части приписывается только то, что къ ней идетъ. Такъ и теперь — не принуждай насъ съ званіемъ стражей соединять такое счастіе, которое сдѣлаетъ ихъ всѣмъ, чѣмъ хочешь, только не стражами. Вѣдь съумѣли бы мы и земледѣльцевъ одѣть въ богатотканные плащи и подпоясать золотомъ, а потомъ велѣть имъ для удовольствія обработывать землю, — или позволили бы гончарамъ, наклонившись къ огню, пить и бражничать, и въ то же время придвинуть къ себѣ станокъ и обдѣлывать, сколько захочется, черепицы, и такимъ же образомъ сдѣлать счастливыми всѣхъ другихъ, чтобы блаженствовалъ цѣлый городъ. Итакъ не внушай намъ этого; потому что, если мы послушаемся тебя, — у насъ ни земледѣлецъ не будетъ земледѣльцемъ, ни гончаръ — гончаромъ, и вообще не сохранятся тѣ состоянія, изъ которыхъ составляется городъ. Впрочемъ, значеніе другихъ

классовъ маловажнѣе. Башмачники, напримѣръ, если они сдѣлались худыми и порочными, а прикидываются не такими, каковы на самомъ дѣлѣ, — для города еще не страшны: напротивъ, когда стражи законовъ и города не бываютъ такими, а только кажутся, — смотри, они въ конецъ погубятъ весь городъ; между тѣмъ какъ именно отъ нихъ-то и зависитъ его благосостояніе и счастіе. Итакъ, если стражей мы сдѣлаемъ дѣйствительно стражами, то сдѣлаемъ ихъ менѣе всего вредными для города: напротивъ, кто говоритъ о земледѣльцахъ, какъ о счастливыхъ гулякахъ въ праздничномъ собраніи, а не въ городѣ; тотъ имѣетъ въ виду, кажется, что-то другое, а не городъ. Вопросъ состоитъ въ томъ: для чего мы устроиваемъ сословіе стражей, для того ли, чтобы удѣломъ ихъ самихъ было какъ можно бо́льшее счастіе, или для того, чтобы доставить его цѣлому городу; — въ этомъ послѣднемъ случаѣ нужно и этихъ попечителей и стражей обязать нѣкоторыми требованіями долга и привести ихъ къ тому, чтобы они были отличными исполнителями своего дѣла; и такимъ образомъ, при развитіи и благоустроеніи всего города, нужно предоставлять каждому сословію ту мѣру счастія, какую ему позволяетъ получать его природа. — Ты хорошо говоришь, замѣтилъ онъ. — Не одобришь ли ты и другое подобное разсужденіе? — Какое именно? — Смотри, не вредитъ ли что-нибудь и другимъ дѣятелямъ — до того, что они становятся худыми? — Что, именно? — Богатство и бѣдность, сказалъ я. — Какимъ же образомъ? — А вотъ какъ. Разбогатѣвшій горшечникъ захочетъ ли много заботиться о своемъ искуствѣ? — Никакъ, сказалъ онъ. — Не сдѣлается ли онъ скорѣе лѣнивымъ и безпечнымъ относительно своего дѣла? — И очень. — Стало быть, не сдѣлается ли худымъ горшечникомъ? — Немало и такихъ случаевъ. — Или другая крайность: кто по бѣдности не можетъ имѣть даже орудій, или чего нибудь другаго, необходимаго въ искуствѣ; тотъ и самъ будетъ производить вещи худшаго качества, и сыновей, или другихъ своихъ учениковъ — сдѣлаетъ худшими производителями. — Безъ сомнѣнія сдѣлаетъ. — Значитъ и отъ того и отъ другаго, — и отъ бѣдности и отъ богатства, какъ произведенія искуствъ, такъ и сами художники становятся худшими. — Очевидно. — Итакъ мы кажется пришли къ тому, что стражи (воины) всѣми силами должны караулить, чтобы ни богатство, ни бѣдность не проникли въ городъ».

Ж.

О недостаточности опытнаго познанія для пониманія дѣйствительнаго бытія вещей.

(Госуд. Кн. VII).

«Сократъ старается убѣдить Главкона въ томъ, что сущность и бытіе вещей не могутъ быть поняты при посредствѣ наблюденія, что одно наблюденіе не возводитъ человѣка къ пониманію истины и блага вообще, безъ котораго опытное познаніе теряетъ всякій смыслъ. Съ этою цѣлью онъ рисуетъ Главкону слѣдующую картину: представь, говоритъ онъ, пещеру, въ родѣ подземной комнаты, открытой только съ одной стороны, и то не вполнѣ; стѣна пещеры, обращенная наружу, открыта только сверху; т. е. пещера имѣетъ полъ и потолокъ и три полныя стѣны; а четвертая стѣна состоитъ только изъ нижней половины, а въ верхнюю половину открытую, проходитъ воздухъ и свѣтъ. Передъ этою стѣною поднимается холмъ, на вершинѣ котораго горитъ огонь, единственный источникъ свѣта для пещеры. Близъ самой пещеры идетъ дорога вдоль стѣны, на половину открытой. Дорога отдѣлена отъ пещеры другою стѣною такой высоты, что люди идущіе по дорогѣ, заслонены отъ пещеры такъ, что, находясь въ пещерѣ, ихъ нельзя видѣть; но если они несутъ что-нибудь на головахъ, то эти предметы можно видѣть, потому что они уже поднимаются надъ стѣною. — Въ пещерѣ находятся люди, которые живутъ здѣсь отъ рожденія; люди эти такъ скованы цѣпями, что не могутъ почти двигаться, не могутъ вставать съ мѣста и главное поворачивать голову. И всѣ они сидятъ рядомъ на скамейкѣ такъ, что лица ихъ обращены въ сторону противоположную полуоткрытой стѣнѣ, такъ что отъ рожденія они ничего не видѣли кромѣ задней стѣны пещеры; они никогда не видѣли и другъ друга, а видѣли только на стѣнѣ свои тѣни, производимыя огнемъ, горящимъ на холмѣ.

«Смотри (говоритъ Сократъ) мимо этой стѣны люди несутъ выставляющіеся надъ нею разные сосуды, статуи и фигуры людей или животныхъ, то каменныя, то деревянныя, сдѣланныя различнымъ образомъ, и при этомъ одни изъ несущихъ издаютъ звуки, а другіе молчатъ. — Странную картину ты представляешь и странныхъ узниковъ, сказалъ онъ. — Похожихъ на насъ, примолвилъ я. Развѣ ты думаешь, что эти узники на первый разъ, какъ въ себѣ, такъ и одинъ въ другомъ, видѣли что-нибудь, кромѣ тѣней, падавшихъ отъ огня на заднюю стѣну пещеры?— Очевидно ничего другого видѣть не могли, сказалъ онъ, если они принуждены во всю жизнь

оставаться съ неподвижными головамъ? — А какъ они могли смотрѣть на предметы, проносимые мимо стѣны? — Не иначе, какъ на тѣни. — Итакъ, если они будутъ въ состояніи разговаривать другъ съ другомъ, — не думаешь ли, что имъ будетъ представляться, будто называя видимое ими, они называютъ дѣйствительное. — Это необходимо. — Но что, если бы притомъ въ этой темницѣ прямо противъ нихъ отдавалось эхо, въ случаѣ, если кто изъ проходящихъ издавалъ звуки, — могли ли они относить эти звуки къ чему-нибудь другому, а не къ движущейся тѣни? — Клянусь Зевсомъ, ни къ чему другому, сказалъ онъ. — Да и самою дѣйствительностью, замѣтилъ я, эти люди будутъ почитать безъ сомнѣнія не иное что, какъ тѣни. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — Представь же себѣ, что кого-нибудь изъ нихъ развязали бы и вдругъ принудили встать, поворачивать шею, ходить и смотрѣть на свѣтъ: дѣлая все это, не почувствовалъ ли бы онъ боли, и пораженные блескомъ глаза его не оказались ли бы слабы, чтобы смотрѣть на самые предметы, которыхъ тѣни онъ до сихъ поръ исключительно видѣлъ? И что, ты думаешь, сказалъ бы онъ, если бы кто сталъ ему говорить, что прежде онъ видѣлъ не дѣйствительные предметы, а теперь, имѣя передъ собою дѣйствительность, онъ видитъ всѣ предметы гораздо правильнѣе? И если, указывая на проходящіе предметы, спросить у него, что онъ объ нихъ думаетъ, не пришелъ ли бы онъ въ затрудненіе и не подумалъ ли бы, что видѣнное имъ прежде истиннѣе, чѣмъ то, что ему указываютъ теперь? — Конечно, сказалъ онъ. — А если бы кто, продолжалъ я, сталъ влечь его насильно по утесистому и крутому выходу, и не оставилъ бы до тѣхъ поръ, пока не вытащилъ на солнечный свѣтъ, то не досадовалъ ли бы онъ на этого человѣка, и его ослѣпленные блескомъ глаза могли ли даже видѣть предметы? — Вдругъ-то, конечно не могли бы, сказалъ онъ. — Понадобилась бы, привычка, чтобы разсматривать то, что находится на верху; сначала онъ смотрѣлъ бы только на тѣни, потомъ на отражающіяся въ водѣ фигуры людей и другихъ предметовъ, а наконецъ и на самые предметы; и изъ нихъ тѣ, которые находятся на небѣ и самое небо онъ легче видѣлъ бы ночью, взирая на сіяніе звѣздъ и луны, чѣмъ днемъ. — Разумѣется легче. — И только въ послѣдствіи онъ былъ бы въ состояніи смотрѣть на солнце, — не на изображеніе его въ водѣ, а на самое солнце само въ себѣ, въ собственной его области. — Необходимо, сказалъ онъ. — И послѣ этого-то мало по малу понялъ бы, что оно производитъ перемѣну временъ года, и есть нѣкоторымъ образомъ причина всего, что видѣли его товарищи. — Правда, сказалъ онъ. — Что же? вспоминая о первомъ житьѣ, о тамошней мудрости

и объ узникахъ, не думаешь ли, что свою перемѣну онъ будетъ считать счастливою, а о другихъ будетъ жалѣть? — И очень. — Замѣть и то, продолжалъ я, что если бы онъ сошелъ опять въ ту же сидѣльницу и сѣлъ, то, послѣ солнечнаго свѣта, глаза его не были ли бы вдругъ объяты мракомъ? — Ужъ конечно, сказалъ онъ. — Но указывая опять на прежнія тѣни и споря съ тѣми всегдашними узниками, не возбудилъ ли бы онъ въ нихъ смѣха, и не сказали ли бы они, что, побывавъ вверху, онъ возвратился съ поврежденными глазами, и что поэтому не слѣдуетъ даже пытаться восходить на верхъ? А кто взялся бы разрѣшить ихъ и повести туда, того они, лишь бы только могли взять въ руки и убить, убили бы. — Непремѣнно, сказалъ онъ».

3.

Извлеченія изъ разговора о законахъ.

1) Второстепенный соціальный идеалъ Платона. (Законы, кн. V).

«Лучшее государство, лучшее правленіе, лучшіе законы суть тѣ, гдѣ во всемъ исполняется старинное изрѣченіе: у друзей все общее, и, если можно, общія жены, общія дѣти и общія имѣнія, гдѣ такъ-называемая собственность совсѣмъ неизвѣстна, и даже вещи, по природѣ своей кому-нибудь принадлежащія, по возможности дѣлаются общими, наприм. глаза, уши и руки, и всѣ граждане увѣрены, что они одно видятъ, одно слышатъ и дѣлаютъ, одно хвалятъ и порицаютъ, и въ жизни имѣютъ одни удовольствія и огорченія. Государство, въ которомъ законы производятъ такое единство, есть верхъ совершенства. Въ немъ царствуетъ такое невозмущаемое веселіе и блаженство, что оно достойно быть обителью боговъ или сыновъ божіихъ. Вотъ примѣръ, на который должно взирать при устроеніи правленія и къ которому по возможности должно приближаться. Но то, которое мы намѣреваемся устроить теперь (т. е. въ разговорѣ о законахъ) не далеко отстоитъ отъ этого безсмертнаго образца и займетъ по немъ второе мѣсто, если удастся выполнить его. Послѣ того, если Богъ поможетъ намъ, представимъ и третье.

«Обратимся къ устроенію втораго: сначала наши граждане должны раздѣлить жилища и землю; воздѣлывать ее общими силами было бы выше силъ настоящаго поколѣнія при нынѣшнемъ его образѣ жизни и воспитаніи. Они раздѣлятъ ее съ тою мыслію, чтобы всякой почиталъ свой удѣлъ соб-

ственностью цѣлаго государства и любилъ страну родную такъ, какъ дѣти любятъ свою родительницу; скажу болѣе, смертные должны видѣть въ своемъ отечествѣ божество и верховнаго обладателя. Число домовъ, какое однажды будетъ назначено (5,040), не должно никогда ни увеличиваться, ни уменьшаться. Сіе постановленіе точно будетъ исполняемо во всемъ государствѣ, если получившій жребій отецъ семейства будетъ назначать наслѣдникомъ имѣнія своего только одного изъ своихъ сыновей, котораго самъ изберетъ, какъ преемника и исполнителя всѣхъ обязанностей относительно къ богамъ, къ отечеству, къ живущимъ и къ тѣмъ, коихъ уже постигла смерть. У кого много дѣтей, тотъ долженъ выдавать дочерей по закону, который будетъ для сего установленъ; сыновей же по взаимному согласію усыновлять бездѣтнымъ гражданамъ. Если все это не поможетъ, если число дочерей или сыновей слишкомъ велико или по всеобщему неплодію слишкомъ мало, то долгъ высшаго правительства обратить свое вниманіе на то, что̀ должно дѣлать съ симъ избыткомъ или ущербомъ гражданъ».

2) Бракъ сообразно принципамъ разговора о «Законахъ». (Зак. кн. VI).

«Юноша, скажемъ мы сыну добрыхъ родителей: тебѣ приличенъ бракъ, прославляемый мужами мудрыми, которые совѣтуютъ не бѣгать бѣдности и не искать супружества богатаго; но, если всѣ прочія качества равны, то скорѣе предпочесть бѣднѣйшую и жениться на ней. Сіе полезно, какъ для государства, такъ и для семейнаго счастія: равное и соразмѣрное гораздо ближе къ добродѣтели, нежели чрезмѣрное. — Богатство и обычаи поселяютъ великое неравенство между семействами, составляющими государство. Мы не желаемъ себѣ тѣхъ несчастныхъ послѣдствій, коимъ подвергаются многія другія страны. Весьма справедливо постановить законъ, чтобы богатый не искалъ супруги богатой, ни человѣкъ сильный невѣсты изъ дому сильнаго.

«Кто живя въ государствѣ особнякомъ, человѣкомъ чуждымъ для общества, въ тридцать пять лѣтъ еще не женился, тотъ ежегодно подвергается денежной пенѣ. Гражданинъ перваго класа платитъ сто драхмъ, втораго восемьдесятъ, третьяго шестьдесятъ, четвертаго тридцать. Сіи деньги посвящаются Юнонѣ».

3) объ отношеніи между юношами и дѣвицами (платоническая любовь). (Зак. кн. VIII).

«Аѳинянинъ: коснувшись въ своей рѣчи воспитанія, я ви-

жу юношей и дѣвъ въ дружественной бесѣдѣ между собою, и весьма естественно напалъ на меня страхъ при мысли, кто управитъ городомъ, въ которомъ юноши и дѣвы благовоспитанные незнакомы съ великими и усиленными трудами, которыми укрощаются бурныя страсти. — Какимъ же образомъ въ семъ городѣ воздержатся отъ нѣкоторыхъ сильныхъ страстей, которыя ввергаютъ столь многихъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, во всѣ крайности, и обузданіе коихъ равно предписывается и здравымъ смысломъ и закономъ положительнымъ? Для сего нужно разсмотрѣть свойство дружбы, вожделѣнія и такъ называемой любви; ибо дружба и вожделѣніе и происходящій отъ нихъ третій видъ подъ названіемъ любви, производятъ здѣсь все замѣшательство и темноту. — Клиній (критянинъ): Какимъ образомъ? — Аѳ. Другомъ мы называемъ человѣка подобнаго другому въ добродѣтели и равнаго ему: съ противоположной стороны другомъ также называемъ человѣка нуждающагося — достаточному. Въ сильной степени и то и другое мы называемъ любовью. — Кл. Справедливо. — Аѳ. Дружество изъ противоположныхъ характеровъ сильно, необуздано и рѣдко бываетъ взаимнымъ. Дружество изъ постоянныхъ характеровъ кротко и постоянно во всю жизнь. Что касается до дружества смѣшаннаго изъ сихъ двухъ, во-первыхъ не легко узнать, чего хочетъ одержимый сею третьею любовью. Развлеченный двумя противными стремленіями, онъ не знаетъ, что дѣлать. Одно велитъ ему наслаждаться красотою, другое запрещаетъ. Любящій тѣло съ жадностію спѣшитъ вкусить прелести его, какъ плодъ, и не оказываетъ никакого уваженія къ душевнымъ достоинствамъ любимаго предмета. Ктожъ почитаетъ чувственность постороннею, но видитъ и любитъ болѣе душу, тотъ, пылая благороднымъ жаромъ, тѣлесное насыщеніе почитаетъ оскорбленіемъ своей любви. Въ благочестіи, съ любовью къ мудрости, мужеству, величію и умѣренности, онъ лучше желаетъ жить въ чистотѣ съ чистымъ предметомъ своей страсти. Такова смѣшанная любовь, которую мы называемъ третьею. А что это не выше силъ человѣческихъ и весьма удобоисполнимо, хотите ли имѣть для сего убѣдительныя доказательства? — Мегиллъ (лакедемонянинъ): Какъ не хотѣть! — Аѳ. Не знаемъ ли мы по преданію, что тарентинецъ Иккъ для Олимпійскихъ и другихъ состязаній, слѣд. изъ любочестія, для тѣлесной ловкости, соединяя въ душѣ мужество съ умѣренностью, во все время искуса не прикасался ни къ женѣ, ни къ отроковицѣ? То же говорятъ о Криттонѣ, Астилѣ, Діопомпѣ и о многихъ другихъ. И если одни для побѣды въ борьбѣ, въ бѣганіи и въ прочихъ играхъ, отважились воздерживаться отъ удовольствія, въ которомъ многіе поставляютъ все свое счастіе, то

наши юноши не могутъ ли воздержаться для побѣды несравненно доблестнѣйшей, которую мы имъ отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ описываемъ и въ повѣстяхъ, и въ разговорѣ, и въ пѣсняхъ, какъ превосходнѣйшую.—Кл. Какая эта побѣда?—Аѳ. Побѣда надъ удовольствіями».

4) о рабствѣ. (Зак. кн. VI).

«Аѳ. Рабство у всѣхъ эллиновъ, особенно у лакедемонянъ приводитъ насъ въ великое недоумѣніе. У однихъ оно удачно, у другихъ несчастно. Взирая на сіе, что мы постановимъ объ обладаніи рабами? Я опустилъ это въ своемъ словѣ и ты правильно спросилъ, что я сказалъ бы о семъ предметѣ? Вотъ что: всѣ мы согласны, что нужно имѣть рабовъ приверженныхъ и способнѣйшихъ. Многіе изъ рабовъ во всякой добродѣтели бывали лучше братьевъ и дѣтей, спасали господъ своихъ, ихъ имѣніе и цѣлые домы; такіе примѣры не рѣдки. — Мег. Точно такъ.—Аѳ. Съ другой стороны въ рабской душѣ нѣтъ ничего здраваго, и благоразумный человѣкъ никогда не долженъ вѣрить рабамъ. Человѣкъ есть животное самое неукротимое. Опытъ многократно показывалъ, сколь сильныя возмущенія происходили отъ мессенцевъ, и какія опасности угрожаютъ государству, въ которомъ много рабовъ одноплеменныхъ и одноязычныхъ; и теперь разсказываютъ всѣ, какими грабежами и воровствомъ наполнили всю Италію бѣжавшіе рабы; поэтому легко всякій придетъ въ недоумѣніе, что дѣлать въ сихъ случаяхъ. Есть только два средства: во-первыхъ, чтобъ хорошо могли служить рабы, они не должны быть между собою соотечественники, и какъ можно рѣже однимъ языкомъ говорящіе; во-вторыхъ должно давать имъ достаточное пропитаніе, не для нихъ, но болѣе для самихъ себя. Хорошее обращеніе съ ними состоитъ въ томъ, чтобы не причинять имъ никакой несправедливости и оказывать болѣе снисхожденія, нежели равнымъ своимъ. — За вину мы должны наказать рабовъ, но не терять для нихъ напрасно увѣщаній, которыя мы даемъ свободнымъ. Разговоръ съ рабомъ долженъ состоять въ одномъ приказаніи: мы не должны позволять себѣ никакой шутки съ ними, ни съ мужчинами, ни съ женщинами. Тѣ, которые обходятся съ ними слишкомъ ласково, ослабляютъ чрезъ сіе свою власть надъ ними и уменьшаютъ въ нихъ повиновеніе».

И.

О заимствованіяхъ, сдѣланныхъ Платономъ у евреевъ.

Извѣстный ученый А. Дасье, переведшій между прочимъ

на французскій языкъ разговоры Платона, говоритъ, что государство проектируемое Платономъ въ разговорѣ этого имени (πολιτεία, таково подлинное названіе Платона) есть вѣрное изображеніе государства евреевъ подъ управленіемъ Моисея. Вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенныя нравственныя понятія и догматическія истины, излагаемыя Платономъ, принадлежатъ не ему, а заимствованы имъ у евреевъ. Такъ между прочимъ и притча о примѣси къ человѣческимъ организмамъ различныхъ металловъ заимствована будто бы у пророка Іезекіиля (И бысть слово Господне ко мнѣ глаголя: Сыне человѣчь, се быша мнѣ домъ Израилевъ смѣшани вси съ мѣдью, и желѣзомъ, и съ оловомъ чистымъ, и съ свинцемъ, средѣ пещи сребро смѣшано суть. XXII, 17, 18). Впрочемъ это мнѣніе принадлежитъ не самому Дасье, а Евсевію Кесарійскому.— Какимъ образомъ Платонъ могъ сдѣлать свои заимствованія у еврейскихъ писателей? Касательно этого Дасье дѣлаетъ слѣдующія соображенія. Евреи, говоритъ онъ, по уходѣ изъ Египта не прекращали связей съ Египтомъ, имѣли съ ними сношенія коммерческія и даже дипломатическія. Въ Египтѣ были между прочимъ царь Іоахазъ, пророки Варухъ и Еремія. Благодаря этому въ Египтѣ была извѣстна религія евреевъ. Въ Египтѣ узналъ ее Пиѳагоръ, котораго ученики сообщили ее Сократу, а Сократъ сообщилъ Платону. Въ послѣдствіи Платонъ и самъ былъ въ Египтѣ, и лично могъ познакомиться съ религіею евреевъ еще больше (Les oeuvres de Platon traduites en français par Dacier. Paris 1762. T. I. Discours sur Platon).

I.

Разговоръ объ Атлантидѣ или Критій.

Третій образецъ государства изображенъ Платономъ конкретно подъ именемъ Атлантиды, страны, лежавшей когда-то среди Атлантическаго Океана за Геркулесовыми столбами и впослѣдствіи поглощенной моремъ. Вотъ какъ объ ней разсказываетъ Критій въ разговорѣ, названномъ его именемъ.

Извѣстіе объ Атлантидѣ привезъ изъ Египта Солонъ; по египетскимъ преданіямъ за 9.000 лѣтъ до времени Сократа была большая война между народами, жившими по сю и по ту сторону Геркулесовыхъ столбовъ. Аѳины были въ главѣ союза народовъ, жившихъ по сю сторону пролива, Атлантида во главѣ противнаго союза. Происхожденіе и судьба Атлантиды слѣдующія:

Когда боги раздѣлили между собою землю, Атлантида досталась Нептуну. Но здѣсь уже жили дѣти земли Эвиноръ

съ женою Левкиппою, у которыхъ была дочь Клитона. Клитона понравилась Нептуну и онъ женился на ней. Клитона жила по срединѣ Атлантиды на возвышеніи, и Нептунъ окружилъ это мѣсто тройнымъ рвомъ, наполненнымъ водою.

Здѣсь у Клитоны родились пять паръ близнецовъ; и Нептунъ раздѣлилъ между ними Атлантиду, но такъ, что старшій братъ Атласъ былъ главою всѣхъ остальныхъ и получилъ въ свое владѣніе первоначальное пребываніе матери. Потомки этихъ 10 братьевъ долго благоденствовали въ Атлантидѣ. Имъ повиновались многія другія страны; всего они имѣли въ изобиліи, потому что и подчиненныя страны платили имъ дань и сама Атлантида всѣмъ изобиловала. Между прочимъ здѣсь добывался удивительный металлъ ὀρείχαλκος. — Островъ былъ застроенъ прочными и великолѣпными постройками. Въ особенности достойна замѣчанія система каналовъ, которыми островъ былъ изрѣзанъ.

Народонаселеніе Атлантиды было многочисленно; войско и флотъ отличался также многочисленностью и образцовымъ порядкомъ.

Всѣ десять государей собирались каждые 5 или 6 лѣтъ, приносили жертвы и клялись управлять справедливо и сообразно съ законами, написанными на одной колоннѣ, въ храмѣ Нептуна, находившемся въ столицѣ.

Законы Атлантидскіе между прочимъ запрещали царямъ поднимать оружіе другъ противъ друга. Кто нарушитъ это постановленіе, противъ того всѣ остальные должны соединиться. Общія дѣла всѣ цари рѣшали сообща, уважая однако высшую власть царей, прямыхъ потомковъ Атланта, властителей столицы.

Пока жители Атлантиды повиновались законамъ, любили истину, были одушевлены благородными чувствами, были воздержны и не слишкомъ привязаны къ богатству, до тѣхъ поръ они благоденствовали. Но когда они утратили добродѣтели, сдѣлались жадны къ пріобрѣтенію, стали стремиться къ завоеваніямъ, тогда начался ихъ упадокъ. Юпитеръ хотѣлъ исправить ихъ, собралъ боговъ и сказалъ имъ....

На этомъ «Критій» прерывается; быть можетъ въ немъ Платонъ думалъ изложить свои понятія о государственномъ бытѣ съ какимъ нибудь новымъ видоизмѣненіемъ ихъ, приспособленныя къ какимъ нибудь особеннымъ обстоятельствамъ. Здѣсь у него является идея о федераціи между одноплеменными государствами, но ей повидимому онъ непридаетъ большаго значенія. — Впрочемъ благодаря неполнотѣ «Критій» представляетъ едва ли не болѣе интереса для изученія древнихъ преданій о геологическихъ перемѣнахъ на землѣ, нежели для изученія соціальныхъ идеаловъ древности.

К.

Соціальные реформаторы Греціи, жившіе прежде и послѣ Платона (Фалеасъ, Ипподамъ, Пеагоръ Гекатей и др.).

Мы сказали, что первый проектъ общественной реформы въ соціальномъ духѣ принадлежитъ Платону. Это справедливо только относительно тѣхъ проектовъ, которые сохранились, дошли до насъ. Но было нѣсколько и другихъ, которые не сохранились, и о которыхъ мы имѣемъ извѣстія только въ сочиненіяхъ другихъ писателей. Къ числу ихъ нужно прежде всего отнести проектъ Фалеаса Халкидонскаго. Кто былъ этотъ Фалеасъ, неизвѣстно. Извѣстно только, что онъ жилъ послѣ Солона, и вѣроятно въ скоромъ времени, т. е. въ VI вѣкѣ до Р. Х. По словамъ Аристотеля Фалеасъ первый положилъ въ основаніе своего политическаго устройства то правило, что у всѣхъ гражданъ должно быть равное имущество. И ему казалось, что этого равенства гораздо легче можно достигнуть въ періодъ самаго образованія государства, чѣмъ послѣ, когда оно уже совсѣмъ сложилось. Во всякомъ случаѣ граждане, по его мнѣнію, легко сравнялись бы между собою въ имуществѣ, если бы богатые давали бѣднымъ все безвозмездно, а бѣдные только получали отъ богатыхъ и ничего не давали имъ сами. (Полит. Кн. II гл. 4-я.) Планъ этотъ, какъ видно, очень простъ, но въ этомъ случаѣ простота не служитъ ручательствомъ достоинства. Богатымъ только давать, бѣднымъ только брать, — это ничто иное, какъ непрямой и неодновременный передѣлъ всего народнаго имущества, средство слишкомъ радикальное даже для древности.

Другой планъ соціальнаго устройства предложенъ Ипподамомъ Милетскимъ, личностью такъ же неизвѣстной (по нѣкоторымъ соображеніямъ онъ былъ архитекторъ, современникъ Перикла). Ипподамъ представлялъ себѣ образцовое государство изъ десяти тысячъ гражданъ, раздѣленныхъ на три части. Одну часть составляютъ ремесленники, другую земледѣльцы, а третью воины, люди, носящіе оружіе. Точно такъ же и самую землю онъ дѣлитъ на три части: на землю священную, землю общественную и землю частную: священная земля та, съ которой плоды назначаются на установленныя богамъ жертвы, общественная та, на которой должны жить воины (кто будетъ обработывать эту землю, объ этомъ у Ипподама не сказано ничего), а частная земля принадлежитъ земледѣльцамъ. — Ремесленники, земледѣльцы и граждане, носящіе оружіе, всѣ принимаютъ участіе въ политическихъ дѣлахъ; но пользуются различными правами.

Земледѣльцы и ремесленники не могутъ принимать участія въ почетныхъ должностяхъ; должность стратега, градоправителя и всѣ другія важнѣйшія должности въ государствѣ могутъ быть занимаемы только людьми, носящими оружіе. (Тамъ же гл. 5-я). Намъ кажется, что устройство, предлагаемое Ипподамомъ, не смотря на свой сословный и аристократическій характеръ, все таки справедливѣе, чѣмъ устройство государства платонова.

Гораздо большую извѣстность и большее значеніе въ исторіи Греціи имѣетъ соціальный планъ, который покушался осуществить Пиѳагоръ. Къ сожалѣнію этотъ планъ мало извѣстенъ. Несомнѣнно то, что Пиѳагоръ имѣлъ въ виду троякія цѣли: религіозныя (теоретическія), иѳическія и соціальныя. И пиѳагорово соціальное устройство по видимому имѣетъ большое сходство съ Платоновымъ государствомъ. И въ томъ и въ другомъ веденіе общественныхъ дѣлъ предоставляется мудрѣйшимъ, ученѣйшимъ и испытаннѣйшимъ въ добродѣтели мужамъ съ отстраненіемъ народа. Вѣроятно и Пиѳагоръ, подобно Платону, разсчитывалъ содержать своихъ философовъ на счетъ промышленныхъ классовъ. Оба они заботились только о содержаніи умѣренномъ; у обоихъ управляющій, высшій классъ устроенъ на началахъ коммунизма. У Пиѳагора та замѣчательная особенность, что онъ неограничивается однимъ городомъ, а пропагируетъ свою систему, желаетъ, чтобы начавшись въ одномъ городѣ она мало по малу обняла собою всю страну. Быть можетъ путешествуя на востокѣ, по обширнымъ восточнымъ государствамъ, Пиѳагоръ отрѣшился отъ этого духа сепаратизма, общаго всѣмъ грекамъ, надъ которымъ не возвысился и Платонъ. Намъ кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что соціальный проектъ Платона выработанъ не безъ вліянія пиѳагорейской школы. Пиѳагоръ жилъ около 150 лѣтъ раньше Платона; и въ то время, когда Платонъ былъ въ Италіи, тамъ уже не было никакихъ слѣдовъ пиѳагорейскихъ учрежденій. Но было нѣсколько отдѣльныхъ личностей, которыя слѣдовали ученіямъ Пиѳагора и продолжали разработывать ихъ. Съ однимъ изъ послѣдователей Пиѳагора (Архитомъ) Платонъ сблизился лично; съ другими (напр. Филолаемъ) знакомился въ ихъ сочиненіяхъ, такъ что не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что Платонъ съ пиѳагоровыми ученіями былъ знакомъ хорошо и относился къ нимъ съ уваженіемъ. И слѣдовательно сходство между пиѳагорейскими соціальными учрежденіями и проектомъ платонова государства не есть случайное.

Послѣ Платона идеалы общественной жизни изображались уже не въ философской, догматической формѣ, а въ видѣ

разсказовъ о какихъ нибудь счастливыхъ народахъ, населявшихъ тѣ или другія новооткрываемыя страны. Гекатей, изъ Абдеры, описывалъ жизнь гипербореевъ, населяющихъ плодородную страну съ теплымъ климатомъ, живущихъ въ полномъ благополучіи безъ войны и безъ заботъ. — Ямбулъ описывалъ отдаленный островъ на Эѳіопскомъ морѣ, населенный великанами, живущими до 150 лѣтъ, незнающими болѣзней и безъ всякихъ усилій съ своей стороны пользующимися плодами природы. У нихъ господствуетъ коммунизмъ въ имуществѣ и въ супружествѣ. Дѣти также считаются общими и воспитываются всѣ вмѣстѣ. Преступленія и вражда имъ неизвѣстны. — Эвгемеръ описывалъ счастливый островъ Панхею, лежащій на отдаленномъ востокѣ, а Ѳеопомпъ — страну Мудрыхъ и Святыхъ, живущихъ въ мирѣ и довольствѣ, и ничѣмъ не возмутимомъ счастьѣ. (Rob. Mohl. Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. I. 177).

Л.

Содержаніе разговора о государствѣ.

Богатство и разнообразіе содержанія въ разговорѣ о государствѣ было причиною того, что ученые долго спорили и до сихъ поръ не согласились въ вопросѣ о томъ, что составляетъ главный предметъ этого разговора. Одни утверждаютъ, что въ немъ Платонъ главною цѣлью имѣетъ выяснить свойства справедливости, потому что съ вопроса о справедливости начинается разговоръ и все содержаніе его къ ней направлено (что однако, какъ мы уже замѣтили, болѣе, чѣмъ сомнительно). Само идеальное государство описывается только для того, чтобы лучше разсмотрѣть природу справедливости. Вслѣдствіе этого нѣкоторые ученые, въ слѣдъ за Генрихомъ Этьенномъ настоящимъ названіемъ этого разговора считаютъ не *πολιτεία*, а *περὶ δικαίου* (о справедливомъ). Другіе находятъ, что вопросъ о справедливости играетъ въ этомъ разговорѣ роль приступа, что главный предметъ его есть изображеніе совершеннаго государства, что подлинное названіе его есть *πολιτεία* (что означаетъ государственное устройство, государственное управленіе или искусство государственнаго управленія). Мы не будемъ приводить доказательствъ въ пользу того и другаго мнѣнія; но находимъ нужнымъ сдѣлать обзоръ содержанія этого разговора по книгамъ, на которыя раздѣляется разговоръ и число которыхъ простирается до 10.

Въ 1-й книгѣ Сократъ бесѣдуетъ съ старикомъ Кефаломъ, Полемархомъ, Тразимахомъ и другими о справедливости.

Во 2-й сначала продолжается рѣчь о справедливости; потомъ объ устройствѣ государства на началахъ справедливости, о различныхъ сословіяхъ, о сословіи воиновъ и о его религіозномъ воспитаніи.

Въ 3-й о воспитаніи воиновъ умственномъ и тѣлесномъ. Объ управленіи государствомъ, которое должно быть предоставлено мудрѣйшимъ между воинами. О мѣстѣ жительства воиновъ, объ отсутствіи у нихъ всякаго имущества.

Въ 4-й о простотѣ образа жизни воиновъ; о господствѣ въ новоустроенномъ государствѣ мудрости, мужества, разсудительности, справедливости; справедливость выставляется какъ основаніе всѣхъ добродѣтелей и полагается въ томъ, чтобы каждая часть общества занимались своими дѣлами и невмѣшивалась въ дѣла другихъ и чтобы въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ силы души были развиты правильнымъ и соразмѣрнымъ образомъ.

Въ 5-й книгѣ о военныхъ занятіяхъ женщинъ, объ общности женъ и дѣтей у воиновъ и происходящемъ отсюда согласіи и любви въ средѣ этого сословія. О веденіи войны: война новоустроеннаго государства съ соплеменниками эллинами должна отличаться умѣренностью и гуманностью. О свойствахъ философовъ, имѣющихъ управлять государствомъ.

Въ 6-й о свойствахъ философовъ (продолженіе), объ ихъ жизни въ зрѣлыхъ и преклонныхъ лѣтахъ. О научныхъ занятіяхъ воиновъ. О познаніи блага.

Въ 7-й о недостаточности опытнаго познанія. О наукахъ и искуствахъ необходимыхъ воинамъ для дѣльнѣйшаго умственнаго преуспѣянія; діалектика, высшая наука, наука наукъ. Соотвѣтственное умственному преуспѣянію восхожденіе воиновъ на высшую ступень правителей.

Въ 8-й о формахъ правленія: аристократіи, тимократіи, олигархіи, демократіи, тираніи. Лучшая форма есть аристократія, та которая описывается Платономъ, потому что въ Государствѣ Платона управляютъ лучшіе люди по уму, по познаніямъ, идеямъ и добродѣтелямъ.

Въ 9-й о томъ, какъ образуется характеръ тирана, каково его правленіе, и какъ мало счастлива его жизнь. Полнота счастія доступна только философамъ, потому что только у нихъ всѣ стороны духа находятся въ гармоніи, только они осуществляютъ въ себѣ справедливость и удаляютъ отъ себя несправедливость.

Въ 10-й книгѣ о значеніи поэзіи въ общественной жизни. Она очень опасна тѣмъ, что развиваетъ въ человѣкѣ страсти въ ущербъ мудрости, доброты и справедливости. О наградахъ

справедливости за гробомъ. Безсмертіе души, доказываемое изъ ея свойствъ. Разсказъ армянина Ира о томъ, какъ, будучи убитъ, онъ въ продолженіи 10 дней наблюдалъ загробную жизнь, былъ свидѣтелемъ суда надъ людьми, узналъ, что злые люди послѣ 1000 лѣтняго наказанія напившись воды рѣки Амелита въ долинѣ Леты, забываютъ прежнее и вступаютъ снова въ жизнь. Иръ возвратился къ жизни послѣ десятидневнаго пребыванія въ подземномъ царствѣ, и такъ какъ онъ не пилъ воды р. Амелита, то и могъ разсказать, что видѣлъ.

Изъ этого краткаго обзора видно, что наибольшую часть разговора о государствѣ занимаютъ вопросы касательно устройства государства или вопросы, имѣющіе болѣе или менѣе близкое отношеніе къ быту государственному, напр. о воспитаніи воиновъ, о значеніи поэзіи въ государственной жизни и т. п. Вопросомъ о справедливости Платонъ занимается только въ 1-й книгѣ и отчасти во 2, 4, 9 и 10-й; въ другихъ мѣстахъ сочиненія онъ забываетъ объ ней совсѣмъ; устраивая государство, онъ гораздо больше думаетъ о его спокойствіи и безопасности, чѣмъ о справедливости. Слѣдовательно, весьма правдоподобно, что вопросъ о справедливости не есть главный предметъ всего разговора, а онъ разсматривается рядомъ съ вопросомъ объ устройствѣ государства, въ слѣдствіе нѣкоторой связи, существующей между этими предметами. По той же причинѣ въ сочиненіе введено и разсужденіе о безсмертіи души. Такимъ образомъ разговоръ о государствѣ занимается тремя отдѣльными и въ сущности независимыми вопросами, изъ которыхъ наибольшимъ вниманіемъ автора пользуется вопросъ объ устройствѣ государства.

М.

Издатели, комментаторы, біографы и переводчики Платона.

Сочиненія Платона были напечатаны еще въ XV вѣкѣ, въ скоромъ времени послѣ открытія книгопечатанія. Но такъ какъ западная Европа въ XV вѣкѣ знала греческій языкъ очень мало, то и первыя изданія Платона были сдѣланы не въ подлинникѣ, а въ латинскомъ переводѣ.

Первое латинское изданіе относится къ 1482 году. Переводъ принадлежитъ Марсилію Фицину, канонику во Флоренціи, современнику Козьмы и Лаврентія Медичей, бывшему преподавателемъ платоновой философіи въ Платонической академіи во Флоренціи. М. Фицинъ принадлежалъ къ числу самыхъ горячихъ поклонниковъ Платона. Переводъ его, въ исправленномъ видѣ, впослѣдствіи нѣсколько разъ

еще былъ издаваемъ и отдѣльно (1491, 1518 и пр.) и вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ.

Первое греческое изданіе (editio princeps) относится къ 1513 году и сдѣлано въ Венеціи (in fol.) Мануц. Альдомъ. За нимъ слѣдовало нѣсколько другихъ изданій еще въ XVI вѣкѣ, между прочимъ, изданіе Генр. Этьенна (Парижъ, 1578 г. 3 т. in-fol.) съ латинскимъ переводомъ Серрана, по отзывамъ ученыхъ, весьма неудовлетворительнымъ.

Изъ новыхъ изданій особенно достойны вниманія:

1) Бипонтинское: «Platonis Philosophi, quæ exstant» съ переводомъ Марс. Фицина, съ разностями чтеній, съ біографіею Платона, принадлежащею Д. Лаэрцію, и съ подробнымъ «содержаніемъ разговоровъ Платона», составленнымъ Тидеманомъ. (Цвейбрюккенъ, 1781—1787 г., XII томовъ in-8°). Изданіе принадлежитъ знаменитому Бипонтинскому (Цвейбр.) обществу, обогатившему библіотеки Европы и другими весьма уважаемыми изданіями греческихъ и латинскихъ классиковъ.

2) Изданіе Фридр. Аста «Platonis, quæ exstant, opera» съ латинскимъ переводомъ, принадлежащимъ самому Асту и отличающимся чрезвычайною точностью (Лейпц. 1819—1832 г. XI т. in-8°). Фр. Астъ всю жизнь свою посвятилъ научной разработкѣ сочиненій Платона. Еще въ 1816 году онъ издалъ «Platon's Leben und Schriften (Лейпц.) — Жизнь и сочиненія Платона—опытъ различенія подлиннаго и истиннаго отъ выдуманнаго и подложнаго въ жизни и сочиненіяхъ Платона и опредѣленія порядка времени подлинныхъ разговоровъ». Послѣ сочиненій Платона въ скоромъ времени Астъ издалъ обширный трудъ «Lexicon Platonicum», — Лексиконъ словъ, употребляемыхъ Платономъ, съ объясненіемъ значенія и съ указаніемъ мѣстъ, гдѣ они употреблены (Лейпц., 1835 г. 3 т.). Кромѣ того, въ настоящемъ столѣтіи сдѣлано нѣсколько другихъ изданій, преимущественно въ Германіи (Таухница, Беккера, Штальбаума).

Названные нами ученые издатели были большею частію и комментаторами и отчасти біографами Платона. По полнотѣ общаго обзора всего, что касается Платона, первое мѣсто, повидимому, безспорно долженъ занимать Астъ, такъ что однихъ его трудовъ достаточно для хорошаго ознакомленія съ Платономъ. Почти такое же значеніе имѣетъ и Бипонтинское изданіе Платона.

Мы замѣтили выше, что государство Платона пользовалось наибольшимъ вниманіемъ ученыхъ. Это выразилось и въ томъ, что оно было предметомъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ монографій. Одна изъ нихъ весьма обстоятельная принадлежитъ Моргенштерну (De Platonis republica commentationes tres.

Halis Saxonum 1794 г.). Мы знакомы уже съ нѣкоторыми изъ мнѣній Моргенштерна. Онъ колеблется, вмѣстѣ съ Аристотелемъ, въ вопросѣ о томъ, къ кому отнести брачный коммунизмъ Платона; онъ исключаетъ изъ него классъ правителей, тогда какъ къ правителямъ онъ относится больше, нежели къ кому нибудь (см. выше стр. 22 и 24).—Моргенштернъ строго различаетъ три класса въ государствѣ: низшій, средній (воиновъ) и высшій (правителей), тогда какъ по характеру жизни и занятій и по мысли Платона, воины и правители очень близки между собою, имѣютъ одни задачи и занятія, и всякій правитель до 50 лѣтъ бываетъ простымъ воиномъ. Моргенштернъ не раздѣляетъ сомнѣнія Аристотеля касательно имущественнаго коммунизма,—принимаетъ, что къ промышленнымъ классамъ онъ не относится. Разсуждая о коммунизмѣ Платона, Моргенштернъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Намѣреніе Платона въ его установленіи общности имущества похвально, потому что онъ надѣялся, что у стражей государства отнимется поводъ къ корыстолюбію и раздорамъ, которые дѣйствительно происходятъ изъ-за богатства и изъ-за собственности. Однако способъ разсужденія Платона касательно собственности не лучше того, который употребляется современными (1794 г.) французами» (стр. 217), т. е. и Платонъ и французы не понимаютъ, что abusus non tollit usum.

Изъ біографій Платона, кромѣ упомянутыхъ выше біографій Д. Лаэрція и Аста, назовемъ еще отличающуюся полнотою біографію, написанную бар. де Жерандо (въ Biographie Univ.) и другую французскую біографію Платона, принадлежащую Дасье, приложенную имъ къ изданію сочиненій Платона. Кромѣ біографіи Дасье присоединилъ къ сочиненіямъ Платона анализъ и критику его ученій, которая отличается полнотою, несмотря на свою краткость. Дасье, какъ мы уже замѣтили, къ ученіямъ Платона относится съ чрезвычайнымъ уваженіемъ. «Въ классической литературѣ—говоритъ онъ—ничего нѣтъ лучше разговоровъ о государствѣ и законахъ, за исключеніемъ этихъ двухъ недостатковъ», т. е. ученій о коммунизмѣ въ имуществѣ и бракѣ и объ одинаковости воспитанія для мужчинъ и женщинъ. (Oeuvres de Platon, Paris, 1762, I, 96). Первое изданіе этого труда Дасье относится къ 1699 году.

Изъ переводовъ сочиненій Платона на новые языки укажемъ на французскій переводъ Кузена (Oeuvres de Platon, traduites par V. Cousin. Paris, 1822—1839 г. XII Т.). Хотя переводъ не отличается близостью къ подлиннику, буквальностью, однако, нельзя сказать, чтобы онъ былъ невѣренъ. Измѣняя выраженія, переводчикъ старался быть вѣрнымъ смыслу. Впрочемъ, при такомъ переводѣ колоритъ древности

обыкновенно исчезаетъ; иной разъ кажется, что Сократъ бесѣдуетъ съ своими слушателями не въ Аѳинахъ или Пиреѣ, а въ Парижѣ или Версали.

Наиболѣе извѣстный нѣмецкій переводъ принадлежитъ Фридр. Шлейермахеру (Берл. 1804—10 г. 5 т.). Шлейермахеръ извѣстенъ не только какъ переводчикъ, но какъ ученый, старавшійся привести въ систему всѣ разговоры Платона, и съ этою цѣлью раздѣливший ихъ на части и размѣстившій въ извѣстномъ порядкѣ. Шлейермахера причисляютъ къ людямъ, наиболѣе постигнувшимъ духъ ученій Платона.

На русскомъ языкѣ нѣтъ полнаго перевода сочиненій Платона, хотя переводить ихъ начали еще въ прошломъ столѣтіи.

Первый переводъ принадлежитъ свящ. Сидоровскому и кол. регистр. Пахомову (Спб. 1780—1785 г. 3 части въ 4 большихъ томахъ in-4°). Переводъ сдѣланъ очень тяжелымъ языкомъ—полу-русскимъ, полу-церковнославянскимъ. Несмотря на то, Карповъ о переводѣ отзывается съ большимъ уваженіемъ (въ пред. къ своему переводу Платона).

Затѣмъ слѣдуетъ переводъ законовъ Платона, сдѣланный В. Оболенскимъ (Моск. 1827 г.). Переводъ удовлетворительный, но безъ всякихъ объясненій.

Потомъ переводъ Клеванова: Философическія бесѣды Платона (Эвтифронъ, апол. Сократа, Критонъ, Федонъ) съ подробными введеніями и примѣчаніями. М. 1861 года.

Наконецъ переводъ Карпова: Сочиненія Платона, переведенныя съ греческаго языка и объясненныя. Спб., 1863 г. 4 части. (I. Протагоръ, Эвтидемъ, Эвтифронъ, апологія Сократа, Лахесъ, Хармидъ, Ипіасъ меньшій. II. Критонъ, Федонъ, Менонъ, Горгіасъ, Алкивіадъ 1-й, Алкивіадъ 2-й. III. Государство. IV. Федръ, Пиръ, Лизисъ, Ипіасъ большій, Менексенъ, Іонъ, Ѳеагъ, Соперники, Иппархъ, Клитофонъ). Переводъ этотъ, безспорно — лучшій изо всѣхъ. Авторъ снабдилъ его примѣчаніями, введеніями; точность перевода не оставляетъ ничего желать болѣе. Вообще, въ научномъ отношеніи, переводъ вполнѣ достоинъ и автора и переводчика. Надобно только сожалѣть, что онъ не оконченъ.

Изъ русскихъ сочиненій, въ которыхъ разсматриваются разговоры Платона, укажемъ на энциклопедію законовѣдѣнія Неволина. Здѣсь Платону посвященъ значительный отдѣлъ (больше 30 стран.), отличающійся большею обстоятельностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, и произвольностью. Авторъ предполагаетъ, что у Платона была цѣль разсмотрѣть справедливость въ трехъ видахъ: въ отдѣльномъ человѣкѣ, въ государствѣ и во всемъ человѣчествѣ, и что это

имъ исполнено главнымъ образомъ въ государствѣ и законахъ. Едва ли это такъ. Едва ли даже говоря о справедливости въ отдѣльномъ человѣкѣ онъ не разумѣетъ что-нибудь другое, хотя и называетъ ее этимъ именемъ (δικαιοσύνη), потому что подъ именемъ справедливаго человѣка онъ описываетъ добродѣтельнаго вообще (кн. IV), что конечно составляетъ разницу. Подобнымъ образомъ опредѣлять справедливость въ государствѣ тѣмъ, что она состоитъ въ дѣланіи каждымъ своего дѣла, могъ только человѣкъ, который видѣлъ близко неурядицу аѳинской площади. Дѣлать свое дѣло конечно каждый долженъ; но это еще не будетъ справедливость, потому что и воръ дѣлаетъ именно свое дѣло. Наконецъ ученіе Платона о справедливости въ цѣломъ родѣ человѣческомъ Неволинъ видитъ въ томъ, что Платонъ у различныхъ народовъ міра замѣчаетъ неравномѣрное развитіе различныхъ психическихъ способностей. Правда, Неволинъ видитъ здѣсь только намекъ на справедливость; но, кажется, тутъ и намека никакого нѣтъ. — У Неволина такимъ образомъ ученіе Платона о проявленіи справедливости представлено въ стройной системѣ; но эта система принадлежитъ ему, а не Платону. И странно было бы, если бы Платонъ для изображенія справедливости въ одномъ видѣ (въ отдѣльномъ человѣкѣ) употребилъ нѣсколько страницъ, для изображенія ея въ другомъ видѣ (въ государствѣ) цѣлые два разговора (государство и законы), которые по своему объему составляютъ третью часть всѣхъ его сочиненій, и наконецъ для изображенія справедливости въ третьемъ видѣ (въ человѣчествѣ) одинъ намекъ! — Въ дѣйствительности у Платона о справедливости нѣтъ почти ничего. Его δικαιοσύνη и въ отдѣльномъ человѣкѣ и въ государствѣ не есть справедливость; можетъ быть это соразмѣрность, гармонія, которыя можно представлять всячески, но это не справедливость; или это одна изъ обмолвокъ Платона, которыя у него, какъ мы видѣли, не рѣдкость. Вообще, усильное стремленіе Неволина систематизировать приводитъ его къ такимъ положеніямъ, которыхъ нельзя принять при самомъ ограниченномъ знакомствѣ съ Платономъ. Это впрочемъ относится ко всѣмъ вообще комментаторамъ Платона, стремившимся привести въ систему его понятія. Платонъ писалъ свои сочиненія въ продолженіи 60 лѣтъ; не можетъ быть сомнѣнія, что онъ въ это время развивалъ, совершенствовалъ и даже измѣнялъ свои понятія. Кромѣ того, намъ кажется, не обращаютъ довольно вниманія на слѣдующее обстоятельство: въ нѣкоторыхъ разговорахъ самъ Сократъ развиваетъ всѣ мысли, въ другихъ онъ больше слушаетъ, говоритъ кто нибудь другой, въ нѣкоторыхъ Сократъ совсѣмъ не участвуетъ, а участвуютъ какія-то неизвѣстныя лица. Едва ли въ этомъ не нужно ви-

дѣть особеннаго смысла: вѣроятно, мнѣнія Сократа гораздо ближе къ собственной системѣ Платона, чѣмъ мнѣнія неизвѣстныхъ людей, анонимовъ, называемыхъ просто аѳинянинъ или даже чужестранецъ. — Наконецъ, у Платона всѣми замѣчаются противорѣчія не только въ отдѣльныхъ разговорахъ, но даже въ одномъ и томъ же разговорѣ; вслѣдствіе чего и существуетъ мнѣніе, будто нѣкоторые разговоры служатъ только средствомъ для упражненія ума. Все это безъ сомнѣнія требуетъ большой осторожности въ приведеніи мнѣній Платона въ систему. Повидимому Неволинъ все это выпустилъ изъ вниманія. Вотъ еще примѣръ его неправильнаго систематизированія. Разсуждая о мнѣніяхъ Платона касательно формъ правленія, Неволинъ говоритъ, будто Платонъ совершеннѣйшею формою считаетъ правленіе царское, основываясь на томъ, что это мнѣніе высказано въ одномъ изъ разговоровъ Платона, «Политикѣ». Но онъ забываетъ то, что въ «государствѣ» высказано мнѣніе противное, что «государство» есть безспорно важнѣйшій изо всѣхъ разговоровъ Платона, что такъ объ этомъ думалъ и говорилъ самъ Платонъ, который еще на смертномъ одрѣ заботился о его отдѣлкѣ, 40 лѣтъ послѣ того, какъ онъ написанъ; забываетъ Неволинъ еще и то, что въ «государствѣ» самъ Сократъ развиваетъ свои мысли, а въ «политикѣ» Сократъ бесѣдуетъ съ чужестранцемъ (ξένος), который развиваетъ свой взглядъ на правителя государства, отца своего народа, а Сократъ въ это время только предлагаетъ вопросы и выражаетъ свое согласіе, да и то неполное, говоря: «такъ, разумѣется, к а ж е т с я». Подлинное мнѣніе Платона относительно наилучшей формы правленія, какъ намъ кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію; наиболѣе цѣлесообразнымъ правительствомъ онъ считаетъ правительство, состоящее изъ людей зрѣлаго возраста, наиболѣе обнаружившихъ свой умъ, свои познанія и свою добродѣтель. Такое правленіе онъ называетъ аристократіею, а то, что́ въ наше время называется аристократіею, Платонъ называетъ олигархіею. (Госуд. кн. VIII).

ГЛАВА II.

ТОМАСЪ МОРЪ.

Судьба Греціи послѣ Платона. Паденіе другихъ государствъ древняго міра: еврейскаго, римскаго, византійскаго, новоперсидскаго. Симптомы соціализма, предшествовавшіе этому паденію.

Общественный бытъ западной Европы въ средніе вѣка: римская церковь; различіе ея духа отъ духа церкви восточной и результаты этого различія въ общественной жизни. Пятнадцатый вѣкъ въ западной Европѣ.

Жизнь и характеръ Томаса Мора, его отношенія къ правительству Генриха VIII и католицизму. Появленіе Утопіи, басня, положенная въ основаніи ея. Р. Гиелодей, спутникъ Ам. Веспуччи. Взглядъ Т. Мора на современное ему состояніе Англіи: пауперизмъ и причины его, ложная, внѣшняя и внутренняя политика государей, недобросовѣстность ихъ совѣтниковъ и служителей церкви. Служеніе золотому тельцу.

Островъ Утопія. Положеніе Утопіи, ея пространство и населеніе. Конституція; общность имуществъ: производство богатствъ и распредѣленіе; бракъ, рабство, торговля; употребленіе драгоцѣнныхъ металловъ, внѣшняя политика; религія, свобода совѣсти.

Что остается въ Англіи изъ того зла, которое указано Т. Моромъ? Значеніе рабства въ Утопіи. Послѣдовательность Т. Мора въ томъ, что онъ въ Утопіи рисуетъ не одно добро, но и зло. Зло утопійское очень велико. Прогрессъ утопійскій весьма медленъ. Доказательства, что Т. Моръ не былъ въ дѣйствительности сторонникомъ коммунизма.

Приложенія.

Платоновы проекты соціальной реформы не принесли никакой пользы для Греціи. Грецію постигла та печальная судьба, которую предвидѣлъ Платонъ. Внутреннее разложеніе необходимымъ образомъ привело къ тому, что послѣ довольно продолжительной агоніи организмъ наконецъ лишился способности къ дѣйствію, жизнь въ немъ прекратилась. Черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти Платона Греція подпала подъ власть Македоніи, а черезъ 200 лѣтъ сдѣлалась провинціею Рима. Но не одной Греціи въ то время суждено было подвергнуться разложенію; таже участь постигла почти въ одно съ нею время

всѣ болѣе замѣчательныя народности древняго міра. На востокѣ видимымъ образомъ разлагалась породность еврейская, на западѣ народность римская.

Народность еврейская въ ряду другихъ народностей древняго міра стояла совершенно въ исключительномъ положеніи. Характеръ еврейскаго государства былъ теократическій; и потому всѣ отношенія между гражданами были проникнуты религіознымъ духомъ. Цѣль еврейскаго законодателя состояла въ томъ, чтобы, уединивши свой народъ отъ сосѣднихъ народовъ идолопоклонниковъ, укрѣпить въ немъ вѣру и религіозное чувство, поднять народный духъ и обезпечить экономическое благосостояніе. — Экономическое устройство евреевъ менѣе извѣстно, нежели ихъ религіозная и политическая жизнь, и такъ какъ для явленій, разсматриваемыхъ нами, оно имѣетъ значеніе очень важное, то мы и скажемъ о немъ нѣсколько словъ. Будучи провозвѣстникомъ религіи, изъ которой произошло христіанство, Моисей издалъ такія постановленія, которыя, по его мнѣнію, должны были избавить народъ отъ страданій нищеты; нищихъ, говорилъ онъ евреямъ, не должно быть между вами. Для достиженія этой цѣли онъ прежде всего указывалъ своему народу на трудъ, какъ на необходимое условіе существованія всякаго человѣка, необходимое потому, что еще первый человѣкъ долженъ былъ подчиниться правилу: «въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой». Вслѣдствіе этого трудъ у евреевъ былъ облагороженъ болѣе, нежели у кого нибудь изъ древнихъ народовъ. Гедеонъ, первый человѣкъ въ Израилѣ, молотилъ хлѣбъ, когда былъ призванъ ангеломъ Божіимъ спасти отечество. Такой взглядъ на трудъ не долженъ былъ удалять отъ него народъ; и дѣйствительно древніе евреи были трудолюбивыми пастырями и земледѣльцами. Но иногда и трудолюбиваго постигаетъ несчастіе; въ такомъ случаѣ его благосостояніе можетъ быстро упасть и не возстановиться. Продавши въ нуждѣ свое имущество или занявши денегъ съ платою процентовъ, человѣкъ становится въ безъисходное положеніе; ему грозитъ и въ особенности грозила въ древнихъ государствахъ вѣчная нищета. Про-

тивъ этого зла законодатель евреевъ принялъ слѣдующія мѣры. — При первомъ разселеніи евреевъ въ Палестинѣ вся страна была раздѣлена по возможности на равные участки и каждое еврейское семейство получило одинъ такой участокъ. — Чтобы евреи не имѣли совсѣмъ возможности обременять себя долгами, было положено закономъ, что всякій долгъ, который неуплаченъ къ субботнему (седьмому) году, отпускается, перестаетъ считаться долгомъ *. Кромѣ того кредиторъ не имѣлъ права брать процентовъ за выданныя взаймы деньги. А чтобы евреи не вошли въ тяжелыя долговыя обязательства относительно иноплеменниковъ, для этого имъ запрещено совсѣмъ занимать у кого нибудь, кромѣ своихъ согражданъ. Такимъ образомъ еврей, владѣющій своимъ поземельнымъ участкомъ, былъ навсегда обезпеченъ отъ жадныхъ кредиторовъ; произведенія его земли и его труда должны были принадлежать ему самому. Но онъ могъ продать свой участокъ; тогда онъ оставался бы совсѣмъ безъ средствъ къ жизни. И противъ этого законодатель принялъ мѣры. Продать участокъ было можно, но продать его навсегда было нельзя. Всякій проданный участокъ вмѣстѣ съ домомъ построеннымъ на немъ въ юбилейный годъ, т. е. черезъ 49 лѣтъ, возвращался назадъ къ своему первому владѣльцу или къ его семейству. При продажѣ слѣдовало обращать вниманіе на то, сколько времени остается до юбилейнаго года; собственно на это остающееся время и могли продаваться поземельныя владѣнія. Это даже собственно и не продажа, а временная концессія **.

---

* Въ седьмое лѣто да сотвориши отпущеніе. И сице заповѣдь отпущенія: да оставиши весь долгъ твой, имже долженъ ближній тебѣ, и отъ брата своего не истяжеши, яко наречеся отпущеніе Господу Богу твоему. Отъ чуждаго да истяжеши, слика суть твоя у него; брату же твоему отпущеніе да сотвориши долга твоего. (Второз. XV, 1, 2, 3).

** И освятите лѣто, пятьдесятое лѣто, и разгласите оставленіе на земли всѣмъ живущимъ на ней, лѣто оставленія знаменіе сіе будетъ вамъ: и да отъидетъ кійждо васъ въ притяжаніе свое, и кійждо во отечество свое отъидете. — Аще же отдаси куплею ближнему твоему, или аще притяжеши отъ ближняго твоего, да не оскорбляетъ человѣкъ ближняго: по числу лѣтъ во знаменіи, да притяжеши отъ ближняго, по числу

Такою мѣрою законодатель обезпечивалъ постоянное пользованіе поземельною собственностью, если не отдѣльнымъ лицамъ, то по крайней мѣрѣ отдѣльнымъ семействамъ. И этотъ порядокъ существовалъ въ государствѣ евреевъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій при судьяхъ и при царяхъ. И на первое время, когда народное хозяйство находилось въ состояніи патріархальномъ, когда раздѣленія занятій почти не было, и каждый самъ приготовлялъ для себя все необходимое, онъ не представлялъ никакихъ неудобствъ, напротивъ имѣлъ тѣ самыя достоинства, достигалъ тѣхъ самыхъ цѣлей, которыя имѣлъ въ виду законодатель. Но когда народонаселеніе увеличилось, народное хозяйство разширилось и измѣнилось, когда прежніе слабые зачатки ремеслъ разрослись въ значительную мануфактурную промышленность, тогда этотъ порядокъ оказался неудобенъ. Нельзя не видѣть съ перваго раза, что онъ убиваетъ въ зародышѣ всякій кредитъ, и если въ прежнее время у евреевъ кредита не было, то и бѣды въ этомъ не было; онъ былъ не нуженъ. Прежде евреи могли занимать только для потребленія, а не для производства или торговли, что имѣло бы гибельные результаты для должника. И законодатель, допуская, что и въ государствѣ евреевъ всякій можетъ подвергнуться нуждѣ, находилъ болѣе полезнымъ и цѣлесообразнымъ помочь этой нуждѣ посредствомъ общественной благотворительности, чѣмъ посредствомъ кредита. Отъ того общественная благотворительность съ самаго начала государства евреевъ была устроена въ размѣрахъ очень широкихъ. Моро Кристофъ находитъ, что Моисей установилъ ничто иное, какъ истинную таксу для бѣдныхъ въ своей трехъ-годичной десятинѣ, въ даровыхъ произведеніяхъ суботняго года, предназначенныхъ для бѣдныхъ, и въ правѣ ихъ собирать остатки колосьевъ на нивахъ и плодовъ на деревьяхъ *. Въ послѣдствіи обстоя-

лѣтъ плодовъ да продастся тебѣ. Якоже аще болѣе лѣтъ, умножитъ притяжаніе его и якоже аще менѣе лѣтъ, уменьшитъ притяжаніе его; яко число плодовъ его, тако да продастъ тебѣ (Лев. XXV. 10, 14, 15, 16).

* Moreau Christophe. Du problème de la misère. II, 53 и слѣд.

тельства перемѣнились: съ одной стороны потребовался кредитъ для производства и торговли, съ другой стороны религіозный духъ ослабѣлъ; законы Моисея стали исполняться съ меньшею искренностью и, гдѣ была возможность, евреи уже охотно позволяли себѣ обходить ихъ. Такимъ образомъ и законы касательно суботняго и юбилейнаго года пришли въ забвеніе. Это повело къ тому, что масса народа потеряла земли, образовался пролетаріатъ въ родѣ того, который былъ въ Аѳинахъ и Римѣ. «Во время Спасителя, говоритъ Моро Кристофъ, бѣдность достигла крайнихъ предѣловъ въ римской Іудеѣ. Объ ней можно судить по тому великому множеству слѣпыхъ, разслабленныхъ, хромыхъ, прокаженныхъ, одержимыхъ бѣсами и всякаго рода другихъ больныхъ, которыхъ онъ исцѣлялъ, равнымъ образомъ по числу бѣдныхъ, нищихъ и всякаго рода несчастныхъ, которые окружали его и слѣдовали за нимъ во время его проповѣди, куда бы онъ ни шелъ, гдѣ бы онъ ни останавливался. Толпа слѣдовала за нимъ тысячами даже въ пустыню, куда онъ напрасно удалялся, чтобы избѣжать ея. Потому, чтобы удобнѣе молиться, онъ уходилъ на горы и проводилъ тамъ цѣлыя ночи; по той же причинѣ онъ спалъ, гдѣ и когда только могъ, напр. на кораблѣ во время бури *». Печальному экономическому состоянію народа соотвѣтствовало состояніе и другихъ сторонъ жизни; политическою свободою евреи почти уже непользовались современи плѣна вавилонскаго. Самый религіозный духъ ослабѣлъ или измѣнился въ своемъ направленіи. Ревнители древняго благочестія фарисеи въ дѣйствительности соблюдали только букву закона; духомъ его они не дорожили. Саддукеи пошли въ другую крайность; они отвергали и законъ и безсмертіе души; это была школа матеріалистовъ на еврейской почвѣ. Короче всѣ общественныя и даже національныя связи разрушались.

И въ средѣ евреевъ въ это время появилось то, что обыкновенно является въ такія эпохи, — явились реформаторы,

---

* Mor. Chr. тамъ же. 85.

которые отвергли весь прежній строй жизни и рѣшились устроить ее на новыхъ началахъ.

Это были е с с е и, которые гораздо раньше Р. Х. уже были организованы въ видѣ особаго общества, имѣвшаго строго опредѣленныя воззрѣнія, правила и образъ жизни и избравшаго себѣ особое мѣсто жительства по западнымъ берегамъ Мертваго моря вдали отъ поселеній другихъ людей. Ессеи, подобно фарисеямъ, хотѣли возстановить древній религіозный духъ евреевъ; но они отличались отъ фарисеевъ тѣмъ, что заботились главнымъ образомъ о духѣ закона, а не о внѣшности, не о буквѣ. Фарисеи старались выставлять на показъ свое усердіе къ вѣрѣ; ессеи удалялись отъ общества людей, но въ тоже время привлекали къ себѣ ихъ уваженіе своею строгою жизнью. Главные догматы ессеевъ были: любовь къ Богу, любовь къ ближнему и уваженіе къ добродѣтели. Ессеи жили небольшими деревнями, занимались земледѣліемъ и производствомъ необходимыхъ вещей, и избѣгали торговли. У всѣхъ ихъ были общія имущества, управляемыя особыми выборными экономами; и кромѣ этого имущества ессеи ничего собственнаго не имѣли, хотя они жили иногда въ отдѣльныхъ домахъ. Домъ, въ которомъ жилъ ессей, принадлежалъ не ему, но всему обществу; всякій ессей могъ придти въ него, могъ пользоваться всѣмъ, что въ немъ находилъ, какъ своимъ собственнымъ. Престарѣлые и больные ессеи ни въ чемъ не имѣли недостатка, потому что имъ все необходимое доставляла община, хотя бы въ общинѣ не было у нихъ ни дѣтей, ни родственниковъ, такъ какъ они вели жизнь безбрачную *. Поддерживалось общество ессеевъ новыми, извнѣ приходящими членами, которыхъ удаляло отъ міра недовольство его пустотою.—Похожею на секту ессеевъ была еврейская же секта ѳ е р а п е в т о в ъ и ѳ е р а п е в т р и д ъ, (*Θεραπευταί καὶ Θεραπευτρίδες*, попечители и попечительницы) образованная евреями египетскими и обитавшая въ пустынѣ прилегающей къ Чермному морю и близъ Александріи; ѳерапевты

* См. прил. 1.

отличались отъ ессеевъ тѣмъ, что они вели болѣе уединенную и еще болѣе воздержную жизнь. Обыкновенно ѳерапевты жили въ отдѣльныхъ, уединенныхъ домахъ и въ продолженіи 6 дней никуда не выходили, предаваясь чтенію священныхъ книгъ и благочестивымъ размышленіямъ. Только на 7-й день они собирались для благочестивыхъ бесѣдъ, для священныхъ пѣсенъ и молитвы. Женщины, ѳерапевтриды, участвовали въ этихъ собраніяхъ, но по обычаю евреевъ, онѣ были отдѣлены отъ мужчинъ перегородкою, такъ что могли только слышать, а не видѣть и быть видимы *.

Ни ѳерапевты, ни ессеи не повернули назадъ жизнь еврейскаго народа. Аскетизмъ есть вещь весьма достойная уваженія, но его значеніе главнымъ образомъ личное — для той личности, которая ему слѣдуетъ. Мы совсѣмъ не отвергаемъ его вліянія воспитывающаго, поучающаго относительно всей массы народа; но это вліяніе не такъ велико, что бы оно само собою могло сдѣлать поворотъ въ народной жизни. Когда аскетическая жизнь соединяется съ вдохновенною проповѣдью, какъ у апостоловъ или даже у Петра Пустынника, у аб. Бернарда, тогда она производитъ чудесное дѣйствіе; она двигаетъ цѣлые народы, измѣняетъ ихъ самыя коренныя вѣрованія, т е. измѣняетъ вполнѣ ихъ внутренній и отчасти внѣшній бытъ Но сама по себѣ аскетическая жизнь столь большаго гліянія на жизнь народовъ никогда не имѣла. И достойныя уваженія сами по себѣ общины ессеевъ и ѳерапевтовъ остались безъ полезныхъ (по крайней мѣрѣ замѣтнымъ образомъ) результатовъ для возрожденія еврейскаго народа. Подражать имъ евреи не могли потому, что нигдѣ еще и никогда цѣлые народы не устроивались на началахъ коммунизма и аскетизма.

Разложеніе народности римской обнаружилось въ скоромъ

---

* Жизнь ѳерапевтовъ возбуждала къ себѣ такое уваженіе даже христіанъ, что нѣкоторые церковные писатели считали ихъ самихъ христианами. (См. Thonissen, Le socialisme. I, 126). Первоначальныя извѣстія о ессеяхъ и ѳерапевтахъ находятся у Филона въ сочиненіяхъ: quod liber sit quisquis virtuti studet» и «de vita contemplativa».

времени послѣ завоеванія римлянами Греціи. Кровавый характеръ смутъ, начавшихся убійствомъ Т. Гракха, ясно говорилъ, что зло, отъ котораго страдалъ Римъ, было очень сильно, что болѣзнь требовала лѣченія энергическаго въ видѣ какихъ нибудь существенныхъ реформъ. Такъ и поняли это политическіе люди Рима. Но къ сожалѣнію взгляды на средства, которыми слѣдовало помочь злу, были не только различны, но противоположны. Одни думали, что слѣдуетъ возстановить прежній порядокъ, при которомъ Римъ процвѣталъ, другіе хотѣли закрѣпить новый; одни хотѣли поднять простой народъ, улучшить его экономическій бытъ, усилить его политическое значеніе, другіе хотѣли усилить власть оптиматовъ или по крайней мѣрѣ оставить ее въ томъ положеніи, котораго она достигла. Наконецъ были и такіе, которые безъ дальнихъ разговоровъ думали отнять у оптиматовъ ихъ имущества и отчасти раздѣлить ихъ между народомъ, отчасти захватить въ свою пользу *. И тѣ и другіе стремились достигнуть своихъ цѣлей—опираясь или на массу городскаго населенія или даже на войско; отъ того борьба и отличалась насильственнымъ и даже кровавымъ характеромъ. Но въ то время, когда римскій форумъ былъ волнуемъ этою борьбою, нашелся и въ Римѣ философъ, который наединѣ съ своею музою обдумывалъ планъ возрожденія Рима посредствомъ лучшихъ учрежденій. Это былъ Цицеронъ, который изложилъ свой планъ въ сочиненіи «de republica» (о государствѣ). Въ проектѣ Цицерона нѣтъ ничего, имѣющаго соціальный характеръ; но онъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ почти за 2,000 лѣтъ до нашего времени проводится мысль, которая въ настоящее время принята почти всѣми государствами Европы въ основаніе ихъ политической организаціи; Цицеронъ говоритъ, что всѣ глав-

* Планъ Катилины безспорно имѣлъ въ виду ничто иное, какъ насильственный передѣлъ частныхъ имуществъ. Впрочемъ отчасти то же самое было сдѣлано и Суллою и Маріемъ. Катилина возвелъ только этотъ передѣлъ въ принципъ, сдѣлалъ его цѣлью, а не средствомъ, чѣмъ онъ былъ у Марія и Суллы и впослѣдствіи у Цезаря и тріумвировъ 2-го тріумвирата. Впрочемъ Цезарь, какъ извѣстно, былъ участникомъ заговора Катилины.

ныя формы правленія — монархическая, аристократическая и демократическая имѣютъ очень большіе недостатки, что удовлетворительною формою была бы только такая, въ которой соединялись бы всѣ эти три формы, т. е. за 2,000 лѣтъ онъ указывалъ на такъ-называемое конституціонное правленіе, какъ на лучшую гарантію спокойствія и благосостоянія государства *. Но ни цицероновъ проектъ, ни стремленія партій, дѣйствовавшихъ на форумѣ, не достигли никакой цѣли. Римъ продолжалъ идти своею дорогою. Зло, которое подтачивало его существованіе и отъ котораго погибла Греція, продолжало существовать.

Къ концу римской республики все населеніе Рима, Италіи и провинцій состояло изъ немногихъ богачей, которые могли на свой счетъ содержать цѣлыя арміи, и изъ массы пролетаріевъ, неимѣвшихъ ничего; людей, обезпеченныхъ въ своемъ пропитаніи, людей съ умѣреннымъ состояніемъ было сравнительно очень мало. Нравственное состояніе общества соотвѣтствовало его экономическому быту. Развратъ и неправды достигли своего предѣла; древній міръ видимымъ образомъ умиралъ. Люди потеряли вѣру нетолько въ политическія теоріи, но и во всякія человѣческія средства; надежды обратились въ другую сторону. Востокъ, колыбель всѣхъ религіозныхъ ученій, обѣщалъ обновленіе, но уже не человѣческое, а божественное. Пиѳагореизмъ, продуктъ двухъ цивилизацій, греческой и восточной, еще не умеръ, и появился неоплатонизмъ — философская школа, очень близкая къ пиѳагореизму, также, какъ и онъ, обозначенная характеромъ этихъ двухъ цивилизацій **. Лучшіе умы человѣчества об-

* См. прил. 3. Впрочемъ достоинства смѣшаннаго правленія признаетъ еще Платонъ. (Законы, кн. IV) Но тѣмъ не менѣе оно не составляетъ Платонова идеала, идеалъ его, какъ мы видѣли, (стр. 18) въ царствѣ философовъ. Смѣшанному правленію (въ Спартѣ) Платонъ отдаетъ только преимущество предъ существовавшими въ его время другими формами правленія, да и то вскользь, мимоходомъ, не развивая этой мысли.

** Одинъ изъ неоплатониковъ, Плотинъ, покушался - было осуществить въ Италіи государство Платона и уже испросилъ на это позволеніе императора Галліена (въ 3-мъ вѣкѣ по Р. Х.); но прежде, нежели

ратились къ религіозному созерцанію. Но религіозное созерцаніе лучшихъ умовъ не могло удовлетворить цѣлыхъ народовъ; это было сдѣлано ученіемъ, которое проповѣдывали люди, вышедшіе изъ низшихъ классовъ народа, изъ пастуховъ, плотниковъ и рыбаковъ. Ученіямъ высокихъ умовъ уже не вѣрили, потому что въ нихъ извѣрились; нужно было ученіе изъ болѣе надежнаго источника. И вотъ когда явились проповѣдники, которые говорили, что ихъ ученіе идетъ отъ самого Бога, избравшаго ихъ, простыхъ людей, орудіемъ распространенія этого ученія, изнуренные и физическими и нравственными страданіями народы дали имъ вѣру, съ одушевленіемъ приняли ихъ ученіе, которое дѣйствительно составляло новость, неслыханную въ мірѣ. Въ то время, когда политическія и экономическія неправды перешли всякую мѣру, когда развратъ достигъ чудовищныхъ формъ, когда во

Плотинъ приступилъ къ дѣлу, позволеніе было взято у него назадъ. Вообще философы того времени съ мистическимъ направленіемъ были одушевлены между прочимъ соціальными идеями. Аполлоній Тіанскій былъ ревностнымъ коммунистомъ. Объ немъ разсказываютъ слѣдующій случай. Однажды въ Эфесѣ онъ проповѣдывалъ подъ открытомъ небомъ о коммунизмѣ. Подлѣ находилось дерево, на которомъ сидѣла стая воробьевъ. Воробьи сидѣли спокойно, какъ будто внимая оратору. Вдругъ прилетаетъ къ нимъ новый собратъ, и начинается такое чириканье, что Аполлоній долженъ былъ прекратить рѣчь. Черезъ минуту вся стая улетѣла, и Аполлоній воспользовался этимъ случаемъ, для развитія своей темы. «Причина того, что вы видѣли, говорилъ онъ, заключается вотъ въ чемъ: одинъ человѣкъ уронилъ мѣшокъ съ зерновымъ хлѣбомъ, часть зерна разсыпалась и осталась на землѣ. Это замѣтилъ воробей и прилетѣлъ извѣстить объ этомъ своихъ товарищей и пригласилъ ихъ воспользоваться неожиданнымъ счастіемъ Вы видите, что и воробьи допускаютъ коммунизмъ, а мы презираемъ ихъ» (Pierre Leroux. Encycl. nouv. p. 671. Цитація Тониссена, тамъ-же 145). Если подобные аргументы дѣйствовали на слушателей Аполлонія, то это совсѣмъ не говоритъ въ пользу ихъ логической состоятельности. — Самъ Аполлоній въ противоположность своимъ современникамъ апостоламъ отличался большою гордостью, высокимъ мнѣніемъ о своей мудрости, не находя въ этомъ отношеніи равныхъ себѣ. Онъ путешествовалъ въ Индію, чтобы познакомиться съ тамошними мудрецами, узнать, стоютъ ли они какого вниманія съ его стороны. Въ Европѣ и передней Азіи уже не было людей, знакомство съ которыми могло бы быть ему чѣмъ-нибудь полезно.

внутреннихъ смутахъ, во внѣшнихъ войнахъ, въ проскрипціяхъ десятки тысячъ человѣческихъ жизней приносились въ жертву властолюбію или солдатской жадности, когда на человѣческую жизнь смотрѣли не съ бо́льшимъ уваженіемъ, какъ на жизнь дикаго звѣря, когда добродѣтельнѣйшіе люди приходили къ убѣжденію, что добродѣтель есть пустое слово—какимъ живительнымъ источникомъ въ то время показалось ученіе, котораго существенныя черты заключались въ правдѣ, любви къ ближнему и нравственной чистотѣ — то ученіе, которое, въ противоположность прежнему міровоззрѣнію, обоготворяло природу человѣка, производило его отъ самого божества, и въ будущей, безконечной и совершеннѣйшей жизни указывало ему цѣль его бытія! Въ этомъ ученіи народы видѣли свое спасеніе, свое обновленіе и христіанство распространилось по всему греко-римскому міру.

Но далеко не всѣ правильно поняли его. Еще въ самой колыбели христіанства, близъ самаго его источника, къ нему примкнули ученія, имѣвшія только видимую связь съ ученіемъ Евангелія; евангельскій идеалъ въ любви къ ближнему и въ господствѣ духа надъ тѣломъ, и царство, которое основано Христомъ, не отъ міра сего.—Не такъ смотрѣли на это многіе изъ неофитовъ. Еще въ I и II вѣкѣ христіанской эры появились ереси Симона волхва, Карпократа, Николаитовъ и др., которыя превратно понимали любовь къ ближнему, отвергали всякое воздержаніе, допускали открытый развратъ вслѣдствіе той мысли, что страсти даны намъ Богомъ и потому мы не должны и не имѣемъ права сдерживать ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ подобныя секты проповѣдывали общность имуществъ, находя, что владѣніе частнымъ имуществомъ противорѣчитъ любви христіанской. Эти секты скоро исчезли; здравый смыслъ народовъ не замедлилъ отвергнуть ихъ; и для насъ онѣ достойны вниманія только въ томъ отношеніи, что напоминаютъ нѣкоторыя соціальныя системы XIX вѣка и служатъ какъ бы прообразомъ ихъ. Въ пятомъ вѣкѣ по Р. Х. Христіанскія общества были гораздо больше взволнованы ученіемъ, которое, будучи одолжено происхожденіемъ своимъ человѣку, извѣстно-

му большою строгостью жизни, монаху Пелагію, и потому, не имѣя ничего общаго съ нравственною распущенностью прежнихъ сектъ, тѣмъ не менѣе, основываясь на нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ выраженіяхъ Евангелія, направленныхъ противъ богатыхъ (удобѣе вельбуду внити въ иглинѣ уши и т. д.; иди продаждь имѣніе твое и пр.), утверждало, что богатство несовмѣстно съ истиннымъ христіанствомъ, что поэтому богатые люди, желая оставаться въ обществѣ вѣрующихъ, должны продать свои имущества или прямо раздѣлить ихъ между бѣдными. Ученіе Пелагія быстро распространилось въ христіанскихъ странахъ Европы, Азіи и Африки, и производило въ населеніи серьезныя смуты И пастыри церкви и государственныя власти одинаково были озабочены успѣхами ереси; Блаженный Августинъ написалъ особое посланіе съ цѣлью опровергнуть ее (къ сиракузскому діакону Гиларію). Нѣкоторые помѣстные соборы осудили ее. Наконецъ ефесскій вселенскій соборъ отлучилъ Пелагія отъ церкви. Только послѣ этого, да и то не вдругъ, исчезла ересь *. Такимъ образомъ въ самыя первыя времена христіанства благотворное дѣйствіе ученія его было болѣе или менѣе ослаблено ученіями посторонними. Съ другой стороны и тамъ, куда ереси не нашли доступа, сущность и духъ христіанства съ полною искренностью были усвоены весьма не многими. Большинство, принявши его, усвоило изъ него почти одну внѣшнюю сторону. Многіе принимали христіанство изъ-за житейскихъ выгодъ, когда оно стало государственною религіею. Вслѣдствіе этого и имперія не нашла въ немъ прочной опоры. Собственно Римъ и Италія подпали подъ власть варваровъ уже черезъ 150 лѣтъ послѣ принятія христіанства. И замѣчательно, что уцѣлѣвшіе почитатели боговъ пантеона стали даже приписывать христіанству причину бѣдствій постигавшихъ имперію, говоря, что оно ослабило древнія добродѣтели, древнюю крѣпость духа римлянъ. Вслѣд-

* Ученіе о собственности не составляетъ главнаго пункта въ ереси пелагіянъ, главный пунктъ, какъ извѣстно, относится къ вопросу о благодати, свободной волѣ, первородномъ грѣхѣ и проч.

ствіе этого и Юліанъ, человѣкъ безспорно отличавшійся большимъ образованіемъ, умомъ и твердостью характера въ ряду своихъ предшественниковъ и преемниковъ, отступилъ отъ христіанства. Когда Аларихъ взялъ Римъ, жалобы на христіанство раздались громче прежняго; язычники утверждали даже, что гнѣвъ боговъ противъ христіанъ былъ причиною нападенія готовъ. Это побудило бл. Августина написать свое знаменитое сочиненіе «de civitate Dei», гдѣ онъ доказываетъ, что напротивъ христіанамъ обязанъ Римъ тѣмъ, что онъ несовсѣмъ разоренъ, что вообще всякое государство, забывающее Бога, которое держится только на матеріальной силѣ, а не на чистой вѣрѣ и добродѣтели своихъ гражданъ, непрочно и рано или поздно должно погибнуть *. — И если въ скоромъ времени Римъ совсѣмъ подпалъ подъ власть варваровъ, причиною дѣйствительно было не христіанство, а недостатокъ христіанства, то, что оно было принято только наружнымъ образомъ, что оно не вошло въ плоть и кровь развращеннаго народа, не переродило его. А причина этого факта опять таки заключалась не въ христіанствѣ, а въ самой средѣ, которая не была способна должнымъ образомъ усвоить его. Византія существовала долѣе, чѣмъ Римъ; и это конечно было не безъ причины, и очень вѣроятно, что причину нужно видѣть въ томъ, что христіанскія понятія вошли глубже въ духъ греческаго населенія имперіи, чѣмъ римскаго. А это, въ свою очередь, зависѣло отъ того, что греческое населеніе имперіи въ продолженіе своего многовѣковаго порабощенія сначала подъ властью преемниковъ Александра Македонскаго, потомъ подъ властью Рима, успѣло болѣе проникнуться чувствомъ необходимости согрѣвающаго религіознаго начала въ жизни человѣка. Съ другой стороны въ средѣ греческаго населенія имперіи вскорѣ послѣ того, какъ христіанство сдѣлалось государственною религіею, появилось нѣсколько наиболѣе вліятельныхъ пастырей Христова стада; здѣсь проповѣдывали слово Божіе великіе учители церкви Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій

* См. прил. И.

и другіе. Вообще большая часть прославленныхъ отцевъ церкви съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства жила и дѣйствовала въ восточной, греческой половинѣ имперіи. Здѣсь были собраны всѣ вселенскіе соборы, здѣсь была большая часть древнѣйшихъ церквей, основанныхъ самими апостолами или ихъ ближайшими преемниками.—Но въ то же время не можетъ быть сомнѣнія, что въ Византіи, какъ и въ Римѣ, сущность христіанства была усвоена немногими; большинство народа, принявши даже догматическую сторону христіанства, и притомъ принявши ее съ искренностью и усердіемъ, достаточными для того, чтобы дѣлить населеніе Византіи на партіи, ссорившіяся между собою изъ-за догматическихъ вопросовъ, не усвоило себѣ христіанской нравственности. Византійскіе императоры такіе, какъ Зенонъ, Михаилъ III или Константинъ Мономахъ, были въ нравственномъ отношеніи не выше западныхъ преемниковъ Ѳеодосія В. А массы народа въ Византіи составляютъ прямое нравственное потомство римской черни временъ Цезарей. Для тѣхъ и для другихъ главнымъ дѣломъ жизни были грубыя удовольствія съ однимъ и тѣмъ же характеромъ, только съ разными именами римская чернь лучшею цѣлью своей жизни считала забавы цирка, а византійская — забавы ипподрома *. Оттого и говорятъ, что византійская имперія въ продолженіи того времени (1,000 лѣтъ), на которое она пережила имперію западную, не существовала, а болѣла, находилась въ агоніи. Такое состояніе государства отчасти обнаружилось въ томъ, что во все время своего существованія оно было волнуемо постояннымъ появленіемъ новыхъ ересей, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ напр. ереси манихеевъ, павликіанъ, богомиловъ имѣютъ весьма замѣтныя стремленія соціальныя. Манихеи по своей организаціи и по характеру весьма напоминаютъ пиѳагорейскія учрежденія и отчасти государство Платона. А павли-

* Въ Византіи еще въ V вѣкѣ сохранялись бои гладіаторовъ. Что касается до безстыдства другихъ увеселеній, театральныхъ піесъ, танцевъ, мимическихъ представленій, извѣстно, что Византія въ этомъ отношеніи превзошла и Римъ. Одна изъ аргистокъ этого рода искусства достигла даже престола (Ѳеодора).

кіане и богомилы видимымъ образомъ враждебно относились ко всей соціальной организаціи, и къ Церкви, и къ государству, и стремились передѣлать и то и другое на другихъ основаніяхъ *.

Съ византійскою имперіею имѣетъ значительное сходство другое государство, существовавшее на востокѣ одновременно съ нею. Это государство ново-персидское. Въ византійской имперіи греческая народность послѣ пятивѣковаго рабства снова пріобрѣла политическую самостоятельность; въ новоперсидскомъ государствѣ такая же судьба выпала на долю народности персидской, которая также послѣ пятивѣковаго рабства достигла политической самостоятельности. Но греческая народность хотя немного, но все-таки сколько-нибудь въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ представителей, получила обновленіе посредствомъ христіанства. Въ персидскомъ государствѣ продолжала господствовать древняя религія Зороастра, которая при всѣхъ своихъ достоинствахъ сравнительно съ языческими религіями востока, въ это время уже отживала свой вѣкъ и безъ сомнѣнія не была принимаема съ тою искренностью и полнотою вѣры, какъ во время Джемшида и Феридуна. Отъ того новоперсидское государство было и менѣе прочно, чѣмъ византійское, — могло существовать не болѣе 4 вѣковъ. Что внутреннее культурное, религіозное и соціальное положеніе новой Персіи было неудовлетворительно, несомнѣнный признакъ этого мы находимъ въ слѣдующемъ событіи. При царѣ Кобадѣ, отцѣ Хозроя Нушірвана, въ Персіи явился пророкъ по имени Маздакъ, который проповѣдывалъ ни больше, ни меньше, какъ общность женъ и дѣтей и общность имуществъ. И что всего краснорѣчивѣе, онъ нашелъ сочувствіе не только въ простомъ, но и въ другихъ классахъ народа, въ самомъ царѣ **; и коммунизмъ въ Персіи въ V вѣкѣ по

* Впрочемъ сходство въ духѣ этихъ ересей столь очевидно, что ихъ считаютъ видоизмѣненіемъ одной ереси, манихейской, которая древнѣе двухъ другихъ

** Замѣчательно, что новый порядокъ встрѣтилъ сопротивленіе главнымъ образомъ въ знатныхъ людяхъ и притомъ болѣе всего въ муж-

Р. Х. былъ осуществленъ, земли были отобраны отъ богатыхъ и отданы бѣднымъ, и дѣти, родившіяся въ это время, навсегда остались въ невѣдѣніи того, кто были ихъ отцы. Но коммунизмъ существовалъ недолго; на практикѣ онъ возбудилъ противъ себя большое нерасположеніе, такъ-что ко всеобщему удовольствію Хозрой Нушірванъ по вступленіи на престолъ уничтожилъ его *. Но ни Хозрой, ни преемники его не сдѣлали ничего для возрожденія Персіи и менѣе чѣмъ черезъ 100 лѣтъ по смерти Хозроя она сдѣлалась добычею арабовъ; зороастрова вѣра и культура уступили мѣсто исламу, и одряхлѣвшая зендская народность на исторической аренѣ была оттѣснена на второй планъ молодою и здоровою народностью арабской.

На западѣ произошло то же самое: одряхлѣвшая греко-римская культура исчезла и уступила мѣсто христіанству. На мѣстѣ Римской имперіи появились новые историческіе народы, которые гораздо лучше усвоили себѣ духъ христіанства, чѣмъ римляне; потому что ихъ собственная первобытная нравственная чистота гораздо больше гармонировала съ нравственнымъ ученіемъ Евангелія; но при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ римскою жизнью, новые народы нашли больше привлекательности въ остаткахъ язычества, сохранившагося въ ней, чѣмъ въ строгихъ предписаніяхъ христіанства; эти остатки также находили себѣ соотвѣтствующія качества въ древнихъ варварскихъ правахъ германскихъ и кельтическихъ племенъ; и римская церковь очень рано оказала подчиненнымъ ей народамъ ту нравственную терпимость, которою впослѣдствіи столько

скомъ полѣ. Персидскія дамы повидимому приняли его болѣе охотно. По крайней мѣрѣ восточные историки не говорятъ объ ихъ противодѣйствіи новому порядку, напротивъ нѣкоторыя извѣстія явно указываютъ на ихъ сочувствіе.

* См. прил. К. Что въ новоперсидскомъ государствѣ было сильное броженіе жизненныхъ элементовъ, близкое къ разложенію, это видно изъ того, что еще раньше тамъ произвело сильныя смуты ученіе Манихея, которое состояло въ соединеніи христіанства и ученія Зороастрова. Это показываетъ, что ученіе Зароастра въ своемъ чистомъ видѣ уже не удовлетворяло персовъ. Манихей жилъ въ III вѣкѣ по Р. Х., но ученіе его пережило его нѣсколькими столѣтіями.

прославились езуиты. Отъ того средневѣковая жизнь рядомъ съ самыми возвышенными явленіями человѣческой добродѣтели представляетъ рядъ общественныхъ несправедливостей, жестокостей и распутства, неуступающихъ подобнымъ явленіямъ изъ временъ Цезарей *. Сама римская церковь въ лицѣ своего клира не разъ доходила до такого состоянія, что ея паства, называя ее не безъ основанія гавилонскою блудницею, не хотѣла оставаться съ нею въ единеніи. Такъ произошли секты альбигойцевъ и вальденсовъ (каѳаровъ) и нѣсколько другихъ, которыя, отвергая іерархію, вмѣстѣ съ тѣмъ отвергали и догматы и даже самую христіанскую нравственность. Въ то же время цѣлые народы возставали противъ своихъ правительствъ (жакери, возстаніе Швейцаріи, Фландріи, и пр.) Политическій и экомическій бытъ западной Европы вслѣдствіе молчаливой сдѣлки римской церкви съ германскими или финнскими завоевателями устроился такимъ образомъ, что несправедливость его далеко оставила за собою несправедливость древняго языческаго міра. Когда христіанство сдѣлалось государственною религіею Рима, въ то время обитатели различныхъ частей обширной имперіи сравнялись между собою въ политическихъ правахъ. Но экономическое положеніе ихъ было, разумѣется, неодинаково. Пролетаріатъ продолжалъ существовать въ Римѣ, и римскій, а потомъ и византійскій пролетарій получалъ свой даровой хлѣбъ; но это было только въ столицѣ, да и здѣсь удержалось недолго. Въ другихъ городахъ не было раздачи даровaго хлѣба. На помощь бѣднымъ изъ нихъ явилось христіанство. Не будучи «отъ міра сего», христіанство, не смотря на то, проповѣдывало любовь къ ближнему въ мірѣ и отцы церкви первыхъ вѣковъ были р е в н о с т н ы м и х о д а т а я м и

* Эта характеристика никакъ не можетъ относиться къ Россіи. Православіе относилось къ русскому государству и обществу способомъ, гораздо болѣе достойнымъ возвышенности христіанскаго ученія. Вслѣдствіе этого, до монгольскаго ига у насъ не употреблялись тѣлесныя наказанія, до перваго знакомства съ западною Европою и Польшею мы не знали крѣпостнаго права, до болѣе тѣснаго сближенія съ западною Европою наша семейная жизнь отличалась истинною христіанскою чистотою.

меньшихъ братій предъ большими, бѣдныхъ предъ богатыми. Великіе учители Церкви Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, Іоаннъ Златоустъ, Климентъ Алек. въ своихъ поученіяхъ энергически настаивали на томъ, чтобы богатые не оставляли бѣдныхъ безъ дѣйствительнаго пособія. Церковные соборы постановили правиломъ, чтобы каждый приходъ содержалъ своихъ бѣдныхъ *. Государи и частные люди обогащали церкви вкладами главнымъ образомъ съ тою же цѣлью. Мало того: нѣкоторые учители церкви такъ далеко простираютъ свою заботливость о бѣдныхъ, что по примѣру первыхъ христіанъ совѣтуютъ своимъ паствамъ ввести у себя общность имуществъ **. Общность имуществъ нигдѣ введена не была, но тѣмъ не менѣе доля бѣднаго человѣка значительно улучшилась вслѣдствіе того, что христіанство, примѣромъ Христа, апостоловъ и первыхъ учителей церкви возвысило въ понятіи людей ручную работу изъ-за куска хлѣба, и сгоими обширными благотворительными учрежденіями, для которыхъ оно имѣло особые органы въ лицѣ діаконовъ и діакониссъ, дѣйствительно облегчило если не всѣхъ, то многихъ изъ страдающихъ и обремененныхъ. — Мало того, провозгласивши, что оно не отъ міра сего, что политическій порядокъ его не касается, возвѣстивши въ частности рабамъ, что они должны повиноваться своимъ господамъ, какъ самому Христу, христіанство тѣмъ не менѣе улучшило долю и рабовъ. Оно учило господина видѣть въ рабѣ человѣка; учило обходиться съ нимъ кротко, любить его, награждать его, если онъ заслуживаетъ, а если онъ заслужи-

---

* Моро Кристофъ. Тамъ же 295 и слѣд.

** Напр. Іоаннъ Златоустъ, и Бл. Августинъ и др. Этотъ фактъ имѣетъ большое значеніе въ спорѣ между защитниками коммунизма и противниками его. Защитники (Кабе, Вилльгардель, Пеллетанъ) приводятъ его въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній, противники или отвергаютъ его или стараются ослабить (Тониссенъ, Сюдръ и пр.) или признаютъ вполнѣ (какъ Моро Кристофъ), но отвергаютъ его значеніе въ спорѣ между коммунизмомъ и его противниками. Мы не обойдемъ этого факта, но займемся имъ ниже и постараемся сдѣлать это по возможности обстоятельно.

ваетъ наказанія, то дѣлать это только изъ любви къ нему и для исправленія его *. Такимъ образомъ христіанство, измѣняя понятія, мало по малу измѣнило и самое учрежденіе; рабство все болѣе и болѣе сокращалось, вслѣдствіе того, что благочестивые люди уже собственнымъ своимъ починомъ стали освобождать рабовъ; и наконецъ мало по малу это великое зло древняго міра сдѣлалось совсѣмъ незамѣтно.

Такъ ли поступала западная, римская церковь въ новыхъ государствахъ Европы? Мы отчасти высказали наше мнѣніе о дѣйствіяхъ римской церкви; приведемъ теперь слова одного изъ сыновъ этой самой церкви, въ высокихъ христіанскихъ чувствахъ котораго очень трудно сомнѣваться. «пастыри, говоритъ онъ, пришедшіе въ Галлію для обращенія франковъ къ кротости христіанской, сами обратились къ кровожадности франковъ. Тѣ, которые должны были внушать другимъ заповѣдь: — не убій, или евангельское правило — мечъ пріемшіе мечемъ погибнутъ,— сдѣлались охотниками и воинами, сдѣлались мстителями, принимали участіе во всякихъ преступленіяхъ, благословляли убійства, совершаемыя королями, и запятнали себя кровью своихъ братьевъ, виноватыхъ только тѣмъ, что они неодинаково съ ними думали» **. Эта характеристика римской церкви относится къ самымъ первымъ временамъ христіанства среди франковъ, т. е. къ тому времени, когда церковь могла имѣть наибольшее вліяніе на строй обще-

---

* См. Моро Крист. II 130—147. Изъ отцовъ церкви наиболѣе одушевленными защитниками рабовъ были Василій В., Іоаннъ Златоустъ, Амвросій Мед. и Бл. Августинъ. Сравнивая ихъ взгляды на рабство со взглядами Платона (въ законахъ; см. выше стр. 63) невольно чувствуешь, какъ далеко отстоитъ отъ евангельскаго ученія даже «божественный» Платонъ.

** Моро Кр. II 368.

ственной жизни, который только-что возникалъ. Очевидно, благотворнаго вліянія такая церковь имѣть не могла и не имѣла. Въ присутствіи ея, у нея передъ глазами и даже подъ ея вліяніямъ устроился тотъ общественный бытъ, котораго несправедливости превзошли неправду древняго, языческаго міра. Основаніемъ всей средневѣковой жизни были феодализмъ и крѣпостное состояніе. «Въ этомъ звѣрскомъ пиру среднихъ вѣковъ, говоритъ Бонмеръ, всякій звѣрь работалъ зубами и рвалъ Францію на части сообразно съ силою своихъ челюстей. Львы взяли себѣ главныя провинціи, волки—округи и кантоны, лисицы—города и деревни. Потомъ стали дѣлить провинціи, города и деревни. Владѣльцы между собою или съ епископами и аббатами дѣлали договоры касательно ассоціаціи: были господа и согосподa, были лены господствующіе, сюзеренные и служащіе; были поземельные владѣльцы перволенники, викомтьеры, тайябльеры, второстепенные, междусредніе, друатюрьеры, доманьеры, цензабли, блайеры, бордельеры, эмфитетики и пр. и пр. Каждый изъ нихъ давитъ различною тяжестью на несчастныхъ обитателей деревень, и въ то время, какъ крѣпостной на королевской землѣ имѣетъ только одного господина, обитатель какого-нибудь мелкаго рыцарскаго владѣнія имѣетъ ихъ двадцать и даже больше. — Всѣ общественныя разстоянія доведены до крайнихъ размѣровъ, образовались новыя слова для выраженія новыхъ положеній. Римляне знали бѣдныхъ и могучихъ (pauperes et potentes), средніе вѣка изобрѣли бѣдненькихъ и премогучихъ (pauperculi et praepotentes). Были подъ-мужики (soubz—manans), подобно тому, какъ были служащіе господа; были даже рабы другихъ рабовъ.

«Подъ властью феодальнаго кодекса земля владѣла человѣкомъ до такой степени, что и баронъ обязанъ былъ служить своему лену. Достигши извѣстнаго возраста, онъ долженъ былъ жениться по волѣ своихъ феодальныхъ начальниковъ; если это была женщина, она обязана была выйти замужъ за одного изъ трехъ, которыхъ представитъ ей ея феодальный начальникъ.

«Если это былъ епископъ, онъ долженъ былъ представить

вмѣсто себя кого-нибудь, кто замѣнилъ-бы его въ то время, когда господствующій надъ нимъ баронъ созоветъ банъ или гербанъ», т. е. ополченіе рыцарское или всеобщее для войны *. «Но этимъ людямъ, епископамъ, рыцарямъ разныхъ титуловъ, жилось хорошо, не смотря на то, что и они были въ нѣкоторомъ смыслѣ прикрѣплены къ землѣ. Не таково было положеніе крестьянъ». Лишенный всѣхъ гражданскихъ правъ, крестьянинъ родился, трудился, умиралъ только для пользы своего господина. Все, что онъ пріобрѣталъ посредствомъ труда, принадлежало барону **.—«Бракъ и целибатъ людей мертвой руки *** (т. е. крѣпостныхъ) находились въ полномъ распоряженіи господина. Сердце не принималось въ разсчетъ, оно не должно было биться дальше границы владѣнія, къ которому

---

* Eugene Bonnemère. Histoire des paysans. T. I, стр. 33, 34, 35, 53, 54. Въ этомъ сочиненіи (2 тома, Пар. 1856 г.) представлена поразительная картина средневѣковыхъ и позднѣйшихъ страданій сельскаго населенія во Франціи.

** Одною изъ самыхъ большихъ тягостей для крестьянина была д е с я т и н а, которая первоначально была учреждена для с к р о м н а г о содержанія духовенства и для помощи бѣднымъ. Первоначально десятина требовалась только отъ произведеній земли, потомъ ею обложено было все, что доставляло какой-нибудь доходъ, не только вещественныя имущества, но и трудъ и способности человѣка. Папа Целестинъ III (въ 1195 г) узаконилъ десятину съ произведеній охоты и съ солдатскаго жалованья; но такъ какъ у солдатъ отъ жалованья ничего не оставалось, то, чтобы не подвергнуться экскоммуникаціи, они занимались грабежемъ и разбоемъ и такимъ образомъ могли платить десятину. Дошло до того, что католическое духовенство требовало десятины даже съ публичныхъ женщинъ. Что касается десятины съ плодовъ земли, сначала ее требовали съ чистаго дохода, но Иннокентій III узаконилъ, чтобы ее платили съ дохода валоваго, прежде уплаты податей, платы рабочимъ и т. д. (Бонм. I, 141—143).

*** Мертвая-рука (main morte) означала вообще крѣпостное состояніе, въ которомъ человѣкъ не пользовался правомъ владѣнія собственностью, такъ что послѣ его смерти все его имущество принадлежало его господину. Самое слово происходитъ отъ того, что въ первыя времена феодализма у умершаго крестьянина отрубали руку и приносили рыцарю, вѣроятно для напоминанія ему, что у него одною парою рабочихъ рукъ стало меньше; слѣдовательно, онъ долженъ позаботиться о восполненіи недостатка, къ чему и должно было служить имущество умершаго.

принадлежалъ крестьянинъ» *, т. е. жениться или не жениться можно было только съ позволенія господина и притомъ на обитательницѣ того же владѣнія. Мало того, брачное право мужа— и то было ограничено въ пользу господина, которому принадлежало jus primae noctis; и это ограниченіе не составляло исключенія· имъ пользовалась вся западная Европа отъ Шотландіи до Италіи **. Не пользовались имъ развѣ тѣ изъ бароновъ, которыхъ нравственность возвышалась, благодаря какимъ-нибудь счастливымъ обстоятельствамъ, надъ нравственностью римской церкви.— Вообще весь этотъ религіозный, нравственный, политическій и экономическій порядокъ былъ таковъ, что люди начинали думать, не окончилось ли царство Божіе, не пришолъ ли уже антихристъ, не началось ли царство дьявола,—и находили, что дѣйствительно пришолъ антихристъ и началось царство дьявола.—Съ теченіемъ времени римская церковь сама нашла въ этомъ порядкѣ много нехристіанскаго, вспомнила, что всѣ люди братья о Христѣ Іисусѣ и стала стремиться къ освобожденію крестьянъ. Освобожденіе совершилось мало по малу, начавшись съ владѣній церковныхъ, гдѣ церковь позволяла крестьянамъ пріобрѣтать свободу и даже расчищать въ свою пользу лѣса за извѣстный выкупъ. За духовенствомъ послѣдовало и дворянство; но освобожденіе шло слишкомъ медленно; между крестьянами было слишкомъ мало такихъ, которые могли выкупить свою свободу. Тогда вступилась гражданская власть: Филипъ IV и Людовикъ X издали указы, которыми требовали, чтобы крестьяне были освобождены. Но такъ какъ крестьяне должны были все-таки за свободу платить деньги, а вѣроятно они ихъ не имѣли, или быть можетъ условія освобожденія имъ казались невыгодными, то они не желали получать свободу. Тогда Людовикъ X издалъ новый указъ, которымъ пред-

---

Бонмеръ, тамъ же 213.

* «Даже, какъ говоритъ Бонмеръ, епископы, аббаты и приходскіе священники, въ качествѣ феодальныхъ владѣльцевъ, требовали себѣ права маркетты (primae noctis) надъ новобрачными женщинами». Бонмеръ приводитъ свидѣтельство отъ XVI вѣка, доказывающее, что до этого времени сохранилось столь противоположное духу всякой религіи право римскаго духовенства. (Тамъ же I 143, 144).

писывалось брать денежный штрафъ съ тѣхъ крестьянъ, которые не хотѣли воспользоваться свободою *. Наконецъ волею-неволею мало-по-малу крестьяне были освобождены. Но немногіе могли пріобрѣсти землю, другіе освободили только тѣло безо всякаго имущества, которое осталось у господина. Какова же была судьба этихъ людей? Отвѣтимъ на этотъ вопросъ опять словами человѣка, глубоко изучившаго бытъ крестьянина въ средніе вѣка «Ихъ положеніе, говоритъ Бонмеръ, было столь жалко, что оно отнимало у рабовъ всякую охоту пріобрѣтать свободу за деньги и съ этой поры началъ тяготѣть надъ міромъ пауперизмъ, страшное зло, котораго не зналъ древній міръ». Положеніе крестьянина было такъ худо, что онъ наконецъ не выносилъ его и возмущался; къ этому времени послѣ общаго освобожденія крестьянъ, т е. къ XIV и XV и даже XVI вѣку относятся главнѣйшія возстанія крестьянъ во Франціи. Англіи и Германіи.—Таково было положеніе вещей въ государствахъ западной Европы въ то время, когда и правительства и народы всего болѣе подчинялись авторитету римской церкви, когда одного слова папы было достаточно для того, чтобы двинуть въ дальній походъ цѣлые народы. чтобы отнять у государя его престолъ или заставить его стоять на морозѣ съ босыми ногами въ одеждѣ кающагося грѣшника — И это-то время, которое должно бы быть дѣйствительно осуществленіемъ царства божія на землѣ, на сколько оно можетъ быть осуществлено, было таково, что, по словамъ Моро-Кристофа, одно имя среднихъ вѣковъ «не можетъ быть произнесено безъ того, чтобы оно не возбудило въ насъ чувствъ ужаса и меланхоліи, что объясняется только безпримѣрными бѣдствіями, отъ которыхъ страдалъ міръ въ то время» **.

Пятнадцатый вѣкъ, вѣкъ знаменитыхъ открытій и изобрѣтеній, долженъ былъ казаться особенно тяжелымъ современному наблюдателю, нераздѣлявшему пороковъ своихъ современниковъ. Римская церковь въ это время достигла до послѣд-

---

* Тамъ же 180. ** Du problème etc. II 403.

нихъ предѣловъ разврата; достаточно сказать, что пятнадцатый вѣкъ начался временемъ Великаго раскола и окончился папствомъ Александра Борджіи. Въ государствахъ западной Европы нестроеніе достигло до своихъ крайнихъ предѣловъ; въ Англіи въ это время была война Бѣлой и Алой розъ, однимъ изъ героевъ которой былъ Ричардъ III; во Франціи, послѣ окончанія столѣтней войны съ Англіею, царствовалъ Людовикъ XI, которому наслѣдовалъ Александръ Македонскій своего времени—Карлъ VIII; въ Германіи свирѣпствовала война гусситовъ и войны князей съ городами и между собою. Внутреннее состояніе государствъ соотвѣтствовало всему этому.

Впрочемъ, теперь мы подошли къ тому времени, когда появилась «Утопія» Томаса Мора, которая должна составить предметъ этой главы, и такъ-какъ въ «Утопіи» изложены причины, вызвавшія появленіе ея, то мы и предоставимъ говорить самому автору. Но напередъ скажемъ нѣсколько словъ объ немъ самомъ. Т. Моръ родился въ 1480 году, стало быть во время войны Бѣлой и Алой розъ; онъ получилъ образованіе въ оксфордскомъ университетѣ, гдѣ превосходно изучилъ древніе языки и литературу. По выходѣ изъ университета онъ посвятилъ себя адвокатурѣ и на этомъ поприщѣ пріобрѣлъ репутацію такой честности и искуства, что жители Лондона выбрали его однимъ изъ трехъ членовъ лондонскаго суда (въ 1508 г.). Въ скоромъ времени Генрихъ VIII привлекъ его въ свою службу, сдѣлавши его членомъ Верховнаго суда; въ то же время король давалъ ему важныя дипломатическія порученія напр. во Францію, Фландрію и пр. Т. Моръ между прочимъ участвовалъ въ заключеніи Камбрейскаго мира 1529 года. Внутри государства онъ послѣдавательно занималъ должности помощника государственного казначея (proquaestor), канцлера герцогства Ланкастерскаго и наконецъ получилъ важнѣйшій постъ въ государствѣ: былъ сдѣланъ канцлеромъ

королевства на мѣсто кардинала Вольсея въ 1529 году *. Т. Моръ былъ совершенною противоположностью кардиналу Вольсею. Насколько Вольсей былъ жаденъ до пріобрѣтенія богатства и надменъ со всѣми, настолько Т. Моръ былъ безкорыстенъ, честенъ и доступенъ всякому, имѣвшему къ нему какое-нубудь дѣло. Т. Моръ былъ образцомъ всѣхъ добродѣтелей—гражданскихъ и семейныхъ; это былъ лучшій сынъ и слуга своей родины, уважаемый всѣми членъ общества и прекрасный отецъ семейства. — Канцлерство Т. Мора продолжалось немного времени; предвидя, что желаніе Генриха VIII развестись съ Екатериною Аррагонскою поведетъ его далеко, и не желая въ этомъ дѣлѣ противъ своего убѣжденія принимать участіе, онъ отказался отъ своей должности въ 1532 г. и удалился въ частную жизнь съ очень ограниченными средствами къ жизни. Но это не спасло его отъ бури, которую онъ предвидѣлъ. Король-реформаторъ пожелалъ, чтобы его подданные одобрили его реформу; подобострастный парламентъ сдѣлалъ это и провозгласилъ его главою англиканской церкви; частные люди должны были присягать на вѣрность королю, получившему это новое качество. Т. Моръ былъ приглашенъ къ Арх. Кентерборійскому съ этою цѣлью. Но онъ отказался признать короля главою церкви и не призналъ компетентности парламента въ рѣшеніи этого вопроса, за что и отданъ былъ подъ судъ. Судъ призналъ его виновнымъ въ государственной измѣнѣ и присудилъ къ вѣчному заключенію въ тюрьмѣ. Измѣна состояла въ томъ, что онъ отказался признать короля главою церкви ** Черезъ годъ его вывели изъ тюрьмы, опять стали судить, и на этотъ разъ засудили совсѣмъ—присудили къ смертной казни (1535 г.). Замѣчательно, что Т. Моръ,

---

* Thomae Stapleloni Vita et obitus Thomae Mori. Francof. 1689 стр. 9 и 10.

** Кромѣ того на него взведены были еще два обвиненія: первое въ томъ, что онъ печатно опровергалъ брошуру, изданную по повелѣнію парламента, въ защиту развода Генриха VIII съ первою женою; второе обвиненіе состояло въ томъ, что онъ имѣлъ сношенія съ одною преступницею, обвиненною въ оскорбленіи величества. Но оба эти обвиненія Т. Моръ опровергъ.

защищавшійся съ большимъ достоинствомъ, принялъ свое осужденіе не только съ спокойствіемъ, но и съ благодушною веселостью, въ родѣ той, которую показалъ Сократъ, осужденный на смерть. Его осужденіе было такъ несправедливо, что Т. Моръ даже сердиться на него не могъ, оно его какъ будто только забавляло; и эту благодушную веселость онъ сохранилъ до самой смерти; онъ шутилъ даже тогда, когда клалъ голову на плаху *. Т. Моръ не былъ, однако, мученикомъ католицизма; онъ былъ мученикомъ только своихъ понятій о свободѣ совѣсти. Съ римскою церковью онъ расходиться, правда, не хотѣлъ; но онъ самъ находилъ въ ней недостатки, и, не соглашаясь признать короля главою церкви, онъ не противопоставлялъ этому требованію какихъ-нибудь католическихъ положеній о главенствѣ папы; онъ требовалъ только свободы совѣсти и утверждалъ, что парламентъ не имѣетъ власти рѣшать вопросы, подобные вопросу о главѣ церкви, что подобные вопросы выходятъ изъ предѣловъ его юрисдикціи. Такое отношеніе Т. Мора къ католицизму вѣроятно и было причиною того, что онъ до сихъ поръ не канонизированъ римскою церковью Впрочемъ. ниже мы встрѣтимъ еще не одинъ случай, доказывающій, что католикомъ Т. Моръ былъ не очень усерднымъ.

Утопія Т. Мора издана въ 1518 году ** на латинскомъ

---

* Abregé de la vie de Th. Morus, въ L'idée d'une république heureuse ou l'Utopie de Th. Morus, trad. par Gueudeville. Amsterd. 1730.

** Первое появленіе Утопіи въ свѣтъ, не смотря на свою древность относительно небольшую, покрыто нѣкоторымъ мракомъ неполной извѣстности. Его относятъ къ 1516 и 1518 годамъ. Тониссенъ, съ точностью, внушающею большое довѣріе, говоритъ, что оно вышло въ Лувенѣ изъ-подъ типографскихъ станковъ Мартенса д'Алоста (Martini Alustensis) 12 ноября 1516 года, годомъ раньше проповѣди Лютера и шестью годами раньше возстанія анабаптистовъ. (Le soc. I. 205). Тониссенъ—католическій ученый, профессоръ католическаго университета въ Лувенѣ; онъ съ видимымъ удовольствіемъ ставитъ появленіе Утопіи передъ проповѣдью Лютера и возстаніемъ анабаптистовъ. Но, не обвиняя его въ искаженіи цифръ, мы почти съ полною увѣренностью можемъ сказать, что онъ увлекся какимъ-нибудь невѣрнымъ соображеніемъ, не смотря на свою точность. Дѣло въ томъ, что при всѣхъ почти изданіяхъ Утопіи печа-

языкѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «De optimo reipublicae statu deque nova insula Utopia», то-есть о наилучшемъ устройствѣ государства и о новомъ островѣ Утопіи. Сочиненіе это тотчасъ послѣ своего появленія пріобрѣло громадный успѣхъ. Наиболѣе знаменитые ученые отнеслись къ нему съ самымъ полнымъ одобреніемъ. Эразмъ Роттердамскій, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Т. Моромъ, былъ воспріемникомъ этого сочиненія при появленіи его въ свѣтъ. Черезъ него рукопись была доставлена къ издателю, къ которому онъ написалъ при этомъ письмо, переполненное похвалъ и Т. Мору и его сочиненію *. Послѣдующіе успѣхи Утопіи были не меньше; она переведена на всѣ главнѣйшіе европейскіе языки, и имѣла множество изданій; латинскихъ изданій въ XVI и XVII вѣкѣ намъ извѣстно болѣе 10. Успѣхъ ея достаточно обнаружи-

---

тается письмо Эразма Ротт. къ Фробену, базельскому книгопродавцу-издателю, въ которомъ онъ, посылая ему манускриптъ Утопіи для печати, выражаетъ свое желаніе, чтобы именно «его типографія явила міру и потомству это сочиненіе». Письмо это относится къ 23 августа 1517 года, слѣдовательно Утопія никакъ не могла быть напечатана въ 1516 году, и всего вѣроятнѣе, что она явилась не раньше начала 1518 года, т. е. не менѣе, какъ черезъ 4 мѣсяца послѣ того, какъ было написано письмо Эразма Роттердамскаго.

* Письмо Эразма Рот. обыкновенно печатается въ началѣ изданія Утопіи, въ такъ-называемыхъ paterga. Кромѣ него въ paterga печатаются письма Буслидія, Будея, Палюдана, которые всѣ восхваляютъ и Т. Мора и Утопію. Палюданъ въ восторгѣ даже восклицаетъ: «счастливая Британія, которая цвѣтетъ умами, могущими соперничать даже съ древностью». Палюданъ между прочимъ пишетъ П. Эгидію, чтобы «онъ постарался скорѣе издать Утопію» такъ какъ къ нему (П. Эг.) она первоначально прислана изъ Англіи Т. Моромъ, и ему авторъ предоставилъ рѣшить, слѣдуетъ ли ее печатать или нѣтъ; съ цѣлью рѣшенія этого вопроса Эгидій и разсылалъ рукопись своимъ ученымъ друзьямъ. Письмо Палюдана подписано 1-мъ Декабря (1516 г.). Слѣдовательно Утопія не могла быть уже напечатана 12 ноября того же года. И если бы она была напечатана, то этого Палюданъ не могъ не знать, потому что онъ былъ профессоромъ въ Лувенѣ, въ томъ городѣ, въ которомъ, по словамъ Тониссена, она напечатана 12 ноября 1516 г. — Такимъ образомъ мы не считаемъ возможнымъ допустить, чтобы Утопія первоначально явилась въ Лувенѣ въ 1516 г., хотя это мнѣніе принимается большинствомъ.

вается въ томъ, что имя ея сдѣлалось нарицательнымъ для означенія всякой политической и соціальной мечты

Что же это за новый островъ Утопія, гдѣ онъ находится? — Сочиненіе Томаса Мора явилось въ такое время, когда вся Европа была наполнена разсказами о новыхъ открытіяхъ, только-что сдѣланныхъ Колумбомъ, Ам. Веспуччи и ихъ продолжателями. Т. Моръ нашелъ, что и ему весьма удобно воспользоваться этимъ временемъ открытій и чудесныхъ разсказовъ для того, чтобы подвергнуть критикѣ существующій въ Европѣ порядокъ вещей и изложить свои идеи касательно лучшаго устройства общественнаго порядка. Для этого онъ избралъ слѣдующую форму.—Будучи посланъ королемъ во Фландрію для переговоровъ съ повѣреннымъ Карла V—разсказываетъ Томасъ Моръ—я познакомился въ Антверпенѣ съ Петромъ Эгидіемъ, весьма образованнымъ молодымъ человѣкомъ. А этотъ молодой человѣкъ познакомилъ меня съ замѣчательною личностью, прибывшею передъ тѣмъ въ Антверпенъ. Эта личность называлась Рафаэль Гиѳлодей; онъ былъ родомъ португалецъ и совершилъ съ Америкомъ Веспуччи три путешествія въ Америку; но въ послѣдній разъ не возвратился вмѣстѣ съ нимъ, а остался въ Новой Кастиліи, то-есть въ Америкѣ, для изслѣдованія новооткрытыхъ странъ. —Не надобно забывать, что книга Т. Мора явилась въ свѣтъ раньше открытія Мексики и Перу, то-есть тогда, когда о материкѣ Америки еще почти ничего не знали. — Т. Моръ былъ очень радъ такому знакомству; для него было интересно слышать отъ очевидца, и притомъ отъ человѣка весьма почтеннаго, какимъ былъ Гиѳлодей, разсказы о новомъ свѣтѣ, о которомъ въ то время богъ-знаетъ что разсказывали. Гиѳлодей оказался, какъ и слѣдовало ожидать, очень разговорчивъ. Т. Моръ пригласилъ его къ себѣ, и здѣсь Гиѳлодей разсказалъ ему о своихъ путешествіяхъ, во время которыхъ онъ самъ познакомился съ островомъ Утопіею *.

---

* См. прил. А. Впрочемъ въ основаніи басни касательно знакомства Т. Мора съ Гиѳлодеемъ, повидимому, лежитъ какой-нибудь дѣйствительный случай. Что Гиѳлодей вымышленное лицо, это доказывается его греческимъ

Подъ экваторомъ — такъ разсказывалъ Гиѳлодей — ужасная страна; тамошній жаръ невыносимъ и тамъ живутъ только грубые дикари, дикіе звѣри да ядовитыя змѣи. Но поѣзжайте дальше, тамъ вы найдете страны болѣе умѣренныя съ прекраснымъ климатомъ и съ богатою растительностью. Тамъ много государствъ, которыхъ жители кротки и трудолюбивы, занимаются земледѣліемъ, ремеслами и торговлею, даже морской. Гиѳлодей былъ прекрасно принятъ государями всѣхъ этихъ странъ, а король одной страны былъ къ нему особенно внимателенъ; онъ повелѣлъ, чтобы по всей его землѣ Гиѳлодею давали все, что̀ ему было нужно для путешествія, такъ-что Гиѳлодей путешествовалъ по этой странѣ со всѣми удобствами, то въ экипажѣ, то въ лодкѣ. Но этого мало; добрый король рекомендовалъ Гиѳлодея другимъ королямъ, своимъ сосѣдямъ, и тѣ также старались доставлять ему всѣ удобства для путешествія; Гиѳлодей даже отправлялся изъ этихъ странъ въ дальнія путешествія за моря, въ тѣ земли, съ которыми эти страны ведутъ торговлю. Въ благодарность за всѣ эти любезности, Гиѳлодей научилъ тамошнихъ мореходовъ употребленію компаса, за что признательности ихъ не было границъ. Во время всѣхъ этихъ путешествій, Гиѳлодей видѣлъ очень много странъ; многія изъ нихъ понравились ему во многихъ отно-

---

шеніемъ, которое притомъ не походитъ на тѣ греческія имена XVI вѣка, которыя образовались посредствомъ перевода дѣйствительныхъ національныхъ именъ на греческій языкъ, какъ Меланхтонъ, Эколампадій или Графеусъ и т. п. Потомъ, разбирая современный порядокъ Европы, Гиѳлодей постоянно ссылается на Англію; а дѣйствительный португалецъ ссылался бы на Португалію, которую онъ безъ сомнѣнія больше зналъ; наконецъ Гиѳлодей разсказываетъ о своемъ пребываніи на островѣ Утопіи. Этого достаточно, чтобы не считать его дѣйствительнымъ лицомъ. Между тѣмъ Петръ Эгидій въ письмѣ къ Буслидію, которое обыкновенно печатается при Утопіи Т. Мора, говоритъ, что самъ онъ бесѣдовалъ съ Гиѳлодеемъ. Едва ли мистификація могла зайти такъ далеко. Быть можетъ въ самомъ дѣлѣ Т. Моръ и П. Эгидій встрѣтили въ Антверпенѣ человѣка, который доказывалъ имъ пользу коммунизма. Въ то время Европа только что познакомилась съ сочиненіями Платона; экономическія познанія того времени были совершенно ничтожны. Не мудрено, что могли найтись и серьезные люди, которые считали общность имуществъ осуществимою.

шеніяхъ, но больше всѣхъ онъ былъ очарованъ одною, въ которой даже прожилъ нѣсколько лѣтъ и едва совсѣмъ не остался. Это и есть счастливый островъ Утопія. Гиѳлодей уже собирался начать свои разсказъ объ учрежденіяхъ Утопіи, какъ былъ перебитъ словами П. Эгидія, того молодого человѣка, черезъ котораго Томасъ Моръ съ нимъ познакомился *.

— Мнѣ кажется, сказалъ Эгидій, что вы, любезный Гиѳлодей, могли бы остаться въ одной изъ этихъ странъ, напримѣръ, въ той, государь которой показалъ къ вамъ столько расположенія. Этимъ вы совершенно обезпечили бы свою будущность, составили бы себѣ завидную карьеру и были бы весьма полезны вашимъ родственникамъ.

— Моимъ родственникамъ? возразилъ Рафаэль Гиѳлодей: — нѣтъ, покорно благодарю. Я и безъ того, отправляясь въ путешествіе, раздѣлилъ между ними все мое имущество, не дожидаясь смертнаго часа, какъ это дѣлаютъ другіе. А еще для нихъ закрѣпостить себя при какомъ-нибудь дворѣ — это уже слишкомъ.

— Я не говорю о томъ, чтобы вы закрѣпостили себя; напротивъ, вы извлекли бы изъ этого для себя самого пользу вы устроили бы свое собственное счастье.

— Нѣтъ, я этого не считалъ бы за счастье. Мое счастье заключается въ независимости, которую я люблю больше всего. И безъ меня довольно такихъ, которые ищутъ придворныхъ почестей; и потеря для государей невелика, если они не будутъ имѣть въ своихъ совѣтахъ меня или подобныхъ мнѣ.

Тогда вмѣшался въ разговоръ Томасъ Моръ. Онъ замѣтилъ Гиѳлодею, что тутъ еще есть одна сторона, забытая имъ; онъ, при своихъ обширныхъ познаніяхъ, при основательномъ знакомствѣ съ учрежденіями государствъ, какъ древняго міра,

---

* De optimo reipublicae statu, deque nova insula Utopia Autore Thoma Moro Londini, 1777 г. (Изданіе Querlon'a, стр. 40 и слѣд.) Весь слѣдующій разговоръ принадлежитъ самому Т. Мору; мы передаемъ его по возможности въ подлинныхъ словахъ автора, но съ сокращеніями.

такъ и современныхъ, могъ бы своими совѣтами государямъ принесть огромную пользу странамъ, управляемымъ тѣми государями. Государь есть постоянный источникъ добра и зла для своего народа. Поэтому полезный совѣтникъ, имѣющій на него вліяніе, можетъ принести большую пользу самому народу; а это уже такой высокій интересъ, которымъ пренебрегать нельзя.

— Вы ошибаетесь вдвойнѣ, любезный Моръ, отвѣчалъ Гиѳлодей. — Вопервыхъ, я совсѣмъ не былъ бы такимъ искуснымъ совѣтникомъ, какъ вы думаете. Вовторыхъ, государи всего больше занимаются войною; они стараются дѣлать завоеванія, справедливыя или несправедливыя, и совсѣмъ забываютъ о томъ, чтобы царствовать и управлять справедливо. А въ военномъ дѣлѣ я ровно ничего не понимаю, да и понимать не хочу. Потомъ — какъ дѣлается дѣло въ совѣтахъ государей? одни ихъ совѣтники ровно ничего не смыслятъ ни въ чемъ; другіе не имѣютъ ни малѣйшей гражданской храбрости и всегда соглашаются съ фаворитами государя, хотя бы они предлагали самыя крайнія нелѣпости. Дальше, начните вы говорить что-нибудь о томъ, какъ дѣло дѣлается въ другихъ странахъ или какъ оно дѣлалось въ древнихъ государствахъ, если вы читали древнихъ писателей; тотчасъ противъ васъ всѣ поднимутся, закричатъ, что вы унижаете достоинство націи и совѣта государя, что совѣтники государя и безъ чужихъ примѣровъ знаютъ, какъ дѣло вести, потому что совѣтъ государя не изъ глупцовъ состоитъ. Да еще приплетутъ сюда и предковъ; скажутъ, что дѣды и отцы были не глупѣе насъ, и т. д. Подите вы, сдѣлайте что-нибудь въ подобныхъ совѣтахъ *.

Къ чему этотъ разговоръ?—Это и есть часть той критики учрежденій и порядковъ начала XVI вѣка, которую дѣлаетъ Томасъ Моръ. Здѣсь излагаются недостатки управленія почти всѣхъ тогдашнихъ государствъ Западной Европы, гдѣ усилившаяся къ концу среднихъ вѣковъ монархическая власть исклю-

* Тамъ же стр. 46.

чительно въ своихъ рукахъ имѣла веденіе общественныхъ дѣлъ, и гдѣ, при недостаткѣ нравственныхъ качествъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ личностяхъ такихъ государей, какъ Генрихъ VIII или Францискъ I, государи нерѣдко предоставляли управленіе государствомъ фаворитамъ, которые были искусны только въ томъ, чтобы угождать грубымъ страстямъ государей.

— Мнѣ случилось однажды быть въ Англіи, продолжалъ Гиѳлодей: — я провелъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, и въ это время познакомился съ достойнѣйшимъ человѣкомъ, кардиналомъ Мортономъ, канцлеромъ государства. Однажды я у него обѣдалъ; обѣдъ былъ довольно многолюдный; между прочимъ, за столомъ сидѣлъ какой-то господинъ, законовѣдъ, который, не помню по какому поводу, началъ восхвалять строгіе англійскіе законы противъ воровъ.

— Но, прибавилъ этотъ господинъ, несмотря на то, что иногда на одной висѣлицѣ вѣшаютъ по двадцати воровъ, все-таки количество воровъ не уменьшается.

— И напрасно вы думаете, что ваши строгіе законы въ этомъ дѣлѣ помогутъ сколько-нибудь, возразилъ ему Гиѳлодей. Надобно лучше позаботиться о томъ, чтобы доставить ворамъ возможность достать себѣ кусокъ хлѣба, чтобы они не были въ необходимости воровать.

— Но есть много ремеслъ, существуетъ земледѣліе; почему же они не займутся тѣмъ или другимъ? отвѣчалъ законникъ.

— На это есть много причинъ: вопервыхъ, посмотрите, сколько народу остается безъ рукъ или безъ ногъ, благодаря тому, что войны междоусобныя и внѣшнія такъ часто слѣдуютъ одна за другою. Вовторыхъ, какое множество прислуги у каждаго дворянина, которая безъ дѣла и безъ пользы вездѣ сопровождаетъ его! И какова участь этой прислуги, если умретъ господинъ и наслѣдникъ его не захочетъ держать такого множества ея? Да и раньше смерти господина, захвораетъ кто-нибудь изъ прислуги, его тотчасъ удаляютъ, потому что кормить больнаго считаютъ для себя бременемъ, въ то время, какъ кормить бездѣльника не отказываются. Куда дѣнутся всѣ

эти люди, потерявши мѣста? крестьянинъ не возьметъ ихъ къ себѣ въ работники, потому что ему нужны дѣйствительные работники; а такіе люди что знаютъ, и могутъ ли они трудиться, проведя полжизни въ праздности? *

— Но такіе люди составляютъ неоцѣненное сокровище для страны, возразилъ законникъ: — потому что изъ нихъ выходятъ самые храбрые солдаты; нужно, чтобы такіе люди не переводились.

— Тогда придется сказать: нужно, чтобы воры не переводились. Во Франціи идутъ дальше: тамъ не довольствуются тѣмъ, чтобы имѣть подобный неизсякаемый источникъ храбрыхъ солдатъ. Тамъ во время мира, какъ и во время войны— постоянно содержатъ большія арміи, такъ-что Франція постоянно имѣетъ видъ страны, подпавшей подъ власть непріятеля; такъ много тамъ солдатъ! — Изъ этого происходитъ одно большое неудобство: французы сами ищутъ войны, чтобы своихъ солдатъ пріучить къ ней. Но я не на то хочу обратить вниманіе ваше. Франція часто воевала съ Англіею; но ея пріученные къ войнѣ солдаты часто-ли побѣждали ремесленниковъ и земледѣльцевъ, составлявшихъ англійское войско? Надѣюсь, что это вы не примете за лесть. — Именно трудящіеся классы способны и на войнѣ быть храбрыми солдатами; у нихъ есть все, что для этого необходимо: и развитая физическая сила, и бодрость духа. Напротивъ, голодный и нетрудящійся человѣкъ не имѣетъ ни того, ни другаго Мало того, даже дворяне, пребывая въ праздности и предаваясь роскоши, способны потерять воинскія качества. Но во всякомъ случаѣ странно изъ-за соображеній военныхъ, дѣлать несноснымъ мирное время, и притомъ какимъ образомъ? Допуская существованіе безчисленнаго множества людей, ничего недѣлающихъ. Впрочемъ, я не сказалъ еще всѣхъ причинъ, которыя ставятъ вашихъ островитянъ въ необходимость воровать. Есть еще одна важная причина, существующая только у васъ въ Англіи!

— Какая же это? спросилъ кардиналъ.

---

* Стр 49.

— Ваши овцы, отвѣчалъ Гнѣлодей: — тѣ самыя, которыя прежде были такъ смирны и довольствовались зеленью вашихъ луговъ. Теперь онѣ стали неукротимы и жадны, и мало того, онѣ стали кровожадны. Онѣ поѣдаютъ людей, онѣ опустошаютъ дома, деревни, города! * Вамъ извѣстно лучше нежели мнѣ, что въ послѣднее время въ Англіи начало распространяться разведеніе тонкорунныхъ овецъ; оно доставляетъ владѣльцамъ земли больше выгодъ, нежели земледѣліе. И вотъ принялись ваши землевладельцы обращать пашню въ пастбище. Для овцеводства не нужно много рабочихъ рукъ; и землевладѣлецъ гонитъ прочь своихъ фермеровъ и ихъ рабочихъ; дома и селенія исчезаютъ съ лица земли; развѣ храмы, въ которыхъ собирались прежде жители, остаются цѣлы; но они уже не служатъ для молитвъ, ихъ обращаютъ въ стойло для скота. Сколько людей черезъ это лишаются пропитанія и крова? — Но это еще не все. Часто богатый землевладѣлецъ, чтобы округлить свое имѣніе, желаетъ скупить мелкіе участки, лежащіе въ чертѣ его владѣнія. Бѣдный владѣлецъ не желаетъ продать участка, потому что безъ своего клока земли онъ пропадетъ, и онъ это хорошо знаетъ. Тогда начинаются хитрости и притѣсненія, которыя наконецъ и заставляютъ его сбыть съ рукъ участокъ. И вотъ бездомные скитальцы ищутъ работы на сторонѣ; но гдѣ ее найдти, когда земледѣліе вездѣ сокращается? — Тогда они продаютъ пожитки; а когда и этотъ послѣдній источникъ истощится, они принимаются просить милостыню; но за это ихъ сажаютъ въ тюрьму, какъ бродягъ. А между тѣмъ ѣсть имъ что-нибудь надобно; хлѣбъ, благодаря сокращенію запашки, вздорожалъ. Тогда, чтобъ не умереть съ голоду, они принимаются за воровство. Кромѣ хлѣба, и все другое вздорожало. Шерсть вздорожала не только потому, что она теперь получается лучшаго качества, но и потому, что Богъ наказалъ жадныхъ землевладѣльцевъ-овцеводовъ; скотскіе падежи значительно уменьшили ихъ стада, такъ, что они и продавать шерсть за умѣренную цѣну не могутъ. Въ то же

---

* Стр. 52.

время вздорожала говядина и другіе припасы; а масса бездомныхъ бѣдняковъ увеличилась еще вслѣдствіе того, что дворянство, по причинѣ дороговизны, нашлось вынужденнымъ отпустить часть ничего недѣлавшей прислуги. Наконецъ, и еще одна причина доставляетъ значительную долю бѣдныхъ. У васъ въ Англіи, какъ, впрочемъ, и вездѣ, пользуются терпимостью домы проституціи, кабаки, которые очень нерѣдко представляютъ ничто иное, какъ маскированные эти же самые домы, потомъ разныя азартныя игры. Все это вмѣстѣ развращаетъ и разоряетъ народъ, и увеличиваетъ число нетолько нищихъ и воровъ, но и разбойниковъ. Уничтожьте вы все это, и зло прекратится само собою. Но уничтожать придется многое. Во-первыхъ, нужно избѣгать войнъ, нужно оградить сельскихъ рабочихъ отъ жадности овцеводовъ, нужно, чтобъ дворянство не держало при себѣ громадныя толпы дармоѣдовъ; нужно, чтобъ бѣдный человѣкъ былъ огражденъ правосудіемъ отъ притязаній богатаго сосѣда, и наконецъ, нужно устранить всѣ поводы къ разврату и разоренію народа. Въ такомъ случаѣ, вамъ и вѣшать будетъ некого *.

— Любезный Рафаэль, скажите мнѣ, возразилъ кардиналъ Мортонъ: — почему же вы думаете, что воровъ нельзя вѣшать? Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, и теперь ихъ такъ много; а если ихъ не наказывать, то ихъ будетъ еще больше.

— Должна быть разница между наказаніями, какъ она существуетъ между преступленіями. Нельзя одно наказаніе назначать за убійство человѣка и за кражу нѣсколькихъ монетъ. Да это опасно и для самаго общества. При такой системѣ вору невыгодно только обокрасть человѣка; а онъ всегда постарается и убить того, кого обокрадетъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, скрыть концы въ воду; а наказаніе ему одно и за воровство и за убійство. Мнѣ кажется, что здравый смыслъ римлянъ отлично понималъ это; у нихъ даже важныхъ преступниковъ осуждали на работы въ минахъ и каменоломняхъ. А во время моихъ путешествій, я видѣлъ въ странѣ полилеритовъ юридическій обы-

* Стр. 56.

чай, повидимому, еще болѣе разумный *. Тамъ воровъ заставляютъ трудиться на какихъ-нибудь публичныхъ работахъ, безъ цѣпей и безъ чего нибудь подобнаго. И съ ними даже обходятся хорошо, если они хорошо работаютъ; но если они не хотятъ работать, то ихъ подвергаютъ тѣлесному наказанію. Содержатъ ихъ на казенный счетъ, потому что своимъ трудомъ они приносятъ пользу. Въ другихъ мѣстахъ, подобныхъ людей содержатъ на счетъ добровольнаго подаянія жителей. Въ иныхъ мѣстахъ ихъ даже не употребляютъ на общественныя работы, а отдаютъ въ поденщики частнымъ людямъ, съ тѣмъ что эти люди, за лѣность, могутъ ихъ наказывать. Въ такомъ случаѣ, преступники содержатся на свой счетъ, и даже обязаны каждый день внести незначительную сумму въ общественную казну. Такой порядокъ дѣлъ имѣетъ то удобство, что онъ нетолько сохраняетъ преступникамъ жизнь, но и исправляетъ ихъ самихъ; потому что за трудолюбіе, терпѣніе, послушаніе ихъ наконецъ освобождаютъ, и вполнѣ возстановляютъ ихъ права.

Доказательства Гиѳлодея, повидимому, не произвели на собесѣдниковъ никакого дѣйствія. По крайней-мѣрѣ, когда законовѣдъ замѣтилъ ему, что подобные законы нельзя ввести въ Англіи, что они приведутъ въ опасность все королевство— все общество одобрило это замѣчаніе. Но кардиналъ Мортонъ въ свою очередь замѣтилъ, что это еще нужно испытать; быть можетъ, и очень вѣроятно, что такіе законы принесутъ пользу. Напримѣръ, можно попробовать, прочитавши преступнику смерный приговоръ, отложить исполненіе его, и подвергнуть преступника этой системѣ принужденной работы. Не удастся эта система, можно будетъ возвратиться и къ прежней. Даже было бы полезно, прибавилъ кардиналъ, попробовать приложить эту систему и къ бродягамъ, съ которыми въ Англіи никакъ не могутъ справиться. Лишь только кардиналъ сказалъ это, тотчасъ вся компанія приняласъ восхвалять его мысли, несмотря на то, что только-что

* Стр. 60.

передъ этимъ съ такимъ же усердіемъ всѣ осудили ихъ, когда ихъ излагалъ Гиѳлодей. Гиѳлодею такая грубая лесть и такое неуваженіе къ правдѣ показались отвратительными. На этомъ разговоръ о ворахъ и остановился *.

Но одинъ изъ собесѣдниковъ прибавилъ нѣсколько словъ о томъ, что кромѣ воровъ и бродягъ общество должно подумать еще о бѣдныхъ вслѣдствіе болѣзни или старости, которые заслуживаютъ по крайней-мѣрѣ столько же вниманія, сколько воры и бродяги. За столомъ, между прочимъ, сидѣлъ человѣкъ, игравшій роль очень близкую къ роли шута, паразитъ кардинала. «Я, сказалъ онъ: — уже думалъ о судьбѣ этихъ людей, и сейчасъ же изложу вамъ мои мысли о томъ, какъ помочь злу. Мнѣ довольно докучали нищіе, но никогда ничѣмъ отъ меня не попользовались; теперь они стали благоразумны и больше меня не безпокоятъ—знаютъ, что это безполезно. Мое мнѣніе касательно ихъ то, чтобы распредѣлить ихъ всѣхъ по бенедиктинскимъ монастырямъ; пусть они будутъ тамъ monachi laici, а женщинъ разослать по женскимъ монастырямъ, пусть сдѣлаются монашенками **.

На это счелъ нужнымъ отвѣтить сидѣвшій здѣсь же за столомъ братъ-богословъ, хранившій до сихъ поръ суровый и мрачный видъ:

— Но вы никогда не поможете нищимъ вполнѣ, если въ то же время не позаботитесь о судьбѣ насъ, братьевъ нищенствующихъ орденовъ.

— О, отвѣчалъ паразитъ. — ваша судьба уже устроена; когда его преосвященство предложилъ свой прекрасный проектъ относительно бродягъ, которыхъ слѣдуетъ заставлять работать, онъ не могъ предложить ничего лучшаго для васъ; потому что самые первые бродяги въ мірѣ — это вы, братья нищенствующихъ орденовъ. При этихъ словахъ, вся компанія посмотрѣла на кардинала, и такъ-какъ онъ не былъ ими недоволенъ, то вся компанія принялась смѣяться. Только нищенствующій братъ сдѣлался еще мрачнѣе, чѣмъ прежде. Черезъ

* Стр. 65. ** Стр. 67.

мгновеніе онъ разразился потокомъ брани противъ паразита, котораго называлъ клеветникомъ, плутомъ, сыномъ погибели, перемѣшивая свою брань текстами изъ священнаго писанія.

— Не гнѣвайся, брате, отвѣчалъ паразитъ: — въ писаніи сказано: «въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша».

— Да я не гнѣваюсь, или по крайней-мѣрѣ, не грѣшу, ибо псалмопѣвецъ говоритъ и т. д. И пошелъ опять честить веселаго собесѣдника, приводилъ тексты, ссылался на папскія буллы, сравнивалъ себя съ пророкомъ Елисѣемъ, подвергшимся поруганію, и т. п.

Наконецъ, кардиналъ едва рознялъ спорщиковъ, перемѣнивши разговоръ и велѣвши паразиту удалиться *.

— Вотъ, любезный Моръ, какъ разсуждаютъ придворные, заключилъ свой разсказъ Гиѳлодей. — Нетолько въ совѣтѣ государя, но и за обѣдомъ у кардинала вы не услышите правды, не увидите искренности, а услышите и увидите грубую лесть и подобострастное поддакиваніе. Что можетъ тутъ сдѣлать одинъ честный и правдивый голосъ?

— Нѣтъ, я все-таки не могу согласиться съ вами, возразилъ Моръ. — вы все-таки могли бы принести пользу гдѣнибудь въ совѣтѣ государя. Вы объявили бы войну льстецамъ и угодникамъ, и вы могли бы преклонить государя на свою сторону.

— Хорошо; предположимъ, что я похожусь въ настоящее время въ совѣтѣ короля французскаго. Тамъ разсуждаютъ о томъ, какъ королю сохранить за собою Миланъ и возвратить потерянный Неаполь, затѣмъ уничтожить могущество венеціанцевъ, подчинить себѣ всю Италію, покорить Фландрію и Брабантъ, присоединить Бургундію и наконецъ пріобрѣсти другія страны, на которыя издавна французскіе короли простираютъ

* Стр. 68. Этотъ разговоръ за столомъ у кард. Мормона, повидимому имѣетъ въ основаніи также какой-нибудь дѣйствительный случай. Т. Моръ въ юности пользовался покровительствомъ кард. Мортона, тогдашняго арх. кентерборійскаго, нѣкоторое время жилъ у него въ домѣ и былъ имъ опредѣленъ въ оксфордскій университетъ. Очевидно, въ памяти его сохранилось что-нибудь подобное описанному разговору, иначе ему не для чего примѣшивать сюда имя кард. Мортона.

свои завоевательные взоры. И вотъ совѣтники излагаютъ свои мнѣнія: одинъ скажетъ, что нужно держаться союза съ Венеціей до тѣхъ поръ, пока можно будетъ напасть и на нее самое; другой посовѣтуетъ нанять въ военную службу нѣмцевъ и швейцарцевъ, императору послать денегъ, королю арагонскому отдать Наварру, государю Кастиліи польстить союзомъ и подкупить его придворныхъ, съ Англіею заключить союзъ, но въ то же время подстрекать противъ нея Шотландію. А я буду говорить королю: оставьте вы въ покоѣ Италію и довольствуйтесь тѣмъ, что у васъ есть. Франція сама на столько велика, чтобы вамъ доставить довольно заботъ въ управленіи ею. Воспользуйтесь благодѣяніями мира и постарайтесь, чтобы ваше государство процвѣтало, чтобы ваши подданные были счастливы *. — По вашему мнѣнію какъ будутъ приняты мои слова, любезный Моръ? — Но будемъ продолжать: государь разсуждаетъ съ своими совѣтниками о томъ, какъ увеличить королевскую казну. Одинъ совѣтникъ предлагаетъ ему понизить цѣну монеты; но если дѣло коснется до уплаты королевскихъ долговъ, тотъ же самый совѣтникъ предлагаетъ возвысить цѣну монеты. Другой совѣтуетъ собрать чрезвычайныя подати, какъ будто для войны; и когда деньги будутъ собраны, объявить, что государь, чтобы не проливать крови своихъ подданныхъ, рѣшился не начинать войны. Третій вспоминаетъ о старыхъ законахъ, которые наказываютъ за преступленія денежною пенею. Онъ совѣтуетъ возстановить ихъ, находя, что такой источникъ доходовъ будетъ имѣть хорошій видъ заботы государя о правосудіи. Четвертый совѣтуетъ государю запретить употребленіе какихъ-нибудь предметовъ, преимущественно такихъ, которые народу нравятся, несмотря на то, что они ему вредятъ, и запретить подъ страхомъ большаго штрафа. Это будетъ имѣть два результата: во-первыхъ, государя будутъ благословлять, какъ благодѣтеля народа, который заботится о томъ, чтобы народъ себѣ не вредилъ; во-вторыхъ, это обогатитъ казну королевскую посредствомъ штрафовъ и посредствомъ особыхъ

* Стр. 72.

разрѣшеніи.—Если въ такомъ совѣтѣ я обращусь къ совѣтникамъ короля и скажу имъ всѣ ваши совѣты безстыдны, гибельны и имѣютъ въ виду не честь вашего государя, а его безславіе и даже опасность для него, потому-что они разорятъ народъ до такой степени, что съ него и взять будетъ нечего, и наконецъ народъ, доведенный до крайности, можетъ возмутиться противъ него — какой эффектъ, думаете вы, будутъ имѣть слова мои? — Представьте вы себѣ, что въ самый разгаръ веселой комедіи Плавта является на сцену философъ и начинаетъ обличать испорченность нравовъ современнаго общества словами Сенеки; не сдѣлается ли онъ предметомъ всеобщаго смѣха? И не лучше ли было бы, еслибъ онъ и рта не открывалъ *.

— Но зачѣмъ же поступать такимъ образомъ? —Можно всегда найти благопріятный случай для того, чтобы заставить людей подумать о своихъ поступкахъ. И если вы не достигнете результатовъ положительно добрыхъ, то, вы, по крайней мѣрѣ, уменьшите зло существующее.

— Знаю я, что это значитъ и къ чему это можетъ повести. Такъ поступаютъ наши проповѣдники слова божія. Вмѣсто того, чтобы учить людей высокимъ нравственнымъ правиламъ Спасителя, они входятъ въ компромиссъ со страстями человѣка, дѣлаютъ имъ уступки. Сколько я знаю, слѣдствіе изъ этого одно: они открываютъ черезъ это широкую дорогу для несправедливостей всякаго рода **. Въ подобныхъ случаяхъ, при подобной нравственной практикѣ, мало надежды на то, что философъ или проповѣдникъ принесетъ пользу обществу, а скорѣе самъ онъ наберется отъ него дурныхъ правилъ.—Я вамъ открою мою душу, любезный Моръ. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что при современномъ порядкѣ вещей, когда всѣ служатъ золотому тельцу, никакая справедливость, никакая нравственность невозможны. А служеніе золотому тельцу не прек-

---

* Стр. 81.

** Эти слова Т. Мора, между прочимъ, показываютъ, что на недостатки современнаго ему католическаго духовенства онъ смотрѣлъ не совсѣмъ снисходительно.

ратится до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожено самое право собственности.

— Но это невозможно: право собственности есть источникъ всеобщаго благосостоянія на землѣ. Безъ этого права никто не захотѣлъ бы ничего дѣлать: и еслибъ необходимость заставила кого-нибудь трудиться, то, натурально, такъ-какъ произведеніе его труда не можетъ принадлежать ему по закону, всегда найдутся посторонніе люди, которые совершенно сообразно съ существующими законами захотятъ овладѣть имъ. Отсюда постоянныя убійства и смятенія.

— Вы говорите такъ потому, что вы никогда не видали государства, основаннаго на началахъ общей собственности. А я больше пяти лѣтъ прожилъ въ Утопіи, и повѣрьте, никогда не оставилъ бы ея, еслибы не желаніе сообщить въ Европѣ о моемъ драгоцѣнномъ открытіи *. Я надѣюсь, что мои разсказы доставятъ европейцамъ возможность позаимствовать многое у жителей Утопіи, подобно тому, какъ жители Утопіи уже больше тысячи лѣтъ назадъ не отказались заимствовать въ Европѣ то, что нашли въ ней хорошаго.

— Развѣ утопійцы бывали когда-нибудь въ Европѣ?

— Нѣтъ, это было такимъ образомъ: за 1,200 лѣтъ до нашего времени (то-есть до 1500 года), нѣсколько римлянъ и египтянъ были занесены бурею къ берегамъ Утопіи; найдя порядки утопійцевъ весьма хорошими, эти люди не захотѣли возвратиться назадъ; и отъ нихъ-то утопійцы заимствовали все, что было добраго въ римской имперіи. Такъ объ этомъ говорится въ лѣтописяхъ Утопіи.

— Однако все это дѣйствительно любопытно, сказалъ Томасъ Моръ.—Такъ опишите же намъ, любезный Рафаэль, и разскажите все, что вы видѣли. Не старайтесь быть краткими; потому что намъ будутъ интересны всѣ малѣйшія подробности утопійской жизни.

Рафаэль съ видимымъ удовольствіемъ собирался уже начать разсказъ; но такъ какъ пришло время обѣда и собесѣд-

---

* Стр. 87.

ники уже наговорились довольно, то Томасъ Моръ попросилъ гостей обѣдать. Послѣ обѣда Гиѳлодей началъ свой разсказъ объ остр. Утопіи и его жителяхъ *.

Гдѣ находится островъ Утопія? На этотъ вопросъ у Томаса Мора нѣтъ отвѣта. Его видѣлъ и на немъ пять лѣтъ жилъ Гиѳлодей во время своего посѣщенія Новой Кастиліи, то-есть Америки. Утопія лежитъ близъ материка; но есть ли это материкъ Америки, или другой какой нибудь изъ числа тѣхъ, которые посѣщены Гиолодеемъ — это скрыто Томасомъ Моромъ. Утопія — круглый островъ, и въ серединѣ его есть большой заливъ, соединенный широкимъ проливомъ съ океаномъ; онъ гористъ и къ берегамъ понижается. Пространство его, опредѣляемое Томасомъ Моромъ въ тысячахъ шаговъ, на нашу мѣру будетъ болѣе 400 кв. миль, стало быть, онъ будетъ немного поменьше Бельгіи.

Весь островъ раздѣленъ на 54 части, по числу городовъ, существующихъ на немъ; народонаселеніе сосредоточивается въ городахъ, собственно сельскаго населенія даже совсѣмъ нѣтъ: оно образуется изъ жителей городовъ, поселяющихся въ округѣ только на время, и притомъ поочередно **. Въ каждомъ городѣ съ округомъ около 6,000 семействъ; семейства очень многочисленны, отъ 30 до 40 человѣкъ; слѣдовательно, въ каждомъ городѣ съ округомъ около 200,000 человѣкъ. А на всемъ островѣ около 10 милльоновъ — населеніе, очевидно очень густое, что объясняется нравами жителей, ихъ простотою, умѣренностью и отсутствіемъ у нихъ

---

* Стр. 90. Здѣсь оканчивается первая книга Утопіи, въ которой содержится критическая часть всего сочиненія. Далѣе слѣдуетъ вторая книга, содержащая въ себѣ часть положительную, гдѣ Рафаэль Гиѳлодей описываетъ идеальное утопійское государство.

** См. прилож. Б.

тщеславія, вслѣдствіе чего вся земля обращена исключительно на производство необходимыхъ и полезныхъ вещей. Города своимъ расположеніемъ всѣ походятъ другъ на друга.

Главный городъ Амавротумъ, на рѣкѣ Анидрѣ. Анидръ — это рѣчка маленькая, но судоходная отъ моря, куда она впадаетъ, до самаго Амавротума; берега ея соединены каменнымъ мостомъ въ верхней части города, такъ что суда безпрепятственно достигаютъ до города. Городъ хорошо укрѣпленъ; но не тѣмъ онъ замѣчателенъ. Гораздо любопытнѣе его внутреннее расположеніе. Онъ состоитъ изъ параллельныхъ улицъ, обставленныхъ непрерывнымъ рядомъ трехэтажныхъ каменныхъ домовъ. Дома отличаются прочностью, удобствомъ и опрятностью. Каждый домъ имѣетъ одинъ выходъ на улицу, другой на противоположную сторону, гдѣ разведены сады; двери хотя запираются, но безъ замковъ, такъ что достаточно легкаго движенія руки для того, чтобы всякій могъ безпрепятственно войти въ каждый домъ и садъ *. Впрочемъ, это не значитъ, чтобы утопійцы не имѣли—каждый особеннаго, ему принадлежащаго жилища. Напротивъ, каждое семейство имѣетъ свое помѣщеніе, въ которомъ живетъ только оно; но такъ какъ основной принципъ всей жизни утопійцевъ есть отсутствіе собственности, то и дома составляютъ принадлежность города; жители получаютъ ихъ по жребію и каждыя десять лѣтъ новый жребій распредѣляетъ жилища между временными владѣльцами. Всѣ эти порядки вмѣстѣ съ основнымъ принципомъ введены въ Утопіи за 1700 лѣтъ до 1500 года, стало быть за 200 лѣтъ до Р. Х, человѣкомъ, отъ котораго и весь островъ получилъ имя, Утопомъ. Утопъ былъ завоеватель; онъ пришелъ въ эту землю, которая тогда еще не была островомъ, съ людьми мощными духомъ и тѣломъ, и завоевалъ ее. Прежніе жители Утопіи, которая вначалѣ носила имя Абраксы, были бѣдны и слабы вслѣдствіе дурной организаціи своего государства. Утопъ прежде всего рѣшился отдѣлить эту землю отъ материка, чтобы тѣмъ безпрепятствен-

* Стр. 98.

нѣе ввести новый, задуманный имъ, порядокъ. Для этого онъ приказалъ, какъ своимъ воинамъ, такъ и побѣжденнымъ туземцамъ, прокопать перешеекъ, соединявшій Абраксу съ материкомъ; при усердной работѣ, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, дѣло это было сдѣлано очень скоро, и съ тѣхъ поръ полуостровъ Абракса сдѣлался островомъ Утопіею. И съ этихъ же поръ соціальный бытъ жителей сталъ реформироваться и реформировался очень быстро, еще при Утопѣ, такъ, что ко времени Томаса Мора составилось уже много вѣковъ исторической жизни утопійцевъ подъ господствомъ новыхъ началъ. Исторія Утопіи отличается отъ нашей исторіи тѣмъ, что она прошла въ полнѣйшемъ внутреннемъ спокойствіи и благоденствіи, и всѣмъ этимъ утопійцы обязаны своимъ законамъ и учрежденіямъ *.

Законы въ Утопіи немногочисленны и всѣ проникнуты однимъ духомъ. Но о законахъ мы скажемъ потомъ, а теперь объ учрежденіяхъ, о властяхъ, хранителяхъ законовъ. Высшею властью въ государствѣ считается собраніе представителей отъ городовъ, по три отъ каждаго, слѣдовательно, всѣхъ 162. Представители собираются ежегодно въ Амавротумѣ; но, повидимому, они имѣютъ мало дѣла, какъ потому, что заведенная разъ машина дѣйствуетъ хорошо, такъ и потому, что при федеральномъ порядкѣ, при полнѣйшей децентрализаціи, въ каждомъ городѣ есть свои власти, которыя завѣдуютъ дѣлами городовъ. Впрочемъ, разсказъ Томаса Мора о властяхъ въ Утопіи сбивчивъ и даже не безъ противорѣчій. Упомянувъ объ этомъ верховномъ собраніи представителей, онъ начинаетъ потомъ излагать подробнѣе организацію и происхожденіе другихъ властей; какія власти разумѣетъ онъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ: общія власти для всего острова, или только власти одного города — мы предоставляемъ объ этомъ судить самимъ читателямъ. «Каждыя тридцать семействъ — говоритъ Томасъ Моръ—выбираютъ себѣ начальника; такіе начальники прежде назывались сифогрантами, а теперь ихъ называютъ

* Стр. 92.

филархами. Надъ десятью сифогрантами дѣлаютъ начальникомъ транибора или протофиларха (новѣйшее названіе). Всѣ сифогранты составляютъ собраніе или сенатъ изъ 200 человѣкъ; въ этомъ собраніи выбирается секретною балотировкою государь или князь (Princeps) изъ четырехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ народомъ, потому что весь городъ раздѣляется на четыре части и всякая часть выбираетъ своего кандитата (a quaque urbis quarta parte selectus unus commendatur senatui)»*. Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ только объ одномъ городѣ; кандидаты въ князья предлагаются частями города и число сифогрантовъ соотвѣтствуетъ числу семействъ каждаго города, полагая одного сифогранта на 30 семействъ (6,000:30=200). Но дальше, впродолженіе всей своей книги, Томасъ Моръ принимаетъ только одного князя на весь островъ. Гдѣ ни говорится о князѣ, вездѣ разумѣется только одинъ князь, высшее лицо въ цѣломъ государствѣ; и онъ не называется у Томаса Мора княземъ какого-нибудь города, а всегда называется княземъ утопійскимъ. Собственный его утопійскій титулъ — барзанъ или адемъ (новѣйшее имя). Барзанъ остается въ своей должности на всю жизнь, если только не будетъ замѣчено, что онъ стремится къ деспотизму. Совѣтъ князя составляютъ траниборы, которые съ этою цѣлью собираются однажды въ каждые три дня. Въ этихъ собраніяхъ разсуждаютъ о дѣлахъ государства (de republica consultant)**. Траниборы и всѣ другія должностныя лица избираются только на одинъ годъ; но утопійцы не любятъ часто мѣнять должностныя лица; обыкновенно при новыхъ выборахъ они избираютъ тѣ же самыя лица, безъ сомнѣнія потому, что въ Утопіи всякій честно и усердно исполняетъ свои обязанности. Сенатъ составляется изъ сифогрантовъ, и мы уже видѣли, что онъ заключаетъ въ себѣ 200 человѣкъ; это, очевидно, сенатъ одного города. Когда собираются эти члены, объ этомъ Томасъ Моръ не говоритъ; онъ говоритъ только, что по закону два сифогранта должны постоянно находиться въ сенатѣ. Но за-

* Стр. 100. ** Стр. 101.

сѣданія сената отличаются необыкновенною мудростью. Въ Утопіи существуетъ законъ, чтобы всякій вопросъ обсуждался не раньше, какъ черезъ три дня послѣ того, какъ онъ предложенъ. Это имѣетъ ту цѣль, чтобы сифогранты имѣли время хорошо обдумать вопросъ, чтобы не случилось явленія, очень обыкновеннаго въ подобныхъ собраніяхъ, что выскажетъ свое мнѣніе кто-нибудь не подумавши хорошо о вопросѣ и потомъ поддерживаетъ его уже по увлеченію или упрямству. Въ важныхъ случаяхъ и весь народъ призывается къ участію въ обсужденіи общественныхъ вопросовъ; для этого созываются комиціи, которыя очень немноголюдны, потому что только 30 семействъ составляютъ комицію. Они черезъ своего сифогранта получаютъ предложеніе собраться и чрезъ него же передаютъ свое мнѣніе въ сенатъ. Въ Утопіи существуетъ странный законъ относительно разсужденія объ общественныхъ дѣлахъ. Кромѣ сената и комицій, никто и нигдѣ не можетъ объ нихъ совѣщаться *. Кто преступитъ этотъ законъ, тотъ безъ милосердія подвергается смертной казни. Это сдѣлано, по словамъ Томаса Мора, для того, чтобы барзанъ вмѣстѣ съ траниборами не согласились притѣснять народъ и измѣнять конституцію государства. Вотъ все, что Томасъ Моръ говоритъ о властяхъ въ Утопіи. Обязанности властей и ихъ взаимное отношеніе опредѣлены очень неясно. Въ самомъ дѣлѣ, что же дѣлаетъ барзанъ въ Утопіи? О чемъ онъ разсуждаетъ въ своемъ совѣтѣ съ траниборами, если они не могутъ разсуждать о дѣлахъ общественныхъ? И притомъ тутъ является странное противорѣчіе. Томасъ Моръ только что сказалъ о князѣ и траниборахъ, что они de republica consultant. А между тѣмъ оказывается, что они не имѣютъ даже права разсуждать о дѣлахъ республики. Что дѣлаетъ верховный сенатъ, собирающійся въ Амавротумѣ? Объ этомъ собраніи Томасъ Моръ только упомянулъ, а потомъ впродолженіе всей своей книги какъ будто забылъ о его существованіи **.

---

* Стр. 101.

** Вотъ всѣ эти противорѣчащія одно другому мѣста. «Cives quaque ex urbe terni, senes ac rerum periti, tractatum de rebus insulae

Будемъ слѣдить дальше за Томасомъ Моромъ въ его изложеніи основныхъ законовъ государства. Въ Утопіи сословій нѣтъ; граждане всѣ равны передъ закономъ. Только преступленія ведутъ за собою потерю правъ. За нѣкоторыя преступленія законъ осуждаетъ гражданъ на рабство; и закону мало дѣла до того, совершено ли преступленіе или только покушеніе, совершено ли оно внутри государства или за границею: законъ одинаково строго относится къ нему во всѣхъ этихъ случаяхъ. Впрочемъ, онъ неодинаково строго всѣхъ наказываетъ: преступленіе, совершенное утопійскимъ гражданиномъ, наказывается гораздо строже, чѣмъ преступленіе, совершенное иностранцемъ, живущимъ въ Утопіи, потому что утопійцы и воспитаніемъ и своею счастливою жизнью поставлены въ такое состояніе, что имъ и въ голову не должно приходить нарушеніе закона. Въ случаѣ обращенія утопійцевъ въ рабство, съ ними обходятся очень строго, утомляютъ ихъ работою и держатъ въ цѣпяхъ; а въ случаѣ возмущенія, ихъ безжалостно убиваютъ, какъ дикихъ звѣрей. Кромѣ рабовъ, всѣ остальные граждане пользуются одинаковыми правами и даже ведутъ одинъ и тотъ же образъ жизни, за немногими исключеніями, которыя мы дальше укажемъ. Образъ жизни утопійцевъ слѣдующій. Мы уже видѣли, что всѣ они живутъ въ общественныхъ домахъ. Работаютъ они каждый не для себя, а для общества. Это устроено такимъ образомъ: всякій утопіецъ знаетъ какое-нибудь ремесло; разумѣется, не запрещается знать и два ремесла, и это часто бываетъ. И всякій утопіецъ долженъ работать 6 часовъ въ день, 3 часа до полудня, и 3 послѣ полудня *. Сифогранты наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы никто не оставался въ праздности. Въ эти 6 часовъ утопійцы

communibus, quotannis conveniunt Amaurotum»—«Tranibori tertio quoque die in consilium cum principe veniunt; de republica consultant»—«Extra Senatum aut comitia publica, de rebus communibus inire consilia, capitale habetur. Haec eo ferunt instituta, ne proclive esset, conjuratione principis ac tranibororum, oppresso per tyrannidem populo, statum reipublicae mutare». Очевидно два первыя мѣста находятся въ прямомъ противорѣчіи съ третьимъ.

* Стр. 104.

дѣлаютъ такъ много, что ихъ потребности удовлетворены лучше, нежели гдѣ-нибудь на землѣ; и на это двѣ причины: во-первыхъ, между ними нѣтъ дармоѣдовъ; во-вторыхъ, у нихъ нѣтъ никакихъ воображаемыхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ въ нашихъ обществахъ стоитъ всего дороже; а насколько удовлетворены потребности утопійцевъ, можно судить по слѣдующему примѣру: плотники, столяры и каменщики у нихъ совсѣмъ не имѣли бы работы, еслибъ они не заготовляли напередъ всѣхъ частей, необходимыхъ для постройки домовъ; потому что всѣ жители помѣщены такъ хорошо, какъ только можно желать. Потому-то эти мастеровые напередъ заготовляютъ все, что нужно для постройки домовъ; и заготовленное сохраняется въ особенныхъ складахъ, такъ что въ случаѣ надобности домъ будетъ построенъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Женщины также работаютъ въ Утопіи, но имъ предоставлены болѣе легкія занятія: пряденіе льна и шерсти и приготовленіе изъ нихъ тканей. Отъ механическихъ занятій избавлены только сифогранты, которые, впрочемъ, этою льготою не пользуются; напротивъ они подаютъ собою примѣръ всѣмъ другимъ. Кромѣ того, отъ механическихъ занятій избавлены ученые. А к л а с с ъ у ч е н ы х ъ составляется слѣдующимъ образомъ: въ Утопіи много учебныхъ заведеній, въ которыхъ излагаются всевозможныя науки. Эти заведенія посѣщаются мужчинами и женщинами; но посѣщеніе ихъ необязательно для всѣхъ: оно обязательно только для тѣхъ, кто посвящаетъ себя наукѣ. Чтеніе лекцій происходитъ рано утромъ, такъ что послѣ лекцій человѣкъ еще имѣетъ достаточно времени для того, чтобы заниматься своимъ ремесломъ. И вотъ изъ этихъ-то посѣтителей лекцій народъ выбираетъ наиболѣе усердныхъ и способныхъ и освобождаетъ ихъ отъ механическихъ занятій. Изъ нихъ потомъ выбираютъ священниковъ, посланниковъ, трибуновъ и самого барзана. Но если подобный ученый не оправдаетъ надеждъ народа, то его безъ церемоніи опять сажаютъ за ремесло *.

---

* Стр. 107.

Ремеслами и вообще производствомъ всякихъ мануфактурныхъ издѣлій утопійцы занимаются въ городахъ, гдѣ сосредоточена бо́льшая часть жителей. Кромѣ того утопійцы занимаются съ бо́льшимъ успѣхомъ земледѣліемъ и вообще сельскимъ хозяйствомъ. Но у нихъ, какъ мы уже сказали, нѣтъ особеннаго класса земледѣльцевъ, нѣтъ постоянныхъ сельскихъ жителей. Земледѣліемъ занимаются тѣ же жители городовъ, которые съ этою цѣлью переселяются въ деревню. Сельское хозяйство въ Утопіи организовано такимъ образомъ: всѣ временные сельскіе жители раздѣляются на семейства, но не по родственнымъ связямъ, а чисто съ цѣлью общаго труда. Всякое семейство состоитъ изъ сорока членовъ и двухъ рабовъ. Семейства повинуются отцу и матери семейства; кромѣ того надъ каждыми тридцатью семействами есть особый руководитель, который обдумываетъ предварительно планы работъ.

Половина семейства, то-есть 20 человѣкъ, ежегодно оставляетъ деревню или, правильнѣе, мызу и возвращается въ городъ. На ихъ мѣсто изъ города приходятъ новые 20 человѣкъ, которые въ первый годъ работаютъ подъ руководствомъ оставшихся 20 человѣкъ, а потомъ, когда по истеченіи года эти возвратятся въ городъ, они сами дѣлаются руководителями новыхъ пришельцевъ. Такой порядокъ заведенъ для того, чтобы земледѣльческія знанія были распространены между всѣми жителями государства, и чтобы никто въ Утопіи не несъ трудовъ, бо́льшихъ сравнительно съ другими. Впрочемъ, нерѣдко бываетъ, что временные земледѣльцы сами просятъ, чтобы имъ позволили остаться на мызѣ; и въ такомъ случаѣ имъ не отказываютъ. Земледѣльцы воздѣлываютъ поля, разводятъ фруктовыя деревья, кормятъ скотъ и приготовляютъ дрова. Между прочимъ, они разводятъ безчисленное множество цыплятъ, и дѣлается это особеннымъ способомъ *. Когда приходитъ время уборки хлѣба, тогда начальники требуютъ изъ города новыхъ контингентовъ для усиленія работы. Изъ города являются бо́льшія массы рабочихъ, вслѣдствіе чего хлѣбъ

* Стр. 94 см. прил. Б.

убирается въ самомъ скоромъ времени, иногда даже въ одинъ день.

Всѣ продукты земледѣлія, разумѣется, за исключеніемъ того, что́ нужно для самихъ земледѣльцевъ, отправляются въ городъ. Отправка совершается самымъ удобнымъ образомъ, по хорошо устроеннымъ дорогамъ, рѣкамъ и каналамъ. Громоздкія произведенія, напримѣръ, дрова, строевой лѣсъ, доставляются водою; съ этою цѣлью утопійцы давно истребили лѣса въ тѣхъ мѣстахъ, откуда доставка ихъ затруднительна, и развели ихъ по берегамъ рѣкъ, или наконецъ соединили ихъ каналами съ рѣками. Въ городѣ для разныхъ произведеній существуютъ особенные магазины или рынки; въ однихъ находится все, что́ нужно для питанія человѣка: хлѣбъ, мясо, овощи, зелень и т. п.; въ другихъ—все, что́ нужно для одежды; въ третьихъ — инструменты и проч. И когда жителямъ что-нибудь нужно, они приходятъ въ магазины, предъявляютъ свои требованія, и получаютъ все необходимое. Сколько бы какихъ произведеній кто ни потребовалъ, отказу не бываетъ; но обыкновенно никто лишняго не требуетъ, потому что не имѣетъ въ этомъ никакой надобности; всякій увѣренъ, что нужное ему онъ найдетъ и получитъ въ общественныхъ магазинахъ, какъ сегодня, такъ и завтра, такъ и всегда, когда окажется надобность; и кромѣ того утопійцы слишкомъ благоразумны для того, чтобы выходить изъ предѣловъ своихъ дѣйствительныхъ надобностей *). Вслѣдствіе этого въ Утопіи, напр платье у всѣхъ однообразно и по качеству матеріи, и по цвѣту, и по покрою; и каждый утопіецъ имѣетъ только одно верхнее платье, въ которомъ онъ выходитъ изъ дому; а до́ма и на работахъ утопійцы бываютъ одѣты въ платья, сдѣланныя изъ кожи, которыя тоже не допускаютъ франтовства. Въ бѣльѣ они обращаютъ вниманіе только на чистоту, а за тонкостью не гонятся; кромѣ того они стараются еще, чтобы ихъ одежда была прочна, и дѣйствительно, напримѣръ, верхнее платье служитъ утопійцамъ два года. Та-

---

* Стр. 110 и 103.

кимъ образомъ одежда въ Утопіи обходится недорого и не вызываетъ франтовства; платья утопійцевъ защищаютъ ихъ и отъ холода и отъ жара, очень удобны для всякаго рода движеній; а больше утопійцы ни о чемъ не думаютъ. Можетъ быть, не такъ умѣрены утопійцы въ столѣ; но нельзя сказать, чтобъ они были гастрономами въ родѣ древнихъ агригентинцевъ, которые строили себѣ такіе дома, какъ будто разсчитывали вѣчно жить, и объѣдались такъ, какъ будто собирались завтра умирать. Утопійцы допускаютъ нѣкоторую роскошь въ столѣ повидимому для того, чтобы показать, какъ можно хорошо покушать и при общей простотѣ жизни. Впрочемъ, роскошь стола утопійцевъ тѣмъ болѣе извинительна, что все-таки прежде удовлетворенія требованіямъ ея, они стараются удовлетворить требованіямъ гуманности. Вслѣдствіе этого все, что есть лучшаго въ провизіи, идетъ не въ пользу всѣхъ вообще жителей Утопіи, а въ пользу слабыхъ и больныхъ, для которыхъ существуютъ особыя больницы. Утопійскія больницы — верхъ совершенства; онѣ помѣщены обыкновенно за городомъ, среди здоровой мѣстности, изобилующей зеленью, и снабжены всѣмъ нужнымъ въ изобиліи; лучшіе медики заботятся о больныхъ, которымъ тамъ такъ хорошо, что, по выраженію Томаса Мора, въ Утопіи даже пріятно быть больнымъ; потому никогда больные не остаются у себя въ домахъ, а тотчасъ переселяются въ больницы *.

Послѣ того, какъ лучшая часть провизіи отдѣлена для больницъ, изъ остальнаго получаютъ свои части разныя сифогрантіи. Сифогрантія въ городѣ — это часть города изъ 30 семействъ, которыя имѣютъ одного сифогранта и *которыя имѣютъ общій столъ*, что устроивается такимъ образомъ: въ каждой сифогрантіи есть свой общественный домъ, въ которомъ живетъ сифогрантъ. Кромѣ жилища сифогранта, въ этомъ домѣ устроены большія залы, предназначенныя для общественнаго стола. Здѣсь вдоль стѣнъ стоятъ длинные столы, за которыми сидятъ мужчины и женщины. Мужчины сидятъ со

* Стр. 114.

стороны стѣны, а женщины напротивъ ихъ, ближе къ срединѣ зала. Это дѣлается для того, чтобы женщины могли удобнѣе выходить изъ-за стола, если почувствуютъ дурноту, что часто случается, особенно съ беременными женщинами. Такъ все предусмотрѣно въ Утопіи! Между столами нельзя не замѣтить одного, за которымъ сидитъ сифогрантъ съ своею супругою и кромѣ того два самые преклонные старца изъ всей сифогрантіи. Но если при сифогрантіи есть храмъ, то здѣсь же сидятъ священникъ и его супруга; въ такомъ случаѣ священникъ имѣетъ первенство почести даже сравнительно съ сифогрантомъ. За другими столами сидятъ разные возрасты, перемѣшавшись такъ, что старецъ сидитъ непремѣнно среди молодыхъ людей; обѣдъ и ужинъ одушевлены нетолько пріятнымъ, но и веселымъ разговоромъ; и въ этомъ старцы не стѣсняютъ молодыхъ людей; напротивъ, они даже возбуждаютъ въ средѣ ихъ разговоръ и сами разговариваютъ съ ними; но этотъ разговоръ есть разговоръ Сократа съ учениками, хотя онъ и сопровождается смѣхомъ и шутками. Молодые люди и дѣвицы, еще не вступившіе въ бракъ, не сидятъ за общимъ столомъ: они прислуживаютъ другимъ во время обѣда; а тѣ, которые еще моложе, которые еще не имѣютъ силъ, чтобы прислуживать—эти просто стоятъ передъ столами въ глубокомъ молчаніи и получаютъ пищу отъ тѣхъ, которые сидятъ за столомъ. Кушанье приготовляется по очереди всѣми женщинами сифогрантіи, но наиболѣе тяжелыя и грязныя работы въ кухнѣ исполняются рабами. Обѣдать никто не обязанъ въ общей столовой; напротивъ, всякій можетъ приготовлять себѣ пищу дома; провизіи ему для этого дадутъ; но это обыкновенно не дѣлается, потому что общественныя кушанья приготовляются съ бо́льшимъ искуствомъ и бываютъ вкуснѣе, такъ-какъ на общественной кухнѣ, помѣщающейся рядомъ со столовою, есть всѣ удобства и средства приготовить отличный обѣдъ или ужинъ. Утопійцы объ обѣдѣ мало заботятся; вся кулинарная роскошь проявляется за ужиномъ, который гораздо продолжительнѣе, нежели обѣдъ *. Во время ужина играетъ

* Стр. 117 и 118.

музыка, сожигаются благовонія и потомъ подается роскошный десертъ; короче, употребляются всѣ средства, чтобы привести собесѣдниковъ въ веселое расположеніе духа. Но крѣпкихъ напитковъ утопійцы не употребляютъ; они пьютъ вино изъ фруктовъ и изъ винограда, дѣлаютъ также отличный медъ и т. п. Общественныя столовыя служатъ мѣстомъ собранія гражданъ и во всякое другое время дня, когда они свободны отъ занятій. Здѣсь граждане предаются разнымъ невиннымъ удовольствіямъ и играмъ, сюда сходятся артисты и устроиваютъ здѣсь концерты; здѣсь, между прочимъ, играютъ въ «единицы». Единицы — это любопытная игра, въ родѣ шахматной; только здѣсь идетъ сраженіе между единицами. Вѣроятно, эта игра имѣетъ цѣлью изученіе законовъ чиселъ. Другая игра еще интереснѣе: она производится также на шахматной доскѣ, но въ ней идетъ битва между добродѣтелями и пороками; и кто .хорошо пойметъ эту игру, тотъ будетъ наглядно представлять себѣ, какъ порокъ старается побѣдить добродѣтель, и какими средствами добродѣтель можетъ взять надъ нимъ верхъ. Что касается до игоръ, гдѣ все зависитъ отъ случая, утопійцы знаютъ объ нихъ только по слухамъ, и удивляются глупости людской, находящей въ нихъ удовольствіе. Еще они строго осуждаютъ охоту, какъ удовольствіе; они находятъ ее недостойною нравственнаго человѣка *.

Мы еще не сказали ничего о семейной жизни утопійцевъ; а она заслуживаетъ вниманія не менѣе, чѣмъ что-нибудь другое въ Утопіи; семейная жизнь въ Утопіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ уклоненій, представлена Т. Моромъ въ чертахъ высоконравственныхъ. Начнемъ съ самаго супружества, дающаго бытіе семьѣ. Мужчины въ Утопіи не могутъ жениться раньше 22 лѣтъ, а дѣвицы выходятъ замужъ не раньше 18 лѣтъ. До брака соблюдается самое строгое цѣломудріе, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. И если бываютъ случаи, что влюбленные молодые люди своею чрезмѣрною любовью предупредятъ время брака, то они подвер-

* Стр. 105 и 138.

гаются строжайшему наказанію: имъ совсѣмъ запрещается вступать въ супружество, и тогда бѣдные влюбленные сгараютъ медленнымъ огнемъ безъ надежды на супружеское счастье. Только барзанъ можетъ простить ихъ, что̀ онъ и дѣлаетъ, замѣтивши раскаяніе виновныхъ. Но безчестіе родителей, не уберегшихъ свою дочь или своего сына, ничѣмъ не смывается. Женихъ и невѣста до свадьбы имѣютъ полную возможность узнать другъ друга. Разумѣется, при этомъ главное вниманіе обращается на психическія качества, но утопійцы не нечувствительны и къ соматической красотѣ. Этого мало; они придаютъ ей такое важное значеніе, что у нихъ существуетъ слѣдующій любопытный обычай: до свадьбы дается возможность жениху видѣть невѣсту, а невѣстѣ жениха въ костюмѣ праотца Адама. Для этого какая-нибудь почтенная матрона разоблачаетъ дѣвицу и представляетъ ее жениху, чтобы онъ наблюдалъ ее въ первобытномъ состояніи съ головы до ногъ; точно такъ же какой-нибудь почтенный старецъ показываетъ жениха невѣстѣ *.— Мы не могли удержаться отъ смѣха, замѣчаетъ Гиолодей, узнавши, что въ Утопіи, существуетъ такой странный и смѣшной обычай; мы даже не могли удержаться, чтобы не назвать этотъ обычай глупымъ и безстыднымъ.—Но какихъ резоновъ за это наговорили утопійцы Гиолодею.—Какъ—говорили они—вы жеребенка пріобрѣтаете, и осматриваете его отъ головы до ногъ; а выбирая жену, не находите нужнымъ имѣть столько вниманія? Да знаете ли вы, что иногда мужчины и женщины подъ одеждою скрываютъ такія безобразія, что и философы не могутъ относиться къ нимъ безъ отвращенія? Черезъ подобныя вещи сколько можетъ быть несчастныхъ браковъ?—Безъ сомнѣнія, утопійцы при вступленіи въ супружество потому такъ внимательны ко всѣмъ подобнымъ вещамъ, что бракъ въ Утопіи расторгается только смертью одного изъ супруговъ. А отвергнуть свою жену, потому что сдѣлалась нездорова, получила какую-нибудь долговременную бо-

* Стр. 152

лѣзнь, это тамъ считается варварствомъ. Впрочемъ, есть случаи, когда бракъ расторгается и при жизни супруговъ, именно въ случаѣ супружеской невѣрности; и въ этомъ случаѣ виновная сторона осуждена на безбрачіе, и кромѣ того на рабство. Бываетъ, однако, что и въ случаѣ супружеской невѣрности бракъ не расторгается. Это происходитъ тогда, когда обиженная невѣрностью сторона, вслѣдствіе своей большой любви къ обидѣвшей сторонѣ, прощаетъ ей; но въ такомъ случаѣ она должна послѣдовать за своею виновною половиною, осужденною на каторжную работу. И въ этомъ случаѣ, при видѣ глубокаго раскаянія со стороны виновнаго или виновной, барзанъ прощаетъ вину и возвращаетъ супругамъ права гражданъ. Если же, послѣ этого, виновная сторона снова повторитъ преступленіе, то она безъ милосердія наказывается смертію. Иногда бракъ расторгается и безъ супружеской невѣрности; это бываетъ тогда, когда характеры супруговъ до такой степени несходны, что ихъ супружество оказывается ничѣмъ другимъ, какъ настоящимъ адомъ. Но при этомъ сифогранты производятъ самыя старательныя изслѣдованія о дѣлѣ; тутъ находится дѣло и для женъ сифогрантовъ, которымъ мужья поручаютъ наводить и обсуждать справки, такъ-какъ женщины въ подобныхъ дѣлахъ свѣдущѣе и искуснѣе мужчинъ *. Однако, не надобно думать; чтобы случаи расторженія браковъ изъ-за какихъ бы то ни было причинъ были многочисленны; напротивъ, они чрезвычайно рѣдки, и преимущественно рѣдки случаи расторженія браковъ по причинѣ несогласной жизни супруговъ. Утопійцы очень здраво разсуждаютъ, что надежда на разводъ есть плохое средство для водворенія и поддержанія мира и любви въ супружествѣ. Въ семействѣ главою считается мужъ, жена нетолько повинуется ему, но и служитъ; м у ж ъ и м ѣ е т ъ п р а в о н а к а з ы в а т ь ж е н у за такіе проступки, которые не требуютъ, по упопійскимъ законамъ, общественнаго суда и наказанія **. Дѣти находятся въ полномъ пови-

* Стр. 154 См. прил. Г.

** Стр. 155 Uxores mariti castigant et parentes liberos; nisi quid tam ingens admiserint, ut id publice puniri morum interesit.—Вообще

новении у родителей, которые могутъ ихъ также наказывать; и вообще, младшіе оказываютъ почтеніе и послушаніе старшимъ. Семейства, какъ мы уже сказали, очень велики, потому что женившійся сынъ или братъ главы семейства не отдѣляется отъ семьи; потомъ внуки или внучатные племянники послѣ женитьбы также остаются въ прежней семьѣ; и если семья все-таки невелика, то въ нее принимаются дѣти и изъ другихъ семействъ, слишкомъ большихъ; и они, женившись, тоже остаются въ этой семьѣ. Такимъ-то образомъ, утопійское семейство доходитъ до 40 человѣкъ; и надъ всѣми ними одинъ глава—старшій въ семействѣ. Ему всѣ обязаны повиноваться. Но если время окажетъ неблагопріятное дѣйствіе на его умственныя способности, тогда, не отказывая ему въ почтеніи и особенно въ попеченіи, на его мѣсто ставятъ другаго главу семьи, того изъ членовъ ея, кто по возрасту къ нему больше всѣхъ приближается.

Такое устройство семьи и государства дѣлаетъ жизнь утопійцевъ вполнѣ счастливою; они наслаждаются довольствомъ, миромъ и полнымъ семейнымъ счастьемъ. Будущность семейства въ Утопіи никого не безпокоитъ; потому что тамъ человѣкъ вполнѣ господинъ своей судьбы. Дѣтямъ нужно только дать хорошее воспитаніе, и можно быть увѣреннымъ, что они будутъ счастливы послѣ смерти родителей. Есть, разумѣется, и въ Утопіи несчастные, именно рабы; но рабы сами причиною своего несчастія. Рабомъ въ Утопіи никто не родится: дѣти рабовъ пользуются тѣми же самыми правами, какъ и

на женщину Т. Моръ смотритъ взглядомъ далеко несогласнымъ со взглядами современныхъ эманципаторовъ. Въ біографіи Т. Мора, приложенной ко французскому переводу Утопіи, сдѣланному Гедевилемъ, между афоризмами, приписываемыми Т. Мору, находится слѣдующій касательно брака. «Вы ищете себѣ невѣсту? Ваше положеніе вотъ какое: передъ вами мѣшокъ, наполненный змѣями, между которыми есть одинъ угорь (рыба). Вы роетесь въ мѣшкѣ, и нѣтъ абсолютной невозможности, чтобы вы схватили угря. Однако вы сто, тысячу разъ опустите руку понапрасну и каждый разъ будете укушены змѣею» (L'Utopie de Th. Morus, trad. par. Gendeville, стр. LXXV).

дѣти другихъ гражданъ *. Рабами, какъ мы уже сказали, дѣлаются преступники, да и то не навсегда. Хорошее поведеніе, вмѣстѣ съ раскаяніемъ, возстановляетъ человѣка въ его прежнихъ правахъ. Изъ преступленій, влекущихъ за собою рабство, мы уже указали супружескую невѣрность; кромѣ того рабомъ дѣлается тотъ, кто оскорбилъ женщину слишкомъ нескромнымъ предложеніемъ, и тотъ, кто предприметъ путешествіе по государству безъ позволенія начальства; и притомъ, первое такое преступленіе ему прощается; рабствомъ оно наказывается уже тогда, когда совершается во второй разъ. Путешествовать утопійцамъ вообще не запрещается; только для этого нужно согласіе сифогрантовъ и траніборовъ и даже князя, который и выдаетъ желающему паспортъ; съ этимъ паспортомъ онъ можетъ путешествовать по всему государству; но если онъ желаетъ путешествовать только по странѣ, принадлежащей къ родному городу, то ему достаточно согласія отца и жены, если онъ женатый человѣкъ. Во время путешествія, утопійцы не нуждаются ни въ деньгахъ; ни въ провизіи; все нужное вездѣ они получаютъ безплатно. За то, если они гдѣ-нибудь остаются болѣе одного дня, то обязаны работать вмѣстѣ съ другими шесть часовъ въ сутки **. Этотъ законъ существуетъ для того, чтобы отнять у утопійцевъ всякій предлогъ къ праздности. Мы уже видѣли, что между утопійцами праздныхъ людей совсѣмъ нѣтъ; работаютъ всѣ, но очень умѣренно. Т. Моръ сильно вооружается противъ излишества трудовъ, къ которымъ у насъ въ Европѣ принуждены рабочіе классы.

Въ Утопіи, при небольшомъ количествѣ труда, трудъ производителенъ больше, нежели въ Европѣ. Мы уже видѣли причины этого. Чтобы видѣть, до какой степени Утопія изобилуетъ всѣмъ, что служитъ къ удовлетворенію потребностей человѣка, стоитъ обратить вниманіе еще на торговлю утопійцевъ. Послѣ того, какъ они переполнятъ свои магазины, они заготовляютъ произведенія своей земли для торговли.

---

* Стр. 150. ** Стр. 119.

Торговля утопійцевъ возможна только съ иностранными государствами. Внутри государства всякій имѣетъ все, что ему нужно, безъ всякой платы, только за свой шестичасовой ежедневный трудъ. Но иностранцамъ утопійцы продаютъ и даже сами отвозятъ произведенія своей земли: хлѣбъ, медъ, ленъ, шерсть, дерево, красильныя вещества, кожи, воскъ, сало и даже скотъ. Торгуютъ этими товарами утопійцы совершенно особеннымъ способомъ: вопервыхъ, седьмую часть своихъ товаровъ они отдаютъ даромъ, въ пользу бѣдныхъ той страны, куда товары привезены; вовторыхъ, остальное они продаютъ по умѣреннымъ цѣнамъ (pretio mediocri venditant); вѣроятно законъ спроса и предложенія не имѣетъ вліянія на торговлю тѣхъ странъ. Къ себѣ изъ чужихъ странъ утопійцы привозятъ, вопервыхъ, такіе предметы, которыхъ Утопія не производитъ; а вовторыхъ, тѣ металлы, которые въ нашихъ странахъ сдѣлались идолами людей — золото и серебро. Страннѣе всего здѣсь то, что утопійцы сами въ золотѣ и серебрѣ совершенно не нуждаются. Монеты имъ совсѣмъ не нужно по образу ихъ жизни и удовлетворенія потребностей. Украшеній изъ золота и серебра они никакихъ не дѣлаютъ; они считаютъ это недостойнымъ людей нравственно-высокихъ. Напротивъ, эти металлы находятся у нихъ даже въ какомъ-то пренебреженіи. Если они употребляютъ ихъ, то только на вещи, которыми щеголять нельзя, напримѣръ, нѣкоторые сосуды (sordidissima quaeque vasa) и цѣпи для рабовъ *. Тѣ рабы, которые осуждены за большія преступленія, ходятъ въ цѣпяхъ, и эти цѣпи непремѣнно золотыя. Изъ этого еще произошелъ курьёзный случай, когда въ первый разъ въ Утопію пріѣхало посольство изъ сосѣдней страны анемолійцевъ. Посольство состояло изъ трехъ важныхъ сановниковъ государства съ многочисленною свитою. Важные сановники были въ парчевой одеждѣ, имѣли золотыя цѣпи на шеѣ, и драгоцѣнныя кольца на рукахъ. И въ этомъ-то видѣ они устроили свой въѣздъ. Утопійцевъ собралось

* 123 и 124.

множество для встрѣчи ихъ; и только немногіе, бывавшіе за границею, поняли, кто въ этомъ посольствѣ играетъ главную роль. Другіе принимали за пословъ самыхъ заднихъ изъ свиты, одѣтыхъ не такъ богато, а пословъ, ѣхавшихъ спереди, приняли за рабовъ, открывающихъ кортежъ. Только — разсуждалъ народъ — удивительно, что анемолійцы дѣлаютъ такія легкія цѣпи для рабовъ; ничего не стоитъ перервать подобную цѣпь; да кажется, ее просто можно снять не разрывая. Между встрѣчавшими было много женщинъ и дѣтей. А надобно замѣтить, что въ Утопіи самыя маленькія дѣти забавляются золотыми вещами; изъ золота имъ дѣлаютъ игрушки; ихъ платье украшаютъ золотомъ. Но какъ скоро дѣти подрастаютъ, они сами не желаютъ больше этихъ украшеній; тамъ эти украшенія составляютъ удѣлъ самаго юнаго возраста. Когда дѣти увидали самаго главнаго сановника, изукрашеннаго золотомъ и драгоцѣнными камнями, то, указывая на него пальцами, они говорили матерямъ: смотрите, вотъ дуракъ-то; еще до сихъ поръ украшаетъ себя, какъ маленькія дѣти. Тише — отвѣчали имъ матери—это вѣроятно шутъ при посольствѣ *. Послѣ того анемолійцы не присылали такихъ блестящихъ посольствъ. Въ самой Утопіи, высшія власти не употребляютъ никакихъ украшеній, хотя и е с т ь н ѣ к о т о р ы е а т т р и б у т ы, о б о з н а ч а ю щ і е и х ъ в л а с т ь. Такъ, барзанъ, выходя на улицу, всегда несетъ въ одной рукѣ маленькій снопокъ пшеницы — знакъ того, что онъ долженъ заботиться о благосостояніи жителей. А когда первосвященникъ выходитъ, то передъ нимъ несутъ восковую свѣчу. Однако никто не обязанъ оказывать какіе-нибудь знаки уваженія этимъ лицамъ. Ихъ обыкновенно всякій встрѣчаетъ съ почтеніемъ; но если кто не захочетъ этого сдѣлать, на это они не претендуютъ.

Такимъ образомъ, золото и серебро утопійцамъ совсѣмъ не нужны. Для чего же они привозятъ его изъ-за границы, для чего у нихъ существуютъ огромные склады золотой и серебряной монеты? — Для войны. Утопійцы тоже ведутъ войны.

---

* Стр. 126.

хотя очень рѣдко. У нихъ есть свои международныя отношенія, есть друзья, союзники, колоніи; бываютъ и враги. Колоніи утопійцевъ находятся на материкѣ, лежащемъ близъ ихъ острова. Выселеніе колонистовъ происходитъ вслѣдствіе увеличенія народонаселенія на островѣ, потому что при утопійскомъ благосостояніи народонаселеніе растетъ очень быстро. Колоніи утопійскія основаны въ странахъ, населенныхъ полудикими племенами, съ которыми утопійцы для этой цѣли входили въ сдѣлки. Но если эти племена отказывались ото всякой сдѣлки, то утопійцы принуждали ихъ силою къ уступкѣ территоріи; объ этомъ дѣлѣ утопійцы разсуждаютъ такимъ образомъ: война, конечно, есть дѣло варварское; но если какой-нибудь народъ, не извлекая никакой пользы изъ земли, на которой онъ живетъ, не позволяетъ и другимъ приложить свой трудъ къ этой землѣ, то эти люди имѣютъ самую законную причину отнять землю силою, потому что они, слѣдуя закону природы, имѣютъ право на то, чтобы поддерживать свою жизнь *.

Друзьями своими утопійцы называютъ тѣ народы, которые живутъ съ ними въ согласіи, а союзниками тѣ, которые берутъ у нихъ себѣ правителей. Слава о мудрости и справедливости утопійцевъ далеко распространилась на близъ лежащемъ материкѣ; вслѣдствіе этого, нѣкоторые народы не хотятъ избирать правителей изъ своей среды, а выбираютъ ихъ между утопійцами. Въ защиту этихъ-то союзниковъ и друзей, утопійцы также ведутъ войны. Вообще, они считаютъ четыре причины за законныя причины для войны. Первую мы уже видѣли; это, когда сосѣди, не воздѣлывая сами земли, не позволяютъ селиться на ней утопійскимъ колоніямъ. Вторая—когда непріятели нападаютъ на нихъ сами. Третья—для защиты друзей и союзниковъ. Четвертая—для защиты какого-нибудь народа отъ его собственныхъ властей утѣснителей **. Но начиная войну, утопійцы всего больше заботятся о томъ, чтобы беречь жизнь своихъ гражданъ. Потому они стараются сначала вести войну посредствомъ наемныхъ войскъ. Средство къ это-

---

* Стр. 112. ** Стр. 162.

му имъ даетъ одинъ народъ, живущій недалеко на материкѣ, въ странѣ чрезвычайно гористой. Народъ этотъ — заполеты, грубые горцы, готовые за деньги сражаться противъ кого угодно. Они чрезвычайно храбры и, несмотря на свою грубость, имѣютъ свои правила чести и строго исполняютъ ихъ; бываетъ, что заполеты нанимаются какъ у той, такъ и у другой воюющей стороны; и въ этомъ случаѣ нетолько заполетъ храбро сражается противъ заполета; но если случится, что съ одной стороны нанялся одинъ братъ, а съ другой—другой, и братья встрѣтятся въ сраженіи, они не избѣгаютъ другъ друга, а ч е с т н о стараются убить одинъ другаго, забывая узы родства. Заполеты очень жадны на деньги; имъ господинъ тотъ, кто дастъ больше денегъ. Но достаточно, чтобы противная сторона предложила имъ большее жалованье, и они оставляютъ прежнихъ нанимателей и переходятъ къ противникамъ. Утопійцы, какъ ни презираютъ заполетовъ, но пользуются ихъ услугами, и если сражаются съ ними вмѣстѣ, то обыкновенно ставятъ ихъ въ самыя опасныя мѣста, и заполеты повидимому на это не претендуютъ . Сами утопійцы не трусы, они только по принципу берегутъ жизнь человѣческую и въ особенности жизнь своихъ гражданъ до послѣдней минуты. Но въ сраженіи они очень храбры, они не уступаютъ даже очевидному превосходству силъ; бывали случаи, что утопійскіе отряды были истребляемы до послѣдняго человѣка, а въ бѣгство не обращались. Храбрости утопійцевъ между прочимъ много способствуетъ то, что каждый утопіецъ нисколько не безпокоится объ участи своего семейства послѣ своей смерти. Всякій увѣренъ, что его жена и дѣти нетолько не останутся безъ крова и куска хлѣба, но будутъ совершенно такъ же обезпечены, какъ и при его жизни **. Впрочемъ, утопійцы сами немного думаютъ о личной храбрости, и н е в ы с о к о ц ѣ н я т ъ п о б ѣ д ы, о д е р ж а н н ы я с ъ б о л ь ш и м ъ

---

* Стр. 168 и 169. Въ заполетахъ очевидно нельзя не узнать швейцарцевъ, которые во время Т. Мора служили у разныхъ государей Европы.

** См. прим. В.

кровопролитіемъ. Но если имъ удастся посредствомъ военныхъ хитростей поставить непріятеля въ невозможность сражаться, то они торжествуютъ эти успѣхи большими народными праздниками. Изъ военныхъ средствъ, употребляемыхъ утопійцами, стоитъ упомянуть объ ихъ «divide et impera». Если на нихъ нападаетъ какой-нибудь ближній государь, и нападаетъ, разумѣется, несправедливо, они стараются прежде всего погубить его личность *. Для этого они подкупаютъ его совѣтниковъ и даже родныхъ, какъ деньгами, такъ и обѣщаніями. Обыкновенно они обѣщаютъ громадныя суммы за голову своего врага, и такъ-какъ они обѣщанія всегда исполняютъ даже съ избыткомъ, то рѣдко имъ не приходится имѣть успѣхъ въ этомъ дѣлѣ. Если же государь имѣетъ родственниковъ, претендующихъ на престолъ, то утопійцы поддерживаютъ эти претензіи и такимъ образомъ большею частію достигаютъ своихъ цѣлей безъ войны. Письменныхъ трактатовъ по окончаніи войны утопійцы не заключаютъ; потому что они уже убѣдились, что такіе трактаты имѣютъ силу только до тѣхъ поръ, пока какая нибудь изъ договаривавшихся сторонъ не захочетъ нарушить ихъ; потому утопійцы находятъ ихъ совершенно безполезными. Замѣтимъ, что при этомъ случаѣ Т. Моръ дѣлаетъ очень тонкую и язвительную иронію на вѣроломство, съ какимъ нарушались трактаты въ его время; при этомъ онъ не дѣлаетъ пощады и святому—престолу, чего отъ добраго католика можно бы и не ожидать **.

Религія въ Утопіи не одна; тамъ есть люди, обоготворяющіе силы природы и поклоняющіеся имъ подъ видомъ солнца или луны или одной изъ планетъ. Большинство, и притомъ образованнѣйшая часть народа, слѣдуетъ религіи чистаго раціо-

---

* Стр. 165.

** «Въ Европѣ, говоритъ иронически Т. Моръ, и особенно въ тѣхъ ея частяхъ, гдѣ господствуетъ христіанская вѣра, достоинство трактатовъ священно и неприкосновенно, отчасти вслѣдствіе собственной справедливости государей, отчасти вслѣдствіе уваженія и страха передъ папами, которые и сами съ религіознымъ уваженіемъ исполняютъ свои обязательства и требуютъ того же ото всѣхъ государей». Стр. 160.

нализма; они принимаютъ Бога, творца вселенной и человѣка, Бога невидимаго, вѣчнаго и непостижимаго, далеко превосходящаго человѣческое пониманіе, котораго они называютъ Миѳрою (Mythram). *. Свобода совѣсти у нихъ полная; всякій исповѣдуетъ такую религію, какую самъ находитъ справедливою. Гиѳлодею удалось даже многихъ обратить въ христіанство и окрестить; и новообращенные оказались даже слишкомъ ревностными христіанами, такъ что одинъ изъ нихъ, не обращая вниманія на совѣты Гиѳлодея, съ такою ревностью не по разуму принялся за дѣло, что въ своей проповѣди оскорбилъ гражданъ, предавая ихъ сатанѣ и описывая имъ тѣ мученія, которыя они непремѣнно заслужатъ, если останутся при своей прежней вѣрѣ. За это онъ былъ арестованъ и потомъ осужденъ на изгнаніе **. Въ Утопіи издавна существуетъ законъ, который, позволяя распространять свои мнѣнія, строго запрещаетъ при этомъ дѣлать оскорбленія или насилія противнику, неподдающемуся на чужія доказательства; несоблюдающихъ этотъ законъ осуждаютъ на изгнаніе или даже на рабство. Свобода совѣсти въ Утопіи имѣетъ только одно исключеніе: тамъ очень не любятъ матеріалистовъ. Ихъ никогда не выбираютъ для отправленія какихъ нибудь должностей; такъ-какъ эти люди не признаютъ въ себѣ особой духовной природы, то утопійцы находятъ, что на совѣсть ихъ нельзя полагаться. Если они не дѣлаютъ зла, то только потому, что боятся закона. А сами они не могутъ имѣть никакой идеи правды или добра; ихъ помыселъ можетъ быть направленъ только на удобства

---

* Стр. 176. Миѳра, какъ извѣстно, персидское названіе Бога и вмѣстѣ съ тѣмъ солнца, которое, по религіи Зороастра, было образомъ Бога во вселенной.

** Очевидно, что утопійцы вмѣстѣ съ Т. Моромъ въ противность протестантамъ и даже католикамъ гораздо меньше цѣнятъ вѣру, чѣмъ добрыя дѣла. Т. Моръ въ письмѣ К. Эгидію съ злою иронією разсказываетъ, что одно духовное лицо узнавши о существованіи Утопіи и воображая, что Утопія есть дѣйствительно существующая земля, хотѣло просить себѣ званія Утопійскаго Епископа съ цѣлію распространенія тамъ католической вѣры, не обращая вниманія на то, что само католичество того времени погрязло въ порокахъ, которыхъ чужда Утопія.

собственнаго тѣла. Впрочемъ, и атеистовъ въ Утопіи не преслѣдуютъ; они живутъ себѣ спокойно и пользуются всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пользуются и другіе граждане. Они могутъ даже высказывать и доказывать свои мнѣнія, но только передъ людьми образованными. А между людьми малоучеными они не смѣютъ распространять своихъ ученій; потому что неразвитые люди не въ состояніи имъ противопоставить серьёзныхъ доказательствъ, между тѣмъ какъ люди образованные, особенно священники, нерѣдко ихъ самихъ возвращаютъ къ религіи. Утопійцы имѣютъ самую живую вѣру въ будущую жизнь; и когда наступаетъ смертный часъ, бо́льшая часть изъ нихъ встрѣчаютъ его съ веселою улыбкою, въ полной и несомнѣнной надеждѣ на скорый переходъ въ лучшую жизнь. Окружающіе смотрятъ на эту улыбку умирающаго съ чрезвычайною радостью; они видятъ въ ней доказательство его вѣры и чистоты совѣсти. Въ такомъ случаѣ они и хоронятъ покойника безъ особой печали, на сколько это возможно. Умершихъ подобною безмятежною и радостною смертью, обыкновенно сожигаютъ на кострахъ, и на мѣстѣ погребенія ставятъ имъ памятники *. Но если человѣкъ умираетъ съ отчаяніемъ, утопійцы смотрятъ на эту картину съ ужасомъ. Покойника несутъ на кладбище съ угрюмыми и мрачными лицами, и его не сожигаютъ, а засыпаютъ землею, и при этомъ горячо молятся, чтобы Богъ простилъ покойнику его согрѣшенія. Для молитвъ и вообще для богослуженія въ Утопіи построены обширные, но полутемные храмы. Утопійцы разсуждаютъ, что темнота лучше настроиваетъ душу къ помысламъ неземнымъ **. Богослуженіе совершаютъ священники, которые не обязаны оставаться въ безбрачіи; бракъ не считается препятствіемъ къ отправленію богослуженія. Мало того, въ Утопіи даже женщины бываютъ священниками, но не иначе, какъ вдовы и старухи. Безъ сомнѣнія, это послѣднее условіе опредѣляется тѣми соображеніями, которыя въ общихъ столовыхъ назначили такое мѣсто женщинамъ, чтобы онѣ удобно могли выходить изъ-за стола

---

* Стр. 182. ** См. прил. Д.

въ случаѣ дурноты. Очевидно, утопійцы болѣе увѣрены за старыхъ вдовъ въ томъ, что съ ними не сдѣлается дурнота. Есть однако и между утопійцами люди, которые обрекаютъ себя на безбрачіе: это религіозная секта бутресковъ, которые кромѣ того отказываются и отъ употребленія мясной, а иногда даже и всякой животной пищи *. Эти люди говорятъ, что изнуреніе тѣла возвышаетъ душу. Утопійцы очень почитаютъ этихъ людей, но не вполнѣ согласны съ ними. Жениться, по ихъ мнѣнію, люди даже обязаны, чтобы доставить отечеству будущее поколѣніе гражданъ. А относительно возвышенія души, они придерживаются классическаго: «sit mens sana in corpore sano».

Вотъ все, что содержится въ книгѣ Т. Мора о лучшемъ устройствѣ государства и о новооткрытомъ островѣ Утопіи. Мы старались взять изъ нея все существенное и изложили взятое по возможности близко къ подлиннику. Порядокъ Т. Мора мы нерѣдко измѣняли, потому что, судя по всему, книга Т. Мора написана наскоро и потому въ своемъ изложеніи онъ не держался порядка, указываемаго самимъ предметомъ и его частями. Извѣстія касательно однѣхъ и тѣхъ же сторонъ утопійской жизни у него нерѣдко разбросаны по разнымъ частямъ книги; въ такомъ случаѣ мы ихъ собирали и помѣщали въ одномъ мѣстѣ. Объемъ этого труда не позволяетъ намъ изложить нѣкоторыя особенности утопійской жизни со всѣми ихъ подробностями; въ подлинникѣ онѣ нарисованы ярче и больше поражаютъ воображеніе читателя. Такъ, Т. Моръ съ подробностями разсказываетъ, какъ въ утопійскихъ храмахъ совершаются богослуженіе, какъ сжигаютъ покойниковъ, какъ утопійцы сражаются. Но эти картины, увеличивая литературное достоинство труда, не измѣняютъ и не дополняютъ сущности всей системы. Кромѣ того, Т. Моръ поль-

* Стр. 184 и 186.

зуется всякимъ случаемъ, чтобы еще разъ подвергнуть критикѣ современное ему положеніе Европы, и дѣлаетъ это съ большимъ остроуміемъ и довольно пространно. Такъ, онъ очень хорошо представляетъ жалкое положеніе европейскихъ рабочихъ, трудящихся бо́льшую часть дня и вознагражденныхъ за это сырымъ угломъ, да черствымъ кускомъ хлѣба *; онъ чрезвычайно ѣдко вооружается противъ вѣроломства европейскихъ государей, противъ моды, противъ поклоненія золотому тельцу, противъ охоты, весьма энергически защищаетъ обычай утопійцевъ, напоминающій первобытное состояніе человѣка. Но и это все, очевидно, не относится къ сущности его системы.

Въ сочиненіи Т. Мора очень ясно и по внѣшности и по содержанію различаются двѣ части, одна критическая, гдѣ онъ разсматриваетъ характеръ и достоинства современнаго ему экономическаго, политическаго и нравственнаго состоянія Европы, другая законоположительная, гдѣ онъ излагаетъ свои мысли касательно лучшаго соціальнаго порядка.

Разсматривая современное состояніе Европы, Т. Моръ недоволенъ очень многимъ: прежде всего онъ недоволенъ политикою современныхъ ему государей, которые вели почти постоянныя войны съ завоевательными цѣлями. — Онъ недоволенъ тѣмъ, что при дворахъ европейскихъ государей, въ ихъ совѣтахъ царствовали лесть, интриги, неправда; онъ недоволенъ духовенствомъ, недумавшимъ о нравственности ввѣренной ему паствы, а думавшимъ только о своихъ выгодахъ; недоволенъ братствами нищенствующихъ орденовъ, забывшихъ свое назначеніе; недоволенъ роскошью и суетностью дворянства; недоволенъ всеобщимъ развратомъ; его возмущаютъ десятки тысячъ нищихъ, бродягъ и воровъ, поставленныхъ въ свое положеніе почти необходимостью. — Всѣ эти явленія такого рода, что ими никакой моралистъ не можетъ быть доволенъ; всѣ они уже осуждены исторіею. Правда, они только осуждены, а еще не исчезли съ лица земли, но уже значи-

* См. прил. Е.

тельно сократились. Возьмемъ напр. Англію, которая была главнымъ мѣстомъ соціальныхъ наблюденій Т. Мора. Большая часть золъ, указанныхъ имъ, въ Англіи или совсѣмъ не существуетъ или существуетъ въ слабой степени. Англійскіе государи не отличаются страстью къ завоеваніямъ; парламентъ тоже отличается миролюбіемъ; совѣтники государя, т. е. люди, управляющіе страною, принадлежатъ къ честнѣйшимъ и способнѣйшимъ людямъ въ цѣлой странѣ; духовенство, и не одно оно, а вся страна, дѣлаетъ большія усилія и пожертвованія для распространенія религіозно-нравственнаго образованія въ народѣ. Англійское дворянство не таскаетъ за собою толпы слугъ; извѣстно, что оно служитъ странѣ и служитъ такъ, что по справедливости ставится въ образецъ дворянствамъ другихъ странъ. — Воровъ тамъ въ настоящее время уже не вѣшаютъ; и вообще въ законахъ страны постоянно вводятся улучшенія, дѣлающія ихъ болѣе и болѣе гуманными и справедливыми. Правда, и Англія далеко не избавилась ото всѣхъ золъ, указанныхъ Т. Моромъ; и мы совсѣмъ не расположены скрывать или ослаблять значеніе язвы англійскаго пролетаріата. Но Англія еще не остановилась въ улучшеніи своего общественнаго быта. А съ другой стороны, свободна ли отъ этого или близкаго къ этому зла и сама Утопія, та страна, которую Т. Моръ рисуетъ, какъ идеалъ общественнаго устройства? Правда, въ Утопіи пролетаріата нѣтъ; она не такъ устроена, чтобы въ ней могъ образоваться пролетаріатъ. Но въ ней онъ является подъ формою другаго зла, нисколько не меньшаго, а даже бо̀льшаго и притомъ такого, которое въ исторіи народовъ является раньше, чѣмъ пролетаріатъ. Это зло есть рабство. Утопійцы, какъ мы уже замѣтили, очень послушны и мягки, но и они не всегда выносятъ порядки утопійскіе, не смотря на то, что за это попадаютъ въ рабство. Рабы въ Утопіи употребляются для исполненія разныхъ тяжелыхъ и грязныхъ работъ, и они существуютъ какъ въ городахъ, такъ и на фермахъ. На фермахъ при каждомъ семействѣ два раба; если столько же при каждомъ семействѣ городскомъ, то общее число рабовъ во всей Утопіи должно простираться до 648.000

(6.000 × 2 × 54). Количество весьма значительное. Всѣ эти рабы попадаютъ въ рабство или изъ гражданъ-преступниковъ, т.-е. недовольныхъ утопійскою системою, или изъ иностранцевъ, сдѣлавшихся рабами добровольно, или иностранцевъ-преступниковъ. Очень жаль, что мы не можемъ опредѣлить относительнаго количества тѣхъ и другихъ. Но во всякомъ случаѣ большая или меньшая часть рабовъ должна принадлежать къ гражданамъ, потерявшимъ права за преступленія, т.-е. недовольнымъ утопійскими порядками. И не надобно забывать, что, не смотря на перспективу свободы впереди, эти рабы не всегда исправляются, а иногда возмущаются, за что и бываютъ убиваемы, какъ дикіе звѣри. Жаль, что Р. Гиѳлодей не изложилъ мыслей и чувствъ утопійскихъ рабовъ, поступившихъ въ это состояніе изъ гражданъ, касательно соціальной системы, господствующей въ Утопіи. Любопытно бы послушать, что говорятъ объ ней эти люди, которые сначала рискуютъ своею свободою, а потомъ, потерявши свободу и имѣя даже въ перспективѣ возвращеніе ея, все-таки опять рѣшаются на рискъ быть убитыми подобно дикимъ звѣрямъ! Что-нибудь въ утопійскихъ порядкахъ есть такое, что̀ не миритъ нѣкоторыхъ гражданъ съ ними, что̀ ихъ тѣснитъ, давитъ, такъ что они ищутъ всякими средствами выхода изъ этого порядка. Въ самомъ дѣлѣ, система, описанная Т. Моромъ, не удовлетворитъ природѣ человѣка: человѣку, особенно мало-мальски развитому, нуженъ просторъ, свобода дѣятельности, свобода жизни. А у Т. Мора человѣкъ лишенъ всего этого; онъ низведенъ на степень муравья или пчелы, дѣйствующихъ однообразно и постоянно по влеченію инстинкта, а не по требованію сознающей себя всесторонней природы человѣка. Собственная инициатива человѣка не имѣетъ для себя мѣста въ Утопіи; здѣсь почти невозможно проявленіе какихъ-нибудь высшихъ способностей человѣка. Идеалъ утопійскаго гражданина въ посредственности, въ терпѣливомъ исполненіи принятаго на себя механическаго дѣйствія; но, конечно, не то назначеніе человѣка; это скорѣе назначеніе одного рычага или колеса въ машинѣ. И никакіе законы не передѣлаютъ природу человѣка

такъ, чтобы онъ былъ удовлетворенъ подобнымъ назначеніемъ, подобною дѣятельностью. Неудивительно, что въ Утопіи оказываются недовольные тамошними порядкими; и неудивительно, что утопійскіе законы ограничиваютъ право гражданъ бесѣдовать между собою о дѣлахъ общественныхъ. Это ограниченіе говоритъ много; и само въ себѣ оно болѣе, нежели странно; цѣли своей оно достигнуть не можетъ; заговорщики, которые захотѣли бы измѣнить порядокъ государства въ свою пользу, съумѣютъ согласиться между собою не подавая виду другимъ гражданамъ. А другихъ гражданъ въ защитѣ своей конституціи этотъ законъ стѣснитъ. Но кромѣ того, всякая конституція, какъ произведеніе ума человѣческаго, вызванное извѣстными обстоятельствами и потребностями, сама должна измѣняться вмѣстѣ съ измѣненіемъ потребностей и обстоятельствъ. Безъ этого невозможенъ никакой прогрессъ; безъ этого возможны — или китайская неподвижность, или вѣчное осадное положеніе въ государствѣ, вѣчное стояніе гражданъ другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ и, разумѣется, при первой возможности война, то-есть революція. А въ Утопіи этотъ странный законъ очень строгъ; неисполненіе его влечетъ за собою неминуемую смертную казнь. Еслибы этотъ законъ существовалъ въ Европѣ, то три четверти ея жителей подлежали бы смертной казни. Но въ Европѣ именно то и хорошо, что подобныхъ законовъ нигдѣ нѣтъ, что разсужденія объ общественныхъ дѣлахъ не запрещаются. Это даетъ возможность гражданамъ знать и понимать собственныя свои дѣла и, при случаѣ, дѣйствовать сообразно съ этимъ пониманіемъ. И всѣмъ извѣстно, что въ Европѣ успѣхи въ общественной жизни вѣрнѣе у тѣхъ народовъ, гдѣ право общественныхъ совѣщаній ничѣмъ не ограничено, какъ въ Англіи. А гдѣ правительство имѣетъ особенныя цѣли, кромѣ народнаго благосостоянія, тамъ оно всячески стѣсняетъ подобныя совѣщанія гражданъ, какъ во Франціи. И такого рода стѣсненіе служитъ вѣрнымъ признакомъ, что въ организаціи государства есть что-нибудь неудовлетворяющее гражданъ. Такое значеніе безъ сомнѣнія оно имѣетъ и въ Утопіи; и можно думать, что

недовольство гражданъ тамъ очень сильно наперекоръ тому, что говоритъ Т. Моръ; иначе не было бы надобности удерживать народъ отъ совѣщаній столь строгою мѣрою, какъ смертная казнь. И опять любопытно было бы послушать утопійскихъ гражданъ, только ради смертнаго страха удерживающихся отъ разсужденія объ общественныхъ дѣлахъ: что сказали бы они о своихъ порядкахъ, довольны ли они ими? — То же значеніе имѣетъ и утопійская система паспортовъ; почти вся Европа уже отказалась отъ нихъ. А образецъ государства, начерченный Т. Моромъ, строго придерживается системы паспортовъ. И даже тамошній паспортъ не есть простое удостовѣреніе личности; онъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ позволеніе начальства, безъ котораго человѣкъ не можетъ пуститься въ путь. Между тѣмъ, такая система необходимо вытекаетъ изъ общаго порядка страны. Гдѣ свобода человѣка стѣснена, гдѣ, хоть 6 часовъ въ сутки, но все-таки онъ обязанъ заниматься тѣмъ, а не другимъ, гдѣ его трудъ имѣетъ непосредственное вліяніе не на его благосостояніе, а на благосостояніе цѣлаго общества, тамъ общество имѣетъ право ревниво наблюдать каждый шагъ человѣка. И въ этомъ случаѣ, надобно отдать справедливость послѣдовательности Т. Мора; онъ очень хорошо понялъ, что при изложенной имъ системѣ жизни, необходимо человѣку позволеніе начальства для всякаго, даже незначительнаго дѣла, если оно хоть сколько-нибудь выбивается изъ ежедневной, заранѣе опредѣленной для всякаго колеи. Безъ этого нашлось бы много охотниковъ избавиться даже отъ шестичасовой работы и предпочесть ей странствованіе по полямъ и лугамъ счастливой родины, особенно если подобный странствователь находитъ вездѣ готовые и столъ и домъ. Строгость наказанія (обращеніе въ рабство) за вторичное покушеніе къ путешествію безъ позволенія начальства, несомнѣннымъ образомъ подтверждаетъ эту мысль Очевидно, въ Утопіи случается очень нерѣдко, что начальство не позволяетъ гражданамъ путешествовать, что волею-неволею они должны оставаться дома и работать. И еще разъ повторимъ: опять у этихъ гражданъ слѣдуетъ спросить, довольны ли они своею жизнью, своею невольною рабо-

тою, и можно ли ожидать, чтобъ такая работа была производительна? Т. Моръ на эти вопросы отвѣчаетъ утвердительно, но мы имѣемъ полное право не признавать счастливою жизнь взрослыхъ людей, подверженныхъ такимъ стѣсненіямъ; мы знаемъ кромѣ того, что невольный трудъ производительностью не отличается. Т. Моръ писалъ свою книгу, когда экономическіе законы были плохо извѣстны самымъ образованнымъ людямъ. А въ наше время многія въ то время неизвѣстныя истины политической экономіи получили характеръ несомнѣнности, недопускающей сомнѣнія. Такъ мы знаемъ, что обязательный трудъ непроизводителенъ, по крайней мѣрѣ непроизводителенъ безъ помощи плантаторскаго бича. И потому всѣ эти разсказы о чрезмѣрномъ изобиліи въ Утопіи могутъ имѣть мѣсто только въ романѣ. въ идилліи; дѣйствительность, опытъ отвергаютъ ихъ.

Впрочемъ, не одни недостатки представляетъ соціальная система Т. Мора. Утопія конечно ничто иное, какъ мечта, но это мечта человѣка высокой нравственности, у котораго достоинство человѣка не только не забыто, но очевидно стоитъ на первомъ планѣ. Описанное имъ общество отличается честностью, великодушіемъ, справедливостью, отсутствіемъ суетности, вѣроломства, лести, разврата. Почти всѣ подробности утопійской жизни, разсказанныя Т. Моромъ, носятъ именно этотъ высокій нравственный характеръ. Укажемъ на нѣкоторыя въ особенности достойныя уваженія правила утопійцевъ. Въ Утопіи прежде всего заботою государства пользуются больные и слабые: для нихъ лучшее въ странѣ помѣщеніе, лучшая пища и всевозможныя заботы согражданъ; и все это не на показъ, не для хвастовства, а дѣйствительно для нихъ, для облегченія ихъ страданій.—Въ Утопіи семейства убитыхъ на сраженіи воиновъ послѣ смерти ихъ пользуются такимъ благосостояніемъ, которое въ матеріальномъ отношеніи не позволяетъ имъ нисколько чувствовать понесенную потерю. Такова мечта или, вѣрнѣе—желаніе Т. Мора; правда, онъ предлагаетъ для исполненія его средства въ коммунизмѣ; но очевидно оно

можетъ быть исполнено и безъ коммунизма *. И въ этомъ случаѣ, равно какъ и въ большинствѣ другихъ, критика европейскихъ порядковъ со стороны Т. Мора, оказывается построенною на началахъ самой высокой нравственности, самой высокой справедливости. Обратимъ вниманіе еще на бракъ по понятіямъ Т Мора. Нельзя не относиться съ самымъ большимъ уваженіемъ къ этому идеалу крѣпкаго супружескаго союза, основаннаго на человѣческой, но все-таки высоко-нравственной любви, на взаимномъ уваженіи, на раздѣленіи бремени семейной жизни между супругами. Супружеская вѣрность есть необходимое слѣдствіе такого союза. И можно сказать, что рисуя свой идеалъ супружества, Т. Моръ не ушелъ даже впередъ, а отсталъ сравнительно съ нынѣшними понятіями, потому что европейская цивилизація настолько выработала уравненіе правъ между мужчиною и женщиною, что женщина уже не служитъ мужчинѣ; напротивъ, если не въ серьезныхъ дѣлахъ, то по крайней мѣрѣ въ мелочахъ и пустякахъ все-таки мужчина служитъ женщинѣ; и наконецъ, европейскій мужъ уже не наказываетъ свою жену, какъ желаетъ Т. Моръ. Очевидно, что понятія Т. Мора о бракѣ если должны быть осуждены за что-нибудь, то никакъ не за нравственную распущенность, не за поощреніе разврата, чѣмъ обыкновенно отличаются другіе коммунисты.

Сдѣлаемъ еще одно общее замѣчаніе объ утопійской системѣ вообще, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Мы видѣли, какъ строги утопійскіе законы, наказывающіе за такія дѣйствія, которыя въ Европѣ не считаются совсѣмъ ни преступленіями, ни проступками; мы видѣли, что въ Утопіи существуютъ рабы, обращенные въ это состояніе изъ полноправныхъ гражданъ, и знаемъ, что все это значитъ. Но не забудемъ, что утопійская система господствовала уже 1700 лѣтъ до времени посѣщенія Утопіи Гиѳлодеемъ. Почему же она не успѣла привести народъ посредствомъ воспитанія и образа жизни въ такое состояніе, чтобы не было въ средѣ его недо-

* Такой законъ былъ введенъ въ Аѳинахъ въ V вѣкѣ до Р. Х.

вольныхъ и преступниковъ? почему послѣ 1700-лѣтняго существованія этой системы, нѣкоторая часть народа утопійскаго обращена въ рабство? Можно съ несомнѣнною увѣренностью утверждать, что при господствѣ тѣхъ нравственныхъ и религіозныхъ принциповъ, которые существуютъ въ Утопіи, но безъ принципа коммунизма, тѣ же самые утопійцы достигли бы гораздо бо̀льшихъ успѣховъ на пути цивилизаціи и благосостоянія впродолженіе 1700 лѣтъ, и могли бы совсѣмъ уничтожить у себя нетолько смертную казнь, но и рабство за преступленія; и все-таки число преступленій не было бы велико. Повидимому и Т. Моръ сначала хотѣлъ обойтись безъ смертной казни въ Утопіи; по крайней-мѣрѣ въ первой части книги онъ осудилъ ее очень строго; а начавши излагать утопійскую систему, увидѣлъ, что даже въ романѣ, построенномъ на коммунизмѣ, гдѣ самъ авторъ былъ полнымъ господиномъ началъ и фактовъ, ему трудно обойтись безъ смертной казни. Еще разъ честь ему за послѣдовательность.

Если мы сравнимъ съ утопійскимъ прогрессомъ даже нашъ небыстрый европейскій прогрессъ, то найдемъ, *что онъ все-таки быстрѣе утопійскаго*. Мы уже сказали, что Англія избавилась отъ многихъ золъ, указанныхъ Т. Моромъ. Между тѣмъ послѣ изданія Утопіи прошло только 350, а не 1700 лѣтъ. И въ эти 350 въ Англіи господство закона и справедливости далеко не всегда имѣло мѣсто и не было всеобщимъ, слѣдовательно самыя лучшія начинанія встрѣчали препятствія не только въ обыкновенной инерціи самой жизни, настроенной извѣстнымъ образомъ, но и въ посторонныхъ обстоятельствахъ, въ своекорыстномъ и недобросовѣстномъ противодѣйствіи лицъ заинтересованныхъ, противъ котораго законъ былъ безсиленъ. И не смотря на то, успѣхи общественной жизни, сдѣланные въ эти 350 лѣтъ, дѣйствительно громадны. Англію при Генрихѣ VIII и при королевѣ Викторіи нельзя и сравнивать ни въ какомъ отношеніи. Сама судьба Т. Мора, совершенно невозможная для современной Англіи, достаточно доказываетъ это. Но чему Англія обязана этимъ? — Безъ сомнѣнія не коммунизму, а практичности, здравому смыслу ея жителей, старав-

шихся лечить общественныя раны ближайшими, но вѣрными средствами, а не тѣми, которыя представляются въ облакахъ, которыя указываются не здравымъ смысломъ, основаннымъ на опытѣ, а воображеніемъ, оторвавшимся отъ дѣйствительной жизни. Вскорѣ послѣ изданія Утопіи, въ Англіи начались волненія сначала религіозныя, а потомъ политическія. Но замѣчательно, что во время самыхъ сильныхъ волненій, когда торжествующая крайняя партія получила полную побѣду, и устроила государство по своимъ воззрѣніямъ, принципъ собственности не подвергался нападеніямъ. Да и новое государственное устройство представляло болѣе перемѣну лицъ и именъ, нежели перемѣну вещей. Король былъ замѣненъ протекторомъ, а парламентъ продолжалъ существовать попрежнему, только въ другомъ составѣ. Правительство продолжало внѣшнюю и внутреннюю политику лучшихъ изъ правительствъ предшествовавшихъ, и теченіе народной жизни шло своимъ чередомъ. — Утопія Т. Мора для англичанъ осталась литературнымъ упражненіемъ; передѣлывать свою жизнь по этому образцу они никогда не покушались. — Да нѣтъ сомнѣнія, что и самъ Т. Моръ не имѣлъ этого въ виду; недаромъ онъ назвалъ свой новооткрытый островъ Утопіею, безмѣстною страною, такою, которой на землѣ нѣтъ мѣста, да и быть не можетъ, отъ οὐ и τοπος, а мореплаватель, открывшій его, называется Гиѳлодей, шутникъ, мастеръ на выдумки, отъ ὕθλος и δαιος *.

Есть нѣсколько другихъ соображеній, непозволяющихъ думать, чтобы Т. Моръ представлялъ себѣ идеалъ общественной жизни со всѣми безъ исключенія принципами и подробностями, существующими въ Утопіи, и между прочимъ съ коммунизмомъ, несмотря даже на всю неопредѣленность, неразработанность экономическихъ понятій въ его время. Во-первыхъ онъ и начинаетъ и оканчиваетъ свой разсказъ объ Утопіи возра-

* И другія утопійскія имена имѣютъ смыслъ, также указывающій на фантастическій характеръ Утопіи; глава государства называется Адемъ, — безнародный, отъ α и, δῆμος главный городъ Амовротумъ отъ ἀμαυρος, темный неизвѣстно гдѣ находящійся, рѣка Анидръ, безводная отъ α и ὕδωρ.

женіями Рафаэлю Гиѳлодею и именно касательно утопійскихъ взглядовъ на собственность, и прямо говоритъ, что желалъ бы введенія въ Европѣ м н о г а г о, а не всего, что существуетъ въ Утопіи (См. прил. Ж). Во-вторыхъ мы видѣли, какъ строгъ Т. Моръ къ самому себѣ Мы видѣли, что сильнымъ міра въ ихъ слабостяхъ онъ не угождалъ, не допускалъ ни малѣйшаго уклоненія отъ предписаній своей чистой совѣсти, не хотѣлъ признать короля главою Церкви, а парламентъ—судьею въ дѣлахъ вѣры, хотя это привело его на эшафотъ.—Послѣ изданія Утопіи онъ прожилъ еще почти 20 лѣтъ; и если бы онъ дѣйствительно считалъ коммунизмъ средствомъ противъ всѣхъ общественныхъ золъ, то онъ не могъ остановиться на столь неопредѣленномъ доказательствѣ своей мысли, какъ разсказъ Гиѳлодея. Его долгъ состоялъ въ дальнѣйшемъ развитіи и подтвержденіи своей мысли; и никакія бѣдствія въ перспективѣ не отклонили бы его отъ исполненія этого долга. Между тѣмъ впродолженіе 20 лѣтъ онъ не сдѣлалъ ничего съ этою цѣлью. Наконецъ извѣстно, что Т. Моръ былъ образцомъ всѣхъ добродѣтелей; это былъ гуманнѣйшій человѣкъ своего времени. Противъ жестокихъ казней, превышающихъ преступность дѣйствій, онъ прямо высказался въ первой части книги. А въ Утопіи онъ допустилъ дѣйствительную жестокость наказаній и даже смертную казнь за такія преступленія, которыя и въ глазахъ людей менѣе гуманныхъ не заслуживаютъ этого. Конечно нехорошо оскорблять женщинъ нѣкоторыми нескромными предложеніями, но и сами оскорбляемыя въ такихъ случаяхъ едва-ли потребуютъ смертной казни оскорбителямъ, тѣмъ болѣе, что съ философской точки зрѣнія всякій подобный оскорбитель болѣе оскорбляетъ, т. е. унижаетъ себя, чѣмъ того, на кого направлено оскорбленіе. Конечно, всякій долженъ повиноваться законнымъ властямъ, и въ Утопіи всякій долженъ исполнять свой долгъ относительно отечества, хотя и тяжело работать противъ своего желанія; но тѣмъ не менѣе жестоко обращать въ рабство человѣка, который будучи нравственно утомленъ и можетъ быть измученъ этою невольною работою, позволитъ себѣ хотя бы и въ другой разъ уклониться отъ

нея и не превозможетъ своего влеченія подышать другимъ воздухомъ, обновить свои силы другими впечатлѣніями. И еще болѣе жестоко, обративши такого человѣка въ рабство и видя съ его стороны новую непокорность деспотизму общества, порабощающаго не только его тѣло, но и духъ, убить его, какъ дикаго звѣря. Это имѣло мѣсто въ Спартѣ, въ Римѣ, но это осуждается всѣми цивилизованными народами. Очевидно, Т. Моръ не могъ серьезно желать такого порядка вещей для Европы. Не могъ безъ сомнѣнія онъ желать и того, чтобъ граждане не разсуждали между собою объ общественныхъ дѣлахъ иначе, какъ въ общественномъ собраніи, и чтобы нарушители этого правила подвергались смертной казни; не могъ онъ желать, чтобъ жены служили мужьямъ и были ими наказываемы, и т. п.

Все это показываетъ, что не всѣ утопійскіе порядки составляютъ идеалъ Т. Мора. Его идеалъ заключается въ нравственномъ достоинствѣ и независимости человѣка, въ справедливости и гуманности человѣческихъ отношеній и безъ сомнѣнія въ экономическомъ благосостояніи. Но этого благосостоянія онъ не могъ представлять себѣ подъ видомъ коммунизма, который въ его собственномъ изображеніи оказывается несогласнымъ съ его же собственнымъ идеаломъ и между прочимъ съ тѣмъ принципомъ, къ которому уваженіе свое Т. Моръ доказалъ и запечатлѣлъ своею кровью.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

Какимъ образомъ Томасъ Моръ познакомился съ Гиолодесмъ, путешественникомъ, открывшимъ Утопію. (Начало книги. 35).

Недавно непобѣдимый король Англіи Генрихъ восьмой этого имени, украшенный всѣми достоинствами лучшаго государя, послалъ меня во Фландрію въ товариществѣ съ достопочтеннымъ мужемъ Кутбертомъ Тунсталомъ для рѣшенія недоразумѣній, возникшихъ у него съ государемъ Кастиліи—Карломъ;—мы должны были ѣхать въ Брюгге, куда раньше насъ явились послы Карла. Это были люди весьма достойные уваженія. Во главѣ ихъ стоялъ губернаторъ города Брюгге. Но душею всего дѣла былъ Георгій Темсицій начальникъ кассилетанскій, который, обладая природнымъ ораторскимъ талантомъ, отличался кромѣ того большою ученостью, преимущественно знаніемъ юриспруденціи. — Впродолженіе двухъ засѣданій мы не могли согласиться съ уполномоченными Карла относительно нѣкоторыхъ пунктовъ; потому они отправились въ Брюссель, чтобы узнать мнѣніе своего государя. А я тѣмъ временемъ отправился въ Антверпенъ. Здѣсь я имѣлъ случай увидѣть, кромѣ многихъ другихъ лицъ, одного молодаго человѣка Петра Эгидія, антверпенскаго уроженца, отличающагося честностію и большою ученостью.

Однажды я пошелъ въ храмъ Богородицы, отличающійся великимъ благолѣпіемъ и пользующійся большимъ уваженіемъ со стороны народа. Послѣ службы я хотѣлъ уже возвратиться домой, когда увидѣлъ здѣсь Эгидія, который разговаривалъ съ какимъ-то иностранцемъ; собесѣдникъ Эгидія имѣлъ загорѣлое лицо, длинную бороду и, судя по всему, казался моряком. Увидавши меня, Петръ Эгидій подошелъ ко мнѣ и, указывая на своего собесѣдника, сказалъ: видите ли вы этого человѣка? я хотѣлъ его привести къ вамъ.—Мнѣ было бы пріятно,

отвѣчалъ я, если бы онъ пришелъ вмѣстѣ съ вами. — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: этотъ человѣкъ можетъ вамъ доставить много удовольствія и самъ по себѣ, потому что нѣтъ въ мірѣ человѣка, который могъ бы разсказать столько исторій о людяхъ и неизвѣстныхъ земляхъ, какъ онъ. — Итакъ я не ошибся, принявъ его за моряка, сказалъ я. — Только это не Палинуръ, отвѣчавъ Эгидій: это Улиссъ и, если хотите — то Платонъ. Этотъ человѣкъ называется Рафаэль, по фамиліи Гиелодей; онъ знаетъ латинскій языкъ, но еще лучше греческій, потому что онъ весь преданъ философіи. Онъ родомъ португалецъ и, желая ознакомиться съ различными странами, онъ присоединился къ Америку Веспуцію и былъ его спутникомъ въ послѣднихъ трехъ его путешествіяхъ, но не возвратился съ нимъ изъ послѣдняго путешествія. Послѣ этого разсказа Петра, я поблагодарилъ его за то, что онъ хотѣлъ доставить мнѣ удовольствіе знакомства съ этимъ человѣкомъ. Тогда я и Рафаэль раскланялись другъ съ другомъ, сказали нѣсколько словъ, которыя обыкновенно говорятся въ такихъ случаяхъ, и прямо отправились ко мнѣ въ домъ, гдѣ, усѣвшись въ саду на скамейкахъ, начали нашу бесѣду. Рафаэль разсказалъ намъ, какъ послѣ отъѣзда Веспуція онъ и его товарищи, оставшіеся въ Кастиліи, начали мало по малу дружиться съ народами этихъ странъ.

Б.

Географія Утопіи и ея учрежденія. (93)

Островъ Утопія имѣетъ 54 города большіе и великолѣпные; языкъ, нравы, учрежденія и законы вездѣ одни и тѣ же и жизнь однихъ городовъ походитъ на жизнь городовъ другихъ. Ближайшіе города отстоятъ другъ отъ друга на 24.000 шаговъ. И вообще въ самые отдаленные города можно придти въ одинъ день пути. Изъ каждаго города три гражданина, почтенные своею старостью и опытностью, ежегодно собираются въ Амауротумъ для совѣщанія о дѣлахъ, касающихся всего острова. Этотъ городъ находится въ самой срединѣ страны, вслѣдствіе чего онъ очень удобенъ для посылки туда депутатовъ; и потому онъ считается первымъ городомъ и столицею. Земли между городами распредѣлены съ такимъ удобствомъ, что каждый городъ имѣетъ вокругъ себя полей на 20.000 шаговъ. Нѣкоторые города тамъ, гдѣ народонаселеніе рѣже, имѣютъ даже больше. И никакому городу не можетъ придти на мысль увеличить свое владѣніе, потому что жители смотрятъ не себя не какъ на владѣльцевъ, а только какъ на земледѣльцевъ. Они имѣютъ въ поляхъ дома удобно

расположенные и снабженные земледѣльческими инструментами. Въ нихъ граждане живутъ по очереди. И всякое деревенское семейство состоитъ не менѣе, какъ изъ 40 человѣкъ мужчинъ и женщинъ, кромѣ двухъ рабовъ, находящихся при каждомъ семействѣ. Для каждаго семейства назначаются (praeficiuntur) отецъ и мать семейства; а надъ каждыми 30 семействами назначается одинъ филархъ. Изъ каждаго семейства ежегодно 20 человѣкъ возвращаются въ городъ, именно тѣ, которые прожили два года въ деревнѣ; и на мѣсто ихъ изъ города присылаются новые 20 человѣкъ, которые сначала учатся земледѣлію отъ тѣхъ, которые уже годъ пробыли въ деревнѣ, а черезъ годъ сами будутъ учить другихъ; это дѣлается для того, чтобы всѣ члены, поступая одновременно въ семейство и не будучи опытны въ земледѣліи, своимъ неискуствомъ не компрометировали ежегоднаго земледѣльческаго производства. Таковъ тамошній обычай раздѣленія земледѣльческихъ трудовъ; между тѣмъ, онъ имѣетъ въ виду то, чтобъ никто не работалъ больше другихъ; несмотря на то, многіе, находя удовольствіе въ сельско-хозяйственныхъ занятіяхъ, добровольно остаются на нѣсколько лѣтъ въ деревняхъ. Земледѣльцы воздѣлываютъ землю, воспитываютъ животныхъ, приготовляютъ лѣсъ и все это сухимъ путемъ или моремъ доставляютъ въ городъ. Они воспитываютъ огромное множество цыплятъ посредствомъ удивительнаго искуства, потому что у нихъ не куры высиживаютъ яица, но великое множество яицъ оживляется посредствомъ искусственной равномѣрной теплоты. И сами люди заботятся о томъ, чтобы вскормить и сберечь цыплятъ, сами ходятъ за ними и знаютъ ихъ подобно матерямъ. Лошадей они разводятъ немного и притомъ такихъ, которыхъ трудно укрощать, и это для того, чтобы юношество могло упражняться, какъ слѣдуетъ, въ верховой ѣздѣ. Для обработки полей и для перевозки тяжестей они употребляютъ быковъ, которые, по ихъ словамъ, хотя уступаютъ лошадямъ въ быстротѣ, но превосходятъ ихъ терпѣніемъ и менѣе подвержены болѣзнямъ; притомъ они требуютъ меньше уходу и меньше издержекъ; наконецъ, послѣ долгихъ трудовъ, они еще могутъ служить человѣку на пищу. Свои посѣвы они употребляютъ исключительно на хлѣбъ, потому что въ питье они употребляютъ или виноградное вино, или вино, сдѣланное изъ яблоковъ и грушъ, или, наконецъ, воду чистую или сваренную съ медомъ и глициризою, которой много въ этой странѣ. Хотя они имѣютъ точныя свѣдѣнія о томъ, сколько жизненныхъ припасовъ нужно для города и для окрестностей, однако они въ бо́льшемъ количествѣ производятъ хлѣбъ и разводятъ скотъ для того, чтобы своими избытками дѣлиться съ сосѣдями,

Но въ чемъ сами они имѣютъ нужду, всякую вещь, всякую мебель, которыя въ деревнѣ не производятся, они получаютъ изъ города и притомъ безъ всякаго обмѣна. Когда приходитъ время жатвы, то филархи заявляютъ городскимъ властямъ число гражданъ, въ которомъ имѣется надобность для уборки хлѣба, и въ назначенный день горожане являются и въ одинъ ясный день убираютъ весь хлѣбъ.

B.

Утопійскія арміи. (170).

Кромѣ наемнаго войска заполетовъ, утопійцы пользуются еще войсками тѣхъ народовъ, которыхъ они защищаютъ, имѣютъ, кромѣ того, вспомогательныя войска, доставляемыя союзниками, и наконецъ, они имѣютъ собственную свою армію. Всякій городъ выставляетъ свои дружины, куда допускаются всѣ желающіе служить отечеству, при чемъ они обучаются военному искуству. Военная служба въ Утопіи не обязательна; утопійцы убѣждены, что трусъ не принесетъ никакой пользы на войнѣ, а напротивъ своею трусостью будетъ вредно дѣйствовать на другихъ. Впрочемъ, если государство подвергается опасности, правительство принимается и за трусовъ, лишь бы они не были лишены физической силы; ихъ размѣщаютъ между храбрыми на корабляхъ или на стѣнахъ, и притомъ такъ, чтобы они не могли убѣжать. И въ такомъ случаѣ эти люди, отчасти стыдясь своихъ товарищей, отчасти теряя всякую надежду на спасеніе, невольнымъ образомъ воодушевляются и нерѣдко на полѣ сраженія оказываютъ чудеса храбрости. Что касается до войнъ въ чужихъ странахъ, утопійцы никого не принуждаютъ участвовать въ нихъ Но если женщины желаютъ сопровождать на войну своихъ мужей, это имъ не запрещается; напротивъ, ихъ убѣждаютъ къ этому, возбуждая ихъ похвалами за ихъ рѣшимость. На полѣ битвы всякая жена занимаетъ мѣсто рядомъ съ своимъ мужемъ; дѣти и всѣ вообще родственники образуютъ кругъ, въ центрѣ котораго находятся мужъ и жена. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы тѣ, которыхъ сама природа связываетъ, взаимно помогали другъ другу на полѣ битвы, и нѣтъ бо̀льшаго безчестія для мужа, какъ возвратиться съ поля битвы безъ жены, для сына — возвратиться безъ отца. Отъ этого происходитъ то, что когда дѣло доходитъ до рукопашной битвы и непріятель упорно сражается, сраженіе бываетъ чрезвычайно истребительно. Утопійцы употребляютъ всѣ средства, чтобы избѣгнуть ярости войны, чтобы окончить ее съ помощью наемныхъ войскъ; но когда уто-

пійцы сами должны принять участіе въ войнѣ, тогда они оказываютъ чрезвычайную неустрашимость и храбрость. Впрочемъ, они не начинаютъ сраженія быстрымъ нападеніемъ: они медлятъ и выжидаютъ, и въ это время такъ одушевляются, что, когда дѣло дойдетъ до сраженія, они готовы скорѣе погибнуть, нежели обратиться въ бѣгство. И есть у нихъ еще одно условіе, поддерживающее ихъ храбрость. Они не боятся подвергнуться нищетѣ и кромѣ того убѣждены въ томъ, что участь ихъ семействъ обезпечена; это успокоиваетъ ихъ и внушаетъ имъ необыкновенную храбрость, такъ что они презираютъ самое крайнее несчастье на войнѣ и самую смерть. Другая причина, возбуждающая храбрость въ битвахъ, состоитъ въ ихъ довѣренности къ своему военному искуству; но главная причина ихъ мужества заключается въ ихъ правилахъ, которыя внушены имъ и воспитаніемъ и законами страны, основанными на справедливости. Они вообще дорожатъ своею жизнью, не подвергаютъ ея опасности безразсудно; но когда этого требуетъ честь, они жертвуютъ своею жизнью для блага отечества.

Г.

Бракъ въ Утопіи. (153).

Въ Утопіи всякій мужъ имѣетъ одну жену; и бракъ рѣдко расторгается иначе, какъ смертью, развѣ еще вслѣдствіе нарушенія супружеской вѣрности, или тяжелаго нрава. Когда супруги желаютъ развестись по причинѣ оскорбленія — это дѣлается не иначе, какъ по сенатскому опредѣленію, но съ такимъ непремѣннымъ условіемъ, что виновная сторона подвергается безчестію и лишается права заключать новый бракъ. Но отвергнуть жену, которой поведеніе безупречно, отвергнуть потому, что она подверглась какой-нибудь физической болѣзни, это никогда не позволяется въ Утопіи. Утопійцы основательно думаютъ, что было бы истиннымъ варварствомъ оставить кого-нибудь въ то время, когда онъ особенно нуждается въ утѣшеніи. Подобнымъ образомъ и старость, сама по себѣ болѣзнь и мать другихъ болѣзней, не можетъ быть поводомъ къ клятвопреступленію. Впрочемъ, случается иногда въ Утопіи, что мужья и жены, нашедшіе другъ въ другѣ характеры совершенно несогласные, разводятся и вступаютъ въ другой бракъ. Но это дѣлается не иначе, какъ съ позволенія сената. Сенаторы строго изслѣдуютъ положеніе дѣла; они прибѣгаютъ къ помощи своихъ женъ, и только вполнѣ убѣдившись, что брачный союзъ оказался совершенно несчастенъ, сенатъ даетъ позволеніе на

разводъ. Но это позволеніе дается только въ крайнемъ случаѣ; утопійцы понимаютъ, что надежда на легкій разводъ есть плохое средство для поддержанія любви между супругами.

Нарушители супружеской вѣрности наказываются рабствомъ и притомъ очень тяжелымъ. Если преступные мужчина и женщина оба находились въ супружествѣ, то оскорбленные ими мужъ и жена могутъ вступить между собою въ бракъ, если захотятъ. Если мужъ и жена, будучи оскорблены невѣрностью, продолжаютъ любить своихъ измѣнившихъ супруговъ, то они могутъ продолжать оставаться въ бракѣ, но только съ такимъ условіемъ, чтобы невинная сторона послѣдовала за стороною преступною, осужденною на рабство; и случается, что князь, тронутый истиннымъ раскаяніемъ стороны виновной, равно какъ преданностью стороны невинной, дастъ прощеніе, возвращаетъ имъ свободу. Но вторичное нарушеніе супружеской вѣрности безъ милосердія наказывается смертью.

Д.

О религіи въ Утопіи, праздникахъ и храмахъ.

(175 и 188).

Религіи въ Утопіи различныя не только вообще на всемъ островѣ, но и въ отдѣльныхъ городахъ; одни почитаютъ солнце, другіе луну, третьи какую-нибудь планету. Нѣкоторые обоготворяютъ даже людей, прославившихся добродѣтелями или заслугами. Но большая часть народа и притомъ наиболѣе образованная почитаетъ Бога вѣчнаго, безконечнаго, неизъяснимаго, непостижимаго человѣческому уму, проникающаго всю вселенную не веществомъ, а своею божескою силою; его называютъ они отцомъ и ему одному приписываютъ начало, увеличеніе, измѣненіе и конецъ всѣхъ вещей, и потому ему одному воздаютъ божескія почести. И даже всѣ другіе утопійцы, вѣрующіе въ различныя божества, принимаютъ это верховное божество и приписываютъ ему созданіе вселенной и божественный промыслъ; на утопійскомъ языкѣ онъ называется Митра.

Праздники въ Утопіи слѣдующіе: утопійцы празднуютъ первый и послѣдній день каждаго мѣсяца, равнымъ образомъ первый и послѣдній день каждаго года. Первые у нихъ называются цинемернами, а послѣдніе трапемернами, что можно перевести такъ: первые праздники и послѣдніе праздники. Храмы въ Утопіи отличаются какъ изяществомъ постройки, такъ и громадными размѣрами; въ Утопіи храмовъ немного

и потому каждый изъ нихъ посѣщается огромнымъ количествомъ народа. Обыкновенно въ храмахъ царствуетъ полумракъ, и это не по неискусству архитекторовъ, а дѣлается нарочно по совѣту жрецовъ, потому что неумѣренный свѣтъ препятствуетъ размышленію, а полумракъ позволяетъ духу сосредоточиться и возбуждаетъ религіозное чувство. Религія, какъ мы сказали, неоднообразна на островѣ, но всѣ ея формы, какъ бы онѣ ни были разнообразны и многочисленны, имѣютъ въ виду одно и то же почитаніе божественной природы, подобно дорогамъ, сходящимся въ одномъ пунктѣ; потому въ храмахъ можно видѣть и можно слышать только то, что принимаютъ всѣ религіи. А если какая религія имѣетъ свои особенности въ богослуженіи, то онѣ совершаются въ частныхъ домахъ.

Е.

Сравненіе утопійскаго и европейскаго экономическаго порядка. (193).

Я описалъ вамъ (слова Гиѳлодея), какъ могъ, государство, которое я считаю не только лучшимъ, но и единственнымъ, достойнымъ этого названія. Въ другихъ мѣстахъ много говорятъ объ общемъ благѣ, а думаютъ только о своемъ; здѣсь же, гдѣ нѣтъ ничего принадлежащаго отдѣльнымъ лицамъ, всѣ дѣйствительно имѣютъ въ виду общественное благо. И это, впрочемъ, понятно потому, что въ другихъ мѣстахъ, если человѣкъ самъ о себѣ не позаботится, то, какъ бы государство ни процвѣтало, онъ можетъ умереть съ голоду. Такимъ образомъ, необходимость заставляетъ заботиться больше о себѣ, нежели о народѣ. Напротивъ здѣсь, гдѣ все принадлежитъ всѣмъ, всякій увѣренъ, что онъ ни въ чемъ не будетъ имѣть недостатка, лишь бы наполнены были общественные магазины; раздѣленіе необходимыхъ вещей справедливо, и тамъ нѣтъ бѣдныхъ, нѣтъ нищихъ; и хотя никто ничего не имѣетъ, однако всѣ богаты. Ибо не самое ли это большее богатство—жить въ спокойствіи и удовольствіи, безъ всякихъ заботъ, не безпокоиться о своемъ пропитаніи, не слышать жалобъ заботливой жены, не бояться бѣдности для своего сына, не заботиться о приданомъ для дочери и быть увѣреннымъ, что не только пропитаніе, но и полное счастье обезпечено и вамъ самимъ и всѣмъ вашимъ: женѣ, дѣтямъ, внукамъ, правнукамъ и всему вашему потомству? И въ Утопіи существуетъ другое прекрасное правило, что люди, въ былое время трудившіеся, а теперь потерявшіе силу, пользуются всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пользуются люди трудящіеся.

Я желалъ бы, чтобы кто-нибудь съ этою справедливостію утопійцевъ сравнилъ справедливость, царствующую у другихъ народовъ; я не думаю, чтобы у этихъ народовъ можно было найти хоть какіе-нибудь слѣды справедливости. Ибо, справедливо ли это, что благородные, золотыхъ дѣлъ мастера или ростовщики и всѣ вообще подобные имъ, ничего не дѣлающіе или дѣлающіе то, что не нужно для государства, проводятъ жизнь въ довольствѣ и блескѣ, тогда какъ рабочіе: извощикъ, кузнецъ, земледѣлецъ, при своихъ чрезмѣрныхъ трудахъ которые, едва подъ силу для рабочаго скота, и притомъ столь необходимыхъ, что безъ нихъ государство не просуществовало бы и одного года, ведутъ жизнь столь печальную и имѣютъ содержаніе столь недостаточное, что, мнѣ кажется, они могутъ завидовать даже состоянію скотовъ, которые и не имѣютъ столько трудовъ и имѣютъ пищу для нихъ болѣе пріятную, и, кромѣ того, не имѣютъ никакого страха касательно будущаго? А рабочіе въ настоящее время изнемогаютъ подъ бременемъ труда, плохо вознаграждаемаго, а въ будущемъ имѣютъ передъ собою старость, соединенную съ нищетою, потому что ихъ ежедневный заработокъ такъ малъ, что его едва достаетъ на ежедневное пропитаніе, такъ что на обезпеченіе старости не можетъ быть отложено ничего. Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ ли быть названо несправедливымъ и неблагодарнымъ то государство, которое такъ-называемымъ благороднымъ и золотыхъ дѣлъ мастерамъ и другимъ подобнымъ праздному, льстецамъ и тѣмъ, которые доставляютъ пустыя удовольствія, расточаетъ свои дары, а напротивъ земледѣльцамъ, угольщикамъ, извощикамъ и кузнецамъ, безъ которыхъ никакое государство почти существовать не можетъ, не даетъ почти ничего, а воспользовавшись трудами ихъ цвѣтущаго возраста и забывая объ этихъ трудахъ и о плодахъ этихъ трудовъ, когда они достигнутъ преклоннаго возраста, даетъ умирать имъ въ нищетѣ?

Ж.

Мнѣніе Томаса Мора относительно разсказа Гіолодея. (Заключеніе Утопіи).

Когда Рафаэль разсказалъ все это, у меня появилось много возраженій касательно нравовъ и законовъ утопійскаго народа, напримѣръ, касательно веденія войны, касательно религіи и другихъ учрежденій, и въ особенности касательно главнаго основанія всѣхъ учрежденій, то-есть, касательно общей жизни безъ денежнаго обращенія, на которомъ основывается всякое благородство, великолѣпіе, блескъ, величіе—

эти истинныя украшенія государства; однако, такъ какъ онъ былъ утомленъ разсказомъ и я не былъ увѣренъ, приметъ ли онъ хладнокровно возраженія, то я, поблагодаривши его за разсказъ и похваливши учрежденія утопійцевъ, подалъ ему руку и попросилъ ужинать, прибавивши однако, что мнѣ пріятно было бы, еслибъ мы нашли случай въ другое время обсудить этотъ предметъ основательнѣе и пространнѣе. Впрочемъ, хотя я не могу согласиться со всѣмъ тѣмъ, что говорилъ этотъ человѣкъ, обладающій столь хорошимъ даромъ слова и познаніемъ людей, но я охотно признаю, что въ государствѣ утопійцевъ есть много такого, чего я желалъ бы для нашихъ государствъ, хотя и думаю, что мое желаніе не исполнится.

3.

Государство Цицерона (de republica)

Въ своемъ разсужденіи о государствѣ, Цицеронъ, какъ онъ самъ говоритъ, только воспроизводитъ разсказъ Рутилія Руфа о бесѣдѣ, происходившей между П. Сципіономъ Африканскимъ (II, сыномъ Павла Эмилія), его племянникомъ Тубероном, Рутиліемъ Руфомъ, Леліемъ, Сп. Мумміемъ, Филомъ и др. Бесѣда устроилась случайнымъ образомъ въ саду у Сципіона, куда въ одно время сошлось къ нему нѣсколько человѣкъ гостей. Сначала собесѣдники разговаривали о разныхъ предметахъ, между прочимъ о двухъ солнцахъ, которыя передъ тѣмъ были видимы на небѣ. — Лелій замѣтилъ, что не важенъ вопросъ о солнцахъ; а нѣчто другое должно занимать добрыхъ римскихъ гражданъ, именно, раздѣленіе сената и народа на 2 партіи, враждебныя другъ другу. — Другаго солнца нечего бояться; а раздѣленіе народа и сената погубитъ государство. — Откуда разговоръ естественнымъ образомъ перешелъ къ вопросу объ управленіи государствомъ и собесѣдники стали просить Сципіона, чтобы онъ, какъ человѣкъ наиболѣе вращавшійся въ дѣлахъ государственныхъ, изложилъ имъ свои мысли объ этомъ предметѣ. Сципіонъ послѣ нѣкотораго колебанія началъ говорить; прежде всего опредѣлилъ государство (соединеніе людей во имя общей пользы и всѣми признаваемаго права), раздѣлилъ его на три вида: монархію, аристократію и демократію, которые всѣ имѣютъ большіе недостатки, такъ что удовлетворительной формою правленія Сципіонъ считаетъ только такую, которая соединяла бы въ себѣ всѣ три вида, а если нужно непремѣнно сдѣлать выборъ между тремя чистыми видами, то Сципіонъ

предпочитаетъ монархію. Это составляетъ содержаніе первой книги цицеронова государства.

Во второй книгѣ желая выяснить свою мысль о превосходствѣ смѣшаннаго правленія, Сципіонъ дѣлаетъ краткій обзоръ исторіи Рима отъ Ромула до децемвировъ и находитъ, что Римъ своею славою и могуществомъ обязанъ отчасти тому, что въ немъ было много замѣчательныхъ мудростью и патріотизмомъ гражданъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ теченіи столѣтій, отчасти тому, что въ Римѣ обыкновенно вліятельныя лица или сословія уравновѣшивали другъ друга. Такъ Ромулъ управлялъ съ помощію сената, что̀ хотя повидимому ослабляло, но въ дѣйствительности усиливало его власть, дѣлало ее болѣе благотворною. Послѣ Ромула сенатъ хотѣлъ-было самъ управлять государствомъ, но народъ (populus) этого не допустилъ, и по общему согласію сената и народа былъ выбранъ въ цари Нума Помпилій. Такимъ образомъ уже въ самомъ началѣ римской исторіи являются три взаимно ограничивающія себя власти. Во время республики во взаимномъ равновѣсіи держали себя сенатъ и народъ. Когда равновѣсіе нарушалось, то происходили смуты и даже революціи. Такъ революція, уничтожившая царскую власть, произошла отъ того, что Тарквиній Гордый нарушилъ въ свою пользу равновѣсіе властей, отнялъ у сената и народа принадлежащее имъ значеніе. То же сдѣлали и децемвиры, и ихъ правленіе также вызвало народныя волненія, вслѣдствіе которыхъ оно и окончилось.

Книга третья съ большими и частыми пропусками, такъ что услѣдить за мыслью автора трудно. Сначала прославляется добродѣтель грековъ и римлянъ и дѣлается сравненіе между народнымъ духомъ тѣхъ и другихъ. Народный духъ грековъ воспитанъ науками и краснорѣчіемъ, а народный духъ римлянъ законами и учрежденіями.—Потомъ (послѣ пропуска) Филъ защищаетъ, хотя съ неохотою, несправедливость, говоря, что она и царства созидаетъ, что иногда она даже необходима для спасенія собственной жизни; напр. когда, послѣ кораблекрушенія, сильный человѣкъ столкнетъ съ доски плавающаго на ней слабаго человѣка и самъ займетъ его мѣсто. Лелій вопреки ему защищаетъ справедливость, за что всѣ собесѣдники выразили ему свое удовольствіе.—Сципіонъ защищаетъ смѣшанное правленіе противъ Лелія и Муммія.

Четвертая книга вся состоитъ изъ небольшихъ отрывковъ, въ которыхъ говорится о воспитаніи дѣтей у римлянъ и грековъ, о поэзіи, о драматической игрѣ и т. п.

Въ пятой книгѣ о древней добродѣтели римлянъ и о упадкѣ ея. Добродѣтель есть основаніе благоденствія народа; ее поддерживать и укрѣплять долженъ правитель государства.

Въ шестой книгѣ (въ отрывкахъ) о партіяхъ внутри государства. При раздѣленіи гражданъ, ихъ нужно не считат (для узнанія большинства), а вѣсить, т. е. цѣнить ихъ личныя качества (in dissensione civili expendendos cives, non numerandos puto). Послѣ того Сципіонъ разсказываетъ свой знаменитый сонъ,—какъ онъ видѣлъ во снѣ Сципіона Африканскаго (I), который предсказалъ ему его успѣхи предъ Карѳагеномъ и Нуманціей, предсказалъ волненія, имѣющія произойти вслѣдствіе стремленій Гракховъ, приказалъ ему овладѣть диктатурою, обѣщая за полезныя для отечества дѣла награду въ будущей жизни; разсказалъ ему нѣчто объ этой (будущей) жизни, о безсмертіи души и божескихъ ея свойствахъ, объ устройствѣ вселенной, при чемъ Сципіонъ слышалъ музыку, производимую движеніемъ міровъ, послѣ чего Сципіонъ проснулся.

Изъ сочиненій Цицерона трудно понять, въ какомъ видѣ онъ представлялъ себѣ средства, которыми могло быть возстановлено прежнее спокойствіе и благосостояніе Рима. Мысль о равновѣсіи властей, именно о соединеніи правленія монархическаго, аристократическаго и демократическаго, очевидно навѣяна ему или Сципіону первобытною исторіею Рима, гдѣ дѣйствительно и царь, и сенатъ, и народъ имѣли болѣе или менѣе значительное вліяніе на дѣла государственныя. И быть можетъ въ связи съ нею находится мысль о диктатурѣ; если бы Сципіонъ овладѣлъ диктатурою, то, будучи строгимъ аристократомъ, можно думать, онъ не отнялъ бы вліянія у оптиматовъ, и исторія Рима пошла бы нѣсколько иначе, чѣмъ подъ властью Цезарей, представителей демократіи.

Во всякомъ случаѣ въ проектѣ Цицерона нѣтъ ничего утопическаго, почти нѣтъ ничего реформаторскаго, нѣтъ ни соціализма, ни коммунизма. Цицеронъ, противникъ аграрныхъ реформъ Гракховъ и ихъ послѣдователей, и въ своемъ проектѣ остается тѣмъ же. Попытка Гракховъ, по его мнѣнію, требовала противодѣйствія диктатора, хотя бы этотъ диктаторъ самовольно захватилъ власть. Очевидно, Цицеронъ въ своемъ философскомъ проектѣ разсуждалъ, какъ человѣкъ принадлежащій къ партіи. Въ проектѣ, какъ и въ жизни, онъ не дошелъ до пониманія плетворнаго значенія пролетаріата, разъѣдающаго всякія связи государственныя.

Читая «государство» Цицерона нельзя не замѣтить, что это сочиненіе по содержанію и расположенію составляетъ весьма замѣтное подражаніе «государству» Платона. Сначала у того и другаго описываются обстоятельства, вызвавшія бесѣду (случайное собраніе нѣсколькихъ человѣкъ у Кефала и Сципіона), потомъ приступъ къ главному предмету разговора (о справедливости, о двухъ солнцахъ) потомъ главный предметъ (объ устройствѣ государства). Цицеронъ не хотѣлъ отстать отъ Платона даже

въ разнообразіи содержанія и ввелъ въ свое разсужденіе тѣ же самые вопросы, которые занимаютъ и Платона. Платонъ разсуждаетъ о справедливости, и Цицеронъ также, Платонъ высказываетъ мысли pro и contra касательно этого предмета, и Цицеронъ дѣлаетъ то же. Платонъ разсуждаетъ о воспитаніи, о значеніи поэзіи, то же дѣлаетъ и Цицеронъ. Наконецъ Платонъ оканчиваетъ разсужденіями о будущей жизни, такъ же поступаетъ и Цицеронъ. Въ самомъ концѣ Платонъ разсказываетъ о загробныхъ наблюденіяхъ Ира, Цицеронъ о такихъ же наблюденіяхъ Сципіона. (Oeuvres completes de M. T. Ciceron, traduites en français, avec le texte en regard. Edit. de le Clerc. Paris, 1823 T. XXIX. Государство Цицерона до 1822 г. было извѣстно только по незначительнымъ отрывкамъ. Въ этомъ году оно открыто въ нынѣшнемъ своемъ составѣ Анг. Маемъ, Ватиканскимъ библіотекаремъ, въ палимпсестѣ).

И.

Божіе государство (civitas Dei) Бл. Августина.

Сочиненіе блаженнаго Августина «Civitas Dei» хотя занимается нѣкоторыми вопросами касательно политической жизни народа. но занимается ими исключительно съ точки зрѣнія религіозной.

Поводомъ, давшимъ бытіе книгѣ бл. Августина, было то обстоятельство, что Римъ былъ взятъ В. Готами и христіане подверглись обвиненію со стороны язычниковъ, что они были причиною упадка Рима. Бл. Августинъ доказываетъ, что напротивъ христіанамъ Римъ обязанъ тѣмъ, что Готы не разорили его совсѣмъ. Въ прежнія времена, говоритъ онъ, если непріятели брали какіе-нибудь города, то не щадили никого изъ жителей, гдѣ бы ни находили ихъ, даже въ храмахъ боговъ Между тѣмъ въ Римѣ Готы не тронули тѣхъ, которые спаслись въ церквахъ. Это очевидно не можетъ быть приписано ничему другому, кромѣ помощи Спасителя, — тому, что въ римской имперіи среди государства земнаго (civitas terrena), находится государство небесное (civitas coelestis). На землѣ отъ самаго начала существовали двоякаго рода государства: государства мірскія или земныя и государство небесное. Первое мірское государство основано Каиномъ, братоубійцею; а убитый Авель былъ первымъ гражданиномъ государства небеснаго. Потомъ было много государствъ мірскихъ въ Европѣ и на востокѣ; къ ихъ числу принадлежало и государство іерусалимское; но, будучи мірскимъ, оно въ то же время было образомъ государства небеснаго, въ немъ продолжалось государство небесное въ лицѣ немногихъ избранниковъ божіихъ.

Жители государства мірскаго не могутъ быть счастливы; ихъ жизнь отравляется завистью, враждою и множествомъ неудовлетворенныхъ желаній. Счастливы могутъ быть только граждане государства небеснаго. —Государства мірскія современемъ всѣ погибнутъ, а государство небесное напротивъ впослѣдствіи явится въ полной славѣ.

Такимъ образомъ, сочиненіе бл. Августина съ политическими соціальными реформами не имѣетъ ничего общаго. Оно служитъ напротивъ прямымъ выраженіемъ нравственно-религіознаго духа, которымъ въ его время почти исключительно были проникнуты лучшіе люди между всѣми народами.

Кромѣ того, что мы изложили, у бл. Августина въ его книгѣ рѣшается очень много вопросовъ чисто религіозныхъ, касательно воскресенія мертвыхъ, втораго пришествія Спасителя, воплощенія его и пр. Вообще, главный и даже почти исключительный характеръ сочиненія религіозный.

I.

Ессеи и Ѳерапевты.

1. ЕССЕИ.

А) ИЗЪ ФИЛОНА.

«Въ Сиріи и Палестинѣ нѣтъ недостатка въ людяхъ слѣдующихъ добродѣтели. Между ними нѣкоторые называются Ессеи (ἐσσαῖοι), получившіе свое имя отъ греческаго названія святости (ὁσιότης), потому что они весьма усердные слуги Божіи, неприносящіе ему жертвъ, но свои души направляющіе къ благочестію. Эти люди живутъ въ деревняхъ, избѣгая городовъ, потому что въ городахъ господствуютъ беззаконія, которыя имѣютъ свойство заражать другихъ, подобно прилипчивымъ болѣзнямъ. Нѣкоторые обработываютъ землю, другіе выдѣлываютъ орудія, употребляемыя въ мирѣ; они всегда ласковы между собою и со всѣми ближними; денегъ не копятъ и не стараются имѣть большихъ помѣстій, удовлетворяя только необходимымъ потребностямъ жизни. Это единственные люди въ мірѣ, которые живутъ безъ денегъ и безъ пріобрѣтенія, считая однако себя богатыми не потому, чтобъ они многимъ владѣли, а потому, что они довольствуются малымъ. Между ними нельзя найти ни одного мастера приготовляющаго копья, мечи, стрѣлы, латы или щиты, вообще что-нибудь, служащее для войны. Они удаляются даже отъ такихъ занятій, которыя и въ мирѣ легко могутъ увлечь человѣка къ чему-нибудь дурному; такимъ образомъ они не имѣютъ понятія ни о рынкахъ, ни о торговлѣ какъ сухопутной, такъ

и морской, удаляя отъ себя всякіе поводы къ любостяжанію. Между ними слугъ нѣтъ, но каждый самъ себѣ служитъ; рабство они осуждаютъ совсѣмъ, какъ учрежденіе несправедливое и злочестивое, противное природѣ, которая всѣхъ насъ создала равными и одинаково всѣхъ питаетъ, какъ мать родныхъ братьевъ не по имени только, а на самомъ дѣлѣ.—Философіи часть логическую, какъ ненеобходимую для пріобрѣтенія добродѣтели, они оставляютъ любителямъ словопреній; такъ же мало занимаются и физическою частью философіи, потому что находятъ ее недостижимою для человѣческаго ума и полезною только потому, что она объясняетъ твореніе міра и указываетъ на творца его; но они занимаются усердно ученіемъ, руководствуясь отечественными законами.—Эти законы они изучаютъ во всякое время, но преимущественно по седьмымъ днямъ, которые почитаются ими, какъ дни святые. Въ эти дни они отказываются отъ всякаго дѣла, и удаляются въ священныя мѣста, называемыя синагогами, гдѣ размѣщаются по возрасту, младшіе у ногъ старшихъ, и благочинно ожидаютъ чтенія. Тогда одинъ начинаетъ читать книгу, другой болѣе знающій начинаетъ объяснять то, что̀ оказывается темнымъ. Такимъ образомъ они поучаются благочестію, справедливости, экономіи, государственному управленію, и познанію всего добраго, злаго и безразличнаго, познанію того, чего нужно держаться и чего нужно избѣгать, руководствуясь тремя принципами: любовью къ Богу, любовью къ добродѣтели, и любовью къ ближнему. Что касается любви къ Богу, они доставляютъ много доказательствъ ея, какъ напр. своимъ всегдашнимъ цѣломудріемъ, своимъ воздержаніемъ отъ клятвъ и лжи; Бога они считаютъ причиною всего добраго и только одного добраго. Что касается до ихъ любви къ добродѣтели, она достаточно видна изъ ихъ презрѣнія къ деньгамъ, къ славѣ и къ удовольствіямъ, равно какъ изъ того, что они проводятъ жизнь въ трудѣ, умѣренности, простотѣ, кротости, постоянствѣ, въ повиновеніи законамъ и проч. Ихъ любовь къ людямъ видна изъ ихъ постоянной благосклонности, справедливости и общности, о которой теперь скажемъ нѣсколько словъ. Во-первыхъ ихъ жилища никому изъ нихъ не принадлежатъ, какъ собственность. Они имѣютъ общую кладовую, гдѣ находятся всѣ ихъ съѣстные припасы и одежды; и пищу они вкушаютъ въ общей столовой. Если они что-нибудь зарабатываютъ, то не сохраняютъ у себя заработанныхъ денегъ, но отдаютъ въ общую казну, предоставляя пользоваться ими всякому желающему. Тѣ, которые по слабости силъ не могутъ работать, не оставляются безъ вниманія, но пользуются изъ общаго имущества всѣмъ необходимымъ для себя. Старшіе возрастомъ пользуются отъ младшихъ почтеніемъ, какъ роди-

тели отъ дѣтей, которые облегчаютъ имъ тягости ихъ возраста всякими возможными услугами. Такихъ поборниковъ добродѣтели создаетъ философія»! (Philonis Iudaei opera. Francofurti, 1691. стр. 876—878 въ статьѣ quod omnis probus liber).

б) изъ плинія.

«Къ западу отъ Асфальтоваго озера живутъ Эссены (Esseni), племя (gens) достойное замѣчанія въ томъ отношеніи, что оно состоитъ только изъ мущинъ, которые живутъ въ уединеніи, безъ женщинъ и безъ денегъ. По мѣрѣ того, какъ время истребляетъ живущихъ, число ихъ пополняется вновь прибывающими, которыхъ житейскія тревоги и превратности приводятъ къ нимъ. Такимъ образомъ это племя остается вѣчнымъ въ продолженіи тысячъ вѣковъ (per seculorum mill'a,—incredibile dictu! прибавляетъ Плиній), въ то время, какъ въ средѣ его никто не родится». Histoire naturelle de Pline (латинск. текстъ и франц. перев.) Paris 1771 т. II стр. 506 и 507.

2. ѳерапевты.

«Ѳерапевты и Ѳерапевтриды (врачи и лекарки, попечители и попечительницы) такъ называются или потому, что они занимаются медициною лучшею чѣмъ та, которая лечитъ только тѣло, потому что эта медицина лечитъ и душу отъ болѣзней трудно исцѣляемыхъ, какъ удовольствія, печали, страхъ, корыстолюбіе, неправда и другіе пороки и страсти, или потому, что природа и священные законы научили ихъ поклоняться существу, которое совершеннѣе добра, проще единицы и древнѣе монады.

Оставивши свое имущество, они удаляются отъ своихъ братьевъ, дѣтей, родителей, женъ, друзей, знакомыхъ и отъ самаго отечества, въ которомъ они родились и воспитаны.— И они удаляются не въ другіе города, подобно рабамъ, бѣжавшимъ отъ господъ, но за городъ, гдѣ поселяются въ уединеніи, среди садовъ; уединеніе любятъ они не потому, чтобы они были мизантропы, а потому, что избѣгаютъ сообщества съ людьми, имѣющими другіе нравы. Такіе люди есть во многихъ странахъ, и въ Греціи и даже у варваровъ. Но всего болѣе ихъ въ Египтѣ, въ разныхъ провинціяхъ, въ особенности близъ Александріи; и изо всѣхъ мѣстъ лучшіе изъ Ѳерапевтовъ сходятся сюда, какъ въ отечество, и поселяются здѣсь въ мѣстѣ очень удобномъ близъ озера Маріи, на незначительномъ холмѣ, пользующемся хорошимъ воздухомъ. Это мѣсто окружено городами и деревнями, что дѣлаетъ

пребываніе здѣсь безопаснымъ. Домà у сошедшихся такимъ образомъ очень просты, только защищаютъ ихъ отъ жара и холода, и строятся не рядомъ, а нѣсколько поодаль одинъ отъ другаго, такъ чтобы жители ихъ могли пользоваться уединеніемъ и защищать другъ друга въ случаѣ нападенія. Каждый Θерапевтъ имѣетъ свое священное зданіе, называемое семніемъ и монастыремъ (μοναστήριον), гдѣ наединѣ онъ совершаетъ таинства своей святой жизни; въ эти зданія Θерапевты не вносятъ ни пищи, ни питья, ничего другаго служащаго на пользу тѣлу, но только законы и писанія пророковъ, пѣсни и вообще, что полезно для познанія и благочестія. Они всегда имѣютъ Бога передъ собою, такъ что и во снѣ имъ ничто не представляется, кромѣ образа Божія. Нѣкоторые, даже и когда спятъ, произносятъ прекрасныя мысли своей священной философіи. Они молятся Богу два раза въ день, утромъ и вечеромъ. Въ продолженіи шести дней каждый изъ нихъ остается въ своемъ монастырѣ, не выходя, даже не смотря наружу. Въ седьмой же день они сходятся всѣ вмѣстѣ, и прилично всѣ садятся по возврасту, причемъ руки держатъ подъ платьемъ: правую между грудью и бородою, лѣвую же приложивши къ боку. Тогда одинъ изъ нихъ, старшій возрастомъ, наиболѣе свѣдущій въ догматахъ, начинаетъ говорить, съ кротостью въ голосѣ и на лицѣ, а не съ тѣмъ хвастовствомъ, какимъ отличаются современные софисты.—Другіе слушаютъ, не говоря ни слова, и только показывая свое одобреніе глазами или наклоненіемъ головы. Тотъ общій семній, въ которомъ они сходятся въ седьмые дни, особою перегородкою въ три или четыре локтя высотою раздѣленъ на два отдѣленія, мужское и женское, такъ что женщины, находясь въ своемъ отдѣленіи, и не будучи видимы мужчинами, могутъ слушать толкованія.—Седьмой день Θерапевты почитаютъ, какъ великій праздникъ; въ этотъ день послѣ заботъ о душѣ, они подкрѣпляютъ и свое тѣло.—Но ихъ пища состоитъ только изъ хлѣба съ какою-нибудь приправою, ихъ питье состоитъ изъ воды, текущей въ ручьяхъ.—Одежда ихъ очень проста и служитъ имъ только защитою отъ холода или жара, — зимою простой толстый плащъ, лѣтняя одежда изъ холста (изо льна)». Далѣе Филонъ (въ довольно пространномъ изложеніи) разсказываетъ, какъ Θерапевты празднуютъ пятидесятый день по прошествіи семи седьмицъ, сравнивая при этомъ достоинство этого празднованія съ праздниками и пирами язычниковъ.—Въ это время по знаку данному однимъ изъ нихъ (дежурнымъ) они сначала, чинно ставши въ ряды, совершаютъ общественную молитву, воздѣвая къ небу руки и глаза, послѣ чего садятся за свою

умѣренную трапезу,—Θерапевты съ одной стороны, а Θерапевтриды съ другой.

Θерапевты, подобно Ессеямъ, рабство считаютъ крайнею несправедливостью; потому во время этихъ обѣдовъ Θерапевты служатъ сами себѣ и именно прислуживаютъ тѣ, которые превосходятъ другихъ добродѣтелью. Служба у нихъ дѣло почетное. (Филонъ, тамъ же стр. 889 и слѣд. въ статьѣ: de vita contemplativa).

К.

Коммунизмъ въ Персіи; Маздакъ. (Изъ исторіи Персіи Мирхонда).

«Уже десять лѣтъ царствовалъ Кобадъ, какъ одинъ человѣкъ изъ Эстахара, по имени Маздакъ, сталъ пріобрѣтать извѣстность и распространять въ народѣ особенную религію. Вотъ подробности этого событія. Маздакъ пришелъ къ Кобаду и объявилъ ему, что онъ получилъ отъ неба достоинство пророка.—Король (обманутый ложнымъ чудомъ) принялъ новую религію. Она состояла въ томъ, что позволяла безъ различія всякое соединеніе между полами, а связи между ближайшими родственниками ставила даже въ числѣ добрыхъ дѣлъ, и кромѣ того запрещала убивать животныхъ и употреблять въ пищу ихъ мясо и жиръ. Маздакъ говорилъ, что люди должны довольствоваться пищею растительною, яицами, молокомъ, сыромъ и тому подобными вещами.—Онъ привлекъ на свою сторону самый низшій классъ народа и всякихъ презрѣнныхъ людей; его послѣдователи сдѣлались очень многочисленны; — и люди самыхъ низшихъ классовъ, обольщали женъ самыхъ важныхъ господъ, подъ предлогомъ новой религіи, и совершали большіе грабежи. Во все время этого обольщенія, ни одинъ ребенокъ не могъ знать своего отца, и никто не былъ увѣренъ въ сохраненіи своей собственности. Говорятъ, будто Маздакъ потребовалъ у Кобада его жену, мать Нушірвана, и будто Кобадъ согласился; только Нушірванъ, посредствомъ просьбы и униженной мольбы, цѣлуя руки и ноги Маздака, убѣдилъ его отказаться отъ своего намѣренія».

Наконецъ персидскіе вельможи, негодуя на распространеніе религіи Маздака, низложили Кобада и заключили въ тюрьму. Но Кобадъ освободился изъ заключенія съ помощію своей сестры, съ которою онъ жилъ, какъ съ женою, слѣдуя ученію Маздака. Впрочемъ, низложивши Кобада, вельможи ничего не могли сдѣлать Маздаку «по причинѣ великаго множества его послѣдователей».— Вскорѣ послѣ освобожденія, Кобадъ снова

занялъ престолъ, и ученіе Маздака продолжало пользоваться его покровительствомъ. Послѣ его смерти, царемъ персидскимъ сдѣлался Хозрой Нушірванъ.

«Нѣкоторые историки, продолжаетъ Мирхондъ, говорятъ, что первымъ дѣломъ Нушірвана было предать смерти Маздака и его послѣдователей. Но они разногласятъ въ подробностяхъ этого дѣла. Слѣдуя однимъ, Нушірванъ сначала выразилъ Маздаку неудовольствіе на его поведеніе и довольствовался тѣмъ, что сдѣлалъ ему выговоръ наединѣ. Но когда въ послѣдствіи, одинъ изъ сектаторовъ осмѣлился покуситься на честь замужней женщины, и оскорбленный мужъ пожаловался Нушірвану, то этотъ государь потребовалъ отъ Маздака, чтобы онъ приказалъ злодѣю возвратить похищенную жену. Маздакъ отказался сдѣлать такое приказаніе и разгнѣванный Нушірванъ приказалъ отрубить ему голову. Послѣдователи Маздака возстали, но Нушірванъ приказалъ ихъ преслѣдовать и умерщвлять. Тогда произошли жестокія преслѣдованія во всемъ государствѣ и всѣ послѣдователи Маздака, которые могли быть найдены, были казнены смертью. — Слѣдуя разсказу другихъ историковъ, Нушірванъ сначала показывалъ дружбу къ Маздаку, потомъ онъ потребовалъ у него списокъ его послѣдователей, какъ будто желая оказать имъ почести, которыхъ они достойны. Маздакъ, обманутый этими словами, представилъ списокъ. «Нужно вашимъ ученикамъ, сказалъ Нушірванъ, явиться во дворецъ, чтобы я могъ осыпать ихъ моими милостями». Дѣйствительно, въ назначенный день всѣ эти люди явились во дворецъ, и дворецкіе пригласили ихъ въ садъ подъ предлогомъ, что тамъ будутъ ихъ угощать. Между тѣмъ въ саду выкопали большіе рвы, и по мѣрѣ того, какъ гости входили, царскіе офицеры толкали ихъ туда толпами, головою внизъ; такимъ образомъ они были погребены подъ землею. Наконецъ очередь пришла самому Маздаку, и онъ получилъ одинаковое угощеніе съ своими послѣдователями.

«Во всеобщей исторіи (Kamel altevarikh) сказано, что Мондаръ, правитель страны арабовъ, былъ отрѣшонъ отъ должности Кобадомъ потому, что отказался принять ученіе Маздака. Когда Нушірванъ вступилъ на престолъ, Мондаръ поспѣшилъ къ нему на поклонъ. Однажды Мондаръ и Маздакъ вмѣстѣ были на аудіенціи у государя, и Нушірванъ сказалъ: раньше вступленія на престолъ я желалъ двухъ вещей. — Какихъ, спросилъ Маздакъ? — Во-первыхъ — отвѣчалъ Нушірванъ, возстановить Мондара въ его области, во-вторыхъ — истребить все поколѣніе зендиковъ (зендиками персы называли послѣдователей Маздака). — Что же, сказалъ Маздакъ, истребите хоть все, что существуетъ, если вы можете. Разгнѣван-

ный царь приказалъ умертвить Маздака и поставить висѣлицы между Нарваномъ и Хаверою, на которыхъ въ одинъ день было повѣшено 100,000 зендиковъ. Умертвивши Маздака и истребивши его послѣдователей, Нушырванъ возвратилъ прежнимъ владѣльцамъ имущества, которыми насильственно владѣли послѣдователи этой секты и вмѣстѣ съ тѣмъ возвратилъ похищенныхъ женъ законнымъ мужьямъ.

«Гафесъ-Абру (персидскій историкъ, написавшій также всеобщую исторію подъ именемъ Зобдатъ альтеварихъ—сливки лѣтописей) разсказываетъ, будто Нушырванъ, видя, что число казненныхъ уже велико и опасаясь обезлюдить свое государство, пощадилъ жизнь прочихъ послѣдователей Маздака, удовольствовавшись только тѣмъ, что отнялъ у нихъ похищенныя имущества, которыя онъ отдалъ прежнимъ владѣльцамъ, если они были живы, или ихъ наслѣдникамъ; если же не было наслѣдниковъ, то имущества были употреблены на то, чтобы исправить то, что было испорчено во время господства партіи Маздака. Такъ онъ роздалъ земледѣльцамъ орудія, необходимыя для обработки полей,—воловъ и сѣмена для посѣва, такъ что земли, которыя предъ тѣмъ оставались необработанными, снова получили свою цѣну. Онъ приказалъ также всѣмъ, удалившимся изъ отечества, возвратиться въ свои прежнія жилища съ своими дѣтьми». (Исторія царей персидскихъ династій Сассанидовъ Мирхонда. Переводъ С. де Саси, въ его «Mémoires sur antiquités de la Perse. Paris 1793, стр. 353—363).

Гаммеръ Ф. Пургсталь, на основаніи персидской исторіи Табари, излагаетъ нѣсколько полнѣе сущность ученія Маздака или Маздека, какъ, слѣдуя ему, реформаторъ назывался. Маздакъ училъ, что «нѣтъ собственности, что единственный собственникъ есть Богъ, что нѣтъ брака, что Богъ создалъ весь міръ для сыновей Адама, что все есть общее и что всякій имѣетъ одни и тѣ же права, что нельзя говорить: это моя собственность, это моя жена, моя дочь, мой сынъ, что никто не имѣетъ никакихъ правъ, чтобы владѣть деньгами, скотомъ, женами, сыновьями или дочерями».—Маздакъ допускалъ бракъ между братьями и сестрами, отцами и дочерьми, сыновьями и матерями. Тогда, говоритъ персидскій историкъ, приводимый Г. Ф. Пургсталемъ, «пришло время нечестивыхъ и злодѣевъ,—всякій жилъ слѣдуя только своимъ желаніямъ». (Journal Asiatique, T. III, 76. Цитац. Тониссена. Le Social. I, 143). Не смотря на краткость этихъ извѣстій, нельзя не видѣть, что Маздакъ былъ дѣйствительно радикальнымъ соціальнымъ реформаторомъ. Это коммунистъ, далеко превосходящій Т. Мора и даже Платона; и нравственная его система весьма напоминаетъ ученія христіанскихъ еретиковъ первыхъ вѣковъ

Гностиковъ, Николаитовъ и пр. И нѣтъ сомнѣнія, что ученіе Маздака не есть явленіе случайное. Безъ сомнѣнія (да такъ оказывается и изъ разсказа Мирхонда) передъ тѣмъ временемъ въ Персіи собственность была распредѣлена крайне неравномѣрно; было много пролетаріевъ, которые и дали временный перевѣсъ ученію Маздака.

Л.

Библіографическія свѣдѣнія касательно Утопіи и другихъ сочиненій Т. Мора.

Утопія, какъ мы уже сказали, имѣла очень много изданій даже въ оригиналѣ, на латинскомъ языкѣ. Во многихъ изданіяхъ титулъ ея, согласно обычаямъ тѣхъ временъ распространенъ и разукрашенъ; такъ въ Лувенскомъ изданіи онъ является въ такомъ видѣ: «Libellus vere aureus nec minus salutaris, quam festivus de optimo reipublicae statu, deque nova insula Utopia, auctore clarissimo viro Thoma Moro, inclitae civitatis Londinensis cive et vicecomite cura Petri Aegidii Antwerpiensis et Theodorici Martini Alustensis, typographi almae Lovaniensium academiae, nunc primum accuratissime editus.» Это то изданіе, которое обыкновенно относятъ къ 1516 году, но которое въ дѣйствительности явилось уже послѣ 1518 года, вѣроятно въ 1520 году.

Переводы Утопіи на новые языки сдѣланы были еще въ XVI вѣкѣ вскорѣ послѣ смерти Т. Мора. Древнѣйшій извѣстный намъ переводъ есть французскій и принадлежитъ Ж. Леблону (Leblond, Парижъ 1550 г.). Другой французскій переводъ сдѣланъ Сорбьеромъ (Амстерд. 1643). Но всѣхъ болѣе извѣстенъ переводъ Гедевиля, имѣвшій нѣсколько изданій (первое изд. 1715 Амстерд.) и не смотря на то совершенно незаслуживающій своего успѣха, потому что онъ отличается весьма большою неточностью. Быть можетъ своимъ успѣхомъ онъ обязанъ отчасти тому, что издавался онъ обыкновенно весьма роскошно съ хорошими гравюрами и виньетками. Гораздо удовлетворительнѣе, ближе къ подлиннику переводъ Т. Руссо (Парижъ 1780 г.). Позднѣйшій переводъ принадлежитъ Стувенелю (Парижъ, 1840).

На англійскій языкъ Утопія переведена также вскорѣ послѣ смерти Т. Мора Ральфомъ Робинсономъ (Лонд. 1551); этотъ переводъ потомъ имѣлъ нѣсколько изданій въ XVI и XVII вѣкѣ. Было много и другихъ переводовъ; нашлась даже писательница (Гейвудъ), которая по примѣру Т. Мора и безъ сомнѣнія поправляя его, сочинила свою собственную Утопію подъ именемъ «A new Utopia» въ первой половинѣ XVII вѣка.

Нѣмецкій переводъ Утопіи, извѣстный намъ, принадлежитъ Эттингеру (Лейпц. 1846 г.). На русскомъ языкѣ также есть переводъ Утопіи, сдѣланный еще въ прошломъ столѣтіи (С.-П.-Б. 1789 г.) неизвѣстнымъ переводчикомъ и изданный «съ дозволенія управы благочинія» подъ заглавіемъ «Картина всевозможно лучшаго правленія или Утопія Томаса Мориса»; переводъ этотъ впрочемъ сдѣланъ не съ подлинника, а съ французскаго перевода Руссо.

Жизнь и сочиненія Т. Мора были предметомъ очень многихъ монографій преимущественно въ Англіи и Франціи. Первую біографію Т. Мора написалъ зять его Роперъ, а другую правнукъ, также Т. Моръ. Сочиненіе Стаплетона о жизни и смерти Т. Мора, которымъ мы пользовались, отличается полнотою и обстоятельностью; оно появилось еще въ XVI столѣтіи (1588 г.) *. Въ нашемъ столѣтіи Т. Моръ былъ также предметомъ многихъ изслѣдованій: въ Англіи Ц. Мора (который однако не принадлежитъ къ потомству Т. Мора, окончившемуся въ 1795 г.), (Лонд. 1828 г.), Мекинтоша (Лонд. 1830 г.), въ Германіи Рудгарта (Нюренбергъ 1829 г.), во Франціи княгини де-Краонъ (Craon; Парижъ 1853 г.). Это послѣднее сочиненіе имѣло очень большой успѣхъ, въ продолженіи одного года достигло трехъ изданій.

У насъ Утопія Т. Мора большею частію почти только упоминается въ нѣкоторыхъ общихъ сочиненіяхъ юридическихъ или экономическихъ, напр. у Неволина въ энциклопедіи законовѣдѣнія и даже у Бунге въ историческимъ очеркѣ экономическихъ ученій. Гораздо больше вниманія оказалъ ей г. Ю. Жуковскій въ своемъ сочиненіи «Политическія и общественныя теоріи XVI вѣка.» Г. Жуковскій видитъ въ Утопіи не идеалъ общественнаго устройства, а сатиру на европейскіе порядки, и довольно крѣпко отстаиваетъ эту мысль, основываясь на томъ, что многія подробности утопійской жизни служатъ живымъ укоромъ порядкамъ, господствующимъ въ Европѣ. Но намъ кажется, что г. Жуковскій въ этомъ случаѣ впадаетъ въ логомахію. Сатира есть только одна сторона медали, и безъ другой стороны она существовать не можетъ. За сатирою всегда скрывается идеалъ—то, что противоположно предмету сатиры. Впрочемъ у Т. Мора изображена даже не та сторона медали, которая называется сатирою, а противоположная ей, идеалъ, хотя нельзя не признать, что идеалъ Т. Мора отличается неполною увѣренностью, неопредѣленностью и незаконченностью.

---

* Это сочиненіе переведено на французскій языкъ А. Мартеномъ и издано съ предисловіемъ и примѣчаніями Одена. (Льежъ, 1849).

Кромѣ Утопіи Т. Моръ написалъ еще нѣсколько сочиненій.

1. Еще въ юности, подъ вліяніемъ кардинала Мортона онъ написалъ исторію Ричарда III, не отличающуюся по словамъ Табаро (Biogr. Un) ни точностью, ни безпристрастіемъ.

2. Потомъ слѣдуетъ біографія Пико де Мирандолы.

3. Оправданіе Генриха VIII отъ клеветъ Лютера (1523 г.).

4. Апологія Т. Мора, написанная имъ самимъ въ 1533 году, послѣ оставленія должности канцлера.

5. Quod pro fide mors non sit fugienda, сочиненіе, написанное имъ уже въ тюрьмѣ.

6. Нѣсколько мелкихъ сочиненій, писемъ, переводовъ изъ Лукіана и пр. и мемуары, изданные только въ 1808 году.

ГЛАВА III.

ПЕРЕХОДЪ ОТЪ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ КЪ НОВОМУ ВРЕМЕНИ.

Сравнительные успѣхи политической и общественной жизни въ Англіи и на материкѣ Европы въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ. Наклонность философовъ того времени къ радикальнымъ реформамъ.

Кампанелла и его городъ Солнца: устройство города Солнца и управленіе его, обученіе юношества, коммунизмъ въ имуществѣ и бракѣ, астрологическія гаданія и пр. Заимствованія у Платона и Т. Мора.

Гаррингтонъ· Океана, ея исторія и конституція, основанная на новыхъ принципахъ. Кромвель и Гаррингтонъ.— Аббатъ Сенъ Пьеръ: его проектъ вѣчнаго мира и трактатъ о полисинодіи.

Морелли: его Базиліада и кодексъ природы. Свободное влеченіе природы.—Мабли: его сомнѣнія въ естественности существующаго порядка; новыя побужденія для дѣятельности человѣка. — Бриссо: его воззрѣнія на собственность естественную и гражданскую. Цѣль его «философическихъ изслѣдованій о собственности и воровствѣ».

Ленге: его взглядъ на судьбу современныхъ рабочихъ.—Неккеръ: его анализъ условій, опредѣляющихъ рабочую плату.—Феге: его планъ организаціи земледѣльческой общины.

Бабёфъ: его планъ пересозданія общества и государства. Особенности этого плана, объясняемыя обстоятельствами, при которыхъ онъ составленъ.

Приложенія.

Утопія Томаса Мора, мы видѣли, была вызвана современными ему общественными неурядицами, печальнымъ остаткомъ среднихъ вѣковъ. Мы видѣли, что Т. Моръ недоволенъ состояніемъ, какъ Англіи, такъ и другихъ государствъ Европы; его критики не избѣжали постоянныя войны на материкѣ Европы, вѣроломство государей, распущенность нравовъ, съ одной стороны — безумная роскошь, съ другой — безпріютная бѣдность, рѣшающаяся на преступленіе, чтобы не умереть съ

голоду. Послѣ Т. Мора, то-есть въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ, Англія сдѣлала значительные успѣхи во всѣхъ отрасляхъ общественной и политической жизни; гражданская свобода установилась на прочныхъ основахъ, промышленность мануфактурная и мореплаваніе получили весьма сильное развитіе; въ то же время колонизація развилась въ большихъ размѣрахъ, и многіе неимѣвшіе пріюта въ метрополіи нашли его въ колоніяхъ. Благодаря всему этому, частію увеличилось народное благосостояніе, частію, совершенно независимо отъ этого, бѣдность уменьшилась, и соціальное зло, поражавшее въ свое время Т. Мора, уже не казалось такимъ большимъ для людей слѣдующихъ поколѣній. — Отъ того въ Англіи рядъ соціальныхъ обновителей въ этомъ періодѣ начался и кончился съ Т. Моромъ; послѣ него являлись новаторы, но они имѣли другой характеръ: одни изъ нихъ были люди экзальтированные религіозными и вообще метафизическими умозрѣніями, какъ хиліасты *; другіе придумывали политическія комбинаціи, не выходя изъ сферы признанныхъ основъ общественной жизни, какъ Гоббесъ или Гаррингтонъ.

Не то было на материкѣ Европы; тамошняя общественная жизнь, за исключеніемъ немногихъ небольшихъ странъ, какъ Голландія, далеко не могла поравняться съ общественною жизнью Англіи ни въ какомъ отношеніи. Гражданская свобода вездѣ была обезпечена гораздо меньше; средневѣковая неурядица продолжала существовать; народное богатство весьма медленно подвигалось впередъ; массы народа находились въ бѣд-

---

* Древнее ученіе о тысячелѣтнемъ царствованіи Христа на землѣ нашло много сторонниковъ въ Англіи въ XVII и въ особенности въ XVIII столѣтіи. Къ числу ихъ принадлежало много почтенныхъ богослововъ. Замѣчательнѣйшій изъ англійскихъ хиластовъ — Тоуэрсъ, написавшій «Illustrations of Prophecy». London 1796. Хиліасты вообще думали, что весь замѣчаемый прогрессъ человѣчества, сообразно съ предопредѣленіемъ промысла, ведетъ къ господству на землѣ счастія, добродѣтели, равенства и пр. Хиласты основываются главнымъ образомъ на апокалипсисѣ. Ихъ убѣжденія раздѣлялъ Ньютонъ.

ности, въ то время, какъ высшіе классы утопали въ роскоши. Чтобы видѣть, на сколько материкъ Европы отсталъ въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ отъ Англіи, достаточно сравнить исторію этого государства, напримѣръ, съ исторіею Франціи, всетаки наиболѣе устроеннаго изъ государствъ материка. Въ Англіи конецъ XVI вѣка обнимаетъ царствованіе Елисаветы, время большихъ успѣховъ въ мореплаваніи и въ международныхъ отношеніяхъ. Во Франціи въ это время царствуютъ сыновья Генриха II, при которыхъ свирѣпствовали религіозныя войны, войны лиги, и была возможна Варѳоломеевская ночь. XVII вѣкъ въ Англіи занятъ парламентской борьбою народа со Стюартами, въ то время, какъ во Франціи управляли Ришльё и Мазарини; къ концу XVII вѣка въ Англіи, послѣ изгнанія Іакова II, парламентское правленіе уже установилось на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ оно существуетъ до сихъ поръ. Во Франціи въ это время были еще возможны драгонады Людовика XIV. Наконецъ въ XVIII столѣтіи въ Англіи мы видимъ дѣйствительное парламентское правленіе; три Георга, слѣдующіе одинъ за другимъ, дѣйствительно царствуютъ, а не управляютъ; вмѣсто нихъ управляютъ Вальполь, два Питта, Фоксъ и другіе министры. Во Франціи въ это время тоже, по временамъ, короли только царствуютъ, а не управляютъ; но управляютъ вмѣсто нихъ не министры, а фаворитки, Помпадуръ и Дюбарри. Разумѣется, таково было и управленіе. Короче сказать, относительно гарантіи внутренней свободы, относительно законности, правильности управленія, Франція почти на два вѣка отстала отъ Англіи. Франція едва въ половинѣ XIX вѣка, при Людовикѣ-Филиппѣ, добилась дѣйствительнаго парламентскаго правленія, которое Англія имѣла уже въ XVII вѣкѣ, по крайней-мѣрѣ послѣ вступленія на англійскій престолъ Вильгельма Оранскаго.

Другія государства материка отстали даже отъ Франціи въ успѣхахъ гражданской жизни. Въ Испаніи продолжалась въ XVI и XVII вѣкахъ еще система управленія Фердинанда и Изабеллы; въ Германіи каждый изъ ея 400 государей старался только о томъ, чтобы получить побольше денегъ отъ

своихъ подданныхъ; и кромѣ того, религіозныя несогласія имѣли по преимуществу несчастныя послѣдствія для Германіи, сдѣлавши ее почти на два вѣка полемъ битвы между католиками и протестантами. И нельзя сомнѣваться въ томъ, что печальному политическому состоянію страны обязанъ своимъ существованіемъ, по крайней въ значительной долѣ, тотъ фактъ, что именно въ Германіи возникали и дѣйствовали самыя крайнія религіозныя секты, недовольствовавшіяся реформою религіи, а стремившіяся вмѣстѣ съ тѣмъ осуществить реформу политическую и соціальную. Таковы секты Анабаптистовъ въ Мюльгаузенѣ и Мюнстерѣ; къ нимъ же нужно отнести коммунистическія общины Моравіи и даже общины такъ-называемыхъ Моравскихъ братьевъ *.

Италія подобно Германіи была какимъ-то постояннымъ полемъ битвы отчасти для своихъ собственныхъ обитателей, отчасти и главнымъ образомъ для своихъ сильныхъ сосѣдей, хотя нерелигіозныя причины производили эти битвы. Онѣ имѣли цѣлью господство надъ самою страною, гдѣ онѣ происходили; въ чью бы пользу онѣ ни окончились, Италія не могла быть свободна; тѣмъ или другимъ изъ своихъ сосѣдей, но она должна была повиноваться. И судьба послала ей не тѣхъ владыкъ, которыхъ правленіе было бы болѣе сноснымъ; въ XVI и XVII на югѣ и на сѣверѣ ея господствовали испанцы, которыхъ иго было одинаково тяжело, какъ для голландцевъ и португальцевъ, которые освободились отъ него, такъ и для неаполитанцевъ и миланцевъ, которые не освободились. Вообще XVI и XVII и даже XVIII вѣка, составляющіе такъ-называемую новую исторію, въ сущности относятся больше къ среднимъ вѣкамъ; въ это время только Англія успѣла перешагнуть изъ среднихъ вѣковъ въ новую исторію; другія государства этого шага не сдѣлали. Нѣтъ никакой рѣзкой черты, которая отличала бы, напримѣръ, правительство Франціи въ XVII и даже XVIII вѣкѣ отъ правительства ея въ XV, XIV и даже въ предыдущихъ вѣкахъ. Драго-

* См. пр. А.

нады Лудовика XIV стоятъ истребленія альбигойцевъ въ XIII вѣкѣ. A lettres de cachet, вмѣстѣ съ господствомъ королевскихъ любовницъ, представляютъ явленія, съ которыми даже не можетъ сравниться ничто въ вѣка предыдущіе. И всѣ эти явленія были тѣмъ тяжелѣе для народовъ, что народы въ теченіе вѣковъ сдѣлали значительные успѣхи въ образованіи и нравственная чувствительность ихъ сдѣлалась значительнѣе. Понятно, что было общее желаніе измѣнить положеніе дѣлъ къ лучшему; но средствъ для этого нигдѣ и никакихъ не было.

Существовали могущественные интересы, которые поддерживали прежній порядокъ со всѣми его злоупотребленіями. Вслѣдствіе этого, умы реформаторовъ обращались не къ средствамъ ближайшимъ, возможнымъ и испытаннымъ, а къ проектамъ утопическимъ, неосуществимымъ; потому что, благодаря обстоятельствамъ, и то и другое было одинаково неосуществимо. одно было неосуществимо вслѣдствіе противодѣйствія людей заинтересованныхъ, другое по самой своей сущности. Но обыкновенно гораздо лучше усматриваются и понимаются внѣшнія, случайныя трудности дѣла, нежели тѣ, которыя вытекаютъ изъ его сущности; потому, новаторы послѣднихъ вѣковъ имѣли менѣе надежды на дѣйствительныя средства общественной реформы, чѣмъ на тѣ, которыя были выработаны ихъ фантазіею. Вслѣдствіе этого, начиная съ XVI вѣка, явилось такъ много проектовъ общественной реформы. Рѣдкій политическій писатель не предложилъ своего общаго или частнаго, но большею частію утопическаго плана соціальной реформы. Изъ философовъ временъ возрожденія Дж. Бруно (1550 — 1600) изложилъ свои соціальныя идеи въ книгѣ: «Spacio della bestia triomphante» (низложеніе торжествующаго звѣря); Ванини (1585 — 1619) въ книгѣ: «De admirandis naturae regnae deaeque mortalium arcanis»; Баконъ Веруламскій въ книгѣ: «Nova Atlantis». Карданъ, знаменитый математикъ и медикъ (1501 — 1576), во многихъ мѣстахъ своихъ десятитомныхъ сочиненій, дѣлаетъ вторженіе въ область соціальную и предлагаетъ свои средства къ исцѣленію общественныхъ золъ. Аббатъ Сенъ-Пьеръ раз-

вивалъ возможность постояннаго всеобщаго внѣшняго и внутренняго мира, въ сочиненіяхъ: «Projet de paix universelle entre les potentats de l'Europe» и въ «Traité de la Polysynodie». Кампанелла довелъ реформистскія идеи до nec plus ultra въ «Civitas Solis». Гаррингтонъ представилъ планъ совершеннѣйшаго правительственнаго устройства въ «Океана». Дальше слѣдуетъ Морелли съ своими сочиненіями: «Naufrage des îles flottantes» и «Code de la nature», Мабли и др.

Впрочемъ, большинство всѣхъ этихъ утопическихъ проектовъ имѣетъ самостоятельныя только подробности, формы, въ которыя выливаются ихъ соціальные идеалы. А самые идеалы обыкновенно заимствуются у первоначальныхъ учителей, законоположителей соціализма, Платона и Т. Мора.

Изъ ближайшихъ послѣдователей Т. Мора, мы обратимъ вниманіе на Кампанеллу, какъ потому, что самъ авторъ принадлежитъ къ числу людей весьма замѣчательныхъ, такъ и потому, что проектъ его отличается большею послѣдовательностью, вслѣдствіе чего соціальныя фантазіи доведены въ немъ до очевиднаго абсурда.

Томасъ Кампанелла родился въ 1568 году въ Калабріи; въ юности онъ много учился и путешествовалъ. Онъ хорошо изучилъ древнихъ философовъ и былъ ревностнымъ противникомъ схоластицизма. Этимъ онъ пріобрѣлъ ненависть, какъ философовъ того времени, такъ и богослововъ, доказывавшихъ и развивавшихъ богословскія истины посредствомъ схоластическихъ тонкостей. Ненависть собратій была причиною того, что Кампанелла удалился изъ родины и шесть лѣтъ провелъ въ разныхъ городахъ Верхней Италіи. Въ это время, онъ уже былъ монахомъ доминиканскаго ордена и пріобрѣлъ большую извѣстность, какъ философъ. Въ 1598 году, онъ возвратился въ Неаполь, и здѣсь въ скоромъ времени былъ обвиненъ въ томъ, что имѣлъ намѣреніе изгнать испанцевъ

изъ Южной Италіи и призвать сюда турокъ. Справедливо или несправедливо было это обвиненіе—неизвѣстно. Но испанскіе суды того времени не отличались мягкостью Кампанеллу нѣсколько разъ подвергали пыткѣ и ничего отъ него не добились; онъ показалъ чрезвычайную твердость характера. Судопроизводство кончилось тѣмъ, что его осудили на вѣчное заключеніе; и онъ дѣйствительно сидѣлъ въ тюрьмѣ отъ 1599 до 1626 года, когда, по ходатайству папы Урбана VIII, онъ былъ выпущенъ на свободу послѣ двадцати-семилѣтняго заключенія. Впослѣдствіи, онъ удалился во Францію, гдѣ былъ весьма благосклонно принятъ Лудовикомъ XIII и кардиналомъ Ришльё, который назначилъ ему пенсію въ 2.000 франковъ. Кампанелла написалъ очень много сочиненій, главнымъ образомъ по философіи; бо́льшая часть изъ нихъ писана въ тюрьмѣ; тамъ же написана его политическая фантазія «Civitas Solis», которая была напечатана въ первый разъ въ 1623 году, во Франкфуртѣ. Быть можетъ, частью тюрьмѣ одолжена «Civitas Solis» тѣмъ, что въ ней Кампанелла не дѣлаетъ никакихъ уступокъ дѣйствительной жизни, а ломаетъ ее такъ же безжалостно, какъ передъ тѣмъ испанскіе судьи пытками ломали его члены.

По плану «Civitas Solis», Городъ Солнца Кампанеллы есть подражаніе Утопіи Томаса Мора. Городъ Солнца есть государство, находящееся на островѣ Тапробанѣ, открытое случайно однимъ генуэзцемъ, капитаномъ корабля, который разсказываетъ о своемъ открытіи магистру ордена Страннопріимцевъ. Въ литературномъ отношеніи «Городъ Солнца» много уступаетъ Утопіи. Т. Моръ описываетъ систематически страну, народъ, политическое устройство, религію, нравы и пр. У Кампанеллы генуэзскій капитанъ отвѣчаетъ на вопросы магистра Страннопріимцевъ. Разскажетъ капитанъ объ одномъ — тогда магистръ предлагаетъ другой вопросъ, и обыкновенно вопросъ не имѣетъ никакого отношенія къ предъидущему разсказу. Кампанелла, совершенно сообразно съ своимъ характеромъ, не заботится о формѣ; вотъ образчикъ его способа изложенія. Капитанъ разсказалъ, что, пріѣхавъ

къ острову Тапробанѣ, онъ вышелъ на берегъ; но увидавъ большую толпу туземцевъ, удалился въ лѣсъ. Подождавъ немного, онъ вышелъ изъ лѣсу на равнину, гдѣ никого не было.

— «Что же съ тобою случилось здѣсь? спросилъ магистръ.

— Вдругъ я наткнулся, отвѣчалъ капитанъ, на огромную толпу вооруженныхъ мужчинъ и женщинъ; изъ нихъ многіе понимали нашъ языкъ; тотчасъ я былъ отведенъ въ городъ Солнца.

— Разскажи же, какъ этотъ городъ построенъ и какъ управляется».

И капитанъ принялся разсказывать объ устройствѣ и управленіи города Солнца. Вотъ сущность его разсказа: городъ Солнца состоитъ изъ кремля, построеннаго на холмѣ и окруженнаго стѣною, и шести концентрическихъ круговъ, также обнесенныхъ стѣнами, такъ что всѣхъ стѣнъ семь; такъ городъ устроенъ для удобнѣйшей защиты отъ непріятеля; если непріятель возьметъ одну наружную стѣну, то это не будетъ значить, что онъ овладѣлъ городомъ; ему нужно будетъ взять еще шесть стѣнъ, которыя, чѣмъ ближе къ центру, тѣмъ крѣпче.

Въ центрѣ города, на самой вершинѣ холма, находится огромный и великолѣпный храмъ, украшенный колоннами; на алтарѣ храма нѣтъ ничего, кромѣ двухъ глобусовъ, небеснаго и земнаго, потому что жители города Солнца (Solares, Солнечные) исповѣдуютъ религію чистаго раціонализма, признаютъ только Бога, творца неба и земли. Правительство города Солнца организовано такимъ образомъ: верховный глава въ дѣлахъ свѣтскихъ и духовныхъ (онъ же и верховный судья) называется на туземномъ языкѣ Гогъ (Hoh), что въ переводѣ на нашъ языкъ означаетъ метафизикъ. Онъ имѣетъ троихъ помощниковъ или министровъ: Пона, Сина и Мора (Pon, Sin, Mor), которыхъ имена означаютъ могущество, мудрость и любовь. Могущество завѣдуетъ дѣлами войны и мира (negotia belli ac pacis), то-есть оно соединяетъ въ себѣ три вѣдомства: военное, морское и иностранныхъ дѣлъ. Мудрость завѣ-

дуетъ науками, какъ гуманными, такъ и реальными (artes liberales et mechanicae). Отъ нея зависятъ начальники отдѣльныхъ частей, которыхъ самыя имена показываютъ, чѣмъ они завѣдуютъ; вотъ какія эти имена: Астрологъ, Космографъ, Ариѳметикъ, Геометръ, Исторіографъ, Поэтъ, Логикъ, Риторъ, Граматикъ, Медикъ, Физіологъ, Политикъ, Моралистъ. По приказу Мудрости, всѣ стѣны въ городѣ, даже стѣны храма, исписаны прекраснѣйшими рисунками и чертежами, въ которыхъ содержатся всѣ науки*. На стѣнахъ храма изображены звѣзды, причемъ величины, свойства и движеніе каждой звѣзды обозначены въ трехъ стихахъ. На внутренней сторонѣ первой городской стѣны изображены фигуры математическія, въ составѣ очень полномъ, опять-таки со стихами, въ которыхъ обозначаются свойства фигуръ. На наружной сторонѣ той же стѣны изображеніе земли; потомъ изображеніе отдѣльныхъ странъ и т. п. На внутренней сторонѣ второй стѣны изображены и описаны всѣ вообще минералы. Короче сказать, всѣ науки, въ которыхъ можно что-нибудь изобразить рисункомъ или чертежомъ, изложены на стѣнахъ города Солнца. Такъ распорядилась Мудрость въ интересахъ просвѣщенія народа.

Любовь заботится главнымъ образомъ о томъ, чтобы «браки между мужчинами и женщинами устраивались такъ, чтобы дѣти рождались самыя лучшія». Жители города Солнца смѣются надъ нами за то, что «мы весьма заботимся о приплодѣ собакъ и лошадей, а на приплодъ людей не обращаемъ никакого вниманія». Въ вѣдомствѣ Любви находится, кромѣ того, воспитаніе дѣтей, медицина, продовольствіе жителей, земледѣліе, скотоводство, вообще все, что относится къ пищѣ, одеждѣ и бракамъ людей. Въ вѣдомствѣ Любви, какъ въ вѣдомствѣ Мудрости, находятся также многіе начальники отдѣльныхъ частей; достойно вниманія то, что въ этомъ вѣдомствѣ нѣкоторыми частями завѣдуютъ «начальницы».

---

* Thomae Campanellae Civitas Solis poetica. Idea reipublicae philosophicae, Ultrajecti. 1643. Стр. 10 и слѣд.

Жители города Солнца переселились на Тапробану изъ Индіи, которую они оставили вслѣдствіе нападеній тирановъ, разбойниковъ и маговъ. Прибывши сюда, они постановили * «вести философскую жизнь въ коммунизмѣ». У нихъ все общее, даже жены (mulierum communitas apud ipsos in usu est). Отъ собственности, по мнѣнію ихъ, происходитъ всякое зло; «безъ собственности же уничтожается даже всякое самолюбіе, и остается только любовь къ общинѣ». Такъ разсказывалъ генуэзскій капитанъ о порядкахъ въ городѣ Солнца. Но при этихъ словахъ магистръ возразилъ, что безъ собственности никто не станетъ работать и всякій будетъ разсчитывать на трудъ другихъ, какъ въ этомъ случаѣ замѣтилъ еще Аристотель, по поводу такого же проекта Платона, и какъ возразилъ Т. Моръ Гиѳлодею.—На это капитанъ отвѣчалъ совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ Гиѳлодей. — «Я неискусенъ въ спорахъ, сказалъ онъ: — но замѣчу тебѣ, что жители города Солнца одушевлены такою любовью къ отечеству, какой едва можно вѣрить». — «Ихъ взаимная дружба обнаруживается преимущественно на войнѣ, во время болѣзни, въ занятіи науками, гдѣ они другъ другу помогаютъ знаніемъ и сотрудничествомъ». — «Всѣ сверстники у нихъ называются братьями; тѣхъ, кто старше ихъ на двадцать-два года, они называютъ отцами; тѣхъ, кто моложе ихъ на столько же, они называютъ дѣтьми». Но очевидно, чувства благорасположенія не всегда господствуютъ между жителями, потому что въ городѣ Солнца есть особенныя должностныя лица, обязанныя смотрѣть за тѣмъ, чтобы граждане не нарушали правъ другъ друга. Эти лица носятъ названія добродѣтелей, которыми сами они отличаются и объ уваженіи къ которымъ они заботятся. Такъ, есть между ними Великодушіе, есть Храбрость, Непорочность, Правдивость, Благоразуміе, Благодѣяніе, Благодарность, Трезвость и т. п. Всѣ эти люди заботятся о томъ, чтобы въ городѣ Солнца не обнаруживались пороки, противо-

* Очевидно, они гораздо раньше были уже большими философами.

положные добродѣтелямъ, выражаемымъ именами этихъ должностныхъ лицъ: Великодушіе заботится, чтобы не было малодушія; Благодарность заботится, чтобы не было неблагодарности; Правдивость, чтобы не было лживости и т. п. Если они замѣтятъ за кѣмъ нибудь поступки, обнаруживающіе эти пороки, то лишаютъ его общаго стола, сношеній съ женщинами и другихъ почестей (?) (mensa communi aut mulierum commercio aliisque honoribus).

— Скажи, прервалъ магистръ, какъ въ городѣ Солнца выбираются власти?

— Это ты нелегко поймешь, отвѣчалъ капитанъ — если напередъ не изучишь всей ихъ жизни. Надобно замѣтить, что въ городѣ Солнца мужчины и женщины носятъ почти одинакую одежду, удобную для войны, и вмѣстѣ учатся разнымъ наукамъ Сначала они учатся читать, обходя городскія стѣны, гдѣ, между прочимъ, изображенъ весь алфавитъ; потомъ учатся математикѣ, естественной исторіи и т. д., все-таки обходя съ своими наставниками городскія стѣны; наконецъ, приходя въ возрастъ, они, продолжая изучать науки, въ то же время привыкаютъ къ земледѣлію, пасутъ скотъ и учатся ремесламъ; и тѣ, которые успѣваютъ всего болѣе въ какой-нибудь наукѣ, дѣлаются начальниками по вѣдомству этой науки, и кто изучилъ большее число наукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лучше знаетъ занятія механическія, тотъ считается благороднѣйшимъ и достойнѣйшимъ гражданиномъ. Изъ такихъ свѣдущихъ людей выбираются Понъ, Синъ и Моръ и самый Гогъ-метафизикъ. Достоинство Гога можетъ получить только тотъ, кто знаетъ всѣ науки и всѣ занятія механическія. Гогъ долженъ отличаться какъ основательностью познаній, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ всесторонностью ихъ, тогда какъ Понъ, Синъ и Моръ обязаны основательно знать только то, что принадлежитъ къ ихъ вѣдомству.

«У жителей города Солнца общіе дома, и спальни, и постели, и все необходимое. Каждые шесть мѣсяцевъ власти назначаютъ жителямъ, кто въ какомъ кругѣ, и даже въ какой

спальнѣ будетъ спать (qui dormituri sint in hoc circo quique in alio, et qui in primo cubiculo, qui in secundo) *.

Дѣвицы выходятъ замужъ въ городѣ Солнца не ранѣе 19 лѣтъ, а мужчины женятся не раньше 21 года. Впрочемъ, все, что касается до отношеній между двумя полами, у Кампанеллы изложено съ такимъ цинизмомъ, что трудно нетолько переводить его, но даже изложить его мысли какими-нибудь другими словами; въ самыхъ понятіяхъ и картинахъ много цинизма. Потому, мы оставимъ непереведенными тѣ предложенія или только выраженія Кампанеллы, которыя, по понятіямъ нашего времени, неудобны въ печати. «Прежде супружества—говоритъ Кампанелла—въ городѣ Солнца licet quibusdam concubitu mulierum uti, sed sterilium et praegnantium».—Старцы, начальники и матроны начальницы providentveneris usum тѣмъ, которые болѣе сладострастны, такъ какъ старцы и матроны знаютъ объ этомъ и безъ ихъ просьбы, потому что узнаютъ ихъ еще въ палестрѣ». Когда солнечные занимаются въ палестрѣ гимнастикою, то, по обычаю древнихъ грековъ, совершенно обнажаются, какъ мужчины, такъ и женщины, и здѣсь начальники inspectantes norunt qui potentes sint, quique flacci ad coitum, et quorum membra quibuscum feminis congruunt membris. И начальники не соединяютъ женщинъ большихъ и красивыхъ иначе, какъ съ мужчинами большими и страстными, напротивъ женщинъ полныхъ соединяютъ съ мужчинами худыми, а худыхъ—съ полными, чтобы они взаимно и съ пользою умѣряли другъ друга. Самое бракосочетаніе происходитъ такимъ образомъ: вечеромъ приходятъ юноши и приготовляютъ брачныя постели. Потомъ они идутъ спать по приказанію начальника и начальницы; но предварительно по разнымъ комнатамъ—мужчины въ одну, женщины въ другую — пока не наступитъ опредѣленный часъ. Самый часъ опредѣляетъ Астрологъ вмѣстѣ съ Медикомъ; и Кампанелла подробно указываетъ, при какихъ условіяхъ этотъ часъ считается благопріятнымъ. Особенность Кампанеллы заключает-

* Комнаты у нихъ всѣ перенумерованы.

ся въ томъ, что онъ вѣритъ въ астрологію, какъ и многіе изъ его современниковъ; и чтобы показать, до какой степени этотъ сильный умъ порабощенъ, между прочимъ, и этимъ суевѣріемъ, мы выпишемъ тѣ совпаденія свѣтилъ, которыми Астрологъ и Медикъ опредѣляютъ hora coitus. Занося ихъ въ свою книгу съ мелочною точностью, Кампанелла, очевидно, даетъ вѣсъ всѣмъ этимъ мелочамъ, признаетъ ихъ значеніе именно въ томъ, а не въ другомъ видѣ.

Часъ благопріятный бываетъ тогда, когда «Венера и Меркурій находятся отъ солнца къ востоку въ благопріятномъ положеніи; кромѣ того, они должны имѣть хорошее положеніе относительно Юпитера, Сатурна и Марса или, въ противномъ случаѣ, не должны быть видимы вмѣстѣ съ ними. Въ особенности жители города Солнца обращаютъ вниманіе на солнце и луну. Въ гороскопѣ они любятъ Дѣву (созвѣздіе), но заботятся, чтобы въ углу не было чего неблагопріятнаго, потому что они всѣ углы дѣлаютъ квадратомъ и чрезъ противоположеніе. Отъ этого зависитъ корень жизненной силы и счастія, чрезъ гармонію цѣлаго и частей вселенной; не столько требуется присутсвіе спутниковъ, сколько хорошее расположеніе свѣтилъ. О спутникахъ они заботятся при основаніи городовъ и изданіи законовъ, причемъ мало обращаютъ вниманія на Марса и Сатурна, развѣ только они очень хорошо расположены. Кромѣ того, въ городѣ Солнца придаютъ значеніе расположенію планетъ и относительно звѣздъ неподвижныхъ» *. Итакъ не при однихъ бракахъ жители города Солнца пользуются помощію и указаніями свѣтилъ небесныхъ; какъ видно, вся ихъ жизнь, по крайней-мѣрѣ важнѣйшія событія ея, опредѣляются астрологическими гаданіями. И весь этотъ только что приведенный наборъ словъ, для насъ лишенный всякаго смысла, безъ сомнѣнія, для Кампанеллы имѣлъ смыслъ глубокій, къ которому въ немъ было религіозное довѣріе.

При бракосочетаніи солнечные жители потому обращаютъ большое вниманіе на всѣ малѣйшія подробности, что хорошій

---

* Стр. 34.

темпераментъ, который есть источникъ добродѣтелей, «не можетъ быть пріобрѣтенъ ученьемъ, а долженъ быть пріобрѣтенъ рожденьемъ». Потому у нихъ существуетъ такой обычай: если какая нибудь женщина non concipit ab aliquo viro, copulant illam alii (не al.o); если она все-таки оказывается безплодною, то «fit communis». Тѣ женщины, которыя concipiunt, сначала впродолженіе пятнадцати дней остаются въ полномъ спокойствіи, потомъ дѣлаютъ легкія и медленныя упражненія для укрѣпленія плода, потомъ эти упражненія онѣ увеличиваютъ, и сами питаются только тѣмъ, что предпишутъ медики. Послѣ рожденія, женщины сами кормятъ дѣтей грудью впродолженіе двухъ лѣтъ и болѣе, по указанію Физика. въ общихъ зданіяхъ, для этого предназначенныхъ. Отнятый отъ груди ребёнокъ передается начальникамъ, если это мальчикъ, и начальницамъ, если дѣвочка. Такимъ образомъ, ребенокъ принадлежитъ обществу съ того возраста, когда онъ еще не пріобрѣлъ полноты сознанія, такъ что, возросши, онъ не помнитъ своей матери, а помнитъ только тѣхъ начальниковъ или начальницъ, которые воспитывали его вмѣстѣ съ другими дѣтьми.

Мы не будемъ дальше слѣдить за Кампанеллою, но кратко обозначимъ другіе предметы, занимающіе его; послѣ описанія браковъ, онъ говоритъ о томъ, какъ даются дѣтямъ имена; даются они не случайно, а сообразно съ особенностями дѣтей: одинъ называется Красный, другой — Носастый, третій — Худой и т. п. Потомъ идетъ рѣчь о женской красотѣ. Въ республикѣ Кампанеллы безобразныхъ женщинъ нѣтъ; всѣ ея женщины статны, граціозны, сильны, отличаются хорошимъ цвѣтомъ лица. Но бываетъ, что онѣ не довольствуются своею натуральною красотою, и начинаютъ румяниться, дѣлаютъ себѣ высокіе каблучки (altis scandaliis utuntur) или длиннохвостыя платья (vestibus caudatis); законъ находитъ подобное искаженіе природы большимъ преступленіемъ, и опредѣляетъ за него не болѣе и не менѣе, какъ смертную казнь!

Потомъ Кампанелла разсказываетъ, что гордость въ городѣ

Солнца сильно преслѣдуется, что работаютъ граждане всѣ вмѣстѣ и ихъ трудъ весьма производителенъ. Женщины у нихъ участвуютъ въ военныхъ упражненіяхъ, чтобы въ случаѣ нужды помогать мужчинамъ. Въ военномъ дѣлѣ солнечные очень искусны; въ сраженіи они употребляютъ арканы, которыми опутываютъ и увлекаютъ за собою непріятелей; узду лошадей держатъ не руками, а ногами. Торговлей занимаются немного; и то на деньги своихъ произведеній не продаютъ, а вымѣниваютъ на нихъ произведенія другихъ странъ. Телѣги они употребляютъ съ парусами, и онѣ могутъ двигаться какъ по вѣтру, такъ и противъ вѣтра, потому что снабжены такою системою колесъ. Корабли у нихъ, напротивъ, могутъ двигаться безъ вѣтра, съ помощію внутренняго механизма, подобнаго механизму прялокъ, употребляемыхъ калабрскими женщинами

Короче все, что когда нибудь приходило въ голову Кампанеллѣ относительно улучшеній въ бытѣ общественномъ, улучшеній въ инструментахъ, въ орудіяхъ, все, что ему приходилось слышать объ улучшеніяхъ, существующихъ въ другихъ странахъ — все это онъ занесъ въ свое описаніе города Солнца въ видѣ великихъ удобствъ и изобрѣтеній, существующихъ тамъ.

Сущность его системы заимствована какъ отъ Платона, такъ и отъ Т. Мора. У Платона онъ занялъ великія заботы правителей о томъ, чтобы молодые люди вступали въ правильные браки; отъ него же онъ занялъ распущенность въ дѣлахъ эротическихъ, когда нѣтъ надежды на рожденіе дѣтей, и кромѣ того общее, внѣ семейства, воспитаніе дѣтей. У Платона же заимствована идея управленія государствомъ посредствомъ людей, наиболѣе свѣдущихъ въ наукахъ. Идея постройки города Солнца имѣетъ много общаго съ постройкою утопійскаго Амавротума; добродѣтельные люди: Благодарность, Трезвость и проч., наблюдающіе за нравственностью гражданъ, очень напоминаютъ сифогрантовъ и траніборовъ Т. Мора, дѣлающихъ то же самое, и т. д. Короче, у Кампанеллы нѣтъ ни одной своей собственной общей идеи; ему развѣ

можно приписать то, что онъ, христіанинъ и монахъ, допустилъ въ своемъ государствѣ языческую распущенность нравовъ въ сношеніяхъ между мужчинами и женщинами; и можетъ быть въ этомъ нужно искать указаніе на то, что и онъ, подобно Т. Мору, не серьезно смотрѣлъ на свое произведеніе, такъ какъ въ глубокой христіанской религіозности Кампанеллы сомнѣваться невозможно; быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ его городъ Солнца былъ ни чѣмъ другимъ, какъ частію развлеченіемъ въ скукѣ многолѣтняго заключенія, а частію произведеніемъ больнаго воображенія человѣка, котораго организмъ былъ изнуренъ пытками, заключеніемъ, дурнымъ содержаніемъ и т. п.

Изъ послѣдующихъ реформистовъ XVII вѣка мы обратимъ вниманіе на Гаррингтона и аббата Сенъ-Пьера, не потому, чтобы они дальше другихъ уходили въ область утопіи; напротивъ, они оба удалились въ нее гораздо меньше своихъ предшественниковъ и современниковъ, они не тронули коренныхъ принциповъ общества, они обошлись безъ этого средства, предлагая проекты, способные, по ихъ мнѣнію, гарантировать міръ отъ двухъ великихъ золъ, отъ которыхъ до сихъ поръ онъ страдалъ и страдаетъ: отъ внутреннихъ политическихъ смутъ и внѣшнихъ войнъ. Но и Гаррингтонъ и аб. Сенъ-Пьеръ отличаются отъ другихъ авторовъ реформаторскихъ проектовъ тѣмъ, что ихъ проекты безспорно принадлежатъ имъ самимъ, выработаны ими, а не заимствованы отъ другихъ; и ихъ проекты, въ особенности проекты аббата Сенъ-Пьера показываютъ, что общественное зло въ ихъ время было очень сильно, что оно занимало безспорно лучшихъ людей своего времени, заставляло ихъ искать средствъ къ устраненію зла.

Гаррингтонъ былъ англійскій дворянинъ, жившій въ половинѣ XVII столѣтія, современникъ Карла I и Кромвеля.

Въ молодости онъ много путешествовалъ на материкѣ Европы, былъ въ Голландіи, въ Римѣ, въ Венеціи, и во время путешествій ревностно занимался изученіемъ политическаго устройства тѣхъ странъ, гдѣ находился. Во время революціи онъ, несмотря на то, что былъ республиканцемъ, защищалъ короля и остался лично привязанъ къ нему до самой его смерти. Во время республики Гаррингтонъ велъ частную жизнь и, повидимому, не интересовался ходомъ событій. Но въ это время имъ была написана «Океана» — книга, посредствомъ которой авторъ стремится упрочить республиканскій порядокъ, введенный въ Англіи *. Подъ именемъ Океаны Гаррингтонъ разумѣетъ и описываетъ Англію: почему авторъ назвалъ ее Океаною, а не Англіею, это трудно понять; но маскировать предметъ это имя никакъ не можетъ, потому что Гаррингтонъ, разсказывая исторію Океаны, въ самомъ дѣлѣ разсказываетъ дѣйствительную исторію Англіи, такъ что при самомъ малѣйшемъ знаніи англійской исторіи невозможно никакое недоразумѣніе относительно предмета сочиненія. Такъ онъ говоритъ о періодахъ англійской исторіи—римскомъ, саксонскомъ, норманскомъ, о Вильгельмѣ-Завоевателѣ, котораго называетъ Турбономъ, объ Іоаннѣ - Безземельномъ, котораго называетъ Адоксомъ, о Генрихѣ VII (Панургъ), Генрихѣ VIII (Кераунъ), Елисаветѣ (Парѳенія), Іаковѣ I (Морфей) и проч. Лондонъ онъ называетъ Эмпоріумъ, Шотландію — Марпезія, Ирландію— Панопея и проч. Въ заключеніе онъ переходитъ къ революціи и республикѣ, говоритъ о Кромвелѣ, котораго называетъ Олфаемъ Мегалеторомъ. Цѣль сочиненія состоитъ повидимому въ томъ, чтобы убѣдить Кромвеля **, а частію и весь народъ, въ необходимости установить республиканскій порядокъ на

---

* Oeuvres politiques de Jacques Harrington; ouvr. trad. de l'anglais. Paris. L'an III de la rép. franc. III vol. Vie de J. Harrington, ecrite par Toland.

** Сочиненіе Кромвелю и посвящено; къ посвященію присоединенъ стихъ Горація: Quid rides? mutato nomine, de te fabula narratur, вѣроятно, чтобы не оставить Кромвелю никакой возможности недоразумѣнія.

прочныхъ и притомъ особенныхъ основахъ; съ этимъ вполнѣ гармонируетъ и планъ сочиненія. Разсказавши кратко исторію Англіи, или правильнѣе, исторію англійской конституціи, и дойдя до революціи (1649 г.), Гаррингтонъ останавливается на этомъ времени и начинаетъ, съ чрезвычайною подробностью описывать новую конституцію, выработанную архонтомъ Олфаемъ Мегалеторомъ, «непобѣдимымъ полководцемъ и безпримѣрнымъ патріотомъ», съ помощію совѣта законодателей, изучившихъ всѣ конституціи міра, отъ израильской до венеціанской и голландской, и съ помощію собранія притановъ, занимавшихся разсмотрѣніемъ всѣхъ проектовъ конституціи, какіе только были представлены частными людьми.

Сущность этой конституціи заключается въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, въ равновѣсіи имущества, и во-вторыхъ, въ искусно-придуманной системѣ выборовъ. Относительно имущества Гаррингтонъ говоритъ, что оно играетъ гораздо большую роль въ исторіи, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Слѣдуя ему, власть въ государствѣ всегда принадлежитъ тѣмъ классамъ общества или тѣмъ лицамъ, на сторонѣ которыхъ находится перевѣсъ богатства поземельнаго; эту мысль Гаррингтонъ проводитъ по исторіи всѣхъ народовъ и вездѣ находитъ подтвержденіе ея въ фактахъ. Онъ поправляетъ Гоббеса, утверждающаго, что власть въ государствахъ принадлежитъ мечу. Гаррингтонъ возражаетъ ему такимъ образомъ: мечомъ управляетъ рука, которая принадлежитъ человѣку; а чтобы человѣкъ могъ ею дѣйствовать, надобно, чтобы онъ былъ сытъ. И если онъ имѣетъ свои средства пропитанія, то онъ будетъ дѣйствовать мечомъ въ свою пользу; а если его будетъ кормить другой, болѣе богатый человѣкъ, то онъ будетъ дѣйствовать въ пользу этого человѣка *; вслѣдствіе этого господство въ государствѣ небольшихъ поземельныхъ владѣній ведетъ къ гражданскому равенству, а господство большихъ состояній ведетъ къ образованію привиллегированнаго сословія. Въ Анг-

* I, стр. 68.

ли (Океанѣ) привилегированное сословіе — бароны потому только потеряли свое значеніе, столь сильное еще во время войны Бѣлой и Алой розы, что Генрихъ VII (Ланургъ) принялъ мѣры къ уменьшенію ихъ имуществъ и къ созданію рядомъ съ ними независимаго класса земледѣльцевъ. Такимъ образомъ и произошло распредѣленіе имуществъ въ Океанѣ, весьма благопріятное прочному водворенію въ ней республиканской свободы. Гаррингтонъ не желаетъ полнаго уравненія состояній, и тѣмъ болѣе коммунизма; напротивъ, существованіе болѣе значительныхъ состояній онъ считаетъ очень выгоднымъ для государства. Владѣльцы такихъ состояній могутъ и должны отправлять нѣкоторыя обязанности, доставляющія имъ почетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, налагающія на нихъ нѣкоторыя жертвы. Такъ въ народной милиціи они составляютъ конницу, они отправляютъ обязанности мировыхъ судей, изъ нихъ выбираются предводители мѣстной милиціи и т. п. Но люди, неимѣющіе состоянія, живущіе своимъ трудомъ, также не лишены гражданскихъ правъ: они участвуютъ въ милиціи, гдѣ составляютъ пѣхоту, участвуютъ въ выборѣ должностныхъ лицъ, могутъ быть присяжными и т. п.; въ Океанѣ не пользуются всею полнотою гражданскихъ правъ только тѣ, которые находятся въ услуженіи у другихъ; такъ должно быть по самой природѣ вещей, замѣчаетъ Гаррингтонъ, «потому что рабство несовмѣстно съ свободою или съ участіемъ въ управленіи республики» *.

Не желая уравненія состояній, Гаррингтонъ тѣмъ не менѣе желаетъ, чтобы въ Океанѣ не было очень большихъ поземельныхъ владѣній. Для этого онъ предлагаетъ родъ аграрныхъ законовъ, по которымъ никто въ государствѣ **не можетъ владѣть количествомъ земли, приносящимъ дохода болѣе двухъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ** **; никакія обстоятельства не

* I, 179. То же правило было принято во Франціи въ концѣ XVIII вѣка, когда домашняя прислуга лишена была права голоса.

** III, 5 Такое ограниченіе имущества простирается исключительно на землю; другаго рода имущества могутъ быть увеличиваемы безъ

дают права владѣть бо́льшимъ количествомъ, такъ что имѣніе не можетъ увеличиться дальше этой цифры ни черезъ полученіе наслѣдства, ни черезъ приданое и т. п. Вслѣдствіе этого поземельное богатство Океаны никакъ не можетъ соединиться въ немногихъ рукахъ, равно какъ и поземельное богатство соединенныхъ съ нею Марпезіи и Панопеи, такъ что въ странѣ всегда будетъ много среднихъ и мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ, что́ составляетъ самое выгодное положеніе относительно защиты національной независимости и республиканской свободы. И это одинъ изъ коренныхъ государственныхъ законовъ въ Океанѣ; въ немъ осуществляется ученіе Гаррингтона объ имущественномъ балансѣ въ государствѣ и о томъ, что власть принадлежитъ тому, кто владѣетъ средствами пропитанія жителей.

Другой основной законъ государственнаго устройства Океаны состоитъ въ порядкѣ выборовъ и въ самомъ порядкѣ управленія страною, которая для этого раздѣлена на трибы, числомъ пятьдесятъ; каждая триба раздѣляется на двадцать центурій, каждая центурія на десять приходовъ. Въ дѣлахъ каждой административной единицы допущено самое широкое самоуправленіе; центральная власть замѣтна только въ центрѣ государства; въ приходахъ, центуріяхъ и трибахъ она только наблюдаетъ, чтобы законы государства были исполняемы, чтобы, между прочимъ, выборы были производимы сообразно съ законами, которые опредѣляютъ порядокъ ихъ съ самою мелочною точностью. Мы не будемъ заниматься подробностями этихъ законовъ; замѣтимъ только, что сущность ихъ заключается въ постепенности, въ родѣ той, какая существовала, напримѣръ, во французской конституціи VIII года, то-есть въ Океанѣ народъ непосредственно выбираетъ только мѣстныя власти приходовъ и депутатовъ, которые, собравшись изъ всѣхъ приходовъ въ центуріи, избираютъ мѣстныя власти для

границы, по мнѣнію Гаррингтона они не имѣютъ вліянія на политическое равновѣсіе внутри государства.

центурій. Они же потомъ, собравшись въ трибахъ, избираютъ мѣстныя власти трибъ, равно какъ и военныя власти для милиціи цѣлой трибы. Здѣсь же, въ собраніи трибъ, избираются представители трибы въ общемъ парламентѣ государства, который раздѣляется на двѣ палаты, верхнюю и нижнюю. Въ верхней засѣдаютъ тѣ выборные трибъ, которые по состоянію своему составляютъ конницу въ народной милиціи, а въ нижней — тѣ, которые составляютъ пѣхоту. Всѣ эти послѣдовательные выборы опредѣлены съ чрезвычайною точностью; авторъ указываетъ, гдѣ должны быть поставлены избирательныя урны, сколько въ урну полагается шаровъ, какого цвѣта должны быть эти шары, и даже въ какомъ порядкѣ избиратели должны подходить къ урнамъ. И правилъ, относящихся къ балотировкѣ, такъ много и они такъ сложны, что центральное правительство (впрочемъ, только на первый разъ) посылаетъ въ приходы своихъ комисаровъ, которые объясняютъ жителямъ правила балотировки. Кромѣ того, за правильностью балотировки наблюдаютъ, особенные чиновники, избираемые въ собраніяхъ трибъ, цензоры и ихъ помощники. Все это показываетъ, что Гаррингтонъ придавалъ слишкомъ большое значеніе своей системѣ выбора должностныхъ лицъ и народныхъ представителей *.

Книга Гаррингтона произвела сильное впечатлѣніе при своемъ появленіи (1656); въ Лондонѣ и въ цѣлой Англіи всѣ политики пустились обсуждать его систему выборовъ; нѣкоторое время она была главнымъ предметомъ разговоровъ. Но Кромвель отнесся къ ней неблагосклонно; она была конфискована даже прежде, нежели вышла изъ типографіи; впрочемъ, въ скоромъ времени была возвращена автору и выпущена имъ въ свѣтъ. Кромвель, прочитавши ее, сказалъ: «авторъ хочетъ, чтобы я оставилъ власть, пріобрѣтенную мною; но что я пріобрѣлъ мечомъ,

* Впрочемъ, не одинъ онъ, а и современники его были весьма заняты способами выбора народныхъ представителей. Извѣстно, что Кромвель никакъ не могъ сладить съ представителями народа — то созывалъ ихъ, то распускалъ, то производилъ новые выборы на новыхъ основаніяхъ.

того не выпущу изъ рукъ изъ-за нѣсколькихъ строкъ, начерченныхъ перомъ». Такимъ образомъ, надежда Гаррингтона не исполнилась; его исторія Океаны есть исторія Англіи только до времени республики; а съ этого времени она не походитъ на исторію Англіи. Кромвель, дѣйствительно, до смерти не выпускалъ изъ своихъ рукъ власти, тогда какъ Олфай Мегалеторъ, устроивши республику въ Океанѣ, сложилъ съ себя власть и дожилъ свой вѣкъ, подобно древнему Тимолеону, окруженный любовію и уваженіемъ народа; скончался Мегалеторъ 110 лѣтъ, и послѣ смерти получилъ великія почести и великолѣпный памятникъ, на которомъ онъ былъ названъ отцомъ отечества.

Такъ Гаррингтонъ думалъ пообѣщать Кромвелю даже долголѣтіе и народную признательность за гробомъ; но Кромвель былъ не изъ такихъ людей, которыхъ можно прельстить подобными вещами. Впослѣдствіи времени европейскіе и американскіе публицисты обратили вниманіе на книгу Гаррингтона, и не отказывая ей въ серьёзности, находили, что она слишкомъ односторонна. Монтескьё говоритъ, что Гаррингтонъ не нашелъ истины въ то время, какъ она у него была передъ глазами, что онъ построилъ Халкидонъ, имѣя передъ собою, на противоположномъ берегу, Византію.

Если мы сравнимъ Гаррингтона нетолько съ Кампанеллою, но и съ Моромъ, то найдемъ, что разстояніе между ними огромно. Мы уже видѣли, что Гаррингтонъ не отрицаетъ собственности, онъ даже сохраняетъ дворянство, хотя его дворянство остается наслѣдственнымъ только до тѣхъ поръ, пока оно сохраняетъ имущественный перевѣсъ; человѣкъ, потерявшій имущество, вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ и высшія права, которыми онъ пользовался въ государствѣ. Относительно религій Гаррингтонъ не отличается также большою терпимостью; онъ допускаетъ полную свободу совѣсти для всѣхъ исповѣданій, но отказываетъ въ этомъ «евреямъ, идолопоклонникамъ и папистамъ». Во внѣшнемъ порядкѣ государственной жизни онъ остается также вѣренъ сферѣ, въ которой воспитанъ; вся

государственная машина дѣйствуетъ, возбуждаемая тѣмъ же стимуломъ, который имѣетъ всемогущее вліяніе въ нашей жизни, то есть деньгами: и распредѣленіе государственнаго бюджета весьма походитъ на обыкновенное распредѣленіе его въ государствахъ Европы; даже океанскій бюджетъ не отличается ни скромностью, ни умѣренностью, ни справедливой равномѣрностью, чѣмъ долженъ бы отличаться республиканскій бюджетъ. Въ то время, какъ пѣхотный солдатъ во время похода получаетъ только 16 фунтовъ въ годъ— лордъ-стратегъ получаетъ 10.000 ф. Кромѣ того, Гаррингтонъ въ своей конституціи не обошелся безъ чрезвычайныхъ посольствъ, стоющихъ народу большихъ суммъ, и даже безъ церемоній-мейстера. Такимъ образомъ въ идеалѣ Гаррингтона, въ значительной степени, отразилось вліяніе сферы, въ которой онъ воспитанъ, и весь его планъ недовольно ушелъ отъ порядка дѣлъ, существовавшаго въ его время. И еслибы Кромвель дѣйствительно захотѣлъ послѣдовать примѣру Тимолеона, то планъ Гаррингтона могъ бы быть осуществленъ почти вполнѣ. Это-то умѣренность Гаррингтона, эта близость его плана къ дѣйствительной жизни и сдѣлала то, что онъ не пользовался сочувствіемъ послѣдующихъ политическихъ мечтателей.

Еще болѣе скромнымъ реформаторомъ, чѣмъ Гаррингтонъ, былъ аббатъ Сенъ-Пьеръ, «исключенный членъ французской академіи». Исключенъ изъ академіи онъ былъ, какъ извѣстно, за то, что въ своемъ сочиненіи «Traité de la Polisynodie» онъ увѣрялъ, что Людовика XIV неправильно называютъ Людовикомъ-Великимъ, что гораздо правильнѣе его называть Людовикомъ-Могущественнымъ или Страшнымъ (Puissant ou Redoutable), что именно этимъ названіямъ соотвѣтствовали его качества и дѣла, и что въ нихъ совсѣмъ не было истиннаго величія. Хотя это было написано три года спустя послѣ смерти Людовика XIV, то-есть въ 1718 г., однако академія

не могла простить одному изъ своихъ членовъ такого свободномыслія и неблагодарности къ «своему покровителю, благодѣтелю и королю», котораго она прославляла впродолженіе пятидесяти лѣтъ на всѣ возможные лады, и аббатъ Сенъ-Пьеръ былъ исключенъ изъ числа членовъ академіи.

Аб. Сенъ-Пьеръ всю жизнь свою занимался дѣлами благотворительными и сочинялъ проекты всякаго рода реформъ; кромѣ двухъ названныхъ выше проектовъ, онъ написалъ еще слѣдующіе: проектъ улучшенія дорогъ въ зимнее время, проектъ увеличенія числа учебныхъ заведеній для дѣвицъ, проектъ учрежденія должности государственныхъ лѣтописцевъ, проектъ сдѣлать академію учрежденіемъ болѣе полезнымъ, проектъ уменьшенія числа нищихъ, проектъ упрощенія орѳографіи, проектъ уменьшенія числа процессовъ, и еще много другихъ проектовъ. Важнѣйшіе изъ его проектовъ были, безъ сомнѣнія, два: проектъ установленія вѣчнаго мира и проектъ полисинодіи *.

Проектъ вѣчнаго мира аб. Сенъ-Пьеръ самъ выдаетъ за тотъ, который принадлежалъ Генриху IV; аббатъ Сен-Пьеръ только редижировалъ его (1716 г.) и привелъ въ согласіе съ современными ему обстоятельствами. Главныя положенія этого проекта слѣдующія:

1) Современное положеніе дѣлъ, опредѣляемое послѣдними трактатами, принимается за норму; никакое государство не должно стремиться къ увеличенію своей территоріи выше этой нормы; съ другой стороны все, чѣмъ государство владѣло въ данное время, обезпечивается ему отъ всякихъ внѣшнихъ притязаній. Съ этого времени всякое государство можетъ и должно усиливаться только посред-

* Сочиненія аббата Сенъ-Пьера не изданы вполнѣ. Ихъ издавали по частямъ и иногда въ сокращеніи. Самъ аббатъ Сенъ-Пьеръ сократилъ свой проектъ de la paix perpetuelle, который въ первомъ изданіи обнималъ три тома. Мы пользовались книгою г. Молинари: «L'abbé de Saint-Pierre». гдѣ приведены большія извлеченія изъ проектовъ аб. Сенъ-Пьера in extenso.

ствомъ внутреннихъ реформъ, и аб. Сенъ-Пьеръ доказываетъ, что такое усиленіе будетъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ усиленіе посредствомъ внѣшняго расширенія.

2) Учреждается верховный трибуналъ, состоящій изъ уполномоченныхъ отовсѣхъ государствъ Европы, который большинствомъ голосовъ рѣшаетъ всѣ споры и неудовольствія, возникающія между отдѣльными государствами. Всякое государство должно повиноваться рѣшенію этого трибунала; въ противномъ случаѣ, всѣ остальныя государства принудятъ его къ тому силою и, кромѣ того, заставятъ его заплатить издержки возникшей изъ этого случая войны.

3) Возникшія междоусобныя войны также прекращаются средствами всѣхъ государствъ, участвующихъ въ союзѣ.

4) Союзъ обезпечиваетъ всѣмъ государямъ, принадлежащимъ къ нему, сохраненіе ихъ верховной власти, какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ потомства.

Въ этихъ немногихъ положеніяхъ заключается вся сущность проекта аб. Сенъ-Пьера. Нечего и говорить, что въ этомъ проектѣ нѣтъ ничего такого, что было бы неосуществимо по самой своей сущности. Напротивъ, подобные союзы и подобные верховные трибуналы, даже существовали въ дѣйствительности; только, къ сожалѣнію, ихъ благодѣтельное вліяніе было весьма ограничено Такъ древнія греческія амфиктіоніи были дѣйствительнымъ осуществленіемъ мечты аб. Сенъ-Пьера, и въ наше время Германскій Союзъ былъ построенъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ. Но и амфиктіонскія рѣшенія были обязательны только для тѣхъ, кто боялся ихъ не исполнить; и рѣшенія Франкфуртскаго сейма не остановили Пруссію, задумавшую измѣнить самый Германскій Союзъ, причемъ послѣ войны, возникшей изъ неповиновенія Пруссіи рѣшенію сейма, она нетолько не заплатила никому военныхъ издержекъ, но сама собрала обильную контрибуцію со всѣхъ своихъ противниковъ, партизановъ законности. Идея вѣчнаго мира, несмотря на то, есть такая идея, къ которой относились съ сочувствіемъ лучшіе умы во всѣ времена исторіи. Извѣстно, что

Периклъ даже приступилъ, хотя безуспѣшно, къ осуществленію своей мысли о вѣчномъ мирѣ между греками; на этой мысли были основаны союзы послѣдняго времени греческой независимости, преимущественно ахейскій. Изъ римскихъ философовъ, Сенека былъ ревностнымъ сторонникомъ этой идеи. Впослѣдствіи, кромѣ Генриха IV съ его современниками, каковы Сюлли и Эм. Лакруа германскіе философы усердно разработывали мысль о вѣчномъ мирѣ; такъ Кантъ въ «философическомъ опытѣ вѣчнаго мира» предлагаетъ свой проектъ, не считая его, однако, легко осуществимымъ, по крайней-мѣрѣ въ его время; для осуществленія его онъ считаетъ необходимымъ условіемъ, чтобы въ государствахъ Европы сдѣланы были напередъ многія весьма существенныя реформы; современный же ему порядокъ онъ не считаетъ совмѣстнымъ съ идеею вѣчнаго мира. Въ этомъ случаѣ, онъ поддается гораздо менѣе своему pium desiderium, чѣмъ аб. Сенъ-Пьеръ. Наконецъ, много другихъ писателей, всѣ вообще моралисты и экономисты, относились къ войнѣ, какъ къ величайшему злу, а вѣчный миръ считаютъ идеальнымъ состояніемъ, къ которому должны стремиться всѣ народы. Въ XIX вѣкѣ въ разныхъ городахъ Европы и Америки образовались «общества мира» которыя положили своею цѣлью распространять идею вѣчнаго мира всѣми средствами убѣжденія общественнаго мнѣнія *. Вообще, въ этой идеѣ вѣчнаго мира

---

* Первое такое общество возникло въ Нью-Іоркѣ въ 1815 г., потомъ въ Массачусетсѣ въ томъ же году, въ Лондонѣ въ 1816 г. въ Женевѣ въ 1830, въ Парижѣ въ 1841, и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Особенною дѣятельностью ознаменовало себя общество мира въ Массачусетсѣ. Кромѣ того, по временамъ происходили особенные съѣзды, на которыхъ собирались друзья мира, съ тою же цѣлью — распространять въ обществѣ сознаніе необходимости и возможности постояннаго мира. Обыкновенно, всѣ такіе конгрессы издавали протоколы своихъ засѣданій и иногда цѣлыя сочиненія о необходимости постояннаго мира. Замѣчательнѣйшіе конгресы мира были въ Бостонѣ въ 1840, въ Лондонѣ въ 1843, въ Брюсселѣ въ 1848 г., въ Парижѣ въ 1849, во Франкфуртѣ въ 1850, въ Лондонѣ въ 1851 году и пр. Изъ изданій, имѣющихъ въ виду распространеніе идеи вѣчнаго мира, упомянемъ «Inquiry into the accordancy of war with the principles of Christianity» Лонд. 1843 г.,

нѣтъ ничего неосуществимаго; она неосуществима теперь только благодаря обстоятельствамъ, которыя, однако, въ наше время менѣе неблагопріятны для этой идеи, чѣмъ во время аб. Сенъ-Пьера.

Въ «Трактатѣ о полисинодіи» аб. Сенъ-Пьеръ проектируетъ государственныя учрежденія, которыя должны гарантировать внутренній прогрессъ государства.

Эти учрежденія состоятъ изъ восьми совѣтовъ, завѣдующихъ отдѣльными отраслями государственнаго управленія (совѣтъ юстиціи, полиціи, финансовъ, торговли, флота, арміи, иностранныхъ дѣлъ и религіи). Совѣты составляются посредствомъ выборовъ, разумѣется, въ каждый совѣтъ могутъ попадать только спеціалисты Кромѣ того, есть общій совѣтъ, въ которомъ засѣдаютъ люди всѣхъ спеціальностей и даже знакомые болѣе или менѣе со всѣми спеціальностями. Это изобиліе совѣтовъ и называется аб. Сенъ-Пьеромъ полисинодіею. Очевидно, этотъ проектъ былъ вызванъ произволомъ въ управленіи Франціею во время аб. Сенъ-Пьера, когда интенданты въ провинціи и генералы въ арміи назначались не по способностямъ и заслугамъ, а по благоволенію г-жи Ментенонъ и другихъ фаворитокъ короля, или по капризу самого короля. Въ «полисинодіи» еще меньше утопіи, нежели въ проектѣ всеобщаго мира. Самъ Сенъ-Пьеръ считаетъ ее весьма

также «All war anticristian», сборникъ, содержащій въ себѣ тринадцать разсужденій о мирѣ и войнѣ, принадлежащихъ различнымъ авторамъ. Подобный же Сборникъ изданъ въ Бостонѣ въ 1840 г. подъ именемъ «Prize Essays on a Congress of Nations». Изъ періодическихъ изданій упомянемъ объ «Archives de la Société de la paix à Genève», начавшемъ выходить вскорѣ послѣ образованія въ Женевѣ Общества Мира, и объ «Herald of Peace», двухмѣсячномъ обозрѣніи, предпринятомъ Лондонскимъ Обществомъ мира въ 1850 году. — Изъ сочиненій отдѣльныхъ авторовъ, имѣющихъ ту же цѣль, укажемъ Сарторіуса «Organe des vollkommenen Friedens» (Цюрихъ 1837 г.), Маршана «Nouveau projet de traité de paix perpetuelle (Пар. 1842 г.) и Ларрока «De la guerre et des armées permanentes», сочиненіе, удостоенное Лондонскимъ Обществомъ мира преміи (R. Mohl. Gesch und Liter. der Statw. I, 438 и Molinari въ Dict. de l'Econ. pol. Paix).

легко осуществимою и ожидаетъ отъ нея самыхъ благотворныхъ результатовъ; по его словамъ, она приведетъ европейскія государства къ «золотому вѣку». Современное ему положеніе Европы С.-Пьеръ считаетъ вѣкомъ серебрянымъ, въ который человѣчество хотя не избавилось еще отъ многихъ золъ, но приближается къ этому, благодаря успѣхамъ образованія, благодаря тому, что законы получаютъ болѣе и болѣе уваженія и кулачное право перестало существовать.

Проекты аббата Сенъ-Пьера, повидимому, имѣютъ характеръ исключительно политическій; но такова только внѣшняя ихъ сторона; послѣдняя цѣль, которая за ними скрывается, есть общая соціальная реформа государства, и главнымъ образомъ улучшеніе быта бѣдныхъ классовъ. Вѣчный миръ имѣетъ въ виду устранить насильственныя препятствія для этой реформы, и избавить народы отъ періодическаго разоренія, а полисинодія должна устроить общее благосостояніе, должна ввести въ жизнь справедливость и взаимное доброжелательство и должна «ясно разграничить, что̀ принадлежитъ одному и что̀ принадлежитъ другому». Самъ аббатъ Сенъ-Пьеръ предлагаетъ нѣкоторые частные проекты, имѣющіе въ виду эти цѣли; таковы его проекты: касательно уменьшенія числа процессовъ, касательно облегченія участи нищихъ, касательно болѣе справедливаго распредѣленія прямыхъ налоговъ (projet d'une taille tarifiée). Да и самый исходный пунктъ Сенъ-Пьера есть печальное состояніе низшихъ классовъ во Франціи въ его время; онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Вобаномъ; и многія мѣста его сочиненій, гдѣ онъ касается современнаго ему состоянія Франціи, очень напоминаютъ извѣстное описаніе экономическаго быта Франціи въ «Dîme royale» Вобана; и причину бѣдствій народа Сенъ-Пьеръ видитъ въ чрезмѣрной величинѣ податей, въ несоразмѣрномъ распредѣленіи ихъ, въ дурномъ управленіи и въ постоянныхъ войнахъ, за что̀ онъ и лишаетъ Людовика XIV^ имени Великаго. «Онъ могъ,» пишетъ Сенъ-Пьеръ въ своей политической лѣтописи, съ одною четвертью тѣхъ издержекъ, которыя онъ сдѣлалъ, и съ одною четвертью людей, кото-

рыхъ онъ принесъ въ жертву своему честолюбію, пріобрѣсти репутацію отца отечества и миротворца Европы! Какая громадная разница между тою репутаціею, которую онъ оставилъ, и которую могъ оставить. И какая громадная разница между тѣмъ несчастнымъ состояніемъ, въ которомъ онъ оставилъ и свой народъ и народы сосѣдніе, и тѣмъ благосостояніемъ, которое онъ могъ имъ доставить».

Чрезъ 10 лѣтъ послѣ смерти аббата Сенъ-Пьера во Франціи явилось сочиненіе Морелли «Naufrage des îles flottantes ou la Basiliade de Pilpaï» (1753), въ которомъ авторъ уже не довольствуется такими проектами, какъ болѣе справедливое распредѣленіе податей или улучшеніе правительственной машины, а предлагаетъ не болѣе и не менѣе, какъ коренное и полное измѣненіе всѣхъ основъ общественной жизни. Планъ Морелли очень много походитъ на утопію Т. Мора; въ государствѣ, которое онъ описываетъ, никто не имѣетъ никакой собственности; земля и всякіе инструменты труда принадлежатъ общинѣ, которая состоитъ изъ города и фермъ съ окрестностями, заключающими въ себѣ достаточное количество земли для прокормленія всей общины. Всякія работы производятся сообща подъ руководствомъ способнѣйшихъ и опытнѣйшихъ членовъ общины; отъ работъ не освобожденъ никто; всякій въ извѣстномъ періодѣ жизни занимается земледѣльческими или ремесленными трудами. При распредѣленіи произведеній соблюдается равенство; никакія способности и труды не даютъ права на бо́льшую долю. Всякій пользуется общимъ имуществомъ не пропорціонально своему труду, а пропорціонально своимъ потребностямъ. Воспитаніе дѣтей съ пятилѣтняго возраста переходитъ въ руки общины; семейство сохраняется; и Морелли даже заботится о его крѣпости и чистотѣ совершенно такъ же, какъ и Т. Моръ; за супружескую невѣрность законъ опредѣляетъ строгое наказаніе. Та-

кимъ образомъ въ организаціонномъ планѣ Морелли нѣтъ ничего новаго; но тѣмъ не менѣе у него есть одна особенность, существеннымъ образомъ отличающая его отъ Т. Мора. Мы видѣли, что Т. Мора совсѣмъ нельзя серьезно считать дѣйствительнымъ коммунистомъ; онъ и начинаетъ и оканчиваетъ разсказъ Гиѳлодея возраженіями противъ коммунизма, и его собственная жизнь, равно какъ и смерть, одинаково несогласны со многими и притомъ самыми существенными взглядами Гиѳлодея на общественное устройство. Человѣкъ, который жизнью пожертвовалъ для того, чтобы не измѣнить одному изъ своихъ убѣжденій, даже менѣе того,—чтобы не скрыть одного изъ своихъ убѣжденій, противорѣчившаго общему убѣжденію современниковъ, не былъ бы такъ остороженъ въ вопросѣ о собственности, если бы дѣйствительно былъ убѣжденъ въ гибельныхъ послѣдствіяхъ ея. Морелли не таковъ; его жизнь почти совсѣмъ неизвѣстна, но въ его сочиненіяхъ на каждой строкѣ проглядываетъ глубокое убѣжденіе въ истинности того, что онъ проповѣдуетъ. Онъ увѣренъ до послѣдней степени, что одинъ источникъ всякаго зла на землѣ — собственность, ведущая къ любостяжанію, которое въ свою очередь служитъ матерью всѣхъ пороковъ и злодѣяній. Сначала онъ изложилъ свои идеи въ Базиліадѣ, которая имѣетъ эпическую форму, подобно Утопіи и городу Солнца. Но когда эти идеи встрѣтили возраженія между современниками, то Морелли снова изложилъ ихъ въ догматической формѣ въ «Code de la nature». Здѣсь онъ, опровергая возраженія, совершенно ясно говоритъ, что наилучшая форма соціальныхъ отношеній между людьми есть коммунизмъ въ имуществѣ, что думать противное, значитъ обманывать себя, что философы и законодатели, давшіе свою санкцію частной собственности, первые враги человѣчества, что это слѣпцы, ведущіе слѣпцовъ и приводящіе ихъ въ пропасть.

Въ самой системѣ Морелли есть одна особенность, отличающая его отъ Т. Мора. Т. Моръ коротко и прямо говоритъ, что въ Утопіи при общности имущества дѣло идетъ хорошо, что руководство и надзоръ сифогрантовъ за работами гражданъ

вмѣстѣ съ собственнымъ усердіемъ гражданъ даютъ прекрасные общіе результаты; но при этомъ за уклоненіе отъ труда налагаются наказанія. У Морелли нѣтъ никакого надзора, нѣтъ никакого принужденія; у него все предоставлено свободному влеченію природы. Человѣкъ, слѣдуя ему, по природѣ своей дѣятеленъ и любитъ трудъ. Въ этомъ случаѣ Морелли очевидно прямой предшественникъ Фурье, и вообще между ними много общаго не только въ духѣ, но и въ подробностяхъ; Морелли подобно Фурье, видитъ въ страстяхъ наиболѣе дѣйствительное побужденіе для дѣятельности человѣка, находитъ ихъ совсѣмъ не такъ вредными, какъ обыкновенно думаютъ и между прочимъ допускаетъ въ человѣкѣ влеченіе къ труду (l'attrait qu'offre un travail librement choisi). Это влеченіе при новомъ экономическомъ порядкѣ произведетъ то, что «указанія начальниковъ будутъ исполняться съ удовольствіемъ; никто не будетъ считать себя свободнымъ отъ труда, который при всеобщихъ усиліяхъ будетъ разнообразенъ и пріятенъ. Различныя занятія будутъ имѣть видъ не работы, а забавы». Напр., вотъ какъ при такой системѣ проводятся большія дороги: «дѣти, женщины, старики и люди взрослые оставляютъ свои жилища и раздѣляются на многочисленные отдѣлы; одни копаютъ землю, переносятъ ее и выравниваютъ, другіе копаютъ, перевозятъ, тешутъ и кладутъ на мѣсто камни. Нѣкоторые садятъ деревья вдоль канавъ; женщины и дѣти устраиваютъ столики и скамейки. Въ этой толпѣ царствуетъ такой порядокъ, занятія распредѣлены такъ хорошо, что громадныя работы исполняются съ удивительною скоростью и кажутся играми». «Нѣтъ ничего легче, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Морелли, какъ изданіе законовъ для подобнаго братскаго общества; здѣсь самый совершенный порядокъ является, какъ результатъ неограниченной свободы. И вотъ въ какомъ случаѣ можно отдаться вполнѣ доброй природѣ и за принципъ жизни можно принять правило написанное Рабеле на воротахъ аббатства Телемскаго: дѣлай что тебѣ нравится, или другое, не менѣе удобное въ исполненіи: приди, удивляйся и наслаждайся. При такомъ порядкѣ всякое принужденіе безполезно, потому

что повиновеніе будетъ исполненіемъ желанія» *. Таковы, по мнѣнію Морелли, результаты экономическаго порядка, основаннаго на общности имуществъ и на свободномъ дѣйствіи природы!

Впрочемъ, системѣ свободнаго дѣйствія природы нѣсколько противорѣчатъ тѣ ограниченія, которыя Морелли допускаетъ напр. въ бракѣ; подобныя же ограниченія у него существуютъ и касательно другихъ сторонъ жизни. Морелли проектируетъ для будущаго порядка свой уголовный кодексъ, содержащій рядъ наказаній для будущихъ нарушителей порядка. Такъ нарушители супружеской вѣрности заключаются въ тюрьму на годъ. Люди, уличенные въ томъ, что они стремились уничтожить коммунизмъ и ввести собственность, заключаются на всю жизнь въ пещерѣ, устроенной на общественномъ кладбищѣ. Ихъ имена вычеркиваются изъ списка гражданъ, ихъ дѣти и семейства перемѣняютъ фамилію и порознь будутъ включены въ другіе общины, города и провинціи. Нужно сожалѣть, что найдутся подобные люди, неумѣющіе цѣнить достоинствъ новаго порядка; но во всякомъ случаѣ ихъ преступленія принадлежатъ къ числу такихъ, которыя и въ настоящее время не подвергаются столь строгимъ наказаніямъ и даже совсѣмъ не подвергаются имъ, потому что, слѣдуя принципу Морелли, при настоящемъ порядкѣ, всѣ коммунисты, Кабе и множество его послѣдователей, Оуэнъ и его почитатели, Фурье и фурьеристы, сенъ-симонисты и наконецъ самъ Морелли должны бы быть заключены въ пещеры на всю жизнь. Такая доля никого изъ нихъ не постигла. Какъ ни много недостатковъ имѣютъ современныя европейскія государства, но они не налагаютъ оковъ на мысль, на совѣсть человѣка; и въ этомъ заключается лучшая гарантія ихъ будущаго; и необходимость этой свободы сознавали лучшіе умы не только въ прошломъ столѣтіи, но и гораздо раньше. Морелли очевидно не дошелъ до этой мысли или, можетъ быть, перешелъ за нее, увлеченный своею главною идеей.

* Basil. Гл. II, III и XII. Цит. Видаля: De la répart. des richesses. Paris 1846. 365 и 366.

Его стремленіе ограничить мысль человѣческую замѣчается еще больше въ его законахъ касательно народнаго образованія. Новый порядокъ строго ограничиваетъ нравственную философію своею системою законовъ; внѣ этихъ законовъ никакая нравственная философія непозволительна; умозрительная философія также тѣсно ограничена: при воспитаніи юношества ему будутъ сообщены самыя краткія и общія понятія о Богѣ, нѣсколько догадокъ о человѣческой душѣ и ея безсмертіи, съ примѣчаніемъ, что безполезно углубляться въ эти вопросы; тѣмъ и ограничатся философскія умозрѣнія гражданъ, имѣющихъ существовать при новомъ порядкѣ! Томасъ Моръ былъ въ этомъ отношеніи гораздо либеральнѣе и просвѣщеннѣе, не смотря на два вѣка, раздѣляющіе его отъ Морелли.

Кромѣ Морелли французское общество XVIII вѣка произвело много другихъ писателей весьма замѣчательныхъ, которые старались подвергнуть сомнѣнію законность и полезность существующихъ принциповъ соціальной жизни и замѣнить ихъ новыми. Не говоря о Руссо, который былъ недоволенъ всѣмъ, что окружало его, сюда нужно отнести прежде всего Мабли и Бриссо. Мабли написалъ нѣсколько сочиненій съ соціалистическимъ характеромъ: Droit publique de l'Europe, Doutes proposés aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés и Traité de la legislation *. Теорія Мабли вы-

* Первое издано въ Женевѣ въ 1748 г., второе въ Гагѣ въ 1768 г. третье въ Амстердамѣ въ 1776 г. Мабли былъ католическимъ священникомъ, но, подобно многимъ другимъ изъ современныхъ ему духовныхъ лицъ, онъ не отправлялъ пастырской должности, а былъ секретаремъ у кардинала Тансена, завѣдывавшаго при Людовикѣ XV внѣшними сношеніями Франціи. Своими литературными трудами Мабли пріобрѣлъ репутацію политическаго человѣка столь высокую, что современныя ему иностранныя правительства обращались къ нему съ просьбами составить для нихъ проекты законовъ, въ родѣ того, какъ это дѣлалось въ древности. И вслѣдствіе такихъ просьбъ Мабли дѣйствительно писалъ проекты государственнаго устройства для Польши (въ 1771 г.) и для Соединенныхъ Штатовъ (въ 1784 г.).

ражена имъ очень ясно въ крайнемъ коммунистическомъ духѣ. «Всѣ вообще неравенства, говоритъ онъ, имѣютъ начало и основаніе въ собственности; потому что, если бы никто не могъ имѣть собственности, то не было бы ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Люди были бы сначала освобождены отъ неравенства состояній; съ неравенствомъ состояній исчезло бы неравенство воспитанія, а вмѣстѣ съ нимъ исчезла бы и разница, которую въ настоящее время будто бы замѣчаютъ въ способностяхъ отдѣльныхъ людей. Итакъ надобно уничтожить собственность и ввести коммунизмъ, чтобы общество могло возвратиться къ своему древнему естественному состоянію, эпохѣ достоинства, мира, счастія, которыми наслаждались первыя общества, въ которыхъ люди жили сообща отъ произведеній рыбной ловли, охоты и сбора плодовъ, производимыхъ землею добровольно (spontanement). Для постепеннаго уничтоженія собственности нужно издать законы, которые сократили бы ея границы; нужно посредствомъ налоговъ или другимъ какимъ-нибудь способомъ овладѣть тѣмъ, что въ строгомъ смыслѣ не необходимо для жизни; передачу состояній нужно обставить такими условіями и препятствіями, чтобы они (состоянія) мало по малу перешли въ руки государства; самыя завѣщанія будутъ уничтожены въ эпоху болѣе отдаленную. Общественный кредитъ также будетъ уничтоженъ, торговля подвергнута запрещенію; не будетъ ни капиталистовъ, ни рабочихъ, ни землевладѣльцевъ, ни фермеровъ; всякій будетъ самъ обрабатывать поле, которое его кормитъ; а другія занятія, необходимыя для общины, будутъ распредѣлены между всѣми посредствомъ закона. Театры, академіи, музеи закроются; воспитаніе и образованіе будутъ для всѣхъ однообразны; религія будетъ одна,—религія государственная, которую обсуждать и которой противорѣчить будетъ запрещено» *. Этою религіею будетъ католицизмъ, который со стороны Мабли пользуется большимъ уваженіемъ, потому что самъ Мабли былъ духов-

* Droit public de l'Europe, въ Diction. de l'econ. polit. (Mably).

нымъ лицомъ и, судя по всему, болѣе искреннимъ христіаниномъ, чѣмъ современные ему католическіе аббаты. Вслѣдствіе этого же онъ сильно вооружается и противъ коммунизма въ бракѣ, расходясь въ этомъ съ современными ему философами и публицистами.

Въ воззрѣніяхъ Мабли много общаго съ тѣмъ, что проповѣдывалъ всю свою жизнь Руссо; та же мечта о первобытномъ золотомъ вѣкѣ, когда каждый обработывалъ свою землю, и всѣ наслаждались миромъ и счастьемъ, то же недоброжелательство къ наукѣ и искусству, предполагаемымъ причинамъ людской испорченности, такія же аркадскія понятія о равенствѣ между людьми. Мабли дополняетъ свой проектъ и указаніемъ тѣхъ средствъ, которыя впослѣдствіи будутъ приводить въ движеніе дѣятельность человѣка; это патріотизмъ, любовь къ славѣ и пріятность общаго труда *.

Въ другихъ сочиненіяхъ Мабли повторяетъ и развиваетъ тѣ же самыя мысли. Въ «Doutes sur l'ordre naturel» онъ преимущественно вооружается противъ поземельной собственности. Сочиненіе это, какъ извѣстно, было написано въ видѣ возраженія на систему физіократовъ, которая въ то время имѣла большой кредитъ при французскомъ дворѣ и между современными учеными.

---

* См. Le communisme jugé par l'histoire, Ad. Franck'a. Любовь къ славѣ—это всегдашній конекъ даже наиболѣе разсудительныхъ людей во французской націи. О значеніи ея въ будущей организаціи общества, сравнительно съ значеніемъ собственности въ нашемъ обществѣ, Мабли выражается такимъ образомъ. «Я знаю, что собственность служитъ побужденіемъ къ труду; но если, при нашей испорченности, мы не знаемъ другихъ побужденій, то не будемъ обманываться, не будемъ думать, что ихъ нѣтъ совсѣмъ. Развѣ люди имѣютъ только одну страсть? Любовь къ славѣ и къ уваженію, лишь бы только я могъ дѣйствовать на нихъ, не могутъ не быть побужденіемъ столь же дѣйствительнымъ, какъ и жадность, не имѣя однако ея неудобствъ. Не видите ли вы, что родъ человѣческій можетъ при этомъ законодательствѣ достигнуть высшаго совершенства, и найти то счастіе, котораго онъ напрасно ищетъ въ жадности, гордости и роскоши? Отъ самого человѣка зависитъ осуществленіе мечты о золотомъ вѣкѣ». (Villegardelle, Histoire des idées sociales avant la révolution française, стр 209).

Въ 1767 г. Мерсье-де-ла-Ривьеръ издалъ свое сочиненіе «Ordre naturel et essenciel des societés», гдѣ представлялъ, какъ идеалъ, такое государство, въ которомъ добрый и просвѣщенный государь управляетъ страною, удовлетворяя потребностямъ государства посредствомъ единственнаго налога на поземельную собственность, на которую, какъ извѣстно, физіократы смотрѣли, какъ на главную и даже единственную производительницу всякаго богатства, такъ что экономическое процвѣтаніе землевладѣльцевъ было, по ихъ мнѣнію, необходимымъ условіемъ процвѣтанія другихъ классовъ общества «непроизводительныхъ». Возражая Мерсье-де-ла-Ривьеру, Мабли вооружается противъ самой поземельной собственности, видитъ въ ней не основу процвѣтанія государствъ, а корень всякаго зла въ человѣческихъ обществахъ.

«Боюсь, говоритъ Мабли, чтобъ вашъ естественный порядокъ не оказался совсѣмъ противнымъ природѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ поземельная собственность учреждена, появилось неравенство состояній, а отъ неравенства состояній произошли—различіе и противоположность интересовъ, всѣ пороки богатства, всѣ пороки бѣдности, отупѣніе умовъ и порча гражданскихъ нравовъ. — Откройте исторію, и вы увидите, что всѣ народы были возмущаемы неравенствомъ состояній. Граждане, гордые своими богатствами, не хотѣли смотрѣть на людей трудящихся, какъ на равныхъ себѣ; и тотчасъ появились правительства несправедливыя и тиранническія, законы пристрастные и стѣснительные, однимъ словомъ это масса бѣдствій, отъ которыхъ народы страдаютъ. Вотъ картина, представляемая исторіею всѣхъ народовъ; попробуйте поискать первый источникъ этого безпорядка, и вы найдете его въ поземельной собственности» *.

«Нужно быть искуснымъ софистомъ, продолжаетъ Мабли, чтобы надѣяться убѣдить ремесленника, который только въ

---

* Doutes proposés aux economistes sur l'ordre naturel des societés. Гага, 1768 г. стр 12 и 13 (Цитац. А. Сюдра. Hist. du Communisme, стр. 214. Paris 1856)

своемъ ремеслѣ находитъ возможность проводить жизнь, исполненную тяжелаго труда и пота, въ томъ, что его состояніе есть наилучшее возможное,—что весьма хорошо то, что существуютъ большіе собственники (propriétaires), которые всѣмъ овладѣли и живутъ въ изобиліи и удовольствіи. Какъ доказать земледѣльцу, что гораздо лучше быть фермеромъ, чѣмъ землевладѣльцемъ? Я не буду говорить объ всѣхъ этихъ состояніяхъ, которыя привыкли вредить одно другому, въ надеждѣ достигнуть своего благополучія на счетъ другихъ. Говорить ли мнѣ о нищенствѣ, которое безчеститъ Европу, какъ въ прежнее время рабство безчестило Грецію и Римъ?—Къ стыду нашего разума, богатые опредѣлили смертную казнь за воровство, потому что они могутъ быть обкрадываемы; но они воздаютъ похвалы завоеваніямъ, потому что это воровство, этотъ грабежъ народовъ дѣлаютъ они сами.—Мы устроили для себя двѣ различныя системы мѣры и вѣсовъ» *.

Почти тотъ же взглядъ на собственность вообще имѣетъ Бриссо. Въ 1780 году онъ издалъ свои «Recherches philosophiques sur le droit de propriété et le vol», за которыя и былъ посаженъ въ Бастилію. Исходный пунктъ у Бриссо тотъ же самый, что и у Т. Мора—жестокость наказаній, опредѣляемыхъ законами для преступниковъ, преимущественно для преступниковъ противъ собственности. Онъ написалъ даже особое сочиненіе «о средствахъ предупреждать преступленія во Франціи». На «философическія изслѣдованія о собственности и воровствѣ» можно смотрѣть, какъ на продолженіе этого труда, которое разсматриваетъ самыя основанія, изъ которыхъ происходятъ и преступленіе и наказаніе. Это сочиненіе Бриссо начинаетъ съ самаго начала всѣхъ началъ—съ движенія, на которое философы отъ Аристотеля до Декарта

---

* Willegardelle. Тамъ же 199—200.

смотрѣли, какъ на причину всего міроваго порядка. Движеніе Бриссо вообще дѣлитъ на три отдѣльныя движенія: движеніе существенное (mouvement essentiel), добровольное (spontané) и случайное или принужденное (accidentel, forcé). Въ животныхъ соединяются два движенія, существенное и добровольное, и это соединеніе составляетъ жизнь. Но «всѣ животныя самою природою побуждаются къ самосохраненію и не могутъ достигать этого иначе, какъ разрушая другія тѣла, питаясь ими, превращая ихъ въ самихъ себя. — Вотъ ихъ собственность; она происходитъ изъ природы живыхъ существъ» *. Итакъ собственность имѣетъ свою причину въ самой природѣ вещей, въ томъ, что не только человѣкъ, но и всякое животное должно поддерживать свое существованіе. Это, по мнѣнію Бриссо, собственность естественная, законная, справедливая. Не такова собственность, существующая въ человѣческихъ обществахъ. Она, по словамъ Бриссо, не имѣетъ никакого справедливаго основанія. «Обратитесь ко временамъ самымъ отдаленнымъ, говоритъ онъ, и вы найдете всегда, что первый, присвоивший себѣ имя собственника, не имѣлъ на это никакого права».

«Всѣ юрисконсульты исходятъ изъ правила primo occupanti. Гдѣ писано это правило? Пусть намъ укажутъ естественное право, освящающее его. Если владѣлецъ не имѣетъ никакой потребности, а я имѣю, вотъ мое право, которымъ разрушается владѣніе. Если мы оба не имѣемъ потребностей, то оба не имѣемъ и права. Въ противномъ случаѣ, вопросъ дѣлается вопросомъ статики.

«Потребность есть единственное право на нашу собственность. Изъ этого принципа слѣдуетъ, что когда потребность удовлетворена, человѣкъ перестаетъ быть собственникомъ; право собственности такъ тѣсно связано съ пользованіемъ этою собственностью, что ихъ нельзя даже предположить раздѣленными; потому что предпо-

* Bibliothèque philosophique du legislateur. Berlin, 1782, стр. 274.

ложить собственника безъ пользованія собственностью значитъ предположить, что его потребности удовлетворены. Но въ такомъ случаѣ оканчивается его право собственности. — Съ другой стороны, какъ предположить человѣка, пользующагося какимъ-нибудь веществомъ безъ права собственности на него? Это было бы противорѣчіемъ въ терминахъ. Если человѣкъ бываетъ собственникомъ только тогда, когда онъ пользуется веществомъ для своихъ потребностей, то было бы абсурдомъ, наиболѣе возмутительнымъ, еслибъ онъ пользовался веществомъ, не будучи его собственникомъ. Эти принципы наглядно показываютъ, сколько смѣшнаго въ этомъ жалкомъ спорѣ факировъ, утверждавшихъ, что имъ не принадлежитъ супъ, который они ѣдятъ. Принципы эти осязательнымъ образомъ доказываютъ, что принятые принципы касательно собственности гражданской противны природѣ. Есть ли возможность представить въ природѣ существо, называемое фермеромъ? Есть ли возможность понять существованіе индивидуума, который называется собственникомъ трехъ сотъ арпановъ земли, отъ которыхъ онъ находится на разстояніи двухсотъ льё, которыхъ даже положенія онъ не знаетъ?» * — «Слѣдуя принципамъ положеннымъ нами, что можно думать о подобномъ правѣ собственности, принимаемомъ всѣми людьми въ обществѣ, утверждаемомъ всѣми современными писателями, объ этомъ жалкомъ правѣ, противъ котораго короли не могутъ ничего сдѣлать, не подвергая себя опасности? — Право собственности, даваемое людямъ природою, не имѣетъ другихъ границъ, кромѣ удовлетворенія потребностей; и оно простирается на все и на всѣхъ. Это право не есть исключительное, оно есть право всеобщее. Какой-нибудь французъ имѣетъ такое же право на дворецъ могола и на сераль султана, какъ самъ моголъ или самъ султанъ. Оно не позволяетъ человѣку исключительно пользоваться землею, какъ не позволяетъ ему исключительно пользоваться воздухомъ, огнемъ, водою. Вотъ истинная собственность, собственность священ-

* Тамъ же, стр. 327.

ная, которую короли должны уважать, которую они не должны нарушать безнаказанно. Въ силу этой собственности несчастный, страдающій отъ голода, можетъ взять и **съѣсть** хлѣбъ, который принадлежитъ ему, потому что онъ голоденъ. Голодъ, вотъ его право. Граждане порочные, покажите ваше право болѣе дѣйствительное. Вы е г о купили, заплатили за него деньги; несчастные! Оно не принадлежитъ ни вамъ, ни вашимъ продавцамъ, потому что ни вы, ни продавцы не имѣли въ немъ надобности, потребности».

«Какой характеръ имѣетъ эта другая собственность общественная, которая овладѣла чертами собственности естественной, которая подъ внушающею маскою привлекла къ себѣ вниманіе, котораго она не заслуживаетъ, и слѣпыхъ защитниковъ посредствомъ желанія исключительнаго пользованія? — Это—та собственность, которой требуетъ богатый финансистъ, построивній свои великолѣпныя палаты на развалинахъ общественнаго богатства,—жадный прелатъ, плавающій въ богатствѣ,—праздный буржуа, мирно блаженствующій въ то время, какъ несчастный поденщикъ страдаетъ. Это—та собственность, которой требуетъ господинъ, ревнивый къ своимъ правамъ, окружающій стѣнами свои парки и сады. Это—та собственность, которая выдумала замки, двери и тысячи другихъ изобрѣтеній, которыя раздѣляютъ людей, уединяютъ ихъ и покровительствуютъ исключительному пользованію, этому бичу права естественнаго. Въ самомъ дѣлѣ, характеръ собственности естественной есть всеобщность, а собственность общественная имѣетъ характеръ индивидуальный, частный; эти два права прямо противоположны другъ другу и имъ даютъ одно и то же происхожденіе, однѣ и тѣ же принадлежности! *

Въ другомъ мѣстѣ Бриссо такимъ образомъ характеризуетъ результаты собственности общественной и ея отношеніе къ собственности естественной. «Равновѣсіе, созданное природою между существами, нарушено, равенство изгнано, и

* Стр. 324.

появилось ненавистное различіе между богатыми и бѣдными. Общество раздѣлилось на два класса: первый—классъ гражданъ-собственниковъ, живущихъ въ праздности, второй—болѣе многочисленный, классъ народа, которому дорого продаютъ право существованія, который униженъ и осужденъ на вѣчный трудъ; и для поддержанія этого новаго права собственности опредѣлены жестокія наказанія тѣмъ, которые нарушатъ его, покусятся на него. И это покушеніе называется воровствомъ; а между тѣмъ судите, читатели, какъ мы далеки отъ природы; въ естественномъ состояніи воръ—есть богатый, тотъ, который владѣетъ излишнимъ. Въ обществѣ воръ — тотъ, кто беретъ у богатаго. Какое превращеніе идей!» *

Дѣйствительно, великое превращеніе идей, только не въ обществѣ, а въ умѣ автора этихъ строкъ! Вмѣсто того, чтобъ разсматривать общество въ томъ видѣ, въ которомъ оно существуетъ и отъ котораго оно отказаться не можетъ, подъ страхомъ не только потерять плоды всѣхъ усилій ума человѣческаго, имѣвшихъ въ виду поднятіе умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго уровня человѣческой жизни, но и подвергнуться почти поголовному вымиранью, авторъ ищетъ уроковъ для современной ему жизни въ томъ соціальномъ прозябаніи, которое служитъ удѣломъ племенъ дикихъ! Тутъ очевидно обнаружилось вліяніе вѣка, замѣчательнаго своею отрѣшенностью во взглядахъ на жизнь, идиллическимъ, но не экономическимъ характеромъ въ проектахъ общественнаго улучшенія. Приведенныя мѣста изъ Бриссо совершенно напоминаютъ идиллическія разсужденія Руссо объ обществѣ, наукѣ, искусствѣ и общественныхъ улучшеніяхъ. Богатый финансистъ построилъ свои палаты на развалинахъ общественнаго богатства, жадный прелатъ ничего не дѣлая плаваетъ въ изобиліи! Но развѣ даже современное Бриссо общество считало эти явленія нормальными, идеальными, которыя составляютъ вѣнецъ экономическаго порядка? Развѣ всякое, сколько нибудь разумное, не до конца

* Стр 333.

испорченное, общество не стремится и не стремилось всегда къ тому, чтобы частное благосостояніе основано было не на разореніи цѣлаго общества, а на доставленіи ему удобствъ, на увеличеніи его благосостоянія? Злоупотребленіе не уничтожаетъ употребленія. Если говорить только о злоупотребленіяхъ, то нѣтъ вещи полезной на землѣ; все, что пріобрѣтено людьми въ теченіи тысячелѣтій, должно быть дѣйствительно уничтожено, начиная съ тѣхъ простыхъ орудій, которыми первобытный человѣкъ пользовался для того, чтобы поймать или убить животное, служившее ему пропитаніемъ, до желѣзныхъ дорогъ, составляющихъ гордость нашего времени, до науки, искусства, государства и проч.

Разсужденія Бриссо очень напоминаютъ позднѣйшія разсужденія Прудона о томъ же предметѣ; но относительно ихъ сравнительнаго достоинства между ними большая разница. Прудонъ разсматриваетъ свой предметъ, основанія права собственности, со всѣхъ сторонъ, критикуетъ тѣ и другія основанія ея, выставляемыя ея защитниками. А Бриссо ограничился указаніемъ нѣкоторыхъ ненормальныхъ явленій изъ экономической области и считаетъ ихъ достаточными для уничтоженія собственности! И какая легкость въ построеніи основаній для права собственности! — «Потребность есть единственное право на нашу собственность». А трудъ, бережливость, полезность собственности, необходимость предусмотрительности, заботы о завтрашнемъ днѣ, нравственная необходимость для человѣка быть отвѣтственнымъ за свои дѣла, и наконецъ первое занятіе, т. е. первая культура, эта трудная побѣда человѣка надъ природою, это пріобрѣтеніе, сдѣланное имъ въ пользу цивилизаціи?—Развѣ всѣ эти основы собственности лишены всякаго значенія? — «Гдѣ писано это правило?» — говоритъ Бриссо касательно права перваго занятія, и «пусть намъ укажутъ естественное право, освящающее его». Оно писано въ тѣхъ же законахъ и тѣхъ же изслѣдованіяхъ юридическихъ, гдѣ писаны всѣ другія юридическія правила, начиная съ законовъ Рима до законовъ Соединенныхъ Штатовъ, начиная съ Аристотеля и Цицерона до совре-

менныхъ намъ и Бриссо юристовъ; и юристы, принимающіе его, принимаютъ его именно потому, что видятъ въ немъ осуществленіе права естественнаго, подобно тому, какъ всѣ народы, слѣдующіе ему, дѣлаютъ это по тому же самому.

«Какой-нибудь французъ имѣетъ такое же право на дворецъ могола, какъ и самъ моголъ», т. е. всякій имѣетъ право на все, принадлежащее другимъ, пріобрѣтенное ими посредствомъ труда, бережливости, изобрѣтательности. Но какіе же результаты будетъ имѣть осуществленіе этого права? — Вѣдь послѣ него никто не только не захочетъ, но и не будетъ въ состояніи трудиться, сберегать и даже изобрѣтать. — Коммунисты нашего вѣка, при всей несостоятельности ихъ теорій, все-таки далеко основательнѣе философовъ XVIII вѣка. Впрочемъ, идеалъ Бриссо касательно жизни человѣка таковъ, что никакіе результаты не могутъ пугать его. Предѣлъ человѣческаго прогресса онъ видитъ въ жизни первобытнаго человѣка. Первобытный человѣкъ, по его словамъ, есть «господинъ всей земли, всѣ другія существа служатъ ему для удовлетворенія потребностей. Онъ повелитель всей вселенной. Воздухъ, земля, вода, огонь, всѣ стихіи стремятся исполнять его приказанія, удовлетворить его вкусамъ. И ничто не останавливаетъ его могучаго шествія, ничто не противится его правамъ... Таковъ человѣкъ въ естественномъ состояніи. Но человѣкъ нашихъ обществъ, испорченный учрежденіями, лишенный своей первобытной чистоты, стремится только къ рабству. Погруженный въ ужасы голода, онъ съ покорностью проситъ хлѣба, и онъ столько же собственникъ, сколько и тотъ, кто даетъ его. Если мы хотимъ видѣть человѣка по истинѣ великаго, истиннаго собственника, обратимся къ этому дикарю, рожденному въ лѣсахъ Канады» *.

И опять какое превращеніе понятій! Современное состояніе рабочаго класса въ Европѣ безъ сомнѣнія страдаетъ многими недостатками, весьма существенными, но одно можно считать вполнѣ доказаннымъ, именно то, что отъ голода стра-

---

* Стр. 321.

даетъ гораздо больше дикарь, нежели европейскій рабочій, что даже въ Европѣ въ средніе вѣка люди больше страдали отъ голода, чѣмъ теперь; и потомъ кому же неизвѣстно, что не человѣкъ, находящійся въ естественномъ состояніи, не дикарь, рожденный въ лѣсахъ Канады, а именно человѣкъ нашихъ обществъ есть истинный господинъ природы, которому повинуются и служатъ всѣ стихіи?

Въ другихъ мѣстахъ Бриссо гораздо ближе къ истинному представленію состоянія человѣка первобытнаго; но каково это представленіе, каково это состояніе?

«У большей части бродячихъ племенъ Америки припасы, доставляемые охотою и рыбною ловлею, потребляются сообща. Отаитянинъ, побуждаемый потребностью любви, сегодня пользуется какою нибудь отаитянкою, а завтра съ безразличіемъ видитъ ее въ объятіяхъ другаго. Эти народы, населяющіе островъ, находящійся на концѣ свѣта, сохранили первобытныя понятія о правѣ, исчезнувшія въ Европѣ. Убѣжденные, что право кончается тамъ, гдѣ кончается потребность, они считали бы себя недостойными существованія, если бы захватывали у своихъ ближнихъ вещи, въ которыхъ не имѣютъ надобности. Вотъ почему они съ такою искренностью предлагали своихъ женъ нашимъ французамъ, приставшимъ къ ихъ острову. Въ Европѣ такіе нравы кажутся странными (дѣйствительно, они кажутся странными); женщины принадлежатъ не тѣмъ, кто имѣетъ въ нихъ нужду, а тѣмъ, которые могутъ купить ихъ. И эти люди хотятъ исключительно пользоваться ими, какъ будто источникъ предназначенъ не къ тому, чтобы утолять жажду и волка и ягненка, какъ будто деревья производятъ свои плоды не для всѣхъ людей» *.

* 291. Бриссо не довольствуется для доказательства своей мысли примѣромъ дикарей. Съ большою наивностью онъ указываетъ даже на жизнь скота, какъ на образецъ для человѣка. «Лошадь, говоритъ онъ, которая наѣлась травы на лугу, остается ли собственникомъ этого луга, и препятствуетъ ли другимъ подобнымъ ей пастись на немъ?»—Безъ сомнѣнія нѣтъ. Отсюда Бриссо заключаетъ, что и между людьми должно быть то же самое. (стр. 290).

Это, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно. Дѣйствительно, если потребность есть основаніе права въ одномъ случаѣ, то оно должно быть основаніемъ его и въ другомъ. Но едвали этому идеалу можно найти сочувствіе въ Европѣ; напротивъ, какъ извѣстно, сами отаитяне передѣлали свою жизнь на европейскій ладъ и чувствуютъ себя теперь гораздо болѣе людьми, чѣмъ прежде, и между прочимъ гораздо болѣе господствуютъ надъ природою, гораздо болѣе наслаждаются ея дарами, чѣмъ прежде.

Впрочемъ, надобно отдать справедливость Бриссо въ томъ, что онъ больше поражаетъ своими смѣлыми фразами, жалобными восклицаніями, нежели какими-нибудь дѣйствительными намѣреніями, способными перевернуть вверхъ дномъ человѣческое общество; онъ не намѣренъ возвращать человѣчество къ состоянію современныхъ ему обитателей Канады, и не намѣренъ каждаго француза вводить во всѣ права султана или великаго могола. Онъ стремится къ цѣли гораздо болѣе скромной и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе достойной уваженія. «Я искалъ только блага моихъ ближнихъ, такъ заключаетъ Бриссо свое разсужденіе. — Если судьи уничтожатъ варварство временъ предъидущихъ, если они не будутъ жестоко наказывать несчастнаго, который, будучи принужденъ голодомъ, насытится на счетъ своего сосѣда, я буду вполнѣ счастливъ! Это стоитъ цѣлыхъ вѣковъ безсмертія» *.

Цѣль весьма почтенная; и, слѣдовательно, на всѣ эти краснорѣчивыя страницы, касательно собственности естественной, можно смотрѣть, какъ на своеобразныя, приличныя идиллическому вѣку доказательства въ пользу большей мягкости наказаній. И это отчасти объясняетъ, почему дѣйствительнаго философскаго и экономическаго анализа и въ особенности синтеза права собственности мы стали бы напрасно искать въ сочиненіи Бриссо.

* Стр. 339. Однако раньше этого скромнаго заключенія Бриссо попробовалъ-было увѣнчать свои краснорѣчивыя страницы въ пользу естественной собственности нѣкоторою теоріею ея организаціи; и у него вышло нѣчто такое, чего онъ вѣроятно и самъ не ожидалъ и по

Такимъ образомъ замыселъ Бриссо гораздо скромнѣе, нежели это можетъ показаться съ перваго раза; умѣренность его практическихъ тенденцій оказалась и въ томъ, что, когда дошло до самаго дѣла, когда Бриссо пріобрѣлъ значительное вліяніе во время революціи,—онъ энергически противодѣйствовалъ крайней революціонной партіи, монтаньярамъ, соединился съ жирондинцами и погибъ вмѣстѣ съ ними на эшафотѣ. Очевидно, что его разсужденія о правѣ всякаго человѣка на всякія блага, существующія на землѣ, его желанія, чтобы возвратился золотой вѣкъ первобытнаго состоянія человѣка,—ничто иное, какъ, съ одной стороны, доказательства въ пользу мысли, гораздо болѣе скромной и совершенно справедливой, съ другой—отголосокъ общаго идиллическаго направленія XVIII вѣка, произведеннаго отчасти ложью и испорченностью общественной и политической жизни того времени, отчасти описаніями предъидущихъ географическихъ открытій, въ которыхъ жизнь дикарей представлялась слишкомъ въ розовомъ цвѣтѣ.

Тотъ же характеръ имѣютъ и сочиненія Ленге (Linguet) и даже отчасти Неккера, имѣющія предметомъ экономическое со-

всей вѣроятности не понялъ. «Природа требуетъ, говоритъ онъ, чтобы мы только до тѣхъ поръ были собственниками, пока не удовлетворили нашихъ желаній; Петръ и Павелъ оба претендуютъ на одну и туже вещь; кто долженъ ею пользоваться?—Тотъ, отвѣчаетъ Бриссо, кому она необходима для сохраненія жизни.—Но если она необходима обоимъ?—Въ такомъ случаѣ, говоритъ Бриссо, вообразите два шара (boules), двигающіеся по одной линіи въ противоположномъ направленіи, они встрѣчаются, ударяются; и тотъ, который больше, или который движается быстрѣе, уничтожаетъ другой, меньшій» (стр. 326). Сказавши эту притчу, Бриссо не находитъ, чтобы онъ рѣшилъ вопросъ неудовлетворительно; по его мнѣнію дѣло приняло правильное рѣшеніе. Тотъ, кто сильнѣе, отниметъ то, что ему нужно у того, кто слабѣе,—и даже уничтожитъ его самого. Для того-то и учреждена гражданская собственность, чтобы этого не было, чтобы, каждый разъ, когда человѣку нужно удовлетворить той или другой потребности, ему не было надобности съ боя добывать себѣ необходимое, и, при этомъ, или уничтожать подобнаго себѣ или самому быть имъ уничтоженнымъ.

стояніе рабочихъ въ XVIII вѣкѣ. Вниманіе Ленге обращено главнымъ образомъ на отношенія между владѣющими и неимущими классами; въ разсужденіяхъ его, если отдѣлить отъ нихъ то, что принадлежитъ не ему, а вѣку,— всѣ эти воздыханія по первобытномъ состояніи человѣка, по первобытной свободѣ, справедливости, равенству и счастію, много горькой истины; они весьма напоминаютъ разсужденія соціалистовъ нашего времени, именно ихъ критику современнаго экономическаго порядка западной Европы, составляющую, какъ извѣстно, наиболѣе сильную сторону ихъ сочиненій. Ленге, подобно Бриссо, такъ и начинаетъ съ первобытнаго состоянія человѣка, съ естественныхъ правъ его. «Природа, говоритъ онъ, кричитъ громко во всѣхъ сердцахъ; она показываетъ всѣмъ во-очію, что люди родятся свободными и вполнѣ равными. Она даетъ всѣмъ безразлично руки для защиты, чувства для того, чтобы предвидѣть опасности или для отысканія пищи, руки для того, чтобы взять пищу и органы для продолженія своего рода.—И исключая дѣтства, когда материнская нѣжность у людей, какъ и у другихъ животныхъ, заботится о дѣтяхъ, нѣтъ на землѣ существа болѣе сильнаго, болѣе живущаго, болѣе способнаго добывать себѣ пищу, болѣе свободнаго, чѣмъ человѣкъ въ своемъ первобытномъ состояніи.—Но въ настоящее время, лишь только онъ открываетъ глаза, его привязываютъ къ этой безконечной цѣпи, называемой обществомъ.—На него налагаютъ обязанности, которыхъ онъ не можетъ ни понимать, ни исполнять.—Еще изъ колыбели его взоры упадаютъ на подобныя ему существа, которыя, будучи сами обременены цѣпями, съ радостію привѣтствуютъ новаго товарища, готоваго раздѣлить ихъ рабство.—Въ нашихъ цивилизованныхъ странахъ всѣ элементы сдѣлались рабами. Они имѣютъ господъ, у которыхъ нужно покупать позволеніе пользоваться ими. Даже самое безплодное поле принадлежитъ деспоту, который можетъ преслѣдовать судомъ путешественника, осмѣлившагося подышать на немъ чистымъ воздухомъ.—Жадность и насиліе овладѣли землею. Они согласились не позволять пользоваться ею никому, кромѣ тѣхъ, которые согласятся на нихъ рабо-

тать. Не осталось ни одного уголка, который могъ бы служить убѣжищемъ человѣку, немогущему заплатить дань этимъ двумъ тиранамъ.—Провосудіе есть постоянное и всегдашнее стремленіе отдать каждому то, что ему принадлежитъ: justitia est perpetua et constans voluntas jus suum cuique tribuendi, говорятъ юрисконсульты. Но бѣдному принадлежитъ только его бѣдность. И потому законы не могутъ сохранять ему чего-нибудь другаго. Они стремятся только защитить человѣка, владѣющаго излишнимъ, отъ того, кто не имѣетъ даже необходимаго.—Тяжело такъ думать, но тѣмъ не менѣе это вполнѣ доказано, что законы суть ничто иное, какъ заговоръ противъ наиболѣе многочисленной части рода человѣческаго. Ихъ усилія направлены главнымъ образомъ противъ тѣхъ, которые всего болѣе нуждаются въ ихъ поддержкѣ.—Законы осуждаютъ на висѣлицу воровъ; но если бы не было общества, могли ли быть и воры?—Преступленія этого рода не происходятъ ли отъ того, что богатства распредѣлены неравномѣрно?—Не само ли правосудіе дѣлаетъ затруднительнымъ и иногда даже невозможнымъ снисканіе пропитанія для трехъ четвертей рода человѣческаго? *

Всѣ эти разсужденія отличаются безспорно рѣзкостью; на картины, представляемыя Ленге, наложены слишкомъ яркія краски; его взгляды страдаютъ односторонностью. Въ дѣйствительности, даже во Франціи прошлаго столѣтія, правосудіе защищало не однихъ богатыхъ; защита законовъ и для человѣка, неимѣющаго ничего, кромѣ своей личности, есть благо, которое стоитъ полной свободы первобытнаго человѣка. Богатства въ Европѣ распредѣлены неравномѣрно; но отсюда весьма далеко до того, чтобы три четверти ея жителей были лишены возможности снискивать пропитаніе? — Не смотря на все это, въ основаніи разсужденій Ленге лежитъ истина. Въ прошломъ столѣтіи, до революціи вся почва Франціи была сосредоточена въ рукахъ, сравни-

* Théorie des lois civiles. Livre I. Villegardelle, Histoire des idées sociales, 130—135.

тельно, очень немногихъ владѣльцевъ и при незначительномъ развитіи промышленности, значительная масса населенія дѣйствительно съ трудомъ добывала себѣ пропитаніе Строгость законовъ противъ воровства говоритъ не столько о низкомъ уровнѣ народной нравственности, сколько о неудовлетворительности экономическаго быта страны. И дальше самъ Ленге отчасти объясняетъ причины этой неудовлетворительности, разумѣется, оставаясь въ то же время подъ вліяніемъ общей почти всѣмъ философамъ XVIII вѣка idée fixe о возможности возвратить первобытное состояніе человѣка.

«Уничтожая крѣпостное состояніе, продолжаетъ онъ, не позаботились о томъ, чтобы уничтожить богатство и его выгоды, не подумали о томъ, чтобы возстановить первобытное равенство. Если богатые отказались отъ своихъ прерогативовъ, то это было только видимымъ образомъ. Нужно было, чтобы вещи остались въ томъ же положеніи; нужно было, чтобы большая часть людей продолжала жить съ помощію рабочей платы и въ зависимости отъ меньшей части, овладѣвшей всѣми благами. Такимъ образомъ, рабство увѣковѣчено на землѣ только подъ другимъ, болѣе мягкимъ, именемъ Оно украсило себя именемъ прислужничества (domesticité). Говоря о прислужничествѣ, я не разумѣю тѣхъ счастливыхъ лѣнтяевъ, которыхъ лѣность побуждаетъ къ добровольному рабству. Города и деревни наполнены другаго рода прислугою, болѣе полезною и трудолюбивою, извѣстною подъ именемъ рабочихъ, поденщиковъ и т. п. Они не безчестятъ себя блестящими цвѣтами роскоши; напротивъ, они стонаютъ подъ отвратительными лохмотьями, которые составляютъ ливрею бѣдности. Они никогда не участвуютъ въ томъ изобиліи, которое есть результатъ ихъ труда. Этого рода прислуга дѣйствительно заступила мѣсто крѣпостныхъ въ нашемъ обществѣ; и безъ сомнѣнія она составляетъ наиболѣе многочисленную часть всякой націи. Рабъ былъ по крайней мѣрѣ питаемъ, даже когда онъ не работалъ, а свободный рабочій, который получаетъ скудную плату за свой трудъ — чѣмъ

дѣлается онъ, когда не работаетъ? Кто заботится въ это время о его участи? Кому убытокъ отъ того, что онъ наконецъ погибаетъ отъ истощенія и нищеты? Рабъ былъ дорогъ для своего господина на столько, сколько за него было заплачено. Но рабочій не стоитъ ничего роскошному богачу, у котораго онъ работаетъ. Во время рабства человѣческая кровь имѣла какую-нибудь цѣну. — Но съ тѣхъ поръ, какъ людей не продаютъ, они не имѣютъ никакой внутренней цѣны. Въ арміи солдатъ меньше цѣнится, чѣмъ лошадь, потому что лошадь покупается на деньги, а солдатъ поступаетъ въ полкъ безплатно. Уничтоженіе рабства перенесло этотъ разсчетъ изъ войны въ обыкновенную жизнь» *. Для насъ эти слова далеко не лишены смысла; справедливость ихъ у насъ сознана даже общественнымъ мнѣніемъ и самимъ правительствомъ на столько, что истины, содержащіяся въ нихъ, легли въ основаніи нашей крестьянской реформы. Именно потому, что безземельное батрачество есть состояніе, недалеко ушедшее отъ крѣпостнаго состоянія, во всѣхъ концахъ Россіи крѣпостные освобождены съ поземельнымъ надѣломъ, и если бы на слова Ленге и подобныхъ ему обращено было больше вниманія, то, быть можетъ, переворотъ, ниспровергнувшій во Франціи и монархію и весь старый порядокъ, не былъ бы такъ разрушителенъ и кровопролитенъ.

Неккеръ говорилъ почти то же самое, что и Ленге, съ тою разницею, что онъ еще меньше подчинился вліянію идиллическихъ воззрѣній своего времени, и, будучи одаренъ большею способностью анализа и въ то же время будучи болѣе знакомъ съ экономическими ученіями, уже получившими въ его время значительную научную обработку, онъ не столько

---

* Théorie des lois civiles, liv. 5. Ch. 30. Тамъ же, 137—140.

удаляется отъ дѣйствительнаго смысла фактовъ, не позволяетъ себѣ игнорировать современнаго склада жизни и не обращаетъ своихъ взоровъ къ первобытному состоянію человѣка.

«Много спорятъ, говоритъ Неккеръ, о причинахъ бѣдствій народа; самъ народъ страдаетъ отъ нихъ не изучая этихъ причинъ, а богатые, которые имѣютъ время разсуждать, обыкновенно приписываютъ эти бѣдствія множеству налоговъ и думаютъ, что они достаточно обнаруживаютъ свое состраданіе, обвиняя правительство въ незнаніи и въ неумѣньи вести дѣла и говоря по временамъ: бѣдный народъ, какъ управляютъ тобою!—А въ дѣйствительности бѣдность народа есть дѣло богатыхъ, необходимое слѣдствіе ихъ правъ и способа пользованія этими правами. — Собственники имѣютъ полную возможность понизить до самой послѣдней степени вознагражденіе за большую часть трудовъ, которые имъ посвящаются; и эта возможность слишкомъ сообразна съ ихъ интересами, чтобы они отказались воспользоваться ею. Положимъ, что они могутъ довести до 20 су ежедневную рабочую плату человѣку, который долженъ кормить себя и свое семейство; предположимъ въ то же время, что этотъ рабочій платитъ ежедневно одно су въ казну. Если правительство освободитъ его отъ этой подати, то его рабочая плата немедленно понизится до 19 су, потому что собственники постоянно стараются пользоваться своимъ могуществомъ, и рабочіе не могутъ противоставить ему ничего.—Вслѣдствіе этого, каково бы ни было распредѣленіе налоговъ, народъ осужденъ самыми законами о собственности всегда получить только необходимое въ обмѣнъ за свой трудъ *. Эти слова имѣютъ смыслъ, истинность котораго въ наше время вполнѣ признается наукою. Неккеръ анализируетъ такъ-называемую естественную ** рабо-

* Da la législation et du commerce des grains. 1-re part. C. 25. Villegardelle, 144.

** Естественною ее называетъ Макъ-Коллохъ, слѣдуя въ опредѣленіи ея свойствъ Мальтусу и Рикардо. Но Тюненъ, одинъ изъ самостоятельнѣйшихъ и глубокомысленнѣйшихъ экономистовъ нашего вѣка, усильно

чую плату, ту самую, которая, при полной экономической безпомощности рабочаго, вслѣдствіе конкуренціи съ одной стороны между производителями, обязанными продавать свои произведенія по возможно дешевой цѣнѣ, съ другой—между самими рабочими, поставленными въ необходимость принять всякія условія, падаетъ до самой низкой цифры, едва достаточной для содержанія рабочаго.—Дальше Неккеръ полнѣе опредѣляетъ причины и описываетъ частныя явленія, относящіяся къ рабочей платѣ, происходящія при различныхъ обстоятельствахъ.

«Не вслѣдствіе своего богатства, не вслѣдствіе какого-нибудь принципа справедливости собственники назначаютъ цѣну своимъ жизненнымъ припасамъ и труду, которымъ они пользуются; причиною здѣсь служитъ ихъ сила, непобѣдимое могущество людей, владѣющихъ питательными веществами относительно людей, неимѣющихъ собственности. Потому, будутъ ли собственники сами распоряжаться вполнѣ своими доходами или они отдадутъ часть ихъ государю, доля, достающаяся народу, живущему трудами рукъ своихъ, всегда будетъ одна и та же. — Вслѣдствіе этого самый многочисленный классъ человѣчества испытываетъ одинаковую долю на всемъ земномъ шарѣ. Въ умѣренныхъ странахъ Европы народъ имѣетъ хлѣбъ, потому что безъ хлѣба здѣсь онъ существовать не можетъ; въ странахъ, гдѣ плоды и овощи могутъ замѣнять хлѣбъ, народъ принужденъ ими и довольствоваться. Въ такомъ климатѣ, гдѣ человѣку необходима теплая одежда, рабочая плата пропорціональна этой необходимости пищи и одежды; но на югѣ народъ покрытъ лохмотьями, и пища его соотвѣтствуетъ одеждѣ. Вездѣ вычислено то, что ему необходимо, и только въ такомъ размѣрѣ вездѣ оплачивается его трудъ; среди сокровищъ Индустана, рабочій получаетъ только четыре или пять су, потому что тамъ ему нуженъ только рисъ, которымъ страна изобилуетъ.

доказываетъ, что эта плата не есть естественная, что при существованіи ея рабочій классъ осужденъ на столь тяжелыя лишенія, что существованіе его при этой платѣ не можетъ быть принято за нормальное.

Этого достаточно, чтобы показать, что нигдѣ судьба людей, не имѣющихъ собственности, не улучшается вслѣдствіе богатствъ, окружающихъ ихъ, потому что собственники всегда продаютъ съѣстные припасы такъ дорого, какъ только можно, и платятъ за трудъ такъ мало, какъ только можно» *.

Чего же хочетъ Неккеръ? — Къ чему приводятъ его эти разсужденія? Желаетъ ли онъ уравненія собственности между гражданами? — Нѣтъ, онъ прямо говоритъ, что даже «слишкомъ большое имущественное неравенство, хотя оно имѣетъ печальные результаты для человѣчества, есть фактъ совершенно неизбѣжный». Или онъ желаетъ аграрныхъ законовъ, раздѣленія полей?—Нѣтъ, раздѣленіе полей онъ называетъ «методою сколько несправедливою, столько же и невозможною въ осуществленіи». Онъ желаетъ, чтобы «верховная и законодательная власть обезпечила народу по крайней мѣрѣ то крайне необходимое содержаніе, которымъ онъ принужденъ довольствоваться»,—желаніе довольно неопредѣленное и, судя по всему, его нельзя понимать въ смыслѣ учрежденія національныхъ мастерскихъ или чего-нибудь похожаго. Въ то время такія идеи еще не появлялись на свѣтъ, и все показываетъ, что самъ Неккеръ имѣлъ въ виду нѣчто другое. Мысль свою онъ гораздо опредѣленнѣе высказалъ въ другомъ мѣстѣ. «Изо всѣхъ этихъ разсужденій, говоритъ онъ, выходитъ одна великая истина, та, что учрежденія политическія и законы административные служатъ единственными защитниками народа. Мудрое и отеческое распредѣленіе налоговъ, разумные законы касательно торговли хлѣбомъ, постоянныя заботы о бѣдныхъ, помощь имъ въ обширныхъ размѣрахъ во время неурожаевъ, вотъ—спасительный образъ дѣйствія, имѣющій наибольшее вліяніе на участь народа **.

Всѣ эти разсужденія изложены Неккеромъ въ его знаменитомъ сочиненіи «De la législation et du commerce des grains»,

---

* Тамъ же. Villegardelle стр. 146.

** Collect. de princ. Econ. XV. 2,357.

которое издано въ 1775 году, какъ предостереженіе для министерства Тюрго, который, принадлежа къ школѣ физіократовъ и за годъ передъ тѣмъ сдѣлавшись генеральнымъ контролеромъ, т. е. министромъ финансовъ, торговли и отчасти внутреннихъ дѣлъ, уже началъ свои реформы, основанныя на принципѣ «laissez faire, laissez passer». Неккеръ опасался, что Тюрго дастъ этому принципу слишкомъ широкое примѣненіе, что онъ не только постарается избавить промышленность и торговлю отъ тѣхъ стѣсненій, отъ которыхъ она страдала, но принципъ правительственнаго невмѣшательства доведетъ до полнаго индифферентизма къ участи рабочихъ классовъ, что, при тогдашнемъ состояніи Франціи, когда различные элементы революціи уже находились въ броженіи, было совсѣмъ небезопасно. — Тюрго не успѣлъ привести къ концу своихъ реформъ. — Потомъ два раза пробовалъ самъ Неккеръ предъупредить грозу, висѣвшую надъ Франціею; но и его труды не увѣнчались успѣхомъ отчасти потому, что его дѣйствія были не вполнѣ свободны, отчасти потому, что было уже слишкомъ поздно. Вулканическій огонь, на которомъ стояло французское общество, уже разгорѣлся и скоро началось изверженіе, лава полила черезъ края вулкана. Наиболѣе разрушительнымъ элементомъ въ этомъ изверженіи были тѣ самые неимущіе классы народа, судьбу которыхъ хотѣлъ сколько-нибудь обезпечить Неккеръ.

Нѣсколько лѣтъ раньше изданія книги Неккера, во Франціи явилось сочиненіе, имѣвшее ту же цѣль, т. е. улучшеніе быта французскаго рабочаго сословія, которое однако не ограничивалось разсужденіями о тяжеломъ положеніи рабочаго класса, а содержало въ себѣ опредѣленный проектъ организаціи его, указывало, въ какой именно формѣ рабочее сословіе должно быть устроено. Это сочиненіе принадлежитъ Феге (Faiguet) *.

* Въ энциклопедіи (томъ 22-й женевскаго изданія 1779 г. См. Виллгарделя, стр. 105). Быть можетъ въ энциклопедіи помѣщено то сочине-

Феге не придумываетъ однако ничего новаго; онъ пользуется только учрежденіемъ, уже существовавшимъ во Франціи.

«Въ Оверни, говоритъ онъ, существуютъ земледѣльческія семейства, которыя съ незапамятныхъ временъ живутъ общиннымъ бытомъ; внутреннее управленіе во всѣхъ этихъ общинахъ почти одинаково; каждая община выбираетъ себѣ начальника, который называется Maitre. Онъ распоряжается работами и слѣдитъ за подробностями исполненія; онъ покупаетъ и продаетъ, и довѣріе къ его честности такъ велико, что отчета отъ него никто не спрашиваетъ».

По образцу этихъ-то овернскихъ общинъ Феге предлагаетъ устроить другія по всей Франціи съ цѣлію дать пріютъ людямъ, неимѣющимъ занятій и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать ихъ людьми полезными обществу. Феге излагаетъ свой проектъ въ слѣдующихъ параграфахъ:

1. «Члены общины не связываются никакими обѣтами, они имѣютъ полную свободу жить въ бракѣ или целибатѣ. Однимъ словомъ, община будетъ вполнѣ свѣтскою (не монашескою) и свободною; члены ея будутъ исполнять различныя профессіи, искусства или ремесла подъ руководствомъ начальника и совѣта общины.

2. «Члены общины будутъ заниматься постоянно всѣми родами упражненій и трудовъ, имѣющихъ въ виду науки и искусства. Вступающіе члены не обязаны вносить ничего, если они могутъ какимъ бы то ни было способомъ содѣйствовать благу общины. Тѣ, которые не знакомы ни съ какимъ ремесломъ, будутъ обучаемы тому или другому ремеслу; однимъ словомъ, будутъ приложены старанія къ тому, чтобы сдѣлать полезными людей самыхъ неспособныхъ.

3. «Экономическія дѣла будутъ устроены такимъ образомъ, что члены, работая на общину, будутъ также работать и на

ніе, которое Diction. de l'Economie politique приписываетъ ему подъ заглавіемъ: Discours d'un bon citoyen sur les moyens de multiplier les forces de l'état et d'augmenter la population. Brux. 1760.

самихъ себя, т. е. всякій членъ будетъ получать на руки третью, четвертую, пятую или вообще какую-нибудь часть чистаго произведенія своихъ трудовъ.

4. «Тѣ, которые захотятъ оставить ассоціацію, имѣютъ право взять эту часть съ собою.

5. «Совѣтъ имѣетъ право исключить неисправнаго члена тремя четвертями своихъ голосовъ, возвращая ему при этомъ то, что ему принадлежитъ въ общинѣ.

6. «Дѣти членовъ общины будутъ воспитываться всѣ вмѣстѣ, сообразно съ принципами христіанства, т. е. въ духѣ братства, согласія и единенія, и въ занятіи науками и искусствами, наиболѣе полезными» *.

Феге не желаетъ, чтобы правительство помогало возникновенію такихъ общинъ деньгами или какими-нибудь привилегіями; онъ желаетъ для нихъ только обыкновеннаго покровительства законовъ, которымъ пользуются всякія другія общества. Вилльгарделль, отъ котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, находитъ проектъ Феге такимъ, «который легко можетъ быть принятъ». Мы, съ своей стороны, готовы сказать то же самое; и не можемъ отказать Феге въ сочувствіи главнымъ образомъ за то, что онъ, подобно Морелли и Мабли, не строитъ замковъ на воздухѣ, не оторвался отъ дѣйствительности, а предлагаетъ осуществить то, что онъ уже видѣлъ существующимъ.—Но странное дѣло. овернскія общины существуютъ со временъ незапамятныхъ, Феге называетъ ихъ учрежденіемъ хорошимъ, новое учрежденіе такихъ же общинъ ничего никому не стоило бы; отчего же онѣ сами собою не распространяются? Отчего сосѣдніе небогатые земледѣльцы не соединятся въ подобныя общины? Отчего овернскія общины существовали и быть можетъ существуютъ до сихъ поръ ** въ видѣ оазисовъ среди пустыни, разумѣя подъ пустынею все, что не придерживаетъ существующаго у нихъ порядка? И

---

* Villegardelle. 103.

** О подобныхъ общинахъ въ другихъ мѣстахъ Франціи, между прочимъ въ департ. Ньевры, говоритъ Бонмеръ въ своей исторіи крестьянъ, сочиненіи, явившемся уже въ 1856 году.

овернскія общины не составляютъ явленія единственнаго въ своемъ родѣ. Онѣ очень много напоминаютъ большую русскую семью, размножившуюся до того, что члены ея перестали быть родными, такъ что молодые люди женятся на дѣвицахъ изъ одной и той же семьи. Такія семьи въ наше время попадаются уже очень рѣдко, а прежде ихъ было много. Почему-то нашъ народъ, столь дорожащій общимъ, мірскимъ владѣніемъ землею, въ то же время находитъ жизнь въ подобныхъ семьяхъ неудобною. Еще болѣе овернскія общины походятъ на сербскую задругу, такъ что трудно найти какую-нибудь существенную черту, отличающую ихъ. А сербская задруга также исчезаетъ; въ австрійской Сербіи и даже въ княжествѣ Сербскомъ ея уже нѣтъ; она попадается только въ старой Сербіи, т. е. въ странѣ менѣе развитой въ экономическомъ отношеніи.

Дѣло въ томъ, что и сербская задруга и овернская община стѣсняютъ свободу взрослаго человѣка, не даютъ простора его самодѣятельности, стѣсняютъ его законныя и естественныя права на самостоятельность. Феге говоритъ, что въ овернскихъ общинахъ каждый членъ состоитъ подъ хорошимъ надзоромъ, что и серьезныхъ несогласій тамъ нѣтъ даже между женщинами, потому что вся община подчинена домашней полиціи, строго наблюдаемой (police domestique bien suivie). Вотъ эта-то домашняя полиція трудно и переносится взрослымъ человѣкомъ; еще съ подчиненіемъ чужой волѣ въ работѣ, въ производствѣ онъ помирится; а подчинить всю свою жизнь волѣ чужаго человѣка, это несогласно съ природою человѣка. Потому-то и распадаются какъ сербская задруга, такъ и наша многолюдная семья; и во Франціи подобная имъ община сохранилась главнымъ образомъ въ Оверни, горной странѣ, наиболѣе отсталой въ экономическомъ отношеніи.

Феге съ своимъ проектомъ былъ представителемъ болѣе умѣренныхъ реформаторовъ соціальнаго быта Франціи. Реформаторы крайніе также имѣли своего представителя въ Бабефѣ.

Бабефъ былъ якобинецъ, посаженный въ тюрьму послѣ прерьяльскихъ дней III-го года французской республики. Въ тюрьмѣ случай свелъ его съ другими подобными ему горячими головами, недовольными тогдашнею конституціею республики, и заключенные составили въ тюрьмѣ новый планъ общественнаго устройства. Освобожденный въ слѣдующемъ году, Бабефъ приступилъ къ осуществленію своего плана; основанъ былъ клубъ, члены котораго назывались равными (égaux), и началъ выходить журналъ «Le Tribun du peuple» Клубы въ то время были запрещены, потому и «клубъ равныхъ» скоро былъ закрытъ правительствомъ. Тогда Бабефъ и его соумышленники составили тайное общество съ цѣлью ниспроверженія существовавшаго правительства и полнаго пересозданія государства и общества. Опредѣлены были всѣ подробности будущаго устройства государства и приготовленъ манифестъ, написанный Сильв. Маршалемъ; многіе изъ прежнихъ якобинцевъ, монтаньяровъ, отставленныхъ офицеровъ и чиновниковъ, приняли участіе въ заговорѣ. Заговоръ былъ открытъ, благодаря доносу одного офицера, котораго заговорщики хотѣли привлечь на свою сторону. Узнавши сущность заговора, офицеръ донесъ директоріи о существованіи его; и главные заговорщики были арестованы и преданы суду, который приговорилъ нѣкоторыхъ къ ссылкѣ, а другихъ, въ томъ числѣ и Бабефа, къ смертной казни.

Сущность заговора состояла въ томъ, чтобы, ниспровергнувши правительство, устроить Францію на началахъ чисто коммунистическихъ Въ манифестѣ говорилось: «Законы аграрные или раздѣленіе полей были минутнымъ желаніемъ солдатъ, неимѣвшихъ никакихъ принциповъ, или народа, движимаго болѣе инстинктомъ, нежели разсудкомъ. Мы желаемъ вещи болѣе возвышенной и справедливой (quelque chose de plus sublime et de plus équitable), мы желаемъ общаго имущества или общности имущества». Впрочемъ, новый планъ общественнаго устройства не считалъ общность имущества необходимымъ условіемъ для каждаго гражданина. Можно было

сохранить свое имущество въ индивидуальномъ владѣніи, но передать его своимъ дѣтямъ по наслѣдству уже было нельзя. Впрочемъ, пусть говорятъ сами составители новаго проекта; приведемъ самыя статьи соціальной конституціи, ими выработанной. Экономическое отдѣленіе конституціи говоритъ слѣдующее:

1. «Въ республикѣ будетъ устроена великая народная община.

2. «Эта община возьметъ въ свое владѣніе слѣдующія имущества: а) національныя имущества, непроданныя до 9 термидора года II *; б) имущества, которыя будутъ предоставлены общинѣ частными людьми; в) имущества людей, обогатившихся во время исправленія общественныхъ должностей; г) поземельныя имущества, невоздѣланныя своими владѣльцами, и т. д.

3. «Право наслѣдованія уничтожается; послѣ смерти нынѣшнихъ владѣльцевъ, всѣ имущества поступаютъ во владѣніе народной общины.

5. «Французы, отдающіе свои имущества отечеству и посвящающіе ему свои личности и труды, считаются членами народной общины.

8. «Имущества народной общины эксплуатируются общимъ трудомъ всѣхъ здоровыхъ членовъ общины.

9. «Народная община содержитъ всѣхъ своихъ членовъ въ одинаковой умѣренности; она доставляетъ имъ все, въ чемъ они имѣютъ нужду.

10. «Никто не можетъ быть чиновникомъ въ государствѣ, ни гражданскимъ, ни военнымъ, если онъ не членъ народной общины».

Отдѣленіе, въ которомъ излагается распредѣленіе имущества и пользованіе имъ, говоритъ слѣдующее:

---

* Заговорщики особенно враждебно относились къ правительству, получившему въ свои руки власть послѣ 9 термидора, и всѣ дѣйствія правительственныя послѣ этого времени они признавали незаконными, потому и продажу національныхъ имуществъ послѣ 9 термидора они считали недѣйствительною.

1. «Никакой членъ общины не можетъ пользоваться ничѣмъ, кромѣ того, что онъ, сообразно съ закономъ, получаетъ изъ рукъ властей.

2. «Народная община обезпечиваетъ своимъ членамъ помѣщеніе здоровое, удобное и опрятно меблированное, одежду, отопленіе, освѣщеніе, мытье бѣлья, пищу, состоящую изъ хлѣба, говядины, рыбы, яицъ, масла коровьяго или прованскаго, вино и другіе напитки, овощи, приправу и, наконецъ, медицинское пособіе.

3. «Въ каждой частной общинѣ существуютъ общественные обѣды, на которыхъ члены общины обязаны присутствовать.

5. «Члены общины, получающіе какое-нибудь жалованье и сохраняющіе у себя монету, подвергаются наказанію.

Положеніе о торговлѣ говоритъ слѣдующее:

1. «Всякая порговля частныхъ лицъ съ народами иностранными запрещается.

4. «Высшая администрація производитъ торговлю съ иностранцами посредствомъ своихъ агентовъ. (Это дѣлается для доставленія членамъ общины предметовъ, производимыхъ другими странами; въ обмѣнъ отдается иностранцамъ излишекъ произведеній Франціи)».

О государственномъ долгѣ

1. «Долгъ всѣхъ французовъ на государствѣ считается уничтоженнымъ.

2. «Иностранцамъ республика возвратитъ капиталы, занятые у нихъ; до этого времени, она будетъ платить проценты. (Вѣроятно, это положеніе сдѣлано для того, чтобы иностранцы силою оружія не воспрепятствовали устройству новаго порядка; оно идетъ въ разрѣзъ съ общимъ духомъ конституціи)».

О налогахъ

1. «Налогамъ подлежатъ только лица, непринадлежащія къ народной общинѣ, то-есть тѣ, которые захотѣли бы удержать свое имущество въ своемъ личномъ владѣніи.

3. «Налоги будутъ собираемы натурою и слагаемы въ магазины народной общины.

4. «Въ случаѣ надобности, платильщики обязаны отдать свой излишекъ съѣстныхъ припасовъ и мануфактурныхъ товаровъ, съ зачетомъ за будущія уплаты.» *

Особенность, отличающая эту систему отъ утопій Т. Мора и Кампанеллы, состоитъ въ томъ, что она допускаетъ рядомъ съ народною общиною существованіе лицъ, ведущихъ свои индивидуальныя хозяйства. Это напоминаетъ платильщиковъ Платона, живущихъ рядомъ съ его военною общиною. Но платильщики Бабефа находятся въ худшемъ положеніи, чѣмъ платильщики Платона, благодаря тому, что право наслѣдованія у нихъ уничтожается. Это ставитъ всѣхъ непринадлежащихъ къ общинѣ въ тяжелое экономическое положеніе, потому что уже послѣ перваго поколѣнія все имущество такихъ людей перейдетъ къ народной общинѣ. Послѣ этого оставаться внѣ общины будетъ совсѣмъ невозможно, потому что эта мѣра осуждаетъ всѣхъ непринадлежащихъ къ общинѣ на трудъ мало производительный безъ помощи капитала, такъ-какъ ни одинъ сынъ не получитъ послѣ своего отца никакого имущества. Впрочемъ, въ дѣйствительности эта мѣра не можетъ быть приведена въ исполненіе никакими строгими законами, потому что отцы всегда будутъ искать и найдутъ тысячи средствъ, чтобы передать дѣтямъ свое имущество тайнымъ образомъ, черезъ посредство другихъ лицъ, и т. п.

Кромѣ этихъ положеній чисто-экономическихъ, въ проектѣ Бабефа есть еще положенія политическія, сущность которыхъ заключается въ томъ, что всѣ граждане республики должны быть равны между собою не на словахъ, а въ дѣйствительности, хотя въ сущности этому противорѣчитъ то, что платильщиками податей будутъ только люди, непринадлежащіе къ народной общинѣ.

---

* Pièces justificatives de la conjuration de Babeuf, въ «Etudes sur les réformateurs» par. L. Reybaud. T. II. стр 441—452.

Наконецъ, въ проектѣ есть еще статьи, касающіяся возстанія и самыхъ средствъ установленія новаго порядка. Онѣ всѣ, какъ и надобно ожидать, отличаются безпощадностью къ людямъ противной партіи, и съ другой стороны — немедленнымъ введеніемъ въ дѣйствіе принциповъ коммунизма, что, безъ сомнѣнія, по мнѣнію заговорщиковъ, должно было привлечь къ нимъ всѣхъ бѣдныхъ людей.

Статья XII инсуррекціоннаго акта говоритъ коротко и ясно:

«Всякое противодѣйствіе будетъ немедленно побѣждено силою.—Противодѣйствующіе будутъ истреблены».

Статья XVII:

«Всѣ имущества эмигрантовъ, заговорщиковъ (то-есть неучаствующихъ въ заговорѣ Бабефа) и всѣхъ враговъ народа будутъ немедленно раздѣлены между защитниками отечества.

«Бѣдные изъ всей республики будутъ немедленно снабжены мебелью и помѣщены въ домахъ заговорщиковъ.

«Вещи принадлежащія народу и заложенныя, будутъ тотчасъ возвращены безденежно». *

Въ проектѣ Бабёфа, очевидно, нужно различать двѣ стороны: одну сторону организаторскую, другую—революціонную. Обѣ онѣ по духу своему вполнѣ согласны между собою; главная ихъ черта—самое нецеремонное отношеніе къ собственности и даже къ жизни гражданъ. «Противодѣйствующіе будутъ истреблены», безъ всякаго вниманія къ причинамъ, заставляющимъ ихъ противодѣйствовать. Если они имѣютъ несогласныя убѣжденія касательно блага народнаго, они должны молчать и подчиниться мнѣніямъ организаторовъ. Въ противномъ случаѣ имъ грозятъ безпощаднымъ истребленіемъ. Только тюремное происхожденіе этого проекта нѣсколько объясняетъ его характеръ; **

---

* Тамъ же, стр. 439 и 440.

** Съ этимъ предположеніемъ вполнѣ согласны извѣстія касательно личности самого Бабефа. Говорятъ, что въ частной жизни это былъ кроткій человѣкъ, отличавшійся между прочимъ всѣми семейными добродѣтелями. (См. Ad. Frank'a «Le communisme jugé par l'histoire», стр. 71.

только крайняя вражда партій, характеризовавшая все существованіе французской республики, могла сообщить ему подобный кровавый характеръ; въ противномъ случаѣ, еслибы онъ былъ составленъ и обдуманъ на досугѣ философомъ-реформаторомъ, то за нимъ нужно было бы признать, какъ нечеловѣческую жестокость, такъ и нечеловѣческую несправедливость. Въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ изъ подобныхъ проектовъ не отличается такими кровавыми чертами; нигдѣ и въ дѣйствительности не оказывается до такой степени homo homini lupus. И эти черты характеризуютъ не одно установленіе новаго порядка, но и продолженіе и поддержаніе его. Члены общины стоятъ относительно тѣхъ, которые не принадлежатъ къ ней, не какъ равноправные граждане и друзья, а какъ враги, одни—побѣдители, другіе — побѣжденные. Одни управляютъ государствомъ, другіе—могутъ быть только управляемы; одни собираютъ подати, другіе—могутъ только платить ихъ; одни, не пріобрѣтая капиталовъ, пользуются ими, какъ необходимые наслѣдники, другіе—собираютъ эти капиталы, но не могутъ распорядиться ими по своей волѣ; одни только пожинаютъ, другіе— только сѣютъ. Очевидно, идея справедливости во всей этой общественной организаціи нарушается самымъ возмутительнымъ образомъ. Нечего и говорить, что подобный планъ осуществленъ быть никогда не могъ; онъ противенъ такой массѣ справедливыхъ интересовъ, которая нашла бы въ себѣ достаточныя силы для собственной защиты. И собственно говоря, заговору Бабёфа, равно какъ и самому его проекту, дали гораздо больше значенія, чѣмъ онъ заслуживалъ. Бабёфъ и его соучастники были непрактическіе мечтатели, которые въ тюрьмѣ додумались до сердитыхъ проектовъ; до исполненія этихъ проектовъ никогда бы не дошло; это были только слова и слова, неоставившія по себѣ никакого слѣда. Самый процессъ Бабёфа и его соучастниковъ остался мало замѣченнымъ въ общемъ теченіи жизни, котораго онъ нисколько не нарушилъ. Арестъ Робеспьера произвелъ волненіе въ парижскомъ народонаселеніи, и нашлись люди, вооружившіеся для его защиты; арестъ Бабёфа не

вызвалъ ни протеста, ни противодѣйствія, не смотря на все изобиліе благъ, обѣщанныхъ Бабёфомъ простому народу. Простой народъ, съ его простымъ умомъ, легко отличаетъ существенныя и справедливыя средства къ улучшенію своего быта отъ воображаемыхъ и несправедливыхъ; этотъ здравый смыслъ народа не позволитъ ему поголовно увлечься въ грабежъ и убійство.

Итакъ, къ концу XVIII-го вѣка литература реформаторскихъ проектовъ представила образцы разнаго характера, окрашенные разными цвѣтами и стремящіеся къ разнымъ цѣлямъ. Замѣтить нужно, что авторы этихъ образцовъ принадлежатъ всѣмъ замѣчательнѣйшимъ европейскимъ народностямъ и всѣмъ слоямъ общества—доказательство, что ненормальное положеніе общества чувствовалось вездѣ. Но нельзя не обратить вниманія и на то, что въ большинствѣ случаевъ реформаторскіе проекты, повидимому, не разсчитывали ни на что иное, кромѣ литературнаго успѣха; въ самомъ дѣлѣ, сравните всѣхъ этихъ реформаторовъ XVI, XVII и даже XVIII вѣка съ реформаторами XIX: Фурье, Оуэнъ, Кабе жизнь свою положили въ свои любимыя теоріи. Между тѣмъ Кампанелла написалъ въ тюрьмѣ свой небольшой трактатъ о городѣ Солнцѣ и повидимому самъ забылъ о немъ; дальше онъ пишетъ еще десятки трактатовъ, но всѣ они имѣютъ другой предметъ, а къ городу Солнца не имѣютъ никакого отношенія. Такъ же поступилъ въ XVIII вѣкѣ Морелли; онъ издалъ свои сочиненія и считалъ свою задачу оконченною, остался въ неизвѣстности и спокойствіи, въ которыхъ былъ до тѣхъ поръ, такъ что страннымъ образомъ личность его почти сдѣлалась чуждою его сочиненіямъ, и даже нѣкоторыя изъ нихъ долгое время были приписываемы Дидеро.

Но за то авторы болѣе умѣренныхъ реформаторскихъ проектовъ относились съ большимъ участіемъ къ своимъ созданіямъ; аббатъ Сенъ-Пьеръ всю жизнь свою хлопоталъ о томъ, чтобы убѣдить всѣхъ и въ особенности сильныхъ міра, въ

исполнимости своихъ проектовъ, особенно проекта вѣчнаго мира. Но аб. Сенъ-Пьеръ не утопистъ; онъ сознавалъ, что его проекты въ сущности своей не имѣютъ ничего противнаго ихъ осуществленію, что при согласіи вліятельныхъ людей и при благопріятныхъ обстоятельствахъ они могутъ быть выполнены. Идея аб. Сен-Пьера не умерла съ нимъ; напротивъ, она болѣе и болѣе дѣлается популярною въ Европѣ, и можно думать, что придетъ время, когда европейскіе народы будутъ соперничать на поприщѣ всѣхъ наукъ и искуствъ, кромѣ военныхъ. Изъ реформаторовъ коммунистовъ только Бабефъ, очевиднымъ образомъ, серьёзно смотрѣлъ на свои планы и хотѣлъ дать имъ практическое примѣненіе; но не смотря на то, что и время и обстоятельства въ высшей степени ему благопріятствовали, его попытка оказалась совершенно ничтожною; планы Бабефа не могли пустить корней дальше тюрьмы, въ которой онъ сидѣлъ, и дальше кружка его пріятелей, бо́льшею частью принадлежавшихъ къ крайней политической партіи, потерявшей въ то время власть и подвергшейся гоненію *.

---

* О заговорѣ Бабефа впослѣдствіи издано отдѣльное сочиненіе однимъ изъ соучастниковъ его подъ заглавіемъ: «Conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf, par M. Buonarotti, son ami et son complice». 2 тома. Брюс., 1820 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

Коммунизмъ религіозныхъ сектъ въ Германіи во время реформаціи и въ другихъ странахъ Европы въ вѣка предъидущіе.

Соціальный характеръ средневѣковыхъ религіозныхъ сектъ не изслѣдованъ съ точностью, такъ чтобы не было мѣста для сомнѣнія, и различные авторы относительно его высказываютъ мнѣнія самыя противоположныя. Мы не можемъ входить въ подробный разборъ этихъ мнѣній и потому удовольствуемся только тѣмъ, что приведемъ ихъ.

Религіозныхъ сектъ въ западной церкви было очень много, преимущественно въ XII и XIII вѣкахъ; къ этому времени относятся петробрузіане — послѣдователи Петра Брюи, генриціане — послѣдователи Генриха, ученика Петра Брюи, арнольдисты — послѣдователи Арнольда Брешіанскаго, эсперонъяне — послѣдователи нѣкотораго Эсперона. Потомъ были еще пикары, ломбарды и пр. Все это предшественники альбигойцевъ и вальденсовъ. Этимъ сектамъ, равно какъ альбигойцамъ и вальденсамъ, католическіе писатели обыкновенно приписываютъ всякаго рода гнусности, и между прочимъ общность женъ; но протестантскіе писатели, а вслѣдъ за ними и нѣкоторые католическіе отвергаютъ это *. И что касается альбигойцевъ и вальденсовъ, можно положительно утверждать, что ни общности имущества,

---

* Въ началѣ XII въ Антверпенѣ явился реформаторъ Танквелинъ, увлекшій за собою массы простаго народа Католическіе писатели говорятъ, что онъ проповѣдывалъ величайшія нелѣпости, называлъ себя Богомъ и женился на дѣвѣ Маріи. Протестантскіе писатели говорятъ, что онъ вооружался только противъ пороковъ латинскаго духовенства, и видятъ въ немъ «благороднаго предшественника реформаціи, евангельскаго мученика». Танкьелинъ былъ заключенъ въ тюрьму въ Кельнѣ, но ушелъ изъ нея и черезъ два года, избѣгая преслѣдованій, былъ убитъ на баркѣ, на р. Шельдѣ, въ 1115 г. (Thon. I. 333—339).

ни общности женъ у нихъ не было. Мнѣніе относительно общности имущества въ ихъ средѣ составилось безъ сомнѣнія на основаніи того, что у нихъ въ широкомъ размѣрѣ существовала общественная благотворительность; бѣдные, вдовы и сироты получали скорую и дѣйствительную помощь; и противникамъ этихъ сектъ, неотличавшимся строгостью въ выборѣ средствъ для борьбы съ врагами, не трудно было вывороτить фактъ такимъ образомъ, чтобы общественная благотворительность явилась въ видѣ имущественнаго коммунизма. А коммунизмъ къ бракѣ является уже, какъ прибавленіе къ коммунизму въ имуществѣ. Но невозможность его доказывается всеобщими свидѣтельствами о самой большой строгости нравовъ въ средѣ обѣихъ этихъ сектъ, вслѣдствіе чего онѣ усвоили себѣ названіе καθαροὺς, чистыхъ. Даже Св. Бернардъ, ревностный противникъ ихъ, отдавалъ справедливость ихъ высокой нравственности. «Ихъ нравы, говорилъ онъ, безупречны; они никого не обижаютъ, никому не дѣлаютъ зла. На ихъ лицахъ написано, что они умерщвляютъ плоть свою постомъ; они не въ праздности ѣдятъ хлѣбъ свой, а добываютъ его трудомъ». Съ другой стороны католики приписываютъ имъ такія преступленія противъ постановленій церкви, которыя не будучи запечатлѣны характеромъ коммунизма, тѣмъ не менѣе идутъ въ разрѣзъ съ общимъ духомъ этихъ сектъ. Въ архивахъ инквизиціи сохранились тѣ обвинительные пункты, по которымъ преслѣдовались альбигойцы и вальденсы; между прочимъ въ этихъ пунктахъ имъ приписывается, будто они не считаютъ грѣхомъ отдавать взаймы деньги за проценты (dicunt, quod tradere ad usuram non est peccatum aliquod). Хотя и сама католическая церковь впослѣдствіи перестала считать это грѣхомъ, тѣмъ не менѣе трудно вѣрить, чтобы альбигойцы и вальденсы въ этомъ отношеніи предупредили всю Европу. Упрекая католиковъ за недостатокъ христіанской любви къ ближнему, они не могли отказаться отъ принципа, провозглашеннаго церковью во имя этой самой любви.

Изъ ересей слѣдующихъ вѣковъ мы обратимъ вниманіе на фратичеллей, беггардовъ, апостоликовъ, тюрлюпеновъ и пр. и скажемъ о нихъ собственными словами Тониссена, усерднаго бойца за католицизмъ, которому потому, какъ намъ кажется, въ этомъ дѣлѣ нельзя вполнѣ вѣрить.

«Фратичелли (les frérots, fraticelli, bizoches), говоритъ Тониссенъ, появились въ Анконской маркѣ около 1260 года. Нѣкоторые францисканскіе монахи, недовольные распущенностью нравовъ своего ордена, оставили монастыри и удалились въ поле, чтобы исполнять тамъ правила его во всей ихъ первоначальной строгости.— Рѣшеніе этихъ францисканцевъ,

принявшихъ имя фратичеллей (братцевъ) было поводомъ къ ереси, возмутившей всю Италію и даже часть Германіи и Франціи. Ненависть къ частной собственности и совершенное осужденіе богатствъ характеризовали рѣчи и дѣйствія первыхъ адептовъ. Отрѣченіе отъ собственности, по ихъ мнѣнію, было необходимымъ условіемъ спасенія. Они привлекли къ себѣ симпатіи множества людей рѣшительныхъ, которыхъ несчастія того времени, лѣность или пороки ввергли въ нищету. Соединившись въ банды, эти люди проходили по разнымъ странамъ Италіи, питаясь сообща милостынею, въ которой имъ никто не смѣлъ отказать. — Собственность ближняго перестала быть почитаема подъ тѣмъ предлогомъ, что она служитъ причиною погибели. Наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ пришли къ тому, что стали проповѣдывать для христіанъ не только общность всякаго имущества, но и общность женъ. Папы Бонифацій VIII и Іоаннъ XXII отлучили ихъ отъ церкви, и государи Италіи, серьезно угрожаемые еретиками, казнили значительное число ихъ. Банды разсѣялись; но наиболѣе закоренѣлые изъ еретиковъ нашли убѣжище въ Германіи и во Франціи» *. Въ этомъ разсказѣ трудно всему вѣрить. Что фратичелли ввели у себя общность имуществъ, что они собирали и потребляли милостыню сообща, это совершенно правдоподобно. Но чтобы они перестали почитать собственность другихъ людей, другими словами, чтобы они отнимали у другихъ имущество, это уже мало вѣроятно; еще менѣе вѣроятно то, чтобы они проповѣдывали общность женъ. Это противорѣчило бы въ самомъ основаніи духу секты, такъ какъ она возникла изъ за недовольства первыхъ фратичеллей распущенностью нравовъ въ средѣ францисканскаго ордена; стало быть основнымъ принципомъ ея было воздержаніе, духъ аскетизма, совершенно противоположный стремленію къ коммунизму въ бракѣ.

О беггардахъ Тониссенъ говоритъ такимъ образомъ: «поводомъ, давшимъ начало ереси б е г г а р д о в ъ была испорченность нравовъ дворянства и высшаго духовенства. Благочестивые люди, желая протестовать противъ пороковъ своихъ согражданъ, отдѣлились отъ толпы, приняли особенный костюмъ и соединились въ отдѣльныя общества. Въ началѣ они довольствовались тѣмъ, что начертали себѣ идеалъ, къ которому христіанинъ долженъ стремиться; но скоро они сдѣлали шагъ дальше, стали утверждать, что беггардъ, дошедшій до этой степени совершенства, не имѣетъ надобности въ божественной благодати, и для него необязательны обыкновенныя добродѣтели. Истинный беггардъ дѣлался непогрѣшимъ и

* Thon. тамъ же, 157—159.

освобождался отъ стѣсненій и ограниченій, которымъ должны подчиняться обыкновенные люди. Такимъ образомъ беггарды, выходя изъ идеи можетъ быть похвальной и благородной, но ослѣпленные гордостью, пришли къ смѣшенію половъ и коммунизму. — Вслѣдствіе чего они и были осуждены на соборѣ въ Вьеннѣ во Франціи въ 1311 г. папою Климентомъ V» *. Въ этихъ строкахъ опять проглядываетъ тенденція усерднаго защитника папства — представить въ дурномъ свѣтѣ все, что такъ или иначе расходилось съ нимъ. Беггарды дѣйствительно уклонились въ сторону, въ ихъ среду проникло даже и смѣшеніе половъ, но это не было явленіемъ общимъ для всѣхъ вообще общинъ беггардовъ; и впослѣдствіи, католическая церковь, хотя осуждала эти уклоненія, но общи[illegible] беггардовъ и бегинъ вообще терпѣла.

Ульманъ въ своихъ «Reformatoren vor der Reformation» говоритъ о беггардахъ и о бегинахъ такимъ образомъ: во время крестовыхъ походовъ «появились въ Нидерландахъ женскія общины б е г и н ъ; къ нимъ присоединились преимущественно въ XIII вѣкѣ мужскіе союзы б е г г а р д о в ъ, которыхъ первая община основана въ Лувенѣ въ 1220 году; съ начала XIV вѣка появились близъ Антверпена общества лоллардовъ; всѣ эти общества скоро распространились и сдѣлались многолюдны въ разныхъ городахъ, напр. бегины въ Кельнѣ. Эти богомольцы и пѣвцы — таково подлинное значеніе словъ «беггардъ и лоллардъ» имѣли одну практическую задачу: они жили обыкновенно въ особенныхъ общихъ домахъ, питаясь трудами рукъ своихъ и добровольнымъ подаяніемъ и занимаясь подвигами христіанской любви. При такихъ стремленіяхъ они были не только ни въ чемъ невиновны, но даже полезны для общества. Потому народъ любилъ ихъ, горожане охотно принимали ихъ, князья и власти защищали, даже папы (Іоаннъ XXII, Григорій XI, Сикстъ IV и Юлій II), за исключеніемъ кратковременнаго преслѣдованія со стороны Климента V, признали, что они строго держатся ученія церкви и не допускаютъ никакихъ ересей. Только инквизиція и нищенствующіе монахи были имъ враждебны и возбуждали противъ нихъ преслѣдованія. Духовенство также относилось къ нимъ неблагосклонно, потому что оно лишилось, благодаря имъ, части своихъ доходовъ» **.

Уклоненія въ сторону по словамъ Ульмана въ средѣ беггардовъ произошло такимъ образомъ. Между ними появились люди, недовольствовавшіеся дѣлами благотворенія, а пускавшіеся уже на проповѣдь, чему благопріятствовало то, что они

---

* Тамъ же, 160.

** Т. II стр. 14 и 15 (Hamb., 1842).

уже пріобрѣли значительныя имущества, позволявшія имъ оставить въ сторонѣ прежнія свои занятія, которыми они добывали себѣ пропитаніе. Но такъ какъ эти проповѣдники были люди совершенно простые, необразованные, то и проповѣдь ихъ не отличалась достоинствомъ, и вмѣстѣ съ ихъ праздною жизнью не привлекала къ нимъ народъ, а отталкивала его отъ нихъ. Въ то же время между ними возникло мистическое направленіе; простецы стали разсуждать о свойствахъ божества, о природѣ человѣка, о добродѣтели и пр.; можно представить себѣ, къ чему иногда проводили подобныя разсужденія; между прочимъ, они уже прямо вооружались противъ церкви, находя въ ней только одни пороки, и обращали свои мысленныя вѣры къ первобытному состоянію райской чистоты, которую они наконецъ и рѣшились возстановить на землѣ. Съ этой цѣлью они устроивали себѣ подземныя помѣщенія, которыя и называли раями. Здѣсь собирались вмѣстѣ мужчины и женщины; здѣсь, какъ говорятъ хроники, проповѣдники, обнаженные въ знакъ своей райской чистоты, говорили свои проповѣди, между прочимъ вооружались противъ брака, говоря, что онъ, въ противность природѣ, стѣсняетъ отношенія между полами, что̀ и оканчивалось обыкновенно практическимъ примѣненіемъ къ дѣлу этого принципа *.

Подобные проповѣдники были обыкновенно сжигаемы, если инквизиція открывала ихъ. Въ XIV вѣкѣ сожжено ихъ нѣсколько человѣкъ. Но общины беггардовъ не смотря на то существовали до самаго XVI вѣка.

Въ Италіи въ концѣ XIII вѣка появилась секта апостоликовъ, основанная Сегарелемъ, уроженцемъ города Пармы. Сегарель, облекшись въ какую-то хламиду въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ на иконахъ изображаются апостолы, началъ проповѣдывать по деревнямъ братскую любовь и общность имуществъ, на томъ основаніи, что всякій христіанинъ обязанъ подражать Христу и подобно ему отказаться отъ земныхъ благъ. Сегарель пріобрѣлъ много послѣдователей въ Италіи и южной Франціи, такъ что правительства должны были употребить противъ нихъ вооруженную силу; самъ Сегарель былъ взятъ въ плѣнъ и сожженъ въ 1304 году. Но одинъ изъ его учениковъ Дульцинъ возстановилъ секту подъименемъ дульцинистовъ; однако вскорѣ и его постигла участь учителя.

Тюрлюпены появились во Франціи въ концѣ XIV вѣка.

---

* Тамъ-же, 18—20. Быть можетъ къ ихъ числу нужно отнести брюссельскую проповѣдницу Блемардину и проповѣдниковъ Вильгельма Гильдерниссема и Жилля Пѣвца, которые, по словамъ католическихъ писателей, проповѣдывали самую грубую чувственность въ началѣ XV вѣка.

Ученіе ихъ очень походило на ученіе всѣхъ современныхъ сектъ; между прочимъ они проповѣдывали, что человѣкъ долженъ слѣдовать влеченію своихъ страстей, не обращая вниманія ни на какія предписанія религіи. Уважая природу и естественное состояніе человѣка, тюрлюпены между прочимъ иногда показывались въ публичныхъ мѣстахъ совершенно нагіе. Эта секта истреблена въ скоромъ времени королемъ Карломъ V *.

Въ XV столѣтіи въ Германіи произошло соціальное движеніе, связанное съ именемъ личности, которая до сихъ поръ еще остается отчасти загадочною. Въ 1474 г. въ Никласгаузенѣ (въ Баденѣ) объявился проповѣдникъ; это былъ Іоаннъ по прозванію Бёгеймъ (Böheim, Behem, Böhme). Ульманъ говоритъ, что это названіе дано ему по всей вѣроятности потому, что онъ былъ богемецъ, чехъ, такъ какъ многое говоритъ въ пользу его чешскаго происхожденія, и ученіе, которое онъ проповѣдывалъ, и то, что онъ былъ музыкантъ. Сначала онъ былъ пастухомъ и въ это время пріобрѣлъ извѣстность, какъ мастеръ играть на пастушеской дудочкѣ, за что и прозванъ былъ Pfeifer (дудочникъ), но впослѣдствіи народъ прозвалъ его Святымъ юношею, потому что онъ бросилъ музыку и по приказанію Богородицы сталъ проповѣдывать.

Проповѣдь его состояла въ обличеніи пороковъ своихъ современниковъ и въ особенности духовенства; люди должны перестать грѣшить, говоритъ онъ, иначе Божій гнѣвъ постигнетъ ихъ. Богъ лишитъ ихъ плодовъ земныхъ, хлѣба и вина. Для отвращенія гнѣва Божія люди должны пилигримствовать въ Никласгаузенъ, потому что тамъ Матерь Божія милостью своею подастъ людямъ отпущеніе грѣховъ; Никласгаузенъ поэтому важнѣе Рима. — И только послѣ такого покаянія Господь помилуетъ людей и избавитъ ихъ отъ всякихъ золъ и тягостей. Скоро не будетъ ни папы, ни императора, ни князя, ни епископа и никакой другой власти; но всѣ будутъ другъ другу братьями. «Князья духовные и свѣтскіе будутъ послѣ этого имѣть только то, что будетъ имѣть и народъ, и тогда всѣ будутъ имѣть довольно; дойдетъ до того, что князья и господа будутъ работать, какъ поденщики. Рыба въ водѣ и дичь въ полѣ будутъ принадлежать всѣмъ; подати, барщины, проценты, оброки, десятины духовнымъ и свѣтскимъ господамъ будутъ совсѣмъ отмѣнены».

Вооружаясь на духовенство, онъ упрекалъ его между прочимъ за то, что онъ разводитъ браки; этимъ, говоритъ Бё-

---

* Thon. тамъ же, 161—163.

геймъ, духовенство присвоиваетъ, себѣ право Бога, потому что только ему принадлежитъ это право *.

Проповѣдь Бегейма имѣла успѣхъ необыкновенный. Дѣйствительно, толпы пилигримовъ стали стекаться въ Никласгаузенъ, сначала изъ окрестностей, а потомъ и изъ дальнихъ мѣстъ, даже изъ Баваріи, Саксоніи, Эльзаса; особенное сочувствіе его ученіе нашло между безземельными рабочими въ деревняхъ, и между подмастерьями въ городахъ. Вообще народъ былъ весьма возбужденъ. Бегейма иначе не называли, какъ пророкомъ и святымъ юношею. Сосѣдніе духовные и свѣтскіе владѣтели, желая прекратить волненіе, запретили своимъ подданнымъ путешествовать въ Никласгаузенъ; но это запрещеніе не остановило пилигримовъ. Тогда епископъ вюрцбургскій послалъ своихъ всадниковъ въ Никласгаузенъ, и они ночью захватили Бегейма, который потомъ былъ преданъ суду и сожженъ въ Вюрцбургѣ **. Со смертью его прекратилось волненіе въ народѣ. Іоаннъ Бегеймъ былъ прямымъ предшественникомъ Шторха и Т. Мюнцера, отъ которыхъ онъ отдѣленъ уже незначительнымъ пространствомъ времени (1474—1525) ***.

Успѣхъ Бегейма показываетъ, что въ Германіи почва была подготовлена для принятія ученій подобныхъ его ученію. Феодальныя повинности лежали всею своею тягостью на сельскомъ населеніи; поборы духовенства обременяли и сельское и городское населеніе. Безнравственность духовенства поколебала вѣру; и когда Лютеръ сталъ проповѣдывать свою реформу, значительная масса населенія осталась ею недовольна, и пошла за другими проповѣдниками, которые дальше повели и церковную реформу, а кромѣ того присоединили къ ней и соціальную. Главными провозвѣстниками этой полной реформы явились Шторхъ и Томасъ Мюнцеръ. Извѣстно, что эта реформа окончилась одновременнымъ возстаніемъ крестьянъ въ Швабіи и Франконіи и революціею въ Мюльгаузенѣ. И то и другое возстаніе имѣли очевидный соціальный характеръ. Швабскіе и франконскіе инсургенты издали свой извѣстный манифестъ изъ 12 членовъ, въ которомъ между прочимъ выражались слѣдующія желанія крестьянъ:

---

* Ullmann: тамъ же, т. I, 423—426.

** Тамъ же, 430—438.

*** Кауцъ въ Geschichtliche Entwickelung der National Economie ставитъ Бегейма рядомъ съ Т. Моромъ, Кампанеллою и пр. въ числѣ авторовъ такъ-называемыхъ соціальныхъ романовъ (II, 746). Но если онъ не смѣшалъ его съ кѣмъ-нибудь другимъ, то это очевидное недоразумѣніе. Бегеймъ едвали въ своей жизни писалъ что-нибудь, да едвали даже и умѣлъ просто писать, не говоря уже объ авторствѣ.

1) чтобы часть десятины, собираемой съ крестьянъ, употреблялась на пособіе бѣднымъ и на другія нужды самихъ же крестьянъ; 2) чтобы крѣпостная зависимость крестьянъ была совсѣмъ уничтожена; 3) чтобы имъ дано было право охоты и рыбной ловли; 4) чтобы поля, луга и лѣса, присвоенные духовными и свѣтскими владѣльцами, были возвращены крестьянамъ, и т. п. Эти желанія весьма напоминаютъ желанія высказанныя Бегеймомъ въ видѣ предсказаній имѣющаго наступить въ скоромъ времени порядка дѣлъ. — Крестьянское возстаніе было на столько серьезно, что оно охватило всю массу населенія въ двухъ названныхъ провинціяхъ Германіи; число однихъ погибшихъ въ войнѣ крестьянъ простиралось до 100,000 человѣкъ; и только пріученныя къ войнѣ войска Трухзеса и Фрундсберга могли усмирить возстаніе.

Мюнцеръ со своими приверженцами въ Мюльгаузенѣ пошелъ даже еще дальше, чѣмъ возставшіе крестьяне Швабіи и Франконіи. Отнявъ власть у городскаго совѣта, онъ немедленно ввелъ общность имуществъ, привлекъ къ себѣ населеніе окрестной страны, образовалъ довольно значительную армію и, подобно Гедеону, пошелъ на освобожденіе своего народа отъ враговъ, т. е. отъ князей и дворянства. Но соединенныя войска князей Саксоніи, Гессена и Брауншвейга скоро положили конецъ этому предпріятію. Мюнцеръ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и обезглавленъ.

Въ одно время съ этимъ движеніемъ въ Германіи, обнаружилось подобное же движеніе въ нѣмецкой Швейцаріи. Подобно тому, какъ въ Виттенбергѣ простой народъ не удовольствовался реформою Лютера, въ Цюрихѣ народъ не удовольствовался реформою Цвингли. Болѣе экзальтированные люди въ религіи дошли до перекрещенства, въ соціальномъ устройствѣ до коммунизма. Но сенатъ изгналъ послѣдователей этого ученія изъ Цюриха. Тогда они удалились въ небольшой городокъ Цоликоне, устроились здѣсь сообразно своимъ ученіямъ и издали манифестъ, содержащій въ себѣ ихъ символъ. Здѣсь между прочимъ говорится, что «всякое исповѣданіе, въ которомъ не существуетъ общности имуществъ, есть общество людей несовершенныхъ, несоблюдающихъ закона любви, составляющей душу христіанства» *.

Впрочемъ, была одна причина, которая не позволила цоликонскому обществу остановиться на чемъ-нибудь, даже на имущественномъ коммунизмѣ. Представляя себя совершеннымъ обществомъ вѣрныхъ, сектанты отвергали всякую іерархію, духовную и свѣтскую. По ихъ ученію состояніе вдохновенія, духъ пророчества былъ доступенъ всякому. Вслѣдствіе чего

* Thomas. I, 184.

всѣ и начинали учить и пророчествовать; дошло и до коммунизма въ бракѣ, до дѣйствительнаго смѣшенія половъ, и всякое ученіе немедленно приводилось въ практику. Основаніемъ для ученія все таки было священное писаніе, толкуемое каждымъ по своему. Основаніемъ для ученія о смѣшеніи половъ были слова Спасителя, что мытари и блудницы наслѣдятъ царствіе божіе. Нѣкоторые отрубали себѣ руки, основываясь на словахъ писанія, что нужно отсѣчь руку, если она соблазняетъ человѣка (Матѳ. V, 30). Другіе, люди зрѣлыхъ и преклонныхъ лѣтъ, начинали прыгать и играть, какъ дѣти, желая, чтобы къ нимъ относились слова Спасителя: таковыхъ есть царствіе Божіе *. Наконецъ цюрихскій сенатъ положилъ конецъ этимъ нововведеніямъ; обитатели Цоликоне были силою разогнаны и главные проповѣдники даже были казнены.

Такимъ образомъ религіозный коммунизмъ потерпѣлъ полную неудачу въ Германіи и Швейцаріи, но приверженцы его еще не упали духомъ. Послѣ того они еще сдѣлали два опыта, не менѣе значительные, чѣмъ и прежніе.

Первый опытъ сдѣланъ учениками Шторха Гуттеромъ и Габріелемъ Шердингомъ въ Моравіи. Не находя безопасности въ Германіи, Гуттеръ и Габріель задумали основать колоніи анабаптистовъ гдѣ-нибудь въ чужой странѣ и избрали для этого Моравію, въ которой еще прежде находили пріютъ многіе изъ преслѣдуемыхъ католическою церковью. Здѣсь на суммы, собранныя между ихъ единовѣрцами, Гуттеръ и Габріель пріобрѣли значительные участки земли, на которыхъ тотчасъ возникли общины анабаптистовъ. Эти общины отличались большею умѣренностью, чѣмъ «совершенное общество вѣрныхъ» въ Цоликоне. Необходимость втораго крещенія была признана, общность имущества введена, но всеобщій даръ учительства и пророчества и непосредственное собесѣдованіе съ Богомъ были отвергнуты. Отъ смѣшенія половъ новоустроенныя общины были весьма далеки; напротивъ семейство было удержано и нравы общинниковъ отличались большою строгостью и чистотою. Въ скоромъ времени число общинъ увеличилось; анабаптисты стекались со всѣхъ сторонъ въ Моравію, пріобрѣтали земли и брали ихъ въ аренду у мѣстныхъ владѣльцевъ; и экономическія дѣла общинъ пошли хорошо. Всѣ общины были устроены одинаковымъ образомъ. Обыкновенно помѣщеніе общинъ обносилось оградою; близъ ограды (съ внутренней стороны) были построены небольшіе домики для отдѣльныхъ семействъ; въ центрѣ устроивались общественныя заведенія: мастерскія, магазины,

* Тамъ же, 187 и 188.

школы и столовыя. Во главѣ общины стоялъ архимандритъ; экономическими дѣламп общины завѣдывалъ экономъ, который получалъ всѣ доходы и заботился о продовольствіи общины. Все потребленіе было общее; одежда однообразная для всѣхъ. Дѣти воспитывались на общій счетъ и всѣ вмѣстѣ подъ руководствомъ пожилыхъ вдовъ. Молодые люди вступали въ супружество по очереди; старшій изъ юношей бралъ старшую изъ дѣвицъ, и слѣдующій затѣмъ юноша женился на дѣвицѣ, которая превосходила возрастомъ всѣхъ остававшихся невѣстъ, и т. д. Наказаній не было, кромѣ, впрочемъ, публичнаго покаянія, лишней работы и наконецъ исключенія изъ общины. Вообще, общины процвѣтали во всѣхъ отношеніяхъ. Фердинандъ Австрійскій, который передъ тѣмъ (1526 г.) сдѣлался королемъ Чехіи и Моравіи, смущаясь присутствіемъ въ его королевствѣ еретиковъ, осужденныхъ церковью, нетерпимыхъ даже лютеранами, издалъ указъ объ изгнаніи анабаптистовъ изъ Моравіи; и они дѣйствительно было удалились. Но сами мѣстные владѣльцы, которымъ анабаптисты платили хорошую поземельную ренту, вступились за нихъ, и императоръ отмѣнилъ свой указъ объ изгнаніи анабаптистовъ, которые дѣйствительно и возвратились. Но черезъ нѣсколько времени обнаружилась внутренняя причина, подточившая въ корнѣ существованіе общинъ. Между вождями, Гуттеромъ и Габріелемъ, возникло разногласіе по вопросамъ общественной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ соперничество. Члены общинъ приняли участіе въ этомъ дѣлѣ: одни держали сторону Гуттера, другіе сторону Габріеля; начались споры, волненія; работы остановились. Наконецъ, Гуттеръ оставилъ Моравію и удалился въ Тироль, гдѣ и былъ сожженъ, какъ еретикъ. Габріель, оставшись во главѣ общинъ, не могъ возстановить порядка и вскорѣ самъ долженъ былъ удалиться. Новый начальникъ Фельдгаллеръ также безуспѣшно пробовалъ возстановить порядокъ: общины пали окончательно; члены ихъ наводнили Германію, куда они уже возвратились въ видѣ нищихъ, питаясь дорогою подаяніемъ (1534 г.). Такимъ образомъ, несмотря на самое блестящее начало, моравскія общины могли существовать только въ продолженіи 7 лѣтъ и пали вслѣдствіе внутренняго разложенія. (Тониссенъ, тамъ же, 190—194) *.

Еще короче былъ второй опытъ осуществленія соціальныхъ ученій анабаптизма, въ Мюнстерѣ, въ 1534 и 1535 годахъ. Этотъ опытъ слишкомъ извѣстенъ и мы не будемъ

---

* Впрочемъ незначительные остатки ихъ существовали въ Моравіи еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, до начала Тридцатилѣтней войны.

распространяться объ немъ. Онъ окончился тѣмъ, что община анабаптистовъ въ Мюнстерѣ признала своимъ королемъ Іоанна Боккольда, лейденскаго портнаго, который, впрочемъ, по образованію былъ выше своей первоначальной профессіи; онъ учился (но не окончилъ курса) въ университетѣ, и прежде нежели сдѣлался пророкомъ, пріобрѣлъ извѣстность, какъ поэтъ. Мюнстерская община отличалась отъ моравскихъ общинъ тѣмъ, что, допустивъ общность имущества, она вмѣстѣ съ тѣмъ допустила полигамію (но не поліандрію и не смѣшеніе половъ), и въ этомъ отношеніи мюнстерскіе анабаптисты — прямые предшественники нынѣшнихъ мормоновъ. Свою королевскую власть Боккольдъ ознаменовалъ жестокостями, между прочимъ собственноручною казнью одной изъ своихъ женъ, проспвшей у него позволенія оставить новый образъ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ самый городъ Мюнстеръ. Царство Боккольда окончилось тѣмъ, что городъ Мюнстеръ былъ взятъ войсками князя-епископа, незадолго передъ тѣмъ изгнаннаго. Боккольдъ былъ казненъ и царство его такимъ образомъ разрушилось.

Изъ другихъ опытовъ новаго соціальнаго устройства скажемъ еще нѣсколько словъ о Гернгутерахъ и Парагвайскихъ езуитскихъ миссіяхъ.

Гернгутеры образовались изъ остатковъ моравскихъ или богемскихъ братьевъ, которыхъ общины устроились въ Чехіи и Моравіи, послѣ окончанія Гуситскихъ войнъ, подъ покровительствомъ Георгія Подибрада и даже на его собственныхъ земляхъ. Моравскіе братья отличались строгостью жизни, трудолюбіемъ, повиновеніемъ своимъ старѣйшинамъ и проповѣдникамъ. Между прочимъ, общественная благотворительность существовала у нихъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; у нихъ возстановлены были древнія христіанскія дьяконіи. Вслѣдствіе всего этого матеріальный бытъ моравскихъ братьевъ находился въ цвѣтущемъ состояніи. Но король Фердинандъ, преслѣдователь моравскихъ общинъ, не оставилъ безъ своего вниманія и моравскихъ братьевъ, также еретиковъ, отнялъ у нихъ ихъ церкви и наложилъ на нихъ большія подати. Это заставило моравскихъ братьевъ искать убѣжища въ другихъ странахъ: въ Польшѣ, Пруссіи, Венгріи и пр. Немногіе остались въ Богеміи и Моравіи, рѣшившись переносить преслѣдованія.

Здѣсь (въ Фульнекѣ. въ Моравіи) былъ у нихъ проповѣдникомъ знаменитый Амосъ Коменскій, который, однако, избѣгая преслѣдованій во время Тридцатилѣтней войны, удалился въ Польшу къ тамошнимъ моравскимъ братьямъ, и здѣсь сдѣланъ былъ епископомъ. Полнаго спокойствія и безопасности моравскіе братья не нашли нигдѣ. Наконецъ уже

въ XVIII вѣкѣ они нашли покровителя въ графѣ Цинцендорфѣ, который самъ принялъ ихъ ученіе и даже сдѣлался ревностнымъ пропагаторомъ его. Графъ Цинцендорфъ предложилъ моравскимъ братьямъ для поселенія собственныя свои земли въ Лужицкой-Землѣ; и моравскіе братья дѣйствительно собрались сюда изъ разныхъ странъ, построили здѣсь колонію Гернгутъ и устроили свою жизнь въ особенныхъ формахъ, нигдѣ до сихъ поръ неупотреблявшихся.

Достойно замѣчанія, что связью собравшихся сюда колонистовъ служила не столько догматическая сторона религіи, сколько нравственная, вслѣдствіе которой устроились особенности ихъ жизни. Въ Гернгутѣ къ моравскимъ братьямъ присоединились даже послѣдователи другихъ исповѣданій—Лютеране и Реформаты. Но, различаясь между собою въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, обитатели Гернгута, Гернгутеры въ жизни всѣ подчинились однимъ и тѣмъ же правиламъ. Устроены были отдѣльныя большія помѣщенія, занимаемыя общиною, состоящею иногда изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Община дѣлится на хоры по возрастамъ, въ каждой есть хоръ дѣтей, хоръ братьевъ неженатыхъ, хоръ дѣвицъ, мужей, замужнихъ женщинъ, вдовцовъ и вдовъ. Хоры, несостоящіе въ бракѣ, занимаютъ отдѣльныя пространныя залы, брачныя пары занимаютъ отдѣльныя небольшія помѣщенія. Работы производятся сообща по назначенію служителей; такъ называются руководители работъ. Но при этомъ каждый человѣкъ имѣетъ свой отдѣльный счетъ, изъ котораго уплачиваетъ часть на содержаніе общины. Общественная благотворительность организована въ большихъ размѣрахъ; сироты и престарѣлые находятся на попеченіи общины, дѣлами благотворенія завѣдуютъ дьяконы и дьякониссы. О нравственности членовъ общины заботятся священники, епископы и ассистенты. Эти послѣдніе выбираются каждою общиною для себя отдѣльно. Школы у Гернгутеровъ устроены весьма разумно и дѣло въ нихъ ведется старательно; кромѣ низшихъ школъ, есть высшее учебное заведеніе, для общаго образованія, Педагогіумъ, и другое для спеціальнаго богословскаго—Академическая коллегія.

Всякая община управляется конференціею старшинъ, состоящею подъ предсѣдательствомъ высшаго лица въ общинѣ, имѣющаго титулъ общиннаго помощника. Священникъ есть непремѣнный членъ конференціи. Наконецъ во главѣ всего союза Гернгутеровъ стоитъ Директорія Единства и, кромѣ того, Синодъ, собирающійся каждыя семь лѣтъ и состоящій изъ епископовъ, священниковъ и депутатовъ отъ хоровъ, въ числѣ которыхъ бываютъ и женщины.

Браки у Гернгутеровъ первоначально устроивались по

жребію, но съ 1818 года этотъ обычай уничтоженъ. Жениху позволяется выбирать себѣ невѣсту, только онъ не можетъ обращаться къ ней непосредственно, а долженъ обратиться къ начальнику своего хора; тотъ передаетъ желаніе молодаго человѣка начальнику хора дѣвицъ, и если два начальника найдутъ предполагаемый бракъ обѣщающимъ хорошія послѣдствія, то онъ устраивается. Въ противномъ случаѣ жениху отказываютъ, такъ что дѣвица даже не знаетъ о предложеніи, сдѣланномъ относительно ея.

Организація гернгутерскихъ общинъ имѣетъ много хорошаго, но съ коммунизмомъ она имѣетъ мало общаго. Члены общины ведутъ общую жизнь, вмѣстѣ трудятся и сообща потребляютъ произведенія своихъ трудовъ; но общность труда и потребленія не есть исключительная черта коммунизма. Дѣло въ томъ, что у Гернгутеровъ нѣтъ общности вознагражденія за трудъ, каждый получаетъ отдѣльное вознагражденіе за свой трудъ и только часть его отдаетъ въ общину, какъ плату за свое содержаніе; такимъ образомъ здѣсь каждый самъ отвѣчаетъ за себя. И трудолюбивѣйшіе между ними имѣютъ возможность пріобрѣсти и пріобрѣтаютъ отдѣльное имущество, которымъ и распоряжаются по своей волѣ. Правда, и въ этомъ случаѣ ихъ воля ограничена; они не могутъ отчуждать даже своего частнаго имущества безъ согласія своихъ властей; но во-первыхъ и это не коммунизмъ; во-вторыхъ это правило, какъ вся вообще ихъ организація, имѣетъ тѣсную связь съ теократическимъ характеромъ всей ихъ жизни. Не надобно забывать, что Гернгутеры главнымъ образомъ связаны между собою религіознымъ ученіемъ, и не столько теоретическимъ, догматическимъ, сколько нравственнымъ, въ которомъ ученіе о любви къ ближнему, о христіанской кротости, уваженіи и повиновеніи къ старшимъ занимаетъ главное мѣсто.

Соціальная организація Гернгутеровъ напоминаетъ соціальную организацію Парагвая подъ владычествомъ езуитовъ; между ними только та разница, что у Гернгутеровъ допущено участіе самой общины въ веденіи общественныхъ дѣлъ посредствомъ выбора властей и депутатовъ въ синодѣ, а въ Парагваѣ всѣмъ исключительно руководили езуиты, представители верховной власти непогрѣшимаго папы; паства была обязана только къ повиновенію, чего езуиты дѣйствительно и достигли. Результаты, достигнутые езуитами, весьма замѣчательны. Въ началѣ XVII вѣка они утвердились въ Парагваѣ, который въ то время составлялъ одну изъ самыхъ неустроенныхъ испанскихъ колоній; туземное населеніе, индѣйцы, были еще въ состояніи полудикомъ. Езуиты съ своею обыкновенною ревностью принялись обращать его

въ христіанство и вмѣстѣ насаждать между ними сѣмена цивилизаціи, пріучили индѣйцевъ къ земледѣлію и ремесламъ; но при этомъ держали ихъ подъ строгою опекою и руководствомъ. Деревенскіе священники обыкновенно были и руководителями экономическихъ занятій своей паствы. Ежедневно прихожане являлись по утру къ священнику, получали отъ него благословеніе, причемъ каждому изъ нихъ задавалась работа на день. Вечеромъ прихожане являлись снова, приносили работу или только докладывали о совершеніи ея. Произведенія труда не принадлежали трудившимся, а поступали въ распоряженіе священника, который и распредѣлялъ ихъ между прихожанами, при чемъ значительная доля поступала въ пользу ордена, который, благодаря этому, изъ Парагвая получалъ значительные доходы.

Такимъ образомъ езуиты впродолженіе полутора столѣтій дѣйствительно пріучили туземцевъ къ трудолюбію, къ ремесламъ, даже къ искуствамъ, распространили между ними грамотность и даже вообще образованіе, разумѣется согласно съ своими собственными взглядами и интересами. И повидимому такая опека не тяготила туземцевъ: по крайней мѣрѣ когда въ половинѣ прошлаго столѣтія Испанія рѣшилась взять въ свои руки управленіе Парагваемъ, и езуиты не хотѣли уступить, то они нашли даже вооруженную поддержку со стороны парагвайцевъ. Наконецъ езуиты уступили превосходной силѣ и въ 1768 г. оставили совсѣмъ испанскую Америку.— Но сѣмена, посѣянныя езуитами, не искоренены, и до сихъ поръ Парагвай отличается ото всѣхъ республикъ Южной Америки тѣмъ, что жители его еще не привыкли къ самостоятельности и безропотно повинуются правителямъ, отличающимся и произволомъ и даже жестокостью. Таковъ былъ въ первой половинѣ этого столѣтія д-ръ Франчія, а въ настоящее время президентъ Лопесъ.

Парагвайскія миссіи имѣютъ съ коммунизмомъ еще меньше общаго, чѣмъ общины Гернгутеровъ. Это чисто теократическое устройство государства, имѣющее сходство съ устройствомъ Египта подъ властью жрецовъ или Индіи подъ властью браминовъ.

Б.

Библіографическій указатель сочиненій, излагающихъ новыя идеи касательно общественнаго устройства, отъ конца среднихъ вѣковъ до конца XVIII вѣка.

Себ. Франкъ. *Хроника* (Chronica, Zeytbuch und Geschychtbibel von anbegyn bisz um disz gegenwertig 1531 jar,

gedrukt Straszburg,) 1531 г. «По мнѣнію Франка, Богъ даровалъ людямъ всѣ вещи въ общее пользованіе, а человѣкъ совершенно произвольно и незаконно овладѣлъ ими; за это Богъ наслалъ на него тирановъ, дабы они также насильственно отнимали у людей украденную собственность, какъ они сами вырвали ее изъ общаго владѣнія или у Бога —Постановленія Ликурга о запрещеніи употреблять золото и серебро называетъ Франкъ «мудрыми и угодными Богу».—«Это сочиненіе еще при жизни Франка имѣло четыре изданія и составляло любимое чтеніе тогдашняго образованнаго средняго класса». (Бр. Гильдебрандъ, Политическая Экономія настоящаго и будущаго; переводъ Щепкина. С.-П.-Б. 1860 г. стр. 81 и 82).

Дони (Doni). *Міры небесные, земные и преисподніе* (I mondi celesti, terrestri e infernali). 1552 г. Разговоръ между глупымъ и мудрымъ. Мудрый—защитникъ коммунизма. Въ доказательство своихъ мнѣній мудрый разсказываетъ о своемъ пребываніи въ нѣкоторомъ большомъ городѣ, гдѣ всякій дѣлалъ только то, что хотѣлъ, всѣ имѣли одну пищу и одежду. Жены у нихъ были общія, такъ что между ними не было извѣстно никакое родство, неизвѣстно даже было, кто чей сынъ; коммунизмъ былъ полный во всѣхъ отношеніяхъ и всѣ были счастливы. (Thonissen. Le Social. I. 247—248).

Джіордано Бруно. *Низложеніе торжествующаго звѣря* (Spaccio della bestia triumphante). Парижъ, 1584. «Эта книга провозглашаетъ естественный законъ. Слѣдуя монаху Дж. Бруно, всѣ религіи ложны; только его религія есть истинная, и символъ ея Дж. Бруно находитъ въ 48 созвѣздіяхъ, которымъ соотвѣтствуютъ его 48 догматовъ. Существуетъ множество міровъ, которые ничто иное, какъ существа одушевленныя» (L. Reybaud, Etudes sur les réformateurs. I, 453). Дж. Бруно былъ сожженъ въ 1600 году въ Римѣ.

Савонарола. *Торжество креста* (Triumphus crucis) Флор. 1492 г. «Это—организація католической республики. Авторъ искупилъ свою книгу на кострѣ, сложенномъ по приказанію папы Александра VI». (L. Reyb.). Тутъ явное недоразумѣніе и притомъ не одно. *Торжество креста* имѣетъ характеръ исключительно религіозный; въ немъ авторъ доказываетъ и прославляетъ побѣду христіанства надъ другими религіями. И казненъ Савонарола не за сочиненіе этой книги, а за осужденіе безнравственной жизни католическаго духовенства и въ особенности самого папы Александра Борджіи. Ненависть папы къ нему была столь сильна, что защитникамъ его, ссылавшимся на строгую христіанскую жизнь Савонаролы, онъ отвѣчалъ: «Этотъ человѣкъ долженъ быть казненъ, хотя бы онъ былъ самъ Іоаннъ Креститель». — Но у Савонаролы есть другое сочиненіе «Oracolo della rinovatione del-

la chiesa». (Предсказаніе объ обновленіи церкви). Быть можетъ къ нему должны быть отнесены слова Л. Рейбо.

Николай изъ Мюнстера. *Евангеліе королевства: земля мира* (Nicolas de Munster. L'Évangile du royaume; la Terre de paix) 1540 г. «Николай изъ Мюнстера есть основатель *семейства Любви или дома Любви*, отрасли Броунистовъ. Онъ считалъ себя равнымъ Христу, который, по его словамъ, при жизни былъ только его образомъ». (L. R.). Въ этихъ словахъ есть какое-нибудь недоразумѣніе или по крайней мѣрѣ неточность Самая секта Броунистовъ или конгрегаціоналистовъ образовалась нѣсколько позже, именно въ 1582 г. Быть можетъ, Семейство любви имѣло только сходство съ сектою Броунистовъ.

Кардань. *Сочиненія Кардана* (opera Cardani). Парижъ, 1663 г.—«Карданъ, подобно Сократу, воображалъ, что у него есть особенный демонъ. Заключенный неоднократно въ тюрьму за идеи, ушедшія впередъ отъ вѣка, онъ кончилъ тѣмъ, что уморилъ себя голодомъ въ 1576 г. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ дѣлаетъ частыя вторженія въ область соціальной науки». (L Reybaud).

Телезіо. *О природѣ вещей по собственнымъ началамъ* (De rerum natura juxta propria principia). Римъ, 1565 года. «Телезіо принадлежалъ къ числу философовъ, которые начали реакцію противъ схоластики среднихъ вѣковъ и мѣшали идеи соціальныя съ идеями религіозными. То же стремленіе замѣтно у Марс. Фицина, Франциска Патриціо, Помпонаццо, Рейхлина и наконецъ у Рамуса». (L. R.).

Ванини. *Объ удивительныхъ тайнахъ природы* (de admirandis naturae arcanis). Парижъ, 1616 года. Ванини пошелъ дальше, чѣмъ Джіордано Бруно въ своей философіи. Дж. Бруно выдумалъ новую религію; Ванини отвергалъ всякую религію вообще. За это онъ былъ судимъ и казненъ въ 1619 году въ Тулузѣ. Ванини былъ ревностнымъ пропагаторомъ своихъ идей.

Т. Кампанелла. *Городъ Солнца* (Civitas Solis poetica. Idea reipublicae philosophicae). Франкф. 1623 г. Сочиненіе это было издаваемо много разъ. Оно переведено на французскій языкъ Вильгарделемъ (Cité du Soleil. Paris, 1841) и г-жею Коле (1844 г.). Есть переводъ нѣмецкій, изданный въ Дармштатѣ. Итальянскій переводъ изданъ въ Лугано въ 1836 г. (La citta del sole) *. Городъ Солнца собственно составляетъ часть боль-

* Томъ I, 219. Быть можетъ, это итальянское изданіе есть ничто иное, какъ подлинное сочиненіе Кампанеллы. Civitas Solis была первоначально написана по-итальянски; и еще въ 1611 году была передана Кампанеллою Тоб Адаму, который уже озаботился о переводѣ ея на латинскій языкъ и объ изданіи

шаго сочиненія Кампанеллы: «Realis philosophiae libri quatuor», состоящаго изъ четырехъ частей: физіологіи, нравственности, политики (куда входитъ, какъ часть, городъ Солнца) и экономіи (Dict. de lée. pol.).

О достоинствахъ города Солнца Р. Моль говоритъ такимъ образомъ: «Безъ сомнѣнія въ этомъ сочиненіи есть много отталкивающаго. Нравственное чувство оскорбляется грубымъ, нечистымъ и безчувственнымъ представленіемъ отношеній между полами. Раздѣленіе общественныхъ и государственныхъ должностей нелѣпо и непрактично. — Наконецъ значительная часть мыслей видимымъ образомъ заимствована Кампанеллою у Платона и Т. Мора». Тѣмъ не менѣе Р. Моль находитъ у Кампанеллы нѣкоторыя достойныя вниманія оригинальныя мысли. «Мысль—поручить неограниченное государственное управленіе наиболѣе образованной научнымъ образомъ теократіи и точку опоры искать не въ религіи, а въ знаніи, по словамъ Моля, не заимствована Кампанеллою ни въ какомъ историческомъ примѣрѣ, ни у его предшественниковъ, писателей историческихъ романовъ» (Gesch. und Lit. der Staatswis. I, 186). Этотъ взглядъ Р. Моля совершенно несправедливъ. Та же самая мысль, которой держится Кампанелла, прежде него изложена и развита у Платона и Т. Мора; оба они «точку опоры» ищутъ въ знаніи, а не въ религіи Философы Платона, сифогранты, транибоpы и барзанъ Т. Мора,—это наиболѣе ученые люди въ государствѣ; такъ что новаго у Кампанеллы въ этомъ отношеніи, какъ и вообще во всемъ его описаніи города Солнца, кромѣ подробностей, нѣтъ ничего.

Кромѣ своей «Реальной философіи», Кампанелла написалъ много другихъ сочиненій: Philosophia sensibus demonstrata. Неап.—1591. De sensu rerum et magia. Франкф. 1620. Astrologicorum libri VII. Франкф., 1630. Exordium metaphysicae novae. Франк., 1622. Atheismus triumphatus sev contra antichristianismum. Римъ, 1631.— Monarchia Messiae. Э. 1633. и пр. Это послѣднее сочиненіе содержитъ въ себѣ защиту католицизма и папства. (Convers.—Lexicon Брокгауза).

О жизни и сочиненіяхъ Кампанеллы писали: Ципріанусъ въ сочиненіи Vita et philosophia Th. Campanellae. Амстерд. 1705;—Нисеронъ въ Mémoires des hommes illustres; и кромѣ того на итальянскомъ языкѣ издано объ немъ нѣсколько монографій уже въ XIX вѣкѣ—Baldachini, Simonetti, Capialbi, Carminiani. (См Р. Моля, тамъ же, стр. 184).

Андреэ. *Описаніе государства христіанопольскаго* (Descriptio reipublicae christianopolitanae). Страсб. 1619 г.— Сочиненіе это есть ничто иное, какъ передѣлка города Солнца Кампанеллы, хотя оно напечатано даже ранѣе, чѣмъ Civitas

Solis. Очевидно, Андреэ ознакомился съ сочиненіемъ Кампанеллы еще въ рукописи итальянской или латинской. Андреэ былъ протестантскій пасторъ; и свою передѣлку сдѣлалъ съ тою цѣлью, чтобы противодѣйствовать ненравственнымъ ученіямъ Кампанеллы, изложеннымъ въ городѣ Солнца.—Андреэ сохраняетъ въ своемъ Христіанополѣ общность имущества, но вмѣстѣ съ тѣмъ вопреки Кампанеллѣ сохраняетъ и семейство и семейное воспитаніе дѣтей (до 6 лѣтъ). Его городъ состоитъ также изъ большихъ домовъ, но съ отдѣльными семейными помѣщеніями, съ семейными обѣдами и т. п. Какъ добрый протестантъ, онъ назначаетъ для жителей Христіанополя часы молитвы и т. п. Но вообще, по словамъ Моля, онъ рабски идетъ по слѣдамъ Кампанеллы и въ своемъ сочиненіи обнаруживаетъ весьма незначительный авторскій талантъ. — Это сочиненіе Андреэ переведено на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: «Reise nach der Insel Caphar Salama und Beschreibung der darauf gelegenen Insel (?) Christiansburg, herausgegeben von D. S. G. Esslingen. 1741 г. Съ этимъ сочиненіемъ не должно смѣшивать похожее по заглавію сочиненіе того же Андреэ «Die Christenburg, allegorisch—epische Dichtung. Это сочиненіе есть аллегорическое изображеніе борьбы и торжества христіанства. (Тамъ же, стр. 187).

Фр. Баконъ. *Новая Атлантида* (Nova Atlantis, opus imperfectum). Сочиненіе это не окончено; въ немъ хотѣлъ Баконъ изложить свои понятія объ идеальной государственной и общественной жизни, но не успѣлъ сдѣлать это вполнѣ. —По плану оно походитъ на Утопію и городъ Солнца. Новая Атлантида—это государство, случайно открытое мореплавателями на Вел. Океанѣ. Называется оно Бенсалемъ; въ немъ господствуетъ христіанство, принесенное сюда ап. Варѳоломеемъ. Бенсалемцы не желаютъ имѣть сношеній съ Европою, чтобы какъ-нибудь не заразиться европейскимъ развратомъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ періодически ѣздятъ въ Европу, впрочемъ инкогнито, для того, чтобы знакомиться съ прогрессомъ наукъ, искуствъ и общественной жизни въ Европѣ. Эти лица, посѣщающія Европу, принадлежатъ къ обществу Соломона, имѣющему прямое назначеніе изучать природу и свойства всѣхъ вещей съ цѣлью извлекать изъ нихъ наибольшую пользу для человѣка.

Правленіе въ Бенсалемѣ монархическое, частная собственность существуетъ, семейная жизнь отличается чистотою. О мѣстахъ разврата тамъ совсѣмъ не знаютъ (nulla inter eos esse lupanaria, prostibula nulla, nullas meretrices conductitias, стр. 252). Общественная благотворительность организована весьма разумно и въ самыхъ большихъ размѣрахъ. Въ завѣдываніи ею принимаетъ большое участіе духовенство, такъ

что директоромъ того странноприимнаго дома, въ который помѣщены были путешественники, былъ священникъ. (The Works of Francis Bacon. Lond. 1824. т. X стр. 224—269)

Галль. *Другой міръ* (Hall. Mundus alter). 1627 г. «Эта книга отчасти фантастическая, отчасти положительная. Рядомъ съ воззрѣніями фантастическими, она заключаетъ въ себѣ многіе географическіе документы. Главный характеръ этого сочиненія есть большая религіозная терпимость» (L. R.). Галль былъ англиканскимъ епископомъ при Іаковѣ I и Карлѣ I.

Гаррингтонъ. *Океана* (Oceana). Сочиненіе это явилось въ 1656 г. на англійскомъ языкѣ въ Лондонѣ. На французскій языкъ переведено вмѣстѣ съ другими трактатами, къ нему же относящимися, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Oeuvres politiques de J. Harrington, contenant la république d'Oceana, les Aphorismes et les autres traités du même auteur. Paris, l'an III de la Rep. Française». Три тома. Океана раздѣляется на 2 части. Первая часть называется — Прелиминаріи, гдѣ разсматриваются конституціи нѣкоторыхъ древнихъ и средне-вѣковыхъ республикъ: Аѳинъ, Спарты, Рима, Венеціи и пр. Здѣсь же разсказывается исторія Океаны или Англіи до революціи 1649 года. Вторая часть описываетъ устройство и управленіе Океаны, введенныя послѣ революціи; она раздѣляется на небольшіе отдѣлы, въ которыхъ описывается раздѣленіе народа на сословія, страны на трибы, центуріи и приходы, и всего болѣе обращается на систему выборовъ въ разныя государственныя должности, и на устройство самыхъ учрежденій, образующихся посредствомъ выборовъ.—Къ Океанѣ, занимающей во французскомъ изданіи полтора небольшіе тома, приложено «разсужденіе о правахъ народнаго правительства», въ которомъ авторъ защищаетъ и развиваетъ мысли, изложенныя имъ въ респ. Океанѣ, обращая главное вниманіе на равновѣсіе поземельной собственности. — Кромѣ того въ третьемъ томѣ помѣщены: «искусство законодательства» и «политическая система афоризмовъ» гдѣ авторъ доказываетъ снова свои мысли и теоретически и путемъ историческимъ, разсматривая подробно перемѣны, которымъ подвергалась еврейская конституція съ теченіемъ времени. Океана совершенно свободна отъ коммунизма.

Д. Верассъ. *Исторія Севарамбовъ* (Varasse. Histoire des Sevarambes), 1677 г. Это проектъ соціальной реформы по формѣ совершенно напоминающій Утопію или городъ Солнца. Авторъ описываетъ бытъ Севарамбовъ, который такъ хорошо устроенъ, что Севарамбы пользуются всею полнотою счастія доступнаго людямъ.

Наслѣдственныхъ состояній у нихъ нѣтъ; у нихъ только способности и заслуга даютъ значеніе человѣку. — Семейство устроено у Севарамбовъ совершенно оригинальнымъ образомъ: у нихъ допускается и моногамія и полигамія; простые граждане могутъ имѣть только по одной женѣ, но и они въ случаѣ неплодія женъ могутъ имѣть законнымъ образомъ наложницъ изъ рабынь (впрочемъ, тоже только по одной). Но чиновные люди, смотря по важности своей, могутъ имѣть болѣе и женъ и наложницъ; глава государства можетъ имѣть 12 женъ. Мѣняться женами позволяется. Браки совершаются одновременно въ опредѣленные праздники; достойно замѣчанія, что у Севарамбовъ не молодые люди дѣлаютъ предложенія дѣвицамъ, а наоборотъ. Законъ заботится о томъ, чтобы новобрачные въ первые годы брака не вредили ни себѣ, ни своему потомству излишествомъ въ наслажденіи. Дѣти до шести лѣтъ остаются при родителяхъ, а потомъ поступаютъ въ общія воспитательныя заведенія. Менѣе способные пред назначаются для земледѣлія и ремеслъ, а болѣе способные — для высшихъ искуствъ и наукъ. Образъ жизни у Севарамбовъ слѣдующій: вся страна раздѣлена на общины, и каждая община состоитъ изъ извѣстнаго числа однообразныхъ публичныхъ зданій, называемыхъ осмазіями, изъ которыхъ въ каждой живетъ болѣе 1.000 человѣкъ. Осмазіи построены въ видѣ квадратовъ, имѣютъ четыре этажа, плоскія крыши и внутри ихъ разведены сады и устроены фонтаны. Улицы въ лѣтнее время покрываются полотномъ отъ жара. Или въ осмазіяхъ иливъ отдѣльныхъ зданіяхъ помѣщаются прелестныя залы, предназначенныя для общественной жизни и удовольствій. Въ нихъ Севарамбы завтракаютъ и обѣдаютъ, но ужинать каждый можетъ у себя дома. — Частной собственности у Севарамбовъ нѣтъ; но всякій гражданинъ обязанъ государству извѣстною работою, по назначенію начальства, за которую и получаетъ все ему нужное изъ общественныхъ магазиновъ. День раздѣляется на 3 равныя части: для работы, для отдыха и для удовольствія — Правленіе у Севарамбовъ — смѣсь демократіи и аристократіи (но не наслѣдственной). Начальники осмазій, осмазіонты, выбираются народомъ. Собраніе осмазіонтовъ составляетъ Великій законодательный совѣтъ. Изъ этого совѣта выдѣляется Малый совѣтъ, число членовъ котораго въ восемь разъ меньше, чѣмъ число членовъ Великаго совѣта; члены Малаго совѣта называются бросмазіонтами. Наконецъ, изъ бросмазіонтовъ выдѣляются 24 старѣйшіе члена, сенаторы или севаробасты, которыми назначаются высшія должностныя лица. Великій совѣтъ избираетъ четырехъ кандидатовъ на должность пожизненнаго главы государства, президента; окончательный выборъ изъ

этихъ кандидатовъ дѣлается по жребію. Президентъ между прочимъ имѣетъ право смѣнять осмазіонтовъ. Всѣ вообще должностныя лица, сообразно своей важности, имѣютъ лучшее содержаніе сравнительно съ остальными гражданами; имѣютъ лучшее помѣщеніе, лучшій столъ, одежду и могутъ имѣть болѣе женъ и рабынь. — Гражданскихъ процессовъ у Севарамбовъ не бываетъ; но уголовные случаются и преступники наказываются заключеніемъ въ тюрьму, даже смертью, но чаще подвергаются тѣлеснымъ наказаніямъ. — Въ войскѣ служатъ всѣ до 49 лѣтъ, какъ мужчины, такъ и женщины. — (R. Mohl. Тамъ же, 192 и 193).

Жизнь Севарамбовъ имѣетъ нѣкоторыя особенности сравнительно съ жизнью утопійцевъ и солнечныхъ; въ особенности отличается оригинальностью бракъ севарамбовъ; онъ именно занимаетъ средину между бракомъ утопійцевъ и солнечныхъ, между бракомъ христіанскимъ и отаитскимъ; всего больше онъ походитъ на бракъ магометанскій. О правахъ женщины, объ освобожденіи ея, Севарамбы, какъ видно, немного думаютъ. — Въ организаціи собственности и общественныхъ работъ, равно въ нѣкоторыхъ другихъ подробностяхъ жизни, Севарамбы представляютъ замѣчательное сходство съ Икарійцами Кабе, хотя Кабе и не говоритъ, чтобы онъ былъ знакомъ съ произведеніемъ Верасса *. — Въ организаціи властей страна Севарамбовъ много напоминаетъ Утопію. Севарамбскій президентъ — это барзанъ, бросмазіонты — траніборы осмазіонты — сифогранты. — Вообще, этотъ проектъ, какъ и множество подобныхъ ему, достоинъ вниманія только потому, что онъ существуетъ, что онъ составляетъ фактъ, котораго нельзя проходить совсѣмъ безъ вниманія. А еслибъ его не было, то это было бы по крайней мѣрѣ не хуже.

Габріель Фуэньи. *Приключенія Жака Садера* (G. Foigny. Les aventures de Jasques Sadeur dans la découverte des terres australes). Женева, 1693 г. — Г. Фуэньи былъ католическій монахъ, перешедшій въ протестантство. Въ своемъ сочиненіи онъ изображаетъ народъ, существующій будто бы на вновь открытой землѣ въ южномъ океанѣ. Весь его бытъ построенъ на общности имуществъ, что и приводитъ его къ полному счастью. Семейства совсѣмъ нѣтъ, потому что и мужчина и женщина совмѣщаются въ одномъ лицѣ; это, какъ видно, народъ гермафродитовъ. Одежда не употребляется. Властей никакихъ нѣтъ, даже въ арміи; и несмотря на то, вездѣ царствуетъ порядокъ. Мы заимствуемъ

* Впрочемъ Р. Моль приводитъ мнѣніе Льюиса, что Берассъ былъ только переводчикомъ этого сочиненія, что первоначально оно написано на англійскомъ языкѣ неизвѣстнымъ авторомъ.

ныя свѣдѣнія изъ Р. Моля, который съ нѣмецкимъ терпѣніемъ и не безъ натяжекъ старается найти въ каждомъ подобномъ проектѣ что-нибудь новое и даже полезное; но разсказавъ содержаніе приключеній Ж. Садера, и онъ наконецъ восклицаетъ: «Такое безуміе не нуждается въ критикѣ! Не говоря обо всемъ остальномъ, если для достиженія благосостоянія нужно измѣненіе природы человѣка, то непонятно, какую цѣль можетъ имѣть описаніе подобной очевидной невозможности». (Тамъ же 194).

Антонъ Ле-Гранъ. *Сидромедія* (Scydromedia sev sermo, quem Alphonsus de la Vida habuit coram comite de Falmouth de monarchia). Нюренб., 1680 г.—Авторъ былъ католическимъ миссіонеромъ въ Англіи. Сочиненіе его содержитъ въ себѣ описаніе порядковъ, существующихъ на одномъ островѣ среди Атлантическаго океана. Р. Моль называетъ его лишеннымъ всякой цѣли и всякаго смысла.

— — — *Королевство Офиръ* (Königreich Ophir) неизвѣстнаго автора. Лейпц., 1699 г. Это «нѣмецкій идеалъ государства» XVII вѣка, по словамъ Моля, замѣчательный только своимъ «невѣроятнымъ педантизмомъ и нелѣпостью».

Беллерсъ. *Проектъ созданія Коллегіи промышленности изъ всѣхъ полезныхъ промысловъ и земледѣлія* (Proposals for raising a College of Industry of all usefull Trades and Husbandry). Лонд. 1696 г. Это сочиненіе, по словамъ Р. Оуэна, содержитъ въ себѣ проектъ учрежденія общинъ для бѣдныхъ людей, неимѣющихъ занятій; общины, по смыслу проекта, должны были соединять въ себѣ мануфактурныя и земледѣльческія занятія и должны были быть организованы на началахъ общности труда, вознагражденія и потребленія.

Фенелонъ. *Приключенія Телемака* (Aventures de Télemaque) 1699 г. «Эпизодъ, касающійся *республики Салента*, и *фантастическое путешествіе на островъ Удовольствій* суть дѣйствительныя утопіи и Людовикъ XIV съ своей точки зрѣнія справедливо смотрѣлъ на Фенелона, какъ на умъ химерическій и враждебный монархіи». (L. R.). Тониссенъ, раздѣляя взглядъ Рейбо на республику Салентъ, соціальное направленіе приключеній Телемака главнымъ образомъ находитъ въ описаніи *Бетики*, которой жители, не зная даже имени собственности, живутъ въ невозмутимомъ счастіи безъ правительства, безъ законовъ, безъ тюремъ и безъ судей.

Аббатъ Сенъ-Пьеръ. I. *Проектъ вѣчнаго мира* (Projet de paix perpetuelle). Утрехтъ, 1713 г. 3 тома. Въ послѣдствіи самъ авторъ сократилъ его въ одинъ томъ.

II. *Трактатъ о полисинодіи* (Traité de la polysynodie). 1718 г.

III. *Записка объ усовершенствованіи политіи противъ*

дуэлей (Projet pour perfectionner la police contre les duels). 1715 г.

IV. *Записка касательно установленія прямаго налога пропорціональнаго* (Mémoire pour l'établissement d'une taille proportionnelle) 1717; въ 1818 году эта записка перепечатана подъ заглавіемъ: Projet d'une taille tarifieé. Къ сожалѣнію, г. Молинари, изслѣдованіемъ котораго о сочиненіяхъ аб. Сенъ-Пьера мы пользовались, совсѣмъ не обратилъ вниманія на этотъ проектъ; и мы не можемъ рѣшить, предлагалъ ли аб. Сенъ-Пьеръ распредѣлить болѣе справедливымъ образомъ taille только между такъ называемыми ротюрьерами, которые обязаны были платить ее, или хотѣлъ подвергнуть этому налогу и другіе классы общества. владѣющіе поземельнымъ и, вообще, недвижимымъ имуществомъ. Настолько смѣлости у аб. Сенъ-Пьера достало бы, и его экономическія, равно какъ и всякія воззрѣнія далеко опередили свое время.

V. *Записка о нищихъ и о возможности доставить имъ средства существованія* (Mémoire sur les pauvres mendiants et sur les moyens de les faire subsister). 1724. Средство, предлагаемое авторомъ, состоитъ въ учрежденіи рабочихъ домовъ, для содержанія которыхъ онъ совѣтуетъ увеличить заставныя пошлины на напитки. Это средство во Франціи впослѣдствіи, въ 1808 г., приведено. въ исполненіе; рабочіе домà аб. Сенъ-Пьера осуществлены подъ именемъ «Dépôts de mendicité».

VI. *Записка объ уменьшеніи числа процессовъ* (Mémoire pour diminuer le nombre des procès) 1725.

VII. *Записка объ увеличеніи доходовъ съ бенефицій.* (Mémoire pour augmenter le revenu des bénéfices). 1715.

VIII. *Проектъ касательно улучшенія воспитанія* (Projet pour perfectionner l'éducation). 1728.

IX. *Проектъ улучшенія орѳографіи европейскихъ языковъ* (Projet pour perfectionner l'orthographe des langues de l'Europe). 1730.

X. *Проектъ улучшенія торговли Франціи* (Projet pour perfectionner le commerce de France). Проектъ этотъ состоитъ въ томъ, чтобы учредить торговыя камеры, чтобы торговые интенданты посылаемы были въ путешествія въ Англію и Голландію, чтобы были учреждаемы торговыя компаніи и правительство гарантировало имъ минимумъ дохода. чтобы директоры компаній получали вознагражденіе пропорціонально успѣху дѣла и пр. Въ этомъ сочиненіи аб. Сенъ-Пьеръ доказываетъ, что трудъ есть причина богатства народовъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ трудолюбивый народъ справедливѣе, спокойнѣе и вообще счастливѣе.

XI. *Политическія лѣтописи* (Annales politiques). 2 тома.

1757 г. Въ этомъ сочиненіи излагаются важнѣйшія событія времени Людовика XIV; здѣсь же аб. Сенъ-Пьеръ вновь излагаетъ свои доказательства въ пользу той мысли, что Людовикъ XIV неправильно называется Великимъ.

Перечисленные нами проекты составляютъ только меньшую часть всей массы ихъ, написанной аб. Сенъ-Пьеромъ. Кромѣ того, онъ написалъ еще проекты: объ усовершенствованіи медицины, объ улучшеніи монастырскихъ учрежденій, объ ограниченіи числа монаховъ, о прекращеніи диспутовъ между богословами, объ улучшеніи журнала ученыхъ (Journal des Savants), о постоянномъ увеличеніи столицы государства, о пользѣ народныхъ переписей, объ улучшеніи дорогъ въ зимнее время, о вознагражденіи авторовъ политическихъ проектовъ и другихъ изобрѣтателей, объ учрежденіи конференцій политическихъ, объ умноженіи школъ для дѣвицъ, о томъ, чтобы титулы были болѣе полезны для короля и государства, о томъ, чтобы книги приносили болѣе чести ихъ авторамъ и больше пользы читателямъ, объ учрежденіи должности государственнаго лѣтописца, о томъ, чтобы сдѣлать академію болѣе полезною, объ уничтоженіи варварійскихъ корсаровъ и пр. (См. L'abbé de Saint Pierre, sa vie et ses oeuvres par. G. de Molinari. Paris, 1857.).

С. Берингтонъ. *Записки Гавденція Луккскаго* (Simon Berington. Mémoires de Gaudence de Lucques). Амстерд. 1753. Сочиненіе это первоначально явилось на англійскомъ языкѣ, и авторомъ его считали даже извѣстнаго философа епископа Берклея; но Р. Моль вслѣдъ за Льюисомъ не принимаетъ этого мнѣнія *. Въ запискахъ Гавденція Луккскаго описывается жизнь Мецціораніевъ, народа, живущаго во внутренней Африкѣ подъ патріархальнымъ управленіемъ Пофара, главы государства, котораго весь народъ зоветъ отцомъ; другъ друга Мецціораніи называютъ братьями. И дѣйствительно, между ними господствуетъ братство. Частная собственность въ принципѣ не запрещена, но въ дѣйствительности не имѣетъ никакого значенія и употребленія, потому что Мецціораніи вслѣдствіе братскихъ чувствъ, господствующихъ между ними, стараются наперерывъ услужить другъ другу самымъ существеннымъ образомъ. Семейство сохраняется; дѣти воспитываются всѣ вмѣстѣ въ общественныхъ заведеніяхъ и т. д. Авторъ былъ католическимъ священникомъ и это проявилось въ его мечтѣ. Пофаръ весьма напоминаетъ Папу; и братскія чувства Мецціораніевъ служатъ осуществленіемъ заповѣди Христа о любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ.

---

* Моль въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается на сочиненіе Льюиса: Methods of observation in politics. Т. II, стр. 373, прим. 103.

Мысль его состоитъ въ томъ, что благосостояніе народовъ можетъ быть достигнуто, если они сами будутъ все болѣе и болѣе прилагать къ жизни принципъ любви къ ближнему. Мысль справедливая; но вопросъ въ томъ, какъ осуществить ее? Уже почти 2,000 лѣтъ какъ принципы христіанства провозглашены господствующими въ мірѣ, но къ сожалѣнію братскія чувства еще далеко не господствуютъ въ отношеніяхъ между людьми.

Гольбергъ. *Николая Климія подземный путь, излагающій новую теорію земли и исторію пятой монархіи* (Nic. Klimii iter subterraneum, novam telluris theoriam ac historiam quintae monarchiae exhibens). Havn. et Lips. 1741 г. Гольбергъ—извѣстный датскій поэтъ, прозванный Плавтомъ Даніи. Iter subterraneum, по словамъ Моля, «есть болѣе сатира всей вообще европейской жизни, въ родѣ Свифтова Гулливера, чѣмъ опытъ усовершенствованія государства» *.

Морелли. *Крушеніе плавающихъ острововъ или Базиліада Пильпайская* (Naufrage des îles flottantes ou la Basiliade de Pilpai). Мессина, 1753 г. — *Кодексъ природы или истинный духъ законовъ* (Code de la nature ou le véritable esprit des lois, de tout tems negligé et méconnu). 1755. Сочиненія Морелли, какъ мы сказали, долгое время приписывались Дидеро. Code de la nature даже изданъ неоднократно въ числѣ сочиненій Дидеро (Амстерд., 1772 г. и Лонд. 1773 г.). Л. Рейбо говоритъ положительно, что и Базиліада также была приписываема Дидеро. Но это, судя по всему, несправедливо. А что касается до Code de la nature, есть основаніе думать, что это сочиненіе дѣйствительно принадлежитъ Дидеро, хотя общее мнѣніе приписываетъ его Морелли. Все недоразумѣніе происходитъ отъ того, что оба сочиненія явились безъ имени авторовъ, даже безъ обозначенія мѣста, гдѣ они напечатаны. Базиліада явилась даже въ видѣ перевода съ итальянскаго, сдѣланнаго будто бы какимъ-то М*** и изданнаго въ Мессинѣ. Но достовѣрно извѣстно то, что она составляетъ произведеніе оригинальное и напечатана не въ Мессинѣ. Въ заглавіи Code de la nature мѣсто изданія совсѣмъ не обозначено, вмѣсто него поставлено только: «partout chez le vrai sage». Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Базиліада дѣйствительно принадлежитъ Морелли или по крайней мѣрѣ

---

* Сочиненіе это вмѣстѣ съ записками Гавденція Луккскаго, приключеніями Ж. Садера и исторіею Севарамбовъ перепечатано (на фр языкѣ) въ «Voyages imaginaires». Это большое изданіе (36 Т. Амстерд. 1787—1789 г.) содержитъ въ себѣ много другихъ подобныхъ путешествій. Впрочемъ оно имѣетъ цѣлью исключительною доставить читателямъ занимательное чтеніе. Оно много напоминаетъ извѣстное изданіе «Не любо, не слушай».

не Дидеро. Но что Code de la nature можетъ принадлежать Дидеро, на это есть двѣ причины. Первая состоитъ въ томъ, что это сочиненіе при жизни Дидеро два раза издано въ числѣ его сочиненій (Дидеро умеръ въ 1784 г.). и Дидеро никогда не дѣлалъ никакого заявленія по этому случаю, что̀ онъ долженъ бы былъ сдѣлать, если бы ему было приписано не его сочиненіе. На этомъ основаніи Ла-Гарпъ постоянно утверждалъ, что Code de la nature принадлежитъ Дидеро. Другая причина состоитъ въ томъ, что между понятіями Базиліады и понятіями Code de la nature есть весьма существенная разница. Базиліада составляетъ библіографическую рѣдкость, и мы ее не вѣдали совсѣмъ. Но Р. Моль приводитъ изъ нея черты весьма характеристичныя. «Въ изображеніи отношеній между полами, говоритъ онъ, авторъ вполнѣ вдается въ тотъ распутный тонъ (in den liederlichen Bordellgeschmack), который часто такъ непріятно поражаетъ въ сочиненіяхъ французскихъ реформаторовъ общества и государства. Въ соблазнительныхъ картинахъ выхваляетъ онъ общность половыхъ отношеній, отсутствіе брака». (196). Между тѣмъ взглядъ, изложенный въ Code de la nature, совсѣмъ другой. Авторъ этого сочиненія смотритъ на бракъ взглядомъ строгаго философа-моралиста и за нарушеніе брачныхъ обязанностей налагаетъ заключеніе въ тюрьму на годъ (ст. III законовъ уголовныхъ); даже люди, не состоящіе въ бракѣ, за вольную жизнь подвергаются строгимъ наказаніямъ. Все это прямо противорѣчитъ идеямъ Базиліады; и трудно думать, чтобы одинъ человѣкъ могъ проповѣдывать столь противоположныя идеи, если только онъ въ томъ и другомъ случаѣ говорилъ серьезно. — Мы незнаемъ, на чемъ основываются тѣ, которые приписываютъ Code de la nature автору Базиліады, Морелли. Тоннесенъ отвергаетъ мнѣніе Ла-Гарпа только на томъ основаніи, что «со второй страницы уже видно, что Code de la nature есть апологія Базиліады». Это правда; но во-первыхъ авторъ Code de la nature говоритъ объ авторѣ Базиліады въ третьемъ лицѣ, во-вторыхъ, еще черезъ двѣ страницы онъ оставляетъ въ сторонѣ Базиліаду и начинаетъ излагать свои собственныя мысли.— Вообще, если Р. Моль правильно приводитъ взглядъ Базиліады на бракъ, то трудно думать, чтобы авторомъ ея и кодекса природы было одно и тоже лицо. Кромѣ названныхъ двухъ сочиненій Морелли приписывается еще третье, написанное имъ раньше. Это «государь, утѣшеніе сердца». (Le Prince, délices du coeur, ou traité des qualités d'un grand roi, et système d'un sage gouvernement). Амстерд. 1751 г.

Фонтенель. *Республика философовъ или исторія*

Ажаойевъ (La republique des philosophes ou l'histoire des Ajaoiens. Ouvrage posthume de M. Fontenelle) Женева 1768 г. — Р. Моль называетъ это сочиненіе «незначительнымъ по причинѣ недостатка оригинальности и ясности мысли» и думаетъ, что оно несправедливо приписывается Фонтенелю.— Въ немъ разсказывается о кораблекрушеніи близъ острова Ажао, лежащаго будто бы въ Японскомъ морѣ, и описываются учрежденія, существующія у жителей этого острова Все содержаніе разсказа, по словамъ Моля, сшито изъ лоскутковъ, вырванныхъ изъ Утопіи и исторіи Севарамбовъ *).

Ж.-Ж. Руссо. *Рѣчь о началѣ и основаніяхъ неравенства между людьми.* (Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes). 1753 г. Руссо не экономистъ; но онъ разсуждалъ обо всякихъ политическихъ и общественныхъ вопросахъ и на развитіе собственно соціальныхъ стремленій въ XVIII и даже XIX вѣкѣ онъ имѣлъ вліянія едвали не болѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ его современниковъ. Извѣстно, что его сочиненіями напитался въ юности между прочимъ и Роб. Оуэнъ. Въ идиллическомъ отношеніи къ обществу, въ стремленіи къ первобытному состоянію онъ—dux et auctor между своими современниками.—Названное выше сочиненіе въ особенности изобилуетъ порицаніями существующаго соціальнаго порядка, преимущественно со стороны экономической. Впрочемъ, отъ этого не свободно большинство и другихъ его сочиненій.

Напр., вотъ какъ говоритъ Руссо въ Эмилѣ о владѣніи наслѣдственнымъ имуществомъ: «человѣкъ и гражданинъ не можетъ ничего предложить обществу, кромѣ самого себя, такъ какъ его богатства находятся въ обществѣ безъ его воли, и если человѣкъ богатъ, то или онъ не пользуется своимъ богатствомъ, или вмѣстѣ съ нимъ пользуется и общество. Въ первомъ случаѣ онъ воруетъ у другихъ то, чего лишаетъ самъ себя; во-второмъ онъ не даетъ имъ ничего. Потому общественный долгъ за нимъ остается вполнѣ, если онъ платитъ только своимъ богатствомъ. — Но мой отецъ, пріобрѣтая его, служилъ обществу... Такъ; онъ заплатилъ свой долгъ, а не вашъ. Родившись богачемъ, вы болѣе должны обществу, чѣмъ еслибы вы родились бѣднымъ. Несправедливо было бы, если бы заслуга одного человѣка освобож-

---

* Л. Рейбо относитъ къ числу сочиненій съ реформаторскою тенденціею и извѣстное сочиненіе Фонтенеля: *разговоры о множествѣ міровъ* находя, между прочимъ, что оно имѣетъ нѣчто общее съ космогоніею Фурье.—Кромѣ того, къ числу подобныхъ сочиненій Рейбо относитъ: *L'ami des hommes* Мирабо-отца, Свифтова *Гулливера*, *Анахарсиса* Бартелеми, *Антенора* Лантье, и изъ сочиненій XVI вѣка *республику* Бодена.

дала отъ исполненія обязанности другаго;—никакой отецъ не можетъ передать сыну право быть безполезнымъ для своихъ ближнихъ. А между тѣмъ, слѣдуя вамъ, онъ это дѣлаетъ, передавая ему свои богатства, которыя служатъ доказательствомъ и цѣною его труда. Тотъ, кто въ праздности потребляетъ то, чего онъ не пріобрѣлъ своимъ трудомъ, воруетъ, и рентьеръ, которому государство платитъ за то, что онъ ничего не дѣлаетъ, въ моихъ глазахъ ничѣмъ не отличается отъ разбойника, который живетъ на счетъ прохожихъ. Внѣ общества человѣкъ не обязанъ никому ничѣмъ и имѣетъ право жить, какъ ему угодно; но въ обществѣ, гдѣ онъ необходимымъ образомъ живетъ на счетъ другихъ, онъ долженъ платить трудомъ за свое содержаніе». (Эмиль, книга Ш. Villegardelle. 118, 119).

Мабли. *Общественное право Европы, основанное на трактатахъ* (Droit public de l'Europe fondé sur les traités). Женева, 1748 г.—*Сомнѣнія, предложенныя философамъ экономистамъ относительно естественнаго и существеннаго порядка обществъ.* (Doutes proposés aux philosophes-économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés). Гага, 1768 г.—*О законодательствѣ или принципы законовъ* (De la législation ou principes des lois). 2 тома. Амст., 1776 г.—*О правахъ и обязанностяхъ гражданина.* (Des droits et des devoirs du citoyen). Посмертное изданіе.

Бриссо. *Философическія изслѣдованія о правѣ собственности и воровствѣ* (Recherches philosophiques sur le droit de propriété et le vol, considerés dans la nature et dans la société). Первое изданіе въ Шартрѣ въ 1780 году. Въ 1782 перепечатано въ Берлинѣ въ Bibliothèque philosophique du legislateur съ эпиграфомъ изъ Сенеки: «Si ad naturam vives, nunquam eris pauper, si ad opinionem, nunquam dives». Въ томъ же изданіи напечатано другое сочиненіе Бриссо: *О средствахъ предупрежденія преступленій во Франціи* (Moyens de prevenir les crimes en France). Средства, указываемыя Бриссо, слѣдующія: доброта правительства, улучшеніе нравовъ, реформа народнаго воспитанія, поощреніе наукъ и искусствъ, уничтоженіе нищенства, улучшеніе полиціи и учрежденіе благотворительныхъ заведеній, и наконецъ бо́льшая мягкость, справедливость и разумность въ наказаніи за преступленія.

Ленге. *Теорія законовъ гражданскихъ* (Théorie des lois civiles). 1767 г. Это сочиненіе вызвало возраженіе со стороны аб. Морелле подъ заглавіемъ Théorie du paradoxe; Ленге отвѣчалъ на возраженіе сочиненіемъ Théorie du libelle ou l'art de calomnier avec fruit.— Ленге дѣйствительно былъ весьма наклоненъ къ парадоксу, какъ можно видѣть и въ при-

веденныхъ нами отрывкахъ изъ théorie des lois civiles; онъ между прочимъ доказывалъ, что хлѣбъ есть вредное питательное вещество и сильно вооружался противъ введенія картофеля.

Рейналь. *Философическая и политическая исторія заведеній и торговли европейцевъ въ обѣихъ Индіяхъ* (Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes) 1770 г. «Рейналь есть первый писатель-экономистъ XVIII вѣка, котораго сочиненія представляютъ изображеніе этой внутренней борьбы двухъ революцій (политической и экономической) — Хотя его взгляды отличаются по временамъ неопредѣленностью и неправильностью, но онъ предчувствовалъ экономическую революцію XIX вѣка, которой первымъ эпизодомъ было освобожденіе Соединенныхъ Штатовъ. Видно, что онъ думалъ о лучшихъ дняхъ для рабочихъ классовъ, описываетъ ли онъ ихъ странствующими на кораблѣ или заключенными въ мастерской, или негодуетъ на злоупотребленіе силы европейцевъ противъ слабыхъ расъ американскаго материка» (Бланки. Histoire de l'écon. polit. глава XXXVI).

Феге. *Рѣчь добраго гражданина о средствахъ увеличить силы государства и умножить народонаселеніе* (Discours d'un bon citoyen sur les moyens de multiplier les forces de l'état et d'augmenter la population). Brux. 1760 г. — *Политическая экономія, проектъ обогащенія и усовершенствованія рода человѣческаго.* (L'économie politique, projet pour enrichir et perfectionner l'éspèce humaine). Paris, 1763 г. — *Другъ бѣдныхъ или политическая экономія* (L'ami des pauvres ou l'économie politique). Paris, 1766 г. — Свой проектъ сельскихъ общинъ Феге изложилъ въ Энциклопедіи; но безъ сомнѣнія тѣ же идеи развивалъ онъ и въ выше названныхъ сочиненіяхъ.

Неккеръ. *О законодательствѣ и торговлѣ хлѣбомъ* (De la législation et du commerce der grains). Пар., 1775 г. — Сочиненіе это имѣло болѣе 20 изданій.

Дидеро. *Дополненіе къ путешествію Бугенвиля* (Supplement au voyage de Bougainville). Бугенвиль, какъ извѣстно, открылъ много новыхъ острововъ, описалъ ихъ и вмѣстѣ ихъ жителей; нравы жителей разумѣется были первобытные. Дидеро въ своемъ дополненіи идеализируетъ эти нравы, въ особенности восхваляя свободу половыхъ отношеній.

Гельвецій. *О человѣкѣ, его умственныхъ способностяхъ и воспитаніи* (De l'homme, de ses facultés intellectuelles et de son éducation). Гельвецій видитъ корень общественнаго зла въ возможности обогащенія однихъ на счетъ дру-

гихъ. Для уничтоженія его онъ предлагаетъ уничтожить употребленіе монеты. (Thon. I, 283—285).

— — — *Разборъ и изслѣдованіе системы философовъ-экономистовъ* (Analyse et examen du système des philosophes économistes) неизвѣстнаго автора. Женева, 1787 г. Въ этомъ сочиненіи излагаются идеи, одинаковыя съ идеями Бриссо, Мабли и пр.

Ла Пломбанн. *Человѣкъ въ обществѣ или новые экономическіе виды.* (L'homme en societé, ou nouvelles vues économiques). 2 тома, 1763 г. «Дѣло идетъ объ устройствѣ ассоціацій для городскихъ и сельскихъ рабочихъ, нуждающихся въ работѣ» и т. д. (Villegard. 106).

Ст. Лещинскій. *Разговоръ европейца съ обитателемъ королевства Думокалы* (Entretien d'un Européen avec un insulaire du royaume de Dumocala) Par., 1756 г. (Первое изданіе явилось раньше). Авторъ предлагаетъ, между прочимъ, широкое развитіе общественныхъ учебныхъ заведеній, замѣну арміи ополченіемъ, уничтоженіе продажи судейскихъ должностей и пр.

Себ. Мерсье. *Годъ 2440-й* (L'an deux mille quatre cents quarante). Амстерд., 1771 г. — Это сочиненіе предсказываетъ судьбу Франціи спустя 700 лѣтъ послѣ того, какъ оно написано. Авторъ разсказываетъ, что, подобно древнему Эпимениду Критскому, онъ легъ спать молодымъ человѣкомъ, а проснулся старикомъ и проспалъ почти 700 лѣтъ. Послѣ его пробужденія, все во Франціи оказалось совсѣмъ въ другомъ видѣ, и все измѣнилось къ лучшему: правленіе, городское благоустройство, общественная жизнь, нравы, самая одежда и пр. Всѣ эти благодѣтельныя перемѣны произошли однако не вполнѣ мирнымъ путемъ, а вслѣдствіе революціи, которая уже привела къ мирному развитію. Такимъ образомъ, авторъ за 20 лѣтъ предугадывалъ неизбѣжность революціи.—Объ успѣхахъ въ нравственности народа и въ управленіи имъ, замѣченныхъ долгоспавшимъ авторомъ, можно составить себѣ понятіе по способу собиранія налоговъ; налоги платятся только людьми состоятельными, именно 2% съ дохода. Но никакихъ сборщиковъ податей нѣтъ, а граждане сами опускаютъ слѣдующія съ нихъ деньги въ ящики, въ родѣ тѣхъ, въ которые опускаются письма. И есть два рода такихъ ящиковъ: одни для обязательныхъ взносовъ, другіе для необязательныхъ—добровольныхъ. И нерѣдко эти вторые ящики бываютъ полнѣе первыхъ. Такова любовь къ отечеству у гражданъ. Вообще и добрые нравы и образованіе распространились такъ, что въ деревняхъ земледѣльцы собираются для слушанія публичныхъ лекцій, которыя изъ нихъ же кто-нибудь, болѣе знающій и опытный, читаетъ.

Ретифъ де ла Бретоннъ. *Южное открытіе летучаго человѣка* (La découverte australe pour un homme volant, ou le Dédale français; nouvelle très philosophique). 4 тома. Парижъ и Лейпц. 1780 г. «Совершенно сумасшедшая книга.—Здѣсь есть исторія любви, есть естественная исторія скотолюдей. напр. слоновъ-людей, львовъ-людей, лягушекъ-людей, есть космогонія, есть описаніе премудраго и совершеннаго народа, мегапатагоновъ, и ихъ учрежденій; и все это связано между собою посредствомъ разсказа объ одномъ семействѣ, владѣющемъ искусствомъ летать —Изо всей этой частію безумной, частію безпутной болтовни можно обратить вниманіе только на идеи автора о государствѣ. Они основаны на общественномъ воспитаніи, общественныхъ работахъ, уничтоженіи частной собственности, управленіи посредствомъ лучшихъ людей и т. д.». (Моль. 198).

Мерсье Ла Ривьеръ. *Счастливый народъ или разсказъ о правленіи фелицианъ* (L'heureuse nation, ou relation du gouvernement des Féliciens, peuple souverenement libre sous l'empire des lois). 2 тома. Пар. 1792 г.—Книгу эту Мерсье Ла Ривьеру приписываетъ Кераръ въ своей «France littéraire», а напечатана она безъ имени автора и также безъ имени автора явилась въ нѣмецкомъ переводѣ (1794 г.) Р. Моль даже сомнѣвается въ томъ, дѣйствительно ли она переведена съ французскаго, а не явилась въ оригиналѣ на нѣмецкомъ. О достоинствѣ книги онъ очень невысокаго мнѣнія; средства, предлагаемыя авторомъ для достиженія общественнаго благополучія онъ называетъ незначительными, въ особенности въ виду совершавшихся въ то время (1794 г.) событій. «Относительно семейства, собственности, промышленности авторъ не предлагаетъ ничего новаго; впрочемъ, ограничиваетъ поземельную собственность 1,500 моргенами, да и то за исключеніемъ дворянства (сидеристовъ). Народное и государственное хозяйство отличаются полнымъ ничтожествомъ, система народнаго продовольствія содержитъ въ себѣ противорѣчія. Народъ раздѣляется на пять классовъ: плебеи, дѣйствительные граждане, нотабли, дворяне личные и дворяне потомственные». (Моль, 199).

Огильви. *Опытъ о правѣ собственности касательно земли — и о мѣрахъ, посредствомъ которыхъ она можетъ быть сдѣлана болѣе полезною для низшихъ классовъ человѣчества.* (Ogilvie. An essay on the right of property of land;—and the regulations by which it might be rendered more beneficial to the lower ranks of mankind). Лондонъ, 1786 г. (?). Изданіе анонимное. «Этотъ опытъ полонъ доброжелательности и искренности. Но онъ принадлежитъ человѣку, неиспытавшему всей трудности исполненія проектовъ полезныхъ для

человѣчества. Его смѣлые аграрные законы пользовались нѣкоторымъ вниманіемъ въ эпоху смутъ, произведенныхъ французскою революціею. (Дж. Мекинтошъ въ Literature of Pol. Economy, Макъ Коллоха). (Съ своей стороны Макъ Коллохъ прибавляетъ: «въ дѣйствительности проекты автора, каково бы ни было ихъ доброе намѣреніе, не только непрактичны, но и зловредны, и его принципы ложны, поверхностны и исполнены софизмовъ» (Стр. 310) — Огильви былъ профессоромъ въ абердинскомъ университетѣ.

Годвинъ. *Изслѣдованія о политической справедливости и ея вліяніи на нравственность и счастье.* (Inquiry concerning political justice and its influence in morals and happiness). Лонд., 1793 г. 2 тома. Это сочиненіе написано по поводу французской революціи. Мысль автора та, что правительства и господствующіе классы общества, противясь необходимымъ реформамъ, сами приготовляютъ себѣ паденіе; это паденіе и есть дѣйствіе политической справедливости, которая необходимымъ образомъ получаетъ свое удовлетвореніе. Ту же мысль авторъ развиваетъ въ политическомъ романѣ «Caleb Williams», который, будучи поставленъ на сценѣ въ Англіи и во Франціи, имѣлъ огромный успѣхъ. — *Изслѣдователь* (Inquirer). Лонд., 1797 г. Въ этомъ сочиненіи Годвинъ развиваетъ тѣ же мысли, которыя онъ высказалъ въ изслѣдованіи о политической справедливости; чтеніе его вызвало Мальтуса написать свой знаменитый о п ы т ъ о п р и н ц и п ѣ н а р о д о н а с е л е н і я. Впослѣдствіи Годвинъ изложилъ свои идеи о народонаселеніи въ сочиненіи: Inquiry concerning the power of increase in the number of mankind», Лондонъ, 1821 г. Здѣсь онъ, между прочимъ, говоритъ: «Горе той странѣ, гдѣ человѣкъ, принадлежащій къ низшему классу народа, не можетъ жениться, не имѣя въ перспективѣ потерять свое достоинство и свою независимость! Горе той странѣ, гдѣ, когда человѣка постигаетъ непредвидѣнное несчастіе, ему кричатъ, что онъ не имѣетъ права просить помощи! — Можно съ увѣренностью утверждать, что существуетъ какое нибудь опасное зло тамъ, гдѣ человѣкъ не имѣетъ основательной надежды кормить свое семейство трудами рукъ своихъ». (Бланки, Ист. П. Э. гл. XXXV). Ж. Гарнье о Годвинѣ говоритъ такимъ образомъ: «онъ проповѣдывалъ многія изъ тѣхъ ложныхъ и опасныхъ теорій, которыя снова возникли въ наши дни и которыя получили названіе соціализма. (Dict. de l'ec. pol. Godwin).

Ф и х т е. *Закрытое коммерческое государство.* (Das geschlossene Handelsstaat). Тюбинг., 1800 г. «Сочиненіе это есть ничто иное, какъ изложеніе протекціонной системы, гдѣ принципы доведены до послѣднихъ выводовъ съ тою стро-

гостью, къ которой способенъ только философъ - идеалистъ. — Два принципа составляютъ основаніе всей системы Фихте: первый тотъ, что государство должно обезпечить всѣмъ своимъ членамъ часть богатствъ, производимыхъ обществомъ; второй тотъ, что собственность не состоитъ въ исключительномъ правѣ на вещи, а въ правѣ свободно дѣйствовать въ опредѣленной сферѣ». Эти слова принадлежатъ докт. Шеенеру и напечатаны въ одной изъ записокъ Силезскаго общества политической экономіи и статистики (Dict. de l'ec. pol., Fichte). Шербюлье о сочиненіи Фихте говоритъ слѣдующее: «когда разсматриваешь эти идеи по одной, забывая о разсужденіи, которое связываетъ ихъ между собою и группируетъ въ системѣ, то хочется видѣть здѣсь неудобоваримую смѣсь всего того, что произвелъ современный соціализмъ наиболѣе рѣзкаго, а не серьезную утопію, сочиненную пятьдесятъ лѣтъ назадъ философомъ, уважаемымъ всею Германіею, котораго слушали, какъ оракула». (Тамъ же) *.

---

* Кромѣ указанныхъ нами сочиненій, содержащихъ въ себѣ проекты соціальной реформы, въ цѣломъ или въ частяхъ, въ видѣ аллегорій, путешествій или въ видѣ дѣйствительныхъ, болѣе или менѣе разработанныхъ проектовъ, ихъ найдется еще не мало, преимущественно изъ XVIII вѣка. Мы упомянемъ еще слѣдующія:

L'histoire naturelle et civile des Galligènes. 1770 г.

La république des Cessares. (На англ. яз.). Лонд., 1764 г.

Télèphe, написанный Пехмеею (Pechméja). Пар., 1784 г.

Séthos, аб. Террасона. Пар., 1731 г. 3 тома.

Numa Pompilius, Флориана, 1786 г.

Les Voyages de Cyrus, Рамзая. Пар., 1727 г.

Usong, Alfred, Fabius und Cato, трилогія Галлера. 1771 и 1774 г.

Der Goldene Spiegel, Виланда. 1772 г.

Le Monde de Mercure (напечатано въ Voyages imag.).

Le nouveau Gulliver (напечат. тамъ же).

Mon bonnet de nuit, par Mercier.

Vues d'un citoyen, plan d'une maison d'association, par Chamousset. 1757 г.

Le causes du bonheur public, par Beplas.

Triomphe du nouveau monde, Анд. Брена.

Во Франціи еще въ XIII вѣкѣ явилось большое сочиненіе въ стихахъ «Roman de la Rose», написанное Вилг. Лори и Ж. Мегомъ, и изданное даже подъ покровительствомъ Филиппа Красиваго. Оно изобилуетъ порицаніями собственности и брака. Между прочимъ, здѣсь говорится, что природа создала всякаго мужчину для всякой женщины и всякую женщину для всякаго мужчины (toutes por tous, et tous por toutes, chascune por chascun commune, et chascun commun por chascune).

ГЛАВА IV.

СЕНЪ-СИМОНЪ.

Прогрессъ XVIII вѣка, совершавшійся болѣе въ области мысли, нежели въ жизни. Революція и попытки соціальной реформы, какъ слѣдствіе отсталости движенія жизни отъ движенія мысли. — С.-Симонъ, его происхожденіе и годы юности; первые проекты С.-Симона. Отношенія его къ революціи.

Реформаторская дѣятельность С.-Симона проектъ подвинуть впередъ науку, средства для исполненія его. Основаніе новой религіи. Введеніе въ научные труды XIX вѣка. Отношенія С.-Симона къ Наполеону къ Бурбонамъ и къ промышленному классу. Попытка самоубійства. Новая реформа христіанства.

Сочиненія С.-Симона: «Письмо женевскаго обитателя». Основаніе новой религіи, ньютонизма. Раздѣленіе человѣчества на 4 отдѣленія. Ньютоновъ совѣтъ; роль ученыхъ и художниковъ.

«Парабола»; истина и ложь, содержащіяся въ ней. «Взглядъ на собственность и законодательство», реформа представительства Франціи. «Катихизисъ промышленниковъ»; передача власти крупнымъ промышленникамъ.

«Новое христіанство»; недостатки католицизма и лютеранства; духъ и цѣль новаго христіанства

Общій взглядъ на дѣятельность С.-Симона. Противоположности его стремленій въ разные періоды жизни и причины ея.

Приложенія.

Чѣмъ вызвано появленіе соціальныхъ проектовъ С.-Симона и его современниковъ, Фурье и Оуэна? Восьмнадцатый вѣкъ, наблюденіе надъ которымъ образовало систему ихъ экономическихъ воззрѣній, безспорно былъ временемъ прогресса, а не застоя. Слѣдовательно, онъ не долженъ былъ благопріятствовать появленію утопій, которыя обыкновенно являются во времена застоя и даже упадка (что, впрочемъ, все равно) въ жизни народовъ и въ дѣя-

тельности правительствъ. Чтобы убѣдиться въ прогрессивномъ характерѣ XVIII вѣка, стоитъ только вспомнить, что къ этому вѣку относится жизнь и литературная дѣятельность Руссо, Монтескьё, физіократовъ, Ад Смита, Беккаріи и друг. Изъ государственныхъ людей и государей достаточно указать на Питта, Фокса, Помбаля, Тюрго, Іосифа II, Леопольда (тосканскаго) и другихъ. Изъ замѣчательныхъ событій стоитъ указать на уничтоженіе ордена іезуитовъ, какъ на несомнѣнный признакъ болѣе правильныхъ воззрѣній, нетолько распространившихся въ разныхъ государствахъ Европы, откуда іезуиты предварительно были изгнаны, но проникшихъ и въ самый центръ религіозной нетерпимости и обскурантизма католической іерархіи, которая наконецъ прекратила существованіе ордена. Смягченіе нравовъ было замѣтно вездѣ; прежнія пытки, четвертованія и колесованія исчезали; была рѣчь даже объ уничтоженіи смертной казни.

Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что прогрессъ XVIII вѣка совершался, главнымъ образомъ, въ области мысли; отъ него отсталъ прогрессъ не только народной, но и государственной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ перечисленные нами министры и государи извѣстны болѣе своими начинаніями, нежели окончательнымъ исполненіемъ ихъ, болѣе добрыми намѣреніями, нежели энергическимъ дѣломъ, а иногда даже и энергическимъ дѣломъ, которое не могло превозмочь препятствій, подготовленныхъ вѣками. Такъ, несмотря на уничтоженіе пытокъ и жестокихъ казней, lettres de cachet продолжали существовать, и Бастилія была переполнена людьми, которыхъ преступленія были нерѣдко болѣе чѣмъ сомнительны, до самаго дня ея разрушенія; крѣпостное право было уничтожено, а несмотря на то 99 сотыхъ народа, то-есть всѣ недворяне и недуховные, лишены были всѣхъ политическихъ правъ, и Сійесъ имѣлъ право сказать, что третье сословіе (т.-е. почти весь народъ), которое должно было быть «всѣмъ», до революціи было «ничѣмъ»; здравыя экономическія понятія распространялись, и однако, третье сословіе, бывшее въ политическомъ отношеніи «ничѣмъ» и почти тѣмъ же

бывшее и въ экономическомъ отношеніи, одно было обложено податями и налогами, которые, будучи тяжелы сами по себѣ, дѣлались тѣмъ тяжелѣе, что они не падали на самые богатые классы. Всѣ эти причины, какъ извѣстно, и произвели революцію безпримѣрную въ исторіи, которая своимъ вліяніемъ и значеніемъ равняется съ замѣчательнѣйшими міровыми событіями, и которой слѣдствія далеко нельзя назвать оконченными въ настоящее время. Но революція, при всемъ томъ, что она не стѣснялась остатками старины, не удовлетворила людей наиболѣе недовольныхъ и мечтательныхъ, которые думали, что она приведетъ за собою золотой вѣкъ. Много подобныхъ недовольныхъ скосила сама революція; другіе погибли въ то время, когда революція утихла и правленіе установилось на болѣе прочныхъ началахъ (Бабёфъ); болѣе спокойные мечтатели, люди не столько дѣла, совершаемаго на народной площади и ораторской трибунѣ, сколько дѣла, совершаемаго въ тиши кабинета, пережили смутную эпоху и только послѣ нея, когда общественное волненіе успокоилось послѣ недавнихъ бурь, начала свою реформаторскую дѣятельность. Къ ихъ числу принадлежатъ главные представители соціальной реформы во Франціи — Сенъ-Симонъ и Фурье. Оба они существенно отличаются отъ своихъ предшественниковъ, отъ Бабёфа и бабувистовъ тѣмъ, что не принимаютъ участія въ спорахъ партій; они надѣются достигнуть своихъ цѣлей не побѣдою на площади, подобно Бабефу, а постепеннымъ распространеніемъ своихъ идей въ сознаніи народа. Они даже относятся свысока къ волненіямъ партій, находя, что стремленія ихъ, ограничиваясь, главнымъ образомъ, сферою чисто-политическою, не могутъ никогда привести къ серьезнымъ результатамъ, что такіе результаты могутъ быть достигнуты только радикальною реформою политико-экономическою; а для нея необходима предварительная подготовка въ сознаніи народа. Такимъ образомъ, въ числѣ трудовъ Сенъ-Симона или Фурье, наиболѣе замѣчательны тѣ, которые опредѣляютъ не будущія формы экономической жизни (Сенъ-Симонъ самъ даже далеко не опредѣлилъ этихъ

формъ), а тѣ основанія, на которыхъ она впослѣдствіи должна быть построена.

Графъ Генрихъ де-Рувруа Сенъ-Симонъ принадлежитъ безспорно къ оригинальнѣйшимъ личностямъ, когда-либо существовавшимъ; этотъ человѣкъ испыталъ въ своей жизни всѣ положенія: былъ военнымъ, былъ биржевымъ игрокомъ, былъ переписчикомъ,—подобно аббату Сенъ-Пьеру, написалъ не одинъ проектъ, вызванный обстоятельствами, и окончилъ пророкомъ, основателемъ новой религіи. Вообще его жизнь очень любопытна и въ значительной степени объясняетъ его сочиненія. Мало того, сама по себѣ она служитъ не менѣе важнымъ выраженіемъ его дѣятельности, чѣмъ и его сочиненія. Потому мы обратимъ на нее особенное вниманіе, прослѣдимъ ее во всѣхъ ея главнѣйшихъ физисахъ.

По рожденію * С.-Симонъ принадлежалъ къ самымъ знатнымъ фамиліямъ Франціи. «Я происхожу отъ Карла Великаго, пишетъ С.-Симонъ въ своей біографіи; мой отецъ назывался графомъ С.-Симономъ; я былъ самымъ близкимъ родственникомъ герцога С.-Симона». Впослѣдствіи, когда С.-Симонъ былъ посаженъ въ тюрьму во время революціи, какъ человѣкъ подозрительный, ему даже будто бы явился лично самъ Карлъ Великій и, признавая въ немъ своего потомка, ободрялъ его на великія дѣла, задуманныя имъ, и предсказывалъ ему, что его слава, какъ слава философа, сравняется со славою его самого, Карла Великаго, какъ завоевателя. Что С.-Симонъ происходилъ отъ Карла Великаго, это болѣе чѣмъ сомнительно; французскіе историки положительно отвергаютъ это. Тѣмъ не менѣе фамилія С.-Симоновъ дѣйствительно въ 18 вѣкѣ занимала очень высокое положеніе во Франціи, и знаменитый авторъ записокъ о французскомъ дворѣ, герцогъ С.-Симонъ дѣйствительно былъ близкимъ родственникомъ С.-Симона и колоссальныя богатства герцога перешли бы къ С.-Симону, еслибъ не произошло несогласія между герцогомъ и графомъ С.-Симономъ, отцомъ Генриха С.-Симона. Но и се-

* С.-Симонъ родился 17 Октября 1760 г.

мейство графовъ С.-Симоновъ не было бѣдно; по крайней мѣрѣ Генрихъ С.-Симонъ получилъ такое воспитаніе, какое давали только дѣтямъ знатныхъ и достаточныхъ людей. У него было много наставниковъ; между прочимъ даже знаменитый Даламберъ принималъ участіе въ его воспитаніи. Но его образованіе не могло быть прочнымъ и глубокимъ, потому что весь курсъ наукъ С.-Симона окончился уже тогда, когда ему было 17 лѣтъ.

Въ дѣтствѣ С.-Симонъ обнаружилъ большую силу воли и даже упрямство. Быть можетъ, подъ вліяніемъ своихъ наставниковъ, Даламбера или другихъ, онъ съ самаго ранняго возраста не отличался религіозностью. Имѣя только 13 лѣтъ отъ роду, онъ не хотѣлъ говѣть и причащаться, и на настоянія отца отвѣчалъ, что онъ можетъ ему подчиниться по внѣшности, но отъ этого не перемѣнятся его убѣжденія; отецъ также, какъ видно, не отличался мягкостью характера, и за этотъ отвѣтъ послалъ сына въ тюрьму св. Лазаря, извѣстную крайнею строгостью своихъ порядковъ *. Молодой Генрихъ ушелъ изъ тюрьмы послѣ драки со сторожемъ, которому онъ успѣлъ нанести рану, послѣ чего онъ отправился къ своей теткѣ, которой едва удалось выпросить ему прощенье у отца.

Въ возрастѣ еще болѣе юномъ С.-Симонъ воспроизвелъ извѣстный поступокъ Алкивіада, который легъ поперегъ дороги, чтобы не позволить проѣзжавшему разстроить начатую игру.—Въ другой разъ, будучи укушенъ бѣшеною собакою,

---

* Saint-Simon, sa vie et ses travaux, par. Hubbart. Paris 1857. стр. 10. Это сочиненіе написано авторомъ въ исполненіе послѣдней воли Родрига, съ которымъ онъ былъ связанъ тѣсною дружбою. Умирающій Родригъ взялъ съ Гюбара клятву, что онъ представитъ С.-Симона такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, и избавитъ его отъ упрековъ, падающихъ на него за нѣкоторые принципы его послѣдователей; принципы эти Родригъ называлъ «уклоненіями, происшедшими отъ посторонннихъ причинъ», неимѣющими ничего общаго съ принципами С.-Симона, который на прогрессъ смотрѣлъ, какъ «на постоянно увеличивающееся различіе между человѣкомъ и животнымъ» (тамъ же 3).

С.-Симонъ самъ прикладывалъ къ ранѣ горячій уголь и послѣ того досталъ себѣ пистолетъ и зарядилъ его, чтобы лишить себя жизни въ случаѣ, еслибы почувствовалъ первые припадки водобоязни. Замѣчательно, что, быть можетъ, подъ вліяніемъ семейныхъ разсказовъ о происхожденіи С.-Симона отъ Карла Великаго или по какой-нибудь другой причинѣ, общей всѣмъ французамъ, въ міровоззрѣніе С.-Симона очень рано вошла идея о славѣ, какъ главной и наиболѣе достойной побудительной причинѣ человѣческихъ дѣйствій. Потому уже тогда, когда С.-Симонъ имѣлъ только 17 лѣтъ отъ роду, слуга иначе не будилъ его, какъ слѣдующими словами: вставайте, ваше сіятельство, вамъ предстоитъ дѣлать великія дѣла *.

Возможность дѣлать великія дѣла дѣйствительно скоро представилась; черезъ годъ послѣ поступленія въ военную службу, С.-Симонъ отправился въ Америку во вспомогательномъ войскѣ, которое Франція послала англійскимъ колоніямъ, возставшимъ противъ метрополіи. Въ Америкѣ С.-Симонъ оставался около пяти лѣтъ, участвовалъ во многихъ военныхъ дѣйствіяхъ, и въ награду за храбрость получилъ орденъ Цинцината. Конецъ кампаніи онъ провелъ на французской эскадрѣ подъ командою графа Грасса и послѣ одной изъ морскихъ битвъ попалъ въ плѣнъ къ англичанамъ, потому что корабль, на которомъ онъ находился, «Городъ Парижъ», послѣ одиннадцати-часоваго боя долженъ былъ сдаться непріятелю. Плѣнъ С.-Симона былъ непродолжителенъ. Въ скоромъ времени былъ заключенъ миръ, и С.-Симонъ могъ возвратиться въ Европу. Но передъ отъѣздомъ въ Европу онъ еще разъ побывалъ на материкѣ Америки, еще разъ взглянулъ на ея учрежденія, посѣтилъ ея знаменитыхъ мужей, особенно Франклина, къ которому онъ чувствовалъ особенное уваженіе, и даже отправился въ Мексику съ нѣкоторою особенною цѣлью, съ проектомъ касательно соединенія Атлантическаго и Тихаго океановъ по-

* Doctrine de S.-Simon. Exposition, 1-re année, Paris, 1831. стр. 63.

средствомъ канала Проектъ былъ представленъ вице королю Мексики, но былъ имъ принятъ холодно; вслѣдствіе чего С.-Симонъ тотчасъ вернулся во Францію, гдѣ онъ былъ сдѣланъ кавалеромъ ордена св. Людовика и получилъ чинъ полковника, хотя ему было только 23 года. Съ этихъ поръ военная карьера была передъ нимъ открыта. Но умъ его уже настроился такимъ образомъ, что этого рода честолюбіе не удовлетворяло его, хотя ничто другое въ опредѣленномъ видѣ впереди ему не представлялось. Будучи назначенъ комендантомъ крѣпости въ Мецѣ, онъ имѣлъ случай заняться довольно серьезно математикою, потому что въ то время знаменитый Монжъ преподавалъ ее въ тамошней школѣ; С.-Симонъ аккуратно посѣщалъ лекціи Монжа и даже сблизился съ нимъ самимъ. Но въ скоромъ времени обязанности службы заставили его переселиться въ Парижъ, гдѣ онъ осужденъ былъ отчасти на военныя упражненія, отчасти на полное бездѣлье *. Такая жизнь, говорилъ потомъ самъ С.-Симонъ, сдѣлалась для него невыносимою. И потому онъ вышелъ въ отставку и отправился въ путешествіе по Европѣ.

Первымъ иностраннымъ государствомъ, посѣщеннымъ С.-Симономъ, была Голландія. Здѣсь онъ прожилъ около года въ надеждѣ участвовать въ экспедиціи, которую предполагалось отправить соединенными силами Голландіи и Франціи противъ Англійскихъ остъ-индскихъ владѣній. Экспедиція не состоялась и

---

* Когда онъ жилъ въ Парижѣ, однажды съ нимъ произошло слѣдующее приключеніе: С.-Симонъ отправился въ каретѣ изъ Парижа въ Версаль въ роскошномъ парадномъ костюмѣ. На дорогѣ онъ встрѣтилъ извощика, который, увязивъ свою телѣгу въ грязь, напрасно взывалъ о помощи къ прохожимъ. Увидавъ несчастное положеніе извощика, С.-Симонъ вышелъ изъ кареты и сталъ помогать ему, убѣдивъ къ тому же и нѣсколькихъ прохожихъ. Телѣга была вытащена изъ грязи. Но въ то время, какъ происходила эта операція, С.-Симонъ, разговорившись съ извощикомъ, замѣтилъ, что это человѣкъ умный и бывалый, много видѣвшій на своемъ вѣку; а такими людьми С.-Симонъ въ особенности интересовался и всегда старался пользоваться ихъ бесѣдою. Потому онъ, отмѣнивъ свое путешествіе въ Версаль, отослалъ слугу въ Парижъ, а самъ, перемѣнивъ парадное платье на блузу, отправился съ извощикомъ до самаго Орлеана, куда тотъ ѣхалъ. (Hubbart. 19).

С.-Симонъ изъ Голландіи въ скоромъ времени отправился въ Испанію. Въ Испаніи въ это время правительство предприняло сооруженіе канала, который долженъ былъ соединить Мадридъ съ моремъ. Но работы подвигались впередъ очень тихо, благодаря недостатку рабочихъ рукъ и денегъ, С.-Симонъ, въ компаніи съ графомъ Кабарюсомъ, представилъ правительству слѣдующій оригинальный проектъ: они обязывались доставить необходимые фонды и 6,000 иностранныхъ рабочихъ. Но рабочіе эти должны были быть не просто рабочими; С.-Симонъ собственно обязывался завербовать 6,000 человѣкъ иностранцевъ въ военную службу испанскаго короля съ тѣмъ, чтобы они же были употреблены на работы для окончанія канала. Такимъ образомъ, увѣрялъ С.-Симонъ, испанскій король, въ одно и то же время увеличилъ бы свою армію на 6,000 человѣкъ и выполнилъ бы предпріятіе, весьма полезное для своей страны. Вознагражденіемъ для компаньеновъ должно было служить право на сборъ съ проходящихъ по каналу судовъ впродолженіе извѣстнаго срока. Исполненію этого предпріятія помѣшала французская революція, которая вызвала С.-Симона во Францію; такъ по крайней мѣрѣ говорятъ объ этомъ его ученики, что въ самомъ дѣлѣ весьма сомнительно. Отношенія С.-Симона къ революціи нѣсколько странны и мало понятны. Вообще либеральнымъ и прогрессивнымъ идеямъ С.-Симонъ весьма сочувствовалъ и въ Америкѣ и въ Европѣ; но какъ онъ потомъ самъ говорилъ, дѣятельнымъ образомъ мѣшаться въ революціонное движеніе онъ не хотѣлъ потому, что крѣпко былъ убѣжденъ въ недолговѣчности прежняго порядка. Съ такими взглядами С.-Симону и не слѣдовало оставлять Испанію; между тѣмъ онъ ее оставилъ.—Прибывъ во Францію, онъ прежде всего явился въ свое имѣнье, въ общину Фальви, въ департаментѣ Соммы. Здѣсь онъ былъ выбранъ президентомъ собранія, имѣвшаго назначить новыя муниципальныя власти, и вотъ какую рѣчь произнесъ онъ по этому поводу въ собраніи: «Мнѣ очень лестно, господа, быть предсѣдателемъ вашего собранія; меня безпокоитъ

только одно сомнѣніе, что вы мнѣ сдѣлали эту честь не по вни манію къ моимъ личнымъ качествамъ, а только для того, чтобы доказать уваженіе къ вашему господину. Нѣтъ болѣе господъ; здѣсь мы всѣ совершенно равны, и чтобы мой графскій титулъ не подавалъ вамъ повода думать, что я имѣю какія-нибудь высшія права: я объявляю вамъ, что н а в с е г д а отказываюсь отъ этого титула, который я считаю гораздо ниже, чѣмъ титулъ гражданина; въ удостовѣреніе моего отказа я прошу внести его въ протоколъ собранія» *. Это было сдѣлано, и, благодаря этому, рѣчь сохранилась. Она была произнесена 2 февраля 1790 г. Въ то же самое время, живя въ общинѣ Фальви, С.-Симонъ занимался дѣломъ, къ которому онъ себя не готовилъ, именно проповѣдью въ общинной церкви; впрочемъ, въ своихъ проповѣдяхъ онъ не развивалъ какихъ-нибудь религіозныхъ мыслей и вопросовъ, а старался внушить слушателямъ привязанность къ идеямъ свободы и равенства. Въ то же время онъ отказался отъ должности общиннаго мера по той причинѣ, что для народа было бы опасно выбирать бывшихъ дворянъ на какія-нибудь должности. —12 Мая 1790 года, въ первичномъ собраніи кантона Маршлепо, С.-Симонъ убѣдилъ избирателей требовать посредствомъ адреса въ національное собраніе—общаго уничтоженія дворянскихъ титуловъ, самъ составилъ этотъ адресъ, который и былъ дѣйствительно отправленъ въ собраніе.

Въ финансовомъ отношеніи революція повредила С.-Симону, хотя и не прямо; «она уничтожила состояніе его матери и двухъ очень богатыхъ дядей, которыхъ онъ былъ наслѣдникомъ» **. Но, съ другой стороны, она же дала ему вознагражденіе болѣе прямое, п о з в о л и в ъ е м у п р і о б р ѣ с т и с е б ѣ д о в о л ь н о з н а ч и т е л ь н о е с о с т о я н і е п о с р е д с т в о м ъ с п е к у л я ц і и н а н а ц і о н а л ь н ы я и м у щ е с т в а. Это было такимъ образомъ. Въ то время республиканское правительство, для удовлетворенія потребностей бюджета, продавало конфискованныя имущества духовенства и

---

* Hubbart. стр. 22. ** Тамъ же, стр. 25.

эмигрантовъ. С.-Симонъ самъ не имѣлъ денегъ, но случай сблизилъ его съ графомъ Редерномъ, прусскимъ посланникомъ въ Англіи, котораго С.-Симонъ зналъ въ Мадридѣ въ 1788 г., во время своихъ переговоровъ съ испанскимъ правительствомъ относительно канала. Редернъ вручилъ С.-Симону капиталъ отъ 500 до 600,000 франковъ разными государственными бумагами, весьма упавшими въ цѣнѣ. Съ этими деньгами и съ небольшимъ собственнымъ наличнымъ капиталомъ С.-Симонъ началъ операцію. Онъ повелъ дѣло съ чрезвычайною смѣлостью, купилъ національныя имущества цѣлаго департамента (Орнскаго), купилъ въ самомъ Парижѣ большой дворецъ, принадлежавшій прежде вѣдомству откуповъ. Общій результатъ операцій былъ тотъ, что онъ пріобрѣлъ имущества, доставлявшія 150,000 франковъ доходу. «Изъ этого видно, замѣчаетъ его біографъ, что С.-Симонъ умѣлъ вести дѣла съ талантомъ и благоразуміемъ». Но его связь съ Редерномъ возбудила подозрѣніе якобинцевъ. Онъ былъ занесенъ въ списокъ подозрительныхъ и посаженъ въ тюрьму, гдѣ просидѣлъ 11 мѣсяцевъ до 9 термидора. Впослѣдствіи С.-Симонъ находилъ нужнымъ объяснять и даже извинять свои финансовыя спекуляціи Я стремился къ богатству, говорилъ онъ, не потому, чтобы дорожилъ собственно богатствомъ, а потому, что оно мнѣ нужно было для моихъ высшихъ цѣлей: «истиннымъ предметомъ моей амбиціи было основать научную школу усовершенствованія (fonder une école scientifique de perfectionnement) и организовать большое промышленное заведеніе, однимъ словомъ содѣйствовать прогрессу просвѣщенія и улучшенію участи человѣчества».—«Такова была причина или, лучше сказать, таково извиненіе моихъ финансовыхъ занятій впродолженіи бурнаго теченія французской революціи» *.

---

* Тамъ же, стр. 25.

Такимъ образомъ, С.-Симонъ почти уже былъ богатъ; онъ разсчитывалъ по крайней мѣрѣ на половину изъ 150,000 франковъ дохода, который онъ пріобрѣлъ въ компаніи съ Редерномъ; но этотъ разсчетъ не оправдался. Редернъ явился въ 1797 г. лично во Францію для окончанія счетовъ съ С.-Симономъ, и такъ какъ все состояніе, пріобрѣтенное С.-Симономъ, вѣроятно во избѣжаніе конфискаціи со стороны правительства, было записано на имя Редерна, то, при дѣлежѣ, Редернъ имѣлъ возможность взять себѣ львиную часть, выдѣливши С.-Симону только 150,000 фр., единовременно уплаченныхъ. Такимъ образомъ, къ концу концовъ и оказалось, что С.-Симонъ велъ свои дѣла, если съ талантомъ, то не совсѣмъ съ благоразумiемъ. Впрочемъ, онъ въ скоромъ времени утѣшился. Во-первыхъ, какъ онъ самъ говоритъ. онъ яснѣе узналъ разницу, существовавшую между нимъ и Редерномъ; во-вторыхъ, онъ гораздо прямѣе пошелъ по той дорогѣ, къ которой считалъ себя предназначеннымъ. «Дороги, которымъ мы слѣдовали, были совершенно различны: онъ направлялся въ тѣ грязныя болота, гдѣ фортуна построила себѣ храмъ, въ то время, какъ я поднимался на сухую и скалистую гору, на вершинѣ которой находятся алтари славы» *. Тотчасъ послѣ разрыва съ гр. Редерномъ (въ 1797 г.), «я возъимѣлъ проектъ проложить новую карьеру человѣческому пониманію, карьеру физико-математическую; я возъимѣлъ проектъ подвинуть впередъ науку такимъ образомъ, чтобы она сдѣлала всеобщій шагъ (le projet de faire faire un pas general à la science) и при этомъ предоставить инiціативу французской школѣ»? Въ чемъ долженъ былъ состоять этотъ всеобщій шагъ науки, С.-Симонъ не объясняетъ; но разсказываетъ дальше, какія предварительныя приготовленія онъ долженъ былъ сдѣлать для осуществленія своего проекта. «Я долженъ былъ, говоритъ онъ, изучать науки физическія, чтобы констатировать ихъ современное положеніе, и посредствомъ историческихъ изысканій выяснить

* Стр. 32.

себѣ порядокъ, въ которомъ происходили открытія, обогатившія ихъ. Чтобы пріобрѣсти эти познанія, я не ограничился изысканіями въ библіотекахъ: я началъ снова мое воспитаніе, я посѣщалъ курсы наиболѣе знаменитыхъ профессоровъ; я поселился подлѣ политехнической школы; впродолженіе трехъ лѣтъ (1798 — 1801) я занимался исключительно тѣмъ, чтобы овладѣть познаніями, добытыми наукою относительно естественныхъ свойствъ тѣлъ неорганическихъ.»? Эти три года занятій естественными науками и дружбы съ профессорами политехнической школы, стоили значительныхъ суммъ С.-Симону, но въ то же время принесли ему и пользу, какъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ находитъ: «хорошій столъ, хорошее вино, большое вниманіе къ профессорамъ, для которыхъ мой кошелекъ былъ открытъ, доставили мнѣ всѣ удобства, какихъ я только могъ желать». А удобства были нужны, потому что въ это время С.-Симону было уже около 40 лѣтъ, когда человѣкъ съ трудомъ усвоиваетъ себѣ новыя научныя данныя.

Послѣ трехлѣтнихъ занятій въ политехнической школѣ, С.-Симонъ переселился въ окрестности школы медицинской и началъ тамъ подобное же возобновленіе ученія. «Я вошелъ въ сношенія съ физіологами, пишетъ С.-Симонъ, и оставилъ ихъ только тогда, когда получилъ точныя свѣдѣнія объ ихъ общихъ идеяхъ, относительно естественныхъ свойствъ тѣлъ органическихъ» *.

Трудно все-таки судить, въ чемъ состоялъ планъ С.-Симона и какое значеніе могли имѣть въ немъ свѣдѣнія и общія идеи касательно естественныхъ свойствъ тѣлъ органическихъ, и какое отношеніе имѣлъ этотъ планъ къ первоначальному его плану—содѣйствовать успѣхамъ просвѣщенія и улучшенію участи человѣчества.

* Всѣ эти извѣстія о себѣ даетъ С.-Симонъ въ отрывкахъ своей автобіографіи, напечат. Ол. Родригомъ при изданіи его сочиненій: Oeuvres de S.-Simon, précédés de fragments de l'histoire de sa vie, ecrite par lui même. Paris, 1832. Свѣдѣнія, заключающіяся въ этихъ отрывкахъ, дополнены потомъ Гюббаромъ, въ сочиненіи, названномъ выше, и исполнителями завѣщанія В. Анфантена въ сочиненіи: Oeuvres de S.-Simon et d'Enfantin. Paris, 1865. г. I.

Но, продолжаетъ дальше С.-Симонъ, «недостаточно того, чтобы хорошо знать состояніе человѣческихъ знаній; нужно знать еще дѣйствіе, производимое научными занятіями на тѣхъ, кто имъ предается; нужно оцѣнить вліяніе этого рода занятій на ихъ страсти, умъ, нравственность и вообще и въ частяхъ.» * Потому С.-Симонъ рѣшился еще больше ознакомиться съ учеными, да кстати и съ художниками, и сдѣлать изъ своего дома центръ, въ который они охотно собирались бы. Но для этого препятствіемъ служило то, что С.-Симонъ былъ неженатъ; благодаря отсутствію хозяйки, домъ его не могъ быть привлекательнымъ центромъ для ученыхъ. Потому, такъ именно самъ онъ разсказываетъ, С.-Симонъ рѣшился жениться и исполнилъ свое намѣреніе въ 1801 году; онъ женился на дочери одного умершаго пріятеля, который на смертномъ одрѣ поручилъ ее покровительству С.-Симона. Г-жа С.-Симонъ, какъ говоритъ Гюбаръ, «прелестью своихъ разговоровъ и манеръ была вполнѣ способна выполнить роль хозяйки дома, предназначенную ей, хотя она была далека отъ того, чтобы войти съ своимъ мужемъ въ интелектуальное общеніе относительно его идей касательно новой организаціи. Впродолженіи года С.-Симонъ принималъ въ своихъ салонахъ избранныхъ представителей науки и искуства. Въ то время, какъ самъ онъ легко привлекалъ ученыхъ **, г-жа С.-Симонъ привлекала музыкантовъ и литераторовъ наиболѣе извѣстныхъ. Нашъ философъ присутствовалъ при этихъ собраніяхъ, главнымъ образомъ, какъ наблюдатель, лично принимая въ нихъ мало участія. Но въ этихъ дорогихъ пріемахъ С.-Симонъ издержалъ послѣднія деньги, полученныя имъ отъ графа Редерна. Между тѣмъ, въ то время мадамъ Сталь, по смерти своего мужа,

---

* Ниѣ. стр. 36.

** Изъ этихъ словъ слѣдуетъ заключить, что женитьба С.-Симону даже и не была необходима для той цѣли, которую онъ имѣлъ, вступая въ бракъ; ему нужно было поближе познакомиться съ учеными, оказывается, что ученыхъ людей привлекала къ нему не г-жа С.-Симонъ, а самъ онъ.

сдѣлалась госпожею своей собственной судьбы, и С.-Симонъ рѣшился искать ея руки. Потому, въ іюлѣ 1802 года, С.-Симонъ вдругъ развелся съ своею женою, несмотря на то, что между ними не произошло охлажденія, и не смотря на то, что онъ не могъ совершить предъ муниципальнымъ чиновникомъ самый актъ развода безъ слезъ. Но, благодаря недавнимъ сочиненіямъ, въ которыхъ обнаружилась вся философическая высота м-дамъ Сталь, она казалась С.-Симону единственною женщиною, способною содѣйствовать тому плану, который онъ себѣ начерталъ. Она жила въ то время подлѣ Женевы, въ своей знаменитой резиденціи Коппетѣ. И С.-Симонъ отправился туда» *. Разсчетъ С.-Симона оказался невѣренъ: мадамъ Сталь или не оцѣнила плановъ С.-Симона, или нашла, что даже для единства дѣйствія въ области мысли между мужчиной и женщиной, имъ нѣтъ надобности быть мужемъ и женою.

Во время своего пребыванія въ Женевѣ С.-Симонъ издалъ небольшую брошурку подъ названіемъ «Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains, отличающуюся большою оригинальностью мысли, гдѣ авторъ предлагаетъ не болѣе и не менѣе, какъ новую религію и вмѣстѣ съ тѣмъ самую полную и коренную реформу всего земнаго шара въ политическомъ и соціальномъ отношеніи. Дальше мы разсмотримъ подробно эту брошуру, а теперь замѣтимъ только, что самая судьба ея загадочна. Впродолженіи остальныхъ лѣтъ своей жизни С.-Симонъ какъ будто отказывался отъ этого сочиненія. По крайней мѣрѣ, первымъ своимъ литературнымъ трудомъ онъ самъ называлъ тотъ, который явился шесть лѣтъ спустя послѣ этой брошуры. И ученики С.-Симона при жизни учителя ничего не знали о существованіи ея.

Не достигнувъ своей цѣли въ Женевѣ, С.-Симонъ отправился путешествовать, посѣтилъ Германію и Англію, и въ обѣихъ странахъ наблюдалъ состояніе идей въ средѣ тамош-

---

* Стр. 38

нихъ ученыхъ. Изъ Англіи онъ привезъ то убѣжденіе, что «ея жители не направляли своихъ трудовъ къ цѣли физико-политической, что они не занимались реорганизаціею системы наукъ, и у нихъ не выработывалась никакая новая капитальная идея». Изъ путешествія по Германіи С.-Симонъ вынесъ впечатлѣніе совсѣмъ иное; добытыхъ результатовъ, впрочемъ, онъ и здѣсь не нашелъ, но онъ нашелъ нѣмцевъ на хорошей дорогѣ, или, правильнѣе, онъ замѣтилъ, что нѣмцы подходятъ къ хорошей, къ прямой дорогѣ, и съ увѣренностью предсказывалъ, что «лишь только нѣмцы выйдутъ на самую дорогу, они пройдутъ по ней большое пространство».

Можетъ быть эти путешествія были полезны С.-Симону для уясненія идей, которыя его занимали; но они лишили его окончательно всякихъ средствъ къ жизни. Возвратившись во Францію, онъ не имѣлъ рѣшительно ничего и не имѣлъ никакихъ занятій, доставляющихъ содержаніе. Это заставило С.-Симона подумать о мѣстѣ; онъ обратился съ этой цѣлью къ графу Сегюру, и вотъ какъ самъ онъ разсказываетъ о результатѣ этой попытки и о дальнѣйшемъ теченіи своей жизни. Графъ Сегюръ, пишетъ онъ, «далъ мнѣ знать, что онъ досталъ для меня мѣсто въ ломбардѣ (Mont de Piété). Это было мѣсто переписчика: оно доставляло 1,000 фр. въ годъ за девяти-часовую ежедневную работу. Я дѣйствительно занимался въ ломбардѣ шесть мѣсяцевъ; для моего личнаго труда оставались только ночи, у меня началось кровохарканіе, мое здоровье было въ ужасномъ состояніи, и только случай свелъ меня съ единственнымъ человѣкомъ, котораго я могу называть моимъ другомъ. Я встрѣтилъ Діара, который занимался у меня отъ 1790—1797 года; мы разошлись съ нимъ въ то время, когда я разорвалъ свою связь съ графомъ Редерномъ. Діаръ сказалъ мнѣ: сударь, мѣсто, которое вы занимаете, недостойно вашего имени и вашихъ способностей; прошу васъ приходите ко мнѣ, вы можете располагать всѣмъ, что мнѣ принадлежитъ; вы будете работать сколько вамъ угодно и добьетесь того, что васъ оцѣнятъ. Я принялъ предложеніе этого честнаго человѣка; я былъ у него, и онъ доста-

влялъ съ усердіемъ все, что мнѣ было нужно, даже далъ мнѣ возможность печатать мое сочиненіе» *.

Сочиненіе, о которомъ говоритъ С.-Симонъ, есть «Введеніе въ научные труды 19 вѣка» (Introduction aux travaux scientifiques du dix neuvième siècle). Оно было напечатано въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ (въ 1808 г.) и разослано было авторомъ наиболѣе извѣстнымъ ученымъ. Въ этомъ сочиненіи С.-Симонъ старается опредѣлить ту общую идею всей совокупности наукъ, которая занимала его. Оно довольно обширно и напечатано было въ 2-хъ томахъ и, быть можетъ, поэтому ученики С.-Симона не перепечатывали его въ собраніи сочиненій своего учителя или, быть можетъ, потому, что впослѣдствіи самъ С.-Симонъ находилъ его неудовлетворительнымъ и занялся другими идеями, которыя считалъ болѣе важными **.

Но мы не оставимъ совсѣмъ безъ вниманія эту книгу и приведемъ хоть чужія слова касательно ея содержанія и касательно той идеи, которою С.-Симонъ столь долго занимался. «Впродолженіи ста лѣтъ, такъ излагаетъ Гюббаръ содержаніе книги, наука занимается только опытами, изслѣдуетъ только факты. Безъ сомнѣнія, поступая такимъ образомъ, она сдѣлала большіе успѣхи; но теперь пришло время стать на общую точку зрѣнія, генерализировать пріобрѣтенныя данныя и построить законченное зданіе изъ собранныхъ матеріаловъ. Ни одинъ философъ еще не старался обобщить открытія, сдѣланныя какъ тѣми, которые по слѣдамъ Ньютона изслѣдовали физическіе законы тѣлъ неорганическихъ, такъ и тѣми, которые по слѣдамъ Локка анализировали человѣческое пониманіе и наблюдали развитіе существъ органическихъ. Нужно выйти на эту дорогу и продолжать направленіе Декарта, который первый взялъ скипетръ міра изъ рукъ воображенія для того, чтобы отдать его въ руки разума, и который первый рѣшился пред-

* Hub., стр. 42 и 43.

** Его нѣтъ ни въ одномъ собраніи сочиненій С.-Симона.

принять объясненіе механизма вселенной, стараясь, однако, не заблудиться въ лабиринтѣ метафизики. Кромѣ изложенія этой главной мысли, которую мы (т. е. Гюббаръ) указали, «Введеніе въ научные труды» содержитъ въ себѣ отдѣльные отрывки о противорѣчіи, которое существуетъ въ умѣ физиковъ между ихъ теоріею тѣлъ твердыхъ и тѣлъ жидкихъ, изложеніе научныхъ трудовъ 17 и 18 вѣковъ, новое энциклопедическое дерево, поставленное рядомъ съ энциклопедическимъ деревомъ Дидро и Даламбера для облегченія сравненія; сокращенную всеобщую исторію всего человѣческаго рода и, наконецъ, разсужденіе о нравственности, о духовенствѣ и о будущности *.» Такимъ образомъ, если только Гюббаръ вѣрно передалъ главную мысль С.-Симона, она состоитъ въ томъ, что данныя, пріобрѣтаемыя науками, не должны безъ всякой мысли нагромождаться другъ на друга, а должны быть связываемы одною общею идеею. Мысль совершенно не новая; она лежала въ основаніи всѣхъ философскихъ системъ отъ Ѳалеса да Канта и Фихте. С.-Симону принадлежитъ здѣсь только та особенность въ этой мысли, будто въ его время уже можно было окончательно стать на общую точку зрѣнія, «построить законченное зданіе изъ собранныхъ матеріяловъ». Очевидно, онъ имѣлъ смишкомъ высокое мнѣніе о количествѣ и качествѣ собранныхъ матеріаловъ, слишкомъ юношеское довѣріе къ послѣднимъ пріобрѣтеннымъ фактамъ, «къ послѣднему слову науки», довѣріе въ родѣ того, которое и въ наше время очень въ сильной степени замѣчается какъ у насъ, такъ и въ западной Европѣ преимущественно между юными мыслителями. Какъ бы то ни было, С.-Симонъ разсчитывалъ, что посредствомъ своего труда онъ укажетъ направленіе для трудовъ ученыхъ. Но и этотъ разсчетъ его обманулъ; ученые не обратили никакого вниманія на его трудъ. Между прочимъ много времени спустя, во время продажи библіотеки Ласепеда, оказалось, что этотъ ученый даже не разрѣзалъ экземпляра, присланнаго ему

* Стр. 45.

С.-Симономъ. Этотъ неудачный опытъ, какъ впослѣдствіи писалъ самъ С.-Симонъ, убѣдилъ его, что онъ еще не созрѣлъ для того, чтобы въ системѣ изложить задуманное имъ произведеніе. Потому онъ рѣшился въ отдѣльныхъ небольшихъ сочиненіяхъ разсматривать тѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ по его мнѣнію должно вести все къ той же цѣли, къ реорганизаціи научной системы. Онъ ожидалъ между прочимъ, что это частное рѣшеніе вопросовъ вызоветъ всеобщій споръ между учеными и такимъ образомъ дастъ ему опять возможность освятить понятія ученыхъ. Первымъ сочиненіемъ, напечатаннымъ съ этою цѣлью, были «письма въ бюро Долготъ» (Lettres au bureau des longitudes), гдѣ онъ опять разсуждаетъ «о пользѣ новой научной системы» присоединяя сюда нѣкоторыя замѣчанія касательно важности понятій о пустотѣ и о треніи въ физикѣ. Это сочиненіе опять не возбудило никакого вниманія ученыхъ. Тогда онъ издалъ еще брошуру подъ именемъ «Новой Энциклопедіи», (Nouvelle Encyclopédie) въ которой онъ доказываетъ, что «Дидеро и Даламберъ издали словарь, а не энциклопедію, что въ ихъ умѣ науки не имѣли между собою никакой связи, и что источники и классификацію наукъ, словесности и искуствъ нужно почерпать изъ исторіи развитія человѣчества»*. Этой брошурѣ С.-Симонъ предпослалъ посвященіе своему племяннику Виктору, «въ которомъ онъ съ живостью выражаетъ желаніе доказать посредствомъ своихъ произведеній, что кровь Карла Великаго не измѣнилась въ его венахъ».

Между тѣмъ въ жизни С.-Симона произошла опять большая перемѣна. Діаръ его другъ и покровитель умеръ въ 1810 году, и С.-Симонъ опять остался безъ всякихъ средствъ къ жизни; но это не помѣшало ему продолжать заниматься своими работами въ прежнемъ духѣ и съ прежнею цѣлью. Въ скоромъ времени онъ написалъ «записку относительно науки о человѣкѣ» и «записку о всеобщемъ тяготѣніи» (Mémoire sur la science

* Hub. стр. 48.

de l'homme и Memoire sur la gravitation universelle). Здѣсь С.-Симонъ старается изложить законъ развитія существъ органическихъ вмѣстѣ съ развитіемъ всего человѣчества, и чертитъ планъ будущности предназначенной человѣку на землѣ, допуская постоянное, непрерывное усовершенствованіе человѣка, вслѣдствіе прирожденной ему усовершимости. Въ запискѣ о всеобщемъ тяготѣніи онъ старается всѣ естественные законы свести ко всеобщему закону тяготѣнія.—Но въ это время С.-Симонъ былъ уже въ столь печальномъ финансовомъ положеніи, что не могъ печатать свои сочиненія. Онъ довольствовался только тѣмъ, что собственноручно переписывалъ ихъ въ числѣ нѣсколько десятковъ экземпляровъ и отсылалъ ихъ ученымъ, равно какъ и нѣкоторымъ высокопоставленнымъ правительственнымъ лицамъ. Записку относительно науки о человѣкѣ, и записку о всеобщемъ тяготѣніи онъ послалъ между прочимъ Камбасересу, Лебрену, Талейрану, Ласепеду, Кювье и нѣкоторымъ сенаторамъ, которыхъ онъ зналъ прежде. Въ это время экономическая крайность С.-Симона была такъ велика, что къ каждой посланной рукописи онъ приложилъ слѣдующее письмо: «Милостивый Государь, будьте моимъ спасителемъ; я умираю съ голоду. Мое положеніе отнимаетъ у меня возможность изложить мои идеи достойнымъ образомъ; но достоинство моего открытія не зависитъ отъ способа изложенія.—Достигъ ли я того, чтобы проложить новую философическую дорогу? Вотъ вопросъ. Если вы возьмете на себя трудъ прочитать мое сочиненіе, я спасенъ. Преданный впродолженіи многихъ лѣтъ отысканію новой философической дороги, я по необходимости долженъ былъ удалиться отъ школы и отъ общества и въ настоящее время я долженъ быть въ положеніи самаго полнаго уединенія не смотря на то, что я сдѣлалъ открытіе чрезвычайно важное. Занятый единственно общимъ интересомъ, я пренебрегалъ моими собственными дѣлами (?) и черезъ это дошелъ до слѣдующаго положенія: впродолженіи двухъ недѣль я не имѣю ничего, кромѣ воды, я работаю безъ огня,

я продалъ даже свое платье для того, чтобы имѣть возможность переписать мое сочиненіе. Стремленіе къ наукѣ и общественному благосостоянію, желаніе найдти средства мирнымъ образомъ окончить страшный кризисъ, въ которомъ находится европейское общество, привели меня въ столь несчастное положеніе, и потому я не краснѣя признаю мою бѣдность и прошу помощи, необходимой для того, чтобы я могъ продолжать работу» *. Это было въ 1812 году. Но напрасны были просьбы С.-Симона: помощи онъ не получилъ ни откуда **; только Кювье уговаривалъ его про-

---

* Тамъ же, 58.

**) Это безъ сомнѣнія нужно объяснять тѣмъ, что люди, къ которымъ обращался С.-Симонъ, гораздо меньше цѣнили его труды, нежели самъ онъ. А можетъ быть сюда нужно присоединить и другую причину. Въ своей жизни, въ богатствѣ и въ бѣдности, С.-Симонъ не отличался порядочностью, а допускалъ такъ же много увлеченій, какъ и въ своей мысли. И противники его ученій подвергали его жизнь порицаніямъ, такъ что впослѣдствіи ученики должны были защищать его память. Вѣроятно порицанія доходили и до самого С.-Симона, по крайней мѣрѣ еще въ 1810 году онъ писалъ слѣдующую оригинальную апологію своей жизни: «Въ обществѣ существуетъ, говорилъ онъ, и должно существовать у каждаго читателя предубѣжденіе противъ меня, потому что предпріятіе, которымъ я занятъ, есть уже четвертое, три (?) первыя не удались. Однимъ словомъ, моя жизнь представляетъ рядъ паденій; но все-таки нельзя назвать ее жизнью неудавшеюся, потому что, вообще говоря, я не понижался, а поднимался вверхъ; то-есть, ни одно изъ моихъ паденій не понизило меня то той точки, отъ которой я отправился. Потому мои неудавшіяся предпріятія нужно разсматривать, какъ опыты, которые мнѣ были необходимы.

«Подобные опыты составляютъ единственное средство для того, чтобы философія могла сдѣлать положительные успѣхи.

«Изъ *самой сущности дѣла видно* (?), что для серьезныхъ успѣховъ въ философіи необходимо выполнить слѣдующія условія:

«1. Вести во все продолженіе возраста силы жизнь наиболѣе оригинальную и наиболѣе дѣятельную.

«2. Заботливо пріобрѣтать познанія во всѣхъ теоріяхъ и во всѣхъ родахъ практической дѣятельности.

«3. Пройти всѣ классы общества, лично стать въ общественныя положенія самыя разнообразныя, и даже создавать отношенія, до сихъ поръ несуществовавшія.

«4. Наконецъ, старость употребить на то, чтобы резюмировать замѣчанія о слѣдствіяхъ, происшедшихъ изъ дѣйствій самого наблюдателя

должать свой трудъ, увѣряя, что въ немъ есть новая и капитальная идея; нѣкоторые совѣтовали ему обратиться къ императору, что̀ онъ и сдѣлалъ, представивъ ему записку о тяготѣніи, и давши ей слѣдующее оригинальное названіе: «средства заставить англичанъ признать независимость флаговъ». (Moyen de faire reconnaître aux anglais l'indépendance des pavillons). Наполеонъ сначала самъ хотѣлъ понять отношеніе между этимъ заглавіемъ и содержаніемъ сочиненія; но не достигши этого, онъ обратился къ своимъ придворнымъ. Тѣ единогласно сказали ему, что сочиненіе принадлежитъ съумасшедшему, однако смирному, небуйному. Въ этомъ же вѣроятно убѣдили императора нѣсколько смѣлыхъ строкъ, присоединенныхъ Сен Симономъ къ сочиненію въ видѣ посвященія, которое, наперекоръ всѣмъ другимъ посвященіямъ, содержало въ себѣ не лесть, а упреки и совѣты. Потому и отъ Наполеона С.-Симонъ помощи не получилъ. Отношенія С.-Симона къ императору не лишены значенія, и потому мы постараемся прослѣдить ихъ нѣсколько подробнѣе отъ начала до конца. С.-Симонъ очень не одобрялъ Директоріи; несмотря на то, опасеніе военнаго деспотизма не позволило ему сочувственно относиться къ государственному перевороту 18 Брюмера, и онъ осуждалъ его весьма строго. Между прочимъ онъ обращался не разъ къ своему пріятелю Монжу съ изложеніемъ своихъ сомнѣній касательно намѣреній перваго консула. Монжъ въ то время былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Бонапарту и въ такихъ случаяхъ обыкновенно отвѣчалъ С.-Симону слѣдующимъ образомъ: «политическіе вопросы меня не касаются; въ этомъ отношеніи я вполнѣ полагаюсь на Бонапарта». Подобные отвѣ-

---

для него самого или для другихъ' и на всемъ этомъ сводѣ замѣчаній построить принципы» (Hub. 51 и 52).

Очевидно, что всѣ эти отдѣлы дѣятельности философа чрезвычайно напоминаютъ дѣятельность самого Сен-Симона; но нельзя сказать, чтобы по самой сущности дѣла они были необходимы для успѣховъ философствованія. Напротивъ, скорѣе они должны быть препятствіемъ для подобныхъ успѣховъ, какъ это отчасти можно видѣть на примѣрѣ самого Сен-Симона.

ты Монжа и другихъ, по словамъ Гюббара, имѣли то дѣйствіе *, что самъ С.-Симонъ проникнулся удивленіемъ къ его генію». Три акта особенно восхищали его, пишетъ Гюббаръ, устройство италіянскаго королевства, учрежденіе почетнаго легіона и созданіе университета. — Онъ думалъ, что въ устройствѣ Италіи императоръ хотѣлъ предоставить ученымъ и художникамъ долю въ управленіи и за это нововведеніе онъ восхвалялъ его чрезвычайно. Въ учрежденіи почетнаго легіона онъ видѣлъ реакцію противъ военной силы и именно въ томъ, что въ почетный легіонъ допускались люди отличавшіеся во всѣхъ родахъ трудовъ полезныхъ государству; наконецъ онъ съ уваженіемъ относился къ раздѣленію ученыхъ на два разряда; изъ которыхъ одинъ долженъ заниматься усовершенствованіемъ науки, а другой преподаваніемъ» **. Вслѣдствіе этого первые труды С.-Симона заключаютъ въ себѣ въ высшей степени похвальные отзывы относительно генія Бонапарта. Такіе отзывы находятся во «введеніи къ научнымъ трудамъ 19 вѣка» и въ «письмахъ обитателя Женевы» Онъ даже послалъ первому консулу одинъ экземпляръ этого послѣдняго сочиненія вмѣстѣ съ слѣдующимъ письмомъ: «гражданинъ первый консулъ, посылаю вамъ мое сочиненіе; оно не велико, но это не будетъ удивлять васъ, когда вы узнаете, что я употребилъ большую часть моей жизни на размышленіе объ немъ; я желаю, чтобы вы нашли его хорошимъ, и осмѣливаюсь сказать вамъ, что, по моему мнѣнію, вы единственный изъ моихъ современниковъ, способный судить объ этомъ; если вы будете столько добры, что не оставите меня въ невѣдѣніи относительно вашего сужденія, вы доставите мнѣ величайшее удовольствіе. Подписывая это письмо и оставаясь въ той части земнаго шара, которой жители находятся подъ вашей непо-

---

* «Всѣ, къ кому обращался С.-Симонъ, отвѣчали ему въ томъ же смыслѣ. Наконецъ это вліяніе сдѣлалось заразительнымъ для него самого; и онъ проникнулся уваженіемъ не къ системѣ Бонопарта, а къ его генію» (Гюб. 61).

** 62.

средственною властью, я беру смѣлость, какъ вы видите, стать, подъ ваше прямое покровительство». * С.-Симонъ.—Впрочемъ, ни письмо, ни экземпляръ книги не дошли по адресу. Съ этого времени, то есть съ 1802 года, уваженіе С.-Симона къ Наполеону не уменьшалось до его похода въ Испанію и даже въ Россію. Тогда только, «видя, сколько французскій народъ страдаетъ отъ бѣдствій войны слишкомъ продолжительной и слишкомъ кровавой, онъ присоединился къ тѣмъ, которые видѣли въ Наполеонѣ только генія замедленія» **, и представляя Наполеону въ 1813 году записку о всеобщемъ тяготѣніи, онъ уже обращается къ нему со словами совсѣмъ другаго тона. «Всѣ народы материка, говоритъ онъ, безъ сомнѣнія согласятся между собою для того, чтобы принудить англичанъ признать независимость флаговъ; но еще скорѣе они согласятся въ томъ, что Ваше Величество должны отказаться отъ протекторства надъ Рейнскимъ союзомъ, что вы должны очистить Италію, дать свободу Голландіи и наконецъ перестать мѣшаться въ дѣла Испаніи. Отказавшись отъ своихъ завоевательныхъ плановъ, Ваше Величество принудите англичанъ возстановить свободу морей; если же вы захотите еще умножить количество вашихъ лавровъ, то вы доведете до изнеможенія Францію и окажетесь въ прямомъ и полномъ противорѣчіи со стремленіями вашихъ подданныхъ».

Намъ кажется, что едвали великія страданія французскаго народа отъ войнъ имперіи были причиною перемѣны взгляда С.-Симона на императора. Страданія эти были велики и раньше, и войны происходили не случайно, онѣ были необходимымъ слѣдствіемъ всей системы правительства, слѣдствіемъ принципа, положеннаго въ ея основаніе. И если С.-Симонъ обращался къ императору съ рѣзкими словами, это значило только то, что въ 1813 году звѣзда императора близилась уже къ закату; въ то время это видѣли многіе изъ людей не самыхъ предусмотрительныхъ, и тогда обращаться съ подобостра-

---

* Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin. Paris, 1865. I, 23.

** Hubbart, 63.

стіемъ къ императору значило приготовлять себѣ упреки въ будущемъ.—Дальнѣйшія отношенія С.-Симона къ Наполеонуеще яснѣе показываютъ, что они опредѣлялись не дѣйствіями императора, а его положеніемъ. Когда Наполеонъ, оставивъ Эльбу, высадился во Франціи, С.-Симонъ написалъ противъ него рѣзкую брошуру «Исповѣданіе вѣры графа С.-Симона по поводу вторженія Нап. Бонапарта во Французскую территорію» (Profession de foi du comte * de Saint-Simon au sujet de l'invasion du territoire français par N. Bonaparte). Но когда Наполеонъ черезъ нѣсколько дней утвердился во Франціи, С.-Симонъ сталъ смотрѣть на него иначе и даже получилъ мѣсто помощника библіотекаря въ библіотекѣ арсенала и написалъ брошуру противъ коалиціи 1815 года, враждебной Наполеону.—Впослѣдствіи, когда Наполеонъ былъ снова низверженъ, С.-Симонъ обращается къ членамъ Священнаго союза, къ тѣмъ самымъ, которые въ 1815 году составили коалицію противъ Франціи, и уже восхваляетъ ихъ за то, что они низвергли Наполеона. Отъ истиннаго философа, послѣдовательнаго и вѣрнаго своей идеѣ, можно бы требовать большей строгости къ самому себѣ, большей послѣдовательности въ отношеніи къ людямъ, представителямъ извѣстныхъ принциповъ.

«Записка о наукѣ касательно человѣка» имѣетъ цѣлью новую организацію Европейскаго общества и средства для этого видитъ въ изученіи природы человѣческой. Ученые того времени по мнѣнію С.-Симона забыли человѣка для своихъ мелочныхъ изслѣдованій о тѣлахъ неорганическихъ; и онъ обращается къ нимъ съ слѣдующею рѣчью: «о вы, безконечно малые изслѣдователи тѣлъ неорганическихъ, алгебристы и ариѳметики, въ чемъ заключаются ваши права на то, чтобы занимать въ настоящее время положеніе передовыхъ людей науки? Родъ человѣческій находится въ кризисѣ, ка-

* Замѣчательно, что въ этомъ сочиненіи С.-Симонъ подписывается уже графомъ, послѣ того какъ въ прежнее время онъ съ такимъ увлеченіемъ требовалъ уничтоженія титуловъ и самъ отказался навсегда отъ графскаго титула.

кого онъ не испытывалъ съ самаго начала своего существованія. Какія же усилія дѣлаете вы для окончанія этого кризиса? Какія средства имѣете вы для возстановленія порядка въ человѣческомъ обществѣ? Вся Европа ведетъ истребительную войну, что же дѣлаете вы для того, чтобы остановить эту бойню? Ничего Мало того, вы даже совершенствуете средства истребленія; вы направляете ихъ во всѣхъ арміяхъ, Вы находитесь во главѣ артиллеріи; вы направляете работы, имѣющія цѣлью взятіе крѣпостей. Еще разъ, что дѣлаете вы для возстановленія мира? Ничего. Что можете вы дѣлать? Ничего. Только одно познаніе человѣка можетъ повести къ открытію средствъ согласить интересы народовъ, и вы не изучаете эту науку. Вы сдѣлали только одно наблюденіе, именно, что льстя сильнымъ мира, можно добиться ихъ благосклонности и ихъ щедрости. Оставьте направленіе научной мастерской; дайте намъ разогрѣть сердца, которыя охладѣли подъ вашимъ предсѣдательствомъ, дайте намъ обратить ихъ вниманіе на труды, которые могутъ повести къ всеобщему миру, реорганизуя общество *. Въ 1814 году эта записка была представлена въ Институтъ; но авторъ не получилъ никакого поощренія отъ представителей науки.

Между тѣмъ событія быстро смѣнялись одни другими. Бурбоны наконецъ окончательно утвердились на престолѣ Франціи. Съ ними возвратились тысячи эмигрантовъ, которые заговорили о возвращеніи имъ конфискованныхъ и распроданныхъ ихъ помѣстій. Новые владѣльцы очень опасались, чтобы Бурбоны не объявили незаконнымъ пріобрѣтеніе ихъ во время республики. И С.-Симонъ взялъ на себя защиту ихъ интересовъ. Но наиболѣе важнымъ сочиненіемъ С.-Симона отъ этого времени было «Réorganisation de la société europeenne (Реорганизація Европейскаго общества), гдѣ онъ развиваетъ мысль, похожую на мысль аббата С.-Піера, предлагаетъ сначала введеніе во всѣхъ европейскахъ государствахъ конституціоннаго порядка, что можетъ быть сдѣлано посред-

* Гюб., 65.

ствомъ союза между Англіею и Франціею; потомъ устроенныя на конституціонныхъ началахъ европейскія государства должны образовать общій парламентъ, который былъ бы высшимъ арбитромъ въ рѣшеніи несогласій, возникающихъ между государствами. (См прил. А). Сочиненіе это имѣло большой успѣхъ не только во Франціи, но и за границею, но собственно сочувствія оно не нашло по крайней мѣрѣ во французахъ. Французы въ то время были слишкомъ пропитаны ненавистью къ Англіи и мысль о союзѣ съ Англіею казалась имъ измѣною народной чести и интересамъ. Однако С.-Симонъ былъ не такой человѣкъ, котораго порицанія могли остановить; потому онъ издалъ новое сочиненіе «Opinions sur les mesures à prendre contre la coalition de 1815» (мнѣнія касательно мѣръ, которыя можно принять противъ коалиціи 1815 года), гдѣ снова доказываетъ, что для Франціи невозможенъ союзъ ни съ какою державою, кромѣ Англіи.

Около этого времени экономическія обстоятельства С.-Симона нѣсколько поправились. Крайность, въ которой онъ находился послѣ смерти Діара, заставила его опять серьезно подумать о средствахъ къ жизни. Сначала онъ обратился къ графу Редерну въ надеждѣ, что онъ сознаетъ свою великую несправедливость относительно бывшаго своего компаньона. Но отъ графа Редерна онъ не получилъ ничего. Напротивъ, графъ Редернъ обратился даже ко властямъ, чтобы избавиться отъ притязаній С.-Симона, котораго онъ называлъ, между прочимъ, атеистомъ. «Ваши благочестивые принципы, написалъ послѣ этого ему С.-Симонъ, не помѣшали вамъ обобрать меня, тогда какъ мой такъ-называемый атеизмъ позволилъ мнѣ отдать все въ ваши руки. Согласитесь, что гораздо лучше имѣть компаньономъ такого атеиста, какъ я, нежели такого благочестиваго человѣка, какъ вы». Послѣ того С.-Симонъ обратился къ своему семейству, жившему въ Перонѣ, куда С.-Симонъ отправился лично и гдѣ онъ выдержалъ жестокую болѣзнь, бывшую слѣдствіемъ лишеній, перенесенныхъ имъ въ это время. Здѣсь, благодаря заботамъ семейства, онъ поправился и

въ это время его семейство согласилось выдавать ему небольшой пенсіонъ, за что въ свою очередь онъ отказался отъ своей доли въ наслѣдствѣ. Это было передъ самымъ низверженіемъ Наполеона. Потому-то послѣ этого, благодаря пріобрѣтеннымъ средствамъ къ жизни, С.-Симонъ могъ уже издавать брошуры по поводу совершавшихся событій. Но во всякомъ случаѣ экономическія средства С.-Симона были очень незначительны, и если бы онъ не нашелъ другихъ средствъ для публикаціи своихъ сочиненій, то вѣроятно онъ издалъ бы ихъ немного. Ему помогла сама судьба, или лучше—политическія перемѣны, совершившіяся во Франціи. Возвращеніе Бурбоновъ сопровождалось перемѣною конституціи; народное представительство основано было на цензѣ, что̀ подняло значеніе достаточныхъ, преимущественно промышленныхъ классовъ; но Реставрація не очень благосклонно относилась къ представителямъ промышленности, благодаря «своимъ теологическимъ и феодальнымъ тенденціямъ». Такимъ образомъ уже съ первыхъ лѣтъ Реставраціи между промышленностью и партіею клерикально-феодальною началась борьба. С.-Симонъ принялъ сторону промышленности и сталъ издавать сборникъ подъ названіемъ «L'industrie» (промышленность), съ слѣдующимъ эпиграфомъ, который выражаетъ направленіе сборника: «tout par l'industrie, tout pour elle» (все черезъ промышленность, все для нея). Но на свои средства издавать сборникъ С.-Симонъ не могъ; потому онъ обратился къ важнѣйшимъ представителямъ промышленнаго и въ особенности финансоваго міра съ просьбою о поддержкѣ и нашелъ ее *. Такимъ образомъ сред-

* Наибольшую поддержку С.-Симонъ нашелъ у Лафита и Терно, которые вѣроятно раздѣляли взгляды С.-Симона на способности и права промышленнаго сословія. Но кромѣ нихъ ему помогали и другіе капиталисты, которые такъ далеко претензій своихъ не простирали. Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ слѣдующій фактъ. Приступая къ изданію третьяго тома «Промышленности», С.-Симонъ публиковалъ имена людей, которые дали ему средства для изданія, называя ихъ своими подписчиками. Но именно въ третьемъ томѣ развивались мысли объ особенно важномъ значеніи промышленнаго класса, и о томъ, что соотвѣтственно этому дол-

ства для изданія были обезпечены. С.-Симонъ нашелъ себѣ даже сотрудниковъ Сентъ-Обена, Ог. Тьерри, котораго онъ называлъ своимъ сыномъ по усыновленію, и Ог. Конта, котораго С.-Симонъ называлъ ученикомъ. Цѣль, къ которой стремился С.-Симонъ, была строго опредѣлена; онъ доказывалъ, что промышленный классъ приноситъ наибольшую пользу странѣ и имѣетъ наибольшія способности для управленія дѣлами государства. Въ такомъ направленіи дѣйствовалъ С.-Симонъ отъ 1817 до 1823 года. Впрочемъ, сборникъ «L'Industrie» былъ издаваемъ не долго, — только въ продолженіи 1817 и 1818 года. Его замѣнили другіе, подобные ему: «Le Poltique», (Политикъ, 1819), «L'Organisateur» (Организаторъ, 1819 и 1820) и «Système industriel» (Промышленная система, 1821 и 1822). Но необходимо замѣтить, что С.-Симонъ не довольствовался простою защитою промышленныхъ классовъ; сущность его задачи привела его къ тому, что онъ дѣлалъ нападенія на классы, враждебные классу промышленному, и дѣлалъ это въ формахъ нерѣдко очень рѣзкихъ. Такъ въ «Политикѣ» С.-Симонъ вооружается противъ военныхъ, доказываетъ, что они не имѣютъ никакого права на управленіе дѣлами государства, доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ безполезность постоянныхъ армій, на мѣсто которыхъ онъ проектируетъ правильно организованную милицію. Здѣсь между прочимъ онъ партію промышленниковъ называетъ партіею національною, а противниковъ ихъ, «потребителей, ничего непроизводящихъ», —партіею антинаціональною.

Но гораздо полнѣе эту мысль, о полезности промышленнаго сословія и о безполезности другихъ сословій онъ разви-

---

жна быть передѣлана французская конституція. Это грозило поставить покровителей С.-Симона въ худыя отношенія съ правительствомъ; потому большинство изъ нихъ заявило министру полиціи, что они совсѣмъ не подписчики С.-Симона, что, если они давали ему деньги, такъ совсѣмъ не потому, чтобы сочувствовали его идеямъ, а потому, что считали своею обязанностью помочь бѣдному человѣку, который обратился къ нимъ. Это было въ концѣ 1817 года. Лафиттъ и Терно въ этомъ заявленіи не участвовали.

ваетъ въ Организаторѣ, гдѣ между прочимъ явилась остроумная статейка подъ названіемъ Парабола, въ которой онъ дѣлаетъ предположеніе, что въ одно время умрутъ всѣ члены королевскаго семейства, всѣ высшіе чиновники государства, епископы и другія высокопоставленныя лица, и доказываетъ, что эта одновременная смерть не принесетъ никакого вреда Франціи. Такъ какъ вскорѣ послѣ этого былъ убитъ герцогъ Беррійскій, то королевскій прокуроръ нашелъ нужнымъ предать С.-Симона суду, отчасти какъ нравственнаго сообщника въ убійствѣ, и отчасти вообще за непочтительное отношеніе къ королевскому дому. Присяжные оправдали С.-Симона, и онъ продолжалъ свою дѣятельность въ прежнемъ направленіи, и даже снова сдѣлалъ довольно чувствительное нападеніе на правительство въ брошурѣ «des Bourbons et des Stuarts» (Бурбоны и Стюарты), гдѣ, проводя параллель между этими домами, указываетъ Бурбонамъ въ будущемъ судьбу Стюартовъ. Организаторъ имѣлъ значительный успѣхъ, какъ во Франціи, такъ и заграницею; С.-Симонъ сдѣлался силою, которою пренебрегать было нельзя. И вотъ однажды къ нему является нѣсколько молодыхъ дворянъ и представляютъ ему, что идеи, развиваемыя имъ, совсѣмъ несогласны съ его знатнымъ происхожденіемъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что онъ принадлежитъ къ знаменитой фамиліи, и что ему принадлежитъ графскій титулъ, хотя онъ никогда не употребляетъ его. Но эти представленія не имѣли никакого успѣха.

Организаторъ видимымъ образомъ улучшилъ положеніе С.-Симона, поднялъ его значеніе. Въ это время между лицами, съ которыми онъ имѣлъ сношеніе, встрѣчаются такія, которыя занимали видное положеніе въ обществѣ, въ литературѣ или въ политическихъ партіяхъ, напр. Б. Констанъ, Беранже, П. Л. Курье, Руже де Л' Иль и друг. Въ «Промышленной системѣ, С.-Симонъ нѣсколько уклонился отъ главной» своей задачи. Принимая по прежнему, что управленіе страною должно принадлежать промышленникамъ, онъ уже указываетъ промышленникамъ опредѣленныя, такъ сказать, обязательныя задачи

въ управленіи государствомъ; по его мнѣнію ихъ, правительственная дѣятельность должна быть направлена главнымъ образомъ къ обезпеченію существованія пролетаріевъ и между прочимъ тѣхъ между ними, которые уже потеряли силы. Обезпеченіе это будетъ состоять въ постройкѣ домовъ призрѣнія для однихъ и въ публичныхъ работахъ въ обширныхъ размѣрахъ для другихъ, въ расчисткѣ необработанныхъ полей, въ осушеніи болотъ, въ постройкѣ новыхъ дорогъ и каналовъ и т. п. Такое уклоненіе было причиною (или быть можетъ, слѣдствіемъ) того, что С.-Симонъ мало по малу потерялъ расположеніе и поддержку своихъ покровителей изъ промышленнаго міра. Субсидіи, получаемыя имъ, прекратились; а собственными средствами изданія С.-Симона большею частью не покрывались; до такой степени успѣхи ихъ не простирались. Такимъ образомъ С.-Симонъ снова очутился въ невозможности печатать свои сочиненія. Собственныхъ средствъ у него было немного; и притомъ онъ тратилъ ихъ обыкновенно заранѣе, такъ что въ 1822 году ему нетолько не было возможности печатать свои сочиненія, но не на что было и жить. А издержки его жизни въ это время были значительнѣе, чѣмъ въ 1810 г.: въ это время у него было уже семейство, или по крайней мѣрѣ сожительница *, къ которой онъ повидимому былъ очень привязанъ. Въ началѣ 1823 года стѣсненное положеніе С.-Симона дошло до крайности; онъ еще разъ обратился къ своимъ покровителямъ, именно къ Терно, но, получивъ отказъ **, онъ оказался совершенно въ безвыходномъ положеніи и потому рѣшился посягнуть на самоубійство, предварительно написавъ Терно письмо, въ которомъ, высказывая свое уваженіе къ его благородному и филантропическому сердцу, поручалъ его вниманію женщину, съ

* Впослѣдствіи оказалось, что у С.-Симона была дочь, которая въ 1825 году была уже за-мужемъ, и притомъ за вторымъ. Но о происхожденіи этой дочери мы ничего не знаемъ; вѣрно только то, что та женщина, которую С.-Симонъ поручалъ вниманію Терно (см. ниже), не была ея матерью.

** Вѣроятно этотъ отказъ нужно объяснять тѣмъ, что въ это время собственныя дѣла Терно сильно пострадали благодаря измѣненію тарифа.

которою онъ жилъ. Послѣ этого онъ дѣйствительно зарядилъ пистолетъ охотничьею картечью и выстрѣлилъ себѣ въ лобъ. Но, безъ сомнѣнія, пистолетъ былъ заряженъ очень дурно; потому что С.-Симонъ остался живъ. Выстрѣлъ былъ такъ незначителенъ, что онъ лишилъ С.-Симона только глаза; и тотчасъ послѣ выстрѣла самъ С.-Симонъ могъ пойти къ сосѣду просить помощи. Это было въ маѣ 1823 года.—Послѣ того финансовыя обстоятельства С.-Симона опять на время поправились. Банкиры и промышленники, нехотѣвшіе помогать ему, послѣ этого покушенія сдѣлались внимательнѣе. Къ прежнимъ покровителямъ С.-Симона, Лафиту и Терно, присоединились другіе, (Бастеретъ и Ардуэнъ) которые всѣ вмѣстѣ сдѣлали довольно значительную подписку въ пользу С.-Симона, такъ что къ концу года онъ могъ издать «Политическій катихизисъ промышленниковъ» (Cathéchisme politique des industriels), въ которомъ онъ опять возвратился къ прежнему направленію; здѣсь подобострастный взглядъ на промышленниковъ доведенъ до самой высшей степени. С.-Симонъ доказываетъ, что промышленный классъ «имѣетъ способности, достаточныя для того, чтобы взять въ руки управленіе обществомъ, и что если онъ соединится, то легко можетъ, даже не прибѣгая къ насильственнымъ средствамъ освободиться отъ благородныхъ, военныхъ, отъ рентьеровъ, отъ легистовъ и метафизиковъ» *. Политическій катихизисъ промышленниковъ явился въ четырехъ выпускахъ. Третій выпускъ взялъ на себя составить Ог. Контъ, и издалъ его подъ именемъ «Системы позитивной политики» (Le système de politique positive). С.-Симонъ остался не вполнѣ доволенъ этимъ трудомъ, присоединилъ къ нему даже маленькое предисловіе съ своей стороны, въ которомъ, отдавая справедливость Ог. Конту, однако объявляетъ, что мысли Конта существеннымъ образомъ расходятся съ его мыслями, и именно вотъ въ какомъ отношеніи: въ системѣ С.-Симона «промыш-

* Гюб., стр. 96.

ленныя способности должны занимать первое мѣсто; имъ принадлежитъ право дѣлать оцѣнку всѣмъ другимъ способностямъ и направлять ихъ труды къ наибольшимъ выгодамъ промышленности. Способности научныя въ направленіи Платона и Аристотеля должны быть разсматриваемы промышленниками, какъ равныя относительно пользы, приносимой имъ, промышленникамъ, и потому промышленники должны воздавать имъ равное уваженіе и распредѣлять между ними поровну средства для дѣятельности. Вотъ наша главная идея, продолжаетъ С.-Симонъ: она существеннымъ образомъ отличается отъ идеи нашего у ч е н и к а, который сталъ на точку зрѣнія, принимаемую въ наше время Академіею наукъ физическихъ и математическихъ, и потому способностямъ аристотелевскимъ онъ отдалъ явное предпочтеніе передъ спиритуализмомъ, передъ способностями промышленными и философическими» *. Мы не можемъ опредѣлить, на сколько С.-Симонъ имѣетъ право называть О. Конта своимъ ученикомъ; мы не можемъ ясно представить себѣ всѣхъ вопросовъ, въ которыхъ они соглашались и не соглашались; но тотчасъ послѣ этого изданія системы позитивной политики, О. Контъ совсѣмъ разошелся съ С.-Симономъ. Все это дѣло остается нѣсколько темнымъ. Что касается до воззрѣнія С.-Симона и О. Конта на относительное значеніе различныхъ сословій въ государствѣ, мысли, высказанныя объ этомъ С.-Симономъ, находятся въ прямомъ противорѣчіи съ мыслями О. Конта, С.-Симонъ, соотвѣтственно значенію, которое онъ придаетъ сословію промышленниковъ, отдаетъ въ ихъ руки управленіе обществомъ, тогда какъ О. Контъ подобное значеніе приписываетъ способностямъ аристотелевскимъ, т. е. ученымъ, занимающимся науками положительными. Мало того, мысли, высказываемыя теперь С.-Симономъ, прямо противорѣчатъ тому, что самъ онъ только что утверждалъ. Прежде С.-Симонъ прямо сказалъ, что промышленники должны отдѣлаться отъ легистовъ и метафизиковъ. А теперь легисты и метафизики оказываются людьми полезными, которымъ про-

* Тамъ же, 100.

мышленники должны давать средства для дѣятельности, потому что легисты и метафизики ничто иное, какъ научныя способности въ духѣ Аристотеля и Платона.

Удаленіе О. Конта въ скоромъ времени было вознаграждено другими учениками или, правильнѣе, почитателями, которые однако не могли замѣнить О. Конта ни талантомъ, ни образованіемъ. Новыми почитателями С.-Симона были Л. Галеви, докторъ Бальи и Дювержье, которые сблизились съ С.-Симономъ уже въ 1824 г. Нѣсколько раньше, еще до удаленія О. Конта, С.-Симонъ пріобрѣлъ наиболѣе усерднаго изъ своихъ учениковъ и почитателей, Оленда Родрига, съ которымъ онъ познакомился у банкира Ардуэна. Съ ихъ помощью С.-Симонъ издалъ уже въ началѣ 1825 года новый сборникъ подъ названіемъ: «Opinions littéraires, philosophiques et industrielles» (Литературныя, философическія и промышленныя мнѣнія). Это—собраніе статей, относящихся къ промышленности, философіи, искусствамъ, написанныхъ лицами, окружавшими въ это время С.-Симона, и отчасти имъ самимъ. Самъ онъ доказывалъ, что соціальная организація среднихъ вѣковъ была выше сравнительно съ соціальною организаціею древняго міра, и что французскіе крестьяне и вообще рабочіе своимъ поведеніемъ во время революціи доказали, что они уже на столько образованы, что могутъ участвовать въ управленіи государствомъ; мысль, идущая опять въ разрѣзъ съ тѣмъ, что С.-Симонъ говорилъ прежде *. Въ томъ же году еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ появился новый и послѣдній трудъ С.-Симона «Новое христіанство» (Nouveau christianisme), трудъ, почитаемый его учениками наиболѣе важнымъ, какъ послѣднее слово учителя, въ которомъ онъ завершаетъ свою систему, даетъ ей оконченный видъ. — Въ скоромъ времени, уже въ маѣ того же года, С.-Симонъ скончался. Передъ смертью онъ обдумывалъ проектъ новаго изданія, которое должно было выходить періодически. Это былъ

* Въ Письмахъ женевскаго обитателя. (См. ниже стр. 312).

«Производитель» (Le producteur), который дѣйствительно сталъ выходить, но уже послѣ его смерти. Послѣднія слова его, обращенныя къ ученикамъ были слѣдующія: «Уже впродолженіе 12 дней я занимаюсь, господа, тѣмъ, чтобы указать вамъ средства сдѣлать ваши усилія въ этомъ предпріятіи (т. е. въ изданіи журнала) наиболѣе полезными, и вотъ уже три часа, какъ я стараюсь изложить вамъ вкратцѣ мои мысли объ этомъ предметѣ. Въ настоящее время я могу сказать вамъ: вы являетесь въ такое время, въ которое согласныя усилія должны имѣть большой успѣхъ: груша поспѣла; вы можете ее сорвать. Послѣдняя часть моихъ трудовъ «Новое христіанство» не будетъ тотчасъ понято. Нѣкоторые думали, что всякая система религіозная должна исчезнуть, потому что доказана дряхлость католицизма. Но это большая ошибка: религія не можетъ покинуть міръ: она только перемѣняетъ видъ. Родригъ, не забывайте этого и помните, что нужно дѣйствовать съ увлеченіемъ, чтобы дѣлать великія дѣла... Вся моя жизнь резюмируется въ одну мысль: обезпечить людямъ свободное развитіе ихъ способностей». Произошло минутное молчаніе, послѣ котораго умирающій сказалъ: «черезъ двое сутокъ послѣ второй нашей публикаціи участь рабочихъ будетъ устроена: будущность принадлежитъ намъ». Сказавши это, онъ положилъ руку на голову и умеръ —Съ такими подробностями ученики занесли въ свои записки разсказъ о смерти этого новаго Сократа, или даже болѣе, этого величайшаго изъ пророковъ.

Вотъ все, что извѣстно о жизни С.-Симона. Жизнь его представляетъ рядъ перемѣнъ, можно сказать даже превращеній весьма поразительныхъ. Мы видѣли, что С.-Симонъ мало по малу изъ предпріимчиваго полковника французской службы превратился въ неменѣе предпріимчиваго философа, рѣшителя судебъ человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ въ пророка. Какимъ

образомъ и почему произошло это превращеніе, какія были причины, произведшія его и опредѣлившія его характеръ?— Этотъ вопросъ едвали можно рѣшить положительнымъ образомъ; все, что возможно здѣсь, это большая или меньшая психологическая вѣроятность. И этимъ вопросомъ мы займемся послѣ, а теперь обратимся къ самымъ сочиненіямъ С.-Симона, изученіе которыхъ намъ полнѣе уяснитъ воззрѣнія и стремленія его въ различные періоды его жизни.

Мы обратимъ вниманіе только на важнѣйшія сочиненія С.-Симона, а именно на такія, въ которыхъ онъ говоритъ что-нибудь новое, въ которыхъ обозначаются наиболѣе существенныя перемѣны, происходившія въ воззрѣніяхъ автора.

Какъ мы уже отчасти видѣли, различныя направленія въ ученіи С.-Симона относятся ко времени изданія слѣдующихъ сочиненій 1) «Писемъ женевскаго обитателя»; 2) «Введенія въ научные труды XIX вѣка»; 3) «Реорганизаціи системы Европы»; 4) журналовъ «Промышленности, политика и организатора»; 5) «Мнѣній литературныхъ, философскихъ и промышленныхъ» и наконецъ 6) «Новаго христіанства». И между этими трудами одни имѣютъ характеръ почти исключительно ученый или политическій, другія—болѣе экономическій и вообще соціальный. На эти послѣдніе мы и обратимъ наше вниманіе. Къ нимъ относятся только «Письма женевскаго обитателя», статьи помѣщенныя въ трехъ названныхъ журналахъ и «Новое христіанство». Изучая ихъ, мы постараемся указать что въ нихъ есть такого, что позволяло бы смотрѣть на нихъ, какъ на средство противъ общественныхъ золъ, и потомъ, на сколько они согласны и несогласны между собою.

«Письма женевскаго обитателя»-самое первое сочиненіе С.-Симона, вмѣстѣ съ тѣмъ отличается наибольшею смѣлостью въ проектѣ соціальной реформы. И эта смѣлость является здѣсь не какъ отличительная черта юношескаго возраста автора; въ юности С.-Симонъ ничего не писалъ; «Письма обитателя Женевы» явились тогда, когда уже ему было 42 года, а самъ онъ выдаетъ свой проектъ, какъ произведеніе зрѣлаго возраста и долгой умственной работы.

«Я уже не молодъ, такъ начинаетъ С.-Симонъ, я много наблюдалъ и разсуждалъ въ теченіе своей жизни, и цѣлью моихъ трудовъ было ваше благополучіе. Я выдумалъ проектъ, который, мнѣ кажется, будетъ вамъ * очень полезенъ, почему я вамъ его и представляю.»

Вотъ въ чемъ состоитъ проектъ.

«Откройте подписку, пишетъ С.-Симонъ, передъ гробницею Ньютона; подписывайтесь всѣ безъ различія на какую кому угодно сумму.

«И пусть всякій подписчикъ назоветъ трехъ математиковъ, трехъ физиковъ, трехъ химиковъ, трехъ физіологовъ, трехъ литераторовъ, трехъ живописцевъ и трехъ музыкантовъ.

«Каждый годъ возобновляйте подписку, равно какъ и выборъ, но оставьте всякому неограниченную свободу выбирать тѣ же самыя лица.

«Раздѣлите сумму подписки между тремя математиками, тремя физиками и проч., которые получатъ больше голосовъ.

«Просите президента лондонскаго королевскаго общества принять подписку этого года. Въ слѣдующемъ году поручите это почтенное дѣло лицу, которое сдѣлаетъ самую большую подписку.

«Потребуйте отъ тѣхъ, кого вы выберете, чтобы они не принимали ни мѣстъ, ни почестей, ни денегъ, ни отъ какой части васъ самихъ, но оставьте ихъ полными господами своихъ силъ, чтобы они могли употреблять ихъ, какъ они сами разсудятъ.

«Въ такомъ случаѣ, геніальные люди будутъ пользоваться наградою, достойною себя; и эта награда дастъ имъ возможность оказать вамъ всѣ тѣ услуги, къ которымъ они способны; она сдѣлается предметомъ честолюбія душъ самыхъ энергическихъ.

---

* Авторъ адресуется къ своимъ современникамъ вообще.

«Это отвратитъ ихъ отъ направленія, вреднаго для вашего спокойствія.

«Наконецъ, этою мѣрою вы дадите начальниковъ тѣмъ, которые заботятся о прогрессѣ вашего просвѣщенія; вы облечете этихъ начальниковъ необыкновеннымъ уваженіемъ, и вы дадите въ ихъ распоряженіе большія денежныя средства».

Въ этомъ состоитъ все первое письмо женевскаго обитателя. Къ нему приложенъ отвѣтъ, написанный будто бы другомъ. Отвѣтъ, собственно говоря, есть ни что иное, какъ похвала проекту и объясненіе его тѣми основаніями, на которыхъ онъ построенъ.

Дальше слѣдуетъ второе письмо, которое по крайней-мѣрѣ столь же интересно, какъ и первое. Оно состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой С. Симонъ, раздѣливъ весь народъ на три категоріи, на ученыхъ (относя сюда артистовъ и всѣхъ людей съ «либеральными идеями»), собственниковъ и простой народъ, старается убѣдить каждую изъ этихъ категорій въ полезности своего проекта Легко понять, что ему очень нетрудно убѣждать въ этомъ первую категорію, оттого и убѣжденія, которыя С.-Симонъ адресуетъ къ ней, недлинны. Гораздо длиннѣе убѣжденія, относящіяся ко второй категоріи—къ собственникамъ; на нихъ старается дѣйствовать С.-Симонъ главнымъ образомъ тѣмъ, что показываетъ имъ въ перспективѣ революцію, въ случаѣ, если они не согласятся принять его проектъ. При этомъ онъ касается французской революціи и временъ, послѣдовавшихъ за нею; замѣчательно отношеніе въ этомъ письмѣ къ Бонапарту. «Франція—говоритъ онъ—послѣ революціи могла быть реорганизована только геніальнымъ человѣкомъ; Бонапартъ предпринялъ это дѣло и успѣлъ въ немъ». Это писано въ 1802 году, когда Бонапартъ былъ первымъ консуломъ. Убѣждая простой народъ, С.-Симонъ сначала объясняетъ ему значеніе разныхъ наукъ, говоритъ о содержаніи ихъ и о цѣли. Главнымъ доказательствомъ для С.-Симона въ его аргументаціяхъ простому народу служитъ эвдемонизмъ, приспособленный къ понятіямъ народа.

«Въ Англіи—говоритъ онъ—много ученыхъ. И образованные англичане имѣютъ болѣе уваженія къ ученымъ, нежели къ королямъ. Тамъ всякій умѣетъ читать, писать и считать; и вотъ что отъ этого происходитъ, друзья мои: въ этой странѣ рабочіе въ городахъ и даже деревняхъ ѣдятъ говядину всякій день. Въ Россіи, когда какой-нибудь ученый не нравится императору, ему тотчасъ рѣжутъ носъ и уши (?) и ссылаютъ въ Сибирь. Въ Россіи крестьяне столь же невѣжественны, какъ лошади; и что же, друзья мои! русскіе крестьяне плохо одѣты, плохо ѣдятъ и получаютъ много палочныхъ ударовъ». Послѣ всего этого, очевидно, народъ долженъ понять полезность проекта С.-Симона, посредствомъ котораго онъ старается распространить образованіе въ его массѣ Дальше С.-Симонъ приводитъ другое, столь же поразительное доказательство.

«Вы говорите— пишетъ онъ—что вы въ десять, въ двадцать разъ многочисленнѣе, чѣмъ собственники, и несмотря на то, собственники гораздо больше господствуютъ надъ вами, чѣмъ вы надъ ними. Я вполнѣ понимаю, какъ это вамъ непріятно; но замѣтьте, что собственники, будучи слабѣе васъ числомъ, гораздо сильнѣе васъ образованіемъ, а для общаго блага господство должно быть распредѣлено пропорціонально образованію Вспомните, что произошло во Франціи, когда ваши товарищи господствовали (то-есть во время революціи): они произвели въ ней голодъ».

Итакъ, «подписывайтесь, друзья мои; какъ ни малы будутъ суммы, на которыя вы будете подписываться, общая сумма будетъ все-таки велика, потому что васъ самихъ-то очень много».

Убѣдивши всѣ классы народа въ пользѣ своего проекта касательно общей подписки для содержанія ученыхъ и артистовъ, С.-Симонъ обращается ко всѣмъ имъ вмѣстѣ и проектируетъ имъ планъ общаго государственнаго устройства. По этому плану, «духовная власть должна находиться въ рукахъ ученыхъ, свѣтская въ ру-

кахъ собственниковъ, а право выбирать людей, призванныхъ къ исполненію обязанности великихъ начальниковъ человѣчества—въ рукахъ всего народа. Наградою правителямъ должно быть уваженіе гражданъ». Нетрудно замѣтить, что въ этомъ изложеніи идей касательно устройства государства является какая-то неровность; проектъ не развивается изъ какихъ-нибудь основаній, а появляется разными своими частями, въ видѣ скачковъ, совершенно неожиданно. Но это, повидимому, нужно объяснить тѣмъ, что авторъ говоритъ подъ вліяніемъ вдохновенія или даже откровенія.

«Въ прошедшую ночь—такъ продолжаетъ онъ—я слышалъ такія слова, и т. д.», и вслѣдъ затѣмъ С.-Симонъ начинаетъ развивать подробности своего плана касательно государственнаго устройства. Эти подробности, эти слова, слышанныя С.-Симономъ, слѣдующія:

«Римъ откажется отъ претензіи быть столицею моей религіи; папа, кардиналы, епископы и священники перестанутъ говорить отъ моего имени, и люди будутъ стыдиться того несчастія, которое они допустили, позволяя людямъ столь непредусмотрительнымъ представлять меня».

«Я запретилъ Адаму различать добро и зло, но онъ меня не послушался; я изгналъ его изъ рая, но я далъ его потомству средство успокоить мой гнѣвъ; пусть оно старается гораздо полнѣе узнать добро и зло, и я улучшу его долю, и придетъ время, когда я всю землю превращу въ рай».

«Всѣ, которые учреждали какія-нибудь религіи, дѣлали это по моей волѣ; но они плохо поняли наставленія, данныя имъ мною».

Дѣло въ томъ, что они перестали превосходить другихъ людей знаніемъ; въ знаніи, какъ видно, вся сила; и вслѣдствіе этого, люди болѣе знающіе послѣдовательно замѣняли своихъ предшественниковъ въ руководствѣ людьми. Въ прошломъ столѣтіи между учеными людьми, наибольшую репутацію имѣлъ Ньютонъ; для конца XVIII вѣка онъ былъ тѣмъ же, чѣмъ для грековъ послѣдняго времени былъ Платонъ—totius

Graeciae sapientissimus; недаромъ эти два имени соединены въ извѣстномъ стихѣ. С.-Симонъ имѣлъ особенное уваженіе къ Ньютону, выраженное имъ не разъ. И потому вотъ какъ начинаетъ говорить тотъ, чьи слова С.-Симонъ слышалъ ночью:

«Узнай, что я помѣстилъ Ньютона рядомъ съ собою, что я поручилъ ему руководство свѣтомъ и управленіе жителями всѣхъ планетъ».

«Собраніе избранныхъ отъ всего человѣчества въ числѣ 21 человѣка* получитъ имя совѣта Ньютона. Этотъ совѣтъ будетъ представлять меня на землѣ; онъ раздѣлитъ человѣчество на четыре отдѣленія, которыя будутъ называться: англійское, французское, нѣмецкое и итальянское. Каждое изъ этихъ отдѣленій будетъ имѣть совѣтъ, составленный подобно совѣту главному. Всякій человѣкъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, причислится къ одному изъ этихъ отдѣленій и будетъ подписываться въ пользу совѣта главнаго и совѣта своего отдѣленія.

«Женщины будутъ допущены къ подпискѣ; онѣ могутъ быть и выбираемы.

«Послѣ смерти вѣрные будутъ имѣть судьбу, которой они заслужатъ при жизни**.

«Члены совѣта отдѣленія могутъ принимать свои должности только съ утвержденія главнаго совѣта. Этотъ совѣтъ не допуститъ тѣхъ, кого онъ найдетъ ниже уровня трансцендентныхъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ имъ въ той части, для которой онъ будетъ избранъ.

---

* Это число составляется изъ семи разрядовъ ученыхъ и художниковъ, въ пользу которыхъ всякій долженъ подписываться. Такъ какъ подписка идетъ въ пользу 3 человѣкъ изъ каждаго разряда, то общее число ихъ равняется 21.

** Пусть читатели не подумаютъ, что скачки, заключающіеся въ приводимыхъ мѣстахъ и въ особенности въ двухъ послѣднихъ предложеніяхъ, происходятъ оттого, что мы дѣлаемъ пропускъ. Мы приводимъ все это мѣсто вполнѣ, скачки принадлежатъ автору, который, очевидно, находился подъ вліяніемъ вдохновенія, дѣлающаго теченіе его мыслей неправильнымъ.

«Обитатели всякой части земнаго шара, каковы бы ни были ея положеніе и ея размѣры, могутъ во всякое время составить изъ себя подраздѣленіе одного изъ отдѣленій и избрать свой особенный совѣтъ Ньютона.

«Каждый совѣтъ будетъ раздѣляться на двѣ части: первая часть составится изъ четырехъ первыхъ классовъ (то-есть изъ математиковъ, физиковъ, химиковъ и физіологовъ, всѣхъ, по три); вторая часть —изъ трехъ послѣдующихъ классовъ (литераторовъ, живописцевъ и музыкантовъ)».

Предсѣдателемъ всего совѣта или первой его части будетъ математикъ, «получившій на свою долю больше голосовъ». Предсѣдателемъ второй части—литераторъ.

«Всякій совѣтъ построитъ храмъ, который будетъ заключать въ себѣ мавзолей въ честь Ньютона. Этотъ храмъ будетъ состоять изъ двухъ частей: одна, содержащая мавзолей, будетъ украшена всѣмъ, что артисты могутъ изобрѣсти; другая будетъ построена и украшена такъ, чтобы она могла дать людямъ понятіе о вѣчномъ пребываніи, назначенномъ для тѣхъ, которые будутъ вредить успѣхамъ наукъ и искуствъ (?).

«Всѣ заслуги предъ человѣчествомъ, всѣ дѣйствія, особенно полезныя для распространенія вѣры, будутъ награждаемы: совѣтъ будетъ собираться и назначать почести.

«Будутъ введены особые знаки для членовъ совѣтовъ и для особъ, выбранныхъ ими.

«Всякій вѣрный, который будетъ жить отъ храма менѣе, нежели въ разстояніи одного дня пути, одинъ разъ въ году долженъ войти въ мавзолей Ньютона черезъ отверстіе, предназначенное для этого; дѣти будутъ сюда приносимы въ возможно скоромъ времени послѣ рожденія.

«Если Ньютомъ найдетъ нужнымъ, для исполненія моихъ намѣреній, перенести смертнаго, вошедшаго въ его мавзолей, на другую планету, то онъ это сдѣлаетъ.

«Въ окрестностяхъ храма будутъ построены лабораторіи, мастерскія и школа.

«Человѣкъ, облеченный великою властью, будетъ основателемъ этой религіи; въ награ-

ду за это онъ будетъ имѣть право входить во всѣ совѣты и предсѣдательствовать въ нихъ. Онъ будетъ пользоваться этимъ правомъ впродолженіе всей жизни, а по смерти онъ будетъ погребенъ въ мавзолеѣ Ньютона.

«Всѣ люди будутъ трудиться; они будутъ смотрѣть на себя, какъ на работниковъ, причисленныхъ къ мастерской, которыхъ труды имѣютъ цѣлью приблизить человѣческое пониманіе къ моему божественному предвѣдѣнію. Главный совѣтъ Ньютона будетъ направлять работы; онъ употребитъ всѣ усилія для того, чтобы вполнѣ понять дѣйствія всеобщаго тяготѣнія; въ немъ заключается единственный законъ, которому я подчинилъ вселенную.

«Послѣ образованія совѣта главнаго и совѣтовъ по отдѣленіямъ, бичъ войны навсегда оставитъ Европу.

«Узнай, что европейцы—дѣти Авеля; узнай: что Азія и Африка населены потомками Каина. Смотри, какъ кровожадны эти африканцы, какъ беззаботны азіаты; эти нечистые люди не хотѣли продолжать своихъ первыхъ усилій, сдѣланныхъ ими для сближенія съ моимъ божественнымъ предвѣдѣніемъ. Европейцы соединятъ свои силы, они освободятъ своихъ братьевъ-грековъ отъ господства турокъ. Основатель религіи будетъ главнокомандующимъ всей арміи вѣрныхъ. Эта армія подчинитъ дѣтей Каина религіи и устроитъ по всей землѣ заведенія, необходимыя для безопасности членовъ совѣтовъ Ньютона въ ихъ путешествіяхъ, которыя они найдутъ полезными для успѣховъ ума человѣческаго».

«Этимъ оканчивается видѣніе и вмѣстѣ съ нимъ второе письмо. Въ третьемъ письмѣ С.-Симонъ прибавляетъ нѣкоторыя замѣтки относительно видѣнія, называя слова, слышанныя имъ, словами самого Бога и, кромѣ того, дѣлаетъ прибавки, касательно обязанности трудиться для каждаго обитателя новаго государства.

«Всякій обязанъ давать своимъ личнымъ силамъ направлевлен.е, полезное для человѣчества; руки бѣднаго будутъ продолжать питать богатаго; но бога-

тый получаетъ повелѣніе работать мозгомъ; если же его мозгъ неспособенъ къ этой работѣ, то онъ обязанъ работать руками, потому что Ньютонъ, безъ сомнѣнія, не оставитъ на этой планетѣ, одной изъ ближайшихъ къ солнцу, работниковъ произвольно безполезныхъ въ мастерской» *

Очевидно, что идеи, изложенныя С.-Симономъ въ этихъ трехъ письмахъ женевскаго обитателя, даже для него самого не вполнѣ уяснены. Слѣдуя второму письму, собственникамъ должна принадлежать власть свѣтская; но на что будетъ простираться свѣтская власть, это совсѣмъ не указано. Ей даже не остается никакого дѣла, никакой цѣли, послѣ того, какъ авторъ предоставилъ Ньютонову совѣту, духовной власти, направленіе работъ. Эти два слова значеніемъ своимъ захватываютъ всю жизнь. Свѣтская власть не только не можетъ имѣть какое-нибудь самостоятельное значеніе, она оказывается въ полномъ подчиненіи у Ньютонова совѣта, потому что всѣ люди должны трудиться, работать головою или руками и работать по указаніямъ власти духовной.—Очевидно, свѣтская власть, власть собственниковъ, никакъ не вяжется съ смысломъ проекта, съ его общностью, суммою.

Еще не вяжется съ проектомъ роль основателя религіи, человѣка, облеченнаго великою властью, который вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ предводителемъ военныхъ силъ человѣчества Куда его отнести, къ какимъ властямъ: къ духовнымъ или свѣтскимъ? и вслѣдствіе чего онъ будетъ облеченъ властью. вслѣдствіе ли выбора или вслѣдствіе владѣнія собственностью? Весьма вѣроятно то, что подъ этимъ человѣкомъ, облеченнымъ великою властью, С.-Симонъ разумѣлъ перваго консула, надѣясь, что онъ, увлеченный перспективою погребенія въ мавзолеѣ, приведетъ въ исполненіе проектъ С.-Симона, подобно тому, какъ Гаррингтонъ надѣялся, что его Олфай Мегалеторъ, т.-е. Кромвель, приведетъ въ исполненіе проектированную

---

* Гюб., стр. 117—146.

имъ конституцію Океаны. Но Гаррингтонъ далеко не такъ разошелся съ дѣйствительностью, какъ С.-Симонъ. Еслибы Кромвель дѣйствительно захотѣлъ осуществить его проектъ, онъ могъ бы это сдѣлать. А Бонапартъ, еслибы даже и захотѣлъ, то при всемъ своемъ могуществѣ не могъ бы раздѣлить всю Европу на 4 отдѣленія, тѣмъ болѣе, что въ каждомъ отдѣленіи ему нужно было бы вводить однообразную и совершенно новую религію *. А затѣмъ, слѣдовало бы вводить новые порядки экономическіе, потому что въ проектѣ С.-Симона они очевидно не тѣ, которые господствуютъ въ Европѣ: у С.-Симона человѣкъ теряетъ право на свое состояніе, если онъ не умнѣе другихъ, работающихъ руками; безъ сомнѣнія, не иначе нужно понимать то, что по проекту С.-Симона богатый, неспособный работать умомъ, обязанъ заниматься механическимъ трудомъ. Вообще, этотъ проектъ С.-Симона, несмотря на свою незаконченность, даже неопредѣленность, не избѣжалъ самыхъ существенныхъ противорѣчій, не говоря о томъ, что онъ никакими трудностями и даже невозможностями не стѣсняется.

Но очевидно, что онъ не составляетъ шутки или литературнаго упражненія, потому что, въ сущности, онъ имѣетъ нѣчто общее съ тѣми отремленіями, которыя С.-Симонъ имѣлъ въ концѣ своей жизни. Между тѣмъ, нельзя забывать и того, что въ 1808 году самъ С.-Симонъ, говоря о своей литературной дѣятельности, упоминаетъ о «Введеніи въ ученые труды XIX вѣка», какъ о первомъ своемъ трудѣ. Ученики его впослѣдствіи объясняли это тѣмъ, что онъ въ это время (въ 1808 г.) желалъ выяснить, главнымъ образомъ, научную сторону своей системы, оставляя пока безъ разработки сторону религіозную. Но намъ кажется, что гораздо вѣроятнѣе то предположеніе, что С.-Симонъ, какъ человѣкъ въ высшей степени увлекающійся,

*. Эту религію можно назвать ньютонизмомъ, потому что въ ней Ньютонъ является вполнѣ вторымъ Магометомъ, такъ что къ нему можно приложить слова: нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Ньютонъ пророкъ его. Очевидно, ввести это второе магометанство нетолько во Франціи, но и въ Англіи, въ Германіи, въ Италіи и во всей остальной Европѣ у перваго консула не достало бы силъ.

сначала увлекся однимъ дѣломъ, а потомъ другимъ. И очень вѣроятно, что въ первомъ случаѣ онъ увлекся довольно распространенною въ то время, особенно въ правительственныхъ кружкахъ, теофилантропическою школою, однимъ изъ представителей которой былъ директоръ Ла-Ревейеръ-Лепо. Вообще въ то время, послѣ революціоннаго невѣрія, въ обществѣ была наклонность къ деизму, къ религіи вообще и даже къ католичеству, вслѣдствіе чего первый консулъ и заключилъ конкордатъ съ папою. Повидимому, вслѣдствіе этого и сочиненіе С.-Симона, явившееся въ то время, отмѣчено, главнымъ образомъ, характеромъ религіознымъ. И очень вѣроятно, что отреченіе С.-Симона отъ этого произведенія произошло отъ того, что онъ самъ увидѣлъ его несообразности и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не сознавать, что смыслъ его находится въ прямомъ противорѣчіи съ послѣдующими его же собственными стремленіями.

Послѣ возвращенія Бурбоновъ, какъ мы видѣли, С.-Симонъ занялся вопросомъ о значеніи промышленности, чему съ этого времени онъ почти исключительно посвятилъ свою дѣятельность. Мы видѣли также, что значеніе ея онъ преувеличилъ; мало того, онъ относился къ представителямъ промышленнаго міра съ подобострастіемъ, мало понятнымъ у человѣка, искренно занятаго исканіемъ истины и дѣйствительно стремящагося разрѣшить соціальный вопросъ.—Посмотримъ теперь, на чемъ основывалъ С.-Симонъ свое ученіе о значеніи промышленности, какъ пришелъ онъ къ своимъ положеніямъ.

Наиболѣе характеристическимъ сочиненіемъ его изъ этого времени была Парабола, за которую онъ былъ преданъ суду.

Это сочиненіе блещетъ остроуміемъ, и этому оно обязано своею извѣстностью; кто разъ прочиталъ его, тотъ не можетъ забыть его никогда. Въ немъ наглядным образомъ С.-Симонъ выводитъ главныя основанія своего ученія о значеніи промышленности.

«Мы предполагаемъ, говоритъ С.-Симонъ, что Франція вдругъ потеряетъ своихъ 50 первыхъ физиковъ, своихъ 50 первыхъ химиковъ, своихъ 50 первыхъ физіологовъ, своихъ 50 первыхъ математиковъ, своихъ 50 первыхъ поэтовъ, своихъ 50 первыхъ живописцевъ, своихъ 50 первыхъ скульпторовъ, своихъ 50 первыхъ музыкантовъ, своихъ 50 первыхъ литераторовъ, своихъ 50 первыхъ механиковъ, инженеровъ гражданскихъ и военныхъ, артиллеристовъ, архитекторовъ, медиковъ, хирурговъ, фармацевтовъ, моряковъ, часовщиковъ, банкировъ, своихъ 200 первыхъ негоціантовъ, 600 — земледѣльцевъ, 50 — кузнецовъ, оружейниковъ, кожевниковъ, красильщиковъ, рудокоповъ, фабрикантовъ сукна, фабрикантовъ хлопчато-бумажныхъ матерій, фабрикантовъ шелковыхъ матерій, фабрикантовъ полотна, фабрикантовъ фаянса и фарфора, фабрикантовъ хрусталя и стекла, арматоровъ, перевозчиковъ, типографщиковъ, гравёровъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, каменщиковъ, плотниковъ, столяровъ, слесарей, ножевщиковъ, литейщиковъ, и сотни другихъ лицъ различныхъ профессій, здѣсь необозначенныхъ, лицъ наиболѣе способныхъ въ наукахъ, искуствахъ и ремеслахъ — всего 3.000 человѣкъ первыхъ ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ».

«Такъ-какъ эти люди суть французы наиболѣе производящіе, тѣ, которые даютъ произведенія самыя лучшія, тѣ, которые руководятъ трудами наиболѣе полезными для націи, которые дѣлаютъ ее производительною въ наукахъ, искуствахъ и ремеслахъ, то они составляютъ дѣйствительно цвѣтъ французскаго общества; они самые полезные для своей страны французы, которые ее всего болѣе прославляютъ, которые даютъ движеніе ея цивилизаціи, равно какъ ея благосостоянію: нація сдѣлается тѣломъ безъ души въ тотъ моментъ, какъ она потеряетъ ихъ; она упадетъ въ состояніе низшее сравнительно съ тѣми націями, съ которыми она теперь соперничаетъ, и она останется ниже ихъ до тѣхъ поръ, пока не вознаградитъ своей потери, пока у нея не выростетъ голова. И ей нужно будетъ, по

крайней мѣрѣ, цѣлое поколѣніе, чтобы вознаградить свою потерю.

«Перейдемъ къ другому предположенію. Допустимъ, что Франція сохраняетъ всѣхъ геніальныхъ людей, которыхъ она имѣетъ въ наукахъ, искуствахъ и ремеслахъ, но что она имѣетъ несчастіе потерять въ одинъ день Мосьё-королевскаго брата, монсеньёра герцога Ангулемскаго, монсеньёра герцога Беррійскаго, монсеньёра герцога Орлеанскаго, монсеньёра герцога Бурбонскаго, герцогиню Ангулемскую, герцогиню Беррійскую, герцогиню Орлеанскую, герцогиню Бурбонскую, и мадемуазель Конде. И пусть она потеряетъ въ то же время всѣхъ великихъ офицеровъ короны, всѣхъ министровъ государства, съ департаментомъ или безъ департамента, всѣхъ государственныхъ совѣтниковъ, всѣхъ рекетмейстеровъ, маршаловъ, кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ, великихъ викаріевъ и канониковъ, всѣхъ префектовъ и подпрефектовъ, всѣхъ чиновниковъ министерствъ, всѣхъ судей, и кромѣ того десять тысячъ собственниковъ самыхъ богатыхъ изъ тѣхъ, которые ведутъ благородный образъ жизни.

«Этотъ несчастный случай, безъ сомнѣнія, весьма опечалитъ французовъ, потому что они добры, потому что они не могутъ хладнокровно видѣть внезапное исчезновеніе столь большаго числа своихъ соотечественниковъ. Но эта потеря тридцати тысячъ человѣкъ, считаемыхъ самыми важными въ государствѣ, причинитъ имъ печаль по причинамъ, исключительно зависящимъ отъ ихъ чувствительности, потому что изъ этого несчастнаго случая не произойдетъ никакого политическаго зла для государства.

«Во-первыхъ, потому что будетъ очень легко замѣстить всѣ эти мѣста, сдѣлавшіяся вакантными: есть множество французовъ, которые были бы въ состояніи столь же хорошо исполнять обязанности королевскаго брата, какъ и Мосьё; многіе столь же способны замѣнить мѣста принцевъ, какъ и монсеньёръ герцогъ Ангулемскій, монсеньёръ герцогъ Орлеан-

скій, монсеньёръ герцогъ Бурбонскій; многія француженки были бы столь же хорошими принцессами, какъ герцогиня Ангулемская, какъ герцогиня Беррійская, какъ герцогиня Орлеанская, Бурбонская и Конде.

«Прихожія замка наполнены придворными, готовыми занять мѣста великихъ офицеровъ короны; армія имѣетъ множество военныхъ, которые были бы столь же хорошими предводителями войска, какъ нынѣшніе маршалы. Какъ много прикащиковъ (commis), которые стоятъ нашихъ государственныхъ министровъ! Какъ много администраторовъ, болѣе способныхъ управлять дѣлами департаментовъ, чѣмъ наши префекты и подпрефекты! Какъ много адвокатовъ, столь же хорошихъ законовѣдовъ, какъ и наши судьи! Какъ много приходскихъ священниковъ, столь же способныхъ, какъ наши кардиналы, наши архіепископы, епископы, великіе викаріи и каноники! Что же касается до десяти тысячъ собственниковъ, живущихъ благороднымъ образомъ, ихъ наслѣдники не имѣли бы нужды ни въ какомъ ученьи, чтобы дѣлать въ своихъ салонахъ пріемы гостей столь же хорошо, какъ и они сами.

«Благосостояніе Франціи не можетъ имѣть мѣста иначе, какъ вслѣдствіе успѣха наукъ, искуствъ и ремеслъ; но принцы, великіе офицеры короны, епископы, маршалы Франціи, префекты и праздные собственники не трудятся прямымъ образомъ для успѣха наукъ, искуствъ и ремеслъ; мало того, они даже вредятъ успѣху ихъ, потому что усиливаются продолжать перевѣсъ предположительныхъ теорій надъ знаніями положительными; они необходимо вредятъ благосостоянію націи, лишая ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ первой степени уваженія, которая имъ принадлежитъ законнымъ образомъ; они ему вредятъ потому, что употребляютъ свои денежныя средства такимъ способомъ, который прямымъ путемъ не полезенъ для наукъ, искуствъ и ремеслъ; они ему вредятъ потому, что изъ налоговъ, платимыхъ народомъ, они ежегодно берутъ отъ трехъ до четырехсотъ милльоновъ подъ именемъ

жалованья, пансіоновъ, наградъ, вознагражденій и т. п. въ плату за свои труды, которые безполезны для націи».

Все это, по мнѣнію С.-Симона, доказываетъ, что современное общество имѣетъ порядокъ совершенно превратный, «потому что нація допустила, какъ основной принципъ, то, что бѣдные должны быть великодушны относительно богатыхъ, вслѣдствіе чего люди недостаточные ежегодно лишаютъ себя необходимаго, чтобы увеличить излишекъ большихъ собственниковъ; потому что наиболѣе виновные, всеобщіе воры, тѣ, которые давятъ всю массу гражданъ, которые отнимаютъ у нихъ отъ трехъ до четырехсотъ мильйоновъ ежегодно, имѣютъ обязанность наказывать незначительные проступки противъ общества; потому что невѣжество, суевѣріе, лѣность и склонность къ удовольствіямъ составляютъ принадлежность лицъ, поставленныхъ во главѣ общества, а люди способные, трудолюбивые и бережливые поставлены въ положеніе подчиненное, служатъ только орудіями въ рукахъ первыхъ; потому что, наконецъ, во всѣхъ родахъ занятій, люди неспособные управляютъ людьми способными, а въ отношеніи нравственномъ, люди безнравственные призваны къ тому, чтобы насаждать и укрѣплять добродѣтель въ обществѣ».

Вотъ въ чемъ заключается «Парабола» С.-Симона; мы привели ее почти вполнѣ, за исключеніемъ мѣстъ, неимѣющихъ существеннаго значенія въ цѣломъ. Мы потому обратили столько вниманія на «Параболу», что она принадлежитъ къ числу вещей, которыми очень легко злоупотреблять, которыми легко привести втупикъ умы, непривыкшіе отличать истину отъ лжи, тонко приплетенной къ истинѣ *.

Въ «Параболѣ» именно нужно съ особеннымъ вниманіемъ отличать истину отъ лжи. Истина заключается въ томъ, что существованіе должностей, неимѣющихъ никакихъ обязанностей, и оплачиваемыхъ содержаніемъ изъ государственнаго бюджета, есть важное зло

* И у насъ въ 1861 или 1862 годахъ изъ «Параболы» былъ приведенъ значительный отрывокъ въ одномъ изъ тайныхъ листковъ, въ то время появлявшихся.

для страны; другая справедливая мысль «Параболы» та, что такая правительственная система, которая отстраняетъ людей способныхъ и поручаетъ исполненіе важнѣйшихъ обязанностей въ государствѣ людямъ неспособнымъ, есть зло не менѣе важное, чѣмъ и первое зло. Но кто же изъ людей здравомыслящихъ, хоть сколько-нибудь знакомыхъ съ государственными науками, утверждаетъ противное? Да и вообще, кромѣ людей, лично заинтересованныхъ, трудно найти кого-нибудь, кто взялся бы защищать подобный порядокъ дѣлъ. Напротивъ, даже на практикѣ, во всѣхъ государствахъ Европы стараются облегчить бюджетъ уничтоженіемъ всѣхъ такъ-называемыхъ синекуръ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что каждое правительство старается имѣть наиболѣе способные органы своей власти. Дѣло только въ томъ, кого считаютъ способнѣйшими людьми для отправленія извѣстныхъ обязанностей; взгляды на это различны; дѣйствительно, очень нерѣдко на извѣстныхъ должностяхъ не желаютъ имѣть людей съ большимъ образованіемъ, и даже съ большими способностями; но въ такомъ случаѣ, для этихъ должностей подобные люди считаются менѣе способными, чѣмъ тѣ, которые имѣютъ и образованіе и способности болѣе ограниченныя. Наконецъ, очень нерѣдко неспособные люди получаютъ важныя назначенія даже и тогда, когда назначающіе желаютъ найти людей дѣйствительно способныхъ; но всѣ назначающіе не могутъ обладать всевѣдѣніемъ; а затѣмъ еще слѣдуетъ «лесть, интрига и другія дѣйствія, столь же мало достойныя уваженія», указываемыя самимъ С.-Симономъ, которыя въ состояніи обморочить человѣка, имѣющаго самыя лучшія намѣренія.

Во всякомъ случаѣ, средствомъ противъ синекуръ и противъ допущенія людей неспособныхъ къ исполненію важныхъ должностей должна служить не система С.-Симона; и то и другое прямо противорѣчитъ и той политико-экономической системѣ, которая въ настоящее время господствуетъ въ Европѣ.

Но за приведенными двумя вѣрными мыслями С.-Симона слѣдуютъ другія, ложныя въ самой сущности. Такъ, С.-Симонъ называетъ всѣ перечисленныя имъ должности безполез-

ными для націи, относя сюда военные и духовные чины, административныя должности и т. п. Эта мысль происходитъ изъ старой экономической ошибки Ад. Смита, который называлъ всѣ занятія, непроизводящія вещественныхъ цѣнностей, непроизводительными. Въ наше время экономическая наука признала, что подобныя занятія даже больше производительны, чѣмъ занятія механическія, вслѣдствіе чего служители религіи, науки, литературы, администраціи, полиціи, правосудія получаютъ полное право гражданства въ ряду экономическихъ тружениковъ, работающихъ на пользу общества *.

Потомъ С.-Симонъ хочетъ построить какіе-нибудь выводы на томъ, что смерть 30 тысячъ перечисленныхъ имъ членовъ общества, современныхъ ему, нисколько не повредитъ этому обществу. Конечно, при крайней неспособности всѣхъ этихъ лицъ смерть ихъ дѣйствительно не повредитъ обществу; но для этого С.-Симону слѣдовало бы доказать, что всѣ эти министры, маршалы, епископы дѣйствительно тотчасъ могутъ быть замѣнены другими лицами, и что это будетъ не случайнымъ явленіемъ, а общимъ, зависящимъ отъ постоянныхъ законовъ Но доказать это, повидимому, довольно трудно; напротивъ, дѣйствительность показываетъ, что нерѣдко одинъ хорошій министръ одною своею личностію дѣлаетъ такія услуги своему отечеству, какихъ послѣ него не дѣлаютъ десять соединенныхъ министровъ; таковъ былъ въ Италіи Кавуръ, у насъ въ Россіи Сперанскій, Канкринъ, во Франціи Сюлли, Ришльё, Кольберъ, Тюрго, Неккеръ и друг., въ Англіи Питтъ, Робертъ Пиль, Пальмерстонъ, и друг. Слѣдовательно, вопросъ, поставленный С.-Симономъ, сводится только на частное сужденіе о достоинствахъ того или другаго министра—дѣло очевидно не входящее въ сочиненіе, занимающееся коренною реформою

---

* Объ этомъ предметѣ существуетъ основательное изслѣдованіе извѣстнаго чешскаго политическаго дѣятеля д-ра Вл. Ригра. Сочиненіе это издано въ русскомъ переводѣ въ 1868 году подъ заглавіемъ «о капиталѣ и трудѣ невещественномъ».

общества Подобнымъ образомъ, могутъ быть чрезвычайно полезны и даже незамѣнимы и маршалы, епископы, префекты и т. п. Короче сказать, мысль С.-Симона о безполезности всѣхъ перечисленныхъ имъ должностныхъ лицъ, принадлежитъ къ числу такихъ, противъ которыхъ въ наше время можно и не возражать.

Что касается до собственниковъ, смерть которыхъ, съ точки зрѣнія пользы, не будетъ ни для кого чувствительна, потому что они тотчасъ же будутъ замѣнены своими сыновьями и вообще наслѣдниками, по нашему мнѣнію, С.-Симонъ сказалъ еще очень мало: многіе наслѣдники даже будутъ обрадованы смертью тѣхъ, послѣ кого они получатъ наслѣдство, то-есть смерть этихъ людей не только будетъ безвредна, но даже будетъ полезна нѣкоторымъ людямъ, которые замѣстятъ ихъ въ пользованіи богатствомъ. И этотъ фактъ не стоитъ уединенно въ ряду экономическихъ явленій; напротивъ, подобныхъ фактовъ очень много: очень нерѣдко смерть и вообще несчастіе однихъ бываетъ полезно для другихъ въ экономическомъ отношеніи. Такъ, если какое-нибудь несчастіе погубитъ, напримѣръ, пять человѣкъ портныхъ, изъ числа десяти, бывшихъ въ извѣстномъ городѣ, этотъ несчастный случай будетъ очень полезенъ для оставшихся пяти портныхъ, потому что онъ нарушитъ прежнее отношеніе между спросомъ на ихъ работу и предложеніемъ, въ ихъ пользу, черезъ что доходы ихъ увеличатся. То же произойдетъ, если значительная часть какихъ-нибудь запасовъ, предназначенныхъ для потребленія гражданъ, сгоритъ; владѣльцы уцѣлѣвшихъ запасовъ черезъ это продадутъ свой товаръ дороже, то-есть получатъ экономическую выгоду въ то время, какъ другіе пойдутъ по міру. Этотъ фактъ до такой степени общій, что даже великія народныя бѣдствія, какъ голодъ, моръ, оказываются полезными для тѣхъ, которые переживаютъ ихъ: такъ доказано, что послѣ подобныхъ несчастій, народонаселеніе вдругъ начинаетъ возрастать въ необыкновенно большой пропорціи; а этотъ фактъ означаетъ ничто иное, какъ то, что благосостояніе

уцѣлѣвшаго народа увеличилось. Слѣдовательно, нетолько смерть 30,000 человѣкъ, но и вымиранье половины всего народа оказывается фактомъ нетолько не вреднымъ, но полезнымъ для тѣхъ, кто воспользуется дарами природы, которыми они пользовались.

Очевидно, въ этихъ случаяхъ, точка зрѣнія одной пользы неудовлетворительна и приводитъ къ неправильному взгляду; мало ли, въ самомъ дѣлѣ, что и кому бываетъ полезно? Всякому вору полезно обокрасть своего сосѣда, и разбойнику полезно ограбить проѣзжающаго; оба они, дѣйствительно, воровствомъ и разбоемъ пріобрѣтаютъ себѣ экономическія цѣнности, съ помощью которыхъ могутъ удовлетворить своимъ потребностямъ Дѣло въ томъ, что въ отношеніяхъ людскихъ долженъ господствовать, кромѣ принципа пользы, еще принципъ права, справедливости. Забвеніе этого принципа приводитъ къ тому, что человѣкъ дѣлается для человѣка волкомъ, homo hominі lupus, что сынъ радуется смерти отца, воръ—воруетъ, и разбойникъ—грабитъ, и нерѣдко наслѣдникъ ускоряетъ смерть того лица, отъ котораго къ нему должно перейти наслѣдство.

И именно только съ этой точки зрѣнія нетолько безвредна, но и полезна смерть детяти тысячъ собственниковъ для ихъ наслѣдниковъ. Но когда дошло до этой точки зрѣнія, довольно указать ее, предостеречь отъ нея; всякое дальнѣйшее разсужденіе дѣлается излишнимъ.

Въ Параболѣ С -Симонъ излагаетъ свои мысли только о значеніи промышленности вообще, не указывая ей опредѣленнаго мѣста, не опредѣляя ея дѣятельности собственно въ управленіи государствомъ. Это онъ старается сдѣлать въ другихъ сочиненіяхъ относящихся къ этому же періоду его жизни. Въ «Vues sur la propriété et la législation», сочиненіи, явившемся еще въ 1818 году, онъ стремится передѣлать составъ Французской палаты депутатовъ такъ, чтобы промышленное сословіе имѣло въ немъ больше силы. На основаніи хартіи 1814 года промышленный міръ получилъ участіе въ управленіи государствомъ, потому что условіямъ ценза въ его сре-

дѣ удовлетворяли очень многіе, которые и посылали своихъ представителей въ палату. Но одна отрасль промышленности, земледѣліе, была отстранена отъ участія въ управленіи; земледѣльцы, фермеры, снимающіе чужія земли, не платили съ этихъ земель прямыхъ налоговъ, что и лишало ихъ права представительства. С.-Симонъ предлагаетъ мѣру, посредствомъ которой должно быть возстановлено это законное право людей, посвящающихъ себя земледѣлію.

«Во всякомъ предпріятіи коммерческомъ или фабричномъ, говоритъ онъ, имя дому даетъ трудящійся, его именемъ обозначается фирма дома; однимъ словомъ, трудящійся человѣкъ имѣетъ главное значеніе передъ закономъ или, правильнѣе, ему законъ далъ это преимущественное значеніе.

«Въ земледѣліи трудящійся человѣкъ занимаетъ положеніе второстепенное; это только фермеръ, съемщикъ, который землевладѣльца называетъ господиномъ.

«Въ промышленности коммерческой и мануфактурной, трудящійся человѣкъ имѣетъ право на капиталы, которые онъ взялся утилизировать, употреблять такъ, какъ самъ найдетъ нужнымъ для пользы своего предпріятія.

«Въ земледѣліи трудящійся есть только съемщикъ, который не можетъ распоряжаться капиталомъ, повѣреннымъ его заботамъ; онъ обязанъ свои малѣйшіе земледѣльческіе планы, малѣйшія идеи улучшенія подчинять идеямъ и планамъ землевладѣльца».

Между тѣмъ землевладѣлецъ, не обработывая земли и не рискуя ничѣмъ, отдавая ее въ наймы, исключительно въ качествѣ землевладѣльца, пользуется уваженіемъ въ средѣ промышленниковъ своего класса и вмѣстѣ съ тѣмъ по закону пользуется правомъ представительства

Разницу такого относительнаго положенія между владѣльцами капиталовъ и тѣми, которые употребляютъ ихъ въ дѣло, С.-Симонъ видитъ въ томъ, что въ одномъ случаѣ, въ торговлѣ и мануфактурахъ, между капиталистомъ и тѣмъ, кто употребляетъ его капиталъ, совершается добровольный дого-

воръ, а въ другомъ — въ земледѣліи, землевладѣлецъ пользуется древними правами, пріобрѣтенными завоеваніемъ.

Изъ всего этого проистекаютъ два печальные результата. Не имѣя понятія объ экономіи, землевладѣльцы, получивъ мѣсто въ палатѣ, не заботятся объ ней и въ веденіи государственныхъ расходовъ, вслѣдствіе чего народъ страдаетъ отъ налоговъ. Въ то же время, земледѣліе во Франціи не процвѣтаетъ, благодаря тому, что землевладѣльцы не имѣютъ никакого интереса оплодотворять его посредствомъ кредита, а земледѣльцы не могутъ имѣть кредита, потому что законъ не даетъ имъ права закладывать обрабатываемую землю.

Чтобы помочь всему этому злу, С.-Симонъ предлагаетъ издать слѣдующіе законы:

1) Перенести налогъ на землю съ землевладѣльца на земледѣльца, черезъ что земледѣльцы получатъ доступъ въ собраніе представителей народа. Въ собраніи представителей земледѣльцы будутъ содѣйствовать экономному расходованію государственныхъ доходовъ.

2) Сдѣлать обязательнымъ слѣдующее условіе при всякомъ договорѣ, касательно аренды земли· земледѣлецъ пользуется выгодами отъ улучшенія земли, произведеннаго имъ во время обрабатыванія земли, равно какъ терпитъ убытки въ случаѣ истощенія земли. Земледѣлецъ имѣетъ право требовать отъ землевладѣльца заклада земли съ цѣлью улучшенія ея; въ случаѣ несогласія землевладѣльца, земледѣлецъ можетъ, съ помощью постороннихъ арбитровъ, принудить къ этому землевладѣльца.

3) Наконецъ для того, чтобы капиталы охотно приливали къ земледѣлію для улучшенія его, необходимо облегчить переходъ поземельной собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія.

Эти законы д о л ж н ы б ы т ь и з д а н ы парламентомъ; послѣ чего король долженъ распустить парламентъ, издавшій ихъ, и созвать новый. Въ такомъ только случаѣ «Франція будетъ предохранена отъ потопа несчастій, которыя ей угрожаютъ» *.

* Vues sur la propriété et la législation, Въ «Oeuvres de S.-Simon», (изданіе Родрига. 1832 г.).

Кажется, этого было бы уже довольно. Франція получаетъ возможность избавиться отъ потопа несчастій; и предвѣщателю, прозрѣвшему этотъ потопъ. и открывшему средства предотвращенія его, осталось бы, кажется, только озаботиться тѣмъ, чтобы средства, предлагаемыя имъ, не были оставлены безъ вниманія. —Но вмѣсто этого, самъ С.-Симонъ забываетъ объ нихъ и въ 1823 году въ «Catéchisme des industriels» предлагаетъ уже другія средства для отвращенія потопа. Въ этомъ изданіи онъ проектируетъ адресъ къ королю, въ которомъ доказываетъ, что французскіе короли, со временъ Людовика XIV, измѣнили къ худу прежнюю политику аббата Сюже, Лудовика XI и Ришльё, состоявшую въ томъ, чтобы поднимать промышленное сословіе потомковъ древнихъ галловъ, на счетъ сословія феодальнаго, потомковъ франковъ. Лудовикъ XIV первый измѣнилъ эту систему, и съ тѣхъ поръ начался рядъ ошибокъ, какъ со стороны королей, такъ и со стороны промышленниковъ, которые не понимали того, что ихъ интересы согласны между собою и противны интересамъ феодальнаго сословія, дворянства; вслѣдствіе чего, какъ интересы короля, такъ и интересы промышленниковъ подвергались ущербу. Революція не поправила дѣла промышленниковъ; отъ нея получили пользу только буржуа, классъ посредническій, легисты, военные и землевладѣльцы, небывшіе ни благородными, ни земледѣльцами. Но всѣ эти классы не заботились о народѣ, о промышленникахъ; къ нимъ вполнѣ прилагается знаменитый афоризмъ: «ôte toi de là que je m'y mette», то-есть они заняли мѣсто древняго дворянства, ничего не сдѣлавъ и не желая ничего дѣлать въ пользу народа и промышленности. Къ ихъ числу, между прочимъ, принадлежатъ писаки (écrivassiers) и адвокаты; эти послѣдніе, говоритъ С.-Симонъ, составляютъ квинт-эссенцію разговариванья и писачества (quinte-essence du parlage et de l'écrivasserie).

Адресъ къ королю С.-Симонъ заканчиваетъ такимъ образомъ: «Государь. пришло время окончить переходное состояніе, въ которомъ находится нація и королевская власть во Франціи въ теченіе болѣе нежели одного столѣтія; пора про-

возгласить правленіе промышленное, монархію промышленную (monarchie industrielle).

«Мы всѣ, преданные промышленности, которые составляемъ болѣе 25 милліоновъ жителей во Франціи, клянемся защищать жизнью и смертью учрежденіе королевской власти во Франціи и династію Бурбоновъ противъ всякаго покушенія, которое было бы сдѣлано внутри или внѣ государства противъ этого учрежденія или противъ этой династіи.

«И мы почтительнѣйше умоляемъ ваше величество составить коммисію изъ наиболѣезначительныхъ промышленниковъ, и поручить имъ заботу составлять бюджетъ».

Эта просьба основывается на томъ, что никакой классъ общества не способенъ выполнить эту задачу такъ, какъ выполнятъ ее значительнѣйшіе промышленники.

«Общая политическая тенденція громаднаго большинства общества, говоритъ С.-Симонъ, состоитъ въ томъ, чтобъ быть управляемымъ наиболѣе дешевымъ способомъ: быть управляемымъ сколько возможно меньше, быть управляемымъ людьми самыми способными, и притомъ, такимъ способомъ, который гарантировалъ бы вполнѣ общественное спокойствіе. Но единственное средство удовлетворить въ этомъ отношеніи желанію большинства состоитъ въ томъ, чтобы возложить на промышленниковъ управленіе общественнымъ имуществомъ, потому что наиболѣе значительные промышленники всего болѣе заинтересованы въ поддержаніи общественнаго спокойствія; они всего болѣе заинтересованы въ умѣренности публичныхъ издержекъ; они всего болѣе заинтересованы въ отношеніи произвола; наконецъ, изъ всѣхъ членовъ общества, они доказали всего болѣе свои способности къ положительной администраціи, потому что ихъ промышленные успѣхи въ предпріятіяхъ частныхъ служатъ живымъ примѣромъ ихъ способностей въ этомъ родѣ».

Но не надобно думать, чтобы С.-Симонъ предназначалъ значительнѣйшимъ промышленникамъ какую-нибудь второстепенную роль, ограничивая ихъ только опредѣленіемъ подроб-

ностей бюджета съ цѣлью экономіи.—Нѣтъ; мы уже приводили мнѣніе С.-Симона, что промышленный классъ есть вообще наиболѣе способный классъ въ обществѣ, что онъ оцѣниваетъ заслуги даже ученыхъ (Платониковъ или Аристотеликовъ по направленію). Это мнѣніе С.-Симонъ высказывалъ много разъ, говоря прямо, что «промышленный класъ долженъ занимать первое мѣсто» вообще, что «этотъ классъ имѣетъ способности достаточныя для того, чтобы взять въ свои руки направленіе общества» *. Очевидно, составленіе бюджета, о которомъ говоритъ С.-Симонъ, есть ничто иное, какъ управленіе финансами страны, съ подчиненіемъ ему всѣхъ другихъ отраслей управленія, подобно тому, какъ всѣ отрасли управленія Франціи были подчинены Кольберу, Тюрго и Неккеру, не смотря на то, что они были по титулу только «главными контролерами финансовъ».

И самъ С.-Симонъ именно такъ смотритъ на значеніе, которое имѣетъ въ общей государственной жизни распоряженіе экономическими средствами страны. «Есть въ Европѣ, говоритъ онъ, два народа, которые живутъ подъ неограниченною властью одного лица — это датчане и турки. Если есть между ними какой-нибудь оттѣнокъ различія, достойный замѣчанія, это то, что въ Даніи деспотизмъ сильнѣе, потому что тамъ онъ легальный, конституціонный. И между тѣмъ, подъ одною и тою же формою правленія, какая разница въ судьбѣ управляемыхъ? Нѣтъ народа болѣе несчастнаго, болѣе битаго, болѣе обираемаго, болѣе несправедливо-управляемаго, какъ народъ турецкій; въ то же время, нѣтъ народа, среди котораго свобода была бы на дѣлѣ болѣе распространена, чѣмъ въ Даніи, не исключая отсюда даже и Англіи, гдѣ произволъ мало чувствуется, гдѣ администрація недорого стоитъ. Откуда же происходитъ эта разница? Безъ сомнѣнія, не отъ формы правительства, потому что форма одна и та же въ Даніи и въ Турціи. Стало быть, тиранія имѣетъ другую причину, и причина эта вотъ въ чемъ:

---

* Hub., 96.

сохраняя всѣ пропорціи, король датскій есть самый бѣдный между государями Европы, а султанъ есть самый богатый изъ всѣхъ, потому что въ Турціи онъ одинъ только собственникъ, какъ одинъ господинъ».

Что показываетъ этотъ фактъ? То, что владѣніе, распоряженіе экономическими средствами страны, вмѣстѣ съ собою приводитъ власть политическую. Такимъ образомъ, значительнѣйшіе промышленники, дѣлаясь распорядителями финансовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ должны дѣлаться фактическими распорядителями судебъ своей страны. И С.-Симонъ не безъ основанія называетъ себя дерзкимъ * смертнымъ, предпринимающимъ поднять промышленниковъ на первую степень уваженія и «могущества» вообще, онъ имѣлъ право назвать правленіе, проектируемое имъ, правленіемъ промышленнымъ, съ того только поправкою, что оно не есть правленіе промышленное вообще, а правленіе промышленное олигархическое. Правленіемъ вообще промышленнымъ можно бы назвать то, которое онъ проектировалъ прежде, въ Vues sur la propriété et la législation, когда онъ предлагалъ введеніе въ палату земледѣльцевъ вмѣсто землевладѣльцевъ

Въ послѣдній годъ своей жизни С.-Симонъ издалъ сочиненіе, которое его ученики считаютъ наиболѣе важнымъ, котораго принципы они главнымъ образомъ развивали въ своихъ собственныхъ сочиненіяхъ и даже старались осуществить въ своей жизни. Это «Nouveau Christianisme», гдѣ С.-Симонъ предпринимаетъ обновленіе христіанства. Впрочемъ, это неоконченный трудъ С.-Симона: по плану автора, онъ долженъ былъ состоять изъ трехъ разговоровъ; С.-Симонъ успѣлъ напечатать только одинъ, въ которомъ консерваторъ и новаторъ бесѣдуютъ о христіанствѣ, о его прошедшемъ и будущемъ **. Самъ С.-Симонъ скрывается, разумѣется, за новаторомъ. Вотъ начало самаго разговора:

---

* Vues sur la propriété et la lég. Oeuvres de S.-Simon. 256.

** Впрочемъ, С.-Симонъ изложилъ «содержаніе и духъ» всѣхъ трехъ разговоровъ, но въ такомъ краткомъ перечнѣ, который не можетъ дать дѣйствительнаго понятія о содержаніи и духѣ этого сочиненія. (См прил. В и Г).

Консерваторъ.—Вѣруете ли вы въ Бога?

Новаторъ.—Да, я вѣрую въ Бога.

Консерваторъ —Вѣрите ли вы, что христіанская вѣра имѣетъ божественное происхожденіе?

Новаторъ —Да, вѣрю.

Консерваторъ —Если христіанство имѣетъ божественное происхожденіе, оно неспособно къ усовершенствованію; а между тѣмъ вы возбуждаете людей всѣхъ званій къ усовершенствованію этой религіи. Вы противорѣчите сами себѣ.

Новаторъ.—Нѣтъ, здѣсь противорѣчіе только видимое.

И С.-Симонъ начинаетъ выяснять свои взгляды на христіанство Оно имѣетъ божественное происхожденіе; но Богъ, основавшій его, могъ выражать его принципы только соразмѣрно пониманію тѣхъ людей, которымъ онъ проповѣдывалъ. Во всей ея высотѣ и полнотѣ божественная истина не была бы доступна ученикамъ Христа. Такъ, Христосъ заповѣдь любви къ ближнему выразилъ въ слѣдующей простой формѣ: всѣ люди должны поступать другъ съ другомъ подобно братьямъ Нынѣшнее состояніе цивилизаціи позволяетъ ту же самую истину выразить въ формѣ болѣе опредѣленной: «всякое общество должно заботиться объ улучшеніи нравственнаго и физическаго состоянія класса наиболѣе бѣднаго; оно должно организоваться такимъ образомъ, который всего болѣе благопріятствовалъ бы достиженію этой цѣли».

Судя по тому, что С.-Симонъ успѣлъ высказать относительно собственныхъ взглядовъ на новое христіанство, въ этомъ и заключается главная мысль всего ученія С.-Симона о новомъ христіанствѣ. Она положена, между прочимъ, въ основаніе критики католицизма и протестантизма, которую онъ дѣлаетъ. С.-Симонъ очень строго относится къ католицизму, главнымъ образомъ за то, что католицизмъ всегда принималъ сторону богатаго противъ бѣднаго, за то, что онъ пользовался матеріальною, а не нравственною силою, за то, что въ іезуитствѣ католицизмъ допустилъ учрежденіе, совершенно противное христіанской нравственности, и т. п.

Лютера С.-Симонъ осуждаетъ и съ догматической и съ нравственной стороны; съ догматической за то, что онъ за единственный источникъ христіанскаго ученія призналъ Библію, отвергая писанія отцовъ, въ которыхъ содержится дальнѣйшее развитіе христіанскаго ученія, первоначально изложеннаго не въ полномъ, или по крайней-мѣрѣ не вполнѣ опредѣленномъ, развитомъ видѣ, чего требовали условія времени Съ нравственной стороны онъ осуждаетъ Лютера за то, что и онъ сталъ на сторонѣ сильнаго противъ слабаго, что онъ не подумалъ объ улучшеніи быта большинства народа; въ заслугу Лютеру С.-Симонъ вмѣняетъ только то, что онъ хорошо критиковалъ папство: «онъ хорошо критиковалъ, но плохо училъ» *—вотъ не разъ повторяемый отзывъ С.-Симона о Лютерѣ. Подобнымъ же образомъ С.-Симонъ относится и ко всѣмъ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ; для него всѣ они «еретическія», одни больше, другія меньше. Между прочимъ, онъ сильно осуждаетъ англійское библейское общество за распространеніе Библіи, находя, что въ настоящее время Библія есть уже отсталая книга, или, по крайней-мѣрѣ, недѣлающая прогресса въ теченіе тысячелѣтій. Истинное христіанство еще впереди, оно еще не наступило; оно должно обезпечить участь бѣднаго и приведевъ къ тому золотому вѣку, который С.-Симонъ помѣщаетъ впереди, въ будущихъ вѣкахъ. «Золотой вѣкъ, говоритъ онъ, который слѣпое преданіе помѣщало до сихъ поръ въ прошедшемъ, въ дѣйствительности находится впереди насъ». Этотъ афоризмъ стоитъ у него какъ эпиграфъ одного изъ его сочиненій **. Въ заключе-

* Этотъ упрекъ нѣкоторые критики С.-Симона (L. Stein, въ «Geschichte der socialen Bewegung in Francreich») относятъ къ нему самому. Но намъ кажется, что онъ несправедливъ въ томъ отношеніи, что С. Симонъ не только плохо училъ, но и плохо критиковалъ.

** Opinions littéraires, philos. et industrielles.—Вообще, С.-Симонъ любитъ эпиграфы, и вотъ какіе онъ употребляетъ: «Celui qui aime les autres a accompli la loi.—Tout est compris en abrégé dans cette parole. Tu aimeras ton prochain comme toi même. (Nouveau Christianisme) Tout par l'industrie, tout pour elle. (L'Industris) и т. п.

ніи книги о новомъ христіанствѣ у С.-Симона находится мысль, которая была бы гораздо плодотворнѣе, еслибы была сознана имъ раньше. Говоря объ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ прошедшемъ столѣтіи науками фмзическими и математическими, онъ замѣчаетъ: «Но есть наука, гораздо болѣе важная для общества, чѣмъ науки физическія и математическія — это наука, которая образуетъ самое общество, наука, которая ему служитъ основаніемъ, наука нравственная». И С.-Симонъ сожалѣетъ, что это наука сдѣлала очень мало успѣховъ впродолженіе вѣковъ. Въ заключеніе, онъ обращается къ государямъ священнаго союза; похваливъ ихъ за то, что они низвергли Наполеона, С.-Симонъ упрекаетъ ихъ за то, что ихъ союзъ не пользу приноситъ, а болѣе вредитъ той цѣли, къ которой должны стремиться христіанскіе государи, то-есть обезпеченію участи большинства народа.

На этомъ мы и остановимся въ изученіи сочиненій С.-Симона; и попробуемъ дать себѣ отчетъ объ этой оригинальной личности и о ея стремленіяхъ. Что касается до стремленій С.-Симона, въ нихъ очевидно нѣтъ никакой послѣдовательности и согласія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, вспомнимъ главные фазисы въ жизни и въ стремленіяхъ С. Симона. Въ юности это—молодой полковникъ, полный силъ и либеральныхъ идей; послѣ борьбы за свободу въ Америкѣ онъ сочиняетъ проектъ о соединеніи Атлантическаго океана съ Великимъ черезъ Панамскій перешеекъ. Его проектъ принятъ холодно, и оскорбленный полковникъ бросаетъ свою мысль. Потомъ онъ увлекается мыслью воевать противъ англичанъ въ Индіи, и это ему не удается. Тогда онъ строитъ новый проектъ относительно канала въ Испаніи, горячо принимается за дѣло, но тотчасъ оставляетъ его и ѣдетъ во Францію спекулировать на національныя имущества. Въ это время онъ

задумываетъ какое-то сціэнтифично-индустріальное предпріятіе; но оно останавливается въ самомъ началѣ. Затѣмъ С.-Симонъ изучаетъ естественную исторію тѣлъ органическихъ и неорганическихъ, и проживаетъ состояніе. Самое избраніе предмета для изученія показываетъ, что задача жизни С.-Симона еще не опредѣлилась для него самого, потому что впослѣдствіи во всѣхъ главнѣйшихъ фазисахъ своей дѣятельности онъ не извлекъ никакой пользы изъ своихъ познаній о тѣлахъ органическихъ или неорганическихъ. И вслѣдствіе этого отсутствія ясно сознаваемой задачи, происходящаго отъ недостатка какихъ-нибудь твердыхъ, опредѣленныхъ принциповъ, въ стремленіяхъ его нѣтъ никакого единства. Въ первомъ его проектѣ имѣется въ виду содѣйствіе успѣхамъ просвѣщенія, посредствомъ обезпеченія жизни лучшихъ ученыхъ и художниковъ, и къ этому совершенно фантастическимъ образомъ привязывается мысль о раздѣленіи Европы на четыре національности, объ основаніи новой религіи, съ Ньютономъ-пророкомъ, съ основателемъ религіи—главнокомандующимъ войсками. Очевидно, этотъ первый проектъ С.-Симона есть ничто иное, какъ чистая фантазія изъ рода тѣхъ, отъ которыхъ ни одинъ человѣкъ не свободенъ въ извѣстныя лѣта. Но и эта фантазія оставляется, чтобы не возобновиться никогда.

Затѣмъ въ головѣ С.-Симона возникаетъ новая мысль внести свѣтъ въ систему наукъ, уничтожить существующую въ ней анархію. Мысль чрезвычайно важная, достойная тѣхъ способностей, которыми былъ одаренъ С.-Симонъ, но для которой очевидно недоставало его философскаго образованія. Вотъ здѣсь-то и приходится пожалѣть о томъ, что онъ поздно, только передъ смертью созналъ пользу наукъ нравственныхъ, на которыхъ строится самое общество, то-есть наукъ изъ круга философскаго и политическаго. Еслибы С.-Симонъ вмѣсто изученія свойствъ тѣлъ органическихъ и неорганическихъ, равно какъ вмѣсто изученія характера людей ученыхъ, которое къ тому же было соединено съ проживаніемъ состоянія,

употребилъ свое время и средства на изученіе наукъ философскихъ, то, можетъ быть, его «Введеніе въ ученые труды XIX вѣка» оказалось бы болѣе состоятельнымъ.

Мы уже видѣли, что слѣдовавшій затѣмъ періодъ дѣятельности, во время событій 1814, 1815 и 1816 годовъ, опять не связанъ ни съ предъидущею, ни съ послѣдующею дѣятельностью С.-Симона. Въ это время онъ занимался исключительно текущими вопросами политики внутренней или внѣшней.

Въ слѣдующій затѣмъ періодъ С.-Симонъ исключительно занялся промышленностью. Всеобщая наука, религія Ньютона и политика забыты; ученые, которые по «Письмамъ женевскаго обитателя», должны быть рѣшителями судебъ человѣчества, принесены въ жертву значительнѣйшимъ промышленникамъ, которые держатъ въ своихъ рукахъ судьбы народа.

И все это заключается общими мѣстами «Новаго христіанства», объ улучшеніи состоянія бѣдныхъ классовъ! Вообще въ дѣятельности С.-Симона нѣтъ нетолько стройной и согласной системы, серьезнымъ образомъ направленной противъ дѣйвительныхъ общественныхъ золъ, но и нѣтъ ничего хоть въ отдѣльности сколько-нибудь выработаннаго и доконченнаго, нѣтъ ничего такого, что содержало бы въ себѣ дѣйствительное указаніе хоть какихъ-нибудь частныхъ средствъ противъ тѣхъ или другихъ общественныхъ недостатковъ. «Новое христіанство», очевидно, не содержитъ въ себѣ никакого опредѣленнаго стремленія; это критика католицизма и протестантизма вмѣстѣ съ общими мѣстами объ улучшеніи участи бѣднаго класса. Въ «Письмахъ женевскаго обитателя», главный характеръ—фантастичность; остается «Катихизисъ промышленниковъ» вмѣстѣ съ тѣми журналами и статьями, которые ему предшествовали. Но и въ этомъ сочиненіи гораздо больше шуму, нежели дѣла; передача управленія государствомъ въ руки большихъ промышленниковъ не отличается ни новостью, ни практичностью, ни прогрессивностью, разумѣя это слово въ лучшемъ его смыслѣ, ни даже простою справедливостью и дѣйствительною цѣ-

лесообразностью. Это не шагъ впередъ, а нѣсколько шаговъ назадъ, и не для улучшенія участи бѣднаго класса, а для улучшенія положенія банкировъ, богатыхъ фабрикантовъ, негоціантовъ и т. п. И когда С.-Симонъ называетъ себя дерзкимъ смертнымъ, задумавшимъ поднять промышленный классъ или, говоря точнѣе, промышленныхъ магнатовъ на первую степень могущества, эту дерзость нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что онъ предлагаетъ что нибудь совершенно новое и необыкновенно прогрессивное, а въ томъ, что онъ рѣшился въ XIX вѣкѣ для европейскихъ государствъ предлагать образъ правленія въ родѣ того, который существовалъ въ средніе вѣка въ Венеціи или во Флоренціи и довелъ то и другое государство до одряхлѣнія, до разложенія, соединеннаго съ крайнимъ деспотизмомъ богатыхъ надъ бѣдными.

Вообще, дѣятельность С.-Симона, разсматриваемая сама въ себѣ, мало понятна; на ея направленіе имѣли вліяніе слишкомъ многія постороннія обстоятельства, съ помощію которыхъ только и можно объяснить ее. Онъ началъ писать уже въ то время, когда потерялъ состояніе; судя по всему, бѣдность была для него слишкомъ тяжелымъ бременемъ. Потому въ его переходахъ отъ одной цѣли къ другой есть что-то ненормальное, что-то болѣзненное; человѣкъ ненадломленный не могъ бы такъ легко отъ одной задачи переходить къ другой, не имѣющей съ ней ничего общаго. Впрочемъ эту непослѣдовательность, это бросаніе въ крайности и странности мы можемъ объяснить отчасти самыми качествами характера С.-Симона и обстоятельствами его юности. При способностяхъ безспорно блестящихъ, при большомъ самолюбіи, предварительную научную подготовку онъ имѣлъ незначительную. Вслѣдствіе этого многое ему съ перваго раза казалось болѣе истиннымъ и легкимъ, нежели оно было въ самомъ дѣлѣ. Онъ имѣлъ слишкомъ много довѣрія къ своимъ силамъ, онъ не считалъ ничего для себя невозможнымъ или недоступнымъ, и потому брался съ энергіею за все, что почему-нибудь останавливало

на себѣ его вниманіе. Но никакая энергія не могла принести пользы, когда цѣль оказывалась недостижимою.

Намъ кажется, что въ характерѣ С.-Симона есть еще одна черта, которая значительно объясняетъ его дѣятельность. Это та «любовь къ славѣ», которую онъ наслѣдовалъ отъ герцога С.-Симона и которою онъ отличался отъ графа Редерна. Любовь къ славѣ — это почти исключительная принадлежность французскаго характера; у англичанъ ея положительно нѣтъ. У англичанъ два стимула дѣятельности: польза и долгъ; у француза надъ тѣмъ и другимъ паритъ еще слава. Оттого самый талантливый и популярный изъ англійскихъ адмираловъ Нельсонъ подъ Трафальгаромъ напоминаетъ англійскимъ матросамъ о долгѣ. «Англія, пишетъ онъ въ приказѣ, надѣется, что каждый изъ насъ исполнитъ свой долгъ». Почти въ то же время, талантливѣйшій французскій генералъ, стараясь одушевить свое войско, ведетъ съ нимъ другую рѣчь: «сорокъ вѣковъ, говоритъ онъ, смотрятъ на насъ съ высоты пирамидъ». Замѣчательно, что эти два приказа сдѣлались наиболѣе извѣстными изъ всѣхъ когда-либо отданныхъ главнокомандующими—доказательство, что они соотвѣтствовали духу и воззрѣніямъ того и другаго войска. Но нечего и говорить, что разница между тѣмъ и другимъ воззрѣніемъ громадна, и въ особенности она громадна по результатамъ. Въ одномъ случаѣ человѣкъ дѣлаетъ дѣло для самаго дѣла и для самого себя; въ другомъ случаѣ онъ дѣлаетъ дѣло для удивленія другихъ. Въ первомъ случаѣ дѣло будетъ болѣе или менѣе соотвѣтствовать своимъ внутреннимъ требованіямъ, тѣмъ, которыя проистекаютъ изъ его сущности; въ другомъ случаѣ дѣло пойдетъ такимъ путемъ, который возбудитъ наибольшее удивленіе толпы. Очевидно, этотъ путь не всегда будетъ наиболѣе правильнымъ; даже въ большинствѣ случаевъ онъ будетъ непремѣнно неправильнымъ. Правильное, здравое веденіе дѣла всего менѣе возбуждаетъ удивленіе или доставляетъ славу. Слава пріобрѣтается гораздо чаще великими странностями, даже злодѣяніями, нежели дѣйствительно великими дѣлами. Отъ того истинно великихъ лю-

дей въ исторіи несравненно меньше, нежели такихъ, которые прославились великими ошибками или великими пороками. Отъ того, между прочимъ, имя Герострата всякому извѣстно, а имя строителя храма, сожженнаго имъ, неизвѣстно никому.

Взглядъ С.-Симона на славу, то-есть его мнѣніе, что человѣкъ своею дѣятельностью обязанъ не долгъ исполнять, а достигать славы, не могъ не имѣть вліянія на его дѣятельность. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы С.-Симонъ отдавалъ предпочтеніе долгу, а не славѣ, то онъ скромною, но тѣмъ не менѣе вѣрною поступью пошелъ бы по пути той или другой науки изъ него вышелъ бы физіологъ, или химикъ, или экономистъ, или, наконецъ, еслибы онъ даже оставилъ науку совсѣмъ, изъ него вышелъ бы просто хорошій гражданинъ и отецъ семейства. Но въ такомъ случаѣ онъ не пріобрѣлъ бы себѣ славы, его имя осталось бы неизвѣстно міру; потому онъ и нашелъ гораздо достойнѣе себя возъимѣть, напримѣръ, «проектъ проложить новую карьеру человѣческому пониманію, карьеру—физико-политическую», или «проектъ подвинуть науку такимъ образомъ, чтобы она сдѣлала всеобщій шагъ, и при этомъ предоставить иниціативу французской школѣ». Проектъ—довольно грандіозный; еслибы онъ былъ исполненъ, то, конечно, онъ обезсмертилъ бы С.-Симона, далъ бы ему ореолъ, одинъ изъ самыхъ яркихъ въ исторіи науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и Франція участвовала бы въ этой славѣ, потому что ея, а не какая другая школа подвинула бы такимъ блестящимъ образомъ науку. Еще раньше этого онъ возъимѣлъ не менѣе важный проектъ раздѣлить Европу на 4 національности, подчинить дѣтямъ Авеля дѣтей Каина, основать новую религію съ Ньютономъ-пророкомъ, и предоставить ученымъ и художникамъ руководство общественными дѣлами. Разумѣется, оба эти проекта не удались, или правильнѣе, С.-Симону не удалось даже приступить къ осуществленію своихъ проектовъ; потому онъ задумалъ новые два проекта: реформировать поземельную собственность и поставить во главѣ управленія

важнѣйшихъ промышленниковъ, и такимъ образомъ предохранить Францію отъ «потопа несчастій» (déluge de maux), угрожающихъ ей. Исполненіе этого проекта также было бы достаточно для того, чтобы обезсмертить человѣка. Но, разумѣется, и этотъ проектъ не могъ быть исполненъ. Тогда С.-Симонъ взялся за обновленіе христіанства, при чемъ и Ньютонъ уже забытъ, забыты ученые, художники, значительнѣйшіе промышленники, и являются на сцену бѣдные, къ обезпеченію которыхъ направлена и религія, и новое государственное устройство, къ сожалѣнію, невыясненныя С.-Симономъ. Смерть помѣшала сдѣлать это С.-Симону; она перервала нить его проектовъ; а еслибы этого перерыва не случилось или еслибы, напримѣръ, С.-Симонъ двадцатью годами раньше началъ свою реформаторскую дѣятельность, то мы знали бы еще не одинъ его проектъ, грандіозностью своею способный обезсмертить автора и исполнителя.

Что ни изъ одного проекта С.-Симона ничего не вышло, это всѣмъ извѣстно; и это такъ и должно было быть. Храмъ славы, къ которому стремился С.-Симонъ, дѣйствительно, построенъ на сухой и скалистой горѣ, то-есть на такой безплодной почвѣ, которая неспособна къ произведенію какихъ бы то ни было растеній, питательныхъ для человѣка.

Мы можемъ указать еще одну непріятную черту въ его дѣятельности: стремленіе къ славѣ такъ овладѣло имъ, что, повидимому, *уменьшило въ немъ необходимое для каждаго уваженіе къ истинѣ, къ правдѣ*. Это замѣтно въ тѣхъ мѣстахъ его біографіи, гдѣ онъ самъ говоритъ о своихъ проектахъ. Что проекты его не удавались, въ этомъ онъ сознается, но только отчасти, и вмѣсто того, чтобы признаться вполнѣ, что онъ ошибался, что онъ шелъ не по той дорогѣ, по которой ему слѣдовало идти, онъ продолжаетъ увѣрять, что онъ имѣлъ, дѣйствительно, здравые проекты и правильныя стремленія. Подобнымъ же образомъ, вмѣсто того, чтобы искренно признаться въ томъ, что свою юность и свои средства онъ упо-

требилъ непроизводительно, безполезно и для себя, и для какой-нибудь цѣли, достойной серьёзнаго человѣка, онъ начинаетъ подстроивать цѣлую теорію подъ разныя направленія своей жизни, говоритъ о необходимости слишкомъ оригинальной, то-есть, вѣрнѣе, безпорядочной жизни для успѣховъ философствованія, говоритъ, что онъ не упустилъ ничего, не пренебрегъ ничѣмъ, то-есть велъ самую неправильную жизнь, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ своего научнаго предпріятія въ то время, какъ предпріятіе не удалось именно благодаря тому, что онъ недостаточно приготовился къ нему, что, вмѣсто серьезнаго научнаго подготовленія, онъ велъ разсѣянную жизнь человѣка, неразсчетливо проживающаго свое состояніе. Такимъ же образомъ, вмѣсто естественнаго акта человѣческой жизни, женитьба является у С.-Симона новымъ средствомъ для достиженія цѣли, для ознакомленія съ людьми учеными, хотя уже и прежде, не будучи женатъ, онъ довольно успѣлъ изучить людей этого класса, которыхъ привлекали къ нему «grande chère, bon vin et la bourse ouverte», какъ онъ самъ говоритъ. Проживши состояніе, онъ вздумалъ поправить дѣла женитьбой на богатой вдовѣ, но и въ этомъ случаѣ рисуется, какъ человѣкъ имѣющій въ виду высшія цѣли. Вся эта неискренность очень бросается въ глаза въ человѣкѣ, который недоволенъ нравственностью христіанства, находя ее недостаточною, который задумываетъ основать новую высшую религію, имѣющую превзойти всѣ доселѣ существовавшія религіи. Эта неискренность объясняетъ и непонятное съ перваго раза отношеніе С.-Симона къ Бонапарту. Когда Бонапартъ былъ на верху могущества, онъ былъ для С.-Симона возсоздателемъ Франціи, ему посвящались литературные труды С.-Симона; когда Бонапартъ палъ, онъ сдѣлался бичомъ божіимъ, и низверженіе его вмѣняется въ заслугу членамъ Священнаго союза. Таковы же отношенія С.-Симона къ богатымъ промышленникамъ. Когда хартія реставраціи подняла промышленный классъ, С.-Симонъ явился самымъ ревностнымъ поборникомъ правъ и даже лиш-

нихъ претензій этого класса *, и въ то же время онъ обращался за пособіемъ именно къ лицамъ изъ этого самаго класса и получалъ его. А когда пособія прекратились, и послѣ того, какъ онъ неудачно покушался на самоубійство, тогда только, на 7-мъ десяткѣ лѣтъ, онъ забылъ ученыхъ, художниковъ, банкировъ, земледѣльцевъ и обратился къ обезпеченію участи бѣднаго. Не будутъ бѣдные благодарны ему за такую позднюю и безплодную заботливость! И всякій согласится, что эта заботливость самымъ появленіемъ своимъ обязана только случаю, то-есть тому, что пистолетъ, заряженный С.-Симономъ для самоубійства, плохо выстрѣлилъ; а еслибы онъ выстрѣлилъ хорошо, то съ именемъ С.-Симона соединялось бы только понятіе о публицистѣ, державшемъ сторону богатыхъ капиталистовъ, въ первое время своей дѣятельности увлекавшемся въ мечты о новомъ устройствѣ Европы съ преобладаніемъ ученаго и артистическаго элемента въ общественной жизни.

Впрочемъ, какъ основателя новой религіи и реформатора, имѣвшаго въ виду лучшее устройство судьбы бѣднаго класса, С.-Симона сдѣлали извѣстнымъ не столько его собственные литературные труды, и вообще не столько его собственныя дѣла, какъ дѣла и жизнь его учениковъ, образовавшихъ послѣ его смерти дѣйствительную религіозно-политическую общину, которая отъ С.-Симона вела свое начало, считала его своимъ пророкомъ и клялась его именемъ. Но с.-симонисты, дѣйствительно, только началомъ своимъ обязаны С.-Симону, а въ развитіи системы, въ опредѣленности и оконченности ея, равно какъ въ характерѣ частныхъ положеній ихъ ученія, наконецъ, въ примѣненіи ученія къ жизни, они далеко оставили за собою учителя.

* Въ этомъ случаѣ къ С.-Симону вполнѣ относится упрекъ, который онъ дѣлаетъ Лютеру, именно, что Лютеръ стоялъ на сторонѣ сильнаго противъ слабаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

Реорганизація европейскаго общества.

«Всякое учрежденіе, основанное на мнѣніи, не должно существовать долѣе, чѣмъ это мнѣніе. Лютеръ, поколебавъ въ умахъ то прежнее уваженіе, которое составляло силу духовенства, дезорганизировалъ Европу. Половина европейцеов освободилась отъ цѣпей папизма, то есть, потеряла единственную политическую связь, которая связывала ее съ великимъ обществомъ. Въ настоящее время, когда Франція можетъ соединиться съ Англіею для поддержанія либеральныхъ принциповъ, нужно только соединить ихъ силы и привести ихъ въ дѣйствіе, чтобы Европа вновь организовалась. Это соединеніе возможно, потому что Франція также свободна, какъ и Англія; это соединеніе необходимо, потому что только оно можетъ обезпечить спокойствіе обѣихъ странъ и спасти ихъ отъ золъ, которыя имъ угрожаютъ; это соединеніе можетъ измѣнить состояніе Европы, потому-что Англія и Франція сильнѣе, чѣмъ остальная Европа.

«Тотъ, кто пишетъ эти строки, можетъ только указать, что полезно; исполненіе принадлежитъ тѣмъ, которые имѣютъ въ рукахъ своихъ власть. Частныя конфедераціи, коалиціи, имѣющія противоположные интересы, отбросятъ Европу въ печальное состояніе войны, отъ котораго потомъ напрасно будутъ стараться освободить ее. Всякій вноситъ сюда свой способъ видѣть, разсуждать и судить, отъ этого происходитъ то, что до сихъ поръ не было ни точности въ рѣшеніяхъ, ни всеобщности въ результатахъ. Въ настоящее время должно прекратиться это дѣтство науки, и безъ сомнѣнія нужно желать, чтобы оно прекратилось, потому что изъ неопредѣленности политики происходятъ возмущенія въ порядкѣ общественномъ. Разумѣя подъ конституціею извѣстную систему соціальнаго порядка, имѣющую въ виду общее благо, наи-

лучшею конституціею нужно назвать такую, въ которой учрежденія будутъ организованы и власти расположены такимъ образомъ, чтобы всякій вопросъ, касающійся общественнаго интереса, разсматривался способомъ наиболѣе основательнымъ и полнымъ.—Наилучшая конституція есть та, въ которой всякій вопросъ, касающійся общественнаго интереса, разсматривается à priori и à posteriori. Но въ обществѣ разсматривать послѣдовательно à priori и à posteriori вопросы, касающіеся общественнаго интереса значитъ ни что иное, какъ разсматривать ихъ относительно общаго и частнаго интереса тѣхъ, которые составляютъ общество. Теперь остается только найти, какимъ искусствомъ можно устроить конституцію такъ, чтобы всякій вопросъ общественнаго интереса всегда разсматривался указаннымъ способомъ. Для этой цѣли необходимо установить двѣ различныя власти, устроенныя такимъ образомъ, чтобы одна изъ нихъ имѣла стремленіе разсматривать каждую вещь съ точки зрѣнія общаго интереса націи, а другая—съ точки зрѣнія частнаго интереса отдѣльныхъ личностей, составляющихъ ее.

«Первую власть я называю **властью интересовъ общихъ**, а вторую—**властью интересовъ частныхъ или мѣстныхъ**. Такимъ образомъ Европа имѣла бы наилучшую организацію, если бы всѣ народы, изъ которыхъ она состоитъ, будучи управляемы своими частными парламентами, признавали верховенство (suprématie) общаго парламента, поставленнаго выше всѣхъ національныхъ правительствъ и облеченнаго властью судить ихъ несогласія. Образованіе европейскаго парламента произойдетъ безъ труда, какъ скоро всѣ народы Европы начнутъ жить подъ парламентскимъ правленіемъ. Отсюда слѣдуетъ, что можно начать устройство европейскаго парламента, какъ скоро часть европейскаго населенія, подвластная представительному правленію окажется сильнѣе той части, которая подвластна правительствамъ неограниченнымъ. Но именно таково состояніе Европы въ настоящее время: французы и англичане безъ сомнѣнія сильнѣе всей остальной Европы и у нихъ господствуетъ парламентская форма правленія. Слѣдовательно, уже теперь можно начать реорганизацію Европы. **Пусть французы и англичане, соединившись между собою, устроятъ общій парламентъ; и пусть этотъ союзъ старается увеличиться, привлекая къ себѣ другіе народы; и пусть правительство англо-французское благопріятствуетъ вездѣ сторонникамъ представительной конституціи**; пусть оно поддерживаетъ ихъ всею своею силою, такъ чтобы устроились парламенты у всѣхъ народовъ, подчиненныхъ абсолютнымъ монархіямъ, и пусть всякій на-

родъ, принявши представительную форму правленія, тотчасъ вступитъ въ союзъ и отправляетъ въ общій парламентъ своихъ членовъ; такимъ образомъ реорганизація Европы нечувствительно совершится безъ войнъ, безъ катастрофъ, безъ политическихъ революцій.—Въ этомъ сочиненіи я хотѣлъ доказать, что только учрежденіе политической системы, согласной съ состояніемъ образованности, и созданіе общей власти, достаточно сильной для того, чтобы сдерживать честолюбіе народовъ и королей, можетъ устроить въ Европѣ порядокъ вещей мирный и прочный.

«Воображеніе поэтовъ помѣстило золотой вѣкъ при колыбели рода человѣческаго во времена невѣжества и грубости: но гораздо правильнѣе было бы тамъ помѣстить вѣкъ желѣзный. Золотой вѣкъ рода человѣческаго находится не позади насъ, а впереди; онъ заключается въ усовершенствованіи общественнаго порядка: наши отцы не видѣли его, а наши дѣти когда-нибудь къ нему придутъ; наше дѣло состоитъ въ томъ, чтобы проложить имъ дорогу къ нему.»

(Saint-Simon, sa vie et ses travaux. Par Hubbard. Paris., 1857. стр. 149).

Б.

Исповѣданіе вѣры основателей положительной политики (тамъ же, 153).

«Вѣрую, что промышленная собственность есть та, которой должно принадлежать преимущественныя права вотировать налоги.

«Вѣрую, что владѣльцы промышленной собственности изо всѣхъ членовъ общества наиболѣе заинтересованы въ поддержкѣ общаго порядка, политическаго спокойствія и хорошей администраціи общественныхъ доходовъ.

«Вѣрую, что промышленные собственники суть единственные члены общества, которыхъ административныя способности подтверждаются положительными и публичными доказательствами.

«Вѣрую, что богатые промышленники, повелѣвая рабочими въ ежедневныхъ трудахъ, черезъ это являются начальниками народа, котораго они составляютъ необходимую часть; откуда слѣдуетъ, что они прямые естественные начальники трудящейся націи, единственной, которой нравственность, справедливость и здравый смыслъ позволяютъ дать права политическія.

«Вѣрую, что признаніе за промышленными собственниками главнаго права вотировать налоги введетъ въ общест-

во самую высокую степень равенства, къ какой оно только способно. Потому что промышленные собственники необходимымъ образомъ будутъ пользоваться самой высокой степенью уваженія, когда они преимущественно предъ другими гражданами будутъ обязаны вотировать налоги. Но опытъ показалъ, что между главами самыхъ первыхъ промышленныхъ домовъ всегда находились люди, которые начали свою карьеру какъ простые рабочіе. Такимъ образомъ граждане послѣдняго класса всегда будутъ имѣть возможность достигать высшаго положенія, что не можетъ существовать при общественномъ порядкѣ, въ которомъ территоріяльная собственность даетъ главныя права вотировать налоги.

«Вѣрую, что политическія власти должны быть раздѣлены на два класса: однѣ должны заниматься интересами нравственными, а другія — физическими интересами общества. Ученые въ области наукъ физическихъ и математическихъ должны заниматься общественнымъ обученіемъ, равно какъ всѣми трудами, имѣющими въ виду усовершенствованія коллективнаго и индивидуальнаго пониманія членовъ общества. Земледѣльцы, фабриканты, негоціанты должны главнымъ образомъ заниматься администраціею матеріальныхъ интересовъ общества. Власть свѣтская и власть духовная должны быть независимы одна отъ другой, исключая денежныхъ отношеній, въ которыхъ власть духовная должна зависѣть отъ власти свѣтской.

«Основатели положительной нравственности и политики подобно первымъ христіанамъ имѣютъ отвращеніе ко всякому насилію. Они будутъ дѣйствовать исключительно путемъ убѣжденія и доказательства.»

B.

Новое христіанство (тамъ же, 269).

«Новое христіанство составится изъ частей, похожихъ на тѣ, изъ которыхъ въ настоящее время состоятъ различныя еретическія ассоціаціи, существующія въ Европѣ и Америкѣ. Новое христіанство, подобно еретическимъ ассоціаціямъ, будетъ имѣть свою мораль, свой культъ и свои догматы. Оно будетъ имѣть свое духовенство и его духовенство будетъ имѣть своихъ начальниковъ. Но несмотря на это сходство организаціи, Новое христіанство будетъ очищено отъ всѣхъ нынѣшнихъ ересей; нравственное ученіе для новыхъ христіанъ будетъ самое важное; на культъ и догматъ они будутъ смотрѣть

какъ на второстепенныя вещи, имѣющія цѣлью обратить вниманіе вѣрныхъ всѣхъ классовъ на нравственность.

«Въ новомъ христіанствѣ вся нравственность будетъ выводима прямо изъ принципа : люди должны вести себя относительно другъ друга, какъ братья; и этотъ принципъ, принадлежащій первоначальному христіанству, подвергнется измѣненію вслѣдствіе котораго онъ долженъ будетъ служить цѣлію для всѣхъ религіозныхъ трудовъ. Этотъ возрожденный принципъ получитъ слѣдующій видъ. Религія должна направлять общество къ великой цѣли возможно быстраго улучшенія участи класса наиболѣе бѣднаго.

«Тѣ, которыа должны основать новое христіанство и сдѣлаться главами новой церкви, должны быть людьми наиболѣе способными посредствомъ своихъ трудовъ способствовать къ улучшенію благосостоянія самаго бѣднаго -класса. Обязанности духовенства будутъ сведены къ тому чтобы проповѣдывать новое христіанское ученіе, объ усовершенствованіи котораго будутъ постоянно заботиться главы церкви. Вотъ въ немногихъ словахъ тотъ характеръ, который должно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ развить истинное христіанство Мы сравнимъ эту идею религіознаго учрежденія съ религіями которыя существуютъ въ Европѣ и Америкѣ; посредствомъ этого сравненія мы легко докажемъ, что всѣ такъ называемыя христіанскія религіи ничто иное, какъ ереси, то есть, что онѣ не стремятся прямо къ быстрому по возможности улучшенію благосостоянія самаго бѣднаго класса, что составляетъ единственную цѣль христіанства.»

Г.

Содержаніе и духъ всѣхъ трехъ частей книги о новомъ христіанствѣ, изложенныя самымъ авторомъ (тамъ же, 305).

«Моя цѣль не ограничивается тѣмъ, чтобы доказать ересь католиковъ и протестантовъ; для того, чтобы обновить вполнѣ христіанство, мнѣ недостаточно доставить ему торжество надъ всѣми древними религіозными философіями, я долженъ еще доказать его научныя превосходства надъ всѣми философскими ученіями, которыя заняли мѣсто внѣ религіи; я долженъ отложить развитіе этой идеи до второй бесѣды; но въ ожиданіи этого я постараюсь дать вамъ понятіе о моемъ трудѣ въ цѣломъ. Родъ человѣческій никогда не переставалъ дѣлать прогрессъ; но онъ не всегда поступалъ одинаково; не всегда употреблялъ одни и тѣ же средства для увеличенія мас-

сы своихъ познаній и для усовершенствованія своей цивилизаціи; напротивъ, наблюденія показываютъ, что съ пятнадцатаго вѣка онъ поступалъ противоположно тому, какъ поступалъ со времени основанія христіанства до пятнадцатаго столѣтія.

«Со времени основанія христіанства до пятнадцатаго столѣтія родъ человѣческій главнымъ образомъ занимался приведеніемъ въ порядокъ своихъ общихъ чувствъ, установленіемъ всеобщаго и единственнаго принципа и основаніемъ всеобщаго учрежденія, имѣющаго цѣлью поставить аристократію таланта выше аристократіи рожденія. —Впродолженіе всего этого періода прямыя наблюденія надъ частными интересами, надъ частными фактами и второстепенными принципами были въ пренебреженіи; они были очернены въ массѣ умовъ и относительно этого предмета образовалась то преобладающее мнѣніе, что второстепенные принципы должны быть выводимы изъ фактовъ общихъ, изъ принципа всеобщаго; это мнѣніе имѣетъ характеръ истины чисто спекулятивной, потому что человѣческое пониманіе не имѣетъ средствъ установить всеобщія идеи, достаточно точныя для того, чтобы изъ нихъ можно было выводить въ видѣ прямыхъ послѣдствій всѣ идеи частныя. Къ этому важному факту относятся замѣчанія, представленныя мною въ этомъ діалогѣ, въ изслѣдованіи католицизма и протестантизма.

«Со времени упадка европейской духовной власти, бывшаго слѣдствіемъ возстанія Лютера, человѣческій умъ отказался отъ взглядовъ всеобщихъ; онъ обратился къ частностямъ; онъ занялся анализомъ отдѣльныхъ фактовъ, отдѣльныхъ интересовъ различныхъ классовъ общества; онъ старался о томъ, чтобы выработать второстепенные принципы, которые могли бы служить основаніемъ для различныхъ отраслей его познаній; и впродолженіе этого втораго періода составилось мнѣніе, что разсужденіе объ общихъ фактахъ объ общихъ принципахъ и объ общихъ интересахъ человѣческаго рода, ничто иное, какъ неопредѣленное и метафизическое разсужденіе, немогущее содѣйствовать дѣйствительнымъ образомъ прогрессу образованія и усовершенствованію цивилизаціи. Такимъ образомъ съ 15 вѣка умъ человѣческій слѣдовалъ дорогою противоположной той, которою онъ шелъ до того времени; безъ сомнѣнія важные и положительные успѣхи, достигнутые во всѣхъ отрасляхъ нашихъ познаній несомнѣннымъ образомъ доказываютъ, какъ ошибались наши предки, считая малополезнымъ изученіе отдѣльныхъ фактовъ второстепенныхъ принциповъ и анализъ частныхъ интересовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно и то, что для общества было весьма вредно пренебреженіе, съ которымъ, начиная съ 15

вѣка, относились къ трудамъ, имѣющимъ въ виду изученіе общихъ фактовъ принциповъ и интересовъ. Это пренебреженіе повело къ эгоизму, который сдѣлался господствующимъ во всѣхъ классахъ и во всѣхъ личностяхъ. А эгоизмъ, сдѣлавшись господствующимъ во всѣхъ классахъ и во всѣхъ личностяхъ, облегчилъ Цезарю возможность вновь пріобрѣсти большую часть политической силы, которую онъ потерялъ раньше 15-го вѣка. Этому эгоизму нужно приписать политическую болѣзнь нашей эпохи, болѣзнь, отъ которой страдаютъ всѣ рабочіе и полезные члены общества, вслѣдствіе которой короли поглощаютъ большую часть рабочей платы бѣдныхъ для своихъ личныхъ издержекъ, для издержекъ ихъ придворныхъ и ихъ солдатъ, болѣзнь, которая производитъ то, что короли и аристократы рожденія присвоиваютъ себѣ огромную долю того уваженія, которое принадлежитъ ученымъ, артистамъ и начальникамъ промышленныхъ работъ, за тѣ прямыя и положительныя услуги, которыя они оказываютъ общественному дѣлу.

«Итакъ весьма желательно, чтобы труды, имѣющіе предметомъ усовершенствованіе нашихъ познаній относительно общихъ фактовъ принциповъ и интересовъ, въ скоромъ времени начали свою дѣятельность и получили въ обществѣ покровительство подобно тѣмъ, которые имѣютъ предметомъ изученіе частныхъ фактовъ второстепенныхъ принциповъ и частныхъ интересовъ. Таковъ общій видъ идей, которыя будутъ развиты въ нашемъ второмъ разговорѣ, котораго предметомъ будетъ изложеніе христіанства съ точки зрѣнія теоретической и научной и доказательство превосходства христіанской религіи надъ всѣми другими теоріями, какъ религіозными, такъ и научными.

«Наконецъ въ третьемъ діалогѣ я буду говорить прямо о новомъ христіанствѣ, о христіанствѣ опредѣлительномъ. Я изложу его мораль, его культъ, его догматъ; я предложу исповѣданіе вѣры для новыхъ христіанъ. Я докажу, что это ученіе есть единственное соціальное ученіе, пригодное для европейцевъ при настоящемъ состояніи ихъ образованія и цивилизаціи. Я докажу, что принятіе этого ученія есть лучшее и самое мирное средство для того, чтобы исправить чрезвычайныя невыгоды, происшедшія отъ вторженія силы физической въ область духовную, вторженія, происшедшаго въ 15-мъ вѣкѣ, и для того, чтобы прекратить это вторженіе посредствомъ реорганизаціи духовной власти на новыхъ началахъ посредствомъ снабженія ея силою достаточною для противодѣйствія безграничнымъ притязаніямъ свѣтской власти. Я докажу кромѣ того, что принятіе новаго христіанства ускоритъ успѣхи цивилизаціи безконечно больше, чѣмъ всякая другая общая

мѣра, потому что вслѣдствіе его пойдутъ ровнымъ шагомъ труды, относящіеся къ общности человѣческихъ познаній, и труды, имѣющіе предметомъ усовершенствованіе спеціальностей.»

Д.

Взглядъ Л. Штейна на С.-Симона.

(изъ «Geschichte der socialen Bewegung in Francreich». Leipz. 1858 т. II).

«С.-Симонъ тѣмъ особенно достоинъ замѣчанія, что главные вопросы его времени не только вообще отражаются въ немъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ на своихъ отдѣльныхъ ступеняхъ вызываютъ оригинальный и опредѣленный видъ въ его воззрѣніи Онъ существеннымъ образомъ отличается отъ Фурье въ томъ отношеніи, что Фурье первоначально отъискиваетъ свой абсолютный принципъ и ставитъ его, строитъ свою систему, не обращая вниманія на движеніе, совершающееся вокругъ него и смотритъ на настоящее съ точки зрѣнія своей системы съ порицаніемъ и угрозою. Напротивъ С.-Симонъ, знакомый со всѣми частями общества, самъ того не замѣчая, носитъ на себѣ печать своего времени, и мы можемъ опредѣлить точку, которой достигло общество, если обратимъ вниманіе на развитіе этого перваго соціалиста съ его сомнѣніями, неясностями и отдаленными надеждами. Въ этомъ отношеніи даже «Письма женевскаго обитателя» представляютъ явленіе не совсѣмъ лишенное значенія». (стр. 146).

Этотъ взглядъ Штейна далеко нельзя назвать вполнѣ справедливымъ. Конечно С.-Симонъ больше, нежели кто нибудь другой, подчинялся вліянію среды и обстоятельствъ. Но чтобы онъ служилъ на столько представителемъ своего времени, чтобы его развитіемъ можно было опредѣлять состояніе его эпохи, это болѣе, чѣмъ сомнительно. Съ одной стороны всѣ главные пункты ученія С.-Симона не имѣютъ ничего общаго съ стремленіями французскаго общества того времени, или по крайней-мѣрѣ громаднаго большинства его. Такова его фантазія о новой религіи, ньютонизмѣ, объ управленіи міра посредствомъ ньютонова совѣта и т. п. Даже болѣе практическія, менѣе фантастическія ученія С.-Симона шли въ разрѣзъ съ стремленіями большинства. Таково его ученіе о правѣ промышленнаго класса, и въ особенности, значительнѣйшихъ представителей его на управленіе обществомъ.

Съ другой стороны С.-Симонъ не дошолъ до пониманія значенія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ фактовъ общественной жизни, которые по справедливости обратили на себя вниманіе не только мечтательныхъ, но и серьезныхъ умовъ еще въ

прошломъ столѣтіи. Такъ мы видѣли, что еще Неккеръ со строгостью истиннаго представителя экономической науки указалъ пункты, въ которыхъ интересы владѣющихъ и рабочихъ классовъ стоятъ въ прямомъ противорѣчіи. А С.-Симонъ пятдесятъ лѣтъ спустя послѣ этого могъ еще предоставлять судьбу всего народа въ руки наиболѣе значительныхъ промышленниковъ. Впрочемъ, это недомысліе С.-Симона указываетъ и Штейнъ въ слѣдующихъ словахъ: «онъ (С.-Симонъ) не дошелъ до яснаго пониманія того, что промышленное общество производитъ два существеннымъ образомъ противоположные класса, которые борятся за господство и свободу». Если С.-Симонъ не понялъ этого, послѣ того, какъ другіе поняли это гораздо раньше, когда борьба была не столь замѣтна, то нельзя сказать, чтобы развитіе С.-Симона шло рядомъ съ развитіемъ самаго общества.—С.-Симонъ видимымъ образомъ отсталъ отъ развитія общества тамъ, гдѣ онъ занимался вопросами дѣйствительной соціальной жизни, а въ другихъ вопросахъ, касательно религіи, касательно государственнаго устройства, онъ не опередилъ своего вѣка, а совсѣмъ ушелъ въ область фантазіи *.

О нравственномъ характерѣ С.-Симона Штейнъ выражается такимъ образомъ: «С.-Симонъ рѣдко признавалъ свои ошибки и неясности и всегда весьма преувеличивалъ достоинство своихъ собственныхъ трудовъ. Однако онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые внутреннему стремленію своей мысли жертвуютъ своимъ благополучіемъ, и такіе люди рѣдки. Это должно примирить съ нимъ его противниковъ и за-

---

* Гораздо ближе къ истинѣ взглядъ на С.-Симона другаго нѣмецкаго писателя, К. Грюна, «жизнь С.-Симона, говоритъ онъ, есть зеркало его системы, это постоянное неправильное развитіе безъ всякаго другаго принципа, безъ всякаго направленія, кромѣ слѣдующаго: я имѣю человѣческое право на отысканіе истины, и, даже ошибаясь, я нахожусь въ своемъ правѣ.—Всякій вопросъ научный, экономическій, гуманистическій привлекаетъ вниманіе въ этомъ безпокойномъ духѣ; но все лежитъ въ немъ въ возможности, а не въ дѣйствительности. Все только затронуто, и ничто не изслѣдовано, не доказано. С.-Симонъ это новое евангеліе безъ критики. Это соціалистъ наиболѣе очаровательный изъ всѣхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе неосновательный». (Die sociale Bewegung in Francreich und Belgien. Darmst. 1845 г., стр. 84 и 88). Не надобно забывать, что Грюнъ самъ весьма усердный приверженецъ соціальныхъ теорій, и этимъ объясняется то, что онъ находитъ въ С.-Симонѣ что-нибудь такое, почему его можно назвать евангеліемъ, хотя и безъ критики, и вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ его очаровательнымъ, и притомъ болѣе, нежели кто-нибудь изъ соціалистовъ. Ужъ если дошло до очаровательности, то Фурье въ этомъ отношеніи много опередилъ С.-Симона. Да и въ предъидущихъ вѣкахъ можно найти писателей, которые по крайней-мѣрѣ не уступятъ въ этомъ отношеніи С.-Симону, напр. Верассъ, Фуэньи, Берингтонъ, Ретифъ де ла Бретоннъ и др. (См. прил. Б въ главѣ III).

ставить ихъ признать, что жизнь его не совсѣмъ неудалась» (стр. 177). — Несомнѣнно то, что благополучіемъ въ жизни С.-Симонъ не пользовался, но чтобы онъ жертвовалъ имъ стремленію своей мысли, этого нельзя сказать. Этому противорѣчатъ многіе несомнѣнные факты. Такъ первый періодъ его бѣдности, послѣ возвращенія изъ путешествія въ Германію и Англію, произошолъ отъ того, что онъ не получилъ порядочнаго мѣста, которое надѣялся получить съ помощію графа Сегюра. Гдѣ же здѣсь съ его стороны жертва?— Эта неудача. Второй періодъ бѣдности произошолъ отъ того, что умеръ его покровитель Діаръ; тутъ опять не жертва, а несчастіе, непредвидѣнный случай. Для всякаго другаго впрочемъ было бы несчастіемъ уже и то, что онъ принужденъ былъ бы жить на чужой счетъ. С.-Симонъ такими соображеніями не стѣснялся; но во всякомъ случаѣ жертвы нельзя видѣть ни въ томъ, что С.-Симонъ жилъ на счетъ Діара, ни въ томъ, что Діаръ умеръ. Изъ втораго періода бѣдности С.-Симонъ пробовалъ выйти обратившись къ графу Редерну съ требованіемъ части изъ пріобрѣтенныхъ ими вмѣстѣ національныхъ имуществъ, и когда это не удалось, то онъ обратился къ своему семейству и получилъ отъ него пенсіонъ.— Потомъ онъ принялъ мѣсто помощника библіотекаря въ арсеналѣ во время 100 дней, не смотря на то, что передъ этимъ онъ только что написалъ рѣзкій памфлетъ противъ Бонапарта; подобное улучшеніе своей судьбы, т. е. принятіе мѣстъ отъ людей, принадлежащихъ къ враждебнымъ партіямъ, не допускается и людьми, неимѣющими столь большихъ претензій, какъ С.-Симонъ. И послѣ этого С.-Симонъ еще написалъ брошуру противъ коалиціи, враждебной Бонапарту.—Послѣ ста дней С.-Симонъ потерялъ свое мѣсто, и для него начался новый періодъ бѣдности, изъ котораго онъ вышелъ благодаря пособіямъ богатыхъ промышленниковъ, которыхъ интересы онъ въ это время сталъ защищать. Очевидно, тутъ опять нѣтъ ничего похожаго на жертву, тѣмъ болѣе, что въ самой защитѣ интересовъ промышленныхъ классовъ усердіе его къ нимъ обнаруживается въ степени, совершенно соразмѣрной съ получаемыми пособіями. — Вообще, мы находимъ совершенно невозможнымъ допустить, чтобы С.-Симонъ для своихъ идей, каковы бы онѣ ни были, жертвовалъ личными интересами; гораздо правдоподобнѣе мысль совершенно противоположная, т. е., что для личныхъ интересовъ онъ жертвовалъ своими идеями. И приведенное мнѣніе Штейна нужно объяснять только тѣмъ, что сочиненіе его явилось въ то время, когда жизнь С.-Симона была еще мало извѣстна. Штейнъ пользовался только изданіемъ Родрига: «Oeuvres de Saint-Simon» и незначительными автобіо-

графическими извѣстіями о С.-Симонѣ, напечатанными въ началѣ этого изданія.—Послѣ того сдѣлались извѣстны многіе матеріалы для его біографіи, весьма важные, которые позволяютъ сдѣлать болѣе правильную оцѣнку его характера.

E.

Характеристика С.-Симона, начерченная въ нашей литературѣ.

О С.-Симонѣ, сколько намъ извѣстно, до 1866 года, было писано только въ одномъ журналѣ, въ «Современникѣ», въ 1860 году, въ статьѣ «Іюльская Монархія» (№ V, стр. 129 и слѣд.). Статья эта составлена г. Чернышевскимъ по сочиненію Л. Блана «Histoire de dix ans». - Л. Бланъ, самъ соціалистъ, ко всѣмъ вообще соціалистамъ относится съ сочувствіемъ и потому представляетъ С.-Симона слишкомъ въ розовомъ свѣтѣ. Но портретъ С.-Симона, начерченный нашимъ публицистомъ, далеко оставляетъ за собою портретъ, начерченный Л. Бланомъ. Онъ изобилуетъ невѣрными данными, путаницею въ хронологіи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ указаніи причинныхъ отношеній между явленіями. Мы не станемъ входить въ разборъ всѣхъ мнѣній автора, въ надеждѣ, что въ этой главѣ представлено довольно фактовъ, на основаніи которыхъ легко могутъ быть отличены представляемыя авторомъ невѣрныя данныя и мнѣнія.

«Человѣкъ необыкновеннаго ума, такъ начинаетъ авторъ, и рѣдкаго благородства (?), полный пламеннаго сострадація къ бѣдствіямъ массы (?), С.-Симонъ видѣлъ передъ собою ту самую картину, какую и теперь видитъ каждый; но чужія несчастія и общественныя несообразности, невозмущающія душевнаго спокойствія людей съ обыкновеннымъ сердцемъ, мучили его (?).

«Повсюду вокругъ себя онъ видитъ ожесточенную борьбу, борьбу производителей между собою за сбытъ товара, борьбу работниковъ между собою за полученіе работы, борьбу фабриканта съ работникомъ за размѣръ платы, борьбу бѣдняка противъ машины, отнимающей у него прежнюю работу и прежній кусокъ хлѣба; эта война называется конкурренціею, и насъ увѣряютъ, что она приноситъ больше пользы, чѣмъ вреда; очень можетъ быть; но страданія, ею приносимыя, неизмѣримо велики, потому что она губитъ всѣхъ слабѣйшихъ въ каждомъ званіи, въ каждомъ промыслѣ. У кого больше капитала, тотъ богатѣетъ, а всѣ другіе разоряются: изъ самой свободы возникаетъ монополія милліонеровъ, порабощающихъ себѣ все; земли обременены долгами, ремесленники, сами быв-

шіе хозяевами, замѣняются наемными рабочими; духъ спекуляціи влечетъ общество къ отчаянному риску, кончающемуся коммерческими кризисами; выгода каждаго противоположна выгодѣ другихъ людей, а каждый родъ занятій враждебенъ другому. Рынки завалены товарами, ненаходящими сбыта, фабрики запираются и рабочіе остаются безъ хлѣба. Всѣ открытія науки обращаются въ средства порабощенія и оно усиливается самимъ прогрессомъ: пролетарій дѣлается просто рукояткою машины и безпрестанно бываетъ принужденъ жить милостынею; въ шестьдесятъ лѣтъ онъ остается безъ всякихъ средствъ къ жизни; его дочь продаетъ себя отъ голода его сынъ съ семи лѣтъ дышетъ зараженнымъ воздухомъ фабрикъ. Таково было матеріальное положеніе общества, представлявшееся С.-Симону.

«Тотъ же самый хаосъ видѣлъ онъ и въ нравственной жизни общества: оно не имѣло никакихъ твердыхъ убѣжденій (у Л. Блана: croyances communes), оно только привыкло слышать, что все вздоръ, кромѣ личной денежной выгоды. Самый бракъ сталъ просто коммерческою сдѣлкою, денежнымъ разсчетомъ: женихъ продаетъ себя, невѣсту продаютъ. При такомъ началѣ невозможно хорошее продолженіе супружеской жизни: мужъ всегда невѣренъ женѣ, жена почти всегда измѣняетъ мужу, супружеское счастье — рѣдкость, которой никто даже не вѣритъ; едва умираетъ человѣкъ, надъ его трупомъ начинаются ссоры и процессы изъ за наслѣдства: общественная жизнь наполнена жесточайшею враждою между родными; эта гнусность простирается до того, что безпрестанно возникаютъ тяжбы у дочери съ отцемъ за имущество матери, у сына съ матерью за имущество отца. Вотъ какова семейная жизнь зажиточныхъ сословій. Для простолюдина съ каждымъ днемъ уменьшается возможность имѣть семейство: молодой человѣкъ не имѣетъ средствъ содержать жену, дѣвушка находитъ любовника, но не находитъ мужа; супружество замѣняется наложничествомъ. А если бѣднякъ по безразсудству женится, онъ принужденъ не воспитывать дѣтей, а дѣлать ихъ орудіями, помогающими прокормленію семьи: маленькіе мальчики и дѣвочки уже работаютъ на фабрикахъ, погибая тѣломъ отъ чрезмѣрной работы, погибая душею отъ преждевременнаго разврата: имъ нужно было бы подышать свѣжимъ воздухомъ, поиграть, а они заперты въ душной мастерской, въ которой перемѣшаны оба пола и происходятъ грязныя сцены. Каждый день въ пять часовъ утра тѣснится у дверей фабрики толпа этихъ несчастныхъ дѣтей, блѣдныхъ, слабыхъ, съ потусклымъ взоромъ, со спиною уже сгорбленною, какъ у стариковъ. Шарль Дюпенъ уже докладывалъ палатѣ перовъ, что изъ тысячи молодыхъ людей, призываемыхъ въ мануфактурныхъ департаментахъ на оче-

редь по конскрипціи, 898 человѣкъ оказываются неспособными къ военной службѣ по болѣзненности или изуродованности.

«Мы уже видѣли, чѣмъ были поглощены силы правительства (т. е. правительства Людовика Филиппа): не заботами объ общественномъ благѣ, а личными интригами, отчаянными усиліями поддержать свое существованіе, безплодными для народа турнирами ораторскаго краснорѣчія; мы видѣли, что депутаты были представителями одного зажиточнаго сословія, находившаго выгоду себѣ при общественномъ устройствѣ, столь тяжеломъ для массы: они не имѣли и мысли преобразовать его; притомъ же въ числѣ депутатовъ было столько чиновниковъ, безусловно зависящихъ отъ правительства, что министры всегда и во всемъ имѣли за себя большинство, и не могло пройдти черезъ палату ничто, не поддерживаемое министрами.

«Все это возмущало С.-Симона. Онъ сталъ думать о необходимости совершенно перестроить общественный бытъ. Онъ былъ потомокъ одного изъ знатнѣйшихъ родовъ Франціи, герцогъ (!), богачъ (!); онъ пожертвовалъ всѣмъ (?) для изслѣдованій о средствахъ улучшить положеніе страдавшихъ простолюдиновъ. Прежде всего, онъ считалъ нужнымъ изучить природу человѣка во всѣхъ ея проявленіяхъ, отъ самыхъ изысканныхъ до самыхъ грубыхъ, отъ самой высокой добродѣтели до низкихъ пороковъ. Самъ будучи человѣкъ чистѣйшей нравственности (?), онъ вошелъ въ развратнѣйшіе круги, чтобы изучить, какими причинами и влеченіями обольщаются порочные люди; серьезный ученый (!), онъ сдѣлалъ свой домъ центромъ легкомысленныхъ забавъ аристократическаго (?) общества, чтобы видѣть, почему становится человѣкъ пустымъ и легкомысленнымъ. Блестящіе балы (?) смѣнялись у него собраніями ученыхъ, потому что онъ хотѣлъ также наблюдать, какимъ образомъ проявляется въ человѣкѣ стремленіе къ знанію. Изучивъ самымъ близкимъ наблюденіемъ высшія потребности человѣка и уклоненія, возникающія отъ изысканной цивилизаціи, онъ захотѣлъ узнать, что такое бѣдность: тутъ наблюденіе (т. е. наблюденіе со стороны) казалось ему недостаточнымъ, нуженъ былъ собственный опытъ и притомъ серьезный, а не шуточный; онъ преднамѣренно (?), обдуманно (?), расчетливо разорился и конецъ своей жизни (!) провелъ въ величайшей бѣдности, добывая пропитаніе ремесломъ переписчика. Такая жизнь свидѣтельствуетъ объ экзальтаціи филантропической любознательности, о фанатической преданности дѣлу, похожей на мономанію».

Луи Бланъ, на основаніи котораго составлена эта характеристика, говоритъ о С.-Симонѣ такимъ образомъ:

«Основатель школы с.-симонистовъ — принадлежалъ къ одному изъ наиболѣе благородныхъ домовъ Франціи, онъ былъ наслѣдникомъ имени и герба знаменитаго герцога С.-Симона; — и, несмотря на то, онъ нападалъ на всѣ привилегіи рожденія и утверждалъ, что война есть дѣло нечестивое. Это былъ человѣкъ могучій независимостью ума и дерзостью сердца (l'audace du coeur). Убѣжденный, что прежде составленія законовъ для человѣчества, нужно внимательно изучать людей и вещи, онъ провелъ половину жизни въ изученіи общества во всѣхъ его видахъ, не отступая ни передъ какимъ опытомъ, предаваясь въ качествѣ наблюдателя пороку и добродѣтели, извлекая урокъ изъ каждаго своего паденія, дѣлая свои глупости предметомъ своего изученія, проживая съ разсчитанною расточительностью (prompt à dissiper en prodigalités calculées) состояніе, пріобрѣтенное посредствомъ спекуляцій, — отъ богатства, посвященнаго наукѣ, переходя къ крайней бѣдности, получая содержаніе отъ жалкаго мѣста переписчика въ то время, какъ въ мысли онъ управлялъ цѣлымъ міромъ, мудрый для однихъ, безумный для большинства, восторженный до экзальтаціи, потомъ упадая духомъ до того, что покушался на самоубійство, наконецъ принужденный просить милостыню, — онъ, который соединялъ за своимъ столомъ наиболѣе блестящихъ артистовъ и наиболѣе знаменитыхъ ученыхъ». (Hist. de dix ans. Paris, 1843. III, 96).

Очевидно ошибочная характеристика, сдѣланная нашимъ публицистомъ, произошла отчасти отъ того, что онъ выпустилъ нѣкоторыя черты, которыя Л. Бланъ не нашелъ возможнымъ выпустить въ своей характеристикѣ; такъ онъ ничего не говоритъ о паденіяхъ С.-Симона, о пріобрѣтеніи имѣнія посредствомъ спекуляціи, о прошеніи милостыни и т. п. — отчасти отъ того, что онъ захотѣлъ дать большую опредѣленность другимъ чертамъ характеристики Л. Блана, представленнымъ въ видѣ довольно неопредѣленномъ. У Л. Блана С.-Симонъ названъ наслѣдникомъ герцога С.-Симона; это правда; но Л. Бланъ не прибавилъ того, что въ дѣйствительности наслѣдства онъ не получилъ, что ни титулъ, ни гербъ, ни имѣніе герцога С.-Симона къ Генриху С.-Симону не перешли. А у г. Чернышевскаго онъ является не только наслѣдникомъ in potentia, а потомкомъ и притомъ богачомъ и даже герцогомъ. У Л. Блана С.-Симонъ названъ человѣкомъ могучимъ дерзостью своего сердца, выраженіе совершенно неопредѣленное и даже неправильное; у нашего публициста оно превратилось въ понятіе о человѣкѣ чистѣйшей нравственности. Л. Бланъ говоритъ, что его богатство было посвящено наукѣ; нашъ публицистъ уже называетъ С.-Симона серьезнымъ ученымъ. Луи Бланъ говоритъ, что С.-Симонъ прожилъ свое

состояніе съ разсчитанною расточительностью, нашъ публицистъ переводитъ это такимъ образомъ, будто С.-Симонъ нарочно разорился, чтобы собственнымъ опытомъ узнать, что такое бѣдность. Мысль эта очень оригинальна, до такой степени оригинальна, что даже происхожденіе ея непонятно безъ особенной причины. Въ дѣйствительности вотъ какъ она образовалась. Поводъ къ ней подалъ самъ С.-Симонъ. Онъ проживалъ свое состояніе дѣйствительно не безъ разсчета, и Л. Бланъ имѣлъ право его расточительность назвать разсчитанною (prodigalité calculée); только разсчетъ-то его былъ совсѣмъ не тотъ, который приписанъ ему г. Чернышевскимъ. Самъ С.-Симонъ вотъ какъ говоритъ о своемъ разсчетѣ: «Я думалъ, что 144,000 франковъ мнѣ будетъ достаточно для того, чтобы довести мое предпріятіе до конца, и что я получу почетное ученое мѣсто прежде, нежели ихъ истрачу вполнѣ. Я ошибся въ моемъ разсчетѣ:—я истратилъ 144,000 фр. прежде, нежели заслужилъ почетное ученое мѣсто» (Oeuvres de S.-Simon et d'Enfantin. I, 29). И такъ С.-Симонъ, тратя свое состояніе, разсчитывалъ на хорошее мѣсто, которое доставило бы ему обезпеченное содержаніе. Тутъ очевидно нѣтъ ничего похожаго на намѣренное проживаніе состоянія съ цѣлью испытать послѣ этого бѣдность.

Самое побужденіе къ реформаторской дѣятельности С.-Симона нашъ публицистъ объясняетъ совершенно превратнымъ образомъ. Онъ представляетъ дѣло такъ, будто С.-Симона мучили чужія несчастія и общественныя несообразности; чужія несчастія — это, какъ развиваетъ дальше свою мысль авторъ, страданія рабочихъ, тяжелое положеніе ихъ самихъ и ихъ малолѣтнихъ дѣтей на фабрикахъ,—общественныя несообразности—это неограниченная конкурренція, при которой большіе капиталисты давятъ небольшихъ, это спекуляціи, влекущія за собою кризисы, и наконецъ это неправильное политическое устройство, по которому депутаты были представителями только одного зажиточнаго сословія, и т. д.

Все это С. Симонъ, будто бы, видѣлъ въ окружающей его жизни, и все это привело его къ его реформаторской дѣятельности. Если бы это было дѣйствительно справедливо, то С.-Симона слѣдовало бы помѣщать рядомъ не съ соціальными реформаторами, имѣвшими въ виду улучшеніе общественнаго строя, а съ какими-нибудь защитниками крѣпостнаго состоянія или рабства негровъ. Въ самомъ дѣлѣ видѣть, что фабриканты, согласно съ своими выгодами, постоянно сокращаютъ размѣры платы рабочимъ и тѣмъ доводятъ ихъ до самаго жалкаго состоянія, и послѣ этого предоставлять судьбу государства въ руки этихъ самыхъ фабрикантовъ вмѣстѣ съ другими промышленными пред-

принимателями, это значитъ дѣйствовать прямо во вредъ слабому, угнетаемому сильнымъ; видѣть, что большіе капиталисты-промышленники давятъ маленькихъ и проектировать государственное устройство съ полнымъ преобладаніемъ этихъ самыхъ большихъ капиталистовъ или, какъ выражается С.-Симонъ, «значительнѣйшихъ промышленниковъ», это значитъ опять дать сильному новое средство тѣснить слабаго; наконецъ видѣть, что спекуляціи подрываютъ народное богатство и самому до такой степени предаться имъ, что скупить земли цѣлаго департамента, это значитъ прямо и сознательно дѣйствовать ко вреду народнаго благосостоянія. —Къ чести С.-Симона нужно сказать, что всего этого, что онъ будто бы видѣлъ, этой борьбы экономическихъ интересовъ и печальныхъ результатовъ ея въ дѣйствительности онъ совсѣмъ не видѣлъ не только въ то время, когда приступалъ къ своей реформаторской дѣятельности, но почти до самаго конца своей жизни. Впродолженіе всей своей жизни, какъ мы видѣли, онъ былъ занятъ совсѣмъ другими предметами, другими вопросами; и притомъ во все продолженіе его жизни эта борьба интересовъ проявлялась въ степени столь незначительной, что только внимательное наблюденіе могло привести къ открытію ея и вмѣстѣ къ пониманію ея значенія. До революціи простой народъ терпѣлъ не отъ борьбы съ капиталистами, а отъ своего безправья, отъ тягости налоговъ, неправильно распредѣленныхъ. Во время революціи народъ занятъ былъ реформою политическою, которая дѣйствительно и улучшила его бытъ. Во время имперіи народъ страдалъ отъ войнъ; но въ то время спросъ на его трудъ по крайней мѣрѣ не былъ ниже предложенія; предложеніе уменьшалось благодаря войнамъ, а спросъ увеличился, благодаря расширенію границъ Франціи и благодаря континентальной системѣ, такъ какъ и то и другое имѣло слѣдствіемъ увеличеніе сбыта французскихъ произведеній. Только послѣ возстановленія мира, возобновленіе торговыхъ сношеній съ Англіею произвело возмущеніе въ промышленности, привело въ стѣснительное положеніе и фабрикантовъ и рабочихъ, что и заставило правительство обратиться къ покровительству народной промышленности посредствомъ тарифа 1822 года. Около этого времени и С.-Симонъ замѣтилъ, что участь пролетарія тяжела, и заговорилъ о ея улучшеніи въ Организаторѣ. Но это было только за 3 года до покушенія С.-Симона на самоубійство, и за пять лѣтъ до смерти, постигшей его уже на 65 году. А самъ С.-Симонъ еще въ 1812 году говорилъ, что онъ уже тогда занимался только разработкою своей системы, сводомъ наблюденій, сдѣланныхъ раньше, и даже совсѣмъ удалился отъ общества.—Въ этомъ случаѣ ошибка нашего пу-

блицiста произошла отъ того, что онъ опять сдѣлалъ совершенно произвольное измѣненіе мыслей Л. Блана. Л. Бланъ дѣйствительно рисуетъ эти печальныя явленія, но они являются у него, не какъ предметъ наблюденій С.-Симона, а какъ характеристика времени іюльской монархіи, которой онъ приписываетъ и неспособность, и безпечность, и недобросовѣстность. «Никогда, говоритъ онъ, ни одно общество не было столь переполнено безпорядками, какъ то, которое было предоставлено случаю людьми, которые оффиціально обязаны были вести его», т. е. министрами Люд.-Филиппа, и въ слѣдъ затѣмъ начинаетъ изображать эти самые безпорядки. Но онъ совсѣмъ не говоритъ, чтобы С.-Симонъ даже только видѣлъ описываемыя имъ явленія. А у нашего автора оказывается, что С.-Симонъ сталъ думать о соціальной реформѣ, потому что уже возмущался не только печальнымъ состояніемъ рабочихъ классовъ во Франціи, но даже дѣйствіями министровъ Людовика-Филиппа, тѣмъ, то они держали подъ своимъ незаконнымъ вліяніемъ палату, тѣмъ, что эта палата представляла только турниры ораторскаго краснорѣчія, а не заботилась о благосостояніи Франціи; а эта самая палата, эти министры и само правительство, избравшее ихъ, появились только пять лѣтъ спустя послѣ смерти С.-Симона!

Ж.

Сочиненія С.-Симона, ихъ изданія и матеріалы для его біографіи.

Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains. (Письма женевскаго обитателя къ своимъ современникамъ). Одинъ небольшой томъ in-12. Женева, 1802 года.

Introduction aux travaux scientifiques du XIX siècle. (Введеніе въ научные труды XIX вѣка). 1808 г. 2 тома in-4. Отпечатано только въ числѣ 100 экземпляровъ. (Л. Рейбо).

Lettres au bureau des Longitudes. (Письма въ бюро Долготъ). Небольшая брошурка въ 98 стр. 1808 г.

Nouvelle encyclopédie. (Новая энциклопедія). 1810 года. Небольшая брошурка.

Mémoire sur l'encyclopédie. (Записка объ энциклопедіи). 1810 г. Манускриптъ, переписанный въ числѣ 60 экз.

Mémoire sur la science de l'homme. (Записка касательно науки о человѣкѣ). Манускриптъ. 1811 года.

Mémoire sur la gravitation universelle. (Записка о всеобщемъ тяготѣніи). 1811 года. Манускриптъ, представленный Наполеону въ 1813 году.

Réorganisation de la société européenne. (Реорганизація европейскаго общества). Брошура въ 112 стр. in-8. 1814 г. Написана при сотрудничествѣ Ог. Тьерри.

Lettres de Henri de S.-Simon à MM. Comte et Dunoyer. (Письма Генриха де С.-Симона къ гг. Конту (Шарлю) и Дюнуайе). Напечатаны въ изданіи Конта «Censeur européen». 1814 г.

Défenseur des propriétaires des domaines nationaux. (Защитникъ владѣльцевъ національныхъ имуществъ). 1815 г. Изданъ только проспектъ, а самое сочиненіе не издано (Л. Р.).

Profession de foi des auteurs de l'ouvrage annoncé sous le titre: Le Défenseur des propriétaires des domaines nationaux. (Исповѣданіе вѣры авторовъ сочиненія, объявленнаго подъ заглавіемъ: Защитникъ владѣльцевъ національныхъ имуществъ). Брош. въ 8 стр. 1815 г.

Profession de foi du comte de S.-Simon au sujet de l'invasion du territoire français par N. Bonaparte. (Исповѣданіе вѣры графа де С.-Симона по поводу вторженія Н. Бонапарта во французскую территорію). 1815 г. 4 стр.

Opinion sur les mesures à prendre contre la coalition de 1815. (Мнѣніе о мѣрахъ противъ коалиціи 1815 г.). 1815 г. 14 стр.

Quelques idées soumises par M. de S.-Simon à l'assemblée generale de la société d'instruction primaire. (Нѣкоторыя идеи, представленныя г. де С.-Симономъ общему собранію общества первоначальнаго обученія). 1816 г. 14 стр.

L'Industrie ou discussions politiques, morales et philosophiques dans l'intérêt de tous les hommes livrés à des travaux utiles et indépendants. (Промышленность или разсужденія политическія, моральныя и философическія въ интересѣ людей преданныхъ трудамъ полезнымъ и независимымъ). Періодическое изданіе 1817 и 1818 года, появлявшееся выпусками, съ эпиграфомъ: «Tout par l'industrie, tout pour elle». Сотрудниками С.-Симона въ этомъ изданіи были Сентъ-Обенъ, Ог. Тверри и Ог. Контъ. Все изданіе, соединенное вмѣстѣ, составляетъ 4 тома. Въ этомъ изданіи между прочимъ помѣщены Vues sur la propriété et la législation.—Кромѣ того здѣсь помѣщены «Замѣтка касательно Соединенныхъ штатовъ». «Письма къ американцамъ» и многія др. статьи.

Le Politique. (Политикъ). Періодическое изданіе 1819 года. 12 выпусковъ.

L'Organisateur (Организаторъ). Періодическое изданіе 1819 и 1820 г. Все изданіе составляетъ одинъ томъ въ 263 стр. Въ первомъ выпускѣ этого изданія напечатана Парабола. Кромѣ того въ этомъ изданіи помѣщенъ новый проектъ парламентскаго устройства, несогласный ни съ предъидущими, ни съ послѣдующими проектами С.-Симона, но, разумѣется, отличающійся большою смѣлостью мысли и полною отрѣшенностью отъ жизни. (Авторъ предлагаетъ учредить парламентъ, состоящій изъ трехъ камеръ: камеры изобрѣтенія, камеры изслѣдованія и камеры исполненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагаетъ устроить по всей Франціи сады общественные, въ которыхъ должны жить художники и музыканты, и всей поверхности Франціи дать такой видъ, чтобъ она превратилась въ англійскій паркъ).

Lettre de H. S.-Simon aux jurés qui devaient prononcer sur l'accusation intentée contre lui. (Письмо Г. С.-Симона присяжнымъ, которые должны были судить его). 1820 г. 42 стр.

Système industriel. (Промышленная система) 1821 и 1822 г. Сборникъ, состоящій изъ трехъ частей, содержащій въ себѣ различныя статьи С.-Симона, его письма, адресы и пр. Это изданіе выходило выпусками. На одномъ изъ выпусковъ помѣщенъ слѣдующій эпиграфъ: «J'ecris pour les industriels, contre les nobles et contre les courtisans, c'est â dire j'ecris pour les abeilles, contre les frelons».

Des Bourbons et des Stuarts. (О Бурбонахъ и Стюартахъ). 1822 г. Подъ этимъ заглавіемъ, слѣдуя Л. Рейбо, вышла не одна брошура, а двѣ.

Catéchisme des industriels. (Катихизисъ промышленниковъ). 1822 и 1823 г. Сборникъ, состоящій изъ четырехъ выпусковъ. Третій выпускъ, какъ мы уже говорили, написанъ Ог. Контомъ.

Opinions littéraires, philosophiques et industrielles. (Мнѣнія литературныя, философическія и промышленныя). 1825 г. I томъ въ 392 стр.—Сотрудниками С.-Симона въ этомъ изданіи были Л. Галеви, Ол. Родригъ, Дюверрье и Байи.

Nouveau Christianisme. (Новое христіанство). 1825 г. I т. 95 стр.

Сочиненія С.-Симона вполнѣ никогда изданы не были. То, что издавалось подъ именемъ сочиненій или трудовъ С.-Симона, обыкновенно заключало въ себѣ только избранныя сочиненія С.-Симона. Таковы:

Oeuvres de S.-Simon, precedées de fragments de

l'histoire de sa vie ecrite par lui même, publiées par O. Rodrigues. (Сочиненія С.-Симона и отрывки изъ исторіи его жизни, писанной имъ самимъ). Изданіе Ол. Родрига. Парижъ, 1832 г. 1 томъ въ 600 стр. Здѣсь помѣщены Письма женевскаго обитателя, Парабола, Взгляды на собственность и законодательство, Катихизисъ промышленниковъ, Новое христіанство и нѣкоторыя другія статьи.

S.-Simon, sa vie et ses travaux (С.-Симонъ, его жизнь и труды) par G. Hubbard. Парижъ, 1857 г. I томъ въ 315 стр. Авторъ пользовался манускриптами, остававшимися у Родрига, который, умирая, передалъ ихъ Гюбару, взявъ съ него обѣщаніе на основаніи этихъ манускриптовъ правильно изобразить жизнь и характеръ С.-Симона. Впрочемъ, Гюбаръ не успѣлъ вполнѣ воспользоваться оставленными ему манускриптами, которые были отобраны у него Эмилемъ и Исаакомъ Перейрами, душеприкащиками Родрига. Не смотря на то, въ его изданіи очень много новыхъ данныхъ касательно жизни С.-Симона сравнительно съ тѣмъ, что было издано с. симонистами въ изданіи «Doctrine de S.-Simon» (1831 г.), и даже Родригомъ въ его изданіи сочиненій С.-Симона (1832 г.).—Изъ сочиненій С.-Симона въ изданіи Гюбара помѣщены: Письма женевскаго обитателя, Реорганизація европейскаго общества, нѣкоторыя статьи изъ Промышленности (между прочимъ, Взгляды на собственность и законодательство), Политика и Организатора (Парабола и др.), Мнѣнія философическія, литературныя и промышленныя и наконецъ Новое христіанство.

Oeuvres de S.-Simon et d'Enfantin, precedés de deux notices historiques. (Сочиненія С.-Симона и Анфантена, съ двумя предварительными историческими замѣтками), изданіе душеприкащиковъ Анфантена. Парижъ, 1865 и 1866 г. Мы не знаемъ, окончено ли это изданіе; въ 1866 году вышелъ только томъ 5-й, въ которомъ еще продолжается историческая замѣтка касательно Анфантена; слѣдующихъ томовъ мы не видали. Историческая замѣтка касательно С.-Симона занимаетъ половину перваго тома (133 стр.). Она содержитъ въ себѣ нѣсколько новыхъ данныхъ касательно жизни С.-Симона, сравнительно съ изданіемъ Гюбара, но уступаетъ ему относительно полноты и пропорціональности.

ГЛАВА V.

СЕНЪ-СИМОНИСТЫ.

Связь между С.-Симономъ и его учениками. Изданіе «Производителя». Образованіе школы. Корреспонденція, какъ средство пропаганды. Чтенія въ улицѣ Тараннъ.

Ученіе с.-симонистовъ. Критическая часть: анархія въ области наукъ и промышленности. Новая наука. Прогрессъ въ исторіи въ отношеніи политическомъ, экономическомъ и религіозномъ. Взглядъ школы на образованіе. Часть законоположительная: ученіе о Богѣ, оправданіе матеріи; будущая организація общества: іерархія нравственности, науки и промышленности; живой законъ.

Превращеніе школы с.-симонистовъ въ религіозное братство: Базаръ и Анфантенъ. Революція 1830 года. Письмо къ президенту палаты. Усиленная пропаганда посредствомъ проповѣди и журналистики. Семейство въ улицѣ Монсиньи. Расколъ.

Жизнь семейства послѣ удаленія Базара. Балы зимою 1831—32 года. Новая идея о couple-prêtre. Ассоціаціи рабочихъ. Финансы с.-симонистовъ. Новый расколъ и банкротство. Семейство въ Менильмонтанѣ. Процессъ и распаденіе семейства.

Разборъ главныхъ положеній ученія с.-симонистовъ: организація труловъ ученыхъ и промышленныхъ, новая наука, вознагражденіе сообразно способностямъ и дѣламъ, оправданіе матеріи. Нравственная сторона практической дѣятельности с.-симонистовъ. Насколько въ ней было искренности? Рѣшеніе жизни касательно состоятельности системы с.-симонистовъ.

Система сенъ-симонистовъ въ особенности достойна вниманія тѣмъ, что она является передъ глазами наблюдателя въ полномъ, законченномъ видѣ, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Сенъ-симонисты во всей полнотѣ, въ довольно строгой системѣ изложили какъ критическую, такъ и законоположительную, организаціонную часть своего ученія. Кромѣ того они имѣли возможность испытать на дѣлѣ практическую примѣнимость его, и ихъ опытъ, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ,

былъ сдѣланъ при отсутствіи всякихъ внѣшнихъ препятствій, такъ что результаты опыта принадлежатъ исключительно системѣ, почти безъ вліянія постороннихъ обстоятельствъ, что и дѣлаетъ опытъ сенъ-симонистовъ въ особенности интереснымъ при изученіи соціальныхъ теорій вообще.

Сенъ-Симонъ умеръ, не организовавъ, не основавъ и даже не выработавъ никакой философской или экономической школы. Самъ онъ въ теченіе своей жизни переходилъ отъ одной соціальной теоріи къ другой, и главною мыслью его въ послѣдніе дни жизни была мысль объ обезпеченіи участи наиболѣе многочисленнаго, трудящагося класса народа,—мысль, впрочемъ необлеченная имъ ни въ какія опредѣленныя формы. Эта-то мысль и составляетъ главное связующее звѣно между С.-Симономъ и его учениками. Впрочемъ, не считая для себя обязательнымъ все то, что писалъ въ разное время С.-Симонъ, и положительно не обращая никакого вниманія на многія изъ его теорій, нѣкоторыми другими изъ его ученій сенъ-симонисты пользуются, полагая ихъ въ основаніе отдѣльныхъ частей своей системы. И эти заимствованія имѣютъ то значеніе для сенъ-симонистовъ, что на С.-Симона они смотрятъ, какъ на первоначальнаго автора своей системы. С.-Симонъ служитъ для нихъ высшимъ авторитетомъ, къ которому они постоянно обращаютъ свои взоры, котораго именемъ они клянутся.

Школа сенъ-симонистовъ сформировалась не вдругъ послѣ смерти С.-Симона. Въ минуту его смерти, самое *число учениковъ его было таково, что исключало всякую мысль о школѣ*. Гробъ С.-Симона окружали Оландъ Родригъ, Леонъ Галеви, д-ръ Байи, Огюстъ Контъ и Огюстенъ Тьерри. Изъ нихъ Ог. Контъ и Ог. Тьерри когда-то состояли въ общеніи идей съ С.-Симономъ, но передъ смертью разошлись съ нимъ; д-ръ Байи и Л. Галеви были очень преданы С.-Симону, уважали его великія способности и его идеи; но С.-Симонъ не разсчитывалъ на ихъ способность къ продолженію его дѣла. Послѣднія слова его были обращены къ Родригу; ему онъ завѣщалъ свою послѣднюю волю: стремиться къ обезпеченію участи рабочаго класса. Другимъ усерднымъ ученикомъ С.-

Симона въ эту эпоху уже можно назвать Варѳоломея Анфантена, бывшаго въ отсутствіи изъ Парижа въ моментъ смерти С.-Симона; Анфантенъ дѣйствительно былъ ревностный почитатель С.-Симона; но во всю свою жизнь онъ только однажды видѣлъ его, незадолго до его смерти; можно поэтому судить, что немногимъ Анфантенъ заимствовался отъ С.-Симона.

Но какъ онъ, такъ и Родригъ, еще раньше знакомства съ С.-Симономъ и совершенно независимо отъ него, сами были одушевлены мыслью о необходимости улучшенія соціальнаго быта Европы; эта мысль и свела ихъ съ С.-Симономъ; и знакомство съ нимъ, очевидно, должно было не ослабить, а усилить ее. Потому тотчасъ послѣ смерти С.-Симона они взялись за предпріятіе, имѣвшее прямое отношеніе къ ихъ главной мысли, стали издавать журналъ «le Producteur» (Производитель), задуманный еще при жизни С.-Симона.

«Начиная это предпріятіе, говорили потомъ сенъ-симонисты *, мы знали, что по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ доходы изданія не оплатятъ даже издержекъ печатанія. Потому мы обратились къ нѣкоторымъ банкирамъ, которые раньше этого, побуждаемые постоянными просьбами С.-Симона, поддерживали его первые труды, равно какъ и къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ, которыхъ дружба къ намъ обязывала содѣйствовать успѣху тѣхъ идей, къ которымъ съ нашей стороны они видѣли столько преданности. Составилась командитная компанія на акціяхъ». Чтобы обезпечить однако журналу наиболѣе возможный успѣхъ, а съ другой стороны чтобы не возбудить противъ себя общественное мнѣніе и подозрительность правительства (Реставраціи), ученики С.-Симона отвели въ своемъ журналѣ очень немного мѣста разработкѣ идей, имѣющихъ непосредственное отношеніе въ ихъ главной мысли. Главное мѣсто въ журналѣ занимали статьи по технологіи, финансамъ, торговлѣ и вообще по политической экономіи. Между статьями чисто экономическими замѣчательны тѣ,

* Doctrine de S.-Simon, 1-re année, 3-me édit. Paris, 1831. Introd. 8.

которыя относились къ свободѣ промышленности, которой тогдашнее правительство покровительствовало посредствомъ тарифа. Въ политическихъ убѣжденіяхъ сенъ-симонисты не обнаруживали полнаго сочувствія ни одной изъ боровшихся въ то время партій,—ни роялистамъ, ни либераламъ. Это ставило ихъ въ невыгодное положеніе относительно общества. Можетъ быть, отчасти этому нужно приписать полнѣйшій неуспѣхъ журнала; вслѣдствіе чего редакторы перестали наконецъ помѣщать въ немъ статьи, оплачиваемыя деньгами, и исключительно наполняли его своими собственными статьями; деньги, доставленныя командитною компаніею употреблялись только на типографскія издержки. Наконецъ средства истощились: жертвователи, не смотря на всѣ убѣжденія издателей, совсѣмъ отказались давать деньги и Producteur прекратился уже въ 1826 г., черезъ годъ послѣ своего перваго появленія. Но его годичное изданіе не осталось совсѣмъ безъ результатовъ. Такъ по крайней мѣрѣ говорили потомъ сами бывшіе его редакторы.

Слѣдуя имъ, Producteur обратилъ на нихъ вниманіе общества, и хотя это вниманіе нисколько не можетъ быть названо благосклоннымъ, тѣмъ не менѣе оно было для нихъ полезно. «Насъ называли, говорятъ они, безбородыми юношами, желающими управлять міромъ, одни называли насъ мечтателями, другіе упрекали насъ въ пляжіятѣ, тѣмъ не менѣе намъ давали названіе школы, и, дѣйствительно, школа организовалась».

Организація школы состояла въ томъ, что кружокъ людей, одушевленныхъ идеями, если не однѣми и тѣми же вполнѣ, то по крайней мѣрѣ одного и того же характера и направленія, увеличился, сплотился и сгруппировался около Ол. Родрига, ближайшаго ученика С.-Симона. Кружокъ составился изъ нѣкоторыхъ людей, жертвовавшихъ на изданіе журнала или принимавшихъ участіе въ его редакціи Главнымъ редакторомъ журнала въ первое время былъ Серкле; помощниками его, авторами статей были: Анфантенъ, Родригъ, Базаръ, Бюше, Руанъ, Лоранъ, Ад. Бланки, Л. Галеви, Ар. Каррель, Гарнье, Эм. Перейръ, Дювержье, Ог. Контъ и др. Изъ нихъ первые

шесть человѣкъ завѣдывалм редакціею журнала во второй періодъ его существованія, когда статьи, помѣщаемыя въ немъ, перестали оплачиваться. — Между остальными сотрудниками есть такіе, которые никогда не принадлежали къ сенъ-симонистамъ, какъ Ар. Каррель, Ад. Бланки и даже Ог. Контъ. Они помѣщали свои статьи въ началѣ изданія журнала; слѣдовательно въ то время школа еще не была организована. Начало ея нужно отнести именно къ тому времени, когда Анфантенъ, Родригъ, Базаръ, Бюше, Руанъ и Лоранъ стали наполнять журналъ исключительно своими безплатными статьями.

Такое отношеніе къ дѣлу, очевидно, указывало на особенную преданность къ нему со стороны этихъ людей и съ другой стороны сблизило ихъ еще болѣе между собою какъ въ жизни, такъ и въ идеяхъ. Въ этомъ-то двоякомъ сближеніи и состояло начало школы.

Прекращеніе журнала было понято однако многими посторонними, внѣшними людьми, какъ уничтоженіе школы, какъ рѣшеніе событій касательно ея состоятельности; думали, что вслѣдъ за прекращеніемъ журнала ученики С.-Симона забудутъ свои соціальныя тенденціи и вступятъ въ общество, какъ его члены, ничѣмъ неотличающіеся отъ другихъ. Не то произошло на самомъ дѣлѣ. Вотъ какъ объ этомъ говорили впослѣдствіи сенъ-симонисты:

«Вскорѣ мы были вознаграждены за ту скорбь, которую намъ причинило закрытіе журнала. Такъ какъ печать перестала служить для насъ средствомъ сообщенія съ публикою, то лица, наиболѣе интересовавшіяся идеями школы, постарались сблизиться съ нами. Истинно апостольскія корреспонденціи начались у насъ съ новопосвященными, каждый изъ насъ окружилъ себя нѣкоторыми изъ этихъ людей, столь многочисленныхъ въ настоящее время (1830), которые, будучи недовольны умственною и нравственною пустотою политическихъ и философскихъ ученій, проповѣдуемыхъ въ салонахъ, будучи утомлены какъ прошедшимъ, такъ и настоящимъ, призываютъ новую будущность, которой они не знаютъ,

но отъ которой они ожидали рѣшенія великихъ задачъ, представляемыхъ прогрессивнымъ ходомъ рода человѣческаго».

«Такимъ образомъ послѣ того, какъ мы обращались къ публикѣ посредствомъ Producteur'a, мы могли дѣйствовать лично на тѣхъ, которые приняли нѣкоторые общіе взгляды школы и которые желали окончить свое посвященіе *. Образовались собранія, на которыхъ развитіе доктрины было продолжаемо кѣмъ нибудь изъ насъ. Центры пропаганды образовались на разныхъ пунктахъ, сочиненія С.-Симона, Producteur и наша корреспонденція, все это, подтверждаемое объясненіями, которыхъ требовали совѣстливыя и основательныя пренія, было раздаваемо съ выборомъ; короче, слово сослужило намъ службу еще лучше, чѣмъ печать; и число сторонниковъ новой доктрины быстро возрастало; всякій изъ насъ въ настоящее время можетъ сказать, что онъ пріобрѣлъ для школы большее число учениковъ, нежели сколько имѣлъ ихъ С.-Симонъ вокругъ своего смертнаго одра» **.

Въ тоже время с.-симонисты не отказывались и отъ печатной публикаціи своихъ идей; нѣкоторые изъ нихъ въ это время издавали свои изслѣдованія касательно частныхъ вопросовъ политическихъ и экономическихъ. — Но гораздо болѣе сильнымъ орудіемъ пропаганды было средство, къ которому они обратились въ 1828 году. Оно состояло въ лекціяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ улицѣ Тараннъ; на лекціи собиралась преимущественно молодежь, въ особенности воспитанники политехнической школы, изъ которыхъ многіе и обратились къ ученію С.-Симона; къ этому времени относятся между прочимъ обращенія Мишеля Шевалье, Карно, Фурнеля, Дюжіе. Барро и Талабо, которые вскорѣ сдѣлались наиболѣе ревностными с.-симонистами и потому въ свою очередь старались содѣйствовать успѣхамъ школы.

---

* Къ этому времени относится между прочимъ обращеніе Рессегье, впослѣдствіи усердно занимавшагося пропагандою на югѣ Франціи, гдѣ онъ жилъ.

** Тамъ же 15—17.

Чтенія въ улицѣ Тараннъ, были дѣломъ Базара, но собственно ему принадлежало только изложеніе; а планъ, главныя положенія и даже отчасти самое развитіе ихъ были трудомъ коллективнымъ; наибольшее участіе въ этомъ трудѣ принималъ Анфантенъ, который въ это время между с.-симонистами рядомъ съ Базаромъ уже пользовался наибольшимъ значеніемъ и уваженіемъ. Онъ былъ главнымъ продолжателемъ труда С.-Симона въ развитіи его системы. Система С.-Симона и система его учениковъ, какъ мы сказали, однако не равны между собою. Система С.-Симона содержитъ въ себѣ большею частію только общія положенія, которыя въ системѣ с.-симонистовъ являются уже въ полномъ развитіи со всѣми подробностями и слѣдствіями. Это развитіе системы, это выясненіе и раскрытіе общихъ идей учителя главнымъ образомъ были дѣломъ Анфантена, который отличался смѣлостью своей логики и довѣренностью къ ней, который не останавливался передъ слѣдствіями, если находилъ, что они логически вытекаютъ изъ основаній. Базаръ отличался другими качествами ума; это былъ менѣе философъ, нежели ораторъ; уступая Анфантену въ строгости и послѣдовательности мысли, онъ превосходилъ его своею способностью облекать готовую мысль въ форму, представлять ее въ привлекательномъ и убѣдительномъ видѣ. Такимъ образомъ совершенно сообразно со своими способностями Базаръ взялъ на себя чтенія въ улицѣ Тараннъ, въ которыхъ излагалась система понятій, принадлежащихъ гораздо больше Анфантену, нежели ему самому.

Впослѣдствіи эти чтенія были изданы особою книгою въ большомъ количествѣ экземпляровъ подъ именемъ: «Ученіе С.-Симона *». Чтенія продолжались два года; также на два года раздѣлено и «Ученіе». Оно составляетъ самое главное, законоположительное сочиненіе с.-симонизма, обнимающее его во всей полнотѣ; послѣдующія сочиненія и изданія с.-симонистовъ содержатъ въ себѣ или только заимствованія изъ этого сочиненія, или разъясненія его положеній.

---

* «Doctrine de S.-Simon», цитированное нами выше.

По содержанію ученіе также раздѣляется на двѣ части: критическую, гдѣ подвергается оцѣнкѣ современное устройство общественной жизни, и законоположительную, гдѣ излагаются новыя основанія и новыя формы для будущей организаціи общества. Критическая часть, заключающаяся главнымъ образомъ въ первомъ годѣ, безспорно отличается многими достоинствами и въ самомъ содержаніи. Въ ней разсѣяно много остроумныхъ и нерѣдко глубокомысленныхъ замѣчаній касательно недостатковъ въ различныхъ областяхъ современной общественной жизни *.—Потому и мы, изучая систему с.-симонистовъ, будемъ изучать ее главнымъ образомъ въ «Ученіи».

«Ученіе» начинается изображеніемъ печальнаго современнаго состоянія наукъ. Наши ученые, говоритъ оно, «идутъ дорогою, которая открыта еще Бакономъ въ концѣ шестнадцатаго вѣка**. Они умножаютъ опыты, они разсѣкаютъ всю природу, обогащаютъ науку новыми подробностями, прибавляютъ факты, болѣе или менѣе любопытные, къ фактамъ, замѣченнымъ прежде; почти всѣ повѣряютъ прежнія наблюденія, всѣ вооружены микроскопомъ, чтобы всѣ мелкія явленія не ускользнули отъ ихъ наблюдательнаго изслѣдованія. Но гдѣ ученые, которые приводятъ въ порядокъ

---

* Редакція «Ученія С.-Симона» принадлежитъ Карно, Фурнелю и Дювейрье; но они трудились подъ наблюденіемъ Базара и потомъ ихъ трудъ былъ пересмотренъ Анфантеномъ. Впрочемъ нѣкоторыя части были написаны самимъ Базаромъ. Вообще сочиненіе и по содержанію, и по редакціи есть трудъ коллективный. Но ненадобно забывать, что сами с.-симонисты излагаемое ими ученіе приписываютъ С.-Симону, хотя очевидно С.-Симону могутъ въ немъ принадлежать только общія и самыя главныя положенія. А развитіе ихъ, выводы изъ нихъ принадлежатъ самимъ с.-симонистамъ, которые вслѣдствіе этого и разошлись между собою въ своихъ убѣжденіяхъ, потому что каждый изъ нихъ толковалъ по своему общія положенія С.-Симона и дѣлалъ изъ нихъ свои выводы.

** 81 и слѣд

и систему эти богатства, собранныя въ безпорядочномъ видѣ? Гдѣ тѣ, которые складываютъ колосья этой богатой жатвы?» — Изъ того, что прежняя теорія не удовлетворяла новымъ открытіямъ, вывели заключеніе, что нужно заниматься только одними наблюденіями; вмѣсто того, чтобы строить правильное зданіе, стали довольствоваться отдѣльными колоннами.

«Но, скажутъ, существуютъ академіи, куда призваны люди, доказавшіе вполнѣ свои высокія способности своими открытіями, и можно думать, что поле науки эксплуатируется этими академіями вполнѣ цѣлесообразнымъ способомъ и въ достаточномъ объемѣ. Правда, существуютъ академіи и ихъ члены отличаются большою ученостью; каждый изъ нихъ владѣетъ вполнѣ какою-нибудь наукою, нѣкоторые владѣютъ многими науками. Мы не находимъ удобнымъ изслѣдовать здѣсь вопросъ о томъ, не опредѣляется-ли избраніе этихъ ученыхъ иногда духомъ кружка, нашедшимъ себѣ мѣсто въ подобныхъ собраніяхъ; это одно изъ современныхъ золъ, которое мы не будемъ выставлять наружу. Но мы скажемъ объ этихъ ученыхъ собраніяхъ то, что мы сказали о самихъ наукахъ. Никакіе общіе взгляды не приводятъ ихъ трудовъ въ гармонію. Члены, изъ которыхъ составляются академіи, собираются въ одномъ залѣ, но, не имѣя никакой общей идеи, они не предпринимаютъ никакого общаго труда; они всѣ имѣютъ одинъ костюмъ, но только въ наружности и замѣчается единство между ними, въ глубинѣ души никакое сочувствіе не влечетъ ихъ другъ къ другу, каждый отдѣльно предается изслѣдованіямъ, безспорно очень полезнымъ и интереснымъ, не обращая вниманія на то, не можетъ ли сосѣдняя наука освѣтить его изысканія». — «Въ отсутствіи оффиціальнаго инвентаря несомнѣнныхъ открытій отдѣльнымъ ученымъ всякій день приходится повторять опыты, уже сдѣланные другими. Знаніе этихъ опытовъ, избавляя ихъ отъ работъ, часто столько же тяжелыхъ, какъ и безполезныхъ, облегчило бы имъ возможность идти впередъ? Такимъ образомъ мы обязаны признать какъ фактъ то, что никакая философская мысль не господствуетъ въ со-

временныхъ научныхъ теоріяхъ и не приводитъ ихъ въ правильное соотношеніе. Во всей массѣ научныхъ изслѣдованій мы не можемъ открыть ничего, кромѣ богатаго собранія отдѣльныхъ фактовъ; это музей дорогихъ медалей; ожидающихъ руки, которая привела бы ихъ въ порядокъ. Безпорядокъ умовъ овладѣлъ самыми науками, и можно сказать, что онѣ представляютъ печальное зрѣлище полной анархіи».

Тоже самое происходитъ въ промышленности и въ искусствахъ. Въ промышленности царствуетъ нераздѣльно эгоизмъ. «Промышленникъ не думаетъ объ интересахъ общества; семейство, орудія производства, личное богатство, котораго онъ старается достигнуть, вотъ его человѣчество, вотъ его вселенная и Богъ. Въ людяхъ, идущихъ тою же дорогою, онъ видитъ только враговъ, онъ ихъ поджидаетъ, подслушиваетъ, и въ ихъ разореніи состоитъ его благосостояніе, даже его слава. И въ какихъ рукахъ наконецъ находится большая часть мастерскихъ и орудій производства? Предоставлены ли онѣ людямъ, которые могли бы ихъ утилизировать всего болѣе въ интересѣ общества? Безспорно нѣтъ» *.—«Неудобства, не менѣе важныя, обнаруживаются и въ организаціи труда. Промышленность имѣетъ теорію, но эта теорія сама по себѣ есть главный источникъ безпорядка; экономисты какъ будто положили себѣ слѣдующую задачу: предполагая, что управляющіе болѣе невѣжественны, чѣмъ управляемые, предполагая кромѣ того, что они вмѣсто того, чтобы благопріятствовать развитію промышленности, стараются остановить его, и что довѣренныя ихъ лица ни что иное, какъ по природѣ своей враги производителей,—спрашивается, какая промышленная организація всего болѣе удобна для общества?—Laissez faire, laissez passer! таково необходимое рѣшеніе, таковъ единственный общій принципъ, провозглашенный экономистами. Мы сами свидѣтели несчастій,

* 89 и слѣд.

служащихъ необходимымъ послѣдствіемъ этого принципа, возникшаго изъ обстоятельствъ, и еслибы нужно было приводить примѣры, они представились бы во множествѣ, чтобы засвидѣтельствовать безсиліе теоріи, имѣющей въ виду такое оплодотвореніе промышленности. Въ настоящее время свобода промышленности на дѣлѣ очень велика, и принципъ экономистовъ вообще признается и въ Англіи, и во Франціи. И чтоже? Какую картину мы имѣемъ передъ глазами?—всякій промышленникъ, безъ путеводителя, безъ всякаго компаса, кромѣ своихъ личныхъ наблюденій, старается узнать о нуждахъ потребленія. Проходитъ слухъ, что извѣстная отрасль производства представляетъ большіе барыши и всѣ усилія, всѣ капиталы къ ней направляются: производители не хотятъ тратить времени на обсужденіе необходимой мѣры и границы. Экономисты аплодируютъ при видѣ этой загроможденной дороги; они замѣчаютъ, что конкурренція имѣетъ для себя широкое приложеніе. Увы! что-же происходитъ изъ этой борьбы на смерть? Нѣкоторые счастливцы торжествуютъ, но ихъ торжество покупается цѣною разоренія безчисленнаго множества жертвъ.

«Необходимое слѣдствіе этого производства, доведеннаго до крайности въ извѣстныхъ направленіяхъ, то что равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ нарушается ежеминутно. Отсюда возникаютъ эти безчисленныя катастрофы, эти коммерческіе кризисы, которые устрашаютъ спекуляторовъ и останавливаютъ исполненіе лучшихъ проектовъ. Люди честные и трудолюбивые разоряются, и отъ подобныхъ примѣровъ нравственность страдаетъ, такъ какъ они заставляютъ думать, что для успѣха недостаточно одного труда и честности. Тогда человѣкъ дѣлается тонокъ, искусенъ, хитеръ, онъ даже хвастается этими качествами; и уже одинъ шагъ, сдѣланный въ этомъ направленіи, губитъ человѣка.

«Прибавимъ къ этому то, что основной принципъ—laissez faire, laissez passer предполагаетъ согласіе интереса личнаго съ интересомъ общимъ, предположеніе, опровергаемое безчисленнымъ

множествомъ фактовъ.— Третья сторона, съ которой можно разсматривать промышленность, есть отношеніе между людьми трудящимися и владѣльцами инструментовъ труда или капиталовъ. Замѣтимъ, что земли, мастерскія, капиталы съ наибольшою выгодою будутъ употреблены для производства тогда, когда они будутъ предоставлены рукамъ наиболѣе способнымъ или, другими словами, будутъ предоставлены способностямъ индустріальнымъ. Но въ настоящее время инструменты труда, каковы бы они ни были, распредѣляются слѣпымъ случаемъ рожденія, и если наслѣдникъ, праздный собственникъ, вручаетъ ихъ искусному работнику, то само собою разумѣется, что самый чистый доходъ (le plus pur produit), первая прибыль достается собственнику лѣнивому и неспособному. Что же заключить изъ всего этого, какъ не то, что результаты, т. е. успѣхи промышленности были бы гораздо значительнѣе и не были бы сопровождаемы тѣми несчастіями, которыя видимъ ежедневно, если бы эксплуатація земнаго шара была регулирована, если бы общій взглядъ господствовалъ надъ этою эксплуатаціею. Итакъ и здѣсь недостаетъ единства и общности. Вожди общества кричатъ: спасайся, кто можетъ, и всѣ члены этого великаго цѣлаго пошли въ-рознь, говоря. всякій о себѣ, Богъ ни о комъ (chacun pour soi, Dieu pour personne)».

Искуства съ своей стороны не могутъ процвѣтать, когда общество не имѣетъ любви; поэзія не можетъ быть истолковательницею эгоизма. Чтобы истинный художникъ могъ появиться, ему нужно сердце, способное повторять его пѣснопѣнія и принять его душу, когда она изливается въ художественномъ произведеніи. Но этого-то и нѣтъ въ нашемъ обществѣ; въ средѣ его оскудѣли привязанности, какъ общественныя, такъ и личныя, и господствуетъ безраздѣльно эгоизмъ. И вообще нравственная сторона не только правительствъ, но и народовъ сильно страдаетъ *, такъ что если сравнить

* Это авторы видятъ между прочимъ въ томъ, что европейскіе на-

ее съ нравственнымъ состояніемъ европейскихъ народовъ въ средніе вѣка, когда христіанство было глубже вкоренено въ сердца людей. то сравненіе окажется весьма невыгоднымъ для современнаго общества. Все это и приводитъ къ тому, что пришло время «открыть новыя связи любви, ученія и дѣятельности, которыя должны соединить людей, должны вести ихъ въ мирѣ, съ порядкомъ и любовью къ общей судьбѣ и дать обществу, цѣлой половинѣ земнаго шара, всему міру характеръ соединенія, мудрости, красоты» *.

Каково должно быть будущее блаженное состояніе общества, это указывается предъидущею исторіею народовъ, которую до сихъ поръ мало понимали, потому что не умѣли пользоваться данными, представляемыми ею. Но С.-Симонъ открылъ средство извлекать вѣрную пользу изъ уроковъ исторіи; это средство заключается въ открытой имъ «новой наукѣ», наукѣ столько же положительной, сколько положительны тѣ науки, которыя извѣстны подъ этимъ именемъ. Метода этой науки та же, которая употребляется въ астрономіи и въ физикѣ; факты въ ней распредѣляются по однороднымъ серіямъ, будучи связаны между собою въ порядкѣ обобщенія и разобщенія (generalisation et particularisation), чтобы обнаруживались ихъ тенденція, законы ихъ возрастанія или уменьшенія **. Такимъ образомъ до С.-Симона люди не имѣли возможности понимать значеніе историческихъ фактовъ; только онъ своимъ открытіемъ доставилъ имъ эту возможность. Нечего и говорить, что ему самому, благодаря его открытію, эти указанія ясны, какъ день; вслѣдствіе чего онъ мимоходомъ даже дѣлалъ такія замѣчанія, которыя, будучи развиты другими учеными, впослѣдствіи составили ихъ славу. Такъ Гизо, излагая противоположность и противоположныя стремленія между побѣдителями франками и побѣжденными галлами и объясняя этими

роды показали мало дѣйствительнаго сочувствія итальянцамъ, испанцамъ и грекамъ, въ то время стремившимся къ политической свободѣ.

* 34 — 35. ** 36.

противоположными стремленіями исторію Франціи, только развивалъ мысль С.-Симона, за что впослѣдствіи С.-Симонъ и благодарилъ его печатно.—Впрочемъ Гизо, развивая мысли С.-Симона, не относился къ нему, какъ къ учителю а игнорировалъ его совсѣмъ; т. е. сущность дѣла состоитъ въ томъ, что С.-Симонъ съ безцеремонностью, весьма замѣчательною, навязывалъ свое менторство всѣмъ, у кого замѣчалъ какое-нибудь сходство со своими ученіями, публикуя, что его сочиненія служатъ предметомъ заимствованія для тѣхъ или другихъ ученыхъ *.

Мы видѣли, что сущность новой положительной науки заключается въ наблюденіи и классификаціи фактовъ, въ обобщеніи и разобщеніи ихъ съ цѣлью лучшаго уразумѣнія. Но все это во всей своей полнотѣ было доступно только одному С.-Симону, такъ что открытіе его, собственно говоря, принесло пользу человѣчеству не непосредственно, а только благодаря трудамъ самого же С.-Симона.

«Обыкновенно думаютъ, говоритъ «Ученіе», что умъ человѣческій, наблюдая массу фактовъ, послѣдовательно переходилъ отъ одного къ другому и отъ фактовъ частныхъ переходитъ къ факту общему, къ закону, который ихъ связываетъ, т. е. что уразумѣніе, открытіе этого закона есть послѣдствіе, логическій результатъ п о с л ѣ д н я г о (?) наблюдаемаго факта. Въ исторіи человѣческихъ открытій нѣтъ примѣра подобнаго шага. Безъ сомнѣнія, присутствіе фактовъ, которые насъ окружаютъ, есть обстоятельство, внушающее мысль координаціи (мысль, объясняющую фактъ, находящую ему мѣсто въ числѣ другихъ, une pensée de coordination); но между этою мыслью и случайнымъ фактомъ, дающимъ ей мѣсто (производящимъ ее), нѣтъ соприкосновенія непосредственнаго, а существуетъ промежутокъ, который не можетъ быть наполненъ никакою м е т о д о ю, который долженъ быть

---

* Подобнымъ образомъ онъ рекомендовалъ публикѣ Ог. Конта, какъ своего ученика, чего впослѣдствіи Ог. Контъ нехотѣлъ признать. См. прил. Г.

перейденъ геніемъ. Несомнѣнно, что всѣ послѣдовательныя понятія привязаны одно къ другому, что послѣдующія всегда обнаруживаются не иначе, какъ послѣ предъидущихъ, тѣмъ не менѣе тутъ нѣтъ мѣста для дедукціи (для строго необходимаго вывода). Авторъ не можетъ предварительно сказать самому себѣ такъ какъ извѣстные общіе взгляды добыты, то можно выработывать новый взглядъ извѣстнаго характера. Безспорно нужно было, чтобы человѣчество сдѣлало всѣ тѣ успѣхи, которые предшествовали вѣку Сократа, для того, чтобы онъ могъ возвыситься до пониманія единства причины, которое (пониманіе) должно было измѣнить видъ всѣхъ наукъ, даже видъ всего міра; подобнымъ образомъ нужно было, чтобы карьера, открытая Сократомъ, была всецѣло пройдена для того, чтобъ С.-Симонъ могъ явиться въ свою очередь; но когда это время пришло, эти два необыкновенные человѣка овладѣли мыслями посредствомъ вдохновенія генія, а не посредствомъ методы» *.

Такимъ образомъ въ сущности открытіе С.-Симона, его новая наука оказывается полезною для человѣка все-таки только благодаря посредству С.-Симона; его открытіе не есть всеобщее средство, способное каждаго человѣка ввести въ пониманіе указаній фактовъ. Только геній С.-Симона вполнѣ владѣетъ этимъ средствомъ; только ему доступно пониманіе историческихъ уроковъ. И такъ какъ тутъ метода не играетъ даже никакой роли, то ея значеніе, т. е. значеніе новой науки, открытой С.-Симономъ, совсѣмъ уничтожается. Ей нѣтъ примѣненія ни въ дѣятельности С.-Симона, ни въ дѣятельности другихъ людей. Послѣ этого всѣ толки с.-симонистовъ объ этой новой наукѣ кажутся по крайней мѣрѣ неосновательными **.

---

* 133.

** Дальше само «Ученіе» даже предостерегаетъ отъ увлеченія методою положительною, говоря, что ея успѣхъ нисколько независитъ отъ услугъ, сдѣланныхъ ею для науки, а отъ ея значенія политическаго, потому что она есть военная машина, орудіе разрушенія противъ за-

Творческая мысль, открытая С.-Симономъ, состоитъ въ томъ, что исторія «есть непрерывная серія прогресса». Этотъ законъ прогресса отличается всеобщностью, которая даетъ ему мѣсто во всѣхъ важнѣйшихъ сторонахъ человѣческой жизни. Прежде всего онъ замѣчается въ усиленіи духа ассоціаціи и въ уменьшеніи духа вражды, антагонизма въ жизни людей.

«Обращаясь къ исторіи, говоритъ «Ученіе», легко указать различные фазисы прогресса ассоціаціи. Правда, мы не присутствуемъ при соединеніи многихъ семействъ въ городъ (въ общество одного города), но позже мы видимъ, какъ города соединяются въ національныя тѣла; явленія подобнаго соединенія мы видимъ въ Греціи, въ Италіи, въ Испаніи, въ Галліи и въ Германіи. Гораздо ближе къ намъ, мы видимъ и притомъ способомъ, гораздо болѣе раздѣльнымъ, какъ націи соединяются авторитетомъ великаго союза католическаго, разрушеннаго трудами трехъ послѣднихъ вѣковъ».

«Порядокъ общественныхъ состояній, обозначенныхъ выше, семейства, города, народа, церкви, представляетъ взору наблюдателя картину постоянной борьбы. Эта борьба послѣдовательно господствуетъ во всемъ своемъ напряженіи, сначала между семействами, потомъ между городами, между народами, между вѣрованіями» *. Очевидно, борьба, антагонизмъ между людьми съ теченіемъ времени уменьшается; первоначально человѣкъ былъ въ антагонизмѣ со всѣми окружающими его; потомъ время принесло миръ въ семейства, которыя, соединившись въ общество городское, перестали враждовать; потомъ время подобнымъ же образомъ принесло миръ городамъ, народамъ и религіямъ. Прогрессъ уменьшенія антагонизма обнаруживается вездѣ и притомъ необходимымъ образомъ.

Подобнымъ же образомъ прогрессъ несомнѣннымъ образомъ обнаруживается и въ экономическихъ отношеніяхъ между людь-

---

кона, религіи и противъ современнаго общественнаго порядка. Противорѣчіе во всѣхъ приведенныхъ нами отзывахъ о позитивной наукѣ или методѣ очевидно.

* 147 и 148.

ми. «До сихъ поръ человѣкъ постоянно эксплуатировалъ человѣка; господа и рабы, патриціи и плебеи, сеньоры и крѣпостные, собственники и фермеры, праздные и трудящіеся, вотъ прогрессивная исторія человѣчества до нашихъ дней». Прогрессивна она потому, что отношенія между эксплуататоромъ и эксплуатируемымъ съ теченіемъ времени дѣлаются мягче и мягче; господинъ древняго міра эксплуатировалъ своего раба и современный владѣлецъ фабрики эксплуатируетъ рабочаго; но, очевидно, велика разница между тою и другою эксплуатаціею; эксплуатація новаго времени мягче и гуманнѣе, нежели эксплуатація временъ древнихъ. И прогрессивный ходъ этихъ отношеній прямо указываетъ, что придетъ время (и оно недалеко), когда одинъ человѣкъ совсѣмъ не будетъ эксплуатировать другаго; но всѣ люди, соединившись въ асоціаціи другъ съ другомъ, будутъ эксплуатировать весь міръ. «Всеобщая ассоціація, вотъ наша будущность; всякому по способностямъ, всякой способности по ея дѣламъ, вотъ новое право, которымъ должны быть замѣнены права завоеванія и рожденія» *.

Итакъ самыя права рожденія должны перестать существовать! Но это значитъ покушаться уничтожить самую собственность, вводить коммунизмъ? — Нѣтъ, отвѣчаетъ «Ученіе», нѣтъ ничего общаго между коммунизмомъ и организаціею общества, проектируемаго с.-симонистами. «Въ общей организаціи будущаго всякій будетъ причисленъ къ классу (classé) по своей способности и вознагражденъ по дѣламъ. Въ системѣ коммунизма, напротивъ, всѣ части равны, и противъ подобнаго распредѣленія возраженія представляются массою» **.

Дѣло въ томъ, что организація с.-симонистовъ стремится не къ уничтоженію собственности, а къ измѣненію современныхъ воззрѣній на собственность и законовъ касательно ея. Существуетъ «общій предразсудокъ», что собственность есть сама по себѣ «фактъ неизмѣняемый». Это имен-

* 38. ** 183.

но ничто иное, какъ предразсудокъ. «Изучая исторію, мы видимъ, что законодательство никогда не переставало вмѣшиваться въ организацію собственности: или оно опредѣляло природу предметовъ, которые могли быть усвояемы въ собственность, или регулировало пользованіе собственностью и передачу ея». Такъ первоначально собственность обнимаетъ и вещи, и людей; рабъ столько же принадлежитъ господину, какъ лошадь, плугъ и всякое орудіе труда. Законодательство сначала ограничило употребленіе собственности и злоупотребленіе ею тамъ, гдѣ дѣло касалось собственности мыслящей и чувствующей. Подобнымъ же образомъ законодательство вмѣшивалось и во владѣніе собственностью вещественной. Въ особенности замѣтно вмѣшательство его относительно передачи собственности. Сначала собственникъ имѣлъ право располагать собственностью, какъ хотѣлъ. Потомъ вмѣшался законъ и сдѣлалъ обязательною для собственника передачу собственности дѣтямъ, сначала только старшему сыну (майоратъ), потомъ всѣмъ дѣтямъ по ровну

Это приводитъ къ заключенію, что видоизмѣненія собственности имѣютъ то направленіе, что она дѣлается достояніемъ все большаго и большаго числа трудящихся лицъ. Въ тоже время другіе факты, наблюдаемые въ исторіи экономическихъ отношеній между людьми, показываютъ, что «условія, вслѣдствіе которыхъ опредѣляются отношенія между собственниками и капиталистами съ одной стороны и людьми трудящимися съ другой, болѣе и болѣе дѣлаются благопріятными для этихъ послѣднихъ».

Все это на основаніи закона, открытаго С.-Симономъ, приводитъ къ тому заключенію, что собственность должна еще болѣе измѣнить свой характеръ въ извѣстномъ направленіи и еще болѣе распространиться между людьми, сдѣлаться достояніемъ всѣхъ.

«Въ будущемъ единственное право на собственность будетъ заключаться въ способности къ мирному труду, единственное право на уваженіе—въ дѣлахъ. И это право долж-

но быть прямымъ * для каждаго собственника, т. е. что единственное право, даваемое названіемъ собственника, будетъ состоять въ направленіи, употребленіи и эксплуатаціи собственности» **. Владѣльцы земель и капиталовъ будутъ только хранителями этихъ инструментовъ труда, «ихъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы распредѣлять ихъ между рабочимм». Такая организація собственности низведетъ царствіе Божіе на землю, она позволитъ осуществиться заповѣди евангелія касательно любви къ ближнему, потому что при ней невозможна будетъ эксплуатація человѣка человѣкомъ, а будетъ возможна и необходима взаимная помощь людей. Она наконецъ укрѣпитъ господство свободы на землѣ, потому что нынѣшняя безпомощность работника дѣлаетъ его рабомъ капиталиста въ отношеніи матеріальномъ, умственномъ и нравственномъ; разница между нынѣшнимъ работникомъ и древнимъ рабомъ только въ интенсивности ихъ эксплуатаціи со стороны господина и капиталиста, а не въ самой сущности дѣла ***. Всѣ эти соображенія убѣждаютъ въ справедливости организаціи, придуманной с.-симонистами; а что она будетъ полезна въ экономическомъ отношеніи, въ этомъ легко убѣдиться, обращая вниманіе на то, что при ней всякая сила и способность будетъ употреблена наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ, при ней орудія труда и производства не будутъ находиться въ неспособныхъ рукахъ, а способныя въ свою очередь не будутъ парализуемы эксплуатаціею землевладѣльцевъ и капиталистовъ.

Такимъ образомъ с.-симонисты стремятся только реорганизовать собственность, а не уничтожить ее. «Намъ безпрестанно повторяютъ, говорятъ они, что собственность есть основаніе общественнаго порядка; мы сами провозглашаемъ эту вѣчную истину. Вопросъ только въ

---

* Подъ прямымъ правомъ «Ученіе», разумѣетъ только личное право эксплуатаціи собственности, безъ права передавать ее какимъ бы то ни было образомъ другимъ.

** стр. 188. *** стр. 176 и 189.

томъ, кто будетъ собственникомъ? — Будетъ-ли это праздный, невѣжественный и безнравственный сынъ покойника, или человѣкъ, способный достойнымъ образомъ исполнить свое общественное назначеніе? — Увѣряютъ, что всѣ привилегіи рожденія уничтожены (во Франціи); а что же такое наслѣдство въ нѣдрахъ фамилій?—Что такое передача состояній отъ отца къ сыну, какъ не самая безнравственная изъ всѣхъ привилегій, привилегія жить въ обществѣ безъ труда или быть вознагражденнымъ сверхъ своихъ заслугъ? «Говорятъ, что сынъ всегда наслѣдовалъ отцу; подобнымъ образомъ язычникъ говорилъ, что всегда свободный человѣкъ владѣлъ рабами. Но человѣчество устами Іисуса провозгласило: нѣтъ болѣе рабства; устами С.-Симона оно провозглашаетъ: всякому по его способности, всякой способности по ея дѣламъ; нѣтъ болѣе наслѣдства!» (стр. 40 и 41).

Уничтоженіе наслѣдства, существенная реорганизація собственности составляютъ послѣднее звѣно въ жизни прогрессивныхъ видоизмѣненій, которымъ должна подвергнуться собственность вслѣдствіе закона всеобщаго прогресса, открытаго С.-Симономъ.

Этому же закону слѣдуетъ и еще одна важная сторона человѣческой жизни: религіозная. «Ученіе» разсматриваетъ 4 ступени, на которыхъ послѣдовательно находилось общество человѣческое въ дѣлѣ религіи. Первую ступень занимаетъ фетишизмъ, грубое обоготвореніе явленій природы; тогда человѣкъ представляетъ божество, какъ нѣчто очень похожее на себя, какъ нѣчто почти равное ему, и обращается съ нимъ de puissance à puissance, иногда обращается къ нему съ просьбою, а иногда (при неисполненіи просьбы) бьетъ его. Политеизмъ, обоготворяя природу, даетъ своему божеству формы болѣе облагороженныя; для него божество есть нѣчто далеко превосходящее человѣка. Въ этомъ состояніи человѣкъ обнаруживаетъ передъ божествомъ не одинъ страхъ, но и любовь; является понятіе о благочестіи (pietas). Вмѣстѣ съ тѣмъ представленіе будущей жизни очищается; человѣкъ уже

не считаетъ ее только продолженіемъ земной жизни съ тѣми же грубыми наслажденіями или страданіями. Еще болѣе высокую ступень составляетъ монотеизмъ іудейскій, хотя и въ немъ страхъ предъ грознымъ Іеговою есть господствующее религіозное чувство человѣка. Высшую степень составляетъ монотеизмъ христіанскій, онъ довелъ до высшей степени чистоты и величія понятіе о божествѣ. Любовь есть господствующее чувство человѣка относительно Бога и божество такъ высоко въ его понятіи, что онъ «не колеблется унижить свой умъ передъ глубиною опредѣленій Божіихъ». Жизнь будущая для христіанина есть все; настоящая есть только приготовленіе къ ней.

Этотъ «прогрессъ религіознаго чувства», это послѣдовательное развитіе религіи относится собственно къ индивидуальной жизни человѣка; но онъ точно также замѣчается и въ жизни общественной. Въ періодъ фетишизма ассоціація человѣческая не простирается дальше семейства; соглашеніе, союзъ большаго числа людей дѣлается только для какихъ нибудь исключительныхъ цѣлей, нападенія или защиты. — Въ періодъ политеизма семейство сохраняетъ свое значеніе для человѣка, но рядомъ съ нимъ является другая высшая форма ассоціаціи, городъ, и отношенія человѣка, какъ гражданина, занимаютъ большую долю всей его жизни —Монотеизмъ іудеевъ дѣлаетъ человѣка частью великаго цѣлаго—всего народа. Народъ, нація въ своей государственной формѣ составляетъ въ этомъ періодѣ ассоціацію, въ которую люди соединяются. Но іудаизмъ ревниво исключаетъ изъ своей ассоціаціи все, что не относится къ еврейскому народу. Только христіанскій монотеизмъ, принимая единство Бога, вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ единство рода человѣческаго и равенство разныхъ народовъ. И христіанство было тѣмъ основаніемъ, на которомъ построена наиболѣе обширная политическая ассоціація, когда-либо существовавшая, союзъ всѣхъ католическихъ народовъ *.

* 420 и слѣд.

Но христіанство не есть послѣдняя, высшая форма религіи; законъ прогресса влечетъ человѣчество дальше Какова будетъ эта новая форма, это будетъ изложено впослѣдствіи. Но чтобы настало когда-нибудь время, въ которое люди останутся безъ религіи, это с.-симонисты съ жаромъ отвергаютъ. Партизаны положительныхъ наукъ, говорятъ они, тѣ, которые всего смѣлѣе пророчатъ будущему отсутствіе религіи, не замѣчаютъ того, что даже въ положительныхъ наукахъ, столь уважаемыхъ ими, почитаемыхъ ими за послѣднее совершеннѣйшее средство познанія, сами они не обходятся безъ религіознаго элемента; потому что безъ сомнѣнія ничего другаго не значитъ довѣріе позитивистовъ къ «постоянству, порядку, правильности» явленій. Съ другой стороны научная метода при самомъ началѣ своемъ уже предполагаетъ нѣкоторыя аксіомы; эти аксіомы ничто иное, какъ вѣрованія, явленія изъ области религіозной. Наконецъ явленія распредѣляются по классамъ и порядкамъ не иначе, какъ «вслѣдствіе гипотетическаго понятія объ отношеніи, о связи ихъ между собою». Кромѣ того ни одна наука не могла ничего привести противъ двухъ основныхъ идей всякой религіи, противъ провидѣнія и предназначенія (destination) *.

Итакъ религія не только не потеряетъ своего мѣста въ обществахъ человѣческихъ, но еще увеличитъ свое значеніе, и это будетъ религія совершеннѣйшая, далеко превосходящая всѣ религіи, до сихъ поръ существовавшія.

Новый порядокъ, проектируемый с.-симонистами, хотя мы знаемъ о немъ пока еще въ общихъ чертахъ, представляется въ такомъ видѣ, что современныя нравственныя и умственныя средства кажутся недостаточными для поддержанія его. Это, конечно, сознавали и с.-симонисты, и самъ учитель ихъ. И потому они обратили особенное вниманіе на народное образованіе, которое должно приготовить людей, способ-

* 415 и слѣд.

ныхъ къ будущему общественному устройству Главы, посвященныя въ «Ученіи» народному воспитанію, очень любопытны; и мы жалѣемъ, что не можемъ изложить ихъ болѣе подробнымъ образомъ. Онѣ содержатъ въ себѣ нѣсколько мыслей, которыхъ приложеніе къ народному воспитанію должно сопровождаться весьма благотворными результатами. Между прочимъ с. симонисты ясно высказались въ вопросѣ о классическомъ и реальномъ образованіи. Вообще въ главахъ (сеансахъ) * о воспитаніи разсѣяно много оригинальныхъ и нерѣдко дѣльныхъ мыслей.

Воспитаніе с.-симонисты раздѣляютъ на двѣ части: 1, воспитаніе общее или моральное и 2, воспитаніе спеціальное или профессіональное (реальное).

Первое имѣетъ въ виду ввести отдѣльныя лица въ пониманіе отношеній жизни общественной; внушить (inculquer) каждому чувство, любовь ко всѣмъ, соединить всѣ воли въ одну волю, всѣ усилія направить къ одной цѣли общественной. Очевидно, подъ воспитаніемъ общимъ с.-симонисты разумѣютъ главнымъ образомъ воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, усилія педагога, направленныя къ укрѣпленію воли, къ образованію нравственныхъ правилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальное общее образованіе, вводящее человѣка въ пониманіе отношеній жизни общественной.

Воспитаніе спеціальное имѣетъ въ виду «передать отдѣльнымъ лицамъ спеціальныя знанія, которыя имъ необходимы для исполненія различныхъ трудовъ, —поэтическихъ, научныхъ и промышленныхъ, къ которымъ ихъ призываютъ общественныя потребности и собственныя способности». — Воспитаніе нравственное, дѣлающее изъ индивидуума человѣка и гражданина, располагающее его къ любви, къ общественности, очевидно, дѣйствуетъ главнымъ образомъ на чувство. Потому люди, которые возьмутъ на себя трудъ воспитанія юношества,

* «Ученіе» раздѣляется собственно не на главы, а на сеансы, т. е лекціи, соотвѣтственно тому, какъ совершалось самое дѣло. Всѣхъ сеансовъ 17 въ первомъ году и 13 во второмъ.

должны и сами отличаться богатствомъ чувства и умѣть возбуждать его въ другихъ, т. е это должны быть не столько ученые, сколько поэты, или, правильнѣе, сколько ученые, столько и поэты «Но мы не претендуемъ, говорятъ с.-симонисты, чтобы люди, взявшіе на себя обязанность давать возбужденіе обществу, должны были оставаться чуждыми наукѣ *; сама наука въ ихъ рукахъ принимаетъ новый характеръ; она получаетъ жизнь, санкцію, которую только и могутъ дать ей люди, прилагающіе ее къ предназначенію человѣчества» **

Дѣятельность этихъ нравственныхъ воспитателей общества въ эпохи органическія является, какъ богослуженіе, культъ, а въ эпохи критическія *** въ видѣ изящныхъ искуствъ, которыя имѣютъ спеціальную возможность возбуждать чувства. Затѣмъ въ видѣ эпизода «Ученіе» разсуждаетъ объ исповѣди и находитъ ее отличнымъ воспитательнымъ средствомъ, которое даетъ возможность воспитывающему употреблять особенныя средства, сообразныя съ природою каждаго индивидуума, даетъ ему возможность объяснить человѣку значеніе каждаго единичнаго случая и наставить, какъ поступать въ каждомъ случаѣ. Короче, исповѣдь только потому стала подозрительна въ глазахъ философовъ и публицистовъ, что ею пользовалось католическое духовенство въ виду постороннихъ, совсѣмъ нерелигіозныхъ и даже безнравственныхъ цѣлей.

Нравственное воспитаніе юношества въ современныхъ обществахъ, по словамъ с.-симонистовъ, находится въ совершенномъ пренебреженіи; немного большимъ вниманіемъ пользуется и воспитаніе спеціальное; оно между прочимъ стра-

---

* Намъ кажется, что эти строки могли бы много уяснить наши бывшіе домашніе споры объ искуствѣ для искуства, объ относительной стоимости произведеній поэтическихъ и ремесленныхъ и о безсознательномъ творчествѣ.

** 272

*** Подъ именемъ эпохъ органическихъ с.-симонисты разумѣютъ такія эпохи, когда люди живутъ и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ какой-нибудь религіозной системы, по указаніямъ которой о р г а н и з о в а н а ихъ жизнь. Въ критическія эпохи люди подвергаютъ к р и т и к ѣ прежнія основы жизни и стремятся выработать новыя 79.

даетъ отъ нѣкоторыхъ вполнѣ безполезныхъ средствъ средневѣковаго образованія. Такъ во время существованія школы с.-симонистовъ въ общественныхъ школахъ вездѣ обучали латинскому языку, о которомъ «Ученіе» говоритъ, что онъ въ настоящее время (т. е. въ 30-хъ годахъ этого столѣтія) служитъ предметомъ столькихъ споровъ,— споровъ нескончаемыхъ, если предварительно не оцѣнить причину и происхожденіе этого учебнаго предмета. Потому изложеніе и принимается за исторію латинскаго языка въ школахъ. Слѣдуя ему, латинскій языкъ въ средніе вѣка потому былъ предметомъ обученія въ школахъ, что въ то время онъ былъ народнымъ языкомъ католическаго духовенства и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ ученыхъ профессій. Въ XVI вѣкѣ единство духовнаго ученія распалось; вмѣстѣ съ тѣмъ распалось и единство церковнаго языка. Но вслѣдствіе рутины онъ удержался въ школахъ, его преподаваніе даже расширилось; кромѣ людей, предназначавшихъ себя къ духовному или ученому поприщу, его стали преподавать еще будущимъ художникамъ, военнымъ, промышленникамъ, причемъ старались пріискать тысячу причинъ, оправдывающихъ его преподаваніе, прославляли его богатство, гармонію, совершенство произведеній, написанныхъ на немъ, поэтическихъ, ораторскихъ, историческихъ. «Всѣ эти доказательства, имѣющія въ виду то, чтобы десять лѣтъ посвятить изученію мертваго языка, не стоятъ опроверженія» *. Латинскій языкъ былъ нуженъ, когда его употребляли моралисты и ученые, а теперь, «когда и моралисты и ученые употребляютъ современные народные языки», латинскій языкъ «не только безполезенъ, но и вреденъ по причинѣ значительной потери времени, которой онъ требуетъ».

Правильное общее воспитаніе въ будущемъ должно подчиняться слѣдующимъ общимъ правиламъ: 1) «обученіе бу-

---

* Стр. 286 и слѣд. Замѣчательно сходство доказательствъ с.-симонистовъ съ тѣми, которыя и у насъ были выставлены противъ классическихъ языковъ.

детъ простираться на всѣ человѣческія знанія въ такомъ ихъ состояніи, до котораго они достигаютъ въ извѣстный моментъ; 2) учащее сословіе будетъ организовано такъ, чтобы всѣ успѣхи легко переходили изъ теоріи въ практику, изъ рукъ ученыхъ, двигающихъ науку впередъ, въ руки ученыхъ, передающихъ ее юношеству; 3) спеціальное воспитаніе обниметъ всѣ профессіи, указываемыя общественными потребностями, и 4) наконецъ обученіе будетъ производиться такимъ образомъ, чтобы всякая ступень его была необходимымъ послѣдствіемъ ступени предъидущей и прямымъ путемъ къ ступени послѣдующей. Спеціальное воспитаніе въ свою очередь должно распадаться на двѣ части: сначала учащійся изучаетъ все, что соприкасается съ его спеціальностію; такъ всѣ художники, артисты, въ обширнѣйшемъ значеніи слова, изучаютъ вмѣстѣ всѣ отрасли искуствъ и потомъ уже переходятъ къ своимъ спеціальностямъ; подобнымъ образомъ всѣ будущіе ученые и будущіе промышленники изучаютъ всѣ науки, имѣющія отношеніе къ области науки или промышленности вообще, и только изучивши эти науки, переходятъ къ спеціальнымъ, прикладнымъ наукамъ, которыя должны быть непосредственною ступенью для вступленія ихъ въ жизнь.

Такимъ образомъ правильное воспитаніе будетъ приготовлять людей для новаго соціальнаго порядка. Подобнымъ образомъ будетъ дѣйствовать и законодательство; съ помощію наградъ и наказаній оно будетъ содѣйствовать возвышенію общественной нравственности; судопроизводство будетъ устроено такъ, чтобы оно наиболѣе гарантировало правосудіе: судьями будутъ не присяжные, случайно избранные, а наиболѣе авторитетные люди въ той области, интересы которой нарушаются преступленіемъ; т. е., согласно принятому дѣленію общества, наиболѣе авторитетные ученые, художники или промышленники *. Всѣ эти средства составляютъ могучее орудіе для водворенія новаго порядка на землѣ. Но не ими одними будетъ сдѣлано все дѣло.—Мы уже

* Стр. 318 и слѣд.

видѣли, что и религія не потеряетъ значенія, напротивъ, увеличитъ его; и новая религія своимъ совершенствомъ далеко оставитъ за собою всѣ религіи, существовавшія до сихъ поръ. Христіанство, по мнѣнію с.-симонистовъ, оказалось безплоднымъ главнымъ образомъ потому, что оно допускаетъ фальшивый догматъ о противоположности между духомъ и матеріею, душою и тѣломъ. Христіанство есть религія духа: тѣло и все тѣлесное разсматривается имъ, какъ нѣчто грѣховное.—Отъ того христіанство не было расположено ко всему, что имѣетъ въ виду житейское благосостояніе, житейскія радости человѣка, и даже познаніе міра, жилища человѣка. Если науки и воздѣлывались въ монастыряхъ и вообще лицами духовными, то это было случайно; такія лица случаемъ были приводимы къ своимъ занятіямъ, которыя во всякомъ случаѣ были для нихъ дѣломъ второстепеннымъ, были дѣломъ увлеченія терпимаго, а не поощряемаго церковью.—«Такимъ образомъ начало матеріальное, выражаемое въ одно и то же время поэзіею, наукою и промышленностію, возвысилось внѣ церкви и ея законовъ, и наконецъ, достигши извѣстной степени могущества, оно въ свою очередь сдѣлалось отрицаніемъ христіанства» *. Вслѣдствіе той же идеи о противоположности между духомъ и матеріею, христіанство, религія духа, не могло обнять собою общественнаго быта человѣка. Царство мое не отъ міра сего, сказалъ Основатель христіанства; и дѣйствительно во все продолженіе среднихъ вѣковъ духовная власть католическаго первосвященника стояла отдѣльно отъ свѣтской власти государей. Въ новой религіи все это должно быть иначе, потому что она имѣетъ противоположный основный догматъ, на которомъ должно быть построено все соціальное и религіозное зданіе.

Этотъ основный догматъ заключается въ самомъ понятіи о божествѣ. «Богъ—одинъ. Богъ есть все, что существуетъ:

---

* Doctrine Saint-Simonienne (exposition). Paris, 1854. 404. Отсюда начинается вторая часть «Ученія», содержащая въ себѣ самую теорію сенъ-симонистовъ.

все существуетъ въ немъ, все существуетъ чрезъ него, все есть онъ. Богъ существо безконечное, всеобщее, являющееся въ своемъ единствѣ живомъ и дѣятельномъ; это безконечная всеобщая любовь, которая передъ нами является подъ двумя главными видами, какъ духъ и какъ матерія и т. д.» — Слѣдовательно, духъ и матерія, о которыхъ такъ много спорили и спорятъ до сихъ поръ, «не суть двѣ сущности реальныя, двѣ различныя субстанціи, но только два вида одного и того же бытія, конечнаго или безконечнаго, двѣ главныя абстракціи, посредствомъ которыхъ мы анализируемъ жизнь, раздѣляемъ единицу для того, чтобы понять ее» *.

Необходимымъ слѣдствіемъ этого корреннаго догмата должно быть исчезновеніе антагонизма между тѣломъ и духомъ, исчезновеніе дуализма, исчезновеніе существенной разницы между тѣломъ и духомъ, такъ какъ и тѣло и духъ — ничто иное, какъ два проявленія «существа безконечнаго, всеобщей субстанціи». «Пришло время, и человѣкъ долженъ понять, что всѣ части его существованія, подобно частямъ существованія всеобщаго (Бога), находятся въ гармоніи между собою». Такимъ образомъ матерія получаетъ оправданіе (est réhabilitée); мало того, она дѣлается однимъ изъ проявленій божества. Вмѣстѣ съ тѣмъ кончается и царство зла, какъ бытія положительнаго. Все, что до сихъ поръ для человѣка было царствомъ зла, заключало въ себѣ въ различные фазисы его развитія то, что превосходило его симпатіи, — то, что ускользало отъ предусмотрительности его ума, — то, что, угрожая его жизни и спокойствію, превосходило его силы. Но симпатіи человѣка постоянно расширяются, пониманіе его также расширяется и силы увеличиваются; вслѣдствіе этого царство зла должно постоянно сокращаться; и этому сокращенію нѣтъ предѣла, потому что нѣтъ предѣла прогрессу различныхъ сторонъ человѣческой жизни. Золотой вѣкъ, какъ

* 410.

сказалъ С.-Симонъ, помѣщенный слѣпымъ преданіемъ въ прошедшемъ, находится передъ нами.

Прогрессъ человѣка въ симпатіяхъ, въ любви, въ пониманіи и въ силѣ обусловливается прогрессомъ трехъ различныхъ порядковъ человѣческой дѣятельности: нравственности, науки и промышленности. Изъ этихъ порядковъ важнѣйшій есть первый, нравственность (la morale), какъ источникъ любви, которой значеніе въ жизни человѣка есть главное, первенствующее «Любовь — это жизнь въ своемъ единствѣ. Пониманіе, сила — только виды ея проявленія. Всякое знаніе, всякое дѣйствіе или, если угодно, всякая теорія, всякая практика истекаютъ отъ любви и къ ней возвращаются; она есть ихъ источникъ, связь и цѣль. Вслѣдствіе этого люди, у которыхъ любовь есть господствующее чувство, т. е. которыхъ жизнь находится въ нормальномъ состояніи, естественно должны быть начальниками общества, и такъ какъ любовь обнимаетъ въ одно время конечное и безконечное, и такъ какъ она ищетъ Бога и найдетъ его въ будущемъ, то отсюда слѣдуетъ, что начальниками общества могутъ быть только представители религіи, священники. Обязанность священника состоитъ въ томъ, чтобы безпрестанно напоминать людямъ о ихъ назначеніи, возбуждать въ нихъ любовь къ нему, внушать имъ усилія для выполненія его, приводить эти усилія въ порядокъ, сообразовать ихъ съ цѣлью *».

Изъ этихъ послѣднихъ словъ видно, что область, подлежащая вѣдѣнію священника, захватываетъ всю жизнь общества. Дѣйствительно, «представляя единство жизни, священникъ представляетъ въ то же время единство общественное и политическое». Съ точки зрѣнія сенъ-симонистовъ «религія обнимаетъ во всей полнотѣ систему политическую». Другіе роды общественной дѣятельности, наука и промышленность, служащія человѣку къ познанію міра и къ господству надъ нимъ, суть ничто иное, какъ проявленія любви. «Наука и промы-

* 433.

шленность имѣютъ свою іерархію», но каждая изъ этихъ іерархій прямо восходитъ къ священнику; онъ даетъ имъ организацію и санкцію. Священникъ есть связь всѣхъ людей, онъ соединяетъ конечное съ безконечнымъ, человѣка съ Богомъ. Впрочемъ, священникъ соединяетъ человѣка съ Богомъ и самъ входитъ въ свои отношенія къ божеству не посредствомъ какого-нибудь культа, а исключительно посредствомъ исполненія своей выше изъясненной обязанности. «Священникъ не остается уединенно среди общества, напротивъ, изо всѣхъ людей онъ наиболѣе дѣятельнымъ образомъ, наиболѣе интимно соединенъ съ каждымъ семействомъ. Въ пользу всѣхъ онъ чувствуетъ, мыслитъ и дѣйствуетъ, и единственно посредствомъ своего соединенія со всѣми онъ входитъ въ общеніе съ Богомъ».

Въ наукѣ и промышленности есть своя іерархія. Что же дѣлаетъ она? Іерархія науки дѣлаетъ то дѣло, недостатокъ котораго оплакивало «Ученіе» въ первой части. Она даетъ производительность ученымъ трудамъ, направляетъ ихъ къ общей цѣли, указываемой «общею идеею» всѣхъ наукъ. Іерархія промышленности то же самое дѣлаетъ въ своей области; она регулируетъ производство, заботится о качествѣ его и объ относительномъ количествѣ по разнымъ отраслямъ промышленности и по разнымъ мѣстамъ человѣческаго жительства; наконецъ объ онѣ, іерархія науки и іерархія промышленности, «будутъ раздѣлять людей на классы по способностямъ и будутъ вознаграждать по дѣламъ» *, разумѣется, каждая въ своей области.

Іерархи науки и промышленности будутъ называться также священниками, такъ что будетъ три священника: священникъ науки, священникъ промышленности и священникъ общій или соціальный.

Священникъ соціальный, священникъ единства, открываетъ человѣчеству его общую судьбу. «Выбравши людей, которые могли бы помогать ему связывать два порядка трудовъ, онъ

* 476.

назначаетъ священника науки и священника промышленности, онъ раздѣляетъ между ними всѣхъ другихъ людей, смотря по ихъ способности слѣдовать той или другой карьерѣ. Стоя на всеобщей точкѣ зрѣнія нуждъ общества и зная, что оно имѣетъ недостатокъ въ наукѣ или промышленности, онъ предписываетъ ученымъ и промышленникамъ, посредствомъ данныхъ имъ начальниковъ, направленіе ихъ занятій и распредѣляетъ между тѣми и другими соціальный доходъ, который имъ необходимъ для выполненія назначенной имъ задачи» *.

Такимъ образомъ соціальный священникъ есть тотъ «живой законъ», который въ эпохи органическія воплощаетъ къ себѣ самую идею правды. Въ такія эпохи «живой законъ— человѣкъ Онъ имѣетъ имя человѣка, и это имя есть имя автора закона. — Это, смотря по времени, или законъ Нумы, или законъ Моисея, или законъ Христа; для будущаго это будетъ законъ С.-Симона».

Подобный законодатель, начальникъ человѣческаго общества, есть источникъ и права и суда. Онъ «одобряетъ и осуждаетъ, хвалитъ и порицаетъ, возбуждаетъ и удерживаетъ, приказываетъ и судитъ» **. И подобнымъ образомъ власть законодательная и судебная совмѣщаются не только въ одномъ верховномъ жрецѣ соціальномъ, но и во всѣхъ другихъ властяхъ, подчиненныхъ ему. «Въ будущемъ всякій законъ есть декларація, посредствомъ которой человѣкъ, исполняющій какую-нибудь должность, сообщаетъ свою волю подчиненнымъ, санкціонируя свои предписанія посредствомъ наградъ и наказаній. Всякій судъ есть актъ, посредствомъ котораго высшій наказываетъ или награждаетъ своего подчиненнаго въ порядкѣ трудовъ или отношеній, которыми онъ завѣдуетъ».

А какъ низшіе, подчиненные принимаютъ такое положеніе дѣлъ, довольны ли имъ они? «Низшіе любятъ своихъ законодателей и судей и повинуют-

---

* 478 и 479.

** Doctrine de S.-Simon, 1 année. Troisième éditon, Paris, 1831. 47.

ся имъ; въ эпохи органическія авторитетъ и повиновеніе одинаково благородны, одинаково святы, потому что оба они представляются ничѣмъ другимъ, какъ исполненіемъ религіозной обязанности *».

Эта любовь и это повиновеніе обусловливаются главнымъ образомъ тѣмъ, что въ будущемъ обществѣ «пѣтъ начальниковъ по праву завоеванія, ни даже по праву рожденія, а только по праву способности нравственной, умственной и промышленной. Въ будущемъ обществѣ всякій человѣкъ, судящій своего подчиненнаго, имѣетъ своихъ начальниковъ, которые судятъ его и судятъ главнымъ образомъ въ его начальническихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ. Чтобы вполнѣ оцѣнить такой порядокъ, нужно предварительно съ надеждою перенестись мыслью въ общество новое, вполнѣ различное отъ тѣхъ, которыя существуютъ теперь и которыя существовали когда-нибудь прежде **» Только подъ этимъ условіемъ легко понять, что система с.-симонизма есть ничто иное, какъ «послѣднее откровеніе, дѣлаемое Богомъ человѣку, откровеніе прогресса, любви, жизни; это всеобщее причащеніе, окончательное соединеніе; это вѣра С.-Симона, гѣра (вашихъ) отцовъ, гѣра всѣхъ будущихъ поколѣній».

Оставляя пока въ сторонѣ критику системы с.-симонистовъ, укажемъ только на замѣчательную полноту ея, какъ со стороны критической, такъ и со стороны законоположительной. Она обозрѣваетъ и обсуждаетъ всѣ главныя стороны существующихъ теперь человѣческихъ отношеній, науку, искусство, промышленность, жизнь общественную, религію, воспитаніе, законодательство, организацію собственности и на мѣсто всего, подвергаемаго осужденію, она представляетъ свои проекты, свои идеалы общественной организаціи, построенные на принципѣ, противоположномъ тому, который до сихъ поръ лежалъ въ основаніи ученія всѣхъ существовав-

---

* Самые труды и покой дѣлаются святыми, потому что труды исполняются во имя Бога и его закона, а покой есть необходимое послѣдствіе трудовъ.

** Тамъ же, 47 и 48.

шихъ обществъ; начинаясь критикою общественнаго устройства, «Ученіе» переходитъ къ коренной политической и экономической реформѣ общества и оканчивается новою религіозной системой съ новыми догматами, новымъ культомъ и новою іерархіею.

Въ общественномъ положеніи с.-симонистовъ около этого времени, т. е. 1828—1830 г. произошла подобная же перемѣна. изъ философской школы они организовались въ религіозное братство со своею іерархіею, въ главѣ которой стоялъ Родригъ. Впрочемъ это не было опредѣлено какимъ-нибудь особеннымъ актомъ; Родрига всѣ уважали, какъ ближайшаго ученика С.-Симона, какъ хранителя его ученія. Къ этому времени относится между прочимъ введеніе обыкновенія титуловать другъ друга именами отца, сына, дочери, смотря по положенію человѣка въ братствѣ.

Превращеніе школы въ религіозное братство совершилось не вдругъ; еще въ 1828 году кромѣ собственно школы или коллегіи, какъ называли первыхъ с.-симонистовъ изъ эпохи Producteurs, образовалось другое отдѣленіе для вступающихъ, въ родѣ отдѣленія оглашенныхъ древнѣйшей христіанской эпохи; впослѣдствіи образовалось третье и даже четвертое отдѣленіе; юные ораторы или преимущественно второстепенные члены школы упражняли здѣсь свои ораторскія способности, вводя неофитовъ въ таинства с.-симонизма *. Въ то же время совершалась весьма дѣятельная пропаганда въ провинціяхъ, и провинціальныя общества с.-симонистовъ уже получили имя церквей; пропаганда простиралась даже за-границу: были с.-симонисты въ Петербургѣ и даже

* Oeuvres de S.-Simon et d'Enfantin, publiées par les membres du conseil, institué par Enfantin pour exécution de ses dernières volontés (Arthur Enfantin (fils), Lhabitant, Laurent, H. Fournel, Ad. Guerouit). Paris, 1865. II. 24 et 164.

въ Константинополѣ (только не русскіе и не турки, а французы). Анфантенъ въ это время сдѣлалъ экскурсію на югъ Франціи и въ своихъ отношеніяхъ къ новообращеннымъ много напоминаетъ апостоловъ, обозрѣвавшихъ страны, недавно обращенныя въ христіанство. Переписка Анфантена около этого времени замѣчательна тѣмъ же характеромъ; она очень напоминаетъ по внѣшности посланія апостоловъ. Вотъ какъ оканчивалъ Анфантенъ одно изъ своихъ писемъ изъ путешествія: «Слава Богу, слава С.-Симону, слава намъ, слава нашимъ возлюбленнымъ братьямъ юга. Я еще не видѣлъ всѣхъ братій этого діоцеза и, не смотря на то, я уже преисполненъ радостью; мы сѣяли на доброй землѣ, жатва обильна *.» Въ письмахъ и рѣчахъ того времени нерѣдко попадаются выраженія: «les frères et les soeurs, les fils et les filles en S.-Simon», построенныя очевидно по образцу «братьевъ или сестеръ, сыновъ или дщерей о Христѣ Іисусѣ »

Въ концѣ 1829 года совершилась весьма значительная перемѣна въ іерархіи с.-симонистовъ, когда Родригъ предъ лицомъ всего собравшагося братства призналъ, что de facto послѣ смерти С.-Симона «направленіе школы, инициатива въ произведеніи и вырабатываніи идей и въ трудахъ пропаганды перешла въ руки Анфантена и Базара», и въ то же время призналъ ихъ главами школы и торжественно передалъ имъ направленіе ея **.

Въ то же время произошелъ и первый расколъ въ новой церкви. Бюше, принимавшій самое живое участіе въ дѣлахъ школы въ самомъ началѣ, отдѣлился отъ общенія съ правовѣрными, находя несостоятельнымъ ихъ ученіе о божествѣ и не соглашаясь признать новоустроенную іерархію ***.

---

* Тамъ же 77. ** 117

*** Удаленіе Бюше было вызвано устройствомъ іерархіи, во главѣ которой были поставлены Анфантенъ и Базаръ. Но причиною этого событія въ свою очередь былъ Бюше, своими возраженіями противъ «пантеистическаго догмата», который въ то время былъ развиваемъ Анфантеномъ, приведшій къ мысли устроить новую іерархію, чтобы заставить

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда вспыхнула іюльская революція. С.-симонисты видѣли въ ней подтвержденіе своихъ ученій о крайнемъ разстройствѣ современной общественной жизни и о необходимости новой организаціи общества. Они нашли благовременнымъ воспользоваться революціею, чтобы выставить свое знамя, чтобы выйдти изъ четырехъ стѣнъ комнаты, которыми они до сихъ поръ ограничивались, на площадь и начать публичную пропаганду *. Вслѣдствіе этого уже 30 іюля вмѣстѣ съ прокламаціями Лафайета на стѣнахъ Парижа были приклеены прокламаціи, подписанныя коллективнымъ именемъ: «Базаръ—Анфантенъ, начальники ученія С.-Симона.» Прокламаціи были обращены къ французамъ, «привилегированнымъ дѣтямъ человѣчества»; онѣ предлагали свои средства для обезпеченія успѣховъ свободы и благосостоянія. «Феодализмъ умретъ навсегда, говорили онѣ, тогда, когда всѣ привилегіи рожденія, безъ исключенія, будутъ уничтожены и всякій будетъ поставленъ въ обществѣ сообразно съ своими заслугами и вознагражденъ сообразно съ своими дѣлами.» Прокламаціи не имѣли успѣха; народъ смѣялся, читая ихъ. Но онѣ имѣли другое дѣйствіе, котораго с.-симонисты, судя по всему, не ожидали; въ засѣданіи палаты депутатовъ уже въ сентябрѣ 1830 года нѣкоторые члены палаты указали на «полуфилософскую, полурелигіозную секту с. симонистовъ», приписывая ей ученіе объ общности имуществъ и общности женъ. Это вызвало Базаръ-Анфантена обратиться къ президенту палаты съ письмомъ, къ которому были присоединены два экземпляра первой части «Ученія С.-Симона». Письмо имѣло цѣлью съ од-

---

замолчать Бюше. Анфантенъ сообщалъ свои мысли объ этомъ Родригу, прибавляя, что на-дѣлѣ онъ и Базаръ уже заправляютъ школою. Послѣ этого Родригъ и провозгласилъ ихъ главами школы.—Такимъ образомъ инициатива въ назначеніи Анфантена и Базара главами школы принадлежитъ не Родригу, а самому Анфантену. 111.

* До сихъ поръ пропаганда не могла назваться публичною. На проповѣди с.-симонистовъ являлись только люди, лично приглашаемые и даже приводимые с.-симонистами.

ной стороны разсѣять предубѣжденія противъ с.-симонизма въ палатѣ и обществѣ, съ другой — пропагировать ученіе, вслѣдствіе чего письмо и было потомъ распространено въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ.

Оно протестовало прежде всего противъ общности имуществъ, приписываемой с.-симонистамъ. «Система общности имѣній, говорилось въ письмѣ, понимается вообще какъ равное раздѣленіе между членами общества или самаго фонда производства, или произведеній, пріобрѣтенныхъ трудомъ всѣхъ». — «Мы отвергаемъ, говорили Базаръ-Анфантенъ, общность имуществъ, потому что эта общность была бы явнымъ нарушеніемъ перваго изъ всѣхъ нравственныхъ законовъ, который требуетъ, чтобы на будущее время всякій имѣлъ положеніе, сообразное его способностямъ, и былъ вознагражденъ сообразно своимъ трудамъ».

«Но въ силу этого закона с.-симонисты требуютъ уничтоженія всѣхъ привилегій безъ исключенія и слѣд. уничтоженія наслѣдства, котораго слѣдствіе есть то, что соціальныя выгоды распредѣляются случайнымъ образомъ между малымъ числомъ тѣхъ, которые могутъ на нихъ претендовать, въ то время, какъ наиболѣе многочисленный классъ осуждается на нищету, невѣжество и нравственную порчу».

Что касается до положенія женщины въ новомъ обществѣ, Базаръ-Анфантенъ утверждали, что с.-симонисты пришли «не разорить, а исполнить священный законъ брака, провозглашенный христіанствомъ».

«Христіанство избавило женщинъ отъ рабства, но оно осудило ихъ на подчиненность, и вездѣ въ христіанской Европѣ мы видимъ женщину подъ запрещеніемъ—религіознымъ, политическимъ, гражданскимъ».

«С.-симонисты требуютъ подобно христіанамъ, чтобы одинъ мужчина былъ соединенъ съ одною женщиною, но они учатъ еще, что жена должна быть равна мужу, что она должна быть соединена съ мужемъ въ тройной обязанности храма, государства и семейства — такъ,

чтобы соціальный индивидуумъ, который до сихъ поръ состоялъ только изъ мужчины, на будущее время состоялъ изъ мужчины и женщины».

«Религія С.-Симона является только для того, чтобы положить конецъ той постыдной торговлѣ, той законной проституціи, которая подъ именемъ супружества очень часто освящаетъ чудовищное соединеніе самоотверженія и эгоизма, просвѣщенія и невѣжества, молодости и дряхлости».

Задача с.-симонистовъ состоитъ въ томъ, чтобы «воздвигнуть зданіе на развалинахъ, которыя скопляются вокругъ нихъ, чтобы среди разлагающагося общества основать общество новое, которое дало бы направленіе мирное и религіозное всѣмъ прогрессивнымъ требованіямъ» *.

Письмо къ президенту палаты не имѣло никакого замѣтнаго дѣйствія; по крайней мѣрѣ, жизнь и дѣятельность с.-симонистовъ продолжали идти прежнимъ путемъ; пропаганда сдѣлалась гораздо дѣятельнѣе еще съ первыхъ дней іюльской монархіи, благодаря большей свободѣ мысли и слова, возникшей вмѣстѣ съ нею. Уже въ 1829 году с.-симонисты имѣли свой литературный органъ «L'Organisateur», основанный Лораномъ; послѣ іюльской революціи Organisateur сдѣлался гораздо смѣлѣе, и къ нему прибавился другой журналъ, «Le Globe», сдѣлавшійся главнымъ органомъ с.-симонистовъ и издававшійся на ихъ счетъ **.

---

* Doctrine de S.-Simon. Troisième éd. Приложеніе.

** Еще С.-Симонъ имѣлъ пристрастіе къ эпиграфамъ; оно перешло отъ учителя къ ученикамъ. Producteur и въ особенности Organisateur были въ изобиліи украшены эпиграфами. Но полной художественности въ этомъ отношеніи достигъ только Globe, который впрочемъ въ разное время имѣлъ различные виды. Вотъ каковъ былъ его послѣдній видъ въ 1832 году.

LE GLOBE.
Journal de la Religion Saint-Simonienne.

A chacun selon sa vocation.	Toutes les institutions sociales doivent avoir pour but l'amélioration du sort moral, physique et intellectuel de la classe la plus nombreuse et la plus pauvre.	A chacun selon ses oeuvres.
Appel aux femmes.	Association universelle.	Organisation pacifique des travailleurs.

Въ то же время были употребляемы другія средства пропаганды: миссіи, брошуры, проповѣдь. Особенно дѣятельна была проповѣдь; сначала она была еженедѣльною, потомъ сдѣлалась ежедневною и была вполнѣ публичною, т. е. двери аудиторій, въ которыхъ совершалась проповѣдь, были открыты для всѣхъ безъ исключенія; и проповѣдь совершалась въ нѣсколькихъ различныхъ мѣстахъ Парижа, причемъ проповѣдники старались, чтобы проповѣдь соотвѣтствовала понятіямъ слушателей; такъ что иногда она была вполнѣ популярною, иногда она не избѣгала всей глубины философіи, доступной самимъ сенъ-симонистамъ; для рабочихъ ее старались сдѣлать простою и даже простонародною, «для художниковъ—поэтическою и отвлеченною, для ученыхъ—строгою и точною». Стараніями Генриха Фурнеля въ двѣнадцати округахъ Парижа были основаны особые «центры дѣйствія» *; наконецъ пять департаментскихъ церквей, въ Тулузѣ, Монпелье, Ліонѣ, Мецѣ и Дижонѣ находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ метрополею.

Въ Globe появилось много экономическихъ статей, обращавшихъ на себя большое вниманіе. Сенъ-симонисты разрабатывали вопросы, касавшіеся государственнаго долга и его погашенія, налога, мобилизаціи собственности, банковъ и пр. Анфантенъ публиковалъ въ Globe свою политическую экономію, гдѣ, не забывая своихъ общихъ цѣлей, онъ входитъ въ сдѣлку съ дѣйствительностью. Главнымъ вниманіемъ съ его стороны пользуется вопросъ о наслѣдствѣ; не требуя полнаго уничтоженія наслѣдства, онъ придумываетъ такую систему налоговъ на наслѣдство, которая была бы шагомъ къ осуществленію главной мысли сенъ-симонизма. — Онъ предлагаетъ обложить всякое наслѣдство налогомъ, и притомъ такъ, чтобы величина налога была пропорціональна отдаленности родства между покойникомъ и наслѣдникомъ. При переходѣ наслѣдства отъ отца

* Эти центры дѣйствія имѣли въ виду ассоціацію рабочихъ для потребленія. При этомъ с.-симонисты распространяли оспопрививаніе, снабжали бѣдныхъ лѣкарствами и пр.

къ дѣтямъ налогъ будетъ незначителенъ; при переходѣ его къ родственникамъ онъ будетъ прогрессивно рости, такъ что при извѣстной, отдаленной степени родства онъ достигнетъ 100% наслѣдства, т. е. поглотитъ его вполнѣ. Такой порядокъ дѣлъ, по мнѣнію Анфантена, дастъ возможность государству обойдтись безъ тягостныхъ налоговъ на потребленіе и при всемъ томъ дастъ ему значительный избытокъ доходовъ сравнительно съ нынѣшними его доходами, такъ что государство будетъ въ состояніи сдѣлать многія реформы и общественныя учрежденія, которыя теперь ему не по силамъ *.

Къ концу 1830 года сенъ-симонисты устроились подъ именемъ «семейства» въ особомъ помѣщеніи въ улицѣ Монсиньи. Хозяйство было устроено общее: члены семейства ежедневно собирались за общимъ столомъ, равно какъ во многихъ другихъ случаяхъ ежедневной жизни; общеніе братьевъ и сестеръ, отцовъ и дѣтей о Сенъ-Симонѣ сдѣлалось гораздо болѣе частымъ. Замѣчательно, что жизнь общины устроилась въ формахъ очень привлекательныхъ по наружности и текла очень весело. «Ученіе развивалось и распространялось подъ шумъ праздниковъ и подъ вдохновляющимъ взглядомъ дамъ... Оставляя свои занятія, свои стремленія къ богатству, свои привязанности дѣтства, — инженеры, артисты, медики, адвокаты, поэты приходили сюда, чтобы соединить свои благороднѣйшія надежды, одни приносили свои книги, другіе мебель; обѣды были общіе; это былъ опытъ религіи братства! Имя отцовъ было даваемо членамъ всякой высшей степени членами степеней низшихъ; дамы, составлявшія часть этой умственной колоніи, получали пріятныя названія матерей, сестеръ, дочерей **. Здѣсь сосредоточивались всѣ отношенія, возникшія изъ корреспонденціи между нововводителями парижскими и провинціальными, отсюда отправлялись миссіонеры для того, чтобы сѣять слово Сенъ-Симона по всей Франціи,

---

* L. Reybaud. Etudes etc. I. 110—112.

** Между прочимъ достойно замѣчанія то, что отцы говорили всѣмъ ты вмѣсто вы.

и эти миссіонеры вездѣ оставляли свои слѣды: въ гостиныхъ, замкахъ, отеляхъ, хижинахъ;—вездѣ они были встрѣчаемы одними съ энтузіазмомъ, другими съ криками насмѣшки или вражды; но миссіонеры были неутомимы въ своей дѣятельности.—Отсюда между прочимъ Жанъ Рейно и Пьеръ Леру были посланы въ Ліонъ, который они воспламенили и который долженъ былъ хранить постоянное воспоминаніе объ ихъ присутствіи» *.

Устройство семейства имѣло характеръ вполнѣ религіозный; въ средѣ его появились свои священнодѣйствія, причемъ главную роль игралъ Анфантенъ, который вмѣстѣ съ Базаромъ пользовался титуломъ верховнаго отца. Анфантенъ вѣнчалъ браки въ семьѣ сенъ-симонистовъ; и первымъ бракомъ былъ бракъ между сыномъ Фурнеля и дочерью Базара; при похоронахъ соблюдались извѣстныя церемоніи и говорились проповѣди въ духѣ новой религіи **. С.-симонизмъ достигъ своего апогея. Послѣдователи его были организованы въ видѣ особой общины, построенной на новыхъ основаніяхъ, имѣвшей свою религію, свою іерархію и представлявшей, по крайней мѣрѣ по наружности, всѣ условія счастливаго и прочнаго существованія. Семейство улицы Монсиньи своимъ примѣромъ открыто призывало гражданъ Парижа къ новой жизни; связи съ провинціями умножились и укрѣпились; началась пропаганда въ рабочемъ классѣ. Не смотря на то, существованіе с.-симонизма было непрочно. Были причины, и существенныя и случайныя, которыя должны были привести къ скорому разложенію его. Полнаго согласія между членами семейства не существовало; даже верховные отцы далеко не во всемъ были единодушны, и это очень скоро обнаружилось съ такою силою, что въ семействѣ, послѣ самыхъ бурныхъ сценъ, произошелъ расколъ. — Подводнымъ камнемъ, о который разбился корабль

---

* Louis Blanc, Histoire de dix ans. 2-me éd. III, 114.

** Oeuvres de S.-Simon et d-Enfantin. IV, 111 и слѣд. См. прилож. А и Б.

с.-симонистовъ, былъ вопросъ о бракѣ. Мы видѣли идеи Базаръ-Анфантена касательно его въ письмѣ къ президенту палаты; это было первое заявленіе с.-симонистовъ относительно брака. «Ученіе», обращая главное вниманіе на религію и политическое устройство общества, не коснулось совсѣмъ этого вопроса.—И самое письмо къ президенту палаты содержитъ въ себѣ только общія понятія о бракѣ. Между тѣмъ жизнь привела къ болѣе точному и подробному опредѣленію чертъ брака въ обществѣ с.-симонистовъ; и Анфантенъ въ интимныхъ разговорахъ и письмахъ высказалъ нѣсколько мыслей *, которыя показались другимъ и между прочимъ самому Базару слишкомъ либеральными. Изъ этого возникли бурные споры **. Родригъ попытался окончить ихъ посредствомъ своего рода credo касательно брака; но это не успокоило общества; споры сдѣлались еще болѣе бурными и ожесточенными; было нѣсколько примѣровъ, что диспутанты въ жару спора падали въ обморокъ. Только отецъ Анфантенъ сохранилъ до конца все присутствіе духа и полное спокойствіе, не смотря на то, что онъ былъ главнымъ центромъ нападеній со стороны сыновей и даже дочерей, которые находили его понятія слишкомъ циническими и даже безнравственными

Къ вопросу догматическому примѣшалось соперничество изъ-за власти и вліянія, и, судя по всему, эта сторона дѣла была главною причиною особеннаго одушевленія въ спорахъ. Нѣкоторые члены семейства обратились къ обоимъ отцамъ съ адресомъ, гдѣ довольно безцеремонно упрекали того и другаго въ лишнихъ претензіяхъ и эгоистическихъ стремленіяхъ. Обращаясь къ Анфантену, адресъ говоритъ: «Вы тѣмъ болѣе преувеличивали вашу заслугу, что вы думали, будто васъ не понимаютъ въ вашихъ проявленіяхъ.—Вы хотѣли, чтобы

---

* Сущность ученія Анфантена о бракѣ состояла въ томъ, что постоянный бракъ можетъ быть оставленъ для людей постоянныхъ по своей природѣ; а люди непостоянные могутъ ничѣмъ не стѣсняться, могутъ мѣнять женъ или мужей, когда имъ угодно и сколько угодно. IV, 135.

** Всего болѣе вооружались противъ Анфантена П Леру, Казо-Трансонъ, Карно, Ж. Лешевалье и Рейно; въ этихъ спорахъ Анфантенъ всѣмъ, по обычаю, говорилъ ты, тогда какъ ему всѣ говорили вы.

отецъ Базаръ поднимался въ средѣ насъ и разсказывалъ намъ, какъ, на пути новыхъ идей, вы всегда ему предшествовали; вы увлеклись до того, что на насъ смотрѣли, какъ на орудіе, находящееся въ вашихъ рукахъ, для того, чтобы возмущать отца Базара въ его твердости и получить отъ него поклоненіе, къ которому вы стремились» *.

Обращаясь къ Базару, авторы адреса (Талабо, Казо и Мишель Шевалье), говорили: «мы никогда не слышали изъ вашихъ устъ похвалы отцу Анфантену;—и въ этомъ спорѣ—вы намъ говорили всегда только о слабостяхъ отца Анфантенв.—Вы оставили на немъ обвиненіе въ безнравственности» ** и т. д. Очевидно, отношенія между верховными отцами были не изъ лучшихъ, совершенно независимо отъ вопроса о бракѣ, раздѣлявшаго ихъ; даже теоретическое разногласіе скоро утратило почти все свое значеніе. Къ концу спора, говоритъ Мишель Шевалье въ одной позднѣйшей замѣткѣ, «несогласія принимаютъ характеръ главнымъ образомъ личный. Мы поняли, что отецъ старался взять верхъ надъ Базаромъ, а Базаръ старался удалить отца», т. е Анфантена ***. Очевидно, дѣло состояло главнымъ образомъ въ личныхъ стремленіяхъ къ власти и значенію, а не въ соціальныхъ принципахъ. Сообразно съ этимъ, нѣкоторыми членами семейства былъ предложенъ проектъ къ умиротворенію семейства, къ отвращенію раскола.—Слѣдуя ему, Анфантенъ долженъ былъ остаться начальникомъ религіи вообще, Базаръ начальникомъ догмата, Ол. Родригъ начальникомъ культа и промышленности. Базаръ согласился-

* Совершенно согласно съ этимъ въ то же время самъ Анфантенъ, обращаясь къ своимъ «милымъ дѣтямъ», говорилъ: «все, что было мыслимо, все, что было сдѣлано въ нашемъ ученіи,—вызвано мною; я вызывалъ въ то время, какъ Базаръ отвергалъ, въ то время, какъ онъ просилъ времени для размышленія». IV, 158.

** 146.

*** 151. М. Шевалье называетъ Анфантена отцомъ потому, что М. Шевалье послѣ раскола послѣдовалъ за нимъ, тогда какъ Базаръ, отдѣлившись отъ семейства, сдѣлался для М. Шевалье чужимъ человѣкомъ.

было принять такое второстепенное положеніе, но черезъ день, онъ рѣшительно отказался, изъявивъ свое желаніе выйти изъ семейства, что и было имъ исполнено 11 Нояб. 1831 г.

Базаръ не одинъ отдѣлился отъ семейства, вмѣстѣ съ нимъ оставили его многіе другіе члены, отличавшіеся своими способностями и дѣятельностію; изъ нихъ мы упомянемъ Пьера Леру, Рейно, Казо, Трансона, Лешевалье, Рессегье, Карно, Дюжье, какъ наиболѣе ревностныхъ пропагандистовъ въ свое время, а теперь наиболѣе ожесточенныхъ противниковъ Анфантена. Изъ болѣе видныхъ членовъ общины съ Анфантеномъ остались только Ол. Родригъ, Фурнель, Мишель Шевалье, Эйхталь, Барро, Лоранъ, Ламберъ, Геру, братья Перейры *. Но это не смутило самого Анфантена; онъ объявилъ оставшимся ученикамъ, что перемѣна, происшедшая въ семействѣ, въ сущности даже полезна для семейства, которое должно теперь вступить на путь полнаго практическаго осуществленія своихъ идей. — Съ своей стороны Ол. Родригъ поддержалъ энергію вѣрныхъ тѣмъ, что «во имя Бога живаго, который ему былъ открытъ С.-Симономъ», провозгласилъ Анфантена «человѣкомъ наиболѣе нравственнымъ изо всѣхъ своихъ современниковъ, истиннымъ преемникомъ С.-Симона, верховнымъ начальникомъ (chef suprême) религіи С.-Симона» **. Все это вмѣстѣ укрѣпило вѣрныхъ, преимущественно низшихъ степеней, которые вообще были менѣе одержимы духомъ сомнѣнія и контроля; и новый періодъ жизни с.-симонистовъ своимъ блескомъ и шумомъ превзошелъ всѣ предъидущіе періоды. Такъ какъ тѣло было оправдано (réhabilité) и не только трудъ, но и удовольствіе было освящено, то зима 1831 и

---

* Между этими лицами нѣкоторыя, во время кризиса, сильно нападали на Анфантена, какъ Фурнель и М. Шевалье, но потомъ остались съ нимъ, чтобъ не разстроивать начатаго дѣла,—возрожденія человѣчества.

** IV, 201.

1832 года, т. е. время послѣ раздѣленія семейства было ничѣмъ другимъ, какъ длиннымъ праздникомъ въ улицѣ Монсиньи. «Религія увѣнчала себя цвѣтами; она пригласила весь Парижъ на свои праздники, не смотря на увѣренность, что Парижъ не заплатитъ ей за ея вѣжливость. На этихъ вечерахъ являлись изящныя, молодыя, граціозныя и прелестныя дамы, которыя танцовали, чтобъ танцовать, веселились, чтобъ веселиться, совершенно, какъ и въ мірѣ, не замѣчая религіозной стороны этихъ танцевъ и этихъ удовольствій» *.

Разумѣется, со стороны самихъ сенъ-симонистовъ эти балы не были простыми собраніями, съ цѣлью повеселиться; сенъ-симонисты разсчитывали, что подобныя собранія были могущественнымъ средствомъ пропаганды въ такомъ городѣ, какъ Парижъ, котораго жители очень легко увлекаются внѣшностью, особенно если она изящна. Впрочемъ, у нихъ была и другая болѣе частная цѣль. Во время кризиса, имѣвшаго послѣдствіемъ расколъ, Анфантенъ и Ол. Родригъ высказывали ту мысль, что положеніе женщины въ семействѣ с.-симонистовъ не можетъ и не должно быть опредѣлено безъ участія самой женщины; ей же должно принадлежать рѣшеніе вопроса о томъ, что въ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами дозволяется и что не дозволяется нравственностью и благопристойностью. Женщина сама должна опредѣлить границы того и другого, за которыми уже начинается и непристойность и неблагопристойность. И хотя въ семействѣ сенъ-симонистовъ были двѣ женщины весьма вліятельныя и уважаемыя, Клара Базаръ м Цецилія Фурнель, но Анфантенъ не хотѣлъ предоставить имъ рѣшенія этого вопроса и не обратилъ вниманія на ихъ мнѣнія, когда онѣ присоединили свои голоса къ голосамъ мужчинъ и находили мнѣнія Анфантена, касательно брака, безнравственными. Анфантенъ, повидимому, ожидалъ появленія какой-нибудь необык-

* L. Reybaud, I 120.

новенной женщины, которая была бы достойна быть женскою половиною главы религіи.

Уже раньше, въ письмѣ къ президенту палаты депутатовъ, было сказано, что соціальнымъ индивидуумомъ должны быть мужчина и женщина вмѣстѣ; соотвѣтственно этому въ 1831 году сформировалось и понятіе о главѣ религіи. Слѣдуя ему, главою религіи долженъ быть не одинъ мужчина, верховный или соціальный жрецъ, а мужчина и женщина вмѣстѣ, верховный жрецъ и верховная жрица, couple-prêtre, жрецъ-пара. Обязанности жреца-пары состоятъ въ опредѣленіи общихъ принциповъ нравственности и пристойности и въ помощи и совѣтѣ вѣрнымъ при каждомъ отдѣльномъ случаѣ. особенно въ дѣлахъ, касающихся брака. «Иногда онъ будетъ успокоивать безразсудный жаръ ума, или будетъ умѣрять безпорядочные порывы чувствъ; иногда, напротивъ, онъ станетъ будить апатическій умъ, будетъ подогрѣвать вялыя чувства» *; т. е. жрецъ-пара будетъ имѣть довольно безцеремонное вмѣшательство въ отношенія между мужчинами и женщинами, въ родѣ того, что проектировалъ еще Кампанелла. Соціальный жрецъ никогда не достигалъ своего идеала у сенъ-симонистовъ; дуумвиратъ Базаръ-Анфантена не имѣлъ съ нимъ ничего общаго Послѣ удаленія Базара. Анфантенъ сдѣлалъ свое воззваніе къ женщинамъ. знаменитый «appel aux femmes», въ которомъ приглашалъ ихъ помогать ему въ апостольскомъ дѣлѣ, говоря, что с.-симонисты стремятся къ улучшенію состоянія не только мужчинъ, но и женщинъ, преимущественно тѣхъ, «которыя всего болѣе страдаютъ отъ анаѳемы плоти, отъ ея профанаціи» **. Въ надеждѣ на то что женщины отзовутся, что онѣ явятся толпою участвовать въ апостольскомъ дѣлѣ, что между ними придетъ и та, которая должна составить половину жреца-пары, с.-симонисты или, вѣрнѣе, ихъ верховный отецъ давалъ свои вечера въ зиму 1831 —

* Reybaud, I, 118. Далѣе увидимъ, что вознагражденіемъ за исполненіе этихъ обязанностей должны были служить особенныя права жреца-пары.

** Oeuvres d. S. S. et. d'Enf. V. 23. См. прил. Д.

1832 года *. Но дѣйствительно появлявшіяся на балахъ женщины танцовали для того, чтобы танцовать, изъ любви къ искуству, а не въ виду апостольскаго служенія, и многоожиданная, вожделѣнная половина жреца-пары не явилась.

Не одни вечера обращали вниманіе парижанъ на сенъ-симонистовъ въ зиму 1831—1832 года. Въ это время у нихъ уже были заведены ассоціаціи рабочихъ на новыхъ началахъ. Онѣ существовали еще прежде при Базарѣ, но въ другомъ видѣ; прежде это были ассоціаціи для потребленія, теперь устроились ассоціаціи для производства. «Четыре тысячи рабочихъ трудились въ особенныхъ домахъ, на счетъ религіозной общины. Но опытъ не удался. Иногда увѣренность въ обезпеченномъ благосостояніи матеріальномъ дѣлала рабочихъ небрежными, иногда между ними начинались несогласія и нужно было вмѣшательство власти для возстановленія іерархіи. Воззваніе къ пролетарію привлекло нѣсколько человѣкъ бѣдныхъ, въ нищетѣ легко соглашающихся на всякіе опыты. Но для удержанія рабочихъ, для увеличенія ихъ числа, нужно было исполнить обѣщанное имъ улучшеніе. Безъ этого рабочіе уходили одинъ за другимъ. Единственною формулою, понятною для нихъ, было улучшеніе быта, но его не оказалось» **.

Такимъ образомъ все шло къ паденію, къ разложенію. И наконецъ явилась новая разлагающаи причина, которая особенно оказывается роковою для подобныхъ искуственныхъ общинъ, оказался недостатокъ средствъ къ жизни, денегъ. О денежныхъ средствахъ сенъ-симонистовъ мы еще ничего не говорили, а этотъ предметъ не лишенъ интереса.

Первое предпріятіе, которое потребовало денежныхъ средствъ со стороны сенъ-симонистовъ, было изданіе Producteur'a. Средства для него, какъ мы уже видѣли, были доставлены

---

* Послѣ удаленія Базара, Анфантенъ, во время засѣданій семейства, всегда ставилъ подлѣ себя пустое кресло въ знакъ отсутствія другой половины жреца-пары.

** Reybaud, 122.

«коммандитною компаніею на акціяхъ», какъ выражались сами сенъ-симонисты. Эта командитная компанія въ сущности была ничѣмъ другимъ, какъ сборомъ, пожертвованіемъ для извѣстной цѣли, потому что акціонеры не получали процентовъ и не получили назадъ своихъ денегъ. Весь сборъ для изданія Producteur'a простирался до 40,000 франковъ; изъ нихъ десять тысячъ были даны Лафитомъ *.

Послѣ того до осени 1830 г издержки сенъ-симонистовъ были незначительны; денежныя средства были доставляемы преимущественно Анфантеномъ, который въ это время издержалъ своихъ 14,000 франковъ. Съ осени 1830 года, когда сенъ-симонисты устроились въ видѣ семейства, когда проповѣдь, миссіи и всякаго другаго рода пропаганда усилились, явилась потребность въ средствахъ гораздо большихъ. Отцы сдѣлали воззваніе къ дѣтямъ, и дѣти дѣйствительно съ рѣдкимъ усердіемъ приносили все, что могли **. Между членами было много людей богатыхъ, напр. Эйхталь, банкиръ. Потому взносы деньгами и другими родами собственности были такъ значительны, что уже къ 31 Іюля 1831 года было получено с.-симонистами всего имущества, движимаго и недвижимаго, на 600,000 франковъ. Одни денежные доходы до этого числа простирались до 250,000 франковъ. Они были истрачены на изданіе Globe'a, наемъ залъ для проповѣди, квартиръ для семейства, на содержаніе «чиновниковъ (fonctionnaires), занимавшихся проповѣдью, обученіемъ, обращеніемъ, личнымъ руководствомъ рабочихъ, администраціею» и пр. *** Къ ноябрю 1831 года издержки семейства простирались уже до 400,000 франковъ ****. Слѣдовательно, въ этотъ промежутокъ времени отъ 1 августа до ноября было истрачено 150,000 франковъ. Но уже въ это время с.-симонисты почувствовали недостатокъ денегъ, и Ол. Родригъ сдѣлалъ новое воззваніе

---

* Oeuvres de S. Simon et d'Enfantin. I. 150.

** Мужъ и жена Фурнель, посылая съ своей стороны деньги, писали «Генрихъ и Цецилія Фурнель за своего ребенка».

*** IV. 49. **** 214.

къ вѣрнымъ, на этотъ разъ устраивая не компанію, а заемъ, повидимому, на обыкновенныхъ экономическихъ началахъ. Билеты займа выпускались по номинальной цѣнѣ 1000 фр. съ дѣйствительнымъ взносомъ по 250 фр, за что кредиторы должны были получать ежегодную ренту въ 50 фр., т. е. въ 20%. Самыя условія займа показываютъ, что кредитъ с.-симонистовъ по крайней-мѣрѣ теперь не стоялъ высоко. И дѣйствительно, заемъ далеко не удался *. Не смотря на то, слѣдующая зима 1831—1832 года стоила с.-симонистамъ большихъ издержекъ, по причинѣ вечеровъ, которые они давали. Деньги для этихъ издержекъ были доставлены отчасти зяймомъ, который нѣкоторыя суммы все-таки доставилъ, частію взносами членовъ, уже довольно незначительными, а частію остатками прежнихъ пожертвованій. Всего с.-симонистами собрано изъ разныхъ источниковъ и истрачено отъ осени 1830 до осени 1832 года отъ 900,000 до 1,000,000 франковъ ** Были между ними люди, которые хотѣли, чтобъ эти суммы не были проживаемы вполнѣ, чтобы онѣ были обращены въ капиталъ, и только проценты этого капитала были издерживаемы. Но отцы были вѣрны своему мессіѣ, С.-Симону, который тратилъ послѣднія свои деньги въ смутной надеждѣ, что онъ не останется безъ средствъ. С.-симонисты тратили свои послѣднія средства, также не думая о будущемъ, и, подобно учителю, дошли до крайней нищеты, послѣ чего семейство должно было распасться. Впрочемъ, раньше распаденія оно еще и даже не одинъ разъ подверг-

---

* Очевидно, что этотъ заемъ въ сущности съ экономической точки зрѣнія былъ тѣмъ же, чѣмъ прежде была коммандитная компанія; потому что для уплаты фондовъ и даже процентовъ займа не предвидѣлось никакихъ особыхъ средствъ, кромѣ успѣха пропаганды и взносовъ, уже оскудѣвшихъ. Повидимому о займѣ Родригъ говоритъ болѣе для приличія, а главнымъ образомъ имѣетъ въ виду даровыя приношенія, что онъ впрочемъ прямо и говоритъ. См. пр Г.

** Главными вкладчиками были Фурнель, Эйхталь (по 150,000 фр.). Alexis Petit, Mad. Petit, Enfantin (по 100,000 фр.), Carnot (20,000), Olivier (30,000) и т. д. Главный взносъ Анфантена (77,000 франковъ) относится уже къ 1832 году, до этого времени имъ было истрачено 23,000 франковъ.

лось весьма существеннымъ измѣненіямъ. Прежде всего не обошлось безъ новаго раскола; на этотъ разъ еретикомъ явился Ол. Родригъ, первоначальный сосудъ истины, первый ученикъ С.-Симона, чрезъ котораго все ученіе его было передано міру. Видимою причиною раскола явился тотъ же щекотливый вопросъ объ отношеніяхъ между мужчиною и женщиною, который былъ причиною удаленія Базара. Въ февралѣ 1832 г. Родригъ нашелъ ученіе Анфантена объ этомъ предметѣ такимъ, что болѣе не могъ оставаться въ общеніи съ нимъ, хотя взглядъ Анфантена на этотъ предметъ не измѣнился со времени удаленія Базара. И если Родригъ теперь черезъ 4 мѣсяца по удаленіи Базара заговорилъ опять объ этомъ предметѣ, причиною того было опять соперничество, возникшее между нимъ и Анфантеномъ, которое и въ этомъ случаѣ, какъ прежде, было дѣйствительною причиною раскола. Ихъ взаимное положеніе было весьма странно: главою религіи былъ Анфантенъ, но первымъ ученикомъ С.-Симона оставался Родригъ, и нужно было съ его стороны объявленіе Анфантена главнымъ начальникомъ религіи, чтобы Анфантенъ дѣйствительно сталъ имъ; и прежде, какъ мы видѣли, когда еще Анфантенъ вмѣстѣ съ Базаромъ сдѣлались главами религіи, это произошло посредствомъ признанія ихъ въ этомъ качествѣ и провозглашенія со стороны Родрига. Такимъ образомъ Родригъ, не будучи дѣятельнымъ главою семейства, повидимому, постоянно считался или по крайней мѣрѣ самъ считалъ себя верховнымъ авторитетомъ с.-симонизма, какъ первый ученикъ С.-Симона. Это не могло не вести къ столкновеніямъ. Базаръ, который послѣ своего удаленія слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ семействѣ, писалъ къ Рессегье о новомъ расколѣ такимъ образомъ: «Уже два мѣсяца продолжается глухая, но сильная борьба между Анфантеномъ и Родригомъ; сегодня она обнаружилась открыто Въ прошлый понедѣльникъ Анфантенъ отнялъ у Родрига его должность начальника промышленности, на что Родригъ отвѣтилъ провозглашеніемъ себя верховнымъ начальникомъ на мѣсто Анфантена». Дѣло, стало быть, состояло въ томъ, за

кѣмъ изъ двухъ пастырей пойдетъ стадо. Въ ближайшемъ нумерѣ Globe'a (19 февраля) оба претендента на званіе верховнаго начальника помѣстили свои манифесты къ с.-симонистамъ. Родригъ писалъ такъ о теоретической причинѣ раскола: «Я утверждалъ (т. е. 17 окт. 1831 г. еще до удаленія Базара), что въ семействѣ с.-симонистовъ всякій ребенокъ долженъ знать своего отца. Анфантенъ выразилъ желаніе, чтобы одна женщина призвана была объясниться объ этомъ важномъ вопросѣ. Слѣдовательно, онъ допустилъ случаи религіознаго смѣшенія (promiscuité religieuse) въ то время, какъ я допустилъ только разводъ и освященіе втораго брака» * и т. д. Въ то же время Родригъ жаловался, что Анфантенъ «вообразилъ, будто онъ можетъ объявить ненравственнымъ перваго ученика С.-Симона!»

Анфантенъ съ своей стороны главнымъ образомъ налегалъ на то, что Родригъ, какъ и Базаръ, находится съ давняго времени подъ игомъ древняго семейства, а «религіозная мысль» Анфантена пошла дальше; «онъ осмѣлился наложить руку на самыя основанія древняго семейства». Привычка с.-симонистовъ повиноваться Анфантену, его видимое превосходство надъ Родригомъ съ точки зрѣнія послѣдовательности, прогресса, наконецъ предъидущее рѣшеніе того же самаго вопроса при удаленіи Базара, имѣли слѣдствіемъ то, что паства пошла за Анфантеномъ, а не за Родригомъ; и Родригъ одинъ удалился изъ семейства въ февралѣ 1832 года.

Но это удаленіе не обошлось безъ плачевныхъ результатовъ для оставшихся с.-симонистовъ. Родригъ былъ начальникомъ промышленности семейства, которая пока главнымъ

---

* Въ самомъ взглядѣ на разводъ между с.-симонистами обнаружилась существенная разница: болѣе умѣренные видѣли въ немъ уступку человѣческой слабости, болѣе послѣдовательные, на основаніи принципа реабилитаціи плоти, видѣли въ немъ явный знакъ прогресса отдѣльныхъ людей. Развода, слѣдуя имъ, желалъ и стремился ко 2-му браку тотъ, кто въ любви дѣлалъ прогрессъ, кто не довольствовался первою любовью, а искалъ любви высшей, совершеннѣйшей. Замѣчательный примѣръ тонкости, до которой можетъ доходить человѣческая мысль.

образомъ состояла въ добываніи денегъ посредствомъ компаній и займовъ, значительно отличавшихся своимъ характеромъ отъ компаній и займовъ, устраиваемыхъ всѣми другими. И предъидущія финансовыя операціи дѣйствительно всѣ устраивались подъ его руководствомъ. Во время раскола онъ еще продолжалъ осуществленіе своего послѣдняго займа, которое хотя не быстро, а все-таки подвигалось впередъ. Съ удаленіемъ его оно совсѣмъ остановилось. Это поставило семейство въ затруднительное положеніе. Чтобы оно не испортилось совсѣмъ, Анфантенъ рѣшился снова преобразовать его жизнь. Нанимать въ Парижѣ квартиру для семейства, залы для проповѣди и танцевъ, издавать журналы не было возможности. Потому журналъ пересталъ выходить, и семейство переселилось въ Менильмонтанъ, деревеньку подлѣ Парижа, гдѣ Анфантенъ имѣлъ домъ и садъ. Здѣсь жизнь устроилась совсѣмъ иначе, чѣмъ въ улицѣ Монсиньи. Для полнаго «освященія труда» и, разумѣется, за недостаткомъ денегъ, положено было обходиться безъ прислуги. Члены семейства организовали м раздѣлили между собою занятія: одни завѣдывали кухнею, другіе домомъ, дворомъ, садомъ; особенное вниманіе обращалъ на себя садъ, гдѣ члены семейства садили, поливали, подчищали деревья, проводили дорожки, усыпали ихъ пескомъ и т. п.; дѣла было довольно. Къ обѣду всѣ собирались вмѣстѣ, пѣли молитвы, слушали поученія отца и ѣли. Былъ выдуманъ и введенъ въ употребленіе своего рода мундиръ, синій короткій камзолъ, подпоясанный кожанымъ поясомъ, бѣлые панталоны, красная фуражка. Куафюра также приняла однообразный и оригинальный видъ: всѣ отпустили волосы до плечъ и бороды; и то и другое въ Парижѣ было въ то время рѣдкостью. Составлены были свои семейныя или, пожалуй, сектаторскія пѣсни, которыя были положены на музыку и пѣлись во время общаго труда или рекреаціи. Все это, разумѣется, возбуждало любопытство сосѣдей; но сначала семейство держалось довольно уединенно, скромно; только впослѣдствіи двери общаго дома были отворены и толпа народная была впускаема

слушать рекреаціонные концерты и даже наблюдать братскую трапезу, гдѣ отецъ имѣлъ особенное почетное мѣсто.

Изъ Менильмонтана Анфантенъ на короткое время отлучился отъ семейства и въ это время совершилъ юридическій актъ передачи своего личнаго имущества во владѣніе семейства, и по возвращеніи приглашалъ другихъ членовъ послѣдовать его примѣру *.

Въ то же время продолжалась разработка теоретическаго и практическаго ученія, по прежнему коллективнымъ трудомъ, въ которомъ теперь наибольшее участіе принимали Анфантенъ и М. Шевалье; составлена Новая книга (Le livre Nouveau), состоящая изъ двухъ частей: катихизиса и книги бытія; Новая книга имѣетъ содержаніе довольно разнообразное; во-первыхъ, книга бытія, обязанная своимъ существованіемъ перу М. Шевалье, въ поэтической формѣ представляетъ образованіе жизни на землѣ, и объясняетъ нѣкоторые астрономическіе факты, напр. появленіе у земли спутника **. Катихизисъ занимается вопросами болѣе философскими; но его философскія идеи довольно смутны, мало понятны; философскія и политическія понятія и положенія страннымъ образомъ сопоставляются съ формулами алгебраическими (между членами семейства было много воспитанниковъ политехнической школы, между прочимъ самъ Анфантенъ) и даже съ правилами и понятіями грамматическими; такъ катихизисъ находитъ нѣчто общее между жрецомъ и глаголомъ, между теоретикомъ и именемъ существительнымъ, между практикомъ и именемъ прилагательнымъ. Новая книга между прочимъ занимается рѣшеніемъ вопроса: какимъ языкомъ будетъ въ будущія времена говорить человѣчество, предполагая, что оно будетъ говорить однимъ язы-

---

* L. Blanc. III, 349.

** Земля будто бы ждетъ появленія своего возлюбленнаго (человѣка) и обращается нѣсколько разъ къ Богу съ вопросомъ: скоро ли онъ явится? Богъ постоянно отвѣчаетъ, что она еще не готова для принятія его; вслѣдствіе чего земля производитъ то одни, то другіе роды растеній и животныхъ и измѣняетъ свой собственный видъ. Новая книга имѣетъ нѣкоторыя общія черты съ космогоніею Фурье. (См. пр. Е.).

комъ, и находитъ, что французскій языкъ составитъ значительную массу словъ новаго языка, причемъ дѣлается сравнительный обзоръ многихъ древнихъ и новыхъ языковъ *.

Новая книга составляетъ послѣднее произведеніе семейства с.-симонистовъ и по времени, и по духу, и по содержанію. Здѣсь с.-симонисты изъ области дѣйствительности вышли въ область чистой фантазіи; и по закону человѣческой природы изъ этой области поворота быть не могло; человѣкъ или общество, въ которомъ мечты взяли перевѣсъ надъ мышленіемъ, собственными силами не измѣнитъ этого факта психологической статики, не дастъ снова перевѣса мышленію надъ мечтою; потому что не имѣетъ для этого никакихъ средствъ; въ этомъ и состоитъ сущность всѣхъ психическихъ болѣзней; онѣ болѣе, нежели какія другія, нуждаются въ постороннихъ вліяніяхъ, чтобы уступить мѣсто нормальнымъ отправленіямъ души.

Удалившись въ область фантазіи и вмѣстѣ съ тѣмъ удалившись отъ міра и въ самомъ уединеніи устр ившись фантастическимъ способомъ, с.-симонисты должны были до конца остаться въ этомъ направленіи, еслибъ не встрѣтили посторонняго препятствія. Такихъ препятствій явилось нѣсколько: во-первыхъ нѣкоторые важнѣйшіе члены семейства были позваны въ судъ и присуждены къ наказанію, именно къ денежному штрафу и аресту; въ числѣ присужденныхъ къ аресту былъ и Анфантенъ, глава и отецъ семейства. Во-вторыхъ, денежныхъ средствъ наконецъ совсѣмъ не оказалось; не на что было жить даже въ Менильмонтанѣ. Процессъ с.-симонистовъ, предварительное изслѣдованіе объ нихъ было начато прокурорскою властью еще тогда, когда они жили въ улицѣ Монсиньи; вслѣдствіе чего и Родригъ былъ привлеченъ къ суду. Ихъ обвиняли въ томъ, что они составляютъ противозаконное общество и кромѣ того—проповѣдуютъ безнравственное ученіе.

---

* Новая книга ненапечатана; значительныя выдержки изъ нея находятся у L. Reybaud. T. I, 127 и слѣд.

Процессъ, какъ извѣстно, возбудилъ большое вниманіе въ тогдашнемъ обществѣ, и защита отличалась большою оригинальностью; с.-симонисты и въ судѣ продолжали смотрѣть на Анфантена, какъ на отца, называть его этимъ именемъ, и во время допросовъ исполнять его волю, а не волю предсѣдателя суда * У самого Анфантена предсѣдатель спросилъ: «не называете ли вы себя отцомъ человѣчества»? «Да, отвѣчалъ Анфантенъ, я называю себя отцомъ человѣчества». «Не увѣряете ли вы, продолжалъ предсѣдатель, что вы живой законъ»? «Да, отвѣчалъ Анфантенъ, я увѣряю, что я живой законъ». И вслѣдъ затѣмъ въ подтвержденіе своей теоріи, оправдывающей плоть, онъ сталъ испытывать силу своего взгляда надъ предсѣдателемъ, членами суда и надъ присяжными, что сердило и тѣхъ и другихъ; а это, въ свою очередь, заставляло торжествовать Анфантена. Защита была ведена с.-симонистами очень искусно. Противъ перваго пункта, будто они составили противозаконное общество, они указывали на то, что они составляютъ религіозное общество и по закону свободы совѣсти могли собираться для своихъ религіозныхъ цѣлей. Касательно втораго пункта они увѣряли, будто они, напротивъ, стараются искоренить безнравственныя явленія современнаго міра. Они очень искусно сгруппировали многіе, достойные сожалѣнія, факты современной жизни, противъ которыхъ они изыскивали средства, указывали на нищенство, ведущее къ преступленію и разврату, говорили, что въ современномъ обществѣ нѣкоторыя лица роковымъ образомъ осуждены на то и другое; въ отвѣтъ на то, что они оправдывали матерію, признавали ее столь же святою, какъ духъ, они указывали на то, что и въ современномъ обществѣ тѣло съ его качествами уважается не только наравнѣ съ душою, но болѣе, чѣмъ душа съ ея достоинствами. Такъ, говорили они въ то время, какъ французы не хотѣли дать даже 800,000 франковъ на содержаніе епископовъ, они не поскупились дать

---

* Вслѣдствіе этого они отказались показывать подъ присягою, потому что Анфантенъ не позволилъ этого.

1,000,000 на содержаніе оперы. Что значитъ этотъ фактъ какъ не то, что современное общество почитаетъ тѣло и заботится о немъ болѣе, нежели оно заботится о душѣ?

Въ процессѣ обнаружились нѣкоторыя черты ученія с.-симонистовъ, которыя, сколько намъ извѣстно, не были изложены ни въ какомъ литературномъ произведеніи, и которыя, повидимому, обнаружены только предварительнымъ слѣдствіемъ, допросами, происходившими въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ передъ тѣмъ, какъ с.-симонисты были позваны въ судъ. Такъ Анфантену ставили въ вину, что онъ красоту (качество тѣлесное, а не душевное) ставилъ такъ высоко, что даже считалъ ее необходимымъ качествомъ священника; на это онъ отвѣчалъ такимъ образомъ: «находятъ дурною, безнравственною мою мысль, что священникъ долженъ быть красивъ; дѣйствительно, такова наша вѣра. Священникъ долженъ быть красивъ, мудръ и добръ; красота, мудрость и доброта резюмируютъ весь нашъ догматъ». Такое ученіе было новостью даже въ с.-симонизмѣ; вѣроятно, оно было выработано уже по удаленіи Базара и даже Родрига.

Но главнымъ пунктомъ обвиненія было ученіе с.-симонистовъ о бракѣ, и въ особенности о томъ правѣ, которое предоставлялось жрецу-парѣ относительно супруговъ—с.-симонистовъ. Прокурорское обвиненіе прямо называло его с е н ь о р ь я л ь н ы м ъ п р а в о м ъ, le droit du seigneur. И с.-симонисты не отвергали этого обвиненія, а только оправдывали его. Вотъ какъ они говорили касательно этого пункта: «надѣялись заклеймить с.-симонистовъ произнося это слово· сеньорьяльное право, право господина. Оно существовало въ обществѣ, которое с.-симонисты хотѣли возродить, только оно иначе называлось; это было право самаго богатаго» * и т. д. Этими сло-

* L. Blanc, 359. — По словамъ Базара, Анфантенъ училъ, «что интимность между полами, которую въ настоящее время считаютъ законною, святою и возвышенною только въ супружествѣ, не должна имѣть характера исключительности между супругами; что начальникъ, напримѣръ (жрецъ или жрица) можетъ и долженъ вызвать и установить эту интимность между самимъ собою и подчиненнымъ, или для собственнаго

вами, с.-симонисты очевидно признали ученіе о сеньорьяльномъ правѣ, какъ часть своей нравственной системы Вотъ къ чему привело ихъ оправданіе плоти.

Судъ окончился тѣмъ, что Анфантенъ, Мишель Шевалье, Дювейрье были присуждены къ годовому заключенію и къ 100 франкамъ штрафа, Родригъ и Барро къ 50 франкамъ штрафа. — Кассаціонный судъ не уважилъ жалобы осужденныхъ, и они должны были выполнить приговоръ суда.

Но это не было еще заключеніемъ драмы: менильмонтанское семейство продолжало еще въ теченіе нѣкотораго времени существовать. Но для него уже начался періодъ окончательнаго упадка. «Когда голодъ сталъ стучаться въ двери общины, нужно было уменьшить личный составъ и сократить обыкновенные расходы; прибѣгли къ чрезвычайнымъ средствамъ: отправили миссіи въ Марсель, Тулонъ, Ліонъ, Руанъ; перестали презирать низкіе труды; стали принимать, даже выбирать труды особенно тяжелые, неблагодарные и даже унизительные. Нѣкоторые апостолы сдѣлались носильщиками, другіе пошли собирать виноградъ на сосѣднихъ виноградникахъ, не требуя за работу ничего, кромѣ участія въ трапезѣ рабочихъ; одни вступили въ число канутовъ * въ Ліонѣ, другіе сдѣлались ткачами въ Нормандіи. Въ видахъ экономіи, часто въ самый часъ обѣда менильмонтанская община разсыпалась по сосѣднимъ рынкамъ и приготовлялась къ апостольскому служенію посредствомъ скромной трапезы» **.

Но и этотъ порядокъ продолжался не долго; послѣ заключенія отца и главныхъ апостоловъ, семейство вскорѣ разсѣя-

---

удовлетворенія или для того, чтобы имѣть болѣе прямое или болѣе живое вліяніе на подчиненныхъ, на ихъ мысли, дѣйствія и слѣд. на ихъ прогрессъ. Эта идея была изложена первоначально Анфантеномъ, слѣдуя его собственнымъ выраженіямъ, какъ преобразованіе древняго droit du Seigneur. Впослѣдствіи оно значительно измѣнилось по формѣ, но въ сущности оно не подверглось никакому важному измѣненію» (Bazard, Discussions morales, politiques et religieuses, p. 2 et 3. Цитація Тониссена. II, 31).

* Кануты—работники, приготовляющіе шелковыя ткани.

** L. Reybaud, Etudes sur réform. I, 139.

лось; почти всѣ члены его болѣе или менѣе отрезвились и принялись за общую всѣмъ людямъ экономическую дѣятельность. Только Анфантенъ послѣ своего освобожденія еще разъ попробовалъ съ нѣсколькими изъ учениковъ устроить общину на новыхъ началахъ въ Египтѣ; а когда и этотъ опытъ, продолжавшійся два года, не удался, то и онъ сталъ жить, какъ всѣ, промѣнявши званіе отца человѣчества и живаго закона на должность почтмейстера въ одномъ небольшомъ городкѣ, недалеко отъ Ліона *. — Sic transit gloria mundi!

Во всей этой исторіи представляются вниманію двѣ отдѣльныя стороны дѣла, теоретическое ученіе и опытъ осуществленія системы. Попробуемъ сдѣлать характеристику того и другаго на основаніи данныхъ, представленныхъ нами. Обратимся сначала къ теоріи.

Первое, на что обращаетъ вниманіе «Ученіе», есть недостатокъ единства въ трудахъ ученыхъ и въ то же время безцѣльность и нераціональность этихъ трудовъ, недостатокъ отношенія ихъ къ общей идеѣ. Разумѣется, подобное состояніе науки не можетъ быть названо удовлетворительнымъ; но, во-первыхъ, таково ли дѣйствительно было оно при Сенъ-Симонѣ и его ученикахъ? Не казалось ли это только имъ, потому что сами они, и учитель, и ученики безъ достаточной научной подготовки смѣло пошли за открытіемъ общей идеи, влекомые не указаніемъ и требованіемъ научныхъ фактовъ и истинъ, а собственною фантазіею!—Сенъ-Симонъ именно, только благодаря недоконченному образованію, неудачно гонялся за общею идеею, въ чемъ онъ отчасти самъ и признался. А ученики во взглядѣ на этотъ предметъ совершенно рабски слѣ-

---

* Во время республики, въ 1848 г. Анфантенъ еще разъ сдѣлалъ опытъ пропаганды своихъ идей въ ежедневной газетѣ «Le Crédit»; опытъ не удался; чрезъ полтора года журналъ пересталъ выходить. Времени повернуть назадъ нельзя.

довали за учителемъ; ихъ мысль о недостаткахъ современныхъ ученыхъ и ихъ работъ, есть буквальное повтореніе мысли учителя.—Во-вторыхъ, предполагая даже, что Сенъ-Симонъ и его ученики вполнѣ правы. дѣйствительно-ли зло, указываемое ими, лѣчится только такою мѣрою, какъ установленіе должности жреца науки, который каждому ученому задавалъ бы работу, потомъ принималъ отъ него результаты работы и складывалъ ихъ въ порядкѣ въ общее хранилище истины. Лучше ли пошла бы при такомъ порядкѣ наука, и могло ли быть достаточное ручательство того, что жрецъ науки правильно поведетъ всю общность ученыхъ работъ? — Ручательствомъ за это долженъ былъ быть выборъ жреца науки жрецомъ соціальнымъ, человѣкомъ наиболѣе богатымъ симпатическими чувствамя въ цѣломъ обществѣ. Но выборъ этотъ по законамъ человѣческой природы могъ быть ошибоченъ, и въ такомъ случаѣ уже всѣ науки и всѣ ученые разомъ принялись бы дѣлать Богъ знаетъ что, уклонились бы отъ истиннаго направленія, чего теперь по крайней мѣрѣ не бываетъ.— Но пусть даже жрецъ науки будетъ правильно назначенъ, пусть это будетъ лучшій ученый въ цѣломъ народѣ. И въ такомъ случаѣ, нѣтъ достаточнаго ручательства въ томъ, что его рѣшенія и указанія будутъ вполнѣ правильны. Классъ ученыхъ всегда представлялся и дѣйствительно существовалъ въ видѣ республики наукъ. Здѣсь никогда не было верховнаго арбитра, въ родѣ того, который проектируютъ сенъ-симонисты; и такая организація науки вытекаетъ изъ самой природы ея; наука далась человѣчеству не чрезъ вдохновеніе, не не чрезъ какое-нибудь наитіе, а трудомъ отдѣльныхъ лицъ впродолженіе тысячелѣтій; ученые труды не могутъ быть опредѣлены со стороны, а должны слѣдовать указанію самой науки, нерѣдко далеко неясно высказывающемуся впродолженіе самаго ученаго труда или даже обнаруживающемуся совершенно случайно; иногда подобное указаніе приводитъ ученаго къ открытію важнаго всеобщаго закона или замѣчательнаго факта науки, какъ указаніе упавшаго яблока привело Ньютона къ открытію закона всеобщаго тяготѣнія, а не-

правильное движеніе Урана привело современнаго намъ астронома къ открытію Нептуна. Въ другой разъ подобное смутное указаніе оканчивается дѣйствительно безплодною работою. Но это общій законъ человѣческихъ предположеній; по самой сущности своей они иногда не приводятъ къ истинѣ, къ цѣли, иногда оканчиваются безплодною тратою времени и труда.

Въ этой фантазіи с.-симонистовъ касательно организаціи наукъ и научныхъ трудовъ, нельзя не видѣть отраженія всей вообще системы французскаго міровоззрѣнія, въ которомъ централизація и авторитетъ вообще играютъ такую большую роль. Какъ во время республики большинство французовъ совершенно добровольно, даже съ какимъ-то увлеченіемъ, отказалось отъ пріобрѣтенныхъ политическихъ вольностей и поручило общее дѣло и вмѣстѣ свою собственную судьбу одному лицу, авторитету котораго оно довѣрялось больше, чѣмъ своему благоразумію, такъ и с.-симонисты готовы республику наукъ превратить въ диктатуру. Такое излишнее довѣріе въ авторитетамъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, и въ цѣломъ народѣ, служитъ признакомъ недостаточнаго нравственнаго и отчасти умственнаго развитія и ведетъ обыкновенно къ господству демагогіи и грубаго деспотизма, которое имѣетъ мѣсто не только въ области политики, но и въ области чистой теоретической истины.—Такъ и въ проектируемой с.-симонистами организаціи нѣтъ мѣста свободному, независимому научному труду: хочешь или не хочешь, а работай, какъ тебѣ приказано, и не дѣлай того, что не приказано. Такая организація отчасти, и однако далеко не во всей строгости и полнотѣ, проектируемой с.-симонистами, не разъ была испытана въ исторіи; главнымъ ея свойствомъ оказалась способность не подвигать впередъ, а *останавливать движеніе науки*; такъ власти, подобныя жрецу науки с.-симонистовъ, считавшія себя компетентными въ дѣлѣ науки, грозили сжечь Галилея, останавливали предпріятіе Колумба, сожгли Джордано Бруно, преслѣдовали Коперника и т. п.

Совершенно одинаковое достоинство имѣетъ проектъ централизаціи производства, предоставленіе направленія его жре-

цу промышленности. Оно имѣетъ въ виду правильное снабженіе рынковъ, такъ чтобы потребности населенія были удовлетворены и въ то же время рынки не были загромождены, и исходитъ изъ той мысли, что частные люди не имѣютъ возможности знать во всякое время отношеніе между спросомъ и предложеніемъ. Этотъ проектъ также имѣетъ свое основаніе въ централизаціонной чертѣ французскаго міровоззрѣнія. И быть можетъ въ прежнее время, когда промышленность дѣйствовала на угадъ и ощупью, дѣйствительно администрація больше знала о потребностяхъ рынковъ и о средствахъ къ удовлетворенію ихъ, чѣмъ частные люди, и не могла скоро дѣлиться съ ними своими свѣдѣніями; но это не значило все-таки, чтобъ она могла правильнѣе и лучше снабжать рынки; до этого еще далеко. Кромѣ знанія отношенія между спросомъ и предложеніемъ, для этого еще нужно усердное, энергическое, и иногда очень быстрое исполненіе, которое безъ сомнѣнія гораздо вѣроятнѣе, когда дѣло задумывается и исполняется въ одномъ мѣстѣ и побудительною причиною его служитъ своя польза, личный интересъ, чѣмъ тогда, когда оно задумывается въ одномъ мѣстѣ, въ центрѣ государства, а исполняется на окраинѣ его, и когда главнымъ стимуломъ при исполненіи его будетъ понятіе государственнаго чиновника о своемъ долгѣ.

Въ настоящее время даже и преимущества знанія на сторонѣ центральной власти нѣтъ; что она знаетъ, то въ тотъ же день, благодаря телеграфамъ, извѣстно во всемъ государствѣ; вообще масса свѣдѣній промышленныхъ, торговыхъ, финансовыхъ, ежедневно и быстро распространяемыхъ въ обществѣ посредствомъ газетъ, журналовъ, выставокъ, много измѣнила положеніе дѣла. Но кромѣ того люди, стоящіе близко къ дѣлу, наблюдающіе его непосредственно, знаютъ много такихъ мелкихъ подробностей, такихъ неуловимыхъ частностей, которыя никогда не дойдутъ до центральной власти, но непремѣнно имѣютъ вліяніе на спросъ или предложеніе. Не надобно еще забывать великаго удобства, представляемаго свободнымъ снабженіемъ рынковъ частнымъ производствомъ,

вообще частною экономическою дѣятельностью, въ томъ, что только оно имѣетъ существенную побудительную причину не только къ тому, чтобы производство не было лишено энергіи, не ухудшалось въ техническомъ отношеніи, а напротивъ, непремѣнно улучшалось, т. е. оно содержитъ въ себѣ наилучшій залогъ того, что человѣкъ все болѣе и болѣе будетъ дѣлаться господиномъ природы. Впрочемъ, мы вдаемся въ элементарныя положенія политической экономіи; дѣло очевидно сводится къ вопросу о томъ, какое значеніе имѣетъ конкурренція въ производствѣ,—вопросъ, котораго не обходитъ ни одинъ общій курсъ политической экономіи, вопросъ достаточно разъясненный наукою, которая, признавая неудобства конкурренціи, нашла, что удобства ея и притомъ именно относительно правильности снабженія рынковъ и дешевизны произведеній далеко перевѣшиваютъ ихъ, и потому она не можетъ быть замѣнена никакимъ другимъ отношеніемъ между производителями и потребителями.

Замѣтимъ однако, что не смотря на практическій, крайне неудобный проектъ с.-симонистовъ касательно организаціи производства, исходный пунктъ ихъ вѣренъ, т. е. конкурренція дѣйствительно имѣетъ значительныя неудобства, на которыя притомъ не хотятъ обращать достаточно вниманія многіе экономисты. И потомъ, правильное экономическое производство дѣйствительно не можетъ существовать безъ знакомства съ рынками, съ экономическими средствами населенія, равно какъ съ состояніемъ производства вообще, т. е. со спросомъ и предложеніемъ *. Но отсюда прямой выводъ только тотъ, что для промышленнаго сословія необходимы извѣстныя свѣдѣнія, которыми оно и должно запасаться. Эти свѣдѣнія будутъ однимъ изъ средствъ противъ неудобствъ конкурренціи. Между тѣмъ с.-симонисты изъ того факта, что благодаря неизвѣстности между спросомъ и предложеніемъ при системѣ конкуррен-

---

* Взгляды с.-симонистовъ на систему laissez faire, laissez passer, равно какъ на согласіе интересовъ отличаются замѣчательною вѣрностью и проницательностью.

ціи, промышленная дѣятельность частныхъ людей иногда ведетъ къ потерямъ и разоренію, заключаютъ, что частная промышленная дѣятельность должна уступить мѣсто государственной, централизаціонной организаціи промышленности. Очевидно, выводъ этотъ весьма далекъ отъ логической строгости, неговоря уже о томъ, что онъ страдаетъ самою дѣтскою непрактичностью и полнымъ пренебреженіемъ къ извѣстному роду и способу человѣческой дѣятельности, выработанному жизнью людской въ теченіе тысячелѣтій.

Что касается до дальнѣйшихъ разсужденій «Ученія», всѣ они составляютъ такую же смѣсь истины и лжи, здраваго разсужденія и софистики. — Такъ симпатическихъ чувствъ, конечно, немного въ современныхъ обществахъ; и средній уровень нравственнаго состоянія ихъ безъ сомнѣнія не высокъ: но, сравнивая XIX вѣкъ съ вѣками средними, все-таки не увидимъ, чтобы средніе вѣка имѣли преимущество передъ нашимъ временемъ. Фанатизмъ и даже чистое религіозное одушевленіе, двигавшее цѣлые народы въ Палестину, не препятствовали существованію въ это же самое время наиболѣе эгоистическихъ отношеній между сословіями, между семействами и отдѣльными лицами. Въ этомъ восхваленіи среднихъ вѣковъ видно вліяніе католической религіи и аристократическаго происхожденія главы с.-симонизма. Католическіе священники и пожилыя дамы С.-Жерменскаго предмѣстія до сихъ поръ думаютъ, что XIII вѣкъ, вѣкъ Иннокентіевъ (III и IV) составляетъ золотой вѣкъ въ исторіи человѣчества вообще *.

Слѣдующая затѣмъ часть «Ученія» о новой наукѣ, открытой будто бы С.-Симономъ, содержитъ въ себѣ, какъ мы уже видѣли, противорѣчіе другому положенію с.-симонистовъ, касательно принципа прогресса въ исторіи. Въ первомъ случаѣ с.-симонисты говорятъ, что новая наука даетъ людямъ

* Эта мысль очень искусно доказывается напр. Ш. Переномъ, профессоромъ политической экономіи въ католическомъ университетѣ въ Лувенѣ, разсуждающимъ о другихъ предметахъ своей науки весьма здраво и въ особенности съ большою ясностію мысли. (De la richesse dans les sociétés chrétiennes. Парижъ, 1861 г. 2 тома).

средство положительнымъ образомъ всегда отыскивать общій смыслъ историческихъ явленій; въ другомъ случаѣ оказывается, что смыслъ историческихъ явленій все-таки недоступенъ простымъ смертнымъ, а доступенъ только такимъ людямъ, какъ Сократъ и С.-Симонъ. Это противорѣчіе объясняется, повидимому, тѣмъ, что во время чтеній въ улицѣ Тараннъ, с.-симонисты неблагопріятно относились къ Ог. Конту, автору позитивной системы, той самой новой науки, которая нашла будто бы средство почти механическимъ способомъ отыскивать истину *. Впрочемъ Ог. Контъ въ очень близкихъ связяхъ съ с.-симонистами никогда не былъ; передъ концомъ жизни С.-Симона онъ разошелся даже съ нимъ самимъ; и причиною этого было то, что С.-Симонъ къ концу жизни обнаружилъ значительную наклонность къ религіозному элементу, которой раньше у него не было; а Ог. Контъ положилъ въ самомъ основаніи своей позитивной философіи совершенное отсутствіе всякаго метафизическаго начала. По смерти С.-Симона Ог. Контъ принялъ участіе въ «Производителѣ»; и это, кажется нужно объяснить его надеждою, что юные ученики С.-Симона будутъ свободны отъ наклонности къ метафизическому началу; но, когда оказалось противное, онъ прекратилъ свое участіе въ ихъ журналѣ и вообще разошелся съ ними вполнѣ. Такимъ образомъ авторъ позитивной философіи и с.-симонисты

---

* Позитивная философія принадлежитъ безъ сомнѣнія Ог. Конту; а къ С.-Симону она имѣетъ слѣд. отношеніе. Отъ 1808 до 1811 года, С.-Симонъ занимался исключительно выработкою новой философской системы. Сочиненій С. Симона изъ этого періода мы не видали, потому что ихъ нѣтъ ни въ одномъ изданіи его сочиненій. Но судя потому, что говоритъ о нихъ Гюбаръ, и что приведено нами выше (стр. 290—298) въ нихъ можно найти нѣкоторыя черты сходства съ позитивною философіею. И въ нихъ то безъ сомнѣнія заключается новая наука открытая С. Симономъ. И въ слѣдствіе этого сходства С. Симонъ называетъ Ог. Конта своимъ ученикомъ Разошедшись съ Ог. Контомъ и удалившись въ область фантастическихъ проектовъ, С. Симонъ тѣмъ самымъ разошелся и съ своею прежнею философіею. С.-симонисты были отъ нея еще дальше, потому они уже поставлены въ необходимость и хвалить новую науку, какъ дѣло ихъ учителя, и порицать, какъ достояніе Ог. Конта, съ которымъ они не имѣли ничего общаго.

въ области мысли стояли другъ къ другу враждебно; Ог. Контъ осуждалъ с.-симонистовъ изъ ихъ фантазіи, за тѣ «смутныя утопіи, въ которыхъ ни одно научное условіе не останавливаетъ полета фантазіи»; а с.-симонисты осуждали его и его систему, его новую методу, ту новую науку, которая въ это время неразрывно была связана съ именемъ Ог. Конта. Но вполнѣ осуждать ее было нельзя, потому что самъ С.-Симонъ, слѣдуя имъ, былъ первоначальнымъ авторомъ ея; потому, восхваляя новую науку, въ то же время они умаляли значеніе ея до полнаго ничтожества; и этимъ-то способомъ дошли до столь очевиднаго противорѣчія.

Что касается до всеобщаго закона прогресса разныхъ сторонъ человѣческой жизни, будто бы открытаго С.-Симономъ, то онъ обыкновенно признается и признавался всѣми историками и философами; еще Геродотъ и Ѳукидидъ писали свои сочиненія съ мыслью, что Греція въ теченіе вѣковъ дѣлала постоянный и несомнѣнный прогрессъ въ наукѣ, искуствѣ, политикѣ, промышленности. Потомъ мысль о прогрессѣ человѣчества была отдѣльно разрабатываема такими учеными, какъ Вико (Новая наука), Гердеръ (Мысли объ исторіи человѣчества), Кондорсе (Очерки прогресса человѣческаго ума). С.-симонисты знаютъ о трудахъ этихъ ученыхъ; не смотря на то, считаютъ С.-Симона истиннымъ и единственнымъ авторомъ ученія о прогрессѣ человѣчества, потому что идеи другихъ ученыхъ остались будто бы «безплодны», и притомъ никто изъ нихъ не умѣлъ, какъ слѣдуетъ, «характеризовать прогрессъ». Этотъ отзывъ отличается совершенною несостоятельностью. Чьи идеи болѣе плодотворны, С.-Симона, или упомянутыхъ ученыхъ, это еще нужно рѣшить какимъ-нибудь дѣйствительнымъ способомъ; а прежде такого рѣшенія нельзя слишкомъ смѣло произносить приговоръ надъ чужимъ мнѣніемъ; равнымъ образомъ слѣдуетъ прежде рѣшить, кто лучше умѣлъ характеризовать прогрессъ, С.-Симонъ или Вико, Гердеръ и Кондорсе.—Между тѣмъ с.-симонисты даже не пробовали сравнивать мысли С.-Симона о прогрессѣ съ мыслями этихъ ученыхъ, не говоря уже объ

основательной критикѣ этихъ писателей, такъ что ихъ отзывы о нихъ оказываются совершенно голословными. Затѣмъ въ «Ученіи» слѣдуютъ опять ложныя идеи касательно уничтоженія наслѣдства, касательно прямаго права собственности, изъ которыхъ первая уничтожаетъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ стимуловъ человѣческой дѣятельности и нарушаетъ самое неоспоримое право, а вторая есть ничто иное, какъ непрямое отрицаніе самой собственности. Относительно собственности с.-симонисты говорятъ въ «Ученіи», что они сами признаютъ ее «основаніемъ общественнаго порядка», что они только преобразуютъ ее, а не уничтожаютъ. Общность имуществъ они отвергаютъ, видя въ ней нарушеніе нравственнаго закона, такъ какъ подъ системою общности имуществъ обыкновенно разумѣется «равное раздѣленіе между членами общества или самаго фонда производства, или произведеній». Въ этомъ случаѣ они смѣшиваютъ общность имуществъ съ равенствомъ имуществъ или съ равнымъ распредѣленіемъ произведеній, коммунизмъ вообще съ коммунизмомъ эгалитарнымъ. Правда большею частію коммунизмъ является въ этомъ послѣднемъ видѣ; это его самая простая форма. Таковъ коммунизмъ Утопіи, Икаріи и т. п.; но гораздо раньше с.-симонистовъ были предложены и формы коммунизма неэгалитарнаго. Таковъ коммунизмъ севарамбовъ. У севарамбовъ президентъ, севаробасты, бросмазіонты и осмазіонты имѣютъ лучшую пищу, лучшую одежду, лучшее помѣщеніе и больше жонъ и наложницъ, чѣмъ простые севарамбы (см. выше стр. 261 и 262).—Главная черта коммунизма есть отсутствіе частной собственности; ея нѣтъ и въ сенъ-симонизмѣ. Всѣ орудія труда принадлежатъ всему обществу;ему же принадлежатъ и произведенія. И неравное распредѣленіе произведеній все таки не даетъ членамъ общества возможности пріобрѣсти какую нибудь собственность, и никто изъ нихъ не можетъ имѣть увѣренности, что дѣйствительно получитъ количество произведеній равное его заслугамъ, его способностямъ и трудамъ; потому что начальники могутъ ошибаться, могутъ быть пристрастны, а изъ членовъ общества каждый можетъ преувели-

чивать свои заслуги и постоянно считать себя обиженнымъ, такъ что коммунизмъ сенъ-симонистовъ еще менѣе можетъ удовлетворить общество, нежели коммунизмъ эгалитарный. Даже коммунизмъ сенарамбовъ состоятельнѣе сенъ-симонизма, потому что тамъ по крайней мѣрѣ законъ и народный выборъ даетъ человѣку право на большую и лучшую часть произведеній общаго труда; а тому и другому конечно всякій охотнѣе подчинится, чѣмъ благоусмотрѣнію государственнаго чиновника. Коммунизмъ сенъ-симонистовъ весьма легко можетъ измѣниться въ коммунизмъ Іоанна Боккольда, такъ что начальники будутъ брать себѣ львиную часть, не заботясь много о простыхъ смертныхъ, преувеличивая свои способности и труды и умаляя способности и труды другихъ; что впрочемъ и обнаружилось уже въ самомъ прототипѣ человѣческаго общества, организуемаго на основаніи принциповъ сенъ-симонизма, въ семействѣ улицы Монсиньи. Мы видѣли, какъ Анфантенъ преувеличивалъ свое собственное значеніе; такъ же поступали и Базаръ и Родригъ. И слава Богу, что сенъ-симонисты существовали не одни въ цѣломъ мірѣ, такъ что и Родригу и Базару и его сторонникамъ было убѣжище въ средѣ людей непринадлежавшихъ къ семейству. Въ противномъ случаѣ имъ было бы худо. Будучи принуждены подчиниться верховному отцу, они были бы осуждены на самыя тяжелыя нравственныя, а можетъ быть и физическія страданія; потому что вѣдь верховный отецъ могъ подвергнуть ихъ и наказанію, напр. какому нибудь экономическому лишенію. — Слѣдующее положеніе «Ученія» о томъ, что никогда религія не исчезнетъ съ лица земли, опять обнаруживаетъ зрѣлое сужденіе. Но оно, какъ мы видѣли, не принадлежитъ ученикамъ С.-Симона, а ему самому; оно было высказано имъ на смертномъ одрѣ въ присутствіи учениковъ и почитателей.— Мысли о воспитаніи и обученіи также обнаруживаютъ серьезное обсужденіе дѣла; необходимость проводить въ учащееся юношество науки въ возможной полнотѣ и оконченности весьма заслуживаетъ уваженія; только къ латинскому языку «Ученіе» относится довольно легко. Оно не ви-

дитъ его великаго значенія въ наукахъ нравственныхъ, философскихъ, политическихъ, богословскихъ, историческихъ, основаннаго на томъ, что большинство источниковъ для этихъ наукъ и первоначальныхъ сочиненій, относящихся къ нимъ, написаны на латинскомъ языкѣ, и не только не переведены, но и не могутъ быть никогда переведены на современные языки, по причинѣ своего громаднаго числа. Страна, которая уничтожила бы у себя обученія юношества латинскому и греческому языкамъ, тѣмъ самымъ осудила бы себя на вѣчное второстепенное положеніе въ области этихъ наукъ. А что наука вообще и въ особенности названныя нами отрасли ея имѣютъ главное значеніе въ прогрессѣ человѣческихъ обществъ, нужно ли это доказырать?—Что касается до необходимости проводить въ учащееся юношество науки въ возможной полнотѣ, справедливость этой мысли доказывается тѣмъ, что всѣ неправильныя стремленія современныхъ намъ общественныхъ дѣятелей, оказываются имѣющими въ своей основѣ недостаточное знакомство съ науками философскими и политическими. Въ особенности это замѣтно въ исторіи соціальныхъ теорій, которыя главнымъ образомъ грѣшатъ незнаніемъ несомнѣнныхъ научныхъ истинъ, неумѣніемъ оцѣнить достовѣрныя данныя пріобрѣтенныя наукою. Это между прочимъ, какъ мы видѣли, оказалось и на дѣятельности самого С.-Симона.

Принципъ вознагражденія начальствомъ человѣка сообразно его способностямъ и дѣламъ былъ бы вполнѣ справедливъ, еслибъ онъ не нарушался уничтоженіемъ наслѣдства и, разумѣется, еслибы онъ былъ осуществимъ Но именно онъ отличался бы только справедливостію, и въ то же время ему не доставало бы еще одного качества, безъ участія котораго не могутъ быть правильно устроены отношенія людскія.—Трудно быть прогрессивнѣе и гуманнѣе утопистовъ, въ особенности такихъ, которые имѣютъ религіозное убѣжденіе въ томъ, что они постигли всю сущность прогресса, и обѣщаютъ устроить на землѣ царство Божіе, господство любви, всеобщую ассоціацію; не смотря на то, мы можемъ упрекнуть с.-симонистовъ ни въ чемъ другомъ, какъ въ недостаткѣ

прогресса и гуманности; впрочемъ, нашъ упрекъ не будетъ оригиналенъ; онъ воспроизводитъ только упрекъ, дѣлаемый с.-симонистамъ со стороны Луи Блана, упрекъ вполнѣ справедливый.

«Вы принимаете, говоритъ Л. Бланъ, за всеобщій принципъ вознагражденіе людей по способностямъ и дѣламъ; но какъ же вы будете поступать съ тѣми, которые не способны ни къ какимъ дѣламъ, достойнымъ вознагражденія? Какъ вы поступите съ больными, престарѣлыми, безумными?—Какъ долженъ поступать отецъ со своимъ новорожденнымъ ребенкомъ, не имѣющимъ никакихъ полезныхъ для общества способностей, не способнаго ни къ какой дѣятельности? Очевидно, всѣ эти люди по принципу с.-симонистовъ не могутъ имѣть права на теплый уголъ и кусокъ хлѣба. Ко всѣмъ дѣтямъ долженъ быть приложенъ спартанскій законъ истребленія слабыхъ дѣтей, къ престарѣлымъ и безсильнымъ долженъ быть примѣнено обыкновеніе дикарей — убивать ихъ.

«Дѣло въ томъ, что идея одного права оказывается несостоятельною, если исключительно опредѣляетъ отношенія людей; кромѣ нея нужна еще другая, болѣе согрѣвающая и оживляющая всѣ человѣческія отношенія и въ то же время дающая имъ высшій характеръ справедливости, идея добра, та, которая обязываетъ разсматривать не только то, кто чего достоинъ, кто что заслужилъ, что заработалъ, а и то, кто въ чемъ имѣетъ настоятельную потребность» *.

Что касается до будущей организаціи, религіи и іерархіи,—формы, подъ которыми то и другое представляютъ с.-симонисты, отличаются полною произвольностью. Мы замѣтимъ съ своей стороны, что стѣсненіе человѣческой личности въ проектируемомъ обществѣ превосходитъ всякое вѣроятіе, именно благодаря извѣстной организаціи іерархіи. Всякій частный человѣкъ можетъ и обязанъ заниматься только тѣмъ, что ему будетъ указано свыше; ему опредѣлятъ даже направленіе, цѣль и необходимое качество его труда; личной само-

* Histoire de dix ans. III, 109.

дѣятельности не будетъ никакого мѣста ни въ наукѣ, ни въ искуствѣ, ни въ промышленности Даже если мы предположимъ нечеловѣчески большой умъ въ руководителяхъ общества, въ жрецѣ соціальномъ и его помощникахъ, предположимъ, что они никогда не будутъ ошибаться, что они правильно опредѣлятъ направленіе и качество всякаго труда, правильно назначатъ всякому занятіе, и въ такомъ случаѣ жизнь членовъ новаго общества будетъ невыносима. Сдѣлаться машиною, ходить по указанной дорогѣ, безъ права сойти въ сторону, стремиться къ цѣли, указанной другими, и не смѣть думать о своей, о какой-нибудь завѣтной мысли, это противно природѣ человѣка. Правда, с.-симонисты имѣютъ въ виду не современнаго, ветхаго человѣка; они будутъ имѣть новое поколѣніе, которое они подготовятъ воспитаніемъ и обученіемъ. Но чѣмъ человѣкъ образованнѣе, тѣмъ онъ тяжелѣе выноситъ подобное строгое опредѣленіе своей дѣятельности, тѣмъ больше у него стремленія къ самостоятельности, къ собственному почину, даже къ оригинальности.

И, повидимому, сами с.-симонисты чувствовали, что въ будущемъ обществѣ при всемъ совершенствѣ организаціи его будутъ недовольные; по крайней-мѣрѣ въ ихъ кодексъ входятъ не только награды, но и наказанія.

И все это, сама дѣятельность гражданъ и ея оцѣнка, награды и наказанія будутъ зависѣть отъ полнѣйшаго произвола одного человѣка, соціальнаго жреца, верховнаго отца. С.-симонисты чувствовали, что власть верховнаго отца далеко переходитъ обыкновенные предѣлы всякой существующей въ настоящее время власти, и вотъ какъ они стараются оправдать ее. Въ рукахъ нынѣшнихъ правителей допустить столько власти, говорятъ они, было бы неблагоразумно и опасно; но въ будущемъ обществѣ верховный отецъ будетъ человѣкомъ наиболѣе симпатичнымъ, любящимъ, наиболѣе знающимъ и наилучшимъ образомъ все понимающимъ. Это хорошо, но при этомъ могутъ быть ошибки; нельзя же предположить, чтобы верховный отецъ былъ олицетвореннымъ совершенствомъ; идеальнаго совершенства, всевѣдѣнія, на землѣ еще

никто не видалъ. И это отсутствіе совершенства въ верховномъ отцѣ должно имѣть неисчислимые плачевные результаты. Но, оставляя даже въ сторонѣ идеальное совершенство, сколько-нибудь правильное избраніе верховнаго отца въ будущемъ обществѣ ничѣмъ не обезпечено; для избранія не указано никакихъ правилъ. Судя по тому, какъ было въ общинѣ с.-симонистовъ, нужно думать, что избраніе верховнаго жреца предоставляется всему обществу, которое должно провозгласить своего избранника. Но что общество можетъ ошибаться, можно ли въ этомъ сомнѣваться? Да наконецъ среди цѣлаго общества можетъ совсѣмъ не быть ни одного человѣка, соединяющаго въ себѣ качества, необходимыя для того, чтобы онъ былъ хоть только сноснымъ руководителемъ его.

Мы совсѣмъ не будемъ касаться кореннаго философскаго догмата с.-симонистовъ о томъ, что матерія и духъ въ сущности одно и то же, что антагонизма между ними нѣтъ и быть не должно, что между ними должно существовать полное согласіе. Замѣтимъ только одно, что подобное ученіе на практикѣ оказывается ничѣмъ другимъ, какъ грубымъ сенсуализмомъ. Качества матеріи или тѣла болѣе осязаемы и требованія его болѣе настоятельны, чѣмъ требованія духа. Что касается до качествъ и требованій духа, ихъ нужно еще постигнуть и опредѣлить, т. е. сами по себѣ по крайней мѣрѣ для огромнаго большинства людей, вращающихся мыслью преимущественно въ области міра матеріальнаго, и даже не для нихъ однихъ, они темны и неопредѣленны; отъ того и существуетъ извѣстное выраженіе «глубины человѣческаго духа»; эти глубины нужно измѣрить, въ нихъ нужно проникнуть и посмотрѣть, что въ нихъ находится. И извѣстно, что умственное зрѣніе людей отличается отъ физическаго меньшею опредѣленностью, тѣмъ, что оно не всѣ предметы представляетъ въ одномъ видѣ; въ то время, какъ въ треугольникѣ мы всѣ видимъ три стороны, и объ этомъ предметѣ не можетъ быть спора, въ предметахъ міра духовнаго мы большею частію видимъ разныя свойства, и требованія ихъ мы себѣ различно представляемъ. Это-то свойство духовнаго міра и

должно повести къ подчиненію духа тѣлу при господствѣ догмата о согласіи духа и тѣла, какъ о нормальномъ ихъ состояніи. Въ самомъ дѣлѣ, качества и требованія тѣла не могутъ измѣняться потому, что они слишкомъ точно опредѣлены; нельзя сказать, что тѣло человѣческое питается пескомъ и глиною, вмѣсто пищи растительной и животной, когда всеобщій опытъ говоритъ противное; нельзя сказать, что тѣло человѣческое любитъ зябнуть или страдать отъ жара, когда всѣмъ извѣстно противное. Но на вопросъ о томъ, стремится ли духъ человѣческій къ чему-то особенному, неимѣющему осуществленія на землѣ, къ тому, что философы называютъ безконечнымъ, возможны два отвѣта: утвердительный и отрицательный, и партизаны того и другаго мнѣнія могутъ спорить до безконечности, не убѣждая другъ друга обязательнымъ, необходимымъ образомъ, и, замѣтимъ кстати, спорятъ продолженіе 4,000 лѣтъ историческаго существованія человѣчества. При необходимости согласія между тѣломъ и духомъ, этотъ вопросъ имѣетъ обязательное рѣшеніе, именно: что духъ ни къ чему особенному не стремится, иначе онъ сталъ бы въ противорѣчіе съ тѣломъ, и части человѣческаго существа пришли бы въ дисгармонію. Подобнымъ образомъ рѣшаются всѣ вопросы изъ области духа, напр. долженъ ли человѣкъ господствовать надъ своими тѣлесными инстинктами? Нѣтъ; въ противномъ случаѣ, это было бы порабощеніе тѣла духомъ, а между ними должно существовать не подчиненіе одного другому, а гармонія. Могутъ возразить, что эта гармонія есть подчиненіе духа тѣлу. Ничуть не бывало, отвѣтитъ с.-симонистъ: духъ не высказываетъ какихъ-нибудь требованій касательно этого предмета, и кто такъ думаетъ, тотъ мечту своего воображенія принимаетъ за дѣйствительность. Справедливость нашего замѣчанія касательно подчиненія духа тѣлу при господствѣ догмата о необходимости гармоніи между духомъ и тѣломъ подтверждается исторіею с.-симонистской общины. Наиболѣе послѣдовательный членъ ея Анфантенъ дошелъ до установленія такихъ отношеній между полами, противъ которыхъ возмутилось нравственное чувство большинства даже самой

общины. Впрочемъ, это не первый опытъ подобныхъ практическихъ результатовъ философствованія въ извѣстномъ смыслѣ. Аристиппъ и Эпикуръ также принимали за основу своей философіи реабилитацію плоти, тождество ея съ духомъ Извѣстно, что ученики ихъ, развивая эти положенія, дошли до самаго грубаго сенсуализма.

Бросивъ общій взглядъ на соціальную систему сенъ-симонистовъ, мы видимъ въ ней то же, что и въ большинствѣ другихъ подобныхъ системъ. Ея критика большею частію справедлива; но ея построеніе неправильно Въ ней съ большимъ основаніемъ, чѣмъ къ самому С.-Симону, можно примѣнить то, что С.-Симонъ говорилъ о Лютерѣ: «онъ хорошо критиковалъ, но плохо училъ»; видно, это составляетъ довольно общую судьбу человѣческой мысли: дѣйствительно, критика легка, а искуство трудно. Неправильность построенія системы сенъ-симонистовъ состоитъ въ томъ, что она лишаетъ человѣка самой необходимой свободы въ дѣятельности, самую личность человѣка умаляетъ, стираетъ, не представляя въ то же время ручательства за успѣхъ ни одной отрасли общественной жизни, ни науки, ни искуства, ни промышленности, ни администраціи.

Что касается до практическаго осуществленія системы сенъ-симонистовъ, оно также имѣетъ характеръ довольно общій всѣмъ человѣческимъ предпріятіямъ. Тутъ была своя доля увлеченія, въ особенности со стороны нѣкоторыхъ болѣе юныхъ возрастомъ и болѣе отдаленныхъ отъ центра, Парижа, гдѣ устроилась общая жизнь. Эти отдаленные и болѣе юные члены общины менѣе пользовались отъ общины, нежели жертвовали для нея. Но этого нельзя сказать обо всѣхъ. Нѣкоторые, очевидно, сознательно или несознательно, самое лучшее находили въ общинѣ то, что она давала возможность пріятно жить безъ особенно тяжелыхъ обязанностей и безъ отвѣт-

ственности. За это упрекали сенъ-симонистовъ еще во время существованія самой общины. Ог. Контъ въ январѣ 1832 года писалъ Анфантену такъ: «дорога сенъ-симонистовъ ведетъ къ богатству, а моя къ бѣдности» *. «Фигаро», сатирическій журналъ, издѣвался надъ сенъ-симонистами, называя ихъ «жадными апостолами», сопоставляя слова сенъ-симонизмъ и симонія. Многіе другіе журналы (Gazette des tribunaux, la France nouvelle, le Sténographe) прямо высказывали подобныя мнѣнія, которыя, судя по всему, имѣли большое довѣріе въ тогдашнемъ обществѣ. И на это было нѣкоторое основаніе. Мы видѣли, что сенъ-симонисты въ короткій срокъ своего существованія отъ конца 1830 г. до августа 1832 г. прожили до милліона франковъ, цифра весьма почтенная. Куда истрачены эти деньги? На благотворительную, учебную часть шло очень немного; ассоціаціи рабочихъ были устроены уже тогда, когда сенъ-симонисты почти прожили всѣ свои капиталы, и онѣ были устроены экономическимъ образомъ, такъ что требовали самой ограниченной жертвы со стороны сенъ-симонистовъ. Главная масса расходовъ шла на содержаніе семейства, на плату членамъ самого же семейства за ихъ апостольскіе труды, за проповѣданіе истины, за обученіе, за составленіе статей для Globe'а и т. п. Мы имѣемъ довольно подробный бюджетъ сенъ-симонистовъ къ 31 іюля 1831 года. Къ этому времени расходы ихъ простирались до 250,000 франковъ, и вотъ главнѣйшія статьи ихъ:

Изданіе Глоба съ 22 сентября 1830 г.	106,000	франк.
Наемъ залъ	15,000	»
Миссіи въ Бельгіи, на югѣ, востокѣ, въ Нормандіи	16,000	»
Издержки устройства двухъ общихъ домовъ	10,000	»
Содержаніе (съ 1-го ноября 1830 г.) чиновниковъ, употребленныхъ на различные труды, какъ-то: проповѣдь, обученіе, об-		

* См. прил. В.

ращеніе, направленіе рабочихъ, работы промышленныя и административныя. .	72,000	»
Всего	219,000	франк.

Жаль, что мы не видимъ здѣсь, сколько именно кто получилъ за какіе труды, и за какія статьи *. Но во всякомъ случаѣ мы видимъ, что апостольскіе труды с.-симонистовъ были оплачиваемы жалованьемъ и, повидимому, хорошимъ. 72,000 истрачено въ 9 мѣсяцевъ только на содержаніе лицъ, которыхъ число никакъ не могло быть велико **.

Къ этому, безъ сомнѣнія, нужно прибавить большую часть 106,000, употребленныхъ на изданіе журнала. Очевидно, главною статьею расходовъ по изданію журнала была плата за статьи, которая шла въ пользу членовъ семейства. Впослѣдствіи с.-симонисты пришли къ частному труду для своего содержанія; но это было уже тогда, когда взносы богатыхъ членовъ и займы прекратились. Жаль, что это не было испробовано первоначально. Въ такомъ случаѣ с.-симонисты избавились бы отъ упрека въ излишней привязанности къ благамъ міра сего, что, какъ ни разсуждайте, не идетъ апостоламъ новой религіи; и было бы гораздо послѣдовательнѣе, если бы с.-симонисты, задумывая улучшеніе «самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса народа», тратили свои средства на достиженіе именно этой цѣли, а не на балы и не на жалованье членамъ своей общины. Вообще, упрекъ с.-симонистамъ въ томъ, что о н и с в о е а п о с т о л ь с т в о о б л е г ч а л и

---

* Что статьи были оплачиваемы, такъ мы думаемъ во-первыхъ по примѣру статей Производителя, во-вторыхъ по сравненію этой дѣятельности съ другими ея видами, и наконецъ потому, что издержки 106,000 на одно печатанье Глоба въ продолженіи 10 мѣсяцевъ кажутся суммою слишкомъ большою.

** Главныхъ проповѣдниковъ между с.-симонистами было шестеро: Барро, Лоранъ, Трансонъ, Ретуре, Рейно, Шартонъ. Обученіемъ завѣдывали двое: Карно и Дюжье, направленіемъ рабочихъ Фурнель, въ администраціи вѣроятно относятся верховные отцы, потомъ Родригъ и Эйхталь, завѣдывавшіе финансовыми операціями. — Едвали къ перечисленнымъ лицамъ нужно прибавить другія, чтобы получить общую сумму людей, на содержаніе которыхъ истрачено 72,000 фр.

пріятною житейскою обстановкою, не лишенъ основанія и указываетъ по крайней мѣрѣ на то, что они съ своей стороны на практикѣ слишкомъ много заботились о соглашеніи дѣятельности духа и тѣла; отъ чего и произошло то, что личный интересъ, представитель этихъ тѣлесныхъ или низшихъ душевныхъ инстинктовъ, въ ихъ дѣятельность вошелъ слишкомъ въ большой пропорціи. На это же указываютъ и тѣ раздоры, которыхъ такъ много видѣла въ короткое время своего существованія община с.-симонистовъ. Что въ этихъ раздорахъ наибольшую роль играла не разница мнѣній, а одинаковость личныхъ стремленій, и вслѣдствіе этого столкновеніе стремящихся, мы это видѣли. Базаръ потому только вышелъ изъ общины, что не захотѣлъ довольствоваться второстепеннымъ положеніемъ начальника догмата, хотя довольно долго колебался Неопровержимымъ доказательствомъ довольно мелочнаго соперничества между нимъ и Анфантеномъ служитъ адресъ къ нимъ М. Шевалье, Казо и Талабо. Что Родригъ удалился изъ семейства безъ всякой другой причины, кромѣ соперничества съ Анфантеномъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Теоретическое разногласіе между нимъ и Анфантеномъ существовало совершенно въ томъ же видѣ, какъ и во время разрыва между Анфантеномъ и Базаромъ, когда Родригъ находилъ однако возможнымъ провозгласить Анфантена человѣкомъ наиболѣе нравственнымъ между всѣми своими современниками. Ненравственнымъ онъ сдѣлался только тогда, когда возникло личное соперничество между нимъ и Родригомъ.

У насъ могутъ спросить: что же, наконецъ, будто вся эта исторія, весь этотъ опытъ, которому предались всѣмъ своимъ существомъ десятки людей, мужчинъ и женщинъ, не лишенныхъ образованія, не лишенныхъ положенія въ обществѣ, которые жертвовали состояніемъ, будущностью, ничто иное, какъ наглый обманъ? И къ чему могъ вести этотъ обманъ? Серьезно разсчитывать на то, чтобы новыя теоріи могли быть приняты французскимъ народомъ и притомъ въ скоромъ времени, с.-симонисты едви ли могли. Разсказъ Л. Блана о томъ, будто Базаръ-Анфантенъ послѣ іюльской революціи пригласили Лю-

довика-Филиппа уступить имъ управленіе Франціею и очистить тюльерійскій дворецъ, отвергается издателями «Трудовъ С. Симона и Анфантена», а эти люди хорошо знакомы съ дѣломъ, и въ этомъ случаѣ не имѣютъ причины скрывать факта, о которомъ идетъ рѣчь; онъ не такого рода, чтобы признаніе его компроментировало с.-симонистовъ.

Повидимому, нравственную сторону опыта с.-симонистовъ можно объяснить довольно вѣроятнымъ образомъ на основаніи нѣкоторыхъ психологическихъ особенностей человѣческой природы. Людей высоко нравственныхъ и владѣющихъ свѣтлымъ взглядомъ на вещи, вообще, въ людскихъ обществахъ процентъ очень незначительный. С.-симонисты большею частію не принадлежали къ такимъ людямъ; относительно ихъ небольшой способности правильно судить о предметахъ изъ области политики, политической экономіи, философіи, морали, мы имѣемъ уже тотъ фактъ, не говорящій въ ихъ пользу, что они въ своей системѣ могли видѣть новое ученіе, способное спасти міръ отъ всѣхъ его золъ. Люди безспорно болѣе образованные и одаренные болѣе глубокимъ и свѣтлымъ сужденіемъ относились къ этому ученію иначе. Ог. Контъ въ цитированномъ нами письмѣ къ Анфантену говоритъ: «я удивляюсь, что вы меня смѣшали съ тѣми людьми, которые, начавъ философскую карьеру въ нѣдрахъ вашего общества—потомъ сочли своимъ долгомъ отдѣлиться отъ него; что, сказать кстати, я считаю великимъ доказательствомъ ихъ здраваго смысла *». Мы вполнѣ раздѣляемъ это мнѣніе; оставленіе общества с.-симонистовъ было великимъ доказательствомъ здраваго смысла; а слѣдовательно вступленіе въ него было доказательствомъ слабаго философскаго образованія, и вообще малой способности здраво судить о предметахъ изъ области наукъ философскихъ и политическихъ И это неудивительно; прозелитами с.-симонизма были большею частію юноши, воспитанники политехнической школы, въ которой ихъ

* Oeuvres de S.-Simon et d'Enfantin V, 107.

хорошо учили математикѣ, а плохо, или даже совсѣмъ не учили наукамъ философскимъ и политическимъ; свою философскую карьеру они дѣйствительно только начинали въ обществѣ с.-симонистовъ, какъ говоритъ Ог. Контъ, т. е. прежде этого они совсѣмъ не имѣли понятія о философіи. Не мудрено, что ученіе с.-симонистовъ показалось для нихъ послѣднимъ словомъ философіи, призваннымъ спасти міръ отъ его золъ.—Что касается до нравственной стороны этихъ людей, въ особенности тѣхъ, которые съ Базаромъ оставили семейство, имъ трудно сдѣлать какой-нибудь упрекъ. Мелочнаго самолюбія, желанія пріятно жить безъ исполненія серьёзныхъ обязанностей у нихъ не было и быть не могло Это, судя по всему, были дѣйствительно люди, одушевленные исканіемъ истины и рѣшеніемъ соціальной проблемы. Видѣли они путь къ этой истинѣ, къ рѣшенію проблемы въ с. симонизмѣ, и они къ нему пристали; нашли потомъ, что они ошиблись, и они его оставили. Къ числу этихъ искателей истины мы, не колеблясь, можемъ отнести П. Леру, Рейно, Трансона, Казо, Карно, Дюжье.

Мы не хотимъ сказать, чтобы и другіе члены общины, сами верховные отцы, были чужды этого стремленія къ истинѣ; безспорно и они были одушевлены имъ, и мы не имѣемъ никакой причины утверждать, чтобы самъ Анфантенъ или Родригъ, которыхъ дѣятельность представляется въ наиболѣе неблагопріятномъ видѣ, систематически обманывали своихъ учениковъ. Нѣтъ, они предались с.-симонизму еще тогда, когда у него не было учениковъ, когда они сами были учениками и безъ сомнѣнія не разсчитывали быть верховными отцами человѣчества. Тѣмъ не менѣе въ послѣдней дѣятельности этихъ людей невозможно отрицать присутствія самолюбія весьма мелочнаго и извѣстнаго рода фальши, лживости, съ которою они выставляютъ причиною своихъ поступковъ нравственныя требованія теоріи въ то время, какъ дѣйствительная причина ихъ очевидно лежала въ личныхъ стремленіяхъ. Подобныя явленія, — эта смѣсь добра и зла есть явленіе обыкновенное въ жизни людской; оно имѣетъ

основаніе въ этомъ двойственномъ характерѣ природы человѣческой, который отвергали сенъ-симонисты. Въ то время, какъ одна сторона тянетъ человѣка къ верху, облагораживаетъ его, дѣлаетъ его сторонникомъ правды и добра вездѣ, гдѣ бы онъ ни встрѣтилъ ихъ; другая тянетъ его къ землѣ, возбуждаетъ въ немъ только личныя стремленія и тѣлесные инстинкты. Вся нравственность человѣческая заключается въ томъ, чтобы не давать перевѣса этой второй сторонѣ человѣческаго существа. Но теорія сенъ-симонистовъ, какъ мы видѣли, прямо вела къ этому перевѣсу и такимъ образомъ не осталась безъ вліянія даже на чисто практическую, нравственную сторону дѣла. Въ свою очередь сторона теоретическая со всѣми своими позднѣйшими видоизмѣненіями, есть прямое слѣдствіе главнаго положенія сенъ-симонистовъ о согласіи требованій тѣла и духа, объ оправданіи тѣла. Изъ этого положенія можно развить всякое, самое крайнее нравственное ученіе, неимѣющее ничего общаго съ какими бы то ни было принципами нравственности, потому что, какъ мы показали, согласіе тѣла и духа собственно сводится къ господству тѣла съ его требованіями, причемъ всякое требованіе справедливости, добра, нравственной красоты, теряетъ значеніе, забывается, игнорируется. И Анфантенъ съ своими преданнѣйшими учениками былъ очень послѣдователенъ, дойдя съ одной стороны до коммунизма, съ другой до «религіознаго смѣшенія». Нельзя сомнѣваться, что и droit du Seigneur, если еще не на практикѣ, то въ теоріи было принято сенъ-симонистами; нѣтъ такого нравственнаго безобразія, котораго нельзя бы было допустить съ принципомъ оправданія плоти.

Что касается вопроса о томъ, на сколько система с.-симонистовъ оказалась состоятельною въ осуществленіи, рѣшеніе его не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Семейство распалось не вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, а вслѣдствіе своего внутренняго разложенія. Въ экономическомъ отношеніи оно могло существовать только благодаря внѣшней поддержкѣ, благодаря взносамъ членовъ; а какъ скоро эта поддержка прекратилась, семейство должно было прибѣгнуть къ сомнитель-

наго качества займамъ; а когда и этотъ источникъ изсякъ, то личный трудъ членовъ семейства не былъ достаточенъ для пріобрѣтенія куска хлѣба въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова, не говоря объ удовлетвореніи другихъ потребностей. И нельзя сказать, чтобъ с.-симонистовъ постигло что-нибудь неожиданное; нѣтъ, они заранѣе могли видѣть, что имъ придется добывать самимъ кусокъ хлѣба; они могли приготовиться, организоваться для этой цѣли. Ихъ неудача служитъ неопровержимымъ доказательствомъ ихъ экономической несостоятельности. Нравственная состоятельность ихъ оказалась небольше. Своимъ примѣромъ они показали, до какой степени человѣкъ и по своей ли природѣ и по той степени госпитанія, на которой онъ теперь находится, мало способенъ къ дѣятельности, требующей душевной чистоты, терпѣнія на дѣлѣ, а не на словахъ только, чистой любви къ себѣ подобнымъ и полнаго отсутствія суетности. Судя потому, что̀ мы знаемъ о жизни, нравственныхъ качествахъ и образованіи Анфантена, Родрига, Базара, мы дѣйствительно не можемъ сомнѣваться въ ихъ гуманныхъ чувствахъ, въ ихъ стремленіи къ добру, даже въ ихъ способностяхъ до извѣстной степени приносить жертвы для общаго блага, а между тѣмъ рядомъ съ этими качествами обнаружились суетность, зависть, лживость, послужившія другою, нравственною причиною распаденія семейства. При взглядѣ на такія явленія чувствуется съ особенною силою значеніе нравственнаго элемента въ жизни народовъ, и сознается потребность развитія и возвышенія его, какъ необходимаго условія прогресса всѣхъ сторонъ человѣческой жизни.

Другая практическая мысль, выносимая изъ наблюденія и изученія сенъ-симонизма — та, что свобода мысли и слова, вмѣстѣ со свободою совѣсти служатъ лучшимъ ручательствомъ за предохраненіе общества отъ вліянія ложныхъ соціальныхъ теорій. Въ то время, какъ въ правленіе Карла X сенъ-симонисты не смѣли кругъ своей проповѣди расширить дальше своей частной жизни, въ то время, какъ они принуждены были высказывать свои мысли не вполнѣ,

или высказывать ихъ съ помощію намековъ, полусловъ, давая имъ мѣсто болѣе между строками, нежели въ строкахъ,— въ то время, успѣхъ ихъ шелъ crescendo; число адептовъ сенъ-симонизма увеличивалось и они дѣлались болѣе и болѣе усердными слугами своей идеи. Именно это было тогда, когда вся пропаганда ограничивалась непубличными чтеніями въ улицѣ Тараннъ или простою личною перепискою между проповѣдниками и обращаемыми;—когда изданія сенъ-симонистовъ (Producteur, Organisateur и брошуры) должны были высказывать идеи сенъ-симонистовъ съ невольною сдержанностію, должны были притворнымъ образомъ поставить ихъ на второе мѣсто.—Увеличеніе свободы-мысли и слова послѣ іюльской революціи имѣло два слѣдствія для сенъ-симонистовъ: во-первыхъ сами они отчасти осмотрѣлись, стали обращать болѣе вниманія на среду, въ которой жили, и безъ всякаго принужденія старались увеличить практичность своихъ проектовъ, т. е. уменьшить ихъ утопическій характеръ; такъ Анфантенъ, требовавшій прежде уничтоженія наслѣдства, впослѣдствіи спустился до обложенія наслѣдствъ налогомъ, обратно пропорціональнымъ близости родства. Подобныя мнѣнія допускаютъ и такіе экономисты, которые изъ области науки въ область фантазіи не выходятъ *. Вторымъ результатомъ увеличенія свободы мысли и слова для сенъ-симонистовъ было то, что ихъ успѣхи остановились, и сенъ-симонизмъ быстро пошелъ къ упадку Отъ 1825 до 1830 въ продолженіи 5 лѣтъ сенъ-симонизмъ все росъ и росъ, не смотря на то, что не успѣлъ еще высказаться вполнѣ и сдѣлаться извѣстнымъ всей массѣ публики. Еслибы дѣло продолжалось такъ же, то еще нѣсколько десятковъ лѣтъ онъ продолжалъ бы рости, увеличивать число своихъ адептовъ; дошло бы до преслѣдованій, образовалась

* Напр. Бентемъ и Дж. Ст. Милль. Бентемъ признаетъ право наслѣдованія только за прямыми наслѣдниками въ восходящей или нисходящей линіи. Дж. Ст Милль раздѣляетъ это мнѣніе, но кромѣ того выражаетъ желаніе, чтобы и прямые наслѣдники не могли получать состояній выше извѣстной нормы. (Принципы Пол. Экон. кн. II, гл. 2, §§ 3 и 4 и кн. V, гл. 9, § 1).

бы цѣлая мартирологія сенъ-симонизма, которая обыкновенно весьма подогрѣваетъ ревность сектантовъ.—Увеличенная свобода мысли и слова убила сенъ-симонизмъ въ полтора года, потому что къ концу 1831 г. онъ дошелъ уже до агоніи. Разумѣется, свобода мысли и слова служила здѣсь только средствомъ, или, точнѣе—средою, въ которой с.-симонизмъ безпрепятственно убилъ самъ себя, своими несообразностями. Для общества здѣсь вышла та польза, что члены его, до сихъ поръ занимавшіеся по крайней мѣрѣ бездѣльемъ, занялись каждый какимъ-нибудь болѣе или менѣе полезнымъ дѣломъ. Одни сдѣлались учеными и писателями, какъ М. Шевалье, другіе журналистами, какъ Геру, иные чиновниками, какъ Анфантенъ, нѣкоторые финансистами, какъ братья Перейры, иные инженерами, адвокатами, фабрикантами и торговцами.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

Бракъ въ семействѣ с.-симонистовъ. (Молодой Фурнель женился на дочери Базара). **Рѣчь Анфантена къ семейству.**

«Милыя дѣти, мы, которымъ Богъ черезъ С.-Симона указалъ миссію принести законъ соединенія въ міръ, мы, которые замѣнили покровительство супруга и повиновеніе супруги святымъ равенствомъ между супругомъ и супругою, мы освятимъ здѣсь союзъ двоихъ изъ нашихъ дѣтей и привяжемъ ихъ болѣе крѣпкими узами къ намъ и къ вамъ для того, чтобы они получили отъ насъ и отъ васъ и отдали бы намъ всѣмъ любовь, которую Богъ внушаетъ первымъ членамъ всеобщаго семейства.

«Клара и Фурнель, представьте намъ нашихъ дѣтей.»

Представленіе сдѣлано и Анфантенъ началъ говорить, обращаясь къ жениху и невѣстѣ:

«Милыя дѣти, вы просили у насъ благословенія на ваше соединеніе; стало быть, вы чувствуете, что Богъ далъ намъ власть вязать и рѣшить; вы имѣете вѣру въ нашу власть. Вы вѣруете, что наша любовь должна просвѣщать, направлять вашу. Вы хотите повиноваться закону, который намъ открылъ С.-Симонъ, и вы любите вашихъ отцовъ, которые исполняютъ его и внушаютъ вамъ. Такова ли ваша вѣра?»

Женихъ и невѣста отвѣчали утвердительно и Анфантенъ продолжалъ:

«Хорошо, такъ поцѣлуйте насъ, во свидѣтельство вашего религіознаго повиновенія всѣмъ вашимъ начальникамъ, въ нашей св. іерархіи.

«Вы просили, чтобы васъ соединили, слѣдовательно вы чувствуете, что посредствомъ вашего соединенія вы будете исполнять волю Божію съ большею силою. Вы вѣруете въ ассоціацію мужчины съ женщиной, вы любите другъ друга какъ равные. Такова ли ваша вѣра?

«Хорошо, такъ поцѣлуйтесь въ знакъ вашей религіозной

любви, которая соединяетъ васъ другъ съ другомъ и со всѣми вашими братьями.

«Теперь, посредствомъ узъ равенства, вы обвѣнчаны. Вотъ предъ вами ваши родители, которыхъ вамъ далъ ветхій міръ, и вы находитесь съ ними посреди вашего новаго семейства, которое не есть еще ихъ; это соединеніе двухъ семействъ въ одинъ и тотъ же день, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ тотъ день и въ томъ мѣстѣ, которые имѣютъ для васъ торжественное значеніе, должно глубоко отпечатлѣться въ вашихъ сердцахъ и напоминать вамъ безпрестанно данную намъ миссію—основать семейство всеобщее, привлечь къ новому закону всѣхъ мужчинъ и всѣхъ женщинъ и соединить ихъ съ нами, какъ мы соединены между собою. Фурнель, поцѣлуйте нашу дочь; Клара поцѣлуйте нашего сына, и пусть этотъ отеческій и материнскій поцѣлуй напоминаетъ имъ, какою любовью обязаны они къ тѣмъ, которыхъ ввести въ новую жизнь они имѣютъ назначеніе. (Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin. IV, 111).

Б.

Погребеніе въ семействѣ с.-симонистовъ. (Подлинный актъ о смерти мололѣтней Леонтины Симонъ, сохранившійся въ бумагахъ сенъ-симонистовъ.)

«Вчера, 24 февраля, была погребена по обряду с.-симонистовъ Леонтина Симонъ, дочь Каролины Симонъ и Леона Симона, члена второй степени.

«Въ церемоніи предсѣдательствовалъ Ж. де-Шевалье, членъ коллегіи. Присутствовали: Талабо, Оливье, С.-Шеронъ, члены второй степени. Слѣдовали за гробомъ всѣ члены третьей степени и всѣ члены степени приготовительной. Многія особы, родственники или друзья Симоновъ, неисповѣдующіе религіи с.-симоновой, присоединились къ процессіи. Послѣ преданія тѣла землѣ, Ж. де-Шевалье, обращаясь къ своимъ сынамъ трехъ степеней, произнесъ слѣдующія слова:

«Во имя Бога С.-Симона и нашихъ верховныхъ отцовъ.

«Дѣти мои, не къ безжизненному гробу обращаю я мою рѣчь, а къ вамъ, которые живете, къ вамъ, которые чувствовали жизнь нашего дитяти, въ немъ самомъ и въ любви тѣхъ, которые его любили, къ вамъ, которые въ тотъ моментъ, когда разорвались эти узы, тѣмъ крѣпче соединили узы, связывающія васъ съ отцомъ и матерью этого милаго ребенка. Леонтина Симонъ, рожденная 14 мая 1828 года, исполнила въ нѣдрахъ Божьихъ одинъ фазисъ своей вѣчной жизни;

да своей вѣчной жизни! Потому что она до сихъ поръ живетъ, потому, что ничто не умираетъ.

«Богъ есть все то, что существуетъ;

«Богъ есть жизнь;

«Мы знаемъ ея жизнь прошедшую, мы приготовляли ее къ жизни будущей; поищемъ ея жизнь настоящую;

«Богъ есть жизнь;

«Богъ есть все то, что существуетъ;

«И мы увидимъ, какъ Леонтина будетъ жить и еще развиваться, когда мы найдемъ того, кто будетъ насъ любить и кого мы любимъ, какъ ее;

«Богъ есть жизнь;

«Богъ есть все, что существуетъ;

«Богъ есть любовь». (Тамъ же, 114).

B.

Письмо О. Конта къ редактору Глоба по случаю того, что въ Глобѣ 3-го января 1832 года сказано было, будто О. Контъ отдѣлился отъ общества с.-симонистовъ.

«Милостивый государь, я имѣлъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ тѣсную связь съ С.-Симономъ, гораздо раньше того, какъ познакомились съ нимъ начальники вашего общества. Но эти отношенія совершенно прекратились за два года до смерти этого философа и, слѣдовательно, гораздо раньше, нежели могла быть какая-нибудь рѣчь о с.-симонистахъ. Я долженъ вамъ прибавить, что въ то время С.-Симонъ не принялъ этого теологическаго оттѣнка, и что нашъ разрывъ долженъ быть приписанъ отчасти тому, что я началъ замѣчать въ немъ религіозную тенденцію совершенно несовмѣстимую съ моимъ философическимъ направленіемъ. — Я удивляюсь, что вы смѣшали меня въ вашемъ Изложеніи съ тѣми лицами, которыя, начавъ ихъ философическую карьеру въ нѣдрахъ вашего общества и подъ внушеніемъ его начальниковъ, сочли потомъ своею обязанностью отдѣлиться отъ общества, на что, однако, я смотрю, какъ на великое доказательство ихъ здраваго смысла. — Можетъ быть, милостивый государь, что мое неизмѣнное пребываніе на томъ философскомъ пути, которому я слѣдовалъ съ самаго начала моихъ трудовъ, кажется вамъ слѣпымъ отвращеніемъ отъ всякаго нововведенія, хотя безъ сомнѣнія такой упрекъ мнѣ пришлось слышать отъ васъ первыхъ. — Но согласитесь, что, если я и ошибался въ главномъ направленіи моей философіи, я однако выбралъ не такое направленіе, которое всего легче

поддается умственной несостоятельности и лѣности. Вмѣсто долгихъ и трудныхъ предварительныхъ занятій всѣми главными отраслями естественной философіи, чего непремѣнно требуетъ моя метода соціальной науки; вмѣсто трудныхъ размышленій и глубокихъ изысканій, которыхъ она требуетъ относительно законовъ явленій политическихъ, гораздо проще и удобнѣе предаваться неопредѣленнымъ утопіямъ, въ которыхъ никакое научное условіе не останавливаетъ полета воображенія. Въ особенности привлекательно для тѣхъ, которые болѣе цѣнятъ количество приверженцевъ, нежели ихъ качества, принявъ три или четыре таинственные эпиграфа и ограничившись сочиненіемъ нѣсколькихъ краснорѣчивыхъ проповѣдей, вдругъ оказаться въ положеніи великаго человѣка въ глазахъ довольно значительнаго кружка людей, которые кромѣ того смотрятъ на васъ, какъ на образецъ добродѣтелей. Прибавьте къ этому, что путь с.-симонистовъ ведетъ къ богатству, а мой—къ бѣдности, и вы окончательно докажете, что я выбралъ дурную дорогу» и т. д. О. Контъ. (V. 104—110).

Г.

Воззваніе Родрига къ ученикамъ и къ публикѣ по случаю новаго займа общины с.-симонистовъ.

(27 Ноября, 1831 года).

«С.-Симонъ мой учитель, открылъ мнѣ политическую будущность рабочихъ. Онъ убѣдилъ меня въ достоинствѣ промышленности, меня, ученика новой науки, презиравшаго дѣло, исполненное руками человѣка, уважавшаго только дѣло ума. С.-Симонъ открылъ мнѣ, какимъ образомъ могущество денегъ, имѣющихъ въ настоящее время развращающее дѣйствіе, современемъ сдѣлается могуществомъ нравственнымъ. Онъ мнѣ открылъ, какимъ образомъ наука и промышленность, теорія и практика, которыхъ глубокаго союза міръ еще не зналъ, современемъ соединятся для блага міра подъ религіознымъ вдохновеніемъ изящныхъ искуствъ, обновленныхъ въ ихъ источникѣ, наиболѣе возвышенномъ, въ любви къ Богу и человѣчеству.

«День, возвѣщенный С.-Симономъ, пришелъ, и я являюсь среди васъ передъ всѣми вами, слушающими меня, исполненный всѣхъ силъ моего сердца, моего ума, моей дѣятельности для того, чтобы съ тѣхъ поръ посвятить мою жизнь осуществленію обѣщанія С.-Симона.

«Для дѣла, которое я предпринимаю, я оставилъ всякую личную карьеру; я стремлюсь основать нравственное могу-

щество денегъ посредствомъ наиболѣе нравственнаго и полезнаго употребленія ихъ, съ цѣлью улучшенія участи самаго бѣднаго и самаго многочисленнаго класса.

«Во имя Бога живаго, котораго имя навсегда будетъ наиболѣе великимъ, наиболѣе почитаемымъ и наиболѣе могущественнымъ въ глазахъ людей; во имя самаго бѣднаго и самаго многочисленнаго класса, питающаго насъ своимъ трудомъ; во имя этихъ фабрикантовъ и этихъ рабочихъ, павшихъ жертвою организаціи, которая передъ тѣми и другими ставитъ альтернативу отвратительнаго банкротства или пожирающаго голода; во имя крови лионскихъ жителей, пролитой въ этой ужасной катастрофѣ; во имя способности и нравственности, которую многіе изъ васъ признаютъ во мнѣ; вы всѣ, которые сочувствуете страданіямъ, которыя я хочу успокоить, которые сочувствуете той будущности, которую мы ожидаемъ, отвѣчайте религіозному воззванію, которое я дѣлаю въ этотъ моментъ.

«Приносите С.-Симону, приносите тому, кто основываетъ нравственное могущество денегъ, какую-нибудь часть вашихъ денегъ въ видѣ дара или въ видѣ ссуды, соотвѣтственно вашимъ силамъ и вашей любви. Я приму все съ радостью и во всемъ отдамъ отчетъ съ честью. — Банкиры, капиталисты, собственники, вы, которые имѣете въ своихъ рукахъ орудія труда, примите участіе въ моемъ предпріятіи потому, что оно вамъ полезно: вы желаете увеличенія цѣны вашихъ имуществъ, повышенія вашихъ фондовъ и вы знаете, подъ какимъ условіемъ это возможно. Это условіе есть, по вашимъ словамъ, внутренній миръ. — Хорошо, я буду трудиться за васъ; потому что я буду доказывать всѣмъ и убѣждать всѣхъ, что миръ есть самое дѣйствительное средство прогресса. Эту теорію преподавалъ во всю свою жизнь С.-Симонъ; с.-симонисты начинаютъ прилагать ее къ дѣлу.

«Банкиры, я васъ всѣхъ узналъ и оцѣнилъ. — Потому я говорю вамъ смѣло и вы поймете меня: Ротшильдъ, Лафитъ, Агуадо, не предпринимали ничего столь важнаго, какъ то, что я предпринимаю. Всѣ они послѣ войны дали кредитъ, необходимый побѣжденному для удовлетворенія побѣдителя. Но болѣе не будетъ большихъ кредитныхъ операцій; — и эти три человѣка въ глубинѣ своего сердца чувствуютъ, что карьера ихъ окончилась.

«Да, ихъ миссія оканчивается, а моя начинается. Я устрою банкъ рабочихъ, гдѣ капиталы, безпрестанно и добровольно приносимые праздными руками, будутъ раздаваемы въ руки, которыя ихъ требуютъ для счастья всѣхъ» (тамъ же, IV. 208—216).

Д.

Воззваніе къ женщинамъ. (Рѣчь Анфантена 4 дек 1831 г.).

«Мы призываемъ женщинъ помогать намъ въ апостольскомъ дѣлѣ; мы призываемъ женщинъ прійдти не потребовать, но сказать, чего онѣ желаютъ въ будущемъ.

«До сихъ поръ, слушая нашу проповѣдь объ улучшеніи участи самаго бѣднаго и самаго многочисленнаго класса, вы могли понять, чего мы хотимъ для мужчинъ; мы хотимъ протянуть руку трудящимся, получающимъ рабочую плату; но дѣло идетъ не объ однихъ мужчинахъ, но и о женщинахъ. Какой же классъ наиболѣе бѣдный и наиболѣе многочисленный между женщинами? Кто та женщина, которая всего болѣе страдаетъ подъ владычествомъ догмата, который тяготѣетъ еще надъ нами? Кто та женщина, которая страдаетъ всего болѣе отъ анаѳемы, произнесенной противъ плоти, отъ профанаціи плоти? Вотъ классъ наиболѣе бѣдный и наиболѣе многочисленный, вотъ та, которую мы должны спасти.

«Итакъ, кто же будетъ говорить о безнравственности? Мы протянули руку пролетарію и теперь мы должны показать ему, что его дочь не имѣетъ другой надежды, кромѣ насъ, что безъ насъ она погибла, погибла быть можетъ благодаря ему самому, благодаря всѣмъ людямъ, которые искушаютъ и покупаютъ ее. Мужчинамъ нужна нѣкоторая храбрость для исполненія ихъ миссіи; но что нужно женщинамъ, которыя присоединятся къ намъ, для того, чтобы помогать намъ въ этой миссіи? До сихъ поръ мы, мужчины, несли на себѣ призрѣніе міра, теперь мы призываемъ женщинъ раздѣлить это бремя съ нами.» (V. 23).

Е.

Книга бытья с.-симонистовъ.

«Вотъ новая книга бытія, историческая и пророческая, возвѣщающая, что разрушено и что должно быть создано, что должно умереть, что должно родиться. Внемлите! Во мракѣ древнихъ временъ я видѣлъ чудесныя вещи. Земля говорила Богу, въ нѣдрахъ котораго она обращалась: скоро ли прійдетъ вожделѣнный!—Богъ отвѣчалъ: я еще не пошлю его, потому что на тебѣ нѣтъ дерева, подъ тѣнью котораго онъ могъ бы успокоиться, нѣтъ животнаго, котораго мясомъ и молокомъ онъ могъ бы питаться, и атмосфера, окружающая тебя, жгуча. И что можешь ты дать ему для его пользованія? Онъ ищетъ

свѣжихъ источниковъ, гдѣ бы онъ могъ утолить жажду и я не вижу ничего, кромѣ вмѣстилища грязной и горькой воды. Гдѣ поля и сокровища, которыя составили бы его имущество?

«И земля обращалась; она произвела гигантскіе кустарники, произвела травы болѣе высокія, чѣмъ деревья, произвела тростники, подобные соснамъ. Она произвела животныхъ, ходящихъ, летающихъ и пресмыкающихся съ чрезвычайно длинными членами; она породила мильоны моллюсковъ. Извлекая изъ своего чрева сокровища, она расположила ихъ жилами и залежами на поверхности почвы, мѣшая самые драгоцѣнные металлы и самые богатые камни съ великолѣпными мраморами и порфирами. Въ то же время ея подавляющая атмосфера превратилась въ болѣе животворную; страшныя пропасти засыпались и область моря сократилась. Тогда, гордясь своимъ дѣломъ, она снова обратилась къ Богу и сказала ему: скоро ли онъ прійдетъ?—Богъ отвѣчалъ: Что будетъ онъ дѣлать съ своею жизнью нѣжною и честолюбивою, среди этой жизни грубой и бѣдной, которую ты распространила на своей поверхности? — Земля съ терпѣніемъ убрала, какъ будто въ складъ, растительность, которою она первоначально покрылась; она отняла жизнь у чудовищныхъ животныхъ, у безобразныхъ моллюсковъ и дала ее существамъ болѣе совершеннымъ. Грязь превратилась въ горы песчаника и шифера, песокъ обратился въ известковыя залежи, атмосфера сдѣлалась еще умѣреннѣе; земля производила новые металлы, новые порфиры и мраморы, которые поднимались въ видѣ горъ или распространялись подъ землею въ видѣ массъ, глубоко лежащихъ; и много разъ повторялось то же самое. И всякій разъ Богъ посылалъ къ землѣ вѣстника, котораго приближеніе заставляло ее содрогаться. И свѣтило, приносившее извѣстія, уходило дальше, чтобы возвеселить другіе міры тою жизненною теплотою, которую оно заимствовало отъ земли въ нѣдрахъ ихъ величественнаго сообщенія. И всякій разъ это доставляло землѣ несказанныя радости. Но также всякій разъ она чувствовала и великія болѣзни; потому что когда порфиры и мраморы, серпентины, граниты, свинецъ, мѣдь, серебро, антимоній, платина, золото, желѣзо, олово и всѣ металлы кипѣли въ ея венахъ, въ это время горячка пожирала ее. Въ то время, когда ея невѣрная ось колебалась и море двигало свои пѣнящіяся волны отъ полюса до полюса, для земли это были нервные спазмы. Въ то время, какъ атмосфера сгущалась въ потокахъ, это былъ холодный потъ на тѣлѣ земли; въ то время, какъ появилась на землѣ новая жизнь, она чувствовала боли рожденія. И она кричала съ отчаяніемъ: развѣ не прійдетъ вожделѣнный? — Онъ прійдетъ, сказалъ Господь, таково мое

обѣщаніе. Я пошлю къ тебѣ моего послѣдняго вѣстника и онъ останется при тебѣ, какъ свидѣтель моего слова; ежедневно онъ будетъ веселить твой взоръ серебрыстимъ цвѣтомъ своего лика. Въ воспоминаніе колебаній, которыя ты имѣла во время приближенія моего вѣстника, онъ будетъ тихо качать твои воды и будетъ посылать ихъ ежедневно обмывать подножія материковъ. Иди, сказалъ Господь, дополни твое убранство. Упоенная любовью земля произвела рѣки, вѣтры, молнію и подземные огни. Желая возбудить восторгъ своего супруга посредствомъ великолѣпнаго подарка, она разодрала свои бока, размыла ихъ и распространила въ видѣ смѣющихся равнинъ, покрытыхъ деревьями, цвѣтами и стадами тамъ, гдѣ были страшные утесы и вонючія болота; она развѣяла горы, отдѣлила отъ нихъ золото и алмазы и разсѣяла ихъ по равнинамъ, гдѣ вожделѣнный долженъ былъ ходить и по богатымъ долинамъ, гдѣ онъ долженъ былъ поселиться. Она собрала въ пещерахъ и задушила удушливою пылью утесовъ, поглотила подъ потоками базальта и лавы отвратительныхъ иппопотамовъ, исполинскихъ тигровъ и носороговъ и безчисленныя стада медвѣдей, гіенъ, которые господствовали на землѣ. Вмѣстѣ съ ними она похоронила въ своихъ нѣдрахъ палестринъ и другихъ животныхъ съ отвратительными формами и страшными голосами.

«Вожделѣнный пришелъ. Земля получила ночное солнце, которое ежедневно поспѣшно слѣдуетъ за нею, какъ вѣрный спутникъ, который, постоянно обращая къ ней свой серебряный ликъ, ловитъ каждое ея движеніе, какъ ласковый песъ, играющій около своего господина.

«И новая картина раскрылась передо мною.

«Я видѣлъ въ моряхъ, въ нѣдрахъ пропастей и на волнахъ чудесные предметы. Я увидѣлъ неизвѣстныя страны, я различилъ обѣтованную землю, залогъ соединенія Бога съ человѣкомъ. Старые материки содрогнулись, какъ содрогаются семейства при появленіи новорожденнаго. Безчисленные острова, до тѣхъ поръ молчаливые, волновались, и какъ будто они еще не окончили своего возрастанія, они собирались, они возвышались надъ водою. Человѣкъ расширялъ свое господство; онъ завоевалъ воздушныя пространства и прогуливался въ нихъ въ тріумфѣ; онъ управлялъ приливами и отливами, какъ теперь управляетъ уровнемъ воды въ искуственномъ каналѣ; онъ умѣрялъ климаты, какъ теперь истопникъ умѣряетъ жаръ въ печкѣ; онъ укрощалъ молнію, какъ нѣкогда одинъ изъ нашихъ отцевъ укротилъ бѣшенаго коня. Человѣкъ своими руками украшалъ міръ, какъ супругъ украшаетъ свою нѣжную супругу послѣ долгаго отсутствія, а она, гордая его ласками, удаляла отъ него дикихъ звѣрей и ядовитыхъ животныхъ. Она

погашала огни волкановъ, уравнивала климаты, удерживала разливы рѣкъ, умѣряла ураганы и выставляла на показъ новыя земли.

«Слава тебѣ, о преблагій Боже! Слава тебѣ, Господи Боже, тебѣ, который далъ столь пріятную судьбу человѣку и міру! Слава тому, кто твой избранникъ и нашъ отецъ! Слава человѣку, котораго неизсякаемая жизнь разливается рѣками изъ нѣдръ его на весь міръ и возвращается къ нему изъ міра широкая и спокойная, какъ волна спокойнаго океана! Слава тому, кто живетъ въ мірѣ, въ комъ міръ живетъ и кто называетъ его половиною самого себя. Слава ему, потому что біеніе его сердца показываетъ то, чего хочетъ человѣчество, чего хочетъ міръ Онъ чувствовалъ, что человѣкъ ожидалъ новую супругу и онъ изрекъ слово, которое приготовляетъ его къ новому соединенію». (L. Reybaud. I, 129—133).

Ж.

Мнѣніе Дж. Ст. Милля о сенъ-симонизмѣ.

«Сенъ-симонизмъ не имѣетъ въ виду равнаго раздѣленія произведеній; — онъ проектируетъ труды не одинаковые, но различные между всѣми личностями, сообразно съ ихъ призваніемъ и способностями; обязанность каждаго назначается ему по усмотрѣнію руководящей власти и вознагражденіе дѣлается подъ видомъ жалованья, пропорціонально важности (во мнѣніи власти) самой должности и личности, исполняющей ее.

«Что касается до устройства самихъ властей руководящихъ, можно принять различные способы его, согласно съ сущностью системы. Оно можетъ быть сдѣлано посредствомъ народнаго выбора. По мысли первыхъ учителей предполагалось, что главами правительства должны быть люди одаренные геніемъ и добродѣтелями, вслѣдствіе чего, благодаря могуществу ихъ умственнаго превосходства, они и были бы добровольно признаны со стороны подобныхъ себѣ.

«Что этотъ способъ могъ бы съ выгодою дѣйствовать при нѣкоторыхъ особенныхъ положеніяхъ общества, это не принадлежитъ къ числу вещей, которыхъ нельзя доказать. Извѣстенъ подобный опытъ, сдѣланный езуитами въ Парагваѣ, который (опытъ) оказался успѣшнымъ. Племя дикарей, принадлежащее къ той отрасли человѣческаго рода, которая извѣстна особенною неспособностью къ постояннымъ усиліямъ для достиженія какой-нибудь отдаленной цѣли, было подчинено умственному превосходству людей цивилизованныхъ и ученыхъ, соединенныхъ между собою системою общности иму-

щества. Оно покорилось съ почтеніемъ неограниченной власти этихъ людей и было доведено ими до того, что научилось искуствамъ жизни цивилизованной и исполняло для общины работы, которыхъ само для себя оно не стало бы исполнять ни по какому побужденію. Эта соціальная система существовала недолго; она была преждевременно уничтожена посредствомъ дипломатическихъ компликацій и иностранной силы. И если она могла быть приведена въ исполненіе, это произошло вслѣдствіе громаднаго разстоянія, которое раздѣляло относительно знанія и пониманія небольшое число правителей отъ массы управляемыхъ, и отчасти вслѣдствіе совершеннаго отсутствія посредствующаго класса.

«Во всякихъ другихъ обстоятельствахъ эта система потерпѣла бы полную неудачу. Она предполагаетъ абсолютный деспотизмъ въ начальникахъ ассоціаціи, и эта власть не потеряла бы своего характера, если бы даже лица, облеченныя ею, въ противность видамъ первыхъ учителей, время отъ времени были смѣняемы, согласно съ результатами всеобщаго голосованія. Предполагать, что одно или нѣсколько человѣческихъ существъ, къ какимъ бы избраннымъ натурамъ они ни принадлежали, могутъ имѣть всѣ качества, необходимыя для того, чтобы каждому дать работу, соотвѣтствующую его способностямъ, и вознаградить каждаго пропорціонально его заслугамъ, дѣйствительнымъ образомъ воздавать распредѣлительную справедливость всѣмъ членамъ ассоціаціи, вообразить кромѣ того, что всѣ будутъ довольны дѣйствіями этой власти или по крайней мѣрѣ будутъ подчиняться ей, не заставляя ее прибѣгать къ силѣ, — это предположеніе есть такая химера, которая не нуждается въ опроверженіи. Чтобы горсть людей взвѣшивала каждаго на своихъ вѣсахъ и давала одному больше, другому меньше, по своему произволу и усмотрѣнію, это можетъ быть допущено только со стороны людей, на которыхъ другіе смотрѣли бы, какъ на существа высшія сравнительно съ человѣкомъ, и которыя кромѣ того поддерживаются какимъ-нибудь сверхъестественнымъ страхомъ». (Princ. d'écon. polit. Paris, 1861. Livre II, chap. I, § 4.—Т. I, стр. 240 и 241).

Противъ этого взгляда Милля трудно что-нибудь сказать. Справедливость его оказалась и на опытѣ. Базаръ и Родригъ не согласились принять то положеніе, которое хотѣлъ дать имъ верховный отецъ Анфантенъ. Да и другіе члены семейства с.-симонистовъ, менѣе авторитетные, менѣе заслуженные, не оказались столь послушными и покорными, какъ разсчитывала теорія, которую сами же они первоначально приняли. Напротивъ, какъ мы видѣли, они не поколебались обратиться къ своимъ отцамъ съ упреками очень горькими,

которые содержались въ адресѣ по случаю возникновенія раскола. А ненадобно забывать, что въ этомъ первомъ опытѣ участвовало весьма ограниченное число членовъ; слѣдовательно, единодушіе и единомысліе между ними могло бы еще какъ-нибудь осуществиться и продолжаться, если бы оно было возможно по сущности самой системы.

Что касается до сравненія с.-симонизма съ езуитскими миссіями въ Парагваѣ, сходство между ними только внѣшнее. Милль справедливо сказалъ, что власти, проектированной с.-симонистами, могли подчиниться только такіе люди, которые смотрѣли бы на ея представителей, какъ на существа высшія, одаренныя сверхъестественными силами, которыя возбуждали бы въ управляемыхъ сверхъестественный страхъ. Въ такомъ положеніи именно находились езуиты въ Парагваѣ. Въ глазахъ тамошнихъ индѣйцевъ, они были существами высшими, служителями Божіими, имѣющими власть награждать покорныхъ всѣми райскими утѣхами и наказывать непокорныхъ всѣми муками ада и чистилища. И это очарованіе іезуиты поддерживали своимъ образованіемъ, своими искусствами. Индѣйцы всегда и вездѣ видѣли, что езуиты умнѣе, искуснѣе и потому сильнѣе ихъ. Неудивительно, что они имъ повиновались.

Но не такое положеніе дѣлъ имѣли въ виду с.-симонисты. Они предлагали свою систему для Европы XIX вѣка, для общества, пережившаго сомнѣнія вѣка предъидущаго, и сдѣлавшаго такой гигантскій опытъ реформы, какъ первая революція, для общества, которому идеи свободы и равенства вошли уже въ плоть и кровь и въ учрежденія, которыхъ ни первая имперія, ни возвратившіеся Бурбоны не позволили себѣ тронуть. И этому-то обществу с.-симонисты предлагали организацію, по которой каждый членъ его долженъ отказаться отъ своей собственной воли, чтобы съ покорностью слѣдовать указаніямъ властей даже въ выборѣ занятій. Что подобная организація потерпѣла бы полную неудачу, объ этомъ нечего и говорить. Надобно изумляться, какъ самая мысль объ ней могла возникнуть среди данныхъ обстоятельствъ.

3.

Мнѣнія о сенъ-симонизмѣ и сенъ-симонистахъ, высказанныя въ нашей литературѣ.

О с.-симонизмѣ въ русской литературѣ намъ извѣстна до 1868 г. только одна статья, та самая, часть которой, составляетъ приведенная нами выше (Глава IV, прил. Е) характеристика С.-Симона. Разсказъ автора о с.-симонистахъ

отличается тѣмъ же, чѣмъ и эта характеристика. Хотя авторъ не сочувствуетъ с.-симонизму, но старается самыя личности с.-симонистовъ поднять далеко выше ихъ дѣйствительной стоимости. «Замѣчательно, говоритъ онъ, что почти всѣ они (с.-симонисты) были люди самаго серьезнаго образованія, главнымъ образомъ воспитанники политехнической школы, математики, инженеры, натуралисты. Конечно, это надобно объяснить тѣмъ, что коренная мысль (с.-симонизма) имѣла справедливость и настоятельность, такъ что чѣмъ развитѣе былъ умъ человѣка, тѣмъ болѣе готовъ онъ былъ предпочесть с.-симонизмъ всѣмъ другимъ тогдашнимъ ученіямъ, упускавшимъ изъ виду самую основную черту общественнаго положенія» (стр. 143, Совр. 1860 г. № V). Мы уже привели выше взглядъ Ог. Конта на то, какою рекомендаціею служитъ, по его мнѣнію, для человѣка пребываніе въ школѣ и оставленіе ея. Оно совершенно противоположно мнѣнію нашего публициста. А Ог. Контъ близко былъ знакомъ и со школою и съ личностями, составлявшими ее; и для доказательства его способности правильно оцѣнить и то и другое, сошлемся на характеристику Конта, сдѣланную нашимъ публицистомъ въ этой же самой статьѣ, гдѣ онъ названъ «основателемъ положительной философіи, единственной философской системы у французовъ вѣрной научному духу, однимъ изъ геніальнѣйшихъ людей нашего времени». Вотъ этотъ-то единственный французскій философъ и геніальнѣйшій человѣкъ говорилъ, что пребываніе въ школѣ с.-симонистовъ было признакомъ недостатка въ человѣкѣ здраваго смысла. И съ этимъ трудно не согласиться. С.-симонисты были, быть можетъ, хорошими математиками, инженерами и натуралистами. Но главныя основы, на которыхъ былъ построенъ с.-симонизмъ, не принадлежали къ области этихъ спеціальностей. Для правильной оцѣнки ихъ нужно было хорошее знакомство съ философіею, наукою нравственною, политическою экономіею и вообще науками политическими; и недостатка этихъ познаній не могли замѣнить никакія познанія въ математикѣ или въ инженерномъ искуствѣ.

Объ ученіи Анфантена касательно брака, касательно сеньерьяльнаго права г. Чернышевскій думаетъ, будто оно имѣло въ виду нѣчто въ родѣ отношеній между рыцарями и ихъ дамами въ средніе вѣка, или между добрыми католическими священниками и ихъ духовными дочерьми. Этому противорѣчитъ приведенное нами выше свидѣтельство Базара, равно какъ и то, что во время процесса с.-симонисты молчаливо признали ученіе о сеньерьяльномъ правѣ, какъ свое. Даже у Л. Блана, которымъ пользовался г. Чернышевскій, приведены слова Анфантена, которыя не позволяютъ сомнѣ-

ваться касательно сущности его мысли. «Мы не знаемъ, говорилъ Анфантенъ, всего могущества добродѣтельной ласки, религіознаго поцѣлуя, святаго сладострастія (d'une sainte volupté)». Hist. de dix ans, Paris, 1843. III, 129). Что поцѣлуй называется здѣсь религіознымъ и сладострастіе святымъ, это не должно никого вводить въ обманъ, потому что въ религіи, оправдывающей плоть, все оказывается святымъ и религіознымъ.

Въ другомъ мѣстѣ (но въ той же самой книгѣ), Л. Бланъ приводитъ самыя подробности споровъ, бывшихъ по поводу изложенія Анфантеномъ своего ученія о бракѣ, и о границахъ вмѣшательства власти въ брачныя отношенія людей. Подробности эти не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что ученіе Анфантена не имѣло ничего общаго съ романтическимъ отношеніемъ средневѣковаго рыцаря къ дамѣ или дѣйствительно благочестиваго священника къ духовной дочери

«Ваше ученіе, говорилъ Карно Анфантену, есть регламентація прелюбодѣянія». — «Вы оправдываете порокъ, прибавилъ Дюжье». Причемъ многія дамы, какъ изъ принадлежавшихъ къ семейству с.-симонистовъ, такъ и изъ постороннихъ слушательницъ (такъ какъ засѣданіе было публичное), протестовали противъ ученія Анфантена, какъ противъ безнравственнаго. Очевидно, дѣло шло не о романтическихъ отношеніяхъ.

Съ своей стороны Л. Бланъ говоритъ объ ученіи Анфантена, что оно «подчиняло бракъ священническому праву (droit sacerdotal), которое отнимало у дѣтей знаніе ихъ отца. Это сенсуализмъ, употребленный, какъ средство управленія; это оправданіе любовника черезъ исповѣдника (réhabilitation de l'amant par le confesseur, черезъ то, что онъ былъ исповѣдникомъ)».

Если бы г. Чернышевскій представилъ какія-нибудь доказательства, какія-нибудь свидѣтельства въ пользу своего мнѣнія, оно могло бы имѣть какую-нибудь силу. А теперь оно не имѣетъ никакой. Онъ произвольно измѣнилъ взглядъ единственнаго источника, которымъ пользовался, оставивши безъ вниманія фактическія доказательства, приведенныя въ немъ.

Впрочемъ, несмотря на это преувеличеніе достоинства личностей, принадлежавшихъ къ школѣ с.-симонистовъ, не смотря на невѣрности въ частныхъ взглядахъ на отдѣльные пункты ученія с.-симонистовъ, состоятельности и практичности его нашъ публицистъ не преувеличиваетъ; онъ видитъ въ немъ что-то въ родѣ наивной и эксцентричной фантазіи праздныхъ людей, хотя очевидно эта наивность не совсѣмъ

соглашается съ тѣмъ, что авторъ говорилъ касательно образованія и развитости большинства с.-симонистовъ.

«Процессомъ, говоритъ онъ, былъ положенъ насильственный конецъ с.-симонизму, который и безъ того скоро окончился бы естественною смертью, было доставлено очень эффектное торжество ученію, уже погибавшему отъ внутреннихъ своихъ недостатковъ, были возвеличены, какъ страдальцы за убѣжденія, люди, которые безъ того скоро оказались бы жалкимъ образомъ опомнившимися отъ ребяческой наивности и стали бы изобличать другъ друга въ тщеславіи.

«Читатель видитъ, что мы вовсе не сочувствуемъ той формѣ стремленія къ общественнымъ реформамъ, которая называется с.-симонизмомъ. Это ученіе кажется намъ галлюцинаціею, сформировавшеюся изъ ошибочной идеализаціи като лицизма, и кромѣ того носившею какой-го приторный характеръ изящной аристократичности, аффектирующей замашки сантиментальнаго демократизма. С.-симонисты разыгрывали въ лицахъ идиллію г-жи Дезульеръ. Это были свѣтскіе люди, хотѣвшіе не терять своего щегольства, накидывая на себя мужичество. С.-симонизмъ смѣшитъ нашъ разсудокъ своею фантастичностью, возмущаетъ наше чувство своимъ благонамѣреннымъ езуитизмомъ, своею апотеозою авторитета, своими поползновеніями къ артистичности.

«Но мы, называя приторной ту форму, которая имѣла первое проявленіе мысли о преобразованіи общества, должны цѣнить историческую важность этого перваго ея проявленія. Оно важно какъ признакъ того, что пришла пора обществу заниматься идеями, выразившимися въ первый разъ въ этой неудовлетворительной формѣ. Скоро мы увидимъ, что онѣ стали проявляться въ формахъ болѣе разсудительныхъ и доходить до людей, у которыхъ бываютъ уже не восторженною забавою, а дѣломъ собственной надобности». (Совр. 1860 г. № V, стр. 158 и 159).

Соглашаясь съ этимъ взглядомъ вообще, мы не можемъ допустить одной частности его очень важной. Авторъ въ с.-симонизмѣ видитъ первое проявленіе мысли о преобразованіи общества. И этой заслуги по совѣсти нельзя приписать с.-симонизму. Въ такомъ случаѣ что же значитъ вся эта масса соціальныхъ романовъ отъ XV до XVIII вѣка или масса философскихъ сочиненій того же характера преимущественно изъ XVIII вѣка? Основную черту въ с.-симонизмѣ нашъ авторъ видитъ въ стремленіи къ улучшенію доли большинства. Но именно это стремленіе лежало въ основѣ почти всѣхъ проектовъ общественной реформы отъ Т. Мора и Себ. Франка до Неккера, Годвина и др., такъ что и новаго то сенъ-симонисты ничего не высказали. Даже и то въ ихъ

ученіи, съ чѣмъ мы не можемъ не согласиться, напр. ихъ ученіе о плачевныхъ слѣдствіяхъ конкурренціи при системѣ lassez faire, lassez passer, не принадлежитъ имъ, какъ открытіе. Еще Неккеръ сдѣлалъ сильныя возраженія противъ этой системы и противъ неограниченной конкурренціи при экономической безпомощности рабочаго. Но гораздо съ большею полнотою и научною обстоятельностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ необыкновеннымъ талантомъ изложилъ недостатки конкурренціи Сисмонди въ «Nouveaux principes d'économie politique», сочиненіи, явившемся еще въ 1819 году и произведшемъ сильное впечатлѣніе между тогдашними учеными. А сенъ-симонисты излагали свою теорію только въ 1828 и 1829 году, то есть черезъ 9 и 10 лѣтъ послѣ появленія книги Сисмонди, уже извѣстной въ то время всякому, занимавшемуся политическою экономіею. —

Въ этомъ (1869) году издано сочиненіе «Пролетаріатъ во Франціи», въ которомъ авторъ (г. Михайловъ) разсматриваетъ между прочимъ и соціальныя системы, предложенныя во Франціи XIX вѣка, какъ средство противъ увеличившагося пролетаріата. Рядомъ съ другими системами онъ разсматриваетъ и сенъ-симонизмъ. Взглядъ его вообще отличается правильностью. «Проповѣдуя великія идеи учителя объ освобожденіи рабочихъ отъ нищеты и женщинъ отъ зависимости, говоритъ онъ, что сдѣлали они (сенъ-симонисты) въ самомъ дѣлѣ? Они составили общину, куда не вошелъ ни одинъ рабочій; — они оставались въ сущности тѣми аристократами, которые для собственной потѣхи столярничаютъ и плотничаютъ въ своихъ рабочихъ кабинетахъ. Стоило пройти нѣсколькимъ мѣсяцамъ, чтобы вся эта пустая игра въ сладенькую идиллію кончилась разъ и навсегда, чтобы вчерашніе землекопы превратились сегодня въ банкировъ и сенаторовъ, что и сдѣлалось послѣ» (стр. 212). Но въ подробностяхъ авторъ впадаетъ въ тѣ же самыя ошибки, которыя мы видѣли у г. Чернышевскаго, и даже преувеличиваетъ ихъ. Такъ онъ еще болѣе преувеличиваетъ интеллектуальное достоинство членовъ семейства сенъ-симонистовъ. «Общество (сенъ-симонистовъ), говоритъ онъ, пріобрѣло хотя не очень многочисленныхъ, но весьма замѣчательныхъ по уму, талантамъ и энергіи людей, въ числѣ которыхъ были экономистъ Мишель Шевалье, адвокатъ Дюверье, композиторъ Фелисьенъ Давидъ, — самый замѣчательный членъ республиканской партіи Карно, писатель Ж. Лешевалье, философы Жанъ Рейно и Пьеръ Леру и т. д.» Безспорно у нѣкоторыхъ сенъ-симонистовъ не было недостатка ни въ умѣ, ни въ талантахъ, ни въ энергіи. Но ихъ таланты и ихъ умъ развились уже впослѣдствіи, когда почти всѣ они отказались отъ ученій сенъ-симонизма.

И, вступая въ общество сенъ-симонистовъ, они совсѣмъ не были тѣмъ, чѣмъ были послѣ; т. е. не были ни экономистами, ни замѣчательными членами какихъ-нибудь партій, ни философами. Мишель Шевалье вступая въ общество сенъ-симонистовъ былъ только инженеромъ, недавно выпущеннымъ изъ горнаго училища (école des mines). И немедленно послѣ распаденія семейства онъ торжественно отказался отъ того, что писалъ въ журналѣ «Globe». Только послѣ этого онъ занялся политической экономіей и пріобрѣлъ извѣстность въ литературѣ этой науки.

Карно замѣчательнымъ членомъ республиканской партіи сдѣлался двадцать лѣтъ спустя. А вступая въ общество сенъ-симонистовъ, онъ былъ никому неизвѣстнымъ эмигрантомъ, только что возвратившимся во Францію.

Всѣ остальныя изъ названныхъ лицъ пріобрѣли извѣстность только впослѣдствіи; а, находясь въ семействѣ сенъ-симонистовъ, они, какъ выразился г. Контъ, только начинали свою философскую карьеру, т. е. только начинали знакомиться съ философіею, чѣмъ и объясняется ихъ увлеченіе. Только П. Леру имѣлъ извѣстность въ журналистикѣ раньше вступленія въ семейство; но его пребываніе въ немъ было слишкомъ кратковременно. Въ 1831 году онъ вступилъ въ семейство и уже въ томъ же году оставилъ его.

Относительно ученія Анфантена о бракѣ и о сеньоріальномъ правѣ г. Михайловъ раздѣляетъ заблужденіе г. Чернышевскаго. Анфантенъ «находилъ, говоритъ онъ, что вліяніе правителей сенъ-симонистскаго братства должно простираться и на отношенія супруговъ. Подъ этимъ вліяніемъ Анфантенъ подразумѣвалъ чистыя, цивилизующія и безкорыстныя отношенія правителей къ женщинамъ и правительницъ къ мужчинамъ. Идеализація отношеній средневѣковыхъ рыцарей и дамъ, католическихъ исповѣдниковъ и ихъ духовныхъ дочерей, играла очень важную роль при возникновеніи этихъ идей». (стр. 209). Ошибка г. Михайлова извиняется тѣмъ, что онъ не познакомился съ первоначальнымъ источникомъ, Л. Бланомъ, и довольствовался русскою передѣлкою его, которой онъ слѣдовалъ даже въ подробностяхъ развитія своей мысли. Такъ онъ повторяетъ мысль г. Чернышевскаго о томъ, какимъ путемъ Анфантенъ дошелъ до своего взгляда на бракъ и семейство. «Если воспитаніе дѣтей и вознагражденіе членовъ общества за трудъ обезпечены, говоритъ г. Михайловъ, то наслѣдство дѣлается ненужнымъ, какъ явленіе вредное, дающее средства къ праздности. Но главная связь между дѣтьми и родителями при настоящемъ устройствѣ семьи—наслѣдство; если дѣти обезпечены государствомъ, если они ничего не получаютъ отъ родителей, то прочность

брачнаго союза ослабляется сама собою». (Тамъ же). Эта мысль не принадлежитъ ни сенъ-симонистамъ, ни Л. Блану, а г. Чернышевскому и выражена имъ почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ *. Что она справедлива, это слѣдовало бы доказать, чего не сдѣлали ни г. Чернышевскій, ни г. Михайловъ. Мы думаемъ, что главная связь между дѣтьми и родителями при настоящемъ устройствѣ семьи, совсѣмъ не наслѣдство, а родительскія и дѣтскія чувства, которыя связываютъ ихъ и при возможности передачи наслѣдства и при отсутствіи этой возможности. И если при отсутствіи этой возможности связь существуетъ, то очевидно она производится не наслѣдствомъ. Чтобы при обезпеченіи дѣтей государствомъ, прочность брачнаго союза ослаблялась сама собою, это также не только не доказано обоими авторами, но и не можетъ быть доказано, потому что это противорѣчитъ всей массѣ фактовъ извѣстныхъ касательно этого предмета. Въ Спартѣ участь всѣхъ дѣтей была обезпечена государствомъ, тѣмъ не менѣе брачный союзъ тамъ отличался прочностью. Въ религіозныхъ сектахъ, напр. въ Моравскихъ общинахъ, частной собственности совсѣмъ не было; и дѣти и взрослые, всѣ были обезпечены обществомъ; не смотря на то брачный союзъ отличался особенною прочностью и чистотою. Наконецъ участь нашихъ крестьянскихъ дѣтей до освобожденія была обезпечена и послѣ освобожденія также обезпечена поземельнымъ надѣломъ, не смотря на то брачный союзъ тамъ отличался и отличается прочностію. Даже въ такихъ состояніяхъ, гдѣ объ обезпеченіи человѣкъ не могъ и думать, устроивается и устроивался семейный союзъ болѣе крѣпкій, чѣмъ тамъ, гдѣ его будто бы поддерживаетъ учрежденіе наслѣдства. И причиною, созидающею его являются требованія самой природы не физической, а нравственной. Такъ у американскихъ плантаторовъ, не смотря на право ихъ продавать порознь каждаго изъ своихъ рабовъ безъ исключенія, семейный союзъ въ средѣ рабовъ существовалъ и болѣе человѣколюбивые плантаторы не трогали его, не разлучали членовъ семьи. Тоже было въ первые вѣка христіанства. Рабы и рабыни заключали браки, благословляемые церковью, и очень дорожили своимъ семейнымъ союзомъ, хотя и тогда господа имѣли право продавать ихъ порознь, и мужа, и жену, и дѣтей, вслѣдствіе чего объ обезпеченіи дѣтей тутъ не могло быть и мысли. Слѣдовательно, семейный союзъ не ослабляется, если даже дѣти и не получаютъ ничего отъ родителей, если родителямъ нечего и

* Мы оставили эту мысль безъ вниманія, излагая взглядъ самого г. Чернышевскаго на ученіе сенъ-симонистовъ. Но, встрѣчая ея повтореніе, мы не находимъ возможнымъ обойти ее.

думать объ ихъ обезпеченіи, потому что оно гарантировано учрежденіями, или потому, что оно совсѣмъ невозможно.

И.

Библіографическій указатель сочиненій и изданій с.-симонистовъ и матеріаловъ для исторіи сенъ-симонизма.

Le Producteur (Производитель), journal philosophique de l'industrie, de la science et des beaux arts. Пять томовъ. 1825 и 1826 г. Какъ мы видѣли, Производитель имѣлъ два различные періода; первый періодъ относится къ тому времени, когда школа сенъ-симонистовъ еще не образовалась; въ то время въ немъ принимали участіе люди, чуждые стремленіямъ сенъ-симонистовъ. И даже главнымъ редакторомъ былъ одинъ изъ такихъ людей — Серкле (Cerclet). Во второй періодъ исключительными сотрудниками журнала были Базаръ, Анфантенъ, Родригъ, Бюше, Руанъ и Лоранъ, образовавшіе въ это время школу сенъ-симонистовъ. Producteur имѣлъ слѣдующій эпиграфъ: «L'âge d'or, qu'une tradition aveugle a placé jusqu'ici dans le passé, est devant nous». Прекратился этотъ журналъ благодаря недостатку денежныхъ средствъ, такъ какъ покровители сенъ-симонистовъ отказались наконецъ помогать имъ.

L'Organisateur (Организаторъ), журналъ, основанный Лораномъ; издавался отъ 1829 до 1831. Съ 18 апр. 1830 г. назывался: Journal de la doctrine de Saint-Simon. Здѣсь, между прочимъ, была помѣщена прокламація сенъ-симонистовъ, наклеенная на улицахъ Парижа 30 Іюля 1830 г. во время революціи. Эпиграфы его были слѣдующіе: «Toutes les institutions sociales doivent avoir pour but l'amélioration du sort moral, physique et intellectuel de la de la classe la plus nombreuse et la plus pauvre.— Tous les priviléges de la naissance, sans exception, seront abolis. — A chacun selon sa capacité, à chaque capacité selon ses oeuvres».

L'Organisateur belge (Бельгійскій организаторъ), 1831 г., издавался въ Брюсселѣ отъ 29 мая до 27 ноября. Издателемъ его былъ Дювейрье.

Le Globe (Земной шаръ). Этотъ журналъ началъ издаваться еще въ 1824. Основателями его были Дюбуа и П. Леру; въ немъ помѣщали статьи Гизо, Кузенъ, Жуффруа. Только съ 11 ноября 1830 года онъ сдѣлался органомъ сенъ-симонистовъ, незадолго передъ тѣмъ, когда къ нимъ присоединился П. Леру; прекратился 20 апр. 1832 года. Globe

сохранилъ эпиграфы Организатора, за исключеніемъ втораго (tous le priviléges de la naissance seront abolis). Этому исключенію соотвѣтствовало и содержаніе Globe'a, направленіе его стремленій въ это время. Въ немъ, какъ мы сказали уже, была помѣщена политическая экономія Анфантена, въ которой онъ требуетъ не уничтоженія наслѣдства, а налога на наслѣдство, пропорціональнаго отдаленности родства между умершимъ лицомъ и наслѣдникомъ.

Exposition de la doctrine de S.-Simon, première année (Изложеніе ученія С.-Симона, годъ первый); отъ 1830 до 1832 имѣло три изданія. Это изданіе, какъ мы сказали, содержитъ въ себѣ чтенія, имѣвшія мѣсто въ улицѣ Тараннъ, и именно первую часть ученія сенъ-симонистовъ, критическую. Послѣдовательныя изданія этой книги въ продолженіи немногихъ лѣтъ нельзя представлять себѣ въ видѣ успѣха ея. Экземпляры ея были раздаваемы безденежно. Дѣло въ томъ, что чтенія въ улицѣ Тараннъ, какъ мы говорили, не были вполнѣ публичными; ихъ слушали только очень немногія лица, принадлежавшія большею частью къ числу лицъ, извѣстныхъ самимъ сенъ-симонистамъ; для публичности чтеній служила препятствіемъ правительственная система, господствовавшая въ то время (въ 1828 и 1829 г.). Вслѣдствіе этой же причины чтенія не могли быть и напечатаны до революціи 1830 года. Первое изданіе ихъ явилось въ скоромъ времени послѣ революціи, а вслѣдъ за тѣмъ послѣдовали два другія изданія. Сенъ-симонисты очевидно понимали, что это сочиненіе, какъ критика существующаго соціальнаго строя, составляетъ наиболѣе сильную часть ихъ ученія.

Exposition de la doctrine de S.-Simon, deuxième année (Изложеніе ученія С.-Симона, годъ второй). Издано въ декабрѣ 1830 года. Здѣсь содержится положительная часть ученія сенъ-симонистовъ. Въ послѣдствіи, оба года изданы вмѣстѣ, въ 1854 году.

Lettre à Burns sur la politique et la religion par. E. Rodrigues. (Письмо къ Бернсу о политикѣ и религіи Е. Родрига). 1831 г.

Résumé du premier volume de l'Exposition, par Hip. Carnot. (Сокращеніе перваго тома Изложенія, Ип. Карно). Было напечатано въ Revue encyclopédique, и потомъ издано отдѣльно.

Extraits de l'Organisateur. (Извлеченія изъ Организатора). Одинъ томъ въ 597 стр.

Extraits du Globe. (Извлеченія изъ Глоба), три тома. Здѣсь между прочимъ помѣщены Économie politique et Politique Анфантена, и Politique européenne М. Шевалье.

Prédications (Проповѣди). 1832 года. Два большіе тома. Мы говорили уже, что главныхъ проповѣдниковъ было шестеро: Барро, Лоранъ, Трансонъ, Ретуре, Рейно и Шартонъ. Это ихъ ораторскіе труды, относящіеся къ тому кульминаціонному періоду сенъ-симонизма, когда семейство жило въ улицѣ Монсиньи. Всѣхъ проповѣдей 51. Оба тома имѣютъ болѣе тысячи страницъ.

Économie politique et Politique par Enfantin (Политическая экономія и политика, Анфантена). 1831 г. 176 стр.

Morale (Нравственность), соч. Анфантена. 1832 г., 211 стр. Это сочиненіе осуждено уголовнымъ судомъ. Кромѣ этихъ двухъ сочиненій Анфантену принадлежитъ нѣсколько брошурокъ самыхъ небольшихъ размѣровъ, въ 4, 5, 6 страницъ. Таковы: A tous, Le Père à Fournel apôtre, l'Attente, Ecrit de 2 juin 1832, и др.

Réunion générale de la famille (Общее собраніе семейства) 1831 г. Сочиненіе Базара, въ которомъ онъ излагаетъ причины своего удаленія изъ семейства сенъ-симонистовъ.

Discussions morales, politiques et religieuses (Разсужденія нравственныя, политическія и религіозныя), Базара. Неоконченное сочиненіе, въ которомъ авторъ излагаетъ свои мнѣнія по поводу вопросовъ, произведшихъ расколъ въ семействѣ. Базаръ умеръ вскорѣ послѣ удаленія изъ семейства, 29 іюля 1832 г., еще раньше окончанія процесса сенъ-симонистовъ.

Olinde Rodrigues aux saint-simoniens (Ол. Родригъ сенъ-симонистамъ).

Olinde Rodrigues aux saint-simoniens et au public (Ол. Родригъ сенъ-симонистамъ и публикѣ).

Olinde Rodrigues à M. Chevalier (Ол. Родригъ—Мишелю Шевалье).

Эти три брошуры написаны Родригомъ по случаю оставленія имъ семейства сенъ-симонистовъ.

Impressions des deux procés saint-simoniens, l'un en police correctionnelle, l'autre en cour d'assises. (Изданіе двухъ процессовъ сенъ-симонистовъ). 1832 г. Два тома, въ 405 и 107 страницъ. Это изданіе сдѣлано самими сенъ-симонистами по окончаніи ихъ процесса. Къ обоимъ томамъ приложены портреты главнѣйшихъ членовъ менильмонтанскаго семейства.

Le livre nouveau (Новая книга), неизданный коллективный трудъ сенъ-симонистовъ, составленный въ Менильмонтанѣ. Главными участниками въ редакціи его были Ан-

фантенъ и М. Шевалье. Этимъ сочиненіемъ въ рукописи пользовался Л. Рейбо.

Oeuvres de S.-Simon et d'Enfantin (Сочиненія Сенъ-Симона и Анфантена). Объ этомъ изданіи мы говорили выше (стр. 364), какъ о такомъ, въ которомъ содержатся новые матеріалы для біографіи С.-Симона. Для исторіи соціальнаго опыта, сдѣланнаго сенъ-симонистами, оно очень важно; собственно, оно содержитъ въ себѣ только «историческую замѣтку» объ Анфантенѣ. Но личность Анфантена почти вполнѣ олицетворяетъ въ себѣ общину сенъ-симонистовъ, такъ что въ исторической замѣткѣ объ немъ содержатся матеріалы для исторіи сенъ-симонизма вообще. И они отличаются значительною полнотою. Большею частью здѣсь напечатаны письма сенъ-симонистовъ, ихъ рѣчи, манифесты, споры и т. п. Пятый томъ, послѣдній, которымъ мы могли пользоваться, оканчивается матеріалами, касающимися удаленія изъ общины—Родрига. Начинается историческая замѣтка объ Анфантенѣ еще въ первомъ томѣ.

ГЛАВА VI.

РОБЕРТЪ ОУЭНЪ.

Предшественники Роберта Оуэна въ Англіи: Беллерсъ, Годвинъ, Спенсъ и др. Воспитаніе Оуэна: промышленная область; недостатокъ научнаго образованія; вліяніе Руссо, Рейда и Беллерса.

Дѣятельность Оуэна въ Нью-Ланаркѣ: Нью-Ланаркская фабрика до Оуэна; бѣдность и пороки рабочихъ, средства Оуэна противъ того и другаго, воспитаніе и обученіе дѣтей, экономическіе результаты.

Литературная и общественная дѣятельность Оуэна въ Европѣ отъ 1812 до 1824 г.: опытъ объ образованіи характера; земледѣльческія и мануфактурныя деревни; записки Оуэна, представленныя членамъ Ахенскаго конгресса, коммунизмъ; попытка Оуэна получить мѣсто въ парламентѣ, неудачи его въ Англіи.

Дѣятельность Оуэна въ Америкѣ и Англіи до 1842 года. Оуэнъ и сѣверо-американскій Конгрессъ, дальнѣйшее развитіе идей Оуэна: кооперативная община; Нью-Гармони и подражанія ему въ Америкѣ; полный неуспѣхъ ихъ. Орбистонъ; поѣздка Оуэна въ Мексику, послѣдніе опыты Оуэна.

Окончательное развитіе идей Оуэна: «основныя положенія кооперативной системы»; различіе въ идеяхъ и стремленіяхъ Оуэна до 1824 г. и послѣ 1824 года. Послѣдніе годы Оуэна, измѣненіе религіознаго чувства; заслуги и ошибки Оуэна. The new existence of man и значеніе этого сборника.

Приложенія.

Мы сказали выше, что политическіе и экономическіе успѣхи Англіи въ XVI и XVII вѣкахъ не благопріятствовали возникновенію въ этой странѣ новыхъ соціальныхъ теорій. Политическая свобода вмѣстѣ съ децентрализаціею имѣла слѣдствіемъ то, что правосудіе въ Англіи было болѣе удовлетворительно, чѣмъ гдѣ-нибудь на материкѣ, что народонаселеніе менѣе терпѣло отъ произвола властей. Развитіе промышленности и мореплаванія давало занятія низшему классу народа. Колони-

зація въ обширныхъ размѣрахъ давала пріютъ тѣмъ, кто не имѣлъ его въ метрополіи. Но всѣ эти средства не таковы, чтобъ они могли предохранить отъ пролетаріата страну, въ которой поземельная собственность распредѣлена между небольшою частью народонаселенія. Масса нищихъ, въ пользу которыхъ возвысилъ свой голосъ Т. Моръ, если сокращалась, то далеко не исчезла совсѣмъ. И англійскіе законы противъ воровства и бродяжничества, въ особенности въ царствованіе Эдуарда VI, отличались чрезвычайною строгостью *. Въ царствованіе Елисаветы изданъ знаменитый законъ о бѣдныхъ, которымъ каждый приходъ обязывался доставлять работу бѣднымъ, способнымъ къ работѣ, и пособіе слабымъ и больнымъ. Законъ этотъ былъ возстановленіемъ древняго христіанскаго обычая, по которому также каждый приходъ долженъ былъ кормить своихъ бѣдныхъ. Дѣлая свою церковную реформу въ томъ смыслѣ, чтобы уничтожить нововведенія въ церкви, сдѣланныя папами, приблизить ее къ состоянію древней церкви, Англія и въ этомъ случаѣ хотѣла подражать христіанамъ первыхъ вѣковъ. Намѣреніе, безъ сомнѣнія, въ высшей степени достойное уваженія; и нельзя также сомнѣваться въ томъ, что оно болѣе или менѣе достигло своей цѣли. Но ко всякому добру всегда примѣшается какое-нибудь зло; то же оказалось и здѣсь. Содержаніе бѣдныхъ легло большею тяжестью на жителей приходовъ; тѣмъ болѣе, что нерѣдко, не имѣя возможности доставить бѣднымъ занятіе, приходы должны были давать пособіе не только больнымъ и слабымъ, но и способнымъ къ работѣ; вслѣдствіе чего число бѣдныхъ не уменьшалось, а увеличивалось. Даровое пособіе, хотя и скудное, многимъ все-таки казалось лучше, нежели плата за трудъ, также недостаточная. И поколѣнія бѣдныхъ продолжались изъ рода въ родъ и даже размножались, потому что подобные бѣдные жили семействами, и ничто не обязывало

* Бродяги были обращаемы во временное рабство, причемъ имъ налагали клейма на груди и даже на лицѣ. Позволялось держать ихъ въ цѣпяхъ и подвергать тѣлесному наказанію по волѣ господина. (См. Buret, De la misère, livre I, chap. V, section I).

ихъ къ предусмотрительности въ бракѣ *.—Такое положеніе не могло считаться нормальнымъ; громадныя суммы тратились непроизводительно и жизнь бѣдныхъ, для которыхъ дѣлались эти издержки, не могла назваться даже только удовлетворительною. Безъ сомнѣнія это вызвало проектъ реформы Беллерса, который предлагалъ учредить общины для бѣдныхъ рабочихъ, гдѣ они могли бы заниматься и земледѣліемъ и мануфактурами на началахъ коммунизма, такъ чтобы трудъ совершался сообща, и орудія труда принадлежали не отдѣльнымъ лицамъ, а цѣлой общинѣ **. Мы не знаемъ, былъ ли этотъ проектъ предложенъ парламенту и разсмотрѣнъ въ немъ, но осуществленъ онъ не былъ; и дѣло оставалось въ прежнемъ положеніи. Между тѣмъ пауперизмъ увеличивался; къ концу XVIII вѣка онъ занималъ уже многихъ. Въ 1776 году членъ парламента Джильбертъ началъ агитацію въ средѣ самаго парламента въ пользу измѣненія законовъ о бѣдныхъ. Парламентъ назначалъ коммисіи для изслѣдованія дѣла и въ 1782 году утвердилъ двѣ поправки къ законамъ о бѣдныхъ, предложенныя Джильбертомъ ***.— Черезъ нѣсколько времени голосъ въ пользу бѣдныхъ раздался изъ среды ученаго сословія. Огильви, профессоръ абердинскаго университета, предлагалъ свои аграрные законы съ цѣлью улучшенія быта низшихъ классовъ народа. Въ 1793 году выступилъ съ своимъ горячимъ словомъ участія въ пользу бѣдныхъ Годвинъ, и затѣмъ впродолженіе цѣлой своей жизни доказывалъ ненормальность вообще современнаго экономическаго быта. Нѣсколько раньше появился реформаторъ болѣе смѣлый и менѣе внимательный къ существовавшему строю жизни. Это былъ Спенсъ (Spence), школьный учитель въ Нью-Кестлѣ. Спенсъ въ 1775 г. прочиталъ

* Англійскіе законы о бѣдныхъ существовали до настоящаго столѣтія, и къ концу ихъ существованія содержаніе бѣдныхъ требовало громадныхъ ежегодныхъ издержекъ (до 8 миліон. ф. стер.). Въ 1834 устроены были такъ-называемые «рабочіе дома», которыми замѣнено содержаніе бѣдныхъ отъ приходовъ.

** См. выше стр. 263.

*** См. Бюре, De la misère, тамъ же.

въ нью-кестльскомъ клубѣ двѣ составленныя имъ записки, одну объ исправленіи англійской орѳографіи, другую о введеніи въ Англіи коммунизма. Непосредственнымъ результатомъ этого чтенія было то, что авторъ былъ исключенъ изъ клуба и лишенъ мѣста. Тогда Спенсъ принялся за ремесло странствующаго торговца книгами, соединяя его, разумѣется, съ пропагандою своихъ взглядовъ на общественное устройство, что̀ въ Англіи и теперь не подвергается и прежде не подвергалось никакимъ стѣсненіямъ. Въ это время онъ успѣлъ написать соціальный романъ, подъ названіемъ Спенсонія (Spensonia), въ которомъ онъ предлагаетъ отобрать землю у англійскихъ землевладѣльцевъ, и усвоить ее по частямъ въ собственность приходовъ; послѣ чего жители приходовъ должны были, однако, пользоваться ею не безвозмездно, а по найму, такъ чтобы всѣ они были фермерами. А деньги, выручаемыя за отдачу земли въ наемъ, должны были употребляться на общественныя издержки и, за покрытіемъ ихъ, раздѣлялись бы между жителями приходовъ. Не довольствуясь пропагандою во время торговли книгами и посредствомъ ея, Спенсъ переселился въ Лондонъ и сталъ собирать здѣсь митинги, писалъ такъ-называемые тракты, т. е. маленькіе трактаты, въ которыхъ излагалъ свою систему, и достигъ того, что образовалось «Филантропическое Спенсово общество», имѣвшее цѣлью распространеніе и осуществленіе его идей.— Въ 1787 году на улицахъ Лондона появились приклеенныя въ разныхъ мѣстахъ прокламаціи, въ которыхъ высказывались тѣ же мысли, что и въ Спенсоніи, т. е. что земля должна принадлежать не частнымъ владѣльцамъ, а государству, всему народу. Авторомъ этихъ прокламацій былъ Спенсъ; около того же времени онъ издалъ книжку подъ заглавіемъ «Pigs meat» (свиное мясо), въ которой указывалъ и способъ, посредствомъ котораго народъ могъ достигнуть своей цѣли. Слѣдуя Спенсу, народъ долженъ былъ «скальпировать землевладѣльцевъ», т. е. Спенсъ прямо призывалъ къ революціи. Тогда онъ позванъ былъ въ судъ и приговоренъ къ годовому заключенію въ тюрьму и къ 20 фунтамъ ст. штрафа. Послѣ осво-

божденія онъ пересталъ печатать прокламаціи и совѣтовать народу скальпировать землевладѣльцевъ, а по прежнему сталъ мирно пропагировать свои идеи, занимаясь въ то же время торговлею книгами, и спокойно умеръ въ 1814 г. *.

Всѣ эти названныя нами лица были прямыми предшественниками Роберта Оуэна, который, однако, далеко оставилъ ихъ за собою, какъ своею извѣстностью, такъ и смѣлостью своихъ соціальныхъ проектовъ.

Оуэнъ родился въ 1771 году въ городкѣ Ньютонѣ, въ графствѣ Монтгомери, въ Англіи. Первые годы его жизни недовольно извѣстны; его біографы разногласятъ между собою касательно подробностей его юности. И самъ Оуэнъ, такъ любившій къ концу жизни воспоминать о цвѣтущихъ лѣтахъ ея, обыкновенно проходилъ молчаніемъ свои первые шаги на пути жизни. Впрочемъ, мы имѣемъ объ нихъ нѣкоторыя извѣстія, происходящія отъ самаго Оуэна, сообщенныя имъ въ одной статьѣ, напечатанной въ Лондонѣ въ 1817 году, которыми мы и воспользуемся **.

Десяти лѣтъ, говоритъ Оуэнъ, я отправился въ Лондонъ, откуда въ скоромъ времени поступилъ къ Джемсу М'Гуффагу въ Стамфордѣ, въ графствѣ Линкольнѣ, у котораго я и оставался болѣе четырехъ лѣтъ. Потомъ я опять воротился сюда

---

* Thon. Le Soc. II, 193—201. Спенсъ имѣлъ много учениковъ и приверженцевъ, которые называли себя единственными истинными христіанами, доказывая, что всѣ другіе христіане ничто иное, какъ язычники, какъ по своимъ чувствамъ и нравамъ, такъ и потому, что они держатъ въ своихъ домахъ и въ публичныхъ мѣстахъ статуи языческихъ боговъ; одинъ изъ нихъ Т. Эвансъ (Evans) написалъ въ этомъ духѣ сочиненіе «Христіанская политика—спасеніе государства».

** Послѣ того, какъ была написана эта глава о Р. Оуэнѣ, въ Лондонѣ вышла довольно подробная монографія объ немъ: «Robert Owen, the founder of socialism in England, by Arth. John Booth» London, 1869). Познакомившись съ этимъ сочиненіемъ, мы не находимъ нужнымъ измѣнять въ чемъ нибудь свой трудъ и ограничимся только тѣмъ, что въ примѣчаніяхъ или даже въ текстѣ прибавимъ нѣкоторыя данныя касательно подробностей жизни и дѣятельности Оуэна. Бусъ сообщаетъ между прочимъ довольно свѣдѣній о годахъ юности Оуэна, которыя однако вполнѣ согласны съ тѣми свѣдѣніями, которыя мы нашли въ другихъ источникахъ, только превосходятъ ихъ подробностью. (стр. 1—5)

(въ Лондонъ), гдѣ, впродолженіе короткаго времени, былъ у Флинта и Пальмера, близъ Лондонскаго моста. Отсюда я отправился въ Манчестеръ, гдѣ немного времени оставался у Джона Саттерсфильда, котораго я оставилъ, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ. Тогда я началъ дѣла по фабрикаціи машинъ и по бумагопряденью, отчасти въ компаніи съ Джонсомъ, отчасти на свой счетъ. — Впослѣдствіи, я взялся управлять прядильнями Дринквотера въ Манчестерѣ и въ Нортвичѣ, въ графствѣ Честерскомъ; и этимъ дѣломъ я занимался впродолженіе 3 или четырехъ лѣтъ. — Послѣ того, я вошелъ въ компанію съ Маульсономъ и Скартомъ изъ Манчестера; построилъ фабрику Чорлтона, и въ компаніи съ Борределемъ и Аткинсономъ изъ Лондона, и Бартономъ изъ Манчестера, я образовалъ новое общество подъ фирмою Чорлтонъ Твистъ и Комп. Нѣсколько времени спустя, мы пріобрѣли фабрику Нью-Ланарскую. И здѣсь я былъ на виду у всѣхъ впродолженіе 13 лѣтъ; теперь мнѣ сорокъ шесть лѣтъ: вотъ цѣпь моей жизни, которую всякій можетъ критиковать» *. Всѣ эти лица, у которыхъ Оуэнъ, начиная съ десяти-лѣтняго возраста, имѣлъ занятія, принадлежали къ коммерческому и промышленному классу, такъ что вся юность Оуэна прошла въ коммерческихъ и промышленныхъ занятіяхъ. Очевидно, онъ не имѣлъ времени и средствъ для полученія правильнаго и болѣе или менѣе полнаго научнаго образованія **. Но, благодаря своей живой на-

* A Personal sketch published in the London daily Papers of July 30, 1817. Въ Сборникѣ: New existence of Man upon the Earth. by R. Owen. London. 1854. I. XXX.

** Впослѣдствіи Оуэнъ разсказывалъ, что онъ оставилъ совсѣмъ школу, имѣя только 9 лѣтъ отъ роду, т. е. послѣ поступленія въ промышленную сферу, его умственное развитіе было подвержено всякимъ случайностямъ. Бусъ разсказываетъ, что съ самаго ранняго возраста (лѣтъ съ семи) Оуэнъ читалъ очень много и притомъ все, что попадалось подъ руки «отъ «Робинзона Крузе» до «Размышленій между могилами». Имѣя 8 или 9 лѣтъ, онъ познакомился съ тремя старыми дѣвицами-методистками, которыя приняли въ немъ участіе и старались внушить ему свои вѣрованія. Въ это время онъ познакомился съ полемическими сочиненіями различныхъ сектъ и, какъ онъ самъ потомъ говорилъ, «ихъ смертельная взаимная вражда привела его къ сомнѣнію въ томъ, справедлива ли хоть какая-нибудь изъ этихъ сектъ». (Стр. 2)

турѣ, и благодаря природному здравому смыслу, онъ неудовольствовался тою дѣятельностью ума, которая представляла ему жизнь его. Въ немъ рано сказались другія потребности, другія стремленія. Въ удовлетвореніе этихъ потребностей онъ съ жаромъ читалъ все, что ему попадалось. Одинъ изъ его біографовъ * разсказываетъ, что, между прочимъ, Оуэну попался англійскій переводъ сочиненій Руссо. Между Руссо и Оуэномъ можно найти не одну черту природнаго сходства; оба они въ высшей степени впечатлительны и симпатичны; очень вѣроятно, что явленія современной жизни производили на нихъ одинаковое впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ упреки Руссо современному порядку вещей нашли сильный отголосокъ въ душѣ Оуэна. И мысли Руссо касательно необходимости возрожденія общества нашли у него полное сочувствіе. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ работать надъ идеею объ исправленіи недостатковъ общественныхъ, о возрожденіи человѣчества.

Около этого времени онъ познакомился съ сочиненіями другаго автора, котораго идеи находятся въ очевидной гармоніи съ идеями Руссо; это былъ Рейдъ **, преемникъ Ад. Смита по каѳедрѣ нравственной философіи въ глазговскомъ университетѣ. Рейдъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ о нравственныхъ силахъ человѣка, допускалъ очень большое вліяніе воспитанія на образованіе ихъ. «Я думаю, говорилъ онъ, что пріобрѣтая посредствомъ привычки болѣе легкости и даже нѣкоторую наклонность поступать такъ, а не иначе, мы вносимъ нѣкоторый существенный элементъ въ свой организмъ ***». Дѣйствительно, если въ одномъ человѣкѣ существуетъ одна наклонность, а въ другомъ другая, то не смотря на единство ихъ природы они дѣйствуютъ такъ, какъ будто бы природа ихъ была различна. И если эти наклонности пріобрѣтены посред-

---

* Thonissen, le socialisme et ses Bromesses. Bruxelles. 1849. I, 56,

** 1. Jnqaniry into the human mind on the principle of common sense. London, 1764.—2. Essays on the intellectual powers of man. Edimb 1785.—3. Essays on the active powers of man. Ed. 1788.

*** Mac. Nab. Examen impartial de nouvelles vues de R. Owen. trad. de l'ang. par Laffon Ladebat. Paris. 1821. 215.

ствомъ привычекъ, пріученія, воспитанія, то воспитаніе существеннымъ образомъ измѣнило ихъ нравственые организмы. Эта мысль, какъ увидимъ дальше, не только принята вполнѣ Оуэномъ, но даже преувеличена имъ.

Впослѣдствіи Оуэнъ познакомился съ сочиненіемъ Беллерса, имѣвшимъ на него также очень большое вліяніе *. Оуэнъ, какъ человѣкъ, вращавшійся въ области промышленности, вѣроятно самъ не меньше Беллера видѣлъ ея недостатки и печальное состояиіе рабочихъ классовъ и, безъ сомнѣнія, не меньше его желалъ улучшенія того и другаго. Но, какъ человѣкъ болѣе или менѣе практическій, онъ не разошелся вдругъ съ дѣйствительностью, не сталъ ея игнорировать, а продолжалъ свои прежнія занятія въ промышленномъ мірѣ и успѣлъ здѣсь пріобрѣсти репутацію въ высшей степени разумнаго и энергическаго человѣка. Въ это время онъ съ компаніею пріобрѣлъ Нью-Ланаркскую фабрику (около 1799 года, когда ему было 28 лѣтъ). Фабрика должна была продолжать производство, и очень естественно, что компаньоны поручили веденіе дѣла Оуэну, какъ человѣку, доказавшему свои способности, необходимыя для этого дѣла. Здѣсь-то, во время управленія Нью-Ланаркскою фабрикою имя Оуэна сдѣлалось столь извѣстно сначала въ Англіи, потомъ въ цѣлой Европѣ и на всемъ земномъ шарѣ.

Чтобы понять, что было необыкновеннаго въ дѣятельности Оуэна, нужно обратить вниманіе на прежнее состояніе Нью-

---

* Proposals for raising a college of Industry of all useful Trades and Husbandry. Lond. 1696 Это сочиненіе впослѣдствіи перепечатано Оуэномъ.—По словамъ Оуэна, Беллерсъ предлагалъ тотъ самый планъ къ улучшенію быта рабочихъ, къ осуществленію котораго стремился самъ Оуэнъ въ 1817 году, такъ что всю заслугу открытія этого плана Оуэнъ приписываетъ исключительно Беллерсу. (A further development of the Plan contained in the Report to the Committee etc. New existence of Man upon the Earth. I, XXV.)

Ланаркской фабрики. Она была основана въ 1785 году, т. е. за 14 лѣтъ до того, какъ Оуэнъ сталъ управлять ею, въ Шотландіи, въ пустынной долинѣ рѣки Кляйда. Основателемъ ея былъ знаменитый Ричардъ Аркрайтъ, изобрѣтатель прядильной машины, который и задумалъ устроить здѣсь бумагопрядильную фабрику; мѣсто это было избрано потому, что оно представляло удобства для постройки плотины; паровая машина въ то время еще не вошла въ общее употребленіе и фабрику предполагалось приводить въ движеніе водою. Аркрайтъ взялъ себѣ въ компанію нѣкотораго Давида Деля, но компанія скоро разстроилась; Аркрайтъ отказался отъ этого дѣла и Дель одинъ остался владѣльцемъ фабрики *. Дѣла его пошли очень худо; фабрика требовала большаго количества рабочихъ рукъ, столько, сколько ихъ не могли доставить ни близъ лежащій городокъ Ланаркъ, ни окрестныя деревни. Въ такомъ положеніи дѣлъ нужно было позаботиться о томъ, чтобы около фабрики образовалось свое населеніе, которое было бы въ состояніи исполнять всѣ работы. Но это было не легко, потому что окрестные жители, непривыкшіе къ фабричной дѣятельности, находили весьма тяжелымъ дѣломъ заниматься съ утра до вечера въ душной атмосферѣ фабрики. Потому Дель обратился къ другимъ средствамъ: во-первыхъ, онъ взялъ на обученье значительное число бѣдныхъ дѣтей изъ общественныхъ пріютовъ; во-вторыхъ призвалъ издалека цѣлыя семейства рабочихъ. Для дѣтей были построены обширныя казармы, въ которыя ихъ и помѣстили до 500 человѣкъ. Управленіе фабрики само заботилось объ ихъ содержаніи, одеждѣ и обученіи, и, по словамъ Оуэна, то и другое было сдѣлано весьма удовлетворительно. Для помѣщенія отдѣльныхъ семействъ построены были небольшіе домики, которые и отдавались внаймы за умѣренную плату. Повидимому, дѣло устроилось такъ, что не могло имѣть никакихъ особенныхъ неудобствъ. Между тѣмъ неудобства оказались, потому что самъ владѣлецъ фабрики не жилъ тамъ,

* The new existence of man, part V, стр. XLVII

а только пріѣзжалъ однажды въ три или четыре мѣсяца. И составъ рабочихъ оказался очень неудовлетворителенъ; собранные со всѣхъ сторонъ безъ выбора, безъ рекомендацій, рабочіе страдали такими нравственными недостатками, которые не могли благопріятствовать успѣху дѣла, въ которомъ они принимали участіе. Они были лѣнивы, расточительны; между ними господствовало пьянство, развратъ, воровство и, въ довершеніе зла, религіозная нетерпимость, вслѣдствіе которой люди, принадлежащіе къ различнымъ сектамъ, которыхъ такъ много въ Англіи, были въ постоянной враждѣ между собою. Вслѣдствіе всего этого работы шли весьма неудовлетворительно, прогулы были очень часты. На фабрикѣ употреблялись, какъ мы сказали, и дѣти, и несмотря на то, что владѣлецъ фабрики Дель былъ человѣкъ очень гуманный, судьба этихъ дѣтей была очень печальна. Многія изъ нихъ теряли здоровье, портились нравственно; да иначе это и быть не могло, потому что они поступали на фабрику 8, 7 и даже 6 лѣтъ, и уже съ этого возраста начинали работать. И работали такія дѣти отъ 6 часовъ утра до 7 вечера! — Разумѣется, и отъ работы ихъ не было много толку, безъ сомнѣнія еще меньше, чѣмъ отъ работы взрослыхъ. Такимъ образомъ дѣло Деля шло очень плохо.

Между тѣтъ, онъ уже входилъ въ преклонный возрастъ и не имѣлъ наслѣдника мужескаго пола. Потому находя «что его благородныя усилія къ доставленію благополучія подобнымъ себѣ, имѣютъ въ результатѣ то зло, которое мы описали, онъ естественнымъ образомъ былъ очень расположенъ освободиться отъ заботъ, доставляемыхъ ему фабрикою. Тогда онъ продалъ ее нѣкоторыхъ англійскимъ негоціантамъ и мануфактуристамъ. Одинъ изъ этихъ людей взялъ на себя управленіе этимъ дѣломъ въ томъ положеніи, которое описано, и поселился въ центрѣ самаго населенія». Это былъ Р. Оуэнъ. который самъ и разсказываетъ объ этомъ *.

---

* Essays on the formation of Character. Second essay. New existence of Man. II. XLIX.

Управленіе фабрикою по многимъ причинамъ соотвѣтствовало способностямъ и наклонностямъ Оуэна. Во-первыхъ, онъ былъ мануфактуристъ испытанной энергіи и искуства; еще раньше близъ Манчестера онъ управлялъ очень большимъ фабричнымъ заведеніемъ; и если можно было поправить дѣла Нью-Ланаркской фабрики, никто не могъ сдѣлать этого лучше Оуэна; во-вторыхъ онъ никогда не терялъ изъ виду своихъ реформаторскихъ идей, выработанныхъ подъ вліяніемъ Руссо и Рейда; отчасти даже и прилагалъ ихъ, потому что управляя фабрикою близъ Манчестера, онъ уже заботился, и не безъ успѣха, объ исправленіи нравственности своихъ рабочихъ. Такимъ образомъ теперь онъ могъ приняться за дѣло съ двойными усиліями, чтобы привести въ порядокъ промышленное предпріятіе и чтобы испытать правильность своихъ взглядовъ на средства, которыми можно усовершенствовать нравственное состояніе рабочихъ. Данный случай представлялъ для него наиболѣе желаемыя условія; передъ нимъ было зло, которое произошло при такомъ порядкѣ, ненормальность котораго была сильно осуждаема Оуэномъ. Если измѣненіе этого порядка на противоположный приведетъ къ добру, то теорія Оуэна будетъ подтверждена; и онъ достигнетъ своей цѣли и какъ практическій человѣкъ, мануфактуристъ, и какъ реформаторъ, филантропъ.

Соотвѣтственно столь великимъ интересамъ, Оуэнъ принялся за дѣло съ величайшею энергіею. Кромѣ тѣхъ препятствій, которыя мы указали въ самомъ порядкѣ дѣлъ и составѣ рабочаго класса, Оуэнъ нашелъ нѣкоторыя другія не меньшей важности. Рабочіе встрѣтили его съ великимъ предубѣжденіемъ, какъ англичанина и какъ иновѣрца. Они были убѣждены, что Оуэнъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы эксплуатировать ихъ трудъ въ свою пользу. Потому съ перваго же дня рабочіе «употребили всѣ возможныя средства для того, чтобы противодѣйствовать его планамъ, и впродолженіе двухъ лѣтъ предразсудки, дурное поведеніе и сопротивленіе этого народонаселенія, оказывали столь могучее дѣйствіе, что Оуэнъ не замѣтилъ никакого успѣха своихъ усилій, даже не могъ

убѣдить своихъ рабочихъ въ чистотѣ своихъ намѣреній какательно ихъ самихъ. Однако, онъ не потерялъ ни терпѣнія, ни твердости, ни увѣренности въ плодотворности тѣхъ принциповъ, на которыхъ онъ основалъ свой образъ дѣйствій. И эти принципы дѣйствительно восторжествовали *.»

Прежде всего Оуэнъ принялся за искорененіе в о р о в с т в а; оно было такъ значительно, что рѣдкій рабочій не занимался имъ: воровали съ фабрики вещи и произведенія ея (хлопчатобумажную пряжу); и цѣлая окрестная страна была рынкомъ, на которомъ сбывалось краденое, причемъ, разумѣется, употреблялись всѣ усилія для скрытія концевъ въ воду. Прежняя администрація, въ случаѣ открытія воровства, преслѣдовала виновныхъ судомъ, вслѣдствіе котораго они подвергались строгому наказанію. Но случаи открытія воровства были такъ рѣдки, что наказаніе, опредѣляемое судьями, никого не устрашало. Оуэнъ употребилъ другія средства: въ случаѣ открытія воровства, онъ не жаловался въ судъ, но онъ усилилъ надзоръ и, вообще, предупредительныя средства. Съ фабрики положительно нельзя было пронести ничего украденнаго. Кромѣ того, было внушено всѣмъ работникамъ, что прекращеніе воровства будетъ для нихъ самихъ выгодно въ томъ отношеніи, что управляющій фабрикою тотчасъ же увеличитъ ихъ плату. Въ то же время имъ внушили, что плата ихъ можетъ быть увеличена и болѣе старательною работою. Помощниками Оуэна въ этомъ дѣлѣ, въ убѣжденіи рабочихъ, было нѣсколько человѣкъ изъ самихъ же рабочихъ, которые своею нравственностью превосходили своихъ товарищей, и которыхъ Оуэнъ съ самаго начала успѣлъ привлечь къ своимъ видамъ. Такими средствами въ скоромъ времени дѣйствительно и было достигнуто то, что воровство прекратилось и рабочіе съ большимъ усердіемъ принялись за дѣло.

Уничтоженіе п ь я н с т в а представляло не менѣе трудностей, какъ потому, что порокъ этотъ впродолженіе извѣстнаго времени болѣе или менѣе продолжительнаго, производитъ нако-

* Тамъ же.

нецъ въ организмѣ нѣкоторыя измѣненія, которыя дѣлаютъ пьянство уже не воображаемою, а дѣйствительною, хотя болѣзненною потребностью человѣка, такъ и потому, что пьяница не нарушаетъ ни чьихъ правъ такъ, чтобы можно къ нему обращаться съ настоятельными представленіями, какъ къ вору. Притомъ Оуэнъ не хотѣлъ употреблять никакого принужденія; ему было бы легко уничтожить всѣ кабаки въ Нью-Ланаркѣ; но это значило бы дѣйствовать насиліемъ, а такое дѣйствіе не имѣло бы прочныхъ результатовъ; потому онъ прибѣгнулъ къ другой мѣрѣ. Онъ отткрылъ для своихъ рабочихъ магазинъ, въ которомъ они могли имѣть всѣ предметы своего потребленія 20-ю процентами дешевле, чѣмъ гдѣнибудь. Это заставило рабочихъ дѣйствительно всегда обращаться въ его магазинъ. Между прочимъ онъ открылъ и продажу водки, гдѣ продавалъ ее также 20% дешевле, чѣмъ она продавалась въ другихъ мѣстахъ. Это заставило закрыться всѣ другіе кабаки; такимъ образомъ, если сначала не исчезло пьянство, то исчезла всякая провокація къ пьянству, закладываніе вещей, а чрезъ это самое пьянство болѣе или менѣе уменьшилось.

Въ то же время для полнаго искорененія его было употреблено убѣжденіе; рабочіе, вошедшіе въ его виды и дѣйствовавшіе по его указаніямъ, пользовались всякимъ случаемъ для того, чтобы показать несчастные результаты пьянства; между тѣмъ общее благосостояніе рабочихъ мало по малу поднималось; это располагало ихъ къ бережливости. Прежде пили, чтобъ залить горе, чтобы забыть на время свою печальную долю. Теперь доля улучшилась; забывать ее не было надобности, а явилась возможность еще болѣе улучшать ее, чѣмъ рабочіе и старались воспользоваться. Такимъ образомъ нравственное состояніе Нью-Ланаркскаго населенія мало по малу было улучшаемо; пороки рабочихъ одинъ за другимъ исчезали, уступая усиліямъ Оуэна.

«Ложь и обманъ имѣли ту же участь; они подверглись всеобщему презрѣнію; ихъ печальныя практическія послѣдствія были скоро поняты; правдивость и искренность получали всякое поощреніе».

«Раздоры и споры были уничтожены тѣми же средствами. Когда ближайшіе подчиненные Оуэна не могли помирить враждующихъ, то дѣло переносилось на разсмотрѣніе его самого. Онъ въ короткихъ словахъ указывалъ всякому его вину или ошибку, и старался помирить враждующихъ, внушая каждому прощеніе, забвеніе и дружбу, старался имъ доказать между прочимъ, что взаимное благорасположеніе принесетъ имъ спокойствіе и счастіе, и ихъ мѣстопребываніе превратится для нихъ въ истинный земной рай, тогда какъ теперь оно по справедливости можетъ быть названо адомъ». Этотъ аргументъ въ особенности сильно дѣйствовалъ, тѣмъ болѣе, что онъ исходилъ отъ лица, котораго правдивость и расположеніе къ себѣ уже успѣли замѣтить рабочіе.

Обитатели Нью-Ланарка принадлежали къ самымъ разнообразнымъ сектамъ, и одна изъ этихъ сектъ, вѣроятно та, къ которой принадлежалъ прежній владѣлецъ Дель, пользовалась предпочтеніемъ. Это произвело большую зависть въ другихъ сектахъ; явились диспуты, ссоры изъ-за вопросовъ религіозныхъ. «Этому дѣлу помогли тѣмъ, что уничтожили всѣ преимущества одной секты передъ другими, оказывая равное уваженіе всѣмъ рабочимъ, которые вели себя хорошо, къ какой бы сектѣ они ни принадлежали. Кромѣ того, имъ внушали, что всякая религія по сущности своей требуетъ любви къ ближнему» и т. п. Эти мѣры уничтожили всякую вражду между сектами, всякую нетерпимость; свобода совѣсти была полная: между сектами водворились миръ и согласіе. Рабочіе трудились вмѣстѣ, не обращая никакого вниманія на религіозныя различія.

«Тѣ же средства были употреблены для искорененія неправильныхъ связей между полами. Такія связи подвергались осужденію и посрамленію; обѣ виновныя стороны были подвергаемы штрафамъ и эти штрафы были присоединяемы къ капиталамъ общества» *. Если вслѣдствіе какихъ-нибудь причинъ рабочіе удалялись изъ Ланарка, то у нихъ не отнима-

* Капиталы эти были образованы съ тою цѣлью, чтобы изъ нихъ давать пособіе больнымъ или престарѣлымъ рабочимъ.

лась возможность возвратиться назадъ; дверь Нью-Ланарка была для нихъ всегда отворена, и здѣсь ожидали ихъ дружба и благорасположеніе товарищей. «Такими-то средствами, говоритъ Оуэнъ, безпорядки были уничтожены съ успѣхомъ, который превзошелъ всѣ ожиданія».

Система брать учениковъ изъ общественныхъ пріютовъ была оставлена. Напротивъ старались привлекать рабочихъ семейныхъ, имѣвшихъ дѣтей. Но дѣтей не употребляли на работы раньше 10 лѣтъ; родителямъ Оуэнъ старался внушить, что до десяти лѣтъ нужно позаботиться о нравственномъ воспитаніи ребенка и укрѣпить его физическія силы *.

Въ то же время Оуэнъ заботился и объ улучшеніи матеріальнаго быта рабочихъ, независимо отъ ихъ денежнаго заработка. Дома были сдѣланы болѣе удобными; самыя улицы стали содержаться лучше, въ большей чистотѣ и порядкѣ. Однимъ изъ могучихъ средствъ для улучшенія быта рабочихъ были о б щ е с т в е н н ы е м а г а з и н ы, гдѣ, какъ мы сказали, рабочіе могли пріобрѣсти 20-ю процентами дешевле все, что было необходимо для ихъ содержанія, какъ-то: провизію, одежду, обувь, даже дрова; по словамъ Оуэна, администрація всего больше заботилась о томъ, чтобы не получить какой-нибудь выгоды отъ доставки этихъ предметовъ необходимости для рабочихъ.

Въ то же время по совѣту и съ содѣйствіемъ Оуэна въ Нью-Ланаркѣ устроились общія кухни и столовыя, гдѣ холостые рабочіе имѣли столъ, который вслѣдствіе этого обходился имъ еще дешевле. Все это наконецъ вполнѣ убѣдило рабочихъ въ томъ, что Оуэнъ пріѣхалъ въ Нью Ланаркъ не затѣмъ, чтобы эксплуатировать ихъ и съ тѣхъ поръ довѣренность и расположеніе ихъ къ Оуэну не имѣли границъ. Въ 1806 году онъ доказалъ свое благорасположеніе къ нимъ самымъ чувствительнымъ для нихъ способомъ. Въ этомъ году Соединенные Штаты наложили амбарго на хлопчатую бумагу;

* Для взрослыхъ рабочихъ Оуэнъ сократилъ рабочій день до $10^1/_2$ часовъ въ то время, какъ на другихъ фабрикахъ рабочіе работали даже 14 часовъ.

привозъ ея въ Англію почти прекратился и владѣльцы бумагопрядильныхъ фабрикъ должны были распустить рабочихъ; слѣдствіемъ чего было то, что они потеряли всякія средства къ жизни. Только нью-ланаркскіе рабочіе избѣгли этой бѣды. Несмотря на прекращеніе работы, Оуэнъ продолжалъ платить рабочимъ сполна, какъ будто бы они продолжали работу, и такимъ образомъ въ продолженіи 4 мѣсяцевъ, пока продолжалось остановка работы, выплатилъ имъ 7,000 ф. ст. Послѣ этого дѣло реформы пошло быстрѣе; рабочіе охотно принимали всякое нововведеніе, которое предлагалъ Оуэнъ *.

Но преимущественнымъ вниманіемъ со стороны Оуэна пользовалось воспитаніе дѣтей. Основною мыслью всей системы Оуэна было то положеніе, что человѣкъ оказывается въ жизни хорошъ или плохъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ счастливъ или несчастливъ, исключительно благодаря внѣшнимъ обстоятельствамъ, имѣющимъ неотразимое вліяніе на образованіе его характера. Очень понятно, что при такомъ взглядѣ воспитаніе дѣтей получаетъ особенное значеніе. Самъ Оуэнъ говорилъ, что еслибъ онъ имѣлъ возможность воспитать всѣхъ дѣтей на земномъ шарѣ, то, уничтоживъ въ нихъ всѣ предразсудки и неправильныя сочувствія, онъ измѣнилъ бы весь бытъ человѣческихъ обществъ, введя въ жизнь людей всеобщее братство и единство интересовъ. Воспитаніе человѣка онъ называлъ «вторымъ рожденіемъ».

Соотвѣтственно этому взгляду, онъ съ самаго начала своей дѣятельности заботился уже не объ однихъ взрослыхъ, но и о дѣтяхъ. Но только къ 1816 году онъ успѣлъ устроить вполнѣ сообразное съ своими понятіями учебное заведеніе, названное имъ «Институтомъ для образованія характера», которое обошлось ему въ 10,000 ф. ст. и котораго ежегодное содержаніе обходилось въ 1,200 фунтовъ, кромѣ платы съ воспитанниковъ, впрочемъ чрезвычайно незначительной (3 шил. въ годъ). Институтъ раздѣлялся на 4 школы для 4 различныхъ возрастовъ дѣтей.

* Booth. 19.

Въ своей педагогической дѣятельности Оуэнъ строго различалъ собственно воспитаніе и обученіе. Прежде всего замѣтимъ, что и то, и другое въ Нью-Ланаркѣ было запечатлѣно характеромъ любви къ дѣтямъ. Оуэнъ, согласно своей основной мысли былъ убѣжденъ, что добрые инстинкты, симпатическія чувства могутъ быть вызваны, развиты и укрѣплены въ дѣтяхъ исключительно гуманнымъ обхожденіемъ съ ними. Съ другой стороны, онъ былъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы гуманное обхожденіе видѣть въ поблажкамъ дѣтскимъ капризамъ и дурнымъ привычкамъ. Напротивъ, ни на что столько не обращалось вниманія, какъ на искорененіе привычекъ дурныхъ, и на образованіе добрыхъ.

При обученіи Оуэнъ заботился всего болѣе о двухъ вещахъ: о томъ, чтобы системы обученія употреблялись такія, которыя всего легче и съ наилучшимъ сознаніемъ позволили бы дѣтямъ усвоивать предметы преподаванія, и чтобы предметы преподаванія, при необходимой краткости обученія, принадлежали къ числу наиболѣе необходимыхъ въ жизни и полезныхъ для образованія ума.

Въ самыхъ подробностяхъ нью-ланаркскаго воспитанія и обученія было много весьма любопытнаго. Общественное воспитаніе и даже обученіе ребенка начиналось съ 2 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ ребенокъ начиналъ говорить. Дѣти отъ двухъ до четырехъ лѣтъ уже посѣщаютъ школу и въ этотъ періодъ времени узнаютъ азбуку и умѣютъ читать по складамъ; съ ними занимается учитель и три женщины, которыя заботятся собственно объ ихъ воспитаніи «въ путяхъ добродѣтели» *. Дѣти отъ четырехъ лѣтъ до шести учатся уже болѣе серьезно; они составляютъ второй классъ школы; третій состоитъ изъ дѣтей отъ шести до восьми лѣтъ, четвертый отъ восьми до десяти. Дѣвочки, какъ и мальчики, учатся въ школѣ и притомъ въ той же самой. Всѣ они впродолженіе этихъ восьми

* Эти данныя мы заимствуемъ изъ записки главнаго учителя Нью-Ланаркской школы, представленной имъ Макнабу въ 1819 году, Mac. Nab. Ex. imp. 210.

лѣтъ обучаются чтенію, письму, граматикѣ, преимущественно орѳографіи, ариѳметикѣ, элементарной геометріи, танцамъ, музыкѣ инструментальной и вокальной и закону Божію. Замѣчательно, что дѣти, кромѣ того, учатся военнымъ экзерциціямъ, становятся въ линію, перемѣняютъ дирекцію направо, налѣво, стройно маршируютъ подъ звуки флейты и т. п. Еженедѣльно ученики даютъ концертъ, на который собираются жители Нью-Ланарка и окрестностей. Капелла открыта каждое воскресенье для религіознаго обученія дѣтей. «Церковная музыка, чтеніе и изъясненіе Св. Писанія, молитва составляютъ тѣ важныя обязанности, которыя тамъ исполняются правильно».

Чтобы имѣть понятіе объ успѣхахъ воспитанія дѣтей и обученія ихъ въ Нью-Ланаркѣ, посмотримъ, какое впечатлѣніе было производимо и тѣмъ и другимъ на современниковъ Оуэна, посѣтителей Нью-Ланарка. Въ 1819 году лидсскія приходскія власти отправили особую коммиссію для изученія на мѣстѣ порядковъ, существующихъ въ Нью-Ланаркѣ; и вотъ какъ описывалъ одинъ изъ членовъ коммиссіи свои наблюденія.

«Школа для дѣтей отъ двухъ до четырехъ лѣтъ прежде всего привлекла наше вниманіе; для филантропа не можетъ быть интереснѣе зрѣлища. Блестящее состояніе здоровья дѣтей, ихъ невинныя удовольствія и совершенная непринужденность и искренность обнаруживались во всемъ. Это восхитительное зрѣлище невинности и счастія доставило мнѣ великую радость, вознаградившую меня за труды путешествія. Эта школа чистотою, цѣлесообразностью и даже изяществомъ, превосходитъ всѣ другія школы въ государствѣ. Когда мы вошли, занятія только что начались пѣніемъ псалма; потомъ учитель прочиталъ молитву и одну главу изъ священнаго писанія. Потомъ мальчики и дѣвочки, помѣщенные съ двухъ сторонъ залы, стали читать новый завѣтъ; сначала прочиталъ одинъ мальчикъ три стиха, потомъ дѣвочка три стиха; потомъ опять мальчикъ три стиха и дѣвочка три стиха и т. д. Въ другомъ концѣ залы одна особа учила дѣтей катихизису. Нравы Нью-Ланаркскихъ жителей улучшаются съ тѣхъ поръ, какъ г. Оуэнъ устроилъ безплатную (?) школу для ихъ дѣтей. Спустя

немного времени мы взошли на небольшую площадку, предназначенную для дѣтскихъ рекреацій. Пусть благословитъ Богъ эти милыя созданія! мнѣ кажется, что я еще вижу ихъ; одни бѣгаютъ за обручами, другія играютъ палочками, всѣ заняты какими-нибудь играми приличными возрасту. Спокойная невинность характеризуетъ это интересное собраніе. Когда дѣти увидѣли насъ, то со всѣхъ сторонъ стали намъ кланяться и привѣтствовать насъ. Здѣсь намъ показалось, что мы видимъ г. Оуэна въ средѣ воображаемыхъ существъ усовершенствованнаго общества. Съ площадки мы взошли въ большой залъ, предназначенный для игоръ дѣтей, когда погода не позволяетъ выходить наружу. Здѣсь они имѣютъ полную свободу дѣлать шумъ и забавляться. Съ каждой стороны этого зала находятся классы для дѣтей отъ двухъ до шести лѣтъ. Нѣкоторыя изъ дѣтей, съ четырехлѣтняго возраста, сдѣлавши извѣстные успѣхи въ ученьи, переводятся въ высшій классъ. Посѣтивши эти классы, мы взошли въ большой залъ, назначенный для танцевъ и военныхъ эволюцій. Шесть мальчиковъ, въ черномъ шотландскомъ костюмѣ, вошли сюда раньше другихъ, и играли на флейтахъ до тѣхъ поръ, пока вошли всѣ другія дѣти, мальчики и дѣвочки, которыя также маршируютъ вмѣстѣ съ мальчиками. Шествіе замыкалось шестью другими флейтами. По мѣрѣ того какъ дѣти входили, они становились въ каре. Послѣ команды направо, налѣво, они пошли церемоніальнымъ маршемъ кругомъ зала, идя то обыкновеннымъ, то скорымъ шагомъ *. Послѣ марша, нѣкоторые мальчики и дѣвочки, танцуя побѣжали въ средину каре, обра-

* Это дѣлалось, какъ для доставленія дѣтямъ больше случаевъ для движенія, такъ и съ нѣкоторою особенною цѣлью. Оуэнъ въ Нью-Ланаркѣ хотѣлъ дать образецъ для народнаго воспитанія въ цѣлой Англіи. И если бы его система была принята, то введеніе военныхъ экзерцицій въ школахъ имѣла бы тотъ результатъ, что все народонаселеніе Англіи съ дѣтства имѣло бы понятіе о военномъ дѣлѣ, а это позволило бы правительству сократить армію, содержать ее въ видѣ кадровъ, которые въ случаѣ подобности наполнились бы до какого угодно числа, благодаря тому, что каждый англичанинъ имѣлъ бы понятіе о военной службѣ.— Мысль эта походитъ на ту, которая легла въ основаніи прусской военной реформы, произведенной Шарнгорстомъ послѣ Тильзитскаго мира

зорали тамъ двѣ линіи, и подъ аккомпанименть кларнета запѣли: When first this humble roof i knew (когда я узналъ въ первый эту скромную кровлю) и другія шотландскія пѣсни. Было около 50 пѣвцовъ. Послѣ того они снова построились въ каре, и по командѣ средину его заняли танцоры, какъ прежде пѣвцы. Два или три контръ-данса были исполнены такъ, что они не сдѣлали бы безчестья многимъ нашимъ собраніямъ. Эти прелестныя созданія всѣ имѣли голыя ноги (т. е. голени, по-шотландски); но ихъ шаги были исполнены граціи. Не разъ я не могъ удержать слезъ, глядя на эту невинную сцену, которая такъ пріятно и такъ живо трогала мое сердце.

«Потомъ мы вошли въ большой классъ, который находится въ томъ же этажѣ: онъ можетъ содержать четыреста учениковъ для чтенія и письма. На концѣ его находится каѳедра. Кругомъ класса идетъ галлерея, которая можетъ содержать до двухсотъ человѣкъ. Здѣсь были дѣти отъ четырехъ до двѣнадцати (?) лѣтъ; и всѣ были внимательно заняты чтеніемъ, письмомъ, счетомъ, шитьемъ. Порядокъ и благопристойность безукоризненные царствовали вездѣ. Мы слышали, какъ четырехлѣтнія дѣти читали прекрасно новый завѣтъ; другія, пяти лѣтъ, читали такъ же прекрасно историческіе отрывки, извлеченные изъ разныхъ авторовъ. Пишущіе и считающіе дѣлаютъ свое дѣло прекрасно. Дамы, сопровождавшія насъ, нашли шитье, мѣтки и другія работы иголкою безукоризненно хорошими».

Если окажется, что мальчики и дѣвочки имѣютъ особую охоту или способность къ ученію или какимъ-нибудь другимъ занятіямъ, то Нью-Ланаркская школа старается, чтобы и то и другое не пропало даромъ; такъ нѣкоторыхъ учатъ больше, чѣмъ другихъ, танцамъ, нѣкоторыхъ пѣнію, нѣкоторыхъ какимъ-нибудь наукамъ. Бывали примѣры, что Нью-Ланаркскія дѣти, продолжая свои занятія, наконецъ поступали въ университетъ и оканчивали тамъ курсъ *.

* Вслѣдствіе такихъ счастливыхъ результатовъ одна благородная

Всѣ остальныя наблюденія коммиссіи представили столь же счастливые результаты. Во-первыхъ они захотѣли своими глазами видѣть, какъ смотритъ окрестное народонаселеніе на Оуэна. И единогласное свидѣтельство какъ жителей Нью-Ланарка, такъ и окрестныхъ деревень удостовѣрило ихъ, что вся эта страна смотритъ на Оуэна, какъ на истиннаго благодѣтеля. Да и нельзя представить себѣ ничего другаго. Въ самомъ началѣ своего посѣщенія члены коммиссіи имѣли случай говорить съ однимъ жителемъ Нью-Ланарка, который уже 20 лѣтъ работалъ у Оуэна.

«Вступая въ Нью-Ланаркъ, разсказывалъ этотъ человѣкъ, онъ имѣлъ только 10 шиллинговъ съ половиною въ недѣлю; теперь онъ имѣетъ жену и 11 человѣкъ дѣтей; изъ нихъ пятеро заняты на фабрикѣ, гдѣ двое старшіе работаютъ за 32 шиллинга въ мѣсяцъ, два другіе за 24 шиллинга, и самый младшій за 8 шиллинговъ въ мѣсяцъ. Остальные шестеро дѣтей имѣютъ меньше 10-ти лѣтъ. И съ такимъ семействомъ онъ живетъ очень хорошо и ни сколько не безпокоится касательно увеличенія семейства; его дѣти получаютъ хорошее воспитаніе; ихъ учатъ полезнымъ занятіямъ, обязанностямъ религіознымъ и добрымъ привычкамъ. Его домъ удобенъ и хорошо меблированъ. Въ продолженіи четырехмѣсячной болѣзни, которой подвергся его сынъ, ему безденежно подавали всякую медицинскую помощь. Издержки обученія для каждаго изъ его дѣтей ему обходятся только въ 7 к. въ мѣсяцъ, разумѣя здѣсь книги, карандаши, аспидныя доски и пр.» *.

Нечего и говорить, что лидская коммисія со вниманіемъ и со знаніемъ дѣла изслѣдовала и собственно экономическую, мануфактурную сторону дѣла, осмотрѣла самую бумагопрядильню, всѣ вспомогательныя мастерскія, и эту сторону нашла въ состояніи вполнѣ удовлетворительномъ. Впрочемъ эта сторона дѣла говоритъ сама за себя; Нью-Ланаркская фабрика

дама, какъ разсказываетъ Оуэнъ, выразила ему желаніе отдать въ Нью-Ланаркскую школу своихъ дѣтей съ платою денегъ за ихъ воспитаніе.

* Mac. Nab. 85.

до Оуэна давала доходы неудовлетворительные; подъ руководствомъ Оуэна она стала давать доходы очень большіе *, такъ что впослѣдствіи самъ Оуэнъ имѣлъ очень значительное состояніе; улучшивъ матеріальный и нравственный бытъ рабочихъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилъ и свое собственное состояніе. И тутъ былъ, кромѣ обыкновеннаго разсчета, нѣкоторый особенный: впослѣдствіи значительную долю этого самаго состоянія Оуэнъ растратилъ на осуществленіе своихъ дальнѣйшихъ плановъ; но теперь онъ хотѣлъ показать, что улучшеніе быта рабочихъ посредствомъ нравственнаго перевоспитанія ихъ, совершаемаго въ духѣ благорасположенія къ нимъ, оказываетъ выгодные результаты, именно съ экономической стороны.

Первый опытъ распространенія своихъ идей Оуэнъ сдѣлалъ въ 1812 году, на одномъ торжественномъ обѣдѣ въ Глазговѣ, данномъ въ честь І. Ланкастера, изобрѣтателя методы обученія, извѣстной подъ его именемъ. Здѣсь Оуэнъ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на значеніе воспитанія и на необходимость его для дѣтей рабочаго сословія, которыя до сихъ поръ не имѣли никакого разумнаго воспитанія.

Вслѣдъ затѣмъ онъ издалъ въ 1812 и 1813 году свой главный трудъ «Новые виды общества или Опыты объ образованіи человѣческаго характера», въ четырехъ выпускахъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Здѣсь онъ

---

* Она приносила 12½% на 200,000 ф. с. капитала; капиталъ былъ раздѣленъ на 13 паевъ, изъ которыхъ 7 принадлежали Оуэну. См. New existence of man. V. XIII. — Замѣчательно увеличеніе цѣнности Нью-Ланаркской фабрики во время управленія Оуэна. У Дейля фабрика была куплена за 60,000 ф. ст. съ уплатою въ 20 лѣтъ. Это значитъ, что дѣйствительная ея цѣна во время продажи была значительно ниже.— Въ 1809 году она была оцѣнена уже въ 84,000 ф. ст; въ 1812 въ 140,000, и наконецъ въ 200,000 ф. стер. Эта заслуга увеличенія цѣнности заведенія безспорно принадлежитъ Оуэну.

въ первый разъ самъ описалъ свой практическій опытъ улучшенія моральнаго и экономическаго быта рабочихъ въ Нью-Ланаркѣ, и присоединилъ къ этому тѣ теоретическія основанія, на которыхъ построена была его дѣятельность въ Нью-Ланаркѣ *.

«Съ самыхъ отдаленныхъ временъ, писалъ Оуэнъ, всѣ люди дѣйствовали на основаніи положенія, что всякій человѣкъ самъ образуетъ свой собственный характеръ и что поэтому чувства человѣческія и привычки отвѣтственны для людей и заслуживаютъ однимъ награду, другимъ наказаніе.

«Всѣ системы, существовавшія между людьми, основаны были на этомъ ложномъ принципѣ. Но когда этотъ принципъ подвергается безпристрастному испытанію, то онъ оказывается не только неосновательнымъ, но и совершенно противорѣчащимъ всякому опыту и увѣренію нашихъ чувствъ. И это не такая малая ошибка, которая имѣетъ неважныя послѣдствія; напротивъ, это—коренная ошибка, имѣющая чрезвычайно важное значеніе; она имѣетъ вліяніе на все, что относится къ человѣку съ самаго времени его дѣтства, и въ ней, быть можетъ, нужно искать истинную и единственную причину всякаго зла: она порождаетъ и продолжаетъ невѣжество, ненависть и мщеніе тамъ, гдѣ безъ нея царствовали бы разумность, доброжелательство и взаимная довѣренность. Таковъ

* Впрочемъ Оуэнъ, какъ человѣкъ преимущественно дѣла, а не слова, не много заботился о литературной пропагандѣ своихъ идей. Самое изданіе Опытовъ объ образованіи характера сдѣлано было по слѣдующему случаю. Оуэнъ владѣльцемъ нью-ланаркской фабрики былъ не одинъ, а всегда имѣлъ кампаньоновъ, и его компаньоны, не раздѣляя его реформаторскихъ стремленій, не охотно позволяли ему дѣлать издержки съ этою цѣлью. Потому Оуэнъ посредствомъ очень искусныхъ комбинацій еще до 1812 года перемѣнилъ ихъ. Но новые компаньоны оказались не болѣе либеральными въ своихъ взглядахъ, чѣмъ прежніе. Потому въ 1812 году онъ нарочно отправился въ Лондонъ, чтобы найти компаньоновъ, которые согласились бы позволить ему съ цѣлями промышленными соединить цѣли филантропическія. Съ этою цѣлью онъ и напечаталъ Опыты объ образованіи характера, которые однако не пустилъ въ продажу, а распространялъ лично въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ надѣялся пріобрѣсти поддержку своимъ видамъ. И онъ достигъ цѣли. На этотъ разъ онъ пріобрѣлъ компаньоновъ либеральныхъ и гуманныхъ, между прочимъ Бентема и извѣстнаго филантропа квакера Вил. Аллена.

былъ до сихъ поръ злой геній міра. Онъ, этотъ злой геній, удаляетъ человѣка отъ человѣка во всѣхъ странахъ міра и дѣлаетъ врагами тѣхъ, которые безъ него пользовались бы добрымъ расположеніемъ, искреннею дружбою другихъ; наконецъ, эта ошибка ведетъ за собою бѣдность и всѣ ея послѣдствія.

«Эта ошибка не можетъ больше существовать, потому что всякій день приноситъ намъ новыя доказательства того, что характеръ человѣка всегда и безъ всякаго исключенія образуется не имъ самимъ, а для него,—что онъ есть главнымъ образомъ созданіе его предшественниковъ, которые ему даютъ или могутъ давать свои понятія, свои привычки; а понятія и привычки суть тѣ агенты, которые направляютъ его дѣйствія. Изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ никогда не образовывалъ и никогда не можетъ образовать свой собственный характеръ» *.

Главная мысль во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ та, что «характеръ человѣка образуется не имъ самимъ, а для него». Оуэнъ сдѣлалъ изъ нея свой любимый афоризмъ, повторяемый имъ очень часто: «the character of man is always formed for him» или: «the character is universally formed for, et not by the individual». Онъ составляетъ исходный пунктъ всей системы Оуэна.

Оуэнъ былъ человѣкъ практическій и послѣдовательный. Говорить изъ любви къ этому искуству онъ не умѣлъ. И если слова и разсужденія приводили его къ какимъ-нибудь послѣдствіямъ, то онъ передъ ними ни въ какомъ случаѣ не отступалъ. Дойдя до положенія, что воспитаніе и послѣдующія обстоятельства жизни имѣютъ роковое значеніе для благосостоянія отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ человѣческихъ обществъ, Оуэнъ сталъ доказывать неотложную необходимость коренной реформы въ воспитаніи всего народа вообще и даже отчасти въ самой общественной организаціи.

«Нашъ опытъ, говоритъ Оуэнъ, доказываетъ, что наша си-

---

* Essays etc. Third essay. New existence of man. II, LXIV.

стема уже вышла изъ области гипотезы или теоріи. Можно смѣло утверждать, что наши принципы имѣютъ всеобщность и приложимы во всѣ времена, ко всякимъ обстоятельствамъ. Эти принципы, будучи приложены къ Нью-Ланаркской общинѣ при обстоятельствахъ весьма неблагопріятныхъ, но съ постоянствомъ, непоколебавшимся впродолженіе 16 лѣтъ, произвели совершенную перемѣну въ общемъ характерѣ населенія, состоящаго болѣе чѣмъ изъ 2,000 жителей, которыхъ число постоянно увеличивается новыми прибывающими; но такъ какъ наше новое время не производитъ новыхъ чудесъ, то я не утверждаю, чтобы непремѣнно всякая личность сдѣлалась нравственнѣе и благоразумнѣе, и чтобы всѣ освободились отъ заблужденій; однако можно утверждать положительно, что они составляютъ теперь общество, значительно улучшенное, что ихъ самыя дурныя привычки уничтожены, и что меньшіе недостатки не замедлятъ исчезнуть, благодаря постоянному примѣненію тѣхъ же самыхъ принциповъ; что во все это время почти не было надобности прибѣгать къ законнымъ наказаніямъ или требовать помощи приходскихъ фондовъ (т. е. фо́ндовъ, доставляемыхъ таксою для бѣдныхъ), для кого-нибудь изъ этихъ людей. Здѣсь нѣтъ больше пьяницъ; дѣти обучены и воспитаны, и характеры ихъ образовались безъ всякаго наказанія. Вся община въ настоящее время имѣетъ общій характеръ трудолюбія, воздержности, довольства, здоровья и счастія» *.

Опыты объ образованіи характера произвели весьма сильное впечатлѣніе; послѣ изданія ихъ, имя Оуэна было пронесено по всей Европѣ, какъ имя благодѣтельнаго изобрѣтателя, нашедшаго возможность, безъ всякихъ особенныхъ пожертвованій, напротивъ улучшая свои собственныя экономическія дѣла, въ то же время улучшить и нравственность и благосостояніе рабочаго класса. Нью-Ланаркъ сдѣлался пунктомъ, привлекавшимъ къ себѣ любознательныхъ путешественниковъ, въ числѣ которыхъ были даже коронованныя лица, напр. Импе-

* Second essay. Тамъ же, LIV.

раторъ Александръ I Самъ Оуэнъ сталъ предметомъ всеобщаго вниманія въ Англіи и даже на материкѣ, куда онъ въ скоромъ времени отправился. Знаменитые ученые, какъ Кювье, и государственные люди интересовались его обществомъ; въ Парижѣ онъ былъ представленъ герцогу Орлеанскому (впослѣдствіи король Люд. Филиппъ); Песталоцци принималъ его у себя, какъ почетнаго посѣтителя. До него дошло извѣстіе, что даже Наполеонъ, во время своего пребыванія на островѣ Эльбѣ, весьма заинтересовался его системою и сожалѣлъ, что не зналъ ея въ то время, когда былъ императоромъ. Все это безъ сомнѣнія прибавило увѣренности и самому Оуэну, такъ что онъ сталъ подавать государственнымъ людямъ записки, въ которыхъ излагалъ свои понятія не только о воспитаніи и улучшеніи быта рабочихъ, но касательно управленія вообще, и за подобныя записки онъ получалъ награды, которыя вообще рѣдко даются; такъ король Прусскій прислалъ ему автографное письмо, въ которомъ благодарилъ Оуэна и обѣщалъ принять во вниманіе его указанія. Въ то же время Оуэнъ продолжалъ заниматься дальнѣйшею разработкою своей мысли объ улучшеніи быта бѣдныхъ классовъ, которыхъ состояніе съ самаго начала этого столѣтія въ Англіи постоянно ухудшалось, а послѣ 1815 года дошло до послѣдней крайности, и стало предметомъ заботливости, какъ государственныхъ, такъ и частныхъ людей.

Низверженіе Наполеона въ 1815 году, прекратившее существованіе континентальной системы, вообще было благодѣтельно для Англіи въ экономическомъ отношеніи, увеличило сбытъ ея произведеній и расширило поле дѣятельности ея коммерческаго флота. Но въ первое время эти благодѣтельные результаты не были чувствительны; напротивъ, быстрое измѣненіе важнѣйшихъ экономическихъ условій произвело новое замѣшательство въ производствѣ, и нищенство увеличилось. Въ то время образовалась коммиссія изъ извѣстнѣйшихъ духовныхъ лицъ, государственныхъ людей, экономистовъ, филантроповъ и пр., имѣвшая цѣлью изслѣдовать обстоятельства, имѣвшія неблагопріятное вліяніе на заработки бѣднаго класса послѣ заключе-

нія мира. Оуэнъ съ удивленіемъ узналъ, что его имя было внесено въ коммиссію. Между тѣмъ къ этому времени (1817 г.) онъ успѣлъ уже выработать свой (или усвоить себѣ Беллерсовъ) планъ промышленныхъ учрежденій, въ которыхъ старался воплотить свои принципы касательно лучшей организаціи промышленности и общественной жизни. Это тѣ учрежденія, которыя онъ назвалъ «Земледѣльческими и мануфактурными деревнями единства и взаимной кооперацiи», и которыя впослѣдствіи, впрочемъ, нѣсколько измѣнивъ самый характеръ, получили названіе «кооперативныхъ общинъ». Увидавъ себя членомъ коммиссіи, Оуэнъ представилъ ей свой планъ *. Коммисія разсмотрѣла его, но нашла себя некомпетентною въ оцѣнкѣ практичности предложеннаго плана и передала его въ другую коммиссію, оффиціальную, составленную въ то время при англійскомъ парламентѣ съ тою же цѣлью— облегченія участи рабочаго класса. Оуэнъ явился въ эту коммиссію, представилъ чертежи проектированныхъ учрежденій и лично объяснялъ и доказывалъ членамъ коммиссіи практичность и цѣлесообразность своего плана.—Оуэнъ предлагалъ въ немъ образованіе небольшихъ общинъ, имѣющихъ двойной характеръ— земледѣльческій и мануфактурный. Подобно всѣмъ другимъ соціальнымъ реформаторамъ онъ придаетъ большое значеніе самымъ подробностямъ устройства своихъ общинъ, и потому въ своей запискѣ съ большимъ вниманіемъ описываетъ ихъ. Народонаселеніе каждой общины, по его мнѣнію, должно простираться до 1.200 человѣкъ ** и должно воздѣлывать отъ 1.000 до 1.200 акровъ земли (отъ 350 до 400 десятинъ). Въ центрѣ всей территоріи должно помѣщаться мѣстопребываніе общины. Собственно усадьба состоитъ изъ квадратной площади, на которой находятся общественныя постройки, расположенныя такъ, что «онѣ раздѣляютъ площадь на пара-

* Report presented to the committee of the Association for the Relief of the Manufacturing and Labouring Poor. New exist. of m. I. V.

** Впрочемъ, Оуэнъ не строго держится этой цифры, впослѣдствіи онъ допускалъ для кооперативныхъ общинъ и бо́льшее и меньшее число народонаселенія.

лелограммы. Центральное строеніе содержитъ общественную кухню, столовыя и все, что необходимо для приготовленія съѣстныхъ припасовъ и вообще пищи вкусной и экономической. Направо отъ этого строенія находится другое, котораго нижній этажъ назначенъ для школы, а второй этажъ долженъ быть занятъ читальною залою и моленною (a place of worship). Строеніе, находящееся налѣво, содержитъ въ себѣ школу для дѣтей старшаго возраста и комнату для комитета въ нижнемъ этажѣ; во второмъ этажѣ находятся зала и библіотека для взрослыхъ. Въ пустомъ пространствѣ на площади находятся мѣста для гимнастики и рекреацій; эти мѣста должны быть обсажены деревьями. Три стороны площади должны быть заняты помѣщеніями главнымъ образомъ для рабочихъ женатыхъ; каждое помѣщеніе состоитъ изъ четырехъ комнатъ, а каждая комната должна быть настолько велика, чтобы могла помѣщать семейство, состоящее изъ мужа, жены и двоихъ дѣтей. Четвертая сторона должна заключать въ себѣ спальню для дѣтей тѣхъ семействъ, въ которыхъ ихъ имѣется болѣе двухъ, ровно какъ для всѣхъ дѣтей, имѣющихъ болѣе трехъ лѣтъ. Въ центрѣ этой части площади находится помѣщеніе для лицъ, имѣющихъ смотрѣть за спальнями; на одномъ изъ концевъ находится больница, а на другомъ—противоположномъ, строеніе, предназначенное къ пріему постороннихъ людей, которые будутъ пріѣзжать издалека, чтобы видѣть своихъ друзей или родственниковъ. Въ центрахъ двухъ другихъ сторонъ площади находятся помѣщенія для директора заведенія, священника, учителей и доктора, а въ третьей сторонѣ находятся магазины, снабженные всѣмъ необходимымъ для потребленія жителей. По другую сторону домовъ, окружающихъ квадратъ, находятся сады, за садами — дороги.

«Подлѣ дорогъ расположены постройки для механическихъ мастерскихъ; бойни, конюшни и пр. отдѣлены отъ всего заведенія посредствомъ древесныхъ насажденій.

«Съ другой стороны расположены прачешная и т. п., а еще дальше отъ площади находятся нѣкоторыя другія заведенія, напр. для приготовленія солода, муки и проч. и вокругъ

всего находятся живыя изгороди, пастбища, обсаженныя плодовыми деревьми» и т. д. *.

«Всякая квартира приспособлена къ жизни семейства, состоящаго изъ мужа, жены и двоихъ дѣтей, имѣющихъ менѣе трехъ лѣтъ, такъ, чтобы они имѣли больше удобствъ, нежели сколько ихъ представляютъ обыкновенныя квартиры бѣдныхъ. Предполагается, что дѣти выше трехъ лѣтъ должны ходить въ школу, ѣсть въ общей столовой и спать въ общихъ спальняхъ, причемъ однако родители могутъ ихъ видѣть и говорить съ ними за столомъ и во всякое другое удобное время; въ школѣ дѣти должны пріобрѣсти всѣ необходимыя и полезныя познанія; будутъ употреблены всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать дѣтямъ пріобрѣсти дурныя привычки отъ своихъ родителей или другимъ какимъ образомъ, и съ другой стороны внушить имъ привычки и наклонности, способныя направить ихъ къ счастію въ жизни и сдѣлать ихъ полезными членами общины, къ которой они принадлежатъ. Занятія женщинъ будутъ состоять во-первыхъ,—въ заботахъ о дѣтяхъ и о своихъ жилищахъ; во-вторыхъ,—въ воздѣлываніи садовъ, въ разведеніи растеній, необходимыхъ въ общественной кухнѣ; въ-третьихъ,—въ такихъ мануфактурныхъ работахъ, которыя доступны женскому полу; въ-четвертыхъ, въ приготовленіи платья для обитателей заведенія; въ-пятыхъ, въ очередныхъ занятіяхъ въ общественной кухнѣ, въ столовыхъ и въ спальняхъ, и, когда онѣ сами будутъ хорошо приготовлены, въ надзорѣ за нѣкоторыми частями воспитанія дѣтей въ школѣ.

«Дѣти въ старшемъ возрастѣ будутъ впродолженіе нѣкоторой части дня участвовать въ садоводствѣ и въ мануфактурныхъ занятіяхъ по мѣрѣ силъ, а взрослые люди будутъ заниматься земледѣліемъ, мануфактурами и всякими другими занятіями для пользы заведенія» **.

Вслѣдъ затѣмъ, Оуэнъ вычисляетъ сумму, въ которую обойдется устройство общины, и находитъ, что оно потребуетъ

---

* Report presented to the Committee etc., New exist. I, XI.

** Тамъ же, XII.

96 тысячъ фунт. стерлинговъ (т. е. около шести сотъ тысячъ руб. сер.); изъ этого числа 36 тыс. фунт. стерлинговъ, т. е. болѣе одной трети, назначается на покупку земли. Оуэнъ предлагаетъ и средства, которыми этотъ капиталъ можетъ быть собранъ; но оставляя ихъ въ сторонѣ, обратимъ вниманіе на то, какъ Оуэнъ думаетъ начать дѣятельность своей общины, пустить въ ходъ свою соціальную машину.

Онъ думаетъ, что его община на первое время должна быть управляема какою-нибудь способною личностію, въ родѣ того, какъ Нью-Ланаркъ находился подъ управленіемъ его самого; причемъ Оуэнъ находитъ необходимымъ, чтобы занятія жителей общины были регулярны и внимательны; такимъ образомъ всего легче искоренятся дурныя привычки населенія. Впослѣдствіи, когда возрастетъ молодое поколѣніе, воспитанное въ общинѣ, оно само выберетъ изъ себя людей способныхъ продолжать направленіе общественной дѣятельности и надзоръ за нею.

Парламентская коммиссія, не отказавъ во вниманіи запискѣ Оуэна, нашла однако планъ его неудобоисполнимымъ, и дѣло это не имѣло никакихъ послѣдствій. Но Оуэнъ былъ крѣпко убѣжденъ, что его идея должна дать въ высшей степени благотворные результаты, и прибѣгнулъ къ другому средству для осуществленія своего плана еще въ бо́льшихъ размѣрахъ. Это средство было ему указано тогдашнимъ политическимъ состояніемъ Европы. Наполеонъ только-что былъ низвергнутъ и прежніе государи заняли свои престолы въ Германіи, Франціи, Испаніи и въ Италіи. Возвратившіеся государи естественно должны были позаботиться о томъ, чтобы ихъ троны были прочнѣе, чѣмъ прежде. Всѣ они знали, что главною причиною испытанныхъ ими бѣдствій были революціонныя идеи, измѣнившія порядокъ дѣлъ сначала во Франціи, а потомъ въ другихъ государствахъ Европы. Но революція во Франціи своимъ рѣшительнымъ и трагическимъ характеромъ въ значительной степени была обязана тому, что въ ней принялъ дѣятельное участіе образовавшійся къ тому времени во Франціи пролетаріатъ, который въ первые годы революціи

былъ особенно ожесточенъ, благодаря тому, что въ то время Францію постигли нѣкоторыя естественныя бѣдствія, напримѣръ неурожай, слѣдствія котораго безъ сомнѣнія всего болѣе чувствовалъ и безъ того голодный пролетарій. Это побуждало государей Европы обратить особенное вниманіе на рабочіе классы.

Кромѣ того въ то время во всей почти Европѣ раціонализмъ 18 столѣтія замѣтнымъ образомъ уступилъ мѣсто наклонности къ вѣрѣ, какъ въ народныхъ массахъ, преимущественно въ образованномъ классѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ; христіанскія идеи, искренно или лицемѣрно, но открыто выставлялись, какъ основаніе для будущей политики Европы. Выраженіемъ этой политики былъ Священный союзъ, заключенный между государями, наиболѣе неблагопріятно расположенными къ революціоннымъ идеямъ и къ философіи 18 вѣка. Такою настроенностію государей рѣшился воспользоваться Оуэнъ для приведенія въ исполненіе своей идеи. Потому онъ обратился къ государямъ Россіи, Австріи и Пруссіи, собравшимся на конгрессѣ въ Ахенѣ, съ двумя записками *, въ которыхъ снова излагалъ свою теорію и доказывалъ необходимость ея осуществленія въ видахъ прочнаго успокоенія Европы и обезпеченія благосостоянія бѣдныхъ классовъ и даже вообще всѣхъ людей.

За исходный пунктъ своихъ разсужденій въ этомъ случаѣ Оуэнъ беретъ современные ему успѣхи промышленности въ Англіи, бывшіе результатомъ недавнихъ изобрѣтеній Уатта и Аркрайта, т. е. паровой и бумагопрядильной машины. По мнѣнію Оуэна, производительныя силы Великобританіи въ двадцатипятилѣтній періодъ времени отъ 1792 до 1817 года увеличились въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Въ 1792 году ручной трудъ достигалъ 3,750,000 рабо-

* 1) Memorial addressed to the Governements of Europe and America, in 1818.

2) Memorial on behalf of the Working Classes addressed to the Allied Powers assembled in Congress at Aix-La-Chapelle, in 1818. Объ эти записки были доставлены членамъ конгресса черезъ лорда Кастльре.

чихъ. Въ то же время научный трудъ (т. е. трудъ, производимый съ помощію научныхъ открытій въ физикѣ, химіи, механикѣ и пр.) простирался до 11,250,000 рабочихъ. Общая сумма того и другаго труда равнялась 15,000,000.

Народонаселеніе Великобританіи въ то время достигало также 15,000,000 человѣкъ.

Въ 1817 году народонаселеніе Великобританіи увеличилось до 18 милліоновъ; но масса труда увеличилась несравненно въ большихъ размѣрахъ; ручной трудъ возросъ до 6,000,000 рабочихъ, а научный трудъ, благодаря вновь созданнымъ производительнымъ силамъ, возросъ до 211,250,000 рабочихъ, такъ что общая масса труда въ Великобританіи въ это время простиралась до 217,250,000 рабочихъ, что составляетъ больше 12 рабочихъ на каждаго жителя Великобританіи *.

Но общее благосостояніе народа и въ особенности рабочаго класса не только не возрасло въ той же степени, но напротивъ даже упало; непропорціональное увеличеніе механическаго труда сравнительно съ ручнымъ имѣло тотъ результатъ, что ц ѣ н а р у ч н а г о т р у д а з н а ч и т е л ь н о у м е н ь ш и л а с ь; и вѣроятныя послѣдствія продолженія прежняго порядка дѣлъ таковы, «что мѣновая цѣнность ручнаго труда понизится еще болѣе, такъ что наконецъ будетъ недостаточна для доставленія даже самыхъ жалкихъ средствъ къ жизни для значительной части рабочаго класса» **.

Такимъ образомъ современное и будущее экономическое состояніе рабочихъ классовъ было представлено въ запискахъ Оуэна въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Не въ лучшемъ свѣтѣ изображено и нравственное состояніе; и вмѣстѣ съ тѣмъ указаны причины этого явленія въ совершенномъ недостаткѣ

---

* Memorial addressed to the Allied Powers. New Ex. of Man. II. XXIX. Впослѣдствіи (въ 1849 г.) Оузнъ опредѣлялъ массу всѣхъ рабочихъ силъ Великобританіи въ 1,000,000,000, прибавляя, что увеличенію ихъ нѣтъ предѣла.

** Memorial addressed to the Governements of Europe and America. Тамъ же, II. XXV.

сколько-нибудь разумнаго воспитанія. Между тѣмъ собственный опытъ Оуэна въ Нью-Ланаркѣ показываетъ, какихъ счастливыхъ нравственныхъ результатовъ можно ожидать при болѣе внимательномъ и разумномъ воспитаніи.

И эта возможность нравственнаго воспитанія народа, равно какъ возможность удовлетворенія его экономическихъ потребностей существуетъ не въ одной Великобританіи, а вездѣ; «всѣ страны обладаютъ средствами (и многія очень большими), чтобы доставить богатство, добрыя привычки и расположенія, равно какъ полезныя знанія и понятія всѣмъ своимъ жителямъ».

Свои главныя положенія и практическія указанія членамъ Ахенскаго конгресса Оуэнъ излагаетъ въ видѣ слѣдующихъ положеній:

1) «Пришло время, когда стали очевидны тѣ средства, помощью которыхъ, безъ насилія и безъ всякаго обмана, можно производить богатства въ такомъ изобиліи и съ такою выгодою для всѣхъ, что потребности и желанія всякаго человѣческаго существа могутъ быть удовлетворены съ избыткомъ.

«Вслѣдствіе этого господство богатства и бѣдствія, происходящія отъ желанія пріобрѣтать и накоплять его, приходятъ къ концу.

2) «Пришло время, когда стали очевидны принципы науки, посредствомъ которыхъ безъ насилія и наказанія молодое поколѣніе съ легкостью и удобствомъ для всѣхъ можетъ быть поставлено въ такія обстоятельства, которыя образуютъ въ немъ характеръ, заранѣе опредѣленный обществомъ; и если потомъ въ такихъ характерахъ окажутся недостатки (исключая того, что превосходитъ человѣческія средства), то причину ихъ нужно искать не въ самыхъ личностяхъ, а въ неискусствѣ тѣхъ людей, которые старались осуществить эти неоцѣненные принципы.

«Вслѣдствіе этого господство невѣжества, обмана и насилія также должно скоро кончиться.

3) «Каждая личность, въ какомъ бы положеніи, въ какой бы странѣ она ни находилась, имѣетъ интересъ въ томъ,

чтобы немедленно были приняты мѣры для достиженія этихъ благодѣтельныхъ результатовъ на практикѣ. При этомъ однако надобно желать, чкобы они были приведены въ дѣйствіе по всеобщему согласію, постепенно и осторожно, такъ чтобы никакая сторона и никакая личность не потерпѣла вреда, благодаря перемѣнамъ, которыя должны послѣдовать.

«Вслѣдствіе этого, всякое покушеніе остановить или замедлить введеніе этихъ мѣръ будетъ безполезно. Эти принципы и соотвѣтственная имъ практика находятся уже выше средствъ человѣческаго противодѣйствія; молчаніе не можетъ замедлить ихъ движенія, а противодѣйствіе только сообщитъ ему усиленную скорость» *.

Все это однако показалось неубѣдительнымъ для членовъ Священнаго союза; быть можетъ они нашли, что столь дѣйствительная и могучая система не нуждается даже въ поддержкѣ, если она въ самомъ дѣлѣ такова, что ни молчаніе, ни противодѣйствіе не повредятъ ей. Но какъ бы то ни было, попытка Оуэна пріобрѣсти содѣйствіе членовъ Священнаго союза, осталась вполнѣ безуспѣшною; ни одинъ изъ нихъ не нашелъ возможнымъ испытать осуществленіе его системы. — Отчего это произошло? Почему государи, выставившіе на своихъ знаменахъ принципы христіанскаго братолюбія и безспорно весьма озабоченные предохраненіемъ Европы отъ революціонныхъ потрясеній, не оцѣнили плановъ Оуэна?

Оуэнъ разсказываетъ, что въ томъ же 1818 году, нѣсколько раньше съѣзда вѣнценосцевъ въ Ахенѣ, онъ былъ во Франкфуртѣ на Майнѣ во время собранія членовъ германскаго сейма. Въ то время франкфуртскій банкиръ Бетманъ устроилъ большой обѣдъ, на который пригласилъ Оуэна и больше 20 человѣкъ членовъ франкфуртскаго сейма. Обѣдъ былъ устроенъ нарочно съ тою цѣлью, чтобы Оуэнъ могъ изложить свои понятія о новомъ устройствѣ промышленности, и опровергнуть возраженія, которыя ему приготовлялись со стороны нѣкоторыхъ собесѣдниковъ. Бесѣда дѣйствительно

* Тамъ же, XXVII.

устроилась; и когда Оуэнъ сталъ доказывать, что въ настоящее время правительства Европы и Америки съ успѣхомъ могутъ принять извѣстныя мѣры для уничтоженія въ массахъ народа невѣжества и бѣдности, то секретарь германскаго сейма М. отвѣтилъ ему такимъ образомъ: «Правительства знаютъ это хорошо; но они не желаютъ искоренять ни невѣжества, ни бѣдности, потому что безъ нихъ они не могутъ управлять массами». Разсказывая объ этомъ случаѣ, Оуэнъ именно подобными соображеніями хочетъ объяснить невниманіе членовъ Священнаго союза къ своему проекту; мы не станемъ опровергать этого взгляда; политика Священнаго союза дѣйствительно не отличалась искренностью. Но въ то же время необходимо заглянуть и въ сущность теоріи Оуэна въ настоящемъ ея видѣ, и посмотрѣть, не вошло ли въ нее чего такого, что могло по справедливости заподозрить ее въ глазахъ людей, даже неимѣющихъ причины поддерживать существованіе бѣдности и невѣжества въ массѣ народа.

Планъ Оуэна касательно земледѣльческихъ и мануфактурныхъ деревень построенъ на новыхъ началахъ, о которыхъ прежде самъ онъ не говорилъ.

Здѣсь уже личность поглощается общиною; имущество нераздѣльное, работы производятся сообща, и вознагражденіе дѣлается всѣмъ сообща; здѣсь для человѣка неважны результаты его собственнаго труда, а важны результаты труда всѣхъ остальныхъ членовъ общины, т. е. здѣсь появляется новая экономическая черта, которой не было въ Нью-Ланаркѣ — общность имуществъ, труда и вознагражденія, т. е. к о м м у н и з м ъ. И Оуэнъ не скрываетъ и не маскируетъ этого. Правда, въ первой запискѣ, въ которой Оуэнъ писалъ о земледѣльческихъ и мануфактурныхъ деревняхъ, коммунистическій характеръ ихъ проявляется не совсѣмъ ясно. Въ запискахъ, представленныхъ Ахенскому конгрессу, онъ гораздо виднѣе: Оуэнъ уже говоритъ, что господство богатства, т. е. частной собственности, приходитъ къ концу. Но еще за годъ передъ тѣмъ Оуэнъ высказалъ свои коммунистическія идеи въ статьѣ «a further development of the plan contained in the report to the

Committee of the Association for the Relief of the Manufacturing and Labouring Poor.», напечатанной въ «The London daily papers» 1817 года и составленной въ катихизической формѣ въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Мы приведемъ наиболѣе существенные изъ нихъ.

Вопр. «Есть ли средства доставить занятіе тѣмъ рабочимъ, которые не имѣютъ его? — *Отв.* Кажется, что страна имѣетъ большія средства, которыми можетъ быть достигнута эта цѣль, если только они будутъ употреблены. Эти средства состоятъ: въ землѣ необработанной, въ землѣ худо обработанной, въ деньгахъ, употребленныхъ непроизводительно, въ ручномъ трудѣ, который въ настоящее время остается безъ употребленія, вслѣдствіе чего имѣетъ деморализирующее вліяніе и производитъ всякаго рода зло въ обществѣ, и наконецъ въ искусственныхъ или механическихъ средствахъ, почти неограниченныхъ и которыя притомъ могутъ быть употреблены для цѣлей болѣе важныхъ. Эти средства, будучи хорошо обдуманы и приведены въ исполненіе, могутъ освободить страну отъ бѣдности и сопровождающихъ ее золъ.

Вопр. «Какимъ же образомъ они могутъ быть приведены въ исполненіе?—*Отв.* Посредствомъ полезной комбинаціи, состоящей въ томъ, чтобы учредить ограниченныя общины, основанныя на принципѣ соединеннаго труда и потребленія, такъ чтобы главный родъ занятій общины состоялъ въ земледѣліи, и чтобы члены общины имѣли взаимные и общіе интересы.

О. «Какія причины имѣете вы, чтобы предлагать подобную комбинацію человѣческихъ силъ?—*Отв.* Причины заключаются въ знаніи того, что всякій человѣкъ посредствомъ нея можетъ достигнуть гораздо большей выгоды сравнительно съ тѣмъ, когда онъ употреблялъ бы свои силы исключительно для своихъ цѣлей.

В. «Но въ общинѣ, основанной на взаимныхъ и соединенныхъ интересахъ, будутъ ли люди столь старательны, какъ они бываютъ въ то время, когда работаютъ для своей личной пользы? — *Отв.* Предположеніе, что они не будутъ таковы,

по моему мнѣнію, есть предразсудокъ, и совсѣмъ не основано на фактахъ. А гдѣ (?) были сдѣланы опыты, тамъ оказалось, что всѣ работали съ охотою. Найдено (?), что когда люди работаютъ вмѣстѣ для общей пользы, тогда каждый исполняетъ свое дѣло съ большею выгодою для себя и для общества, чѣмъ тогда, когда они работаютъ за поденную плату или поштучно. Работая поденно, они не имѣютъ другаго интереса въ работѣ, кромѣ полученія платы; а работая поштучно, они чувствуютъ слишкомъ большой интересъ, нерѣдко мучатъ себя излишней работою и причиняютъ себѣ болѣзни, преждевременную старость и смерть. Но когда люди работаютъ въ общихъ интересахъ, то обѣ эти крайности избѣгаются; работа дѣлается умѣренна, но производительна; ее легко направлять, и легко надзирать за нею. И кромѣ того, въ настоящее время вполнѣ извѣстны принципы и практическіе пріемы, посредствомъ которыхъ молодому поколѣнію можно дать всякія наклонности, отъ самыхъ старательныхъ до самыхъ небрежныхъ.

О. «Но не будутъ ли партіи постоянно спорить о раздѣленіи собственности и владѣніи ею?—*Отв.* Безъ сомнѣнія нѣтъ. Работа и продовольствіе людей въ настоящее время производятся такъ невѣжественно, расточительно и съ такими невыгодами, что большинство людей не могутъ имѣть обыкновенныхъ удобствъ безъ великихъ усилій и безпокойствъ; потому подъ вліяніемъ суровой необходимости люди получаютъ сильную привязанность къ собственности, которой пріобрѣтеніе такъ дорого имъ стоитъ; и поверхностнымъ (?) наблюдателямъ кажется, что это чувство присуще природѣ человѣческой. Между тѣмъ, это заключеніе принадлежитъ къ числу наиболѣе ошибочныхъ; потому что если бы люди были поставлены въ такое положеніе, въ которомъ, при умѣренныхъ занятіяхъ, безъ заботъ и возмущеніи духа, они могли бы пріобрѣсти необходимое, равно какъ и житейскія удобства въ изобиліи, они столь же мало были бы наклонны спорить о раздѣленіи ихъ, какъ въ настоящее время они мало наклонны спорить о произведеніяхъ природы всѣмъ доступныхъ, такихъ, какъ вода.

В. «Но не будутъ ли эти заведенія очень дороги, не по-

требуютъ ли они большихъ издержекъ для начала и можно ли достать капиталъ, необходимый для этого?—*Отв.* Издержки обнаружатъ величайшую экономію, и капиталъ получится безъ труда и такъ скоро, какъ это будетъ нужно» *.

Замѣчательна та самоувѣренность, съ которою Оуэнъ утверждаетъ свои положенія; онъ знаетъ, что всякій человѣкъ посредствомъ его комбинаціи достигнетъ большаго благосостоянія; найдено, что при общей работѣ люди трудятся съ большею выгодою для себя и для общества; имѣя необходимыя и извѣстныя удобства, люди не станутъ спорить объ имуществѣ, т. е. не будутъ совсѣмъ желать его. Но откуда Оуэнъ это знаетъ, кѣмъ это найдено?—Отвѣты на эти вопросы безъ сомнѣнія имѣли бы чрезвычайно большую важность; но ихъ-то Оуэнъ и не даетъ; что̀ безъ сомнѣнія не можетъ увеличивать довѣрія къ его проекту. Вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ всей комбинаціи не таковъ, чтобы могъ возбуждать довѣріе къ ней въ людяхъ осторожныхъ. Дѣло идетъ ни болѣе и ни менѣе, какъ объ уничтоженіи собственности; и какъ можно видѣть изъ записокъ, представленныхъ ахенскому конгрессу, новый порядокъ, основанный на общности имуществъ, предназначается не для однихъ бѣдныхъ, неимѣющихъ работы и пропитанія, но для всего человѣчества вообще, хотя эта мысль еще не высказывается Оуэномъ прямо, во всемъ своемъ объемѣ и со всею яспостью. Неудивительно, что Оуэнъ не нашелъ сочувствія въ людяхъ, къ которымъ обращался, и между прочимъ въ членахъ Священнаго союза.

Была еще одна причина, вслѣдствіе которой Оуэнъ очень скоро возбудилъ къ себѣ недовѣріе англійскаго общества. Оуэнъ по идеямъ принадлежалъ къ XVIII вѣку; и именно религіозныя его понятія сильно отзывались вліяніемъ философіи этого времени. И хотя сначала Оуэнъ къ своей соціальной пропагандѣ не примѣшивалъ пропаганды религіозной, тѣмъ не менѣе его религіозные взгляды подъ часъ пробивались наружу и возбуждали недоумѣніе его собесѣдниковъ. Однажды такимъ

* A further development of the plan etc. N. E. of. Man. I. XXII.

образомъ въ парламентской коммиссіи нѣкто Филипсъ, бумажный фабрикантъ, сбитый съ толку какими-то словами Оуэна, просилъ его сказать прямо, чему онъ вѣритъ и чему не вѣритъ.—На этотъ запросъ Оуэнъ отвѣтилъ рѣчью на митингѣ 21 августа 1817, въ которой содержится его истинная profession de foi касательно религіи. И эта profession не такова, чтобы могла возбудить довѣріе къ Оуэну, особенно въ благочестивомъ англійскомъ обществѣ. Оуэнъ прямо говорилъ, что онъ не принадлежитъ ни къ какой «религіи, исповѣдуемой въ мірѣ», и что всѣ религіи безъ исключенія переполнены заблужденіями, что они унижаютъ человѣка, дѣлаютъ его «слабымъ и глупымъ животнымъ», и не даютъ ему возможности быть счастливымъ на землѣ, дѣлая его или свирѣпымъ фанатикомъ или жалкимъ ипокритомъ *. Такія воззрѣнія, высказаныя публично и потомъ изданныя въ свѣтъ посредствомъ печати, не могли пріобрѣсти Оуэну сочувствія не только англійскаго духовенства, но и большинства народонаселенія, дѣйствительно отличающагося набожностью. Если присоединить сюда еще взгляды Оуэна на организацію собственности, то дѣлается совершенно понятнымъ, почему онъ не нашелъ поддержки ни въ членахъ Священнаго союза, ни въ англійскомъ парламентѣ.

Но Оуэнъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, которыхъ неудачи не останавливаютъ. И раньше этого и послѣ онъ испыталъ много неудачъ въ своихъ стремленіяхъ, но каждый разъ онъ возставалъ съ новыми силами, искалъ новыхъ средствъ и иногда даже находилъ ихъ. Не найдя поддержки ни въ Англійскомъ парламентѣ, ни въ членахъ Священнаго союза, Оуэнъ явился въ 1819 году самъ кандидатомъ въ члены парламента; но и въ этомъ потерпѣлъ неудачу, и эта неудача весьма краснорѣчива: она показываетъ, что популярность Оуэна въ Англіи не была довольно значительна, и съ

* Address delivered at the City of London Tavern, Aug. 21, 1817. N. ex. of Man. I. LIX.

тѣхъ поръ она никогда не возрасла до того, чтобы Оуэнъ могъ попасть въ парламентъ. Не добившись мѣста въ парламентѣ, Оуэнъ снова и притомъ усиленнымъ образомъ сталъ пропагировать свои мнѣнія путемъ печати и митинговъ. Еще въ томъ же 1819 году онъ издалъ адресъ къ промышленнымъ классамъ и созвалъ два митинга, на которыхъ присутствовали герцоги Кентскій и Суссекскій, братья короля. Здѣсь между прочимъ онъ предложилъ публикѣ модель * своей общины, которую онъ съ тѣхъ поръ сталъ называть «общиною кооперативною», вслѣдствіе чего и вся система его стала называться «системою кооперативною». Здѣсь же Оуэнъ предложилъ подписку для основанія пробнаго заведенія. Подписка имѣла нѣкоторый успѣхъ, хотя весьма незначительный. Нужно было 100,000 ф. ст., подписка же дала только 8,000. Тогда нѣкто Гамильтонъ, изъ Дальзелля, предложилъ помочь дѣлу тѣмъ, что уступалъ для основанія заведенія свое имѣніе Мозеруэль, въ Шотландіи, съ тѣмъ, чтобы деньги за него были уплачены въ теченіе 20 лѣтъ. Это значительно сокращало издержки устройства заведенія; несмотря на то, нужныя суммы все-таки не были собраны, и предложеніе Гамильтона осталось безполезнымъ. Община въ Мозеруэлѣ осуществлена не была.

Въ слѣдующіе годы (1820, 1821 и 1822), Оуэнъ продолжалъ свою дѣятельность съ неменьшею энергіею, но не съ бо́льшимъ успѣхомъ, потому что въ это время онъ, между прочимъ, вооружилъ противъ себя англійскихъ прогрессистовъ, добивавшихся парламентской реформы, посредствомъ отнятія представителей у такъ-называемыхъ гнилыхъ городковъ. Оуэнъ съ свойственною ему прямотою и отчасти по причинѣ своей политической безтактности, доказывалъ, что эта реформа будетъ безплодна по своимъ результатамъ. Съ своей точки зрѣнія онъ былъ конечно правъ; отнятіе представителей у

* Модель эта состояла изъ маленькихъ деревянныхъ домиковъ и другихъ построекъ въ родѣ дѣтскихъ игрушекъ. Оуэнъ долго возилъ эти домики изъ города въ городъ, разставливалъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ и такимъ образомъ наглядно объяснялъ слушателямъ жизнь и дѣятельность будущихъ жителей своей общины.

гнилыхъ городковъ едвали подвинуло бы впередъ его собственные проекты; но что оно должно было вообще содѣйствовать успѣхамъ политической жизни въ Англіи, въ этомъ нельзя было сомнѣваться, и только человѣкъ, столь исключительно преданный одной идеѣ, могъ не сознавать важности этой реформы.

Въ 1821 году система Оуэна сдѣлалась предметомъ погаго обсужденія въ парламентѣ. Членъ парламента Мансуэль сдѣлалъ предложеніе составить коммисію, которая отправилась бы въ Нью-Ланаркъ и изслѣдовала его бытъ. Предложеніе было подписано многими другими членами; его поддерживали Бѣхстонъ, Каннингъ и Брумъ. Несмотря на то, оно было отвергнуто.

Въ 1822 году Оуэнъ обратилъ свое вниманіе на Ирландію, какъ на страну, въ особенности страдающую отъ дурныхъ отношеній между промышленными предпринимателями и рабочими, и потому представляющую особыя удобства для введенія кооперативной системы. Оуэнъ поѣхалъ туда, созывалъ тамъ митинги, на которые собиралось огромное множество народа,—которые были посѣщаемы первыми знаменитостями Ирландіи. Но все это не имѣло значительныхъ результатовъ; Оуэнъ пріобрѣлъ нѣсколько партизановъ въ Ирландіи, но тѣмъ дѣло пока и окончилось, безъ всякихъ практическихъ послѣдствій; кооперативныя общины не появлялись. Послѣ того Оуэнъ обращался еще разъ и къ парламенту, и къ самому правительству, и къ обществу за содѣйствіемъ къ основанію кооперативныхъ общинъ. Но и эти старанія окончились ничѣмъ *.

Тогда, потерявъ надежду сдѣлать что-нибудь въ Англіи, находя, что предразсудки слишкомъ глубоко укоренились въ воззрѣ-

* Jos. Rey. Lettres sur le système de la cooperation mutuelle de M. Owen. Paris, 1828.

ніяхъ англичанъ, Оуэнъ мало по малу склонился къ той мысли, что новая система требуетъ новой почвы, новаго общества, менѣе ослѣпленнаго предразсудками. Потому, уже въ слѣдующемъ (1824) году онъ уѣхалъ въ Сѣверную Америку и тамъ купилъ тридцать тысячъ акровъ земли вмѣстѣ съ постройками, принадлежавшими одной полурелигіозной, полусоціальной общинѣ. Члены этой общины были нѣмцы изъ Виртемберга. Они оставили свою родину и поселились въ Америкѣ, въ штатѣ Индіанѣ на берегахъ рѣки Вабаша. Здѣсь они основали свое поселеніе подъ именемъ Гармони, отчего и сами получили названіе гармонійцевъ. Они устроились здѣсь въ полукоммунистическомъ порядкѣ; колонія ихъ процвѣтала; несмотря на то, они рѣшились перенести свое мѣстопребываніе дальше на западъ въ пустыню; вѣроятно, Индіана какъ страна болѣе или менѣе населенная, представляла имъ много соблазновъ; потому что главною чертою гармонійцевъ былъ аскетизмъ, воздержаніе отъ всякой суеты земной; они относили къ суетѣ земной даже науку и искусство; такъ они не хотѣли имѣть между прочимъ и типографіи *.

Въ Америкѣ Оуэну предшествовала извѣстность, пріобрѣ-

---

* Тамъ же, 66. — Бусъ представляетъ гармонійцевъ въ чертахъ въ высшей степени симпатичныхъ Слѣдуя ему, они стремились въ своей жизни подражать примѣру первыхъ христіанъ. Ихъ соціальный бытъ основанъ на соединеніи коммунизма съ частною собственностью. Каждое семейство имѣло особенный домъ, при которомъ былъ небольшой клочекъ земли; при каждомъ семействѣ было нѣсколько домашнихъ животныхъ, находившихся въ исключительномъ его распоряженіи. Но земля принадлежала не отдѣльнымъ семействамъ, а всей общинѣ. Полевыя работы производились сообща и каждое семейство пользовалось произведеніями общаго труда по мѣрѣ надобности. Между членами общины господствовало истинно христіанское благорасположеніе. Богатыхъ между ними не было, потому что всякій отдавалъ свои излишки во владѣніе общины. Вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе общаго трудолюбія и бѣдныхъ между ними не было. Днемъ всѣ они работали, а вечеромъ молились, пѣли псалмы и слушали проповѣдь въ церкви. Проповѣдникомъ былъ Раппъ, основатель общины, бывшій лютеранскій пасторъ въ Виртембергѣ, отъ имени котораго и вся община называется также общиною Раппитовъ. Замѣчательно, что у нихъ была развита большая наклонность къ безбрачію. (Бусъ, 103 и 104).

тенная имъ въ Европѣ и раньше его достигшая заатлантическаго материка. Потому тамъ онъ былъ встрѣченъ знаками всеобщаго вниманія и даже сочувствія. Онъ излагалъ свою систему передъ наиболѣе уважаемыми людьми въ Соединенныхъ Штатахъ, напримѣръ передъ старыми президентами Дж. Адамсомъ и Т. Джефферсономъ, былъ у тогдашняго президента Дж. Монроэ, и всѣ эти лучшіе люди республики болѣе или менѣе приняли участіе въ проектахъ Оуэна; ему постарались доставить возможность изложить свою систему въ конгрессѣ, въ полномъ собраніи представителей сѣверо-американскаго народа. Здѣсь, какъ и вездѣ, Оуэнъ показалъ много искренности, даже вѣроятно больше, нежели сколько требовала та цѣль, для которой онъ пріѣхалъ въ Америку. Между прочимъ онъ сталъ доказывать, что американская свобода далеко неполна, что хотя законы американскіе допускаютъ во всей полнотѣ свободу совѣсти, но въ обществѣ существуетъ слишкомъ большая нетерпимость, преслѣдующая каждую идею, которая ему кажется черезчуръ смѣлою. Такимъ образомъ свобода совѣсти, существующая de jure, de facto подвержена многимъ стѣсненіямъ. Оуэнъ въ продолженіе двухъ засѣданій развивалъ свои идеи касательно соціальной реформы передъ американскимъ конгрессомъ. Но когда онъ окончилъ свою рѣчь просьбою содѣйствія и уступки необходимой для заведенія территоріи, то получилъ отвѣтъ, что въ такомъ дѣлѣ ему гораздо лучше обратиться къ содѣйствію частныхъ людей.

Тогда-то Оуэнъ, чтобы не затягивать дѣла, купилъ на свой счетъ землю и заведенія, принадлежавшія гармонійцамъ. Этотъ новый опытъ Оуэнъ началъ при обстоятельствахъ весьма благопріятныхъ. На его призывъ откликнулись многіе весьма почтенные люди, которые, сочувствуя идеямъ Оуэна, съ разныхъ концовъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ собрались на берега Вабаша. Но съ другой стороны явилось много людей, которые были загнаны туда неблагопріятною судьбою, послѣ того, какъ они потерпѣли неудачу въ другихъ мѣстахъ и въ другихъ занятіяхъ, чего однако Оуэнъ не боялся, по-

тому что онъ и предназначалъ свою систему для людей всякихъ привычекъ и всякихъ нравственныхъ качествъ.

Устроивая новую общину въ Гармони, который тотчасъ же, перемѣнивъ обитателей, нѣсколько измѣнилъ и самое имя, превратившись въ Нью-Гармони, Оуэнъ не былъ стѣсненъ никакими внѣшними условіями; онъ былъ владѣльцемъ земли, на которой устроивалась община, и принималъ членовъ общины только подъ условіемъ, что они признаютъ принципы кооперативной системы и будутъ слѣдовать имъ; такимъ образомъ устройство Нью-Гармони могло во всей полнотѣ осуществить соціальную идею Оуэна. Идея эта ко времени учрежденія общины въ Нью-Гармони нѣсколько измѣнилась или быть можетъ только развилась. Предлагая свой планъ «земледѣльческихъ и мануфактурныхъ деревень», Оуэнъ имѣлъ въ виду сначала, повидимому, исключительно бѣдный классъ общества; но даже развивая и этотъ планъ, Оуэнъ успѣлъ высказать, что его помыслы идутъ гораздо дальше. И если онъ въ началѣ ограничивался немногимъ, такъ единственно потому, что это немногое, т. е. улучшеніе быта бѣднѣйшаго класса, представлялось ему въ видѣ безотлагательной необходимости, тогда какъ общая реформа соціальнаго быта всего человѣчества могла ждать. Но теперь послѣ того, какъ Оуэнъ не нашелъ во вліятельныхъ людяхъ и классахъ общества поддержки для осуществленія перваго своего плана, послѣ того, какъ онъ остался только съ своими собственными средствами и перенесъ свою дѣятельность въ такую часть свѣта, гдѣ пролетаріатъ не существовалъ, дѣло шло не объ улучшеніи быта бѣдныхъ классовъ, а объ основаніи кооперативныхъ общинъ, въ которыхъ по мысли автора, должна была осуществиться наилучшая соціальная организація;—потому Оуэнъ долженъ былъ приводить въ исполненіе свою идею въ послѣднемъ, совершеннѣйшемъ ея развитіи, которое въ это время выражалось въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. «Цѣль ассоціаціи состоитъ не въ томъ, чтобъ богатыхъ подвести подъ уровень бѣдныхъ, а въ томъ, чтобы в с ѣ м ъ

обезпечить наибольшую сумму истиннаго богатства, физическаго и нравственнаго.

2. «Кооперативная община должна быть учреждена на началахъ самой неограниченной свободы. Никто не можетъ быть принуждаемъ вступать въ нее или оставаться въ ней; и всякое лице, выходя изъ нея, будетъ имѣть право не только на ту сумму или другую цѣнность, которую оно принесло, но кромѣ того еще на пропорціональную часть въ увеличеніи общественнаго капитала.

3. «Вслѣдствіе этой полной свободы, не будутъ допускаться никакія непрямыя средства убѣжденія, кромѣ простаго сообщенія каждому индивидууму о его интересахъ физическихъ и нравственныхъ.

4. «Всѣ труды будутъ добровольны; но вмѣстѣ съ тѣмъ приняты будутъ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать по возможности привлекательными занятія въ общинѣ; будутъ употреблены всѣ механическія средства для исполненія необходимыхъ работъ отвратительныхъ, нездоровыхъ или слишкомъ тяжелыхъ.

5. «Будетъ кооперативная общность въ созданіи произведеній или посредствомъ труда физическаго или посредствомъ труда умственнаго; всякій будетъ трудиться соотвѣтственно своему частному призванію въ согласіи съ общимъ интересомъ.

6. «Будетъ общность въ собственности касательно всѣхъ земель, домовъ и всякаго другаго недвижимаго имущества, равно какъ всѣхъ инструментовъ, сырыхъ матеріаловъ, предназначенныхъ для производства и всякихъ другихъ предметовъ, извѣстныхъ подъ именемъ капитала въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, т. е. всего того, что не предназначается для непосредственнаго потребленія.

7. «Предметы, предназначенные для непосредственнаго потребленія, будутъ получаемы изъ общественныхъ магазиновъ и могутъ сдѣлаться собственностью только въ моментъ этого назначенія (т. е. потребленія). Что касается до предметовъ, которые вдругъ не потребляются, но которые употребляются каждымъ человѣкомъ отдѣльно, напр. жилые покои или ме-

бель, собственностью можетъ сдѣлаться только употребленіе ихъ.

8. «Община сама будетъ управлять своими дѣлами или непосредственно, или посредствомъ уполномоченныхъ, во всякое время смѣняемыхъ. Права и обязанности всѣхъ взрослыхъ членовъ совершенно равны; права женщинъ вполнѣ равны правамъ мужчинъ.

9. «Несогласія между членами общины будутъ оканчиваться въ нѣдрахъ общества посредствомъ дружескаго соглашенія, безъ употребленія какихъ бы то ни было мѣръ строгости, кромѣ удаленія изъ общины; и къ этому средству можно прибѣгать только въ самой послѣдней крайности и притомъ только на первое время, при временномъ порядкѣ первыхъ заведеній.

10. «Община необходимымъ образомъ войдетъ въ систему политическаго общества, къ которому она будетъ принадлежать, или для сбыта излишка своихъ произведеній, или для обыкновенныхъ сосѣдскихъ отношеній, или, наконецъ, для исполненія общихъ законовъ, которымъ община всегда будетъ подчиняться.

11. «Всякая кооперативная община будетъ стремиться въ скорѣйшемъ времени пріобрѣсти въ собственность землю, на которой она учреждена, равно какъ инструменты и капиталы, съ помощію которыхъ она будетъ работать, для того, чтобы она могла пользоваться всѣми произведеніями своего труда.

12. «Будетъ допущена самая полная свобода въ выраженіи мыслей и чувствъ касательно всякаго предмета; въ дѣлѣ религіи всякій можетъ придерживаться того, чего самъ заблагоразсудитъ, всякій можетъ кромѣ того воздерживаться отъ всякаго внѣшняго культа; но во всякомъ случаѣ предлагается полное уваженіе ко всякому религіозному мнѣнію, ко всякой практикѣ.

13. «Воспитаніе дѣтей будетъ общее съ того времени, какъ для нихъ не будутъ нужны заботы матерей; но при этомъ родители не лишаются возможности наблюдать за дѣтьми и оказывать имъ свои ласки.

14. «Будутъ приняты мѣры къ тому, чтобы поддерживать

всѣ полезныя и пріятныя отношенія съ остальною частью великаго человѣческаго общества» *.

Разсматривая эти основоположенія, мы видимъ, что въ нихъ система Оуэна принимаетъ опять новый видъ, развивается, получаетъ болѣе ясный и опредѣленный характеръ. Во-первыхъ, тутъ дѣло идетъ дѣйствительно о благосостояніи, и притомъ какъ физическомъ, такъ и нравственномъ, не однихъ рабочихъ классовъ, а уже всѣхъ людей (§ 1); во-вторыхъ, при системѣ общности имущества, труда и потребленія, кооперативная система разсчитываетъ на такую успѣшность своей дѣятельности, на такую доходность своихъ работъ, которая дастъ ей возможность пріобрѣсти въ собственность землю, постройки и орудія труда и потомъ увеличивать свои собственные капиталы (2, 11); въ-третьихъ, какъ стимулъ дѣятельности членовъ общины допускается исключительно личное расположеніе къ труду, личное желаніе работать безъ прямаго соотношенія энергіи труда и выгодности его; возбужденіемъ для труда между прочимъ должна служить легкость и привлекательность его (3, 4); въ-четвертыхъ, въ своемъ внутреннемъ управленіи община рѣшительно ни отъ кого не зависитъ, хотя она и подчиняется общимъ законамъ страны. И очевидно, что эти законы имѣютъ для нея гораздо меньше значенія, чѣмъ ея собственные, внутренніе законы (8, 10); наконецъ новыя основоположенія совсѣмъ не упоминаютъ о

* Lettres sur le système de la coopération mutuelle d'après le plan de M. Owen, par J. Rey, Paris, 1828, 34 — 39. Эти основоположенія кооперативныхъ общинъ заимствованы нами изъ Рея и притомъ въ его собственной редакціи. Но они имѣютъ полную достовѣрность, какъ дѣйствительныя основоположенія кооперативной системы Оуэна. Рей изучалъ кооперативную систему, и притомъ съ любовью, на самомъ мѣстѣ ея дѣйствія въ Англіи. И свѣдѣнія, доставляемыя имъ, тѣмъ болѣе достойны вниманія, что самъ Оуэнъ, какъ увидимъ далѣе, въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ, видимымъ образомъ старается обходить этотъ періодъ своей дѣятельности. Вообще, извѣстія Рея составляютъ единственный источникъ для этого періода дѣятельности Оуэна. Во всѣхъ извѣстныхъ намъ сочиненіяхъ объ Оуэнѣ, мы не нашли другихъ данныхъ касательно дѣятельности Оуэна въ Нью-Гармони, кромѣ тѣхъ, которыя первоначально изложены у Рея.

семействѣ, котораго положеніе было точно опредѣлено въ проектѣ земледѣльческихъ и мануфактурныхъ деревень; тамъ дѣти живутъ и воспитываются въ семействахъ; и только, когда ихъ много, часть ихъ помѣщается на ночь въ общихъ спальняхъ. Это дѣлается, очевидно, для увеличенія удобствъ самой семейной жизни; въ кооперативной общинѣ не то. здѣсь мать, выкормивши ребенка, тотчасъ отдаетъ его на попеченіе общины *.—Оуэнъ однако не рѣшился осуществить всю полноту этихъ принциповъ: онъ допустилъ на время нѣкоторое отступленіе отъ нихъ. Элементы, изъ которыхъ составилось народонаселеніе Нью-Гармони, были слишкомъ разнообразны и мало надежны. «Съ подобными элементами, говоритъ Рей, найдено было неудобнымъ сразу и безъ ограниченій установить новую соціальную систему. Найдено было необходимымъ мало по малу приготовить этихъ людей къ тому роду жизни, который былъ имъ совершенно чуждъ, и котораго ни принциповъ, ни выгодъ они еще не могли усвоить. Такимъ образомъ Оуэнъ выработалъ планъ *прелиминарной общины*, которая современемъ должна была превратиться въ общину болѣе совершенную. Эта прелиминарная община и заняла маленькій городокъ Нью-Гармони въ числѣ 1,000 или

---

* Излагая свои воззрѣнія на бракъ и семейную жизнь, Оуэнъ и ученики его старались выражаться какъ можно осторожнѣе и уклончивѣе, даже старались маскировать свои истинныя понятія. Это дало поводъ Фурье выразиться такимъ образомъ касательно Оуэна: «замѣчательная сторона догматовъ Оуэна — двусмысленность, езуитская осторожность, возможность передѣлать систему смотря по обстоятельствамъ Его ученія касательно любви отличаются неопредѣленностью, двусмысленностью, анархіею. Видно, что этотъ нововводитель касательно всякаго догмата хотѣлъ сберечь себѣ убѣжище, чтобы имѣть возможность передѣлать свои методы сообразно обстоятельствамъ» (Thon. I, 66). Въ этомъ случаѣ Рей выставляетъ дѣло такъ, что можно подумать, будто въ кооперативной общинѣ сохраняется семейство, «родители могутъ оказывать дѣтямъ свои ласки». конечно у всякаго ребенка есть родители, мать и отецъ, но существованіе родителей еще не говоритъ о существованіи семьи, тѣмъ болѣе, что при полной свободѣ отношеній между полами отцы не всегда могутъ быть извѣстны не только дѣтямъ, но и матерямъ, равнымъ образомъ и сами они не могутъ быть увѣрены въ принадлежности имъ извѣстныхъ дѣтей.

1,200 человѣкъ» *.—Въ чемъ состояли эти уклоненія отъ принциповъ кооперативной системы, чего не доставало нью-гармонійской общинѣ для того, чтобы быть полнымъ осуществленіемъ ея? Хотя ни Рей, не Оуэнъ не говорятъ объ этомъ ничего, тѣмъ не менѣе это легко обнаруживается посредствомъ самыхъ простыхъ соображеній. Наиболѣе существенная черта кооперативной общины есть, безъ сомнѣнія—коммунизмъ, эта общность въ имуществѣ, въ трудѣ, въ потребленіи; ея-то и не доставало прелиминарному обществу; только безъ нея кооперативная община не будетъ имѣть своего характера, всѣ другія подробности ея устройства имѣютъ гораздо менѣе важный смыслъ. Такимъ образомъ жизнь нью-гармонійцевъ началась безъ коммунизма; всякій зависѣлъ отъ произведеній своего труда, всякій получалъ за него плату **. Экономическая дѣятельность населенія пошла обыкновеннымъ порядкомъ: образовались разныя отрасли промышленности — земледѣліе, скотоводство, вообще сельское хозяйство и вмѣстѣ съ тѣмъ различныя ремесла. Начала издаваться даже «Нью-Гармонійская газета», образовались школы и притомъ подъ руководствомъ людей очень опытныхъ и преданныхъ своему дѣлу. Изъ Филадельфіи пріѣхали г. Фикепаль и г-жа Фретажо, которые нарочно бросили свой прежній пансіонъ въ этомъ городѣ, чтобы основать новый при лучшихъ соціальныхъ условіяхъ; они нашли дѣятельнаго сотрудника въ Іос. Нефѣ съ сыномъ и четырьмя дочерьми, которые всѣ пятеро были воспитанниками Песталоцци. Образовался пансіонъ для дѣтей, (съ платою по 200 фр. въ годъ) ***, въ который принимались

---

* Тамъ же, 82.—Это было 27 авг. 1825 г.

** Бусъ говоритъ, что былъ устроенъ общій складъ произведеній, куда каждый человѣкъ отдавалъ произведенія своего труда, и откуда получалъ то, въ чемъ самъ имѣлъ надобность. Было предположено, что по истеченіи года тѣ лица, которыхъ балансъ въ общемъ складѣ окажется благопріятнымъ для нихъ, составятъ полную кооперативную общину на основаніи принциповъ коммунизма, «вступятъ въ обѣтованную землю общаго труда и равнаго распредѣленія» (106).

*** Доказательство, что коммунизма не было въ Нью-Гармони при основаніи его. Рей, 95.

дѣти, начиная съ 2 лѣтъ. Замѣчательно, что въ пансіонѣ дѣти работали не только для упражненія, для гимнастики, но и для увеличенія средствъ заведенія.—Вообще, первые шаги нью-гармонійской общины были весьма удачны, такъ что Оуэнъ въ самомъ непродолжительномъ времени могъ оставить Америку и возвратиться въ Англію. Но едва онъ успѣлъ поставить ногу на европейскую почву, какъ изъ Америки, вслѣдъ за нимъ, пришелъ зовъ нью-гармонійцевъ, приглашавшій его въ Америку, потому что въ отсутствіе его обнаружились безпорядки, съ которыми община сама не могла справиться. Оуэнъ возвратился въ Нью-Гармони еще въ январѣ 1826 года и занялся лучшей организаціей общины. Онъ хотѣлъ раздѣлить ее на двѣ части, такъ, чтобы одна часть ея осталась въ прежнемъ, преліминарномъ состояніи, а другая образовала полную кооперативную общину; но сама община этого не захотѣла, а рѣшилась вся измѣнить свой характеръ, рѣшилась организовать полную кооперативную общину, съ общностью имущества, труда и потребленія, что и было исполнено *. Результаты однако оказались самые плачевные. Прежде всего въ общинѣ *не оказалось согласія*, вслѣдствіе чего «сначала, какъ разсказываетъ Рей, была измѣнена форма правленія общины. Потомъ новая форма была замѣнена другою, третьею и т. д., пока наконецъ не стало для всѣхъ очевидно, что при своей многочисленности и различіи привычекъ и чувствъ, они не могутъ достигнуть согласія, живя въ одной общинѣ» **.— Одною изъ главныхъ причинъ, ведшихъ къ разложенію нью-

---

* Для преобразованія общины изъ прелиминарной въ полную кооперативную, была составлена коммиссія изъ 7 человѣкъ, которая и устроила это дѣло. Замѣчательно, что въ коммиссіи участвовали два сына Оуэна—Робертъ и Вильямъ (Бусъ, 109). Это показываетъ, что они принадлежали къ общинѣ нью-гармонійской, такъ какъ коммиссія была составлена по выбору изъ членовъ общины. — Очевидно присутствіе ихъ въ Нью-Гармони въ качествѣ членовъ общины, безъ сомнѣнія согласно съ волею отца, было залогомъ вѣры самого Оуэна въ будущность кооперативной системы, который онъ такимъ образомъ далъ съ своей стороны предъ лицомъ самой общины и всего міра.

** Тамъ же, 91.

гармонійскую кооперативную общину въ полномъ ея составѣ, были ея экономическія особенности, отнимавшія всякую энергію у членовъ общины. «Было замѣчено, говоритъ Рей, что ихъ ревность и ихъ дѣятельность уменьшались вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа членовъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше было ихъ число, тѣмъ больше они старались свалить другъ на друга производительныя работы, что наконецъ привело къ дефициту» *. Не надобно забывать, что это говоритъ усердный поклонникъ системы Оуэна, старающійся доказать, что она имѣла несомнѣнный успѣхъ въ Нью-Гармони. Въ то же время обо всѣхъ этихъ перемѣнахъ и неудачахъ «Нью-гармонійская газета», спеціальный органъ кооперативной системы, выражается слѣдующимъ образомъ. «тогда (т. е. при всѣхъ этихъ несогласіяхъ и при дефицитѣ) оказалось, что, хотя и вѣрно то, что характеръ человѣка измѣняется съ обстоятельствами, и что его воспитаніе оканчивается только съ его жизнью, однако обстоятельства и привычки дѣтства долго еще сохраняютъ свое могущественное дѣйствіе». Мы съ своей стороны только вспомнимъ о томъ, съ какою самоувѣренностью въ 1817 году Оуэнъ говорилъ, будто «найдено, что когда люди работаютъ вмѣстѣ для общей пользы, тогда каждый исполняетъ свое дѣло съ большею выгодою для себя и для общества, чѣмъ тогда, когда они работаютъ поденно или поштучно». Для себя-то повидимому въ Нью-Гармони каждый работалъ съ выгодою, т. е не утруждалъ себя, а для общества эта работа оказалась невыгодна.

Вслѣдствіе этого нью-гармонійская община подверглась но-

---

* Таже же, 92. — Бусъ въ этомъ случаѣ вполнѣ согласенъ съ Реемъ, но излагаетъ дѣло нѣсколько подробнѣе. «Отдѣльныя личности, говоритъ онъ, оказывали весьма незначительное сочувствіе къ общему благосостоянію, нѣкоторые сдѣлались лѣнивы и стали бременемъ для другихъ. Прилежные находили, что они не пожинаютъ плодовъ своихъ трудовъ; холостые жаловались, что они несутъ тягости семейной жизни, не пользуясь ея утѣшеніями. Женщины въ особенности были недовольны тѣмъ, что онѣ обременены работой больше, нежели сколько ея слѣдуетъ на ихъ долю. Неудовольствіямъ и зависти не было конца». (113).

вымъ измѣненіямъ и даже не разъ. Сначала изъ нея выдѣлилась новая община, образовавшаяся изъ такихъ членовъ, которые, имѣя взаимное довѣріе другъ къ другу, могли соединиться для общихъ занятій и для общей жизни *. Потомъ остальные члены раздѣлились на нѣсколько ремесленныхъ корпорацій, независимыхъ другъ отъ друга, но въ своемъ внутреннемъ устройствѣ слѣдовавшихъ принципамъ кооперативной системы. Впослѣдствіи эти корпораціи еще не разъ соединялись и раздѣлялись; и такъ дѣло продолжалось до тѣхъ поръ, пока не обнаружилась полная несостоятельность кооперативной системы Оуэна.

Впрочемъ раньше этого окончательнаго результата и на ея долю выпалъ нѣкоторый успѣхъ и блескъ, ослѣпившій многихъ, внушившій имъ надежду на прочность и цѣлесообразность системы Оуэна. Но успѣхомъ пользовалась только та часть общины, которая составилась изъ людей достаточныхъ и устроилась въ окрестностяхъ Нью-Гармони въ видѣ полной кооперативной общины, подъ руководствомъ Вильяма Маклюра, бывшаго президента естественно-историческаго лицея въ Нью-Іоркѣ, который принесъ съ собою въ общину значительныя денежныя средства Въ честь Маклюра она получила названіе Маклюріи; къ ней примкнули педагоги Нефъ, Фикепаль и г-жа Фретажо; вообще, въ нее отдѣлились лучшіе, болѣе образованные члены нью-гармонійской общины; судя по всему, они устроили свой экономическій бытъ весьма удовлетворительнымъ образомъ; по крайней мѣрѣ, съ своей стороны, они дѣйствительно уплатили Оуэну за землю, на которой поселились. Этимъ они были обязаны отчасти своимъ капиталамъ, внесеннымъ въ общину, отчасти своему трудолюбію и разумному порядку: у нихъ всякій работалъ, исключенія не было ни для кого, лѣнивыхъ между членами не оказалось. Жизнь этой части общины устроилась въ формахъ весьма привлекательныхъ, въ чемъ и заключается тотъ блескъ, который на время озарилъ кооперативную систему. «Послѣ трудовъ, пи-

* Эта часть общины образовалась изъ людей болѣе достаточныхъ, внесшихъ съ собою болѣе или менѣе значительные капиталы по прибытіи въ общину; въ другой остались одни бѣдняки.

салъ въ 1826 году Маклюръ къ редактору Revue Encyclopédique, Жюльену, мы почти каждый вечеръ имѣемъ балы, концерты или общія бесѣды; у насъ есть прекрасный оркестръ, равно какъ и другія утонченности общественной жизни. Наши ученыя и литературныя собранія хотя немногочисленны, но согласіемъ и гармоніею превосходятъ ваши знаменитыя собранія въ большихъ городахъ. Забава служитъ вознагражденіемъ труду, и дѣятельность въ отдыхѣ находитъ удовольствіе, неизвѣстное лѣнивымъ. Между нами господствуетъ почти исключительно то правило, что всякая вещь достойна уваженія пропорціонально своей полезности. — Наши молодыя женщины, вставъ изъ-за фортепьяно, идутъ доить коровъ или стряпать на кухнѣ, что весьма забавляло герцога Саксенъ-Веймарскаго, который прожилъ у насъ съ недѣлю или дней десять Его секретарь танцовалъ на всѣхъ нашихъ балахъ въ костюмѣ общины: этотъ костюмъ состоитъ въ изящной греческой туникѣ и широкихъ панталонахъ для мужчинъ. Женскій костюмъ также походитъ на этотъ. Тотъ и другой сдѣланы такъ, чтобы нисколько не стѣснять движеній человѣка Пища каждаго человѣка обходится въ настоящее время отъ 4 до 6 су въ день; но когда мы имѣемъ общій столъ, то она стоитъ не болѣе половины этой суммы Одно изъ самыхъ большихъ удобствъ состоитъ въ легкости, съ которою мы можемъ дѣлать всякіе опыты, не смотря на наше уединеніе и нашу независимость отъ остальнаго человѣческаго общества.— Можетъ быть на всемъ земномъ шарѣ нигдѣ нѣтъ столь большаго числа людей, соединенныхъ въ одномъ мѣстѣ, столь свободныхъ отъ предразсудковъ и столь далекихъ ото всѣхъ старыхъ ошибокъ, политическихъ и религіозныхъ. Всякій день мы дѣлаемъ новые успѣхи; мы имѣемъ отъ пяти до шести тысячъ томовъ лучшихъ сочиненій и довольно времени для того, чтобы просвѣщать себя чтеніемъ и разговорами. Изъ будущихъ поколѣній мы надѣемся образовать людскую расу, болѣе совершенную, чѣмъ тѣ, которыя существовали до сихъ поръ, и на развалинахъ стараго общества образовать новое,

котораго организація будетъ согласна съ организаціею и потребностями человѣка» *.

Это письмо достаточно объясняетъ характеръ общины; очевидно кооперативные принципы были въ ней осуществлены во всей полнотѣ какъ въ экономическомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ;—отъ предразсудковъ это общество свободно; религіозныхъ и политическихъ ошибокъ оно не знаетъ. И очевидно, что подъ предразсудками и ошибками здѣсь разумѣются положительная религія, частная собственность и семейство; все это было вычеркнуто изъ жизни общины, и, не смотря на то, община процвѣтала. Итакъ кооперативная система Оуэна по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ оказалась состоятельною.—Увы! безпристрастный наблюдатель не можетъ сказать этого. Самому Маклюру, руководителю общины, можно было до поры до времени въ такихъ пріятныхъ чертахъ описывать ея жизнь, но не такою она кажется со стороны, и не такою она оказалась впослѣдствіи. — Прежде всего замѣтимъ, что кооперативная система все-таки прежде всего имѣетъ въ виду бѣднѣйшіе классы общества, которымъ она старается доставить матеріальное и нравственное богатство. Но та часть общины, успѣхи которой такъ прославляетъ Маклюръ, именно состагилась изъ людей наиболѣе достаточныхъ и образованныхъ, которые не могли и не хотѣли жить вмѣстѣ съ людьми бѣдными и необразованными. Онъ разсказываетъ, что эта часть общины могла заплатить Оуэну за землю отъ 50 до 60 т. долларовъ, т. е. болѣе 250,000 франковъ, и притомъ менѣе, нежели въ 2 года (1825—1826 г.). Можно по этому судить, что средства общины были значительны; можно было членамъ ея давать балы и концерты и пріобрѣсти нѣсколько тысячъ томовъ книгъ, можно было доставить себѣ всякія утонченности цивилизаціи. Не то было, когда эти самые люди составляли часть всей нераздѣльной ньюгармонійской общины вмѣстѣ съ людьми простыми и бѣдными; при нихъ община нѣсколько разъ перемѣняла свое прав-

* Тамъ же, 96.

леніе, при нихъ она оказалась несостоятельна въ экономическомъ отношеніи. Что нѣсколько людей, нелишенныхъ достатка и образованія, которымъ притомъ сдѣлалась противна та среда, въ которой они жили, могли впродолженіе нѣкотораго времени съ удовольствіемъ прожить при другой обстановкѣ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; это бывало и прежде и послѣ.—Еслибы эта часть общины своею жизнью, успѣхами ея разрѣшила самый существенный вопросъ коммунизма, вопросъ объ экономической состоятельности его, если бы она своимъ примѣромъ доказала, что кооперативная система, приводя въ согласіе наклонности и дѣйствія людей различнаго состоянія, воспитанія, образованія и различной нравственности, дѣйствительно можетъ доставить имъ матеріальное и нравственное благосостояніе и притомъ благосостояніе продолжительное, прочное; тогда опытъ, сдѣланный ею, имѣлъ бы значеніе. Но, не говоря уже о томъ, что эта часть общины составилась изъ людей, которые и при другихъ принципахъ могли бы жить въ достаткѣ, давать балы и концерты, и е я-т о у с п ѣ х и б ы л и н е п р о ч н ы; потому что и она въ скоромъ времени прекратила свое существованіе; и въ ея средѣ согласіе господствовало недолго; и несогласіе, т. е. разложеніе общины послѣдовало не случайно, а именно вслѣдствіе принциповъ, господствовавшихъ въ средѣ ея. Люди, не столь сучувствующіе идеямъ Оуэна, какъ Маклюръ, вотъ какими чертами дополняютъ розовую картину, начерченную имъ: «по несчастію всѣ эти граціозныя картины, всѣ эти очаровательныя сцены не замедлили измѣнить свой характеръ. Безъ противодѣйствія религіи, безъ нравственной сдержанности отношенія между полами, представляя самое постыдное смѣшеніе, сдѣлались неистощимымъ источникомъ споровъ и кровавыхъ ссоръ. Г. Оуэну хорошо было говорить о братской любви, о всеобщей благосклонности; потерпѣвшіе неудачу соперники не довольствовались этою монетою, а прибѣгали къ палкамъ и даже кинжаламъ» *.

* Thonissen. Le social et ses pr. 1, 72.

Вотъ чѣмъ окончилось это отсутствіе предразсудковъ и ошибокъ политическихъ и религіозныхъ *.

Была другая сторона, въ которой проявился успѣхъ системы Оуэна въ Америкѣ; это—быстрое распространеніе кооперативныхъ общинъ на разныхъ пунктахъ сѣвероамериканской территоріи. Рей разсказываетъ, что въ 1827 году существовало 20 кооперативныхъ общинъ, въ разныхъ пунктахъ Соединенныхъ Штатовъ, между прочимъ въ Валлей-Форжѣ близъ Филадельфіи, въ Геверъ-Странде близъ Нью-Іорка, двѣ въ штатѣ Огайо подъ руководствомъ г Дорсея и докт. Блеклича, въ Южной Каролинѣ подъ руководствомъ г. Линча, двѣ въ Луизіанѣ, подъ руководствомъ докт. Сек-

* И главнымъ авторомъ этого отсутствія предразсудковъ и ошибокъ политическихъ, судя по всему, нужно считать Оуэна, хотя матеріалъ, на который онъ дѣйствовалъ, т. е. обитатели всей вообще нью-гармонійской колоніи были хорошо подготовлены къ воспріятію его идей. Въ іюлѣ 1826 года онъ говорилъ имъ рѣчь касательно главныхъ основаній общественной жизни. религіи, собственности и семейства. Религія, слѣдуя ему, изобрѣтена нѣкоторыми замысловатыми лицами. Эти же лица отняли у народа собственность и присвоили ее себѣ, потомъ они ввели супружество, посредствомъ котораго они, благодаря своему богатству, присвоили себѣ хорошенькихъ женщинъ, какъ прежде присвоили себѣ собственность. Такимъ-то образомъ бѣдные потеряли свои права, а женщина свободу, и появилась на свѣтъ эта «троица зла» (The Trinity of Evil), т. е религія, собственность и бракъ Но этотъ порядокъ долженъ прекратиться. «Религія должна быть уничтожена, потому что человѣкъ не можетъ бояться мрака могилы; частная собственность должна исчезнуть, потому что жизнь бѣдныхъ не можетъ зависѣть отъ каприза немногихъ, бракъ долженъ перестать существовать, чтобы любовь возвратила свои утраченныя права». — Это ученіе свое Оуэнъ называлъ «Декларацією умственной независимости», и увѣрялъ, что оно важнѣе декларации американской независимости, имѣвшей мѣсто 50 лѣтъ назадъ, когда Соединенные Штаты отдѣлились отъ Англіи (Бусъ, 121 и 122). И это мнѣніе было принято жителями Нью-Гармони, которые стали смотрѣть на Декларацію, какъ на новую эру; нью-гармонійская газета съ этого времени на своихъ страницахъ такъ обозначала время: «1-й годъ умственной независимости, 51-й американской независимости и 1826-й отъ Р. Х.» Увы! Первый годъ умственной независимости былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ. потому что, уже въ мартѣ 1827 Маклюрія, кооперативная община, составленная изъ достаточныхъ и образованныхъ людей, разрушилась, а съ нею прекратилось и существованіе нью-гармонійской газеты.

стона и В. Маклюра, одна въ Луи-Виллѣ, подъ руководствомъ Тарасіона. Въ то же время миссъ Райтъ, авторъ книги объ Америкѣ, основала въ Нашобѣ, близъ Миссисипи, кооперативную общину для негровъ. Успѣхи дѣйствительно блестящіе и особенно быстрые.—Но сколько они были быстры, столько и эфемерны; потому что и отъ этихъ общинъ черезъ нѣсколько лѣтъ не осталось и слѣда. Оуэнъ отказался отъ нихъ еще тогда, когда онѣ повидимому процвѣтали; въ 1827 году онъ покинулъ совсѣмъ Америку * съ тою мыслью, что и въ Америкѣ почва неблагопріятна для его идей. Впослѣдствіи онъ еще разъ посѣтилъ Нью-Гармони и увидѣлъ тамъ окончательное разложеніе кооперативныхъ общинъ. Вообще, неуспѣхъ системы Оуэна былъ полный; этого не могутъ не признавать и партизаны ея и стараются объяснить его съ одной стороны худымъ составомъ нью-гармонійской общины, непривычкою къ труду и какому бы то ни было порядку со стороны большинства ея членовъ, именно бѣднѣйшихъ между ними, съ другой стороны уцѣлѣвшею въ нихъ наклонностью къ пріобрѣтенію, къ накопленію богатства, вслѣдствіе чего вмѣсто братской кооперації между ними возникли отношенія капиталистовъ къ рабочимъ. И это дѣйствительно справедливо. Самъ Оуэнъ въ послѣднее свое посѣщеніе Нью-Гармони, собравъ на митингъ нью-гармонійцевъ, говорилъ имъ, что отдѣльныя «семейства, удалившись въ систему индивидуализма, основанную на суевѣріи, не пріобрѣли нравственныхъ качествъ терпѣнія и взаимной любви, которыя необходимы для произведенія взаимнаго довѣрія и согласія между членами, безъ которыхъ общины не

---

* Пріобрѣтая владѣнія гармонійцевъ, Оуэнъ разсчитывалъ, что его издержки будутъ ему уплачены будущею общиною. Это было слѣдствіемъ не столько экономическаго разсчета, сколько той мысли, что кооперативная община должна и можетъ вознаградить затраты, сдѣланныя для устройства ея. Дѣйствительно, какъ мы видѣли, одна часть раздѣлившейся потомъ общины уплатила Оуэну деньги за землю, занятую ею. Другія части не могли не только платить деньги за землю, но и содержать сами себя. Потому, оставляя Америку, Оуэнъ простилъ имъ свой долгъ, передавъ имъ землю и всѣ заведенія въ полную собственность. (L. Reybaud. Etudes sur le réformateurs, I, 239).

могутъ существовать» *. — Но вѣдь это говорили Оуэну раньше всѣ тѣ, которые не принимали его теорій. И надежда его на то, что согласіе въ Нью-Гармони будетъ царствовать, и притомъ въ такой степени, чтобы могла существовать коммунистическая община, не была подкрѣплена никакими прочными основаніями, — въ особенности при той системѣ міровоззрѣнія, которая существовала въ Нью-Гармони и которая отрицала то, что онъ называлъ троицею зла, т. е. единственныя до сихъ поръ извѣстныя три основы общественной жизни: религію, семейство и собственность. Въ той же самой Нью-Гармони жили мирно и дѣйствительно согласно раппиты, и пользовались благосостояніемъ; а когда пришли туда послѣдователи Оуэна, то ни согласія, ни взаимнаго расположенія между ними не оказалось и наконецъ не оказалось средствъ къ жизни. Бусъ очень мѣтко дѣлаетъ слѣдующее сравненіе между раппитами и послѣдователями Оуэна: «послѣдователи Раппа, говоритъ онъ, обыкновенно каждый вечеръ собирались въ деревенскую церковь, чтобъ молиться Господу, и они обрѣли миръ и благоденствіе; — ученики Новой системы собирались для роскошныхъ пировъ, для танцевъ, споровъ и для нечестиваго плотоугодія; они забыли своихъ боговъ и, повидимому, боги забыли ихъ» **. Бусъ, не раздѣляя воззрѣній Оуэна, тѣмъ не менѣе къ нему самому относится не безъ сочувствія; и въ этихъ словахъ очевидно отражается грусть, навѣянная на него несчастнымъ опытомъ въ Нью-Гармони. Въ подобныхъ же чертахъ онъ изображаетъ окончательное распаденіе общины: «отъ трудовъ Оуэна не остается и слѣдовъ на берегахъ Вабаша; огромный залъ (т. е. церковь), построенный усердіемъ учениковъ Раппа, котораго стѣны были оглашены Декларацією умственной независимости, теперь обращенъ въ свиной хлѣвъ; община разсѣялась и смѣшалась съ древнимъ обществомъ; одни пошли копать золото въ минахъ Калифорніи; болѣе счастливые пріобрѣли хутора въ окрестностяхъ великаго опыта и благоден-

* Booth. 123. — ** 107.

ствуютъ подъ господствомъ принциповъ, которые они осуждали» *.

Оставляя Америку, Оуэнъ думалъ заняться пока простымъ распространеніемъ своихъ идей, такъ какъ для нихъ не оказалось готовой почвы ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ. Въ этомъ еще болѣе его убѣдилъ опытъ осуществленія его системы, произведенный въ его отсутствіе въ Шотландіи, въ Орбистонѣ, во владѣніи Гамильтона, одного изъ учредителей неосуществившейся общины въ Мотеруэлѣ. Люди, принимавшіе участіе въ этомъ дѣлѣ, рѣшились устроить новую общину въ Орбистонѣ съ значительнымъ однако уклоненіемъ отъ полноты кооперативныхъ принциповъ. Ассоціація была введена, но не полная, — она раздѣлялась на двѣ части, — ассоціацію собственниковъ и ассоціацію фермеровъ, т. е. рабочихъ; это производило нѣкоторый антагонизмъ между тою и другою ассоціаціею; впрочемъ, во избѣжаніе столкновеній собственники обнаружили наклонность дѣлать уступки трудящимся. Во главѣ Орбистонской общины стоялъ весьма практическій и энергическій человѣкъ Абрамъ Комбъ, наиболѣе усердный изъ учениковъ Оуэна; при началѣ своей дѣятельности въ Орбистонѣ онъ встрѣтилъ столько же препятствій, сколько Оуэнъ въ Нью-Ланаркѣ. Орбистонскіе работники были очень мало расположены къ энергическому труду; они собирались въ Орбистонъ въ надеждѣ, что здѣсь и безъ труда можно жить въ довольствѣ. Потому многіе изъ нихъ, убѣдившись въ скоромъ времени, что и здѣсь нужно усердно работать, оставляли Орбистонъ и искали занятій въ большихъ промышленныхъ центрахъ. Но это не ослабляло энергіи Комба ** и успѣхъ мало по малу сталъ вознаграждать его труды. Народонаселеніе Орбистона привыкало къ труду, къ воздержанію, къ опрятности; худыя привычки уступали мѣсто добрымъ нравамъ. Прогрессъ замѣчался во всемъ, въ трудѣ мужскомъ и женскомъ; женщины стали меньше ссориться между собою и больше обра-

* 125.—** Бусъ разсказываетъ, что Комбъ личнымъ примѣромъ возбуждалъ рабочихъ къ труду, занимаясь, и притомъ сверхъ силъ, непривычными для него работами, что̀ и было причиною его скорой смерти (102).

щать вниманіе на свои хозяйства и на своихъ дѣтей. Внимательное воспитаніе юношества также не осталось безъ результатовъ. Молодое поколѣніе Орбистона видимымъ образомъ привыкало къ труду и порядку. Короче, въ Орбистонѣ всѣ признаки обѣщали Комбу столь же блестящій успѣхъ, какъ успѣхъ Оуэна въ Нью-Ланаркѣ. Такъ по крайней мѣрѣ разсказываютъ почитатели кооперативной системы. Но Комбъ уже въ 1827 г. умеръ и послѣ его смерти орбистонская община тотчасъ же разстроилась и разошлась *. Такимъ образомъ еще одинъ опытъ оказался слишкомъ ненадежнымъ. Но это не уменьшило сочувствія почитателей Оуэна къ его идеямъ. Еще въ его отсутствіе въ Дублинѣ, Экзетерѣ и Лондонѣ составились общества съ цѣлью распространенія кооперативной системы **; въ Лондонѣ уже съ 1826 г. сталъ выходить «Co-operative Magazine», спеціальный органъ системы Оуэна. Съ

---

* Rey. 109—116. Неуспѣхъ орбистонской общины имѣетъ большой смыслъ. По духу своему она очень близка къ Нью-Ланарку. Здѣсь капиталисты имѣютъ свои счеты, рабочіе свои, т. е. отношеніе между капиталомъ и трудомъ оставалось то же, какое было въ Нью-Ланаркѣ и во всемъ вообще промышленномъ мірѣ. Кромѣ того, капиталисты относились къ рабочимъ очень благосклонно, какъ Оуэнъ къ своимъ рабочимъ. Но тутъ появилась уже новая особенность, очень важная. Между рабочими устроилась ассоціація, т. е общность въ трудѣ и потребленіи, безъ личной отвѣтственности каждаго человѣка за свой трудъ, черта вполнѣ коммунистическая, которой не было въ Нью-Ланаркѣ. Она и была причиною того, что орбистонская община столь быстро распалась. Здѣсь повторилось то, что оказалось въ Нью-Гармони.

** Эти общества такъ и назывались кооперативными, ихъ нужно отличать отъ кооперативныхъ общинъ. Кооперативное общество (cooperative society) только распространяетъ кооперативные принципы, а кооперативная община (coop. community) осуществляетъ ихъ. Отъ кооперативныхъ обществъ, въ духѣ Оуэна, нужно еще отличать ассоціаціи для потребленія, въ родѣ рочдельской ассоціаціи, которыя также принимаютъ иногда названіе кооперативныхъ обществъ. Эти ассоціаціи съ принципами Оуэна не имѣютъ ничего общаго. Онѣ стали возникать еще прежде, чѣмъ Оуэнъ сталъ распространять свою систему. Одна такая ассоціація возникла въ Гуллѣ еще въ 1795 г., другая въ Вульвичѣ въ 1806 г. Эти ассоціаціи представляютъ явленіе, которому нельзя не сочувствовать вполнѣ, хотя нельзя не признать, что онѣ составляютъ весьма незначительное средство для облегченія участи всей вообще массы рабочаго сословія.

пріѣздомъ Оуэна число такихъ обществъ умножилось; они появились еще въ Бирмингамѣ, Ливерпулѣ, Эдинбургѣ, Глазговѣ. Самъ Оуэнъ принялся дѣятельно за пропаганду своей доктрины, ѣздилъ изъ города въ городъ, собиралъ митинги, говорилъ рѣчи, печаталъ брошуры; вообще, не жалѣлъ ни трудовъ, ни издержекъ, предназначивъ значительную часть своего огромнаго состоянія для осуществленія кооперативной системы *, для распространенія своихъ идей.

Новый способъ дѣйствія, избранный Оуэномъ, оказался, повидимому, болѣе удачнымъ, чѣмъ прежній. Число людей, сочувствующихъ ему, увеличивалось во всѣхъ классахъ общества; онъ пріобрѣлъ покровительство нѣкоторыхъ лицъ, высоко поставленныхъ въ обществѣ; и это обѣщало ему большое пособіе для достиженія его цѣли, такъ что онъ попробовалъ еще разъ приступить къ практическому осуществленію своего ученія, и опять въ Америкѣ, въ Мексикѣ. Въ Мексикѣ въ то время, какъ и долгое время послѣ того, господствовали смуты, была почти полная анархія, въ особенности въ отдаленныхъ провинціяхъ. Оуэну пришла въ голову благая мысль посодѣйствовать умиротворенію и возрожденію Мексики посредствомъ своей системы. Наибольшія смуты происходили въ Техасѣ, и Оуэнъ, запасшись рекомендательными письмами отъ герцога Веллингтона къ англійскому посланнику въ Мексикѣ, еще въ 1828 г. предложилъ свои услуги мексиканскому правительству для умиротворенія и устроенія Техаса. Правительство приняло предложеніе Оуэна съ большимъ вниманіемъ. Оно затруднялось только тѣмъ, что не имѣло права назначать отъ себя правителей для Техаса Но, не желая совсѣмъ отказаться отъ испытанія системы Оуэна, президентъ предложилъ Оуэну управленіе страною еще болѣе важной, именно округомъ, про-

* Замѣчателенъ слѣдующій поступокъ Оуэна: рѣшившись пожертвовать состояніемъ для достиженія своей цѣли, Оуэнъ однако предварительно выдѣлилъ части своимъ дѣтямъ, чтобы впослѣдствіи они не осуждали его за то, что онъ забылъ ихъ, — такъ что на распространеніе своего ученія онъ употребилъ только ту часть, которую оставилъ для себя, для обезпеченія своей старости.

стиравшимся отъ Тихаго океана до Мексиканскаго залива и составлявшимъ большею частію границу между Мексикою и Соединенными Штатами. Но и это дѣло разстроилось. Оуэнъ положилъ непремѣннымъ условіемъ съ своей стороны полную свободу вѣроисповѣданія. Президентъ отвѣчалъ, что это условіе не можетъ быть принято, потому что въ Мексикѣ считается господствующимъ католическое исповѣданіе. Впрочемъ, президентъ обѣщалъ представить мексиканскому конгрессу проектъ закона касательно вѣротерпимости. «На этихъ условіяхъ, сказалъ Оуэнъ, я принимаю; когда законъ будетъ утвержденъ, я займусь осуществленіемъ моихъ принциповъ, касающихся управленія». Предлагалъ ли президентъ проектъ закона о вѣротерпимости или нѣтъ, мы не знаемъ, но законъ не былъ изданъ, и негоціація Оуэна съ мексиканскимъ правительствомъ не достигла цѣли. Возвращаясь въ Европу, Оуэнъ еще разъ посѣтилъ Соединенные Штаты, былъ въ Нью-Гармони и опять видѣлся съ замѣчательнѣйшими людьми Соединенныхъ Штатовъ, былъ принятъ президентомъ Джаксономъ, и при всѣхъ этихъ отношеніяхъ имѣлъ опредѣленную цѣль, находящуюся въ нѣкоторой связи съ главною цѣлью всей его жизни. Онъ старался улучшить отношенія между Англіею и Соединенными Штатами, сдѣлать ихъ болѣе искренними и доброжелательными и, повидимому, попытка его не осталась безъ успѣха, по крайней мѣрѣ, такъ увѣряли его президентъ Джаксонъ и тогдашній министръ въ Англіи лордъ Абердинъ, который тотчасъ послѣ этого далъ новыя инструкціи англійскому посланнику въ Вашингтонѣ.

Неудачная попытка въ Мексикѣ заставила Оуэна опять обратить взоры къ родинѣ; потому слѣдующіе годы онъ употребилъ «на распространеніе здравыхъ познаній между англійскимъ народонаселеніемъ и на приготовленіе этой обширной реформы» *. Дѣйствительно, возвратившись этотъ разъ въ Англію, Оуэнъ опять путешествовалъ изъ одного конца Англіи въ другой, изъ Бирмингама являлся въ Глазговъ, оттуда въ

* Манифестъ Роб. Оуэна § 11 (См. приложеніе А).

Ливерпуль, Дублинъ, опять собиралъ митинги, говорилъ рѣчи и издавалъ трактаты; между прочимъ издалъ свою книгу «о новомъ нравственномъ мірѣ». Въ это время онъ измѣнилъ и названіе своей системы; вмѣсто кооперативной системы онъ сталъ называть ее раціопальною системою. Въ это же время онъ принялъ болѣе дѣятельное участіе въ интересахъ рабочаго сословія, не въ тѣхъ интересахъ, которые самъ онъ сочинилъ для рабочихъ, а въ тѣхъ, которыми были одушевлены сами рабочіе; но, какъ человѣкъ правдивый, онъ не потакалъ рабочимъ, гдѣ находилъ ихъ неправыми. Рабочіе старались добиться отъ фабрикантовъ увеличенія рабочей платы и стремились получить избирательныя права. Оуэнъ сочувствовалъ и тому и другому стремленію, но средствъ, которыя рабочіе хотѣли употребить, не одобрялъ. Такъ, онъ громко порицалъ стачки, дѣланныя въ это время рабочими, указывалъ имъ на безполезность этого средства, и скорыя послѣдствія оправдали его слова. Вообще, онъ совѣтовалъ рабочимъ стремиться къ достиженію своихъ цѣлей средствами миролюбивыми. Самъ онъ въ это время придумалъ одно средство, отъ котораго ожидалъ благотворныхъ послѣдствій для рабочаго сословія и изложилъ его въ брошурѣ: National labour equitable exchange. Дѣло состояло въ томъ, чтобы устроить особаго рода народный банкъ, который избавилъ бы рабочихъ отъ зависимости со стороны капиталистовъ. Предполагалось вытѣснить изъ употребленія монету, которая дѣлаетъ необходимымъ посредничество капитала, вслѣдствіе чего цѣна произведеній увеличивается. Вмѣсто монеты предположено было ввести бумажныя деньги; за единицу цѣнности былъ принятъ рабочій часъ. Дѣйствительно, банкъ былъ устроенъ въ Лондонѣ; какъ необходимое дополненіе къ нему появились магазины, въ которыхъ участники предпріятія могли получать всѣ предметы потребленія. Но и это учрежденіе было недолговѣчно; уже въ 1832 году оно прекратило свою дѣятельность.

Послѣ этого Оуэнъ еще два раза приступалъ къ практическому осуществленію своихъ идей, въ Манчестерѣ и въ

Гампширѣ, но оба раза неудачно. Въ Манчестерѣ нѣсколько раньше и, совершенно независимо отъ Оуэна, образовалось «Дружеское общество взаимности», имѣвшее цѣлію посредствомъ денежныхъ взносовъ образовать общій фондъ, изъ котораго можно было бы давать пособіе рабочимъ въ случаѣ надобности. Потерпѣвши передъ тѣмъ неудачу въ Лондонѣ и переселившись въ Манчестеръ, Оуэнъ прежде всего сошелся съ съ Дружескимъ обществомъ, и подъ его вліяніемъ оно превратилось въ «Ассоціацію всѣхъ классовъ и всѣхъ народовъ», т. е. оно расширило свою программу и хотѣло вмѣстѣ съ тѣмъ расширить свою дѣятельность, хотѣло распространиться во всѣхъ странахъ и во всѣхъ классахъ общества, чтобы соединенными и умноженными силами стремиться къ соціальной реформѣ. Для начала дѣла оно хотѣло устроить кооперативную общину близъ Манчестера; но этотъ проектъ не осуществился. Другая попытка кооперативной общины на югѣ Англіи, въ Гампширѣ, была приведена въ исполненіе, но окончилась весьма печальнымъ образомъ. Попытка эта возникла изъ слѣдующихъ обстоятельствъ.

Въ 1837 году образовалось общество «Національнаго общиннаго фонда», которое было утверждено парламентскимъ актомъ. Оно имѣло цѣлью собрать необходимыя суммы для основанія общины на кооперативныхъ началахъ, но не успѣло въ этомъ; потому въ 1839 году оно соединилось съ Ассоціаціею всѣхъ классовъ и всѣхъ народовъ. Соединенное общество приняло титулъ «Всеобщаго коммунистическаго общества раціональныхъ религіонистовъ», выбрало Оуэна своимъ президентомъ и немедленно пріобрѣло имѣніе Тизерли въ Гампширѣ. Нѣсколько энтузіастовъ изъ образованнаго класса и изъ рабочаго сословія собрались туда. Съ самаго начала не обошлось безъ недоразумѣній. Нѣкоторые изъ членовъ общины скоро оставили ее, такъ что все число обитателей Тизерли сократилось до 19 человѣкъ: 12 взрослыхъ и 7 человѣкъ дѣтей. Но за то эти оставшіеся члены устроились сообразно своимъ принципамъ и наклонностямъ; работали они немного: отъ 6 до 11 часовъ утромъ и послѣ обѣда до 5 часовъ.

Остальное время дня посвящалось отдыху; подобно тому, какъ было въ Нью-Гармони, «они проводили много времени въ пѣніи и танцованіи» *. Всѣ были такъ довольны, что опять начали думать, будто началась новая эра въ исторіи человѣчества, и уже ввели новое лѣтосчисленіе; свои письма они подписывали слѣдующимъ образомъ: «16-го числа, 4-го мѣсаца, 1-го года новой системы и 16 янв. 1840 г. старой системы»; начало новой эры, стало быть, относилось къ 1-му окт. 1839 года. Но скоро подъ лепестками прелестной розы оказались колючіе шипы; началисъ внутреннія неудовольствія и дефицитъ. Директоръ общины, нѣкто Финчъ, самъ большой энтузіастъ новыхъ идей, возбудилъ противъ себя неудовольствіе общины и былъ смѣненъ и на его мѣсто назначенъ новый; этотъ тоже смѣненъ и назначенъ еще новый, и т. д. Согласіе и порядокъ оставили общину навсегда, а дефицитъ все увеличивался. Наконецъ обратились къ Оуэну, чтобы онъ взялъ на себя направленіе дѣятельности въ Тизерли. Оуэнъ явился; онъ нашелъ новые фонды для устройства общины; началъ постройку для обитателей ея, подъ именемъ Гармони-Голль; предполагалось устроить воспитательное заведеніе, какъ въ Нью-Ланаркѣ; было прикуплено значительное количество земли, такъ что оно возрасло до 1,000 акровъ (первоначально было пріобрѣтено только 533 акра); это было сдѣлано съ тѣмъ разсчетомъ, что община бо́льшихъ размѣровъ удобнѣе удовлетворитъ сама своимъ потребностямъ. Но этотъ разсчетъ не исполнился; дефицитъ не уменьшился, несмотря на вспомогательные фонды, собранные Оуэномъ. Тогда въ общинѣ возникло неудовольствіе и противъ Оуэна. Его обвиняли въ сумасбродствѣ, ему ставили на видъ его собственныя сочиненія, находя, что онъ дѣйствуетъ вопреки тому, что въ нихъ содержится; его называли «тираномъ, непринимающимъ никакихъ совѣтовъ и недопускающимъ никакой оппозиціи» **. На митингѣ, гдѣ

* Booth., 208. ** 211.

самъ Оуэнъ предсѣдательствовалъ, было принято, что всѣ затрудненія, въ которыхъ находится Тизерли, происходятъ отъ того довѣрія, которое члены общины имѣли къ Оуэну. Вслѣдствіе такого рѣшенія онъ оставилъ колонію и президентство во Всеобщемъ коммунистическомъ обществѣ. Это было въ 1841 г. Но чрезъ шесть мѣсяцевъ ему опять предложили и управленіе колоніею и президентство въ обществѣ; Оуэнъ согласился; но дѣла поправить уже было нельзя; эктузіазмъ къ его идеямъ прошелъ; денегъ никто не давалъ; и уже въ слѣдующемъ, 1842 году, колонія окончательно пала, послѣ чего тотчасъ же разстроилось и общество.—Таковъ былъ послѣдній практическій опытъ осуществленія идей Оуэна. Сумму издержекъ, поглощенныхъ имъ, опредѣляютъ въ милліонъ франковъ *.

Такимъ образомъ, начавъ свою реформаторскую дѣятельность столь блестящимъ опытомъ, какъ реформа быта и нравовъ нью-ланаркскихъ рабочихъ, въ слѣдующіе годы своей дѣятельности Оуэнъ терпѣлъ постоянныя неудачи, которыя шли crescendo. Со времени перваго путешествія его въ Америку въ 1824 году, когда онъ основалъ кооперативную общину въ Нью-Гармони, до опыта въ Гампширѣ всѣ его предпріятія оканчивались полнымъ неуспѣхомъ и даже денежными поте-

---

* Періодъ дѣятельности Оуэна отъ 1829 года 1842 года, разсказанъ весьма подробно у Буса; но мы не считаемъ нужнымъ заимствовать у него эти подробности, за исключеніемъ тѣхъ, которыя касаются опыта Тизерли. Всѣ они составляютъ непрерывный рядъ неудачъ, которыя имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ. Замѣчательно, что въ это время, на седьмомъ десяткѣ лѣтъ своей жизни, Оуэнъ обнаружилъ еще болѣе энергическую дѣятельность, чѣмъ въ молодые годы. Онъ лично посѣщалъ всѣ замѣчательнѣйшіе города Англіи, ѣздилъ на материкъ, въ Парижъ, далѣе въ Вѣну и Берлинъ, гдѣ старался привлечь къ своимъ видамъ (?) Меттерниха и Гумбольдта. Въ Англіи онъ вошелъ въ сношеніе съ различными радикальными обществами. Между прочимъ этотъ періодъ дѣятельности Оуэна отличается особенною ирреліігіозностью. Онъ и его послѣдователи говорили и печатали о религіи такія вещи, въ которыхъ англійское общество видѣло истинное кощунство, такъ что противъ нихъ образовалось въ обществѣ чувство, очень близкое къ раздраженію.

рями очень значительными. Это безъ сомнѣнія было не безъ причины; и открыть ее очень нетрудно. Мы видѣли, что уже въ первомъ проектѣ реформы, слѣдовавшемъ непосредственно за нью-ланаркскимъ опытомъ, у Оуэна явился новый принципъ, экономическій коммунизмъ, котораго состоятельность Оуэнъ если и пытался доказывать, то, какъ мы видѣли, весьма неубѣдительно; впослѣдствіи Оуэнъ не отказался отъ этого принципа, а постоянно давалъ ему больше и больше значенія. Къ этому нужно прибавить нѣкоторые другіе взгляды Оуэна, также не содержащіе въ себѣ залоговъ для успѣшной дѣятельности общества, построеннаго сообразно съ ними. Такъ въ кооперативной общинѣ единственнымъ стимуломъ человѣческой дѣятельности является человѣческое желаніе, основанное не на необходимости удовлетворенія потребностей, а на какихъ-то постороннихъ, впрочемъ мало опредѣленныхъ соображеніяхъ или безпричинныхъ влеченіяхъ. Мы видѣли также, что семейныя и всякія другія связи въ кооперативной общинѣ были совсѣмъ ослаблены и т. п. Но все это мы видѣли въ отдѣльныхъ явленіяхъ или въ отрывочномъ изложеніи системы Оуэна, сдѣланномъ имъ самимъ или однимъ изъ его почитателей Это мы находимъ недостаточнымъ для ознакомленія со всею полнотою воззрѣній Оуэна и ихъ характеромъ. Для этой цѣли мы воспользуемся однимъ сочиненіемъ, изданнымъ во вторую половину его дѣятельности, гдѣ Оуэнъ излагаетъ свои взгляды, какъ на природу человѣка, такъ и на всѣ стороны его дѣятельности въ доступной для него самого полнотѣ и систематичности *.

Здѣсь Оуэнъ излагаетъ свой взглядъ на природу человѣка и на образованіе его характера, свой идеалъ человѣческаго

---

* Propositions fondementales du Systeme coopératif, par R. Owen. Traduites par J. Rey. Paris, 1838.

счастія, свои понятія о религіи и вліяніи ея на человѣка, и наконецъ, свой взглядъ на политическое и экономическое устройство человѣческаго общества.

Какъ и слѣдуетъ, онъ начинаетъ съ самыхъ основаній, съ ученія о природѣ человѣка. «Человѣкъ, говоритъ онъ, есть существо сложное, котораго характеръ есть слѣдствіе его организаціи при вступленіи въ жизнь и вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ находится до смерти; эта первоначальная организація и эти внѣшнія вліянія дѣйствуютъ и воздѣйствуютъ постоянно.

«Человѣкъ, вслѣдствіе своей первоначальной организаціи, принимаетъ свои ощущенія и свои убѣжденія (?) невольнымъ образомъ.

«Всякій индивидуумъ родится въ средѣ извѣстныхъ обстоятельствъ, которыя впродолженіе перваго періода его жизни дѣйствуютъ на его первоначальную организацію, налагаютъ на него свою печать и образуютъ (?) его личный характеръ.

«Ребенокъ не можетъ рѣшить прежде своего рожденія (!), въ какое время, въ какой части свѣта и отъ какихъ родителей онъ родится, въ какой религіи онъ будетъ воспитанъ, какіе онъ получитъ нравы и обычаи и среди какихъ внѣшнихъ обстоятельствъ онъ будетъ находиться отъ рожденія до смерти.

«Человѣкъ по необходимости мыслитъ (?) неправильно, если съ дѣтства ему внушили неправильныя понятія подъ видомъ истины; правильно мыслить онъ не можетъ, если истина не будетъ внушена ему съ дѣтства безъ примѣси заблужденія.

«Молодой человѣкъ можетъ быть воспитанъ такъ, что пріобрѣтетъ привычки только дурныя, или привычки хорошія или наконецъ смѣсь тѣхъ и другихъ.

«Человѣкъ любитъ то, что ему доставляетъ пріятное чувство и ненавидитъ то, что доставляетъ чувство непріятное.

«Не испытавъ онъ не можетъ (?) знать, какія чувства будутъ производиться въ немъ новыми предметами.

«Всякій индивидуумъ предрасположенъ получить дурной ха-

рактеръ, когда онъ рожденъ съ неблагопріятною пропорціею въ элементахъ * своей природы, или когда онъ отъ рожденія былъ поставленъ среди неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

«Человѣкъ получаетъ характеръ посредственный, когда онъ, будучи сотворенъ съ благопріятною пропорціею своихъ способностей, отъ рожденія былъ помѣщенъ среди обстоятельствъ неблагопріятныхъ, или когда съ неблагопріятною пропорціею онъ былъ поставленъ среди обстоятельствъ благопріятныхъ, или наконецъ, когда будучи созданъ съ пропорціею благопріятною въ однихъ отношеніяхъ и неблагопріятною въ другихъ, онъ находился среди разнообразныхъ обстоятельствъ, производящихъ то добрыя, то худыя вліянія; это послѣднее состояніе до послѣднихъ поръ было удѣломъ человѣчества.

«Человѣкъ способенъ получить высшій характеръ, когда его первоначальная организація содержитъ въ себѣ наилучшую пропорцію способностей и когда обстоятельства, окружающія его впродолженіе всей жизни, могутъ производить только благопріятныя впечатлѣнія, или другими словами, когда законы, учрежденія, обычаи, подъ которыми онъ живетъ, гармонируютъ съ законами его природы».

Во всѣхъ этихъ положеніяхъ три главныя мысли: 1) что человѣкъ имѣетъ извѣстную организацію, съ благопріятною или неблагопріятною пропорціею въ элементахъ ея, т. е. въ умственныхъ способностяхъ, нравственномъ чувствѣ и въ инстинктивныхъ наклонностяхъ; 2) что человѣкъ любитъ то, что доставляетъ пріятное чувство, и ненавидитъ то, что доставляетъ ему чувство непріятное; 3) что характеръ человѣка есть слѣдствіе его организаціи и внѣшнихъ обстоятельствъ.

Противъ первыхъ двухъ изъ этихъ мыслей, мы не имѣемъ сказать ничего, кромѣ того, что въ первой Оуэнъ очевидно неяснымъ образомъ представляетъ себѣ способности человѣка, а вторая, которую онъ ставитъ какъ основаніе для своихъ выводовъ, для построенія на немъ идеала человѣческаго благо-

* Подъ ними Оуэнъ разумѣетъ «инстинктивныя наклонности, умственныя способности и нравственное чувство».

получія, очевидно недостаточна въ примѣненіи къ человѣку; она можетъ быть приложена ко всякому животному безъ исключенія, потому что каждое животное любитъ только то, что ему пріятно, и ненавидитъ то, что непріятно; но несомнѣнно, что идеалъ человѣческаго счастія чѣмъ-нибудь отличается отъ идеала счастія животныхъ. Человѣкъ иногда бываетъ недоволенъ и тѣмъ, что доставляетъ ему пріятное чувство, и нерѣдко заранѣе отказывается отъ доставленія себѣ пріятнаго чувства; съ другой стороны онъ нерѣдко мирится съ тѣмъ, что доставляетъ ему непріятное чувство; и даже сознательно стремится къ чему-нибудь подобному. Очевидно, въ этой мысли о томъ, что человѣкъ любитъ и не любитъ, Оуэнъ опустилъ изъ вниманія кое-что, имѣющее весьма серьезное значеніе, и притомъ такое, что требуетъ болѣе внимательнаго анализа, болѣе глубокаго вниканія въ причины явленій психической жизни человѣка.

Третья мысль о томъ, что характеръ человѣка есть слѣдствіе его организаціи и внѣшнихъ обстоятельствъ, есть повтореніе и отчасти видоизмѣненіе той мысли, которую Оуэнъ высказалъ еще въ своихъ опытахъ объ образованіи характера. Тамъ онъ просто говорилъ, что характеръ человѣка «есть главнымъ образомъ созданіе его предшественниковъ, которые даютъ или могутъ давать ему свои понятія и свои привычки»,— что самъ человѣкъ «не можетъ образовать свой собственный характеръ» *. Здѣсь въ образованіи характера является новая

---

* Замѣчательно, что и этого положенія Оуэнъ нигдѣ не доказывалъ сколько-нибудь серьезнымъ образомъ, онъ какъ будто предполагалъ свое открытіе стоящимъ выше необходимости доказывать его, такимъ, на которое стоитъ только указать, и оно будетъ всѣми принято. — Онъ только постоянно ссылается на свой опытъ въ Нью-Ланаркѣ, который будто бы говоритъ ясно, что характеръ непремѣнно измѣняется съ обстоятельствами. Потомъ у него есть еще слѣдующая попытка доказать, что характеръ человѣка есть дѣло обстоятельствъ: обстоятельства, говоритъ онъ, «какъ ни мало понятны они умамъ обыкновеннымъ (?), заранѣе опредѣляютъ: 1) будетъ ли дитя евреемъ, ученикомъ Конфуція, магометаниномъ, христіаниномъ, поклонникомъ Ягернаута или дикимъ, даже канибаломъ;—2) къ какой странѣ будетъ принадлежать онъ, и слѣдовательно какіе національные предразсудки будутъ дѣйствовать на него,—

дѣйствующая причина, собственная организація человѣка, его собственная природа, его инстинкты, его умъ, его нравственное чувство. Не смотря на то, Оуэнъ не измѣняетъ своего прежняго положенія, находитъ по прежнему, что человѣкъ не можетъ быть ни въ какой мѣрѣ творцомъ своего собственнаго характера, хотя умъ и нравственное чувство, принимаемое Оуэномъ, какъ чувство прирожденное, будучи признаваемы причинами, участвующими въ образованіи характера, должны бы повидимому оказать какое-нибудь дѣйствительное и самостоятельное вліяніе. Относительно ума, разсудка онъ положительно отвергаетъ такое вліяніе. Почему?—Потому, что «человѣкъ по необходимости мыслитъ неправильно, если ему съ дѣтства внушили неправильныя понятія подъ видомъ истины; и правильно мыслить онъ не можетъ, если истина не внушена ему съ дѣтства безъ примѣси заблужденія». Тутъ опять дѣло въ недоразумѣніи. Если человѣку внушены

---

3) какому языку онъ будетъ обученъ,—4) *какими* привычками и понятіями онъ напитается отъ своихъ родителей» (N. E. of man. II, XXXI). Очевидно, мнѣніе Оуэна объ образованіи характера основано на недоразумѣніи. Слово характеръ онъ въ этомъ случаѣ принимаетъ въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, относя къ нему всякія особенности человѣка: его религію, предразсудки, понятія, всякія привычки и даже языкъ. Но, разсуждая о значеніи характера, онъ принимаетъ его въ тѣсномъ психологическомъ значеніи, какъ извѣстный складъ, закалъ человѣческой воли; то, что и имѣетъ главное значеніе для дѣятельности человѣка и его собственнаго счастья. Принимая слово въ первомъ значеніи, онъ правъ; дѣйствительно, въ Китаѣ родятся только китайцы, въ средѣ евреевъ только евреи и т. п. Но, принимая его во второмъ значеніи, онъ далеко не правъ; и въ средѣ христіанъ, и въ средѣ евреевъ, китайцевъ бываютъ люди воздержные и невоздержные, трудолюбивые и лѣнивые, люди тихаго и безпокойнаго характера; такъ что при всемъ различіи всѣхъ обстоятельствъ для китайцевъ и европейцевъ и наоборотъ при всемъ сходствѣ обстоятельствъ для европейцевъ, для жителей одной страны, города, существуетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что между характеромъ какого-нибудь китайца и характеромъ европейца есть несравненно болѣе сходства, нежели между характерами двухъ китайцевъ или двухъ европейцевъ; такъ что напр. на фабрикѣ у него какой-нибудь китайскій кули былъ бы хорошимъ рабочимъ и хорошимъ товарищемъ для своихъ сотрудниковъ, тогда какъ многіе европейцы оказались никуда негодными рабочими и товарищами.

ложныя понятія, то онъ, развивая ихъ, выводя изъ нихъ слѣдствія, дѣйствительно приходитъ къ новымъ ложнымъ понятіямъ. Но мыслитъ онъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ правильно; т. е. его интеллектуальная дѣятельность въ силу самой природы его совершается по законамъ, и съ формальной стороны совершенно правильна. И такъ какъ кромѣ ея человѣкъ имѣетъ еще способность наблюденія, независящую уже ни отъ какихъ предъидущихъ обстоятельствъ, дѣйствующую совершенно одинаково и въ Европѣ, и въ Китаѣ и на островахъ Тихаго океана, и такъ какъ кромѣ того, въ его оригинальной, человѣческой организаціи есть еще нравственное чувство, которое самъ Оуэнъ признаетъ прирожденнымъ ему,— то при формальной правильности его мышленія, у него являются могучія средства выбиться изъ-подъ умственнаго и нравственнаго вліянія своей среды и тѣхъ обстоятельствъ, которыя предшествовали его рожденію. Что мы дѣйствительно и видимъ почти ежедневно; и иногда подобные примѣры бываютъ поразительны. Пушкинъ на границѣ Азіи встрѣтилъ персіянина, на котораго, благодаря его крашенымъ ногтямъ, онъ посмотрѣлъ-было очень свысока; но, познакомившись съ нимъ получше, онъ увидѣлъ, что этотъ персіянинъ умственнымъ своимъ достояніемъ, своими понятіями, познаніями и воззрѣніями, далеко превосходитъ даже наиболѣе образованныхъ между европейцами. Подобный случай былъ съ Бентемомъ, который у одного жителя Индустана, послѣдователя браминизма, нашелъ такой свѣтлый и глубокій умъ, и такія основательныя и возвышенныя воззрѣнія, какихъ онъ мало встрѣчалъ и въ томъ обществѣ, въ которомъ самъ обращался; а онъ, какъ извѣстно, обращался въ обществѣ наиболѣе ученыхъ и наиболѣе проникнутыхъ философскими идеями людей начала нашего и конца прошлаго столѣтія.—Что слѣдуетъ отсюда?—То, что даже изъ-подъ умственнаго вліянія своей среды,—своей религіи, своей народности, своего духа времени, человѣкъ можетъ выбиться и освободиться вполнѣ, не говоря уже о томъ, что по частямъ отряхать съ себя предразсудки онъ можетъ еще легче, и это дѣлаетъ почти каждый человѣкъ, это всѣ мы видимъ почти

ежедневно своими глазами. И дѣйствуетъ здѣсь очевидно та причина, которой существованіе Оуэнъ призналъ, но которой дѣйствія онъ не уяснилъ себѣ; потому что при спутанности его понятій о психической дѣятельности человѣка, онъ не различилъ въ мышленіи человѣка содержанія отъ формы. Слѣдуя его взгляду, нужно допустить, что человѣкъ нисколько не отличается отъ животнаго, что онъ одинъ разъ навсегда осужденъ на вѣчное подражаніе тому, что онъ нашелъ въ обществѣ людей, при своемъ появленіи въ немъ, подобно тому, какъ дѣло происходитъ у пчелъ, муравьевъ и другихъ животныхъ. И если допустить его взглядъ, то дѣлается совершенно непонятнымъ прогрессъ человѣческихъ обществъ, непонятно появленіе въ средѣ ихъ реформаторовъ, оригинальныхъ мыслителей, изобрѣтателей и т. п., непонятны измѣненія въ направленіи воззрѣній и стремленій цѣлыхъ народовъ, въ родѣ тѣхъ, которыя обнаружились въ первые вѣка христіанства, въ вѣкъ реформаціи или въ XVIII вѣкѣ. — Вообще ученіе Оуэна объ образованіи характера и въ первоначальномъ своемъ видѣ, и въ измѣненномъ, есть слѣдствіе недоразумѣнія, слѣдствіе того, что онъ взялся анализировать и объяснять явленія изъ области мысли, мало знакомой и мало понятной ему. — Не будучи въ состояніи хорошо обсудить ту справедливую мысль, что воспитаніе имѣетъ вліяніе на характеръ человѣка, и что оно не оканчивается съ годами юности, а продолжается въ теченіе всей жизни человѣка, что на него имѣютъ вліяніе обстоятельства, среди которыхъ человѣкъ находится, онъ преувеличилъ ее, представляя человѣка въ родѣ машины или животнаго, лишеннаго всякой умственной и нравственной самодѣятельности.

Идеалъ человѣческаго счастія Оуэнъ представляетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: Для счастія, говоритъ онъ, необходимы: «1) обладаніе хорошею организаціею физическою, умственною и нравственною; 2) возможность получить все, что нужно для сохраненія этой организаціи въ лучшемъ состояніи здоровья и благоденствія; 3) наилучшее воспитаніе физическое, умственное и нравственное для всѣхъ; 4) желаніе и возмож-

ность увеличивать счастіе подобныхъ намъ; 5) желаніе и возможность увеличивать постоянно сумму нашихъ познаній; 6) возможность пользоваться лучшимъ обществомъ и входить въ сношенія съ тѣми, къ кому мы чувствуемъ наибольшую любовь и уваженіе; 7) возможность путешествовать, когда на то есть охота; 8) отсутствіе суевѣрія и всякихъ ужасовъ сверхъестественныхъ или другихъ какихъ-либо страховъ при смерти; 9) полная свобода выражать наши мысли обо всемъ; 10) наибольшая свобода дѣйствія для всякой личности, совмѣстимая съ свободою другихъ и съ благосостояніемъ всего общества; 11) возможность, во всякомъ случаѣ, говорить только одну истину; имѣть чистую любовь къ чувствованіямъ, мыслямъ и поступкамъ всѣхъ людей и чувствовать искреннее расположеніе къ каждому изъ нихъ; 12) жить въ такомъ обществѣ, котораго законы, учрежденія и порядокъ находятся въ согласіи съ законами природы человѣческой».

Противъ всѣхъ этихъ условій человѣческаго счастія, именно противъ характера ихъ, съ нашей точки зрѣнія едвали что-нибудь можно сказать. Можно говорить только противъ ихъ практичности, противъ ихъ слишкомъ большой отрѣшенности отъ современнаго состоянія рода человѣческаго. Безъ сомнѣнія было бы прекрасно, еслибъ мы имѣли возможность постоянно увеличивать счастіе подобныхъ намъ; разумѣется, мы къ этому стремились бы только тогда, когда уже получили бы возможность увеличивать свое собственное счастіе, безпрепятственно и по произволу. Не менѣе прекрасно было бы, еслибъ мы имѣли возможность постоянно увеличивать сумму нашихъ познаній,—еслибъ мы имѣли возможность пользоваться наилучшимъ обществомъ, члены котораго заслуживаютъ съ нашей стороны только любовь и уваженіе; но все это ничто иное, какъ pia desideria, полному осуществленію которыхъ препятствуетъ сама природа вещей и въ особенности природа человѣка, которыхъ не въ состояніи измѣнить никакой соціальный реформаторъ. Очень естественно заботиться о томъ, чтобы ни одинъ человѣчъ не былъ поставленъ въ безвыходное положеніе нищеты, невѣжества и разврата, но

думать о томъ, чтобы человѣкъ и въ природѣ, и въ обществѣ подобныхъ себѣ встрѣчалъ только привѣтливую улыбку, и чтобы онъ совсѣмъ не зналъ, что такое горе и непріятность, значитъ отрѣшиться отъ всѣхъ фактовъ психической жизни человѣка, добытыхъ опытомъ многихъ вѣковъ. Эта мысль обнаруживаетъ въ авторѣ много симпатичныхъ чувствъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, опять обличаетъ недостаточную способность его обсуждать положеніе предмета въ той средѣ, въ которой онъ находится.

Относительно религіи и религіозныхъ обязанностей, вотъ что говоритъ Оуэнъ въ Основныхъ положеніяхъ кооперативной системы: «1) всѣ извѣстные факты показываютъ, что нѣтъ никакого бытія безъ причины внѣшней или внутренней. Эта верховная причина движенія и перемѣнъ во вселенной есть сила, которую различныя націи называли: Богомъ, Іеговою, Господомъ и т. п.; но человѣку неизвѣстны никакіе факты, которые дали бы ему возможность опредѣлить сущность этой силы; 2) всѣ церемоніи обожанія и поклоненія, которыми человѣкъ чтитъ эту причину, которой сущность ему такъ мало извѣстна, происходятъ отъ этого самаго невѣдѣнія; на практикѣ онѣ не могутъ имѣть никакой пользы и даже людямъ трудно будетъ сдѣлаться раціональнѣе въ своихъ чувствахъ, мысляхъ и дѣлахъ до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать эти формальности; 3) первая обязанность человѣка относительно самого себя и подобныхъ себѣ состоитъ въ томъ, чтобы пріобрѣтать познанія объ обстоятельствахъ, производящихъ зло, и объ обстоятельствахъ, производящихъ добро, чтобы употреблять всѣ свои знанія,—для удаленія первыхъ и для произведенія вторыхъ; 4) человѣкъ никогда не достигнетъ состоянія полнаго и прочнаго счастія, если онъ съ дѣтства не окруженъ обстоятельствами, способными вдохнуть въ него любовь къ себѣ подобнымъ, внушить ему благорасположеніе ко всему, что живетъ, и заставить его всегда говорить одну истину; 5) эти принципы и эти чувствованія никакимъ образомъ не могутъ быть усвоены подъ властью учрежденій, основанныхъ на ошибочномъ предположе-

ніи, что человѣкъ имѣетъ свободу выработать для себя чувствованія и убѣжденія, что̀ дѣлало бы ихъ отвѣтственными для него; 6) напротивъ, подъ властію учрежденій, въ духѣ раціональной системы общества, эти высшіе принцины и эти чувства могутъ быть удѣломъ всѣхъ людей за исключеніемъ такихъ, которые имѣютъ органическіе недостатки».

Очевидно, религіозные принципы Оуэна не отличаются ни опредѣленностію, ни полнотою, ни даже послѣдовательностію. Всѣми силами удалять обстоятельства, производящія зло, и созидать обстоятельства, производящія добро для общества,—только какой-нибудь явный злодѣй не признаетъ этого принципа. А человѣкъ сколько-нибудь оправдывающій свои дѣла, какъ бы они плохи ни были, обыкновенно ссылается ни на что иное, какъ на этотъ принципъ, и это дѣлаютъ люди самыхъ противоположныхъ стремленій, самыхъ противоположныхъ воззрѣній. Такъ, почему Марій истреблялъ сотнями римскихъ оптиматовъ? Потому, что онъ хотѣлъ удалить отъ общества обстоятельства, производящія зло. Почему Сулла черезъ годъ послѣ этого истреблялъ римскихъ демократовъ цѣлыми тысячами? Потому, что и онъ хотѣлъ удалить отъ общества обстоятельства, производящія зло. Почему террористы 1792—93 года казнили Людовика XVI и очистили тюрьмы, наполненныя политическими преступниками, посредствомъ поголовнаго избіенія ихъ? Потому, что они хотѣли удалить отъ общества обстоятельства, производящія зло. Почему черезъ годъ такъ-называемые термидоріанцы заплатили имъ тою же монетою? Потому, что и они хотѣли удалить отъ общества обстоятельства, производящія зло.

Съ другой стороны можно обратиться къ Оуэну съ слѣдующимъ вопросомъ: на какомъ основаніи онъ налагаетъ на человѣка обязанность заботиться о томъ, что приноситъ пользу и что вредитъ обществу? Коренныя свойства природы человѣческой, обозначенныя имъ, не таковы, чтобы, на основаніи ихъ, можно было строить какія-нибудь обязанности. Человѣкъ любитъ то, что ему доставляетъ чувство пріятное, и ненавидитъ то, что ему доставляетъ чувство непріятное,—вотъ все, что Оуэнъ

обозначилъ какъ произведеніе, необходимое дѣйствіе природы человѣческой; все остальное, по его мнѣнію, человѣкъ получаетъ отъ обстоятельствъ. Поэтому, какая же тутъ рѣчь объ обязанностяхъ? Оуэнъ находитъ, что для счастія каждаго отдѣльнаго человѣка необходимо искреннее расположеніе человѣка къ каждому изъ себѣ подобныхъ, необходимо желаніе и возможность постоянно увеличивать благосостояніе ихъ. Почему и на какомъ основаніи? Есть и было много людей, которые не находятъ никакого удовольствія дѣлать что-нибудь для другихъ, которые не только не считаютъ своего благополучія — благополучіемъ другихъ, но напротивъ, строятъ свое благополучіе на несчастіи другихъ. И наконецъ пусть даже пріятно дѣлать добро другимъ, но не менѣе пріятно заботиться и о себѣ. И найдется много людей, которые откажутся отъ перваго удовольствія, чтобы тѣмъ полнѣе предаться второму; почему Оуэнъ навязываетъ имъ всѣ роды удовольствій? До сихъ поръ по крайней мѣрѣ въ выборахъ удовольствій люди были свободны; а Оуэнъ и для нихъ ставитъ опредѣленныя правила. Всѣ эти возраженія необходимо долженъ представить Оуэну тотъ, кто приметъ его ученіе касательно природы человѣка и «верховной причины движенія и перемѣнъ во вселенной». Обязанности должны быть на чемъ-нибудь построены, иначе они дѣлаются пустымъ словомъ, необязательнымъ ни для кого.

Экономическіе принципы Оуэнъ въ этомъ сочиненіи излагаетъ такимъ образомъ: «Посредствомъ общественныхъ установленій, говоритъ онъ, всякій будетъ снабженъ впродолженіе всей моей жизни наилучшими вещами. Эти установленія вмѣстѣ съ тѣмъ дадутъ наилучшее направленіе промышленности и таланту каждаго индивидуума». Это прекрасно. Но каковы же будутъ эти постановленія? Нѣтъ ни одной школы, ни одной секты, которая не думала бы, что ея теоріи способны наилучшимъ образомъ направить промышленность людскую и снабдить человѣка наилучшими вещами. Дальше открывается, какія постановленія имѣетъ въ виду Оуэнъ. Онъ говоритъ: «въ раціональной системѣ общества дѣти воспитываются такъ, что они пріобрѣтаютъ привычки и чувства, основанныя на

законахъ природы; потому частная собственность дѣлается безполезною и даже невозможною». Итакъ, это коммунизмъ снабдитъ всякаго человѣка наилучшими вещами, онъ дастъ наилучшее направленіе промышленности и таланту каждаго индивидуума. Мы уже видѣли прежде, что производительныхъ свойствъ коммунизма Оуэнъ серьезно не доказывалъ, а только предполагалъ ихъ, ссылаясь на то, что они будто бы кѣмъ-то открыты, найдены. Потомъ мы видѣли, что цѣлый рядъ опытовъ самого Оуэна и учениковъ его оказался въ противорѣчіи съ его мнѣніемъ. И послѣ того еще повторять его,—это уже походитъ на извѣстное: «стрижено, а не брито».

Политическая теорія Оуэна замѣчательна тѣмъ, что сферу дѣятельности правительства онъ чрезвычайно расширяетъ. Мало того, что правительство посредствомъ своихъ учрежденій снабдитъ каждаго человѣка наилучшими вещами; кромѣ того, оно «опредѣлитъ качества природы человѣка, законы его организаціи и всего существованія отъ рожденія до смерти»; оно же опредѣлитъ: «что̀ необходимо для счастія человѣка и какими средствами всего легче достигнуть его». Оно сдѣлаетъ «такія постановленія, посредствомъ которыхъ человѣкъ будетъ достигать счастія во всей его полнотѣ и прочности».

Всѣ эти требованія, предъявляемыя со стороны Оуэна правительству, больше, нежели какія-нибудь другія его положенія, доказываютъ, что Оуэнъ взялся за предметъ, превышающій его пониманіе. Правительство опредѣлитъ свойство природы человѣческой,—но что же это будетъ за правительство и откуда оно для этого возьметъ средства?—Если раньше его вступленія въ отправленіе своихъ обязанностей, лучшіе умы въ человѣчествѣ впродолженіе тысячелѣтій не опредѣлили вполнѣ свойствъ природы человѣческой, то нѣтъ никакой причины думать, чтобы какое-нибудь правительство, какъ бы оно раціонально ни было, — тотчасъ по принятіи на себя своихъ обязанностей, могло сдѣлать это потому только, что оно правительство. Подобнымъ образомъ оно не будетъ имѣть никакихъ особенныхъ средствъ для опредѣленія законовъ органи-

заціи человѣка и его существованія, для опредѣленія условій счастія и средствъ, которыми его можно достигать. Оуэну, очевидно, никогда не приходило въ голову то, что природа человѣка, существа имѣющаго дѣятельность двухъ видовъ, совершенно непохожихъ другъ на друга, т. е. дѣятельность психическую и соматическую, совсѣмъ не легко поддается желанію вполнѣ понять и точно опредѣлить ее, и что опредѣленіе, сдѣланное правительствомъ, будетъ имѣть только внѣшній видъ опредѣленія, что оно не въ состояніи будетъ удовлетворить никого и будетъ нуждаться въ постоянныхъ перемѣнахъ.—Вообще взглядъ Оуэна на правительство и его задачи всего яснѣе показываетъ, что ему совершенно незнакомы тѣ отрасли человѣческаго знанія, въ которыхъ онъ будто бы надѣлалъ открытій, именно науки политическія, антропологическія и экономическія.—Между прочимъ, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что «характеръ человѣка образуется не имъ самимъ, а для него» и что слѣдовательно человѣкъ не имѣетъ свободы воли, и довольствуясь этою мыслью, безъ дальнѣйшаго ограниченія и опредѣленія ея, Оуэнъ думаетъ, что въ раціональномъ государствѣ никто не будетъ отвѣтственъ за свои дѣла. Правда, эту мысль онъ хочетъ смягчить формою; онъ выражаетъ ее такимъ образомъ: «никто не будетъ отвѣчать за свою организацію физическую, умственную и нравственную, равно какъ никто не будетъ отвѣчать за впечатлѣнія, произведенныя на его организацію внѣшними обстоятельствами». Но очевидно, въ этихъ обоихъ положеніяхъ заключается ничто иное, какъ положеніе о полной невмѣняемости человѣческихъ дѣйствій, основанной на отрицаніи свободы воли. Допущеніе принципа невмѣняемости въ государствѣ поведетъ къ отрицанію самаго государства, потому что безотвѣтственность гражданъ уничтожаетъ необходимость всякаго авторитета, всякой власти, т. е при ней всякая власть и всякій авторитетъ перестаютъ быть властью и авторитетомъ, послѣ чего всякое человѣческое общество должно подвергнуться немедленному разложенію.

Самый процессъ политической реорганизаціи человѣчества Оуэнъ представляетъ въ такомъ видѣ, что

кооперативныя общины, постепенно размножаясь, наконецъ обнимутъ весь земной шаръ, все человѣчество. Мысль эта весьма походитъ на мысль Фурье касательно распространенія фалангъ, съ тою только разницею, что Оуэнъ не разсчитываетъ на слишкомъ быстрое распространеніе своей общины, подобно Фурье *.

«Общество не будетъ состоять, говоритъ Оуэнъ, изъ простыхъ семействъ, какъ теперь, но изъ общинъ или ассоціацій мужчинъ, женщинъ и дѣтей отъ трехъ сотъ до двухъ тысячъ человѣкъ, смотря по мѣстности. Когда новыя общины будутъ многочисленны, онѣ сгруппируются между собою, чтобы образовать конгрессъ для завѣдыванія ихъ общинъ дѣлами.

«Всякая община должна имѣть вокругъ себя пространство земли, достаточное для удовлетворенія потребностей ея членовъ.

«Всякая община будетъ управляема генеральнымъ совѣтомъ

---

* Между Фурье и Оуэномъ есть много сходства, не смотря на литературную неопредѣленность, уклончивость Оуэна Такъ еще его «земледѣльческія и мануфактурныя деревни» имѣютъ сходство съ фаланстеромъ Фурье, еще болѣе внутренняго сходства между особеннымъ вниманіемъ каждаго изъ реформаторовъ ко всѣмъ подробностямъ своихъ плановъ очевидно, отъ подробностей оба они ожидаютъ большаго вліянія на ходъ дѣлъ въ новоустроенномъ обществѣ. Оба они разсчитываютъ на одинъ способъ въ распространеніи своихъ системъ по всей поверхности земнаго шара, посредствомъ постепеннаго устройства фалангъ и кооперативныхъ общинъ, имѣющихъ своимъ счастливымъ примѣромъ привлечь человѣчество къ новой жизни.—Оба они разсчитываютъ на привлекательность труда въ новой жизни; только Оуэнъ не распространяется объ этомъ, а говоритъ мимоходомъ, несмотря на то, очень ясно, напр. производство богатствъ будетъ совершаться такъ, что «будетъ доставлять самимъ производителямъ и здоровье и наслажденіе (enjoyment. The new ex. of man. Address to the human race, 13).— Наконецъ оба они возстаютъ противъ неестественности современной соціальной организаціи, основанной на ошибкахъ, предразсудкахъ и пр. И главнымъ образомъ видятъ эту неестественность въ невниманіи къ голосу природы, въ навязываніи человѣку обязанностей, въ осужденіи требованій его природы Только Фурье прямо требуетъ дѣйствія страстей сильныхъ и энергическихъ, а Оуэнъ говоритъ, что его система имѣетъ «величайшее уваженіе къ слабостямъ человѣческимъ». Это выраженіе содержитъ въ себѣ противорѣчіе, что достойно величайшаго уваженія, то не есть слабость. Но таковъ уже способъ Оуэна выражать свои мысли. (Манифестъ, XIII).

и всякій департаментъ (т. е. извѣстное число общинъ) будетъ подъ управленіемъ комитета, составленнаго изъ членовъ совѣта, избраннаго имъ самимъ.

«Обязанности генеральнаго совѣта будутъ состоять въ томъ, чтобы завѣдывать всѣми дѣлами общины, организовать различныя отрасли производства, распредѣленіе богатствъ и образованіе характеровъ; онъ долженъ удалять всѣ обстоятельства неблагопріятныя и созидать обстоятельства благопріятныя для благосостоянія общины, посылать довѣренныя лица въ другія общины и распространять раціональную систему по всей землѣ.

«Внутри общины генеральный совѣтъ будетъ имѣть полную власть до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ дѣйствовать сообразно съ законами природы человѣческой. (А кому же будетъ предоставлено рѣшить это, и что будетъ, если генеральный совѣтъ не захочетъ сложить власть, находя, что онъ дѣйствуетъ сообразно съ законами природы человѣческой?).

«Лица, воспитанныя и обставленныя обстоятельствами сообразно ихъ природѣ, необходимо должны мыслить и дѣйствовать раціонально, исключая случая умственной и физической болѣзни; въ такомъ случаѣ совѣтъ помѣститъ ихъ въ госпитали до тѣхъ поръ, пока вслѣдствіе леченія, наиболѣе кроткаго и наиболѣе разумнаго, — они не выздоровѣютъ.

«Когда совѣтъ найдетъ нужнымъ, онъ будетъ призывать экспертовъ и спрашивать ихъ мнѣнія. Еслибы совѣтъ предпринялъ что-нибудь противное законамъ природы, то старцы созовутъ общее собраніе всѣхъ членовъ выше 16 лѣтъ; это собраніе обсудитъ поступки совѣта и, если нужно,—изберетъ новый».

Мы не прибавляемъ никакихъ замѣчаній во всѣмъ этимъ частнымъ положеніямъ, находя ихъ совершенно безполезными. Подобныхъ подробностей можно написать цѣлыя сотни въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, на самыхъ разнообразныхъ основаніяхъ. Сущность заключается именно въ этихъ основаніяхъ; если правильны основанія, то и подробности могутъ вести къ цѣли. Если же основанія неправильны, если они уже сами собою отнимаютъ всякую силу и жизнь у проекта,

построеннаго на нихъ; то какъ бы ни были цѣлесообразны подробности,—никакихъ цѣлей онѣ не достигнутъ.

Но принципы, на основаніи которыхъ Оуэнъ строитъ новый соціальный порядокъ, именно таковы, что отнимаютъ всякую силу и жизнь у его проекта. Всѣ до сихъ поръ существовавшія и существующія человѣческія общества имѣли и имѣютъ краеугольными камнями своего существованія три главныя основанія религію, собственность и семейство. Религія обязываетъ человѣка развивать и укрѣплять свое нравственное достоинство, котораго значеніе въ общественной жизни никто не отрицаетъ; она налагаетъ на человѣка извѣстныя обязанности въ отношеніи къ подобнымъ себѣ, безъ исполненія которыхъ немыслимо никакое общество. Собственность, обезпечивая человѣку плоды его трудовъ, даетъ ему энергію труда, безъ которой невозможно экономическое процвѣтаніе общества; наконецъ, семейство служитъ тою средою, которая способствуетъ человѣку развить и укрѣпить въ себѣ тѣ душевныя качества, которыя служатъ основою его человѣческаго достоинства; оно же доставляетъ ему тѣ чистыя удовольствія, которыя позволяютъ ему забывать тяжесть труда и всякія неизбѣжныя непріятности, встрѣчающіяся въ жизни — Оуэнъ уничтожаетъ въ своемъ обществѣ эти три краеугольные камня; вслѣдствіе чего обязанности, налагаемыя имъ на членовъ общества, теряютъ свою обязательность, и дѣйствительно, какъ оказалось на его собственномъ опытѣ, никѣмъ не исполнялись; трудъ теряетъ свое главное побужденіе, и дѣйствительно, какъ оказалось на его опытѣ, всякій избѣгалъ его, сваливалъ на другаго; наконецъ, горечь житейскихъ непріятностей ничѣмъ не смягчается и не услаждается; вслѣдствіе чего въ Нью-Гармони, Тизерли и пр. непріятности и несогласія постоянно росли и очевидно не содѣйствовали благосостоянію общества.

Вотъ какіе принципы лежали въ основаніи дѣятельности Оуэна, начиная съ 1824 года; ихъ онъ развивалъ въ своихъ сочиненіяхъ, согласно имъ устроивалъ свои общины въ Нью-Гармони, Гампширѣ и пр. Нельзя не видѣть съ перваго раза, что эти принципы не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, которыми

Оуэнъ руководился въ Нью-Ланаркѣ. Оуэнъ въ Нью-Ланаркѣ и Оуэнъ въ Нью-Гармони — это два различные дѣятеля. Въ Нью-Ланаркѣ Оуэнъ ничто иное, какъ искусный и добрый директоръ фабрики. Въ Нью-Ланаркѣ мы не видимъ никакого существеннаго измѣненія въ организаціи производства; капиталъ и трудъ имѣютъ - каждый —свой особенный счетъ. Всякій работникъ имѣетъ свой собственный заработокъ, на счетъ котораго онъ живетъ. Устройство магазиновъ, устройство общихъ столовъ для холостыхъ работниковъ, устройство школы, вспомогательной кассы для больныхъ и престарѣлыхъ улучшаютъ положеніе рабочаго населенія, но нисколько не измѣняютъ самаго характера не только производства, но даже и потребленія. Наконецъ въ Нью-Ланаркѣ религія имѣетъ свое вліяніе на человѣка. Семейная жизнь отличается чистотою и безпорядочныя отношенія между полами наказываются даже штрафами. Не такова организація Нью-Гармони и вообще кооперативныхъ общинъ. Тамъ всякій работаетъ не для себя, а для всѣхъ; тамъ личное благосостояніе каждаго обусловливается не его собственнымъ трудомъ, а коллективнымъ трудомъ общины; его собственная энергія въ трудѣ имѣетъ совершенно ничтожное значеніе для его собственнаго благосостоянія. Отъ того нью-гармонійская община постоянно страдала отъ дефицита. Наконецъ религія въ Нью-Гармони забыта и семейство «поглощено общиною», т. е разрушено; отношенія между полами приняли самый безпорядочный видъ и стали причиною раздоровъ.

Очевидно, неуспѣхъ въ Нью-Гармони и успѣхъ въ Нью-Ланаркѣ не противорѣчатъ другъ другу, не могутъ вводить никого въ недоумѣніе; это совершенно понятные, противоположные результаты двухъ противоположныхъ системъ *.

---

* Странно, что одинъ изъ почитателей Оуэна, г. Герценъ, имѣющій, повидимому, возможность знать дѣло въ истинномъ видѣ, съ особенною настойчивостью указываетъ на опытъ Нью-Ланарка, какъ на доказательство практичности соціализма, вообще. «Передъ Нью-Ланаркомъ, говоритъ онъ, противники Оуэна молчатъ. Этотъ проклятый Нью-Ланаркъ вообще костью стоитъ въ горлѣ людей, постоянно обвиняющихъ

Очень вѣроятно, что въ дѣйствительности принципы Оуэна оставались безъ столь рѣшительной перемѣны даже съ самаго начала его дѣятельности въ Нью-Ланаркѣ. Но мы говоримъ не о томъ, что̀ думалъ Оуэнъ, а о томъ, что̀ онъ дѣлалъ. Еще въ 1817 году онъ вполнѣ прямо высказался противъ всѣхъ существующихъ религій. А между тѣмъ Лидсская ком-

---

соціализмъ въ утопіяхъ и въ неспособности что-нибудь осуществить на практикѣ. Но противъ блестящаго успѣха Нью-Ланарка сказать нечего. Ученые и послы, министры и герцоги, купцы и лорды все выходило съ удивленіемъ и благоговѣніемъ изъ школы» (Пол. Зв. на 1861 г. стр. 298). Мало того, всѣ эти люди оставляли Нью-Ланаркъ съ истиннымъ удивленіемъ и передъ его экономическою стороною, передъ этимъ соединеніемъ хозяйскихъ барышей съ довольствомъ рабочихъ. Но дѣло въ томъ, что въ Нью-Ланаркѣ не было ничего соціалистическаго: не было общности имуществъ, общности труда, общности или равенства вознагражденія, общности потребленія, общности семейства и пр. Опытъ Нью-Ланарка всего больше говоритъ противъ соціализма и особенно противъ коммунизма; онъ удался потому, что былъ свободенъ отъ коммунизма. А когда тотъ же авторъ нью-ланаркскаго опыта въ другихъ своихъ опытахъ допустилъ коммунизмъ, то ни одинъ изъ нихъ не удался, несмотря на безспорныя и весьма большія способности Оуэна, какъ организатора и администратора Нельзя съ одной стороны думать что Оуэну, потому что онъ коммунистъ, не можетъ ничто удаться, даже и то, что не имѣетъ никакого отношенія къ коммунизму. Съ другой стороны, на основаніи того, что Оуэнъ имѣлъ успѣхъ тамъ, гдѣ дѣйствовалъ вопреки коммунизму, думать, что именно его коммунизмъ состояленъ, совсѣмъ не логично. Въ Нью-Ланаркѣ Оуэнъ сдѣлалъ, правда съ большимъ успѣхомъ, то, что и другіе дѣлали и дѣлаютъ. Мы можемъ указать и русскихъ и иностранныхъ фабрикантовъ, которые, улучшая бытъ рабочихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ улучшаютъ и собственныя дѣла и нравственность рабочихъ. Во Франціи къ числу самыхъ замѣчательныхъ людей въ промышленномъ мірѣ принадлежитъ Жанъ-Дольфусъ, эльзасскій фабрикантъ, который подобно Оуэну, относясь доброжелательно къ своимъ рабочимъ, мало по малу искоренилъ въ нихъ дурныя привычки, пріучилъ ихъ къ трезвости, бережливости и далъ имъ возможность пріобрѣсти въ собственность тѣ жилища, которыя прежде они у него же нанимали и которыя онъ нарочно для нихъ и построилъ, и вмѣстѣ съ жилищами небольшіе участки земли, для разведенія садовъ и огородныхъ растеній. (См. L'Ouvrière, Ж. Симона). — Оуэнъ до этого не достигнулъ; онъ только предполагалъ, что съ теченіемъ времени его рабочіе пріобрѣтутъ въ собственность жилища, занимаемыя ими, но это предположеніе не осуществилось; такъ что Дольфусъ достигнулъ результатовъ даже болѣе значительныхъ, чѣмъ Оуэнъ.

миссія въ 1819 году нашла въ Нью-Ланаркѣ капеллу, въ Нью-Ланаркской школѣ изученіе священнаго писанія и христіанскаго катихизиса. Конечно, это было уступкою и общественному мнѣнію и религіозной потребности рабочихъ и, главнымъ образомъ, какъ увидимъ ниже, требованіямъ В. Аллена; и потому впослѣдствіи, когда Оуэнъ счелъ себя болѣе свободнымъ и отъ того и отъ другаго, т. е., когда онъ перенесъ свою дѣятельность въ Америку, онъ нашелъ возможнымъ дѣйствовать болѣе послѣдовательнымъ образомъ Потому въ Нью-Гармони онъ уже ничего не сдѣлалъ для удовлетворенія религіозной потребности его обитателей. И въ слѣдующіе затѣмъ годы своей дѣятельности въ Англіи онъ къ религіи, и въ частности къ христіанству относился не только безразлично, но со враждою, обвиняя его въ нетерпимости, въ лицемѣріи, въ томъ, что онъ только говоритъ о любви къ ближнему, и ничего не дѣлаетъ въ духѣ этой любви. Вслѣдствіе этого во вторую половину своей дѣятельности, Оуэнъ подвергался самымъ ожесточеннымъ нападеніямъ людей религіозныхъ. И не разъ долженъ былъ ломать съ ними копья на турнирахъ діалектики; такъ въ Америкѣ онъ имѣлъ публичный диспутъ о вѣрѣ съ нѣкоторымъ Кампбеллемъ *, въ Англіи съ Робакомъ. Вообще религіозные люди въ Англіи и въ особенности духовенство относились къ Оуэну весьма несочувственно; и когда въ 1841 году лордъ Мельбурнъ доставилъ Оуэну аудіенцію у королевы Виктоpіи, то онъ (л. Мельбурнъ) подвергся весьма сильному порицанію въ обѣихъ палатахъ. въ верхней со стороны епископа эксетерскаго Фильпота, а въ нижней со стороны с. Роберта Пиля, за то, что унизилъ королеву пріемомъ извѣстнаго врага

* Бусъ разсказываетъ объ этомъ такимъ образомъ. Будучи въ Новомъ Орлеанѣ во время третьей своей поѣздки въ Америку, Оуэнъ вздумалъ читать тамъ публичныя лекціи противъ религіи. Окончивъ чтенія, онъ сдѣлалъ вызовъ тамошнимъ духовнымъ лицамъ на публичный диспутъ о вѣрѣ. Вызовъ былъ принятъ Кампбеллемъ Чѣмъ окончился диспутъ и въ чемъ онъ состоялъ, объ этомъ Бусъ не говоритъ. (См. стр. 123). Впослѣдствіи Оуэнъ читалъ еще разъ публичныя лекціи о религіи, которыя и издалъ подъ названіемъ «Six lectures delivered on Manchester».

христіанской вѣры и распространителя безнравственныхъ ученій. Порицаніе, направленное противъ лорда Мельбурна, всего больше было оскорбительно для самого Оуэна и вызвало съ его стороны очень рѣзкій отвѣтъ, изданный имъ подъ именемъ манифеста, въ которомъ послѣ краткаго изложенія главныхъ положеній своей системы, Оуэнъ дѣлаетъ очеркъ всей своей жизни, чтобы доказать своимъ порицателямъ, что всѣ факты его жизни имѣютъ такой характеръ, что дѣлаютъ ему не безчестіе, а честь, что слѣдовательно представленіе его королевѣ ни въ какомъ случаѣ не бросаетъ на нее тѣни, и не можетъ служить предметомъ укоризны для министерства Но, разсказывая о своихъ дѣлахъ, Оуэнъ ни однимъ словомъ не старается опровергнуть обвиненій въ иррелигіозности, направленныхъ противъ него, и не старается защитить нравственное достоинство своихъ ученій. Правда, въ самомъ манифестѣ онъ требуетъ, чтобы его допустили въ парламентъ для защиты своихъ ученій, для изложенія «громадныхъ выгодъ, которыя должно привести съ собою практическое приложеніе ихъ». Но это требованіе, если на него нельзя смотрѣть, какъ на непрямое уклоненіе отъ дѣйствительной защиты своихъ мнѣній, во всякомъ случаѣ по своей непрактичности, нераціональности не могло быть допущено. Законодательное собраніе не могло взять на себя обязанности и права, да и не имѣло средствъ для того, чтобы сдѣлать окончательную оцѣнку системы, полагающей новыя основанія для философіи, религіи, соціальнаго и политическаго устройства общества. А въ самомъ манифестѣ Оуэнъ изложилъ очень въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ главнѣйшія изъ своихъ ученій, не позаботился опредѣлить ихъ точнѣе, такъ чтобы ихъ нравственный характеръ сколько-нибудь выяснился передъ читателемъ.

Онъ утверждаетъ, что его раціональная религія нравственностью превосходитъ всѣ существовавшія до сихъ поръ религіи, но тѣмъ и ограничивается, не приводя никакихъ доказательствъ въ пользу своего утвержденія. Дѣйствительное оправданіе своихъ мнѣній должно быть не таково.

Дѣятельность Оуэна не ограничивалась тѣмъ, что мы из-

ложили; кромѣ своей главной и общей задачи, онъ имѣлъ и нѣкоторыя другія, болѣе частныя, также отмѣченныя характеромъ гуманности, но свободныя отъ принципа общности имуществъ и безполезности положительной религіи, которыя потому и достигли своей цѣли. Такъ, благодаря его усиліямъ, въ Англіи улучшено положеніе дѣтей, работавшихъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ, основаны школы для бѣдныхъ дѣтей; Оуэнъ между прочимъ содѣйствовалъ введенію въ Англіи ланкастерскихъ школъ. Согласно съ его проектомъ, представленнымъ голландскому правительству, въ Голландіи основаны пріюты и колоніи бѣдныхъ. — Свои непосредственныя реформаторскіи заботы онъ не ограничивалъ только народами саксонской расы, Англіею и Соединенными Штатами, но простиралъ ихъ на другія страны Европы и Америки. На материкѣ Европы съ этою цѣлью онъ былъ нѣсколько разъ. Мы уже видѣли, что въ 1816 и 1818 году онъ былъ во Франціи, Швейцаріи и въ Германіи. Послѣ того, онъ еще два раза былъ во Франціи въ 1838 году и въ 1848 году.—Въ 1838 году его французскіе почитатели Жюль Ге и докторъ Эвра достарили ему случай изложить свои идеи въ публичномъ собраніи въ Атенеѣ; но, не зная французскаго языка, онъ долженъ былъ говорить на англійскомъ, котораго французы не знаютъ. Потому въ Парижѣ онъ не имѣлъ успѣха.

Послѣ Февральской революціи онъ снова поспѣшилъ въ Парижъ, въ надеждѣ, что республиканское правительство не откажется содѣйствовать ему въ осуществленіи его плановъ; и на этотъ разъ надежда его обманула.

Но Оуэнъ не успокоился, хотя ему было уже 78 лѣтъ; послѣ этого онъ еще говорилъ на митингахъ рѣчи *, изда-

* Впрочемъ, въ это время вниманіе къ Оуэну въ англійскомъ обществѣ значительно ослабѣло. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ одинъ англійскій журналъ: «Онъ (Оуэнъ) созывалъ митинги, но почти никто не шелъ на нихъ, потому что онъ повторялъ свои старыя начала, давно всѣми забытыя. Тѣ, которые хотѣли узнать что-нибудь полезное для себя, должны были слушать о томъ, что весь общественный бытъ зиждется на ложныхъ основаніяхъ» (Westminster Review. Пол. Зв 1861 г. 280).

валъ свои сочиненія, писалъ даже новыя, писалъ адресы къ правительственнымъ лицамъ, къ государямъ и даже цѣлымъ народамъ, и до конца жизни сохранилъ глубокое убѣжденіе, что приближается время неотвратимаго возрожденія человѣчества посредствомъ его системы. Вотъ что писалъ онъ въ адресѣ королевѣ Викторіи, проектированномъ на митингѣ въ Лондонѣ, въ самый годъ своей смерти, въ 1858: «Вы предназначены царствовать впродолженіе кризиса въ исторіи человѣчества, который будетъ предметомъ нѣжной любви и всегдашнихъ воспоминаній всего рода человѣческаго.

«Этотъ кризисъ состоитъ въ переходѣ человѣческой судьбы отъ состоянія лжи, споровъ, вражды и зла, къ добродѣтели, миру, гармоніи и всеобщему благосостоянію.

«Сила, управляющая вселенною, дала возможность человѣку, посредствомъ опыта временъ прошедшихъ, въ настоящее время приготовить все, что нужно для того, чтобы начать въ нашъ вѣкъ, впродолженіе вашего царствованія, переходъ отъ зла къ добру въ цѣломъ мірѣ.

«Матеріалы для обезпеченія постояннаго и всеобщаго благосостоянія въ настоящее время въ изобиліи существуютъ и требуютъ только правильнаго употребленія; и въ этомъ теперь заключается задача всѣхъ народовъ.

«Они должны вновь устроить общество, образуя новыя соціальныя обстоятельства для всего міра; и каждое изъ этихъ обстоятельствъ должно вести къ прогрессу и къ общему благостоянію». *

Адресъ къ королевѣ Викторіи былъ ничѣмъ другимъ, какъ приглашеніемъ ея заняться этимъ дѣломъ, измѣненіемъ обстоятельствъ, среди которыхъ находится міръ. Въ концѣ адреса Оуэнъ увѣряетъ королеву, что эта великая и славная реформа можетъ быть исполнена очень скоро. Въ то же время онъ вновь принимается развивать, въ чемъ должны состоять новыя соціальныя обстоятельства, имѣющія обновить міръ; и ученіе о нихъ вмѣстѣ съ ученіемъ о средствахъ, которыми

* The reporters report of Robert Owen May meetings in London for 1858. 6

можно ввести ихъ, онъ называетъ соціальною наукою. Истинная соціальная наука, такимъ образомъ, «обезпечиваетъ каждому средства быть удачно рожденнымъ, имѣть хорошую пищу, хорошую одежду, хорошее помѣщеніе, хорошія привычки, хорошее воспитаніе, хорошія занятія, хорошія удовольствія, хорошее правленіе» и пр. (см. пр. Б).

Черезъ мѣсяцъ Оуэнъ писалъ также нѣчто въ родѣ адреса ко всѣмъ правительствамъ вообще, гдѣ убѣждалъ ихъ осуществить его теорію касательно кооперативныхъ общинъ, чтобы міръ могъ достигнуть добродѣтели, счастія и братской любви.

«Но не забывайте, заканчиваетъ онъ этотъ адресъ, что въ настоящее время три великіе предразсудка, которыми напитано все человѣчество съ самаго дѣтства, служатъ главнѣйшею причиною невѣжества, пороковъ и нищеты и въ то же время дѣйствительнымъ препятствіемъ ко всеобщему благополучію; эти три причины слѣдующія: суевѣрія міра, называемая партизанами каждаго изъ нихъ «истинною религіею»; неестественные браки учителей міра, духовныхъ лицъ (т. е. браки, совершаемые и допускаемые ими), которые (браки) ничто иное, какъ дѣйствительная причина прошедшей и современной проституціи, истинное проклятіе человѣчества;—и наконецъ своекорыстное и деморализирующее учрежденіе частной собственности. Съ этими тремя причинами ни въ какомъ человѣческомъ обществѣ не можетъ быть хорошихъ обстоятельствъ, добродѣтели, симпатіи, мудрости, единства и счастія» *.

Такимъ образомъ Оуэнъ повидимому остался вѣренъ себѣ до гроба. Но нельзя не замѣтить одной перемѣны въ мысляхъ его, которая довольно рѣзко бросается въ глаза. Несмотря на то, что всѣ положительныя религіи онъ считаетъ препятствіемъ для счастія рода человѣческаго, самъ онъ къ концу жизни видимымъ образомъ обнаруживаетъ болѣе религіознаго чувства; прежде онъ говорилъ только о силѣ, которую различныя націи называли Богомъ, Еговою или Господомъ и пр., и которой сущности однако нельзя опредѣлить, потому что человѣку

* Тамъ же 98.

неизвѣстны никакіе факты, потребные для этого. Теперь Оуэнъ самъ уже употребляетъ имя Богъ, и употребляетъ весьма часто съ видимою охотою, говоритъ о твореніи, о вѣчности, Бога называетъ Творцомъ, Верховнымъ умомъ, силою, которая управляетъ вселенной (the ruling power of the universe) и управляетъ въ нравственномъ смыслѣ, а не матеріальномъ, механическомъ, приписываетъ ему извѣстныя средства, чрезъ которыя онъ руководитъ человѣчествомъ, и т. п., и даже старается сдѣлать нѣкоторыя болѣе точныя опредѣленія сущности божества, его мысли и выраженія о Богѣ таковы, что можно подумать, будто Оуэнъ заимствовалъ изъ какого-нибудь христіанскаго катихизиса, напр. «Богъ проникаетъ всю вселенную и управляетъ ею, все знаетъ и всѣмъ управляетъ; онъ есть причина всякаго движенія, жизни и мысли (life and mind) *. Прежде Оуэнъ говорилъ только о причинѣ движенія. Очевидно, религіозная мысль его значительно измѣнилась. И этого даже мало; онъ допускаетъ непосредственное и чрезвычайное дѣйствіе Божества въ родѣ человѣческомъ, въ томъ смыслѣ, въ которомъ допускаетъ его христіанство. Такъ онъ думаетъ, что самъ онъ удостоился этого непосредственнаго и чрезвычайнаго участія со стороны Божества, что онъ былъ «призванъ» къ своему служенію, подобно Павлу; и это призваніе, это «непосредственное руководство духа Божія» видитъ въ томъ, что въ юности онъ три раза спасся отъ очевидной опасности смерти **. Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. Отвергнувъ положительную религію, въ которой былъ воспитанъ, отвергнувъ даже всякую религію вообще, не найдя ей никакого мѣста въ своей раціональной системѣ, Оуэнъ къ концу жизни самъ старается создать для себя новую религію, такъ же положительную; потому что его опредѣленія божества конечно означаютъ ничто иное, какъ стремленіе дать опредѣленную форму общей религіозной мысли. Требованіе человѣческаго духа сказалось и въ Оуэнѣ ***.

---

* New exist. of man. IV, 6 и тамъ же: address to the human race, 16.

** Тамъ же, I, 15 и 16.

** Замѣчательно, что природа, изгнанная Оуэномъ въ дверь, возвра-

Въ то же время и нравственную свою теорію онъ старается связать съ своими догматами. Правда, въ основаніе человѣческой дѣятельности онъ кладетъ еще личный интересъ, выводя изъ него и необходимость не только не противодѣйствовать, а даже содѣйствовать интересамъ другихъ; но въ то же время говоритъ и о безкорыстіи, и о любви къ ближнему, и даже не отказывается въ основаніи любви къ ближнему признать христіанское ученіе о любви къ Богу, замѣчая только, что «такъ какъ мы не можемъ видѣть Бога, то единственное средство, которымъ мы можемъ обнаружить свою любовь къ нему, состоитъ въ любви къ ближнему», и потому отъ совершеннѣйшей религіи онъ требуетъ, чтобы представители ея «священники просто учили своихъ слушателей любить ближнихъ, какъ самихъ себя». * А ненадобно забывать, что эти священники уже не отъ себя налагаютъ на человѣка обязанности, а во имя Бога, котораго они наиболѣе достойные служители.

Если мы будемъ дѣлать оцѣнку всей вообще реформаторской дѣятельности Оуэна, то безспорно найдемъ въ ней нѣсколько частностей, способныхъ заслужить ему и сочувствіе и уваженіе, не только за доброе намѣреніе, но и за успѣшныя, практическія средства къ исполненію. Таковы его заботы о школахъ для бѣдныхъ дѣтей, о пріютахъ для бѣдныхъ рабочихъ и т. п. Что касается до главной задачи его жизни, до его стремленія устроить современную жизнь и современное производство безъ частной собственности, безъ религіи, безъ семейства, самыя неудачи Оуэна доказали несостоятельность его теоріи. Несостоятельность эта есть очевидное слѣдствіе

тилась не только въ окно, но и во всѣ возможныя отверстія дома. Невѣрующій Оуэнъ подъ конецъ жизни сдѣлался спиритомъ, воображалъ, что онъ бесѣдуетъ съ духами и, между прочимъ, усердно и съ полною вѣрою занимался столоверченіемъ (Бусъ, 218).

* Тамъ же. Address to the human race, 14.

недостаточнаго знанія природы человѣка и исторіи, слѣдствіе недостаточности научнаго образованія Оуэна. Къ концу жизни Оуэнъ убѣдился самъ, что часть его соціальной теоріи, касательно религіи, недостаточна; если бы онъ пожилъ еще, или если бы вмѣсто этого онъ раньше познакомился лучше и всестороннѣе съ наукою о человѣкѣ и человѣчествѣ, то онъ увидѣлъ бы свои ошибки и касательно другихъ сторонъ жизни человѣка, что впрочемъ повидимому дѣйствительно и было, какъ увидимъ ниже.

Доброе намѣреніе Оуэна не можетъ быть отрицаемо и въ этомъ случаѣ; самая цѣль его безспорно заслуживаетъ уваженія. Въ особенности мы, русскіе, не можемъ осудить его за желаніе обезпечить бытъ рабочихъ, вывести ихъ изъ состоянія бездомныхъ бобылей, желаніе, обнаруженное не на словахъ только, а на дѣлѣ, рядомъ непрерывныхъ трудовъ впродолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, причемъ осуществленію своей мысли, Оуэнъ пожертвовалъ значительною долею своего состоянія *. Но этимъ и ограничивается добрая сторона дѣла; да и она теряетъ почти всякую цѣну, благодаря несостоятельности средствъ, которую можно было предвидѣть раньше, благодаря отрѣшенности отъ условій жизни, благодаря пренебреженію къ необходимымъ основамъ общественной жизни, въ смыслъ которыхъ Оуэнъ не вникнулъ, какъ слѣдуетъ. Отъ того жизнь Оуэна, за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ его стремленій, вся состоитъ изъ безплодныхъ усилій; и эта напрасная трата силъ и средствъ не только самого Оуэна, но и его учениковъ и почитателей, представляетъ явленіе, весьма достойное сожалѣнія. Если бы эти силы и средства были употреблены на достиженіе цѣлей

---

* По словамъ Буса сумма издержекъ, сдѣланныхъ Оуэномъ для осуществленія своихъ плановъ, опредѣляется различно. Одни полагаютъ ее въ 40,000 ф. ст., т. е. 250,000 р. с; другіе доводятъ до 120,000 ф ет., т. е. до 750,000 р. с. (стр. 220). Эти издержки составляютъ его великодушную плату за ту ошибку, которую онъ сдѣлалъ, увѣряя, что деньги для введенія его системы «получатся безъ труда и такъ скоро, какъ это будетъ нужно».

исполнимыхъ, то усилія Оуэна не остались бы безплодны, и исторія помянула бы его только однимъ добромъ, какъ благодѣтеля низшихъ, нуждающихся классовъ общества. Теперь этого она сдѣлать не можетъ; къ похвалѣ за доброе намѣреніе она должна присоединить порицаніе за отклоненіе стремленій общества въ сторону, чрезъ что достиженіе необходимыхъ, полезныхъ и осуществимыхъ цѣлей отдалилось, такъ что въ результатѣ вмѣсто добра является уже положительное зло. Въ самомъ воспитаніи дѣтей, гдѣ Оуэнъ всего меньше разошелся съ дѣйствительностью, онъ не избѣгнулъ весьма важныхъ ошибокъ Онъ воспитывалъ молодое поколѣніе Нью-Ланарка такъ, какъ будто ему въ жизни предстояли всего больше удовольствія и наслажденія, а не трудъ. Нью-ланаркскія дѣти слишкомъ хорошо пѣли, дѣлали парады, слишкомъ много забавлялись въ залахъ и на площадкѣ для дѣтей ихъ состоянія. Принципъ равенства, котораго Оуэнъ былъ усерднымъ сторонникомъ, не долженъ былъ вести его до забвенія участи, ожидающей дѣтей въ будущемъ; онъ зналъ по крайней мѣрѣ то, что равенство политическое и экономическое еще неосуществлено и что нью-ланаркскія дѣти должны будутъ вести совсѣмъ не ту жизнь, которую ведутъ поземельные или хлопчато-бумажные лорды. И эта непрактичность Оуэна принесла свои плоды. Милыя созданія, приводившія въ восторгъ посѣтителей Нью-Ланарка, заставлявшія ихъ проливать слезы умиленія, впослѣдствіи превратились въ лѣнивыхъ рабочихъ, которымъ трудъ былъ тяжолъ, которые не вынесли изъ своего дѣтства привычки къ нему, которые думали, что не они должны сообразоваться съ требованіями жизни, а жизнь должна удовлетворять всѣмъ ихъ требованіямъ. Отъ того впослѣдствіи въ Нью-Ланаркѣ обнаружилось то же, что тамъ было до Оуэна; прежніе дурные нравы фабричнаго населенія ожили; да и трудно было имъ не ожить; рабочіе съ теченіемъ времени не могли не узнать, что дѣйствительная нравственная и соціальная система Оуэна значительно отличается отъ той, которая подъ его вліяніемъ устроилась въ Нью-Ланаркѣ. И должно было произойти одно изъ двухъ: или въ ихъ глазахъ

долженъ былъ потерять авторитетъ самъ Оуэнъ, или та система, въ которой они воспитаны. Гораздо естественнѣе допустить, что они, не теряя довѣрія къ Оуэну, стали смотрѣть, какъ на дѣтскія сказки, на то, что имъ внушалось въ Нью-Ланаркѣ касательно религіи, касательно отношеній между полами, касательно имущества, вознагражденія за трудъ и вообще касательно вмѣняемости человѣческихъ дѣйствій. Такой складъ мыслей гораздо болѣе нравится человѣку мало развитому въ нравственномъ и умственномъ отношеніи и привыкшему отъ жизни ожидать болѣе розъ, нежели шиповъ, болѣе цвѣтовъ, нежели плодовъ. Потому вмѣстѣ съ прежними привычками въ средѣ нью-ланаркскихъ рабочихъ явилась большая притязательность относительно владѣльцевъ фабрики, болѣе высокое мнѣніе о самихъ себѣ, и, безъ сомнѣнія, несравненно болѣе сильное убѣжденіе въ несправедливости той экономической организаціи, которая существовала въ Нью-Ланаркѣ; вслѣдствіе этого нью-ланаркское заведеніе быстро пошло къ упадку. Такимъ образомъ даже лучшая часть дѣятельности Оуэна не достигла прочныхъ разультатовъ.

Мы не имѣемъ положительныхъ и подробныхъ свѣдѣній о послѣднихъ годахъ дѣятельности Оуэна въ Нью-Ланаркѣ. Несомнѣнно то, что нью-ланаркская фабрика перешла въ другія руки и, вѣроятно, это было въ 1829 году. Такъ можно думать на основаніи слѣдующаго факта. Въ 1839 году вышла брошура подъ названіемъ «Паденіе Нью-Ланарка». Оуэнъ отвѣчалъ на нее черезъ десять лѣтъ, въ 1849 году, въ сочиненіи «Revolution in the Mind and Practice of the human Race» гдѣ доказываетъ, что Нью-Ланаркъ впродолженіе 30 лѣтъ, слѣд. отъ 1799 до 1829 года *, т. е. во время его управленія процвѣталъ во всѣхъ отношеніяхъ: экономическомъ, нравственномъ, педагогическомъ. Въ этихъ доказательствахъ заключается непрямое признаніе того, что послѣ 1829 года процвѣтаніе Нью-Ланарка дѣйствительно прекратилось и тамошняя жизнь

* Бусъ говоритъ, что Оуэнъ оставилъ Нью-Ланаркъ въ декабрѣ 1828 года.

и дѣятельность пришла въ разстройство. И несомнѣнно, что одною изъ главныхъ причинъ этого былъ складъ мыслей нью-ланаркскихъ рабочихъ, воспитанныхъ Оуэномъ. Тониссенъ положительно утверждаетъ это, прибавляя, что броженіе въ средѣ рабочихъ началось еще въ то время, когда Оуэнъ былъ въ Америкѣ, т. е. до 1827 года, хотя въ это время въ Нью-Ланаркѣ вполнѣ господствовала система, устроенная Оуэномъ. И самъ Оуэнъ, доказывая успѣхъ Нью-Ланарка, приводитъ только прежде извѣстные факты, неотносящіеся къ послѣднему времени его дѣятельности въ Нью-Ланаркѣ; между прочимъ онъ перепечатываетъ свидѣтельства посѣтителей и одинъ благодарственный адресъ жителей Нью-Ланарка. Но послѣднее свидѣтельство посѣтителя относится къ 1825 году, а благодарственный адресъ жителей къ 1820 году, когда Нью-Ланаркъ дѣйствительно процвѣталъ. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ дѣйствительно можно думать, что Нью-Ланаркъ сталъ падать еще при Оуэнѣ, по крайней мѣрѣ отъ 1825 до 1829 года, а можетъ быть и раньше. Г. Герценъ разсказываетъ о паденіи Нью-Ланарка такимъ образомъ: будто бывшіе вмѣстѣ съ Оуэномъ владѣльцами Нью-Ланарка квакеры, возмущаясь иррелигіознымъ воспитаніемъ въ Нью-Ланаркѣ, требовали введенія въ тамошнюю школу преподаванія катихизиса, молитвъ и пр. Оуэнъ не согласился и отказался отъ веденія дѣла *. Послѣ чего квакеры сами взялись за управленіе и школою и фабрикою, ввели въ школѣ законъ Божій, а на фабрикѣ уменьшили рабочую плату и увеличили продолжительность рабочаго дня **.

Если этотъ разсказъ справедливъ, то изъ него слѣдуетъ, что съ теченіемъ времени Оуэнъ измѣнилъ систему воспитанія въ Нью-Ланаркѣ, изгнавъ изъ него религіозное начало, что онъ могъ сдѣлать не иначе, какъ по желанію самихъ рабочихъ; и это, въ свою очередь, подтверждаетъ нашу мысль, что нью-ланаркскіе рабочіе не остались при тѣхъ понятіяхъ,

* Почти въ томъ же видѣ передаетъ этотъ фактъ и Бусъ (стр. 48).
** Пол. Зв. на 1861 г. стр. 299.

которыя были внушены имъ въ дѣтствѣ. Уменьшеніе рабочей платы и увеличеніе рабочаго дня указываютъ на то, что экономическая сторона дѣла разстроилась, требовала исправленія; квакерамъ не было бы никакой надобности измѣнять условія, дававшія благопріятные результаты.—Бусъ разсказываетъ, что еще съ самаго вступленія В. Аллена въ число компаньоновъ владѣльцевъ Нью-Ланарка, между нимъ и Оуэномъ происходили постоянныя столкновенія изъ-за религіозныхъ вопросовъ. Оуэнъ постоянно стремился уничтожить религіозное образованіе въ Нью-Ланаркѣ; Алленъ старался удерживать его, и, какъ можно видѣть по отчету Лидсской коммисіи, до 1819 года успѣвалъ въ этомъ. Если дѣйствительно къ 1829 году религіозное образованіе было уничтожено, то это показываетъ, что послѣ 1819 года Оуэнъ успѣлъ поставить на своемъ. Что это не могло нравиться многимъ изъ рабочихъ, объ этомъ можно судить по ихъ религіозной ревности, которую Оуэнъ нашелъ въ Нью-Ланаркѣ, и по тому, что̀ говорили рабочіе членамъ Лидсской коммисіи; они были довольны между прочимъ тѣмъ, что ихъ дѣтей учатъ «полезнымъ занятіямъ и религіознымъ обязанностямъ. (См. выше стр. 487). Передѣлать религіозную нетерпимость рабочихъ въ терпимость Оуэнъ могъ; но передѣлать ее въ индефферентизмъ очевидно было труднѣе, хотя привести къ нему молодое поколѣніе было совсѣмъ нетрудно.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о литературной сторонѣ дѣятельности Оуэна. Говорятъ, что онъ написалъ двѣ тысячи журнальныхъ статей, произнесъ тысячу рѣчей, написалъ 500 адресовъ разнымъ лицамъ. Такая плодовитость объясняется во-первыхъ краткостью его статей; обыкновенно, онѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ страничекъ. Во-вторыхъ Оуэнъ постоянно повторяетъ свои любимыя положенія, постоянно разсказываетъ объ однихъ и тѣхъ же фактахъ; что̀, въ свою очередь, объясняется характеромъ его статей, которыя большею частію имѣютъ практическую цѣль; это—или рѣчи на митингахъ, или записки, или адресы, въ которыхъ авторъ долженъ кратко изложить самую сущность системы. Правда, Оуэнъ постоянно передѣлы-

ваетъ свою систему въ подробностяхъ, и не разъ измѣняетъ даже ея сущность, такъ что если даже оставить въ сторонѣ практическую дѣятельность Оуэна въ Нью-Ланаркѣ, въ Нью-Гармони, въ Гампширѣ и пр., въ самыхъ сочиненіяхъ его можно видѣть разницу его соціальныхъ стремленій въ первой и во второй половинѣ его дѣятельности. Мы видѣли, что духъ и задачи «Основныхъ положеній кооперативной системы» существеннымъ образомъ отличаются не только отъ «Новыхъ видовъ общества», (1812 г.), но и отъ «Записки, представленной коммиссіи ассоціаціи» и отъ «Дополнительнаго развитія плана», содержащагося въ этой запискѣ. Но замѣчательно, что исходный пунктъ, основный принципъ Оуэна постоянно остается тотъ же самый, именно, что характеръ образуется не человѣкомъ, а для человѣка; его въ разныхъ видахъ онъ повторяетъ, начиная съ перваго своего сочиненія до самаго послѣдняго, и именно только повторяетъ, а не развиваетъ и доказываетъ, и въ то же время не доказываетъ, а просто утверждаетъ, что непризнаніе этого принципа служитъ причиною всякаго зла на землѣ. Мы видѣли, что съ этого Оуэнъ началъ «Опытъ объ образованіи характера»; тоже онъ писалъ и въ 1858 году за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти послѣ 46-лѣтняго промежутка. (См. прил. В). Вообще сочиненія Оуэна, содержатъ въ себѣ безпрестанное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же мыслей *; этимъ и объясняется ихъ громадное количество.

---

* Такое впечатлѣніе Оуэнъ произвелъ своею личною бесѣдою на Бентема, когда пріѣзжалъ изъ Нью-Ланарка въ Лондонъ устроивать послѣднюю свою компанію. Бусъ приводитъ изъ сочиненій Бентема слѣдующій отзывъ его объ Оуэнѣ: «Оуэнъ, говоритъ Бентемъ, начинаетъ паромъ, а кончаетъ дымомъ, онъ великій хвастунъ; его умъ есть лабиринтъ путаницы; и онъ избѣгаетъ говорить о частностяхъ. Онъ всегда тотъ же самый, и вѣчно твердитъ одно и то же». (Бусъ, 27.) Намъ кажется только, что Оуэнъ не избѣгалъ развитія частностей: а не умѣлъ дѣлать этого. Его умъ не такъ сформированъ, чтобы точный анализъ психическихъ явленій былъ для него доступенъ. Изъ приведенныхъ нами отрывковъ изъ Оуэна видно, что онъ составилъ себѣ нѣкоторые общіе взгляды, на основаніи какихъ-то смутныхъ соображеній, а разъясненія этихъ взглядовъ, подтвержденія ихъ въ его сочиненіяхъ нигдѣ нѣтъ.

Система Оуэна имѣла много періодическихъ литературныхъ органовъ, защищавшихъ и развивавшихъ ее; таковы: Gazette of New - Harmony, Cooperative - Magazine, Orbiston Register, New moral World, Robert Owen's Journal. (1850—1852), National quarterly Review and Journal (1853) и другія.

Въ 1854 году Оуэнъ издалъ замѣчательное по оригинальности и по значенію собраніе своихъ старыхъ и новыхъ сочиненій подъ именемъ «The new existence of man upon the earth». Это—сборникъ, состоящій изъ пяти частей или выпусковъ; каждая часть начинается новою статьею, которая собственно и называется: New existence of man upon the earth»; это что-то въ родѣ передовой, объяснительной статьи къ слѣдующимъ статьямъ, которыя уже составляютъ перепечатку прежнихъ трактатовъ, адресовъ, записокъ, напечатанныхъ рѣчей Оуэна и т. п. Въ передовыхъ статьяхъ Оуэнъ главнымъ образомъ развиваетъ мысль о необходимости соціальной реформы въ томъ духѣ, въ какомъ онъ проповѣдывалъ ее во вторую половину своей дѣятельности; но, кромѣ того, сюда входятъ автобіографическія извѣстія о себѣ самомъ, объясненіе случаевъ, по которымъ то или другое сочиненіе написано, и т. п. Въ особенности Оуэнъ часто обращается къ Нью-Ланарку и къ своимъ успѣхамъ въ дѣлѣ перевоспитанія нью-ланаркскаго населенія, доказываетъ это и своими собственными доказательствами и свидѣтельствами очевидцевъ, посѣщавшихъ Нью-Ланаркъ, и лестными письмами, которыя онъ получалъ со всѣхъ сторонъ, между прочимъ, отъ герцога Кентскаго, и пр. Но вотъ что достойно вниманія: всѣ извѣстія о себѣ и о своей дѣятельности онъ ограничиваетъ исключительно 1824 годомъ, т. е. временемъ до его первой поѣздки въ Америку; равнымъ образомъ изъ прежнихъ статей въ этотъ сборникъ вошли только статьи, написанныя до 1824 года *, такъ что здѣсь нѣтъ ни тѣхъ «основныхъ положеній», которыя приведены

* Впрочемъ, одинъ отрывокъ относится ко времени гораздо болѣе позднему (къ 1849 г.), но онъ посвященъ исключительно Нью-Ланарку. Это то самое доказательство процвѣтанія Нью-Ланарка впродолженіе 30 лѣтъ, о которомъ мы говорили.

нами выше, ни даже «книги о новомъ нравственномъ мірѣ», считающейся наиболѣе полнымъ изложеніемъ системы Оуэна, и вообще здѣсь нѣтъ никакихъ извѣстій касательно дѣятельности Оуэна послѣ 1824 года. Отчего произошло это?— Быть можетъ, Оуэнъ не успѣлъ издать остальныя свои сочиненія, не успѣлъ сообщить данныхъ, относительно второй половины своей жизня? Быть можетъ ему помѣшала смерть или преклонныя лѣта? Дѣйствительно, послѣднюю, пятую часть New existence of man Оуэнъ оканчиваетъ «послѣднимъ завѣщаніемъ правителямъ и управляемымъ во всѣхъ народахъ». Очевидно, это послѣднія слова человѣка, собирающагося умирать. — Но послѣ этого Оуэнъ жилъ еще 4 года, собиралъ митинги, говорилъ на нихъ рѣчи, издавалъ ихъ, писалъ и печаталъ адресы и даже издавалъ газету. Слѣдовательно, силы позволили бы ему издать остальныя свои сочиненія и сообщить данныя о своей дѣятельности въ Америкѣ и Англіи послѣ 1824 года. Наконецъ въ разсказѣ о своей жизни Оуэнъ не держится хронологическаго порядка· о событіяхъ позднѣйшихъ говоритъ раньше, чѣмъ о предъидущихъ; и печатаніе прежнихъ статей начинаетъ не по порядку времени: сначала печатаетъ статьи 1817 года, потомъ 1812, 1816, 1818, потомъ опять 1812 г., такъ что онъ могъ бы и въ изданныя имъ пять частей включить что-нибудь написанное имъ между 1824 и 1854 годами впродолженіе 30 лѣтъ.

Я если онъ не слѣлалъ этого ни въ это время, ни послѣ, то ясно, что онъ не хотѣлъ сдѣлать этого; если онъ десять разъ принимается говорить о своей дѣятельности въ Нью-Ланаркѣ и ни однимъ словомъ не упоминаетъ о Нью-Гармони и послѣдующихъ опытахъ, то очевидно, онъ не хотѣлъ сдѣлать и этого.—Отсюда выходятъ два заключенія: первое касательно непослѣдовательности Оуэна въ этомъ случаѣ. Его нью-ланаркскій опытъ, если говоритъ въ пользу чего, то никакъ не въ пользу реформы съ общностью имуществъ, съ отрицаніемъ положительной религіи и съ уничтоженіемъ семьи. Слѣдовательно, въ «New existence of man», заключеніе Оуэна (его крайняя соціальная реформа) не соотвѣтствуетъ посылкамъ

(дѣятельность Оуэна до 1824 г.). Второй выводъ, слѣдующій изъ нежеланія Оуэна на прощаніи съ міромъ перепечатывать свои сочиненія отъ 1824 до 1854 года тотъ, что очевидно самъ онъ находилъ въ нихъ въ послѣдніе годы своей жизни что-нибудь несостоятельнымъ. Наконецъ, на послѣднихъ своихъ митингахъ, въ маѣ 1858, Оуэнъ опять припоминаетъ о Нью-Ланаркѣ, ссылается на свои первыя сочиненія, до 1820 года, а о Нью-Гармони и другихъ опытахъ, равно какъ о позднѣйшихъ сочиненіяхъ, ни слова! Очевидно, та мысль, что Оуэнъ подъ конецъ жизни созналъ ошибки своей дѣятельности въ Америкѣ и въ Англіи, послѣ возвращенія изъ Америки, далеко не лишена вѣроятія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

Изъ манифеста Р. Оуэна.

«Основатель раціональной системы и раціональной религіи уже осуществилъ нѣкоторую часть своихъ идей и далъ міру возможность судить о томъ, что онъ можетъ совершить на пользу земныхъ обществъ:

1. «Своимъ примѣромъ, своими сочиненіями, своими рѣчами, своими хлопотами передъ различными законодателями, онъ достигъ улучшенія участи дѣтей, употребляемыхъ на англійскихъ монетныхъ фабрикахъ при той ненавистной системѣ производства, которая ослабляетъ цѣлыя поколѣнія и которая не должна была никогда получить столь варварскаго примѣненія въ этомъ мірѣ, считающемъ себя цивилизованнымъ. (См. парламентскія изслѣдованія въ сессію 1816, 1817 и 1818 г.).

2. «Онъ придумалъ, ввелъ и основалъ, сообразно съ принципами раціональной системы общества, дѣтскія школы, въ которыхъ новая, высшая система внѣшнихъ обстоятельствъ, дѣйствовала на эти юные характеры такъ, что образовывала въ нихъ привычки и способъ дѣйствія, благосклонный ко всѣмъ, внушала имъ духъ всеобщей любви; въ то же время дѣтямъ сообщались только вѣрныя познанія, посредствомъ дружескихъ разговоровъ учениковъ съ учителями, посвященными въ науку о человѣческой природѣ. (См. сочиненіе автора: «новые виды общества и его адресъ относительно открытія новаго учрежденія для образованія человѣческаго характера, 1 янв. 1816 г.).

3. «Въ 1816 г. онъ представилъ г. Фальку, голландскому посланнику, проектъ уничтоженія нищенства посредствомъ пріютовъ и рабочихъ домовъ для бѣдныхъ. Г. Фалькъ одобрилъ этотъ проектъ и сообщилъ его своему правительству, которое въ слѣдующемъ году съ помощію Общества Благосклонности дѣйствительно осуществило его подъ именемъ: «ко-

лоній бѣдныхъ въ голландіи». Франсисъ, герцогъ Бедфордъ, и основатель раціональной системы повидимому единственные, почетные англійскіе члены этого достойнаго общества. Авторъ предварительно представилъ свой проектъ облегченія участи бѣдныхъ кабинету лорда Ливерпуля, и безъ сомнѣнія лордъ Ливерпуль согласился бы на опытъ, если бы церковное вліяніе не господствовало надъ администраціею чисто свѣтскою. Если бы планъ былъ принятъ съ тѣми подробностями, которыя авторъ указывалъ правительству, то бѣдные и трудящіеся классы съ тѣхъ поръ уже значительно поднялись бы и были бы употреблены съ пользою. Болѣе милліона фунтовъ стерлинговъ напрасныхъ издержекъ было бы сбережено, и въ замѣнъ того болѣе ста милліоновъ произведеній было бы создано съ помощію новой правильной промышленности. Билль относительно поправки закона о бѣдныхъ не былъ бы потребованъ, и не нужно было бы искать средствъ для помощи народонаселенію Англіи и Ирландіи, умирающему съ голоду; не слышно было бы жалобъ столь многихъ несчастныхъ, и чартизмъ не существовалъ бы. (Въ подтвержденіе этого см. записку Оуэна касательно закона бѣдныхъ, представленной общинной коммисіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ Стерджа Борна. Эта записка есть воспроизведеніе труда Оуэна о причинахъ недостатка работы у городскихъ и деревенскихъ рабочихъ и о средствахъ помочь этому злу. Арх. Кентерборійскій былъ предсѣдателемъ коммисіи, которой эти мысли были представлены).

4. «Въ томъ же 1816 г. основатель раціональной системы общества представилъ прусскому посланнику, барону Якоби, планъ національной системы воспитанія и подробное изложеніе здравыхъ началъ общаго управленія. Въ благодарность за это сообщеніе, основатель системы получилъ черезъ того же посланника собственноручное письмо короля Прусскаго, въ которомъ этотъ монархъ благодарилъ изобрѣтателя за сообщеніе и высказывалъ, что онъ вполнѣ доволенъ сообщеніемъ и намѣренъ поручить своему министру внутреннихъ дѣлъ—примѣнить его во всѣхъ мѣстностяхъ своего королевства, гдѣ будетъ возможно. И въ самомъ дѣлѣ, уже въ слѣдующемъ году новая система народнаго воспитанія была введена въ Пруссіи. (См. правила касательно народнаго воспитанія въ новыхъ видахъ общества или опытѣ объ образованіи человѣческаго характера).

5. «Основатель раціональной системы дѣятельно помогалъ Беллю и Ланкастеру въ осуществленіи ихъ различныхъ плановъ воспитанія. Первому онъ далъ болѣе тысячи фунтовъ стерл., «Національному комитету» доктора Белля 500 фунтовъ и предлагалъ дать еще 1,000, если народныя школы будутъ

открыты для всѣхъ дѣтей, безъ различія сословій и религій. Это предложеніе было обсуждаемо въ комитетѣ впродолженіи двухъ дней и было отвергнуто только весьма незначительнымъ большинствомъ. (См. протоколы комитета).

6. «Въ 1816 и 1817 г. основатель посѣтилъ наиболѣе замѣчательныхъ и либеральныхъ людей Франціи, Швейцаріи и Германіи. Товарищами его въ этомъ путешествіи были знаменитый Кювье изъ Парижа и Пиктетъ изъ Женевы. По возвращеніи онъ былъ представленъ герцогомъ Кентскимъ герцогу Орлеанскому, нынѣшнему французскому королю. Онъ посѣтилъ также замѣчательнѣйшія воспитательныя заведенія материка, именно заведенія Песталоцци и Фалленберга, получая изъ устъ государственныхъ людей, законодателей и наставниковъ — такія свѣдѣнія, какія могли быть сообщены только ученѣйшими людьми того времени.

7. «Въ 1822 и 1823 г. основатель раціональной системы поднялъ въ Ирландіи вопросъ о народномъ воспитаніи и объ употребленіи нищихъ на фабрикахъ. Здѣсь онъ былъ принятъ протестантскими и католическими епископами, представителями аристократіи и самыми образованными людьми этой страны. Онъ собиралъ нѣсколько многочисленныхъ и интересныхъ митинговъ въ Дублинской Ротондѣ и взялся представить обѣимъ палатамъ прошенія въ пользу раціональной системы. Замѣчательныя, хотя недостаточныя суммы были предложены и подписаны здѣсь, съ цѣлью осуществленія раціональной системы. (См. отчетъ объ этихъ митингахъ, напечатанный нѣсколько времени спустя послѣ отъѣзда Оуэна изъ Дублина).

8. «Въ 1824 г. Оуэнъ прибылъ въ Соединенные Штаты, посѣтилъ тамъ всѣхъ, бывшихъ тогда въ живыхъ президентовъ и собралъ о многихъ политическихъ, административныхъ и соціальныхъ вопросахъ мнѣнія столь замѣчательныхъ и опытныхъ людей, какъ Джонъ Адамсъ, Томасъ Джефферсонъ, Монрое, тогдашній президентъ, и Джонъ Кинси Адамсъ, его преемникъ. Онъ бесѣдовалъ съ членами высшаго суда, два раза говорилъ передъ конгрессомъ и со всѣхъ сторонъ получилъ благодарность за свои сообщенія, заслужившія общее одобреніе (?). Потомъ онъ публично развивалъ свои идеи въ главнѣйшихъ городахъ Союза и во время двухъ своихъ путешествій входилъ въ сношенія съ наиболѣе замѣчательными людьми Штатовъ.

9. «Въ 1828 г. Оуэнъ отправился въ Мексику съ намѣреніемъ принять на себя управленіе Техасомъ, желая предотвратить бѣдствія, которыхъ театромъ сдѣлалась съ тѣхъ поръ эта страна. По этому предмету онъ представилъ мексиканскому правительству записку, составленную имъ въ Евро-

пѣ и предварительно сообщенную посланникамъ значительнѣйшихъ государствъ Америки. Поддерживаемый ими и рекомендаціею лорда Веллингтона предъ англійскимъ посланникомъ въ Мексикѣ, г. Пакингамомъ, Оуэнъ вошелъ въ переговоры съ президентомъ Викторіею. Самъ лордъ Пакингамъ взялся изложить въ офиціальной конференціи планы основателя раціональной системы; онъ сдѣлалъ въ высшей степени похвальный отзывъ какъ о методѣ Оуэна и его личности, такъ и о качествахъ, дѣлавшихъ его вполнѣ способнымъ къ выполненію предположеннаго дѣла. Президентъ отвѣчалъ, что мексиканское правительство серьезно разсмотритъ это дѣло, и что жаль только того, что управленіе Техасомъ не прямо зависитъ отъ Мексики, и потомъ прибавилъ: «если г. Оуэнъ желаетъ взять на себя управленіе территоріей гораздо болѣе важной, мы можемъ ему предложить область, лежащую между Тихимъ океаномъ и Мексиканскимъ заливомъ и образующую, въ большей своей части, границу между Мексиканскимъ союзомъ и Соединенными Штатами». При этомъ великодушномъ предложеніи г. Пакингамъ и Оуэнъ не могли удержать своего изумленія. Между тѣмъ начались объясненія и Оуэнъ предварительно потребовалъ, чтобы его области была предоставлена полная религіозная свобода. На это президентъ отвѣчалъ, что такое условіе можетъ служить препятствіемъ, такъ какъ въ Мексикѣ господствуетъ католическое исповѣданіе, но что онъ впрочемъ представитъ конгрессу предложеніе о введеніи въ этой странѣ вѣротерпимости, подобно той, которая существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ. «На этихъ основаніяхъ, сказалъ Оуэнъ, я принимаю! Когда законъ будетъ изданъ, я начну осуществленіе моихъ правительственныхъ принциповъ». Въ остальное время своего пребыванія въ Мексикѣ, Оуэнъ былъ представленъ высшимъ законодательнымъи административнымъ лицамъ страны и въ Вера-Крусѣ имѣлъ нѣсколько свиданій съ генераломъ Санта-Анною, который оказался ревностнымъ партизаномъ его проектовъ касательно общественныхъ улучшеній. Изъ Вера-Круса Оуэнъ отправился на военномъ десяти-пушечномъ бригѣ, присланномъ изъ Ямайки, чтобы отвезти его въ Новый-Орлеанъ.

10. «Во время своихъ путешествій Оуэнъ могъ убѣдиться, сколько несогласій и гибельныхъ антипатій существовало между Соединенными Штатами и Англіей. Онъ понялъ, что можетъ дойти до того, что Штаты войдутъ въ союзъ съ сѣверными державами, враждебными соединенному королевству. Оуэнъ хотѣлъ попытаться сдѣлать эти отношенія болѣе доброжелательными и искренними. Онъ отправился въ Вашингтонъ, представилъ Ванъ-Бюрену, тогдашнему государствен-

нему секретарю, до какой степени система обоихъ государствъ была неполитична, и во время конференцій, продолжавшихся десять дней, вопросъ былъ совершенно разъясненъ между двумя лицами, ведшими переговоры. Дѣло было представлено президенту Джаксону, который одобрилъ содержаніе и исходъ переговоровъ, и изъявилъ свое согласіе на болѣе дружественныя отношенія между двумя державами. Онъ пожелалъ видѣть Оуэна, пригласилъ его на обѣдъ, и тутъ было рѣшено, что американскій союзъ съ этихъ поръ приметъ новую доброжелательную политику относительно Великобританіи, если только Великобританія пойдетъ тою же дорогою и будетъ слѣдовать тому же примирительному духу. Съ этой увѣренностью Оуэнъ отправился въ Европу. Прибывъ въ Лондонъ, онъ тотчасъ представился лорду Абердину, далъ ему отчетъ во всемъ, что произошло, и получилъ отъ него увѣреніе, что отнынѣ установятся наилучшія отношенія между соединеннымъ королевствомъ и Сѣверною Америкою. Письма и конфиденціальныя депеши были отправлены къ англійскому посланнику въ Америкѣ со внушеніемъ — сообразоваться во всемъ, что касается этого дѣла, съ совѣтами Оуэна. Итакъ дѣло шло весьма хорошо и было окончено къ обоюдному удовольствію. Оуэнъ формально настаивалъ на необходимости окончить всѣ разногласія касательно подробностей, и жаль, что тогда не воспользовались этимъ случаемъ для того, чтобы окончательно рѣшить вопросъ о границахъ со стороны Канады. По поводу этихъ переговоровъ одинъ изъ принцевъ Мюратовъ въ книгѣ, изданной въ Соединенныхъ Штатахъ, говорилъ, что Оуэнъ обманулъ американское правительство. Оуэнъ скоро отвѣтилъ бы на это обвиненіе, если бы зналъ его. Молодой Мюратъ былъ введенъ въ ошибку. Оуэнъ никого не обманывалъ. Онъ съ удовольствіемъ объявляетъ, что ни одно правительство въ мірѣ не могло бы вести себя съ большимъ достоинствомъ и благородствомъ, чѣмъ правительство Соединеныхъ Штатовъ въ этомъ случаѣ, и что, съ другой стороны, онъ долженъ воздать справедливость и тому пріему и вниманію, которое онъ получилъ отъ англійскаго правительства, преимущественно отъ лорда Липернуля и Веллингтона. Впрочемъ, онъ долженъ прибавить, что недавно этотъ почтенный генералъ отказался представить одну его петицію палатѣ лордовъ, и даже не хотѣлъ слушать его объясненій, что, впрочемъ, нужно приписать только вліянію нѣкоторыхъ лицъ, немогущихъ понять и оцѣнить виды разумнаго общества. (Относительно истинности изложенныхъ здѣсь фактовъ можно обратиться къ генералу Джаксону, президенту Ванъ-Бюрену,

графу Абердину, г. Пакингаму, генералу Санта-Аннѣ и мн. др).

11. «Видя, что мексиканское правительство не можетъ привести къ хорошему окончанію религіозный вопросъ, въ условіяхъ, которыя онъ представилъ, и понимая, что положеніе Мексики не представляло ему достаточныхъ гарантій для спокойнаго и послѣдовательнаго осуществленія его идей, Оуэнъ отказался отъ своего великаго опыта за границею и обратилъ свои взоры къ родной странѣ, которая нуждалась въ немъ не менѣе, а даже болѣе, чѣмъ всякая другая. Вслѣдствіе этого, послѣднія десять лѣтъ онъ употребилъ на распространеніе въ англійскомъ народонаселеніи здравыхъ познаній и на приготовленіе той мирной реформы, которую теперь онъ можетъ возвѣстить міру. Такимъ образомъ, значительная часть рабочаго класса въ Англіи болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, начинаетъ имѣть здравыя понятія обо всѣхъ вопросахъ, касающихся ихъ благосостоянія и безопасности. Черезъ вѣсколько лѣтъ результаты эти будутъ еще очевиднѣе, потому что еще лучше всѣ поймутъ на самомъ дѣлѣ истину, чистоту и всю важность этого ученія. Робертъ Оуэнъ также посѣтилъ недавно нѣкоторыя изъ старыхъ правительствъ Европы, чтобы приговорить ихъ къ измѣненіямъ, которыя становятся неизбѣжными, благодаря успѣху знаній въ средѣ рабочихъ классовъ. Уже 22 года назадъ Оуэнъ предвидѣлъ этотъ результатъ. Теперь онъ приближается и никто не можетъ отвратить его дѣйствія.

«Въ этотъ самый періодъ Робертъ Оуэнъ написалъ и издалъ первую изъ семи частей «Книги о новомъ нравственномъ мірѣ», предназначенной выяснить науку о природѣ человѣка, книги, которой недоставало человѣчеству и которую авторъ будетъ защищать противъ всѣхъ, которые сочтутъ своимъ долгомъ или найдутъ полезнымъ нападать на нее.

«Это изданіе сопровождалось множествомъ другихъ сочиненій Оуэна о различныхъ предметахъ, о религіи, о бракѣ, о частной собственности, о народномъ воспитаніи, объ употребленіи рабочихъ; эти сочиненія, будучи хорошо поняты, окажутся неоцѣнимыми какъ для Англіи, такъ и для всего міра.

«Но сверхъ всѣхъ этихъ заслугъ, Оуэнъ имѣетъ новую-еще болѣе драгоцѣнную—въ уразумѣніи и открытіи раціональной системы общества и религіи; дѣйствіе этой системы съ этихъ поръ невозможно остановить. Эта система будетъ болѣе благодѣтельна для людей, чѣмъ всѣ ложныя и непрактическія системы, которымъ слѣдовали до сихъ поръ; это — система истинная, полная любви ко всѣмъ, выгодная для всѣхъ, имѣющая обезпечить счастіе и миръ вселенной. Міръ былъ еще въ невѣдѣніи относительно этой таинственной системы, но

высокопреподобный прелатъ Экзетерскій, позаботился дать ей самую громкую извѣстность, обличивъ ее передъ палатою лордовъ.

«Вотъ часть того, что сдѣлалъ Оуэнъ для состарѣвшагося, дряхлаго и безнравственнаго міра. Но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ обдумывалъ для того, чтобы исторгнуть людей изъ ихъ нищеты, ихъ раздоровъ, ихъ униженія, ихъ пороковъ и ихъ несчастій.

«Теперь одно слово насчетъ моего представленія ея величеству королевѣ. Я спрашиваю, кому изъ насъ троихъ всего болѣе чести доставилъ этотъ визитъ? Старику ли семидесяти лѣтъ, который болѣе полувѣка употребилъ на пріобрѣтеніе мудрости, съ одной мыслью приложить ее къ страдающимъ созданіямъ, и который, для осуществленія своихъ плановъ, даже нарядился, какъ обезьяна, и склонилъ колѣно предъ молодой дѣвицей, — правда прекрасной, но неопытной? Или министру, который заставилъ этого старика подвергнуться формамъ этикета, и который потомъ въ рѣчи, полной нелѣпостей, почти отрекся отъ дѣла, котораго былъ главнымъ виновникомъ, и которое современемъ, быть можетъ, будетъ считаться лучшимъ и самымъ важнымъ актомъ его управленія? Или наконецъ — этой молодой дѣвицѣ, предъ которой преклонялъ колѣни семидесятилѣтній старецъ? — Что касается до меня, я не считаю за честь быть представленнымъ никакому человѣческому существу, каково бы оно ни было.

«Двадцать два года назадъ, въ запискѣ, адресованной европейскимъ государямъ, собравшимся на Ахенскомъ конгрессѣ, и представленной имъ лордомъ Кастльре, я объявлялъ, что на меня не имѣютъ вліянія никакія стремленія къ почестямъ и выгодамъ, на которыя я всегда смотрѣлъ, какъ на дѣтскія игрушки или суетность мелкихъ душъ.

«Однако глава оппозиціи въ палатѣ общинъ назвалъ большимъ оскорбленіемъ мое представленіе ея величеству и воспользовался имъ, какъ оружіемъ противъ министра, который на него согласился.

«Неужели нынѣшній сэръ Робертъ Пиль могъ сдѣлать это предложеніе серьезно и не краснѣя?

«Развѣ забылъ онъ, что прежній Робертъ Пиль, отецъ оратора, впродолженіе многихъ лѣтъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ со мной, что онъ имѣлъ выгоду добиваться предъ палатою общинъ осуществленія моихъ идей и добился такъ принятія моего билля о работѣ дѣтей на фабрикахъ, хотя со многими искаженіями?

«Прежній сэръ Робертъ Пиль былъ человѣкъ дѣла, искавшій себѣ опору не въ словахъ безъ значенія, а въ предметахъ полезныхъ и плодотворныхъ въ приложеніи; это былъ человѣкъ

опытный, серьезно и добросовѣстно взвѣшивавшій и обсуждавшій мысли, которыя ему были представляемы. Я спрашиваю теперь у почтеннаго предводителя безнадежной оппозиціи, волнующейся въ палатѣ общинъ, — помнитъ ли онъ мой визитъ почтенному отцу его, наканунѣ одного изъ моихъ путешествій въ Соединенные Штаты, въ то время, какъ онъ, нынѣшній сэръ Робертъ Пиль, членъ кабинета лорда Ливерпуля, — находился въ своемъ фамильномъ мѣстопребываніи, въ Драйтонъ-Голлѣ? Если онъ не забылъ этого факта, то долженъ также вспомнить, что тогда я привозилъ съ собою около двухъ сотъ плановъ и рисунковъ, касательно всеобщей организаціи общества. Эти рисунки, вмѣстѣ съ дорогою рельефною медалью я назначалъ для президента Соединенныхъ Штатовъ, въ комнатахъ котораго они и были выставлены, а, можетъ быть, еще и теперь тамъ находятся. Сэръ Робертъ Пиль-отецъ посвятилъ много часовъ на ознакомленіе съ этой коллекціей, единственной въ мірѣ, въ которой я раскрывалъ средства измѣнить внѣшнія обстоятельства, опредѣляющія характеръ человѣка, и доставить будущимъ поколѣніямъ гораздо болѣе благородное употребленіе ихъ силъ и гораздо болѣе обильный источникъ удовольствій. И разобравъ, изучивъ предметъ въ самой сущности, равно какъ и средства осуществленія, научные способы, которые устанавливали гармонію и давали ей великое значеніе въ цѣломъ, сэръ Робертъ Пиль нѣсколько минутъ оставался въ безмолвномъ изумленіи; то, что онъ сказалъ потомъ, замѣчательно своею истиною и глубиною. «Г. Оуэнъ, — сказалъ онъ — во всемъ королевствѣ нѣтъ четырехъ человѣкъ, которыхъ образованіе было бы достаточно обширно и разнообразно для того, чтобы чувствовать значеніе этихъ великолѣпныхъ соображеній; но еслибы было много людей, которые подобно мнѣ могли бы понять дѣло, то они доказали бы, что измѣненіе, предлагаемое вами, будетъ имѣть значенія больше, чѣмъ вы сами можете обѣщать». Потомъ онъ прибавилъ: «Мой сынъ Робертъ теперь здѣсь. По всей вѣроятности, онъ не пойметъ вашихъ соображеній, потому что не имѣлъ еще случая изучить это дѣло. Но останьтесь съ нами до завтра. Вы увидите его за обѣдомъ и мы попробуемъ сдѣлать впечатлѣніе на его умъ, раскрывая передъ нимъ ваши проекты». Я остался, какъ меня просилъ достойный баронетъ, но мнѣ не трудно было убѣдиться, что нынѣшній сэръ Робертъ Пиль не имѣлъ ни познаній, ни опытности, нужной для того, чтобы обнять предметъ, превосходившій его разумѣніе. Я имѣю великое уваженіе къ этой фамиліи; но грустно видѣть, до какой степени политическія стремленія искажаютъ самыя блестящія качества.

«Что касается достопочтеннаго прелата Экзетерскаго и

его рѣчи, произнесенной на прошлой недѣлѣ въ палатѣ лордовъ, я имѣю право заключить, что ему нужно еще познакомиться съ тѣми заблужденіями, безнравственностью и богохульствомъ, противъ которыхъ онъ такъ долго гремѣлъ, и моя ошибка будетъ очень велика, если самый отсталый изъ тѣхъ тысячъ дѣтей, которыя посѣщаютъ школы, находящіяся подъ моимъ руководствомъ, не объяснитъ этихъ вещей удовлетворительнѣе и разумнѣе, нежели какъ сдѣлалъ это благородный лордъ въ парламентѣ.

«Но, разсуждая серьезно обо всѣхъ этихъ вещахъ, я долженъ сказать, что почтенный виконтъ, государственный министръ, почтенный предводитель оппозиціи въ палатѣ общинъ и высокопреподобный пастырь Экзетерскій—имѣютъ свои личные характеры, образованные не ими самими, а для нихъ, и этимъ характерамъ они подчинены необходимымъ образомъ, вслѣдствіе чего ихъ ошибки невольны и необходимы и слѣдовательно достойны состраданія, а не осужденія. Братская любовь въ духѣ раціональной религіи, которая такъ или иначе дремала во мнѣ при чтеніи рѣчей этихъ благородныхъ сенаторовъ, теперь снова говоритъ мнѣ со всей своей силой и чистотой; вслѣдствіе чего я забываю и прощаю все, что они могли сказать. Мнѣ кажется, что ихъ старая соціальная система не должна внушить имъ, относительно меня, любви столь прямой и искренней, и потому мое состраданіе къ нимъ еще увеличивается». (L. Reybaud. Etudes sur les réformateurs. I, 439—449).

Манифестъ Оуэна имѣетъ во-первыхъ то значеніе, что въ немъ самъ Оуэнъ перечисляетъ всѣ свои стремленія, лишенныя характера коммунизма, такъ что по манифесту можно легко прослѣдить ту часть дѣятельности Оуэна, которая имѣла полезные практическіе результаты.

Во-вторыхъ въ манифестѣ больше нежели гдѣ-нибудь проявляется та черта характера Оуэна, которая замѣчена въ немъ Бентемомъ, хвастовство. Правда, эта черта очень идетъ къ принятой имъ на себя роли автора системы, имѣющей возродить міръ; и она въ большей или меньшей мѣрѣ принадлежитъ всѣмъ авторамъ подобныхъ системъ. Но тѣмъ не менѣе, какъ несомнѣнно существующій фактъ, она всего болѣе проявляется именно въ манифестѣ. Здѣсь во всей полнотѣ оцѣниваетъ Оуэнъ самъ свои открытія и признаетъ свои заслуги; здѣсь онъ возвѣщаетъ во всеуслышаніе, что именно его «Книги о новомъ нравственномъ мірѣ» недоставало человѣчеству, что его другія сочиненія, будучи хорошо поняты (?), окажутся неоцѣненными не только для Англіи, но и для всего міра, что и это еще не всѣ его заслуги, что у него есть заслуга болѣе драгоцѣнная, въ уразумѣніи ра-

ціональной системы общества и религіи и т. д. Здѣсь же съ упрямствомъ, даже мало понятнымъ, послѣ 25 лѣтнихъ постоянныхъ и непрерывныхъ неудачъ, онъ утверждаетъ, что дѣйствіе его системы невозможно остановить.

Здѣсь же обнаруживаются и полемическіе пріемы Оуэна. Р. Пиля онъ называетъ человѣкомъ съ небольшою способностью пониманія, лишеннымъ познаній и опытности, хотя случай, о которомъ онъ разсказываетъ, относится къ такому времени, когда Р. Пилю было уже подъ 50 лѣтъ и онъ уже былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Англіи. А епископъ Экзетерскій, по словамъ Оуэна, такъ плохо объяснилъ передъ парламентомъ содержаніе его ученій, что самый отсталый изъ тысячи дѣтей, посѣщающихъ его школы, сдѣлалъ бы это лучше. Очевидно, Оуэнъ потерялъ хладнокровіе вопреки своей системѣ раціональной религіи, и хотя онъ говоритъ, что онъ забываетъ и прощаетъ то, что порицатели его сказали объ немъ, тѣмъ не менѣе самое существованіе въ манифестѣ приведенныхъ выраженій, то, что Оуэнъ не вычеркнулъ ихъ для печати, доказываетъ, что Оуэнъ въ дѣйствительности не простилъ своихъ противниковъ.

Б.

Соціальная наука.

«Соціальная наука основана на началѣ правды и добра, на знаніи самого себя и на постоянныхъ законахъ человѣчества и общества.

«Истинная соціальная наука, основанная такимъ образомъ, обезпечиваетъ каждому человѣку средства быть удачно рожденнымъ, имѣть хорошую пищу, хорошую одежду, хорошее помѣщеніе, хорошія привычки, хорошее воспитаніе, хорошее занятіе, хорошія удовольствія, хорошее правленіе и хорошую должность.

«Для достиженія всѣхъ этихъ результатовъ должна быть создана извѣстная опредѣленная обстановка и, къ счастью народонаселенія свѣта, обстановка эта на практикѣ достижима для рода человѣческаго.

1) «Для того, чтобы быть удачно рожденнымъ, родители должны быть въ такомъ физическомъ и нравственномъ состояніи, которое было бы благопріятно тому, чтобы произвести хорошо сложеннаго, доброкачественнаго ребенка, и мать впродолженіе всего времени, когда носитъ подъ сердцемъ этотъ безцѣнный зародышъ, не должна возмущаться страстью, должна быть кроткой, должна пользоваться хорошимъ обращеніемъ со стороны всѣхъ и окружена только благопріятны-

ми предметами и лицами; она должна быть свободна отъ всякаго душевнаго безпокойства и, по мѣрѣ возможности, имѣть передъ глазами только прекрасныя формы.

2) «Для того, чтобы имѣть хорошую и раціональную пищу,—качество, количество и сортъ пищи, болѣе всего подходящей къ личному тѣлосложенію, впродолженіе всякаго возраста, должны быть изучаемы, производимы и прилагаемы къ употребленію.

3) «Для того, чтобы быть хорошо одѣтымъ, ткань и покрой одежды для различныхъ періодовъ жизни, самые лучшіе, удобные, красивые и соотвѣтственные положенію, занимаемому каждымъ въ обществѣ, удобные во время занятій и во время отдыха, должны быть хорошо изучаемы и приспособлены къ условіямъ здоровья, пользы и вида.

4) «Для того, чтобы имѣть хорошее помѣщеніе,—квартира должна быть устроена такъ, чтобъ она соотвѣтствовала обоимъ поламъ особо, начиная съ юношескаго возраста, съ комнатами, удобными для мужскаго и женскаго пола, воспитываемыхъ такъ, чтобъ они сдѣлались впослѣдствіи хорошо образованными, разумными существами и членами лучшаго общества, какое только можетъ быть на землѣ. Такія комнаты, которыя соотвѣтствуютъ каждому полу самымъ лучшимъ образомъ, могутъ быть легко устраиваемы, при чемъ нужно имѣть въ виду теплоту, холодъ и провѣтриваніе, здоровье и удобство личности, которой величайшій успѣхъ въ знаніи, мудрости и счастіи будетъ путеводной звѣздой въ направленіи всего этого устройства; потому что, если личность не сдѣлана счастливою и не поставлена на высшій уровень, напрасно будемъ ждать, чтобъ и общество сдѣлалось таковымъ же.

5) «Для того, чтобы быть хорошо выдержаннымъ (well trained) съ дѣтства, чувства, темпераментъ, привычки и манеры каждаго должны быть тщательно изучаемы людьми предварительно хорошо выдержанными, опытными и, естественнымъ образомъ, привязанными къ дѣтямъ; подобная крайняя заботливость необходима въ дѣтствѣ для того, чтобы всѣ постепенно были поставлены на высшій уровень, и, при должномъ вниманіи, это исполнимо.

«6. Хорошее воспитаніе. Это, въ соединеніи съ выше указанною выдержкою со дня рожденія, которая въ сущности, есть ничто иное, какъ первоначальное воспитаніе, будетъ главнымъ пунктомъ, обезпечивающимъ непрерывное благосостояніе, хорошіе поступки и прочное счастіе человѣчества. Отъ образованія характера зависитъ то, въ пандемоній или въ рай превратитъ человѣкъ всю свою будущую жизнь. Для того, чтобы дать хорошее воспитаніе, должно вырабатывать

характеръ каждаго, а для того, чтобъ выработать его, каждый нашъ органъ, способность, склонность, качество и сила нашей природы должны быть хорошо развиваемы и направляемы, по мѣрѣ того, какъ они высказываются и подвигаются впередъ съ нашимъ возрастомъ; это значитъ, что организація каждаго: физическая, умственная, нравственная, духовная или практическая, должна быть не только хорошо развиваема, но правильно изощряема относительно всякой силы и склонности личности, сообразно степени ея напряженія, потому что эта степень будетъ разниться въ каждомъ органѣ и склонности мужчины и женщины. Это очевидное усовершенствованіе человѣчества будетъ достижимо, если общество будетъ вѣрно основано и разумно устроено. Тогда всѣ будутъ въ состояніи пріобрѣсти наилучшій физическій и нравственный характеръ, какъ только можетъ допустить ихъ природная организація.

7) «Имѣть хорошее занятіе, значитъ быть занятымъ надлежащимъ образомъ, физически и нравственно, соразмѣрно съ временемъ каждаго, впродолженіе всей жизни, смотря по возрасту, полу, способности и наклонности. Подобныя ежедневныя занятія будутъ составлять всю прелесть человѣческаго существованія. Мужчинамъ и женщинамъ, выдержаннымъ и воспитаннымъ, какъ выше сказано, лѣнь будетъ неизвѣстна, отдыхъ будетъ состоять въ смѣнѣ занятій физическихъ и нравственныхъ; но ни тѣ, ни другія не должны продолжаться слишкомъ много времени въ виду здоровья личности. Такія занятія всегда будутъ желательны, всегда будутъ исполняться съ охотой и полезны какъ для личности, такъ и для общества. Все, что будетъ слишкомъ нездорово, слишкомъ затруднительно исполнить мужчинамъ, женщинамъ, или ихъ потомству, все это будетъ сдѣлано безчисленными послушными слугами или рабами, всегда готовыми по приказанію исполнить какое бы то ни было требованіе; — сотни, тысячи, милліоны механическихъ и химическихъ рабовъ могутъ быть всегда къ услугамъ рода человѣческаго, будутъ помогать ему, повинуясь его направленію, будутъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ человѣчества и, если будетъ нужно, то даже предупреждать ихъ, такъ что обезпечатъ прочное счастіе нашего рода на будущее время. Удовлетвореніе всегда существующихъ потребностей человѣчества будетъ доставлять постоянное пріятное занятіе для всѣхъ въ направленіи знаній къ исполненію требуемой работы. Знанія даны намъ нашимъ Создателемъ для того, чтобы они, производя благосостояніе, освобождали человѣка отъ рабства и всякаго душевнаго безпокойства. Эти матеріальные рабы и слуги, ге ограниченные въ числѣ и въ силѣ, будутъ усердно помонать человѣчеству быстро превратить земной шаръ — въ зем-

ной рай, которымъ могъ бы наслаждаться каждый членъ рода человѣческаго.

8) «Имѣть хорошее удовольствіе. Науки и искусства, уже извѣстныя, легко могутъ быть примѣняемы и направляемы къ тому, чтобы доставлять человѣку полный досугъ, изобиліе времени, какъ для физическаго, такъ и для нравственнаго удовольствія и для разумнаго наслажденія въ обществахъ, состоящихъ изъ высшихъ, хорошо образованныхъ мужчинъ и женщинъ, воспитанныхъ и пріученныхъ правильно выбирать себѣ, соразмѣрно со своими средствами, предметы для увеселенія — если они, въ самомъ дѣлѣ, впродолженіе двухъ или трехъ поколѣній, съумѣли сдѣлать изъ своего существованія жизнь, полную высокаго умственнаго удовольствія и постояннаго разумнаго наслажденія.

9) «Быть хорошо управляемымъ, значитъ быть хорошо выдержаннымъ, воспитаннымъ, хорошо занятымъ и имѣть хорошую должность. Соціальныя общества, основанныя такимъ образомъ, будутъ нуждаться въ незначительной дѣятельности правительства или совсѣмъ не будутъ нуждаться въ ней. Такъ какъ в с ѣ будутъ стараться хорошо управлять собою и будутъ пріучены и воспитаны такъ, чтобъ всегда желать наибольшей выгоды и высшаго счастья своимъ ближнимъ, то немногіе простые законы, касательно каждаго общества и его отношенія къ другимъ обществамъ будутъ достаточны для братскаго управленія свѣтомъ, безо всякихъ выборовъ, согласно съ естественными раздѣленіями возрастовъ въ жизни человѣчества, такъ какъ всякій отдѣльный возрастъ будетъ болѣе чѣмъ соотвѣтствовать задачѣ, требуемой отъ него обществомъ. Подъ вліяніемъ полной научной соціальной системы, характеры всѣхъ будутъ такъ высоки отъ рожденія и общество будетъ такъ упрощено, что оба пола, въ зрѣломъ возрастѣ, будутъ въ состояніи понять духъ, принципъ и дѣятельность общества, распространенные по всему свѣту, и въ то же время будутъ способны принять нѣкоторое полезное участіе, вступивъ въ качествѣ посѣтителей или новыхъ членовъ въ одно изъ этихъ новыхъ соціальныхъ обществъ, въ одной изъ мѣстностей нашего земнаго шара. Всякое подобное общество, будучи открыто для допущенія кого бы то ни было изъ насъ, и имѣя понятіе о духѣ настоящей религіи и будучи управляемо имъ, т. е. любовью и милосердіемъ неистощимыми и потому незнающими исключеній естественныхъ или различій пріобрѣтенныхъ, охотно допуститъ всякаго новаго пришельца, если будетъ вакансія.

«Но это высокое и сравнительно совершенное состояніе соціальной науки не достигается съ разу. Это совершенно невозможно. Оно можетъ быть достигнуто только послѣ многихъ

предварительныхъ фазисовъ; и каждый изъ этихъ фазисовъ будетъ высшею ступенью сравнительно съ лучшимъ положеніемъ настоящей разстроенной, преисполненной спорами, отвратительной, самой невѣжественной и несправедливой системы общества, или скорѣе—отсутствія всякой системы».

(The reporters report of R. Owen May meetings in Lond. for 1858. 17).

Этотъ взглядъ Оуэна на соціальную науку, высказанный имъ въ послѣдній годъ его жизни, снова показываетъ, что Оуэнъ весьма неясно сознавалъ значеніе своихъ собственныхъ словъ. Всѣ эти частности хорошей обстановки, перечисляемыя имъ, составляютъ не болѣе, какъ общія мѣста, которыя всѣмъ извѣстны. Въ самомъ дѣлѣ, кто же не знаетъ, что рожденіе доброкачественнаго ребенка зависитъ отъ качествъ и обстоятельствъ его родителей, что качества пищи должны быть изучаемы и правильно прилагаемы къ употребленію, что матеріалъ и покрой одежды должны соотвѣтствовать и возрасту и положенію и занятіямъ всякаго человѣка, что особенности дѣтей должны быть наблюдаемы, что способности ихъ должны быть развиваемы и т. д.? Разумѣется все это должно имѣть вліяніе на благополучіе людей. Замѣчательно, что Оуэнъ повидимому нисходитъ на общую человѣческую точку зрѣнія касательно прогресса соціальной жизни. Прежде онъ увѣрялъ, что золотой вѣкъ начнется тотчасъ, какъ его система будетъ принята, что правительство опредѣлитъ свойства природы человѣка, условія его счастія, воспитаетъ въ коммунизмѣ и разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ братскихъ чувствахъ, но безъ религіи, молодое поколѣніе общества, и общество приметъ совершенный видъ. Теперь, предполагая также уничтоженіе религіи, собственности и брака, предполагая проектированную имъ дѣятельность правительства, онъ уже не разсчитываетъ на немедленное превращеніе поверхности земли изъ пандемоніума въ рай; онъ уже допускаетъ многіе предварительные фазисы; да и послѣ нихъ состояніе соціальной науки, а вмѣстѣ съ нимъ и состояніе общественной жизни достигнетъ не идеальнаго совершенства, а только сравнительнаго. Но такъ и мы думаемъ, такъ думали и до Оуэна, и при его жизни всѣ тѣ, которые не принимали его теорій. И дѣйствительно до сихъ поръ прогрессъ общественной жизни совершался такимъ образомъ, восходя отъ одной ступени къ другой, отъ одного фазиса своего развитія къ другому. Такъ къ чему же сводятся всѣ пресловутыя открытія, сдѣланныя Оуэномъ касательно принциповъ общественной жизни? Въ чемъ заключается особенно благотворное ихъ дѣйствіе, когда и при нихъ необходимо постоянное, усердное изученіе условій человѣческаго счастія, даю-

щее только постепенные, медленные результаты, т. е. необходимо то же, что требовалось и до сихъ поръ?

B.

О началѣ зла.

«Начало зла, какъ было уже часто писано въ моихъ послѣднихъ заявленіяхъ *, но что до сихъ поръ такъ мало понято или повѣрено, состоитъ въ ложномъ, неразвитомъ, необдуманномъ представленіи нашихъ первыхъ предковъ, «что человѣкъ могъ создать и дѣйствительно создавалъ свои собственныя качества и силы (?)», а въ особенности, «что онъ могъ создать свои собственныя качества и силы физическія, умственныя, моральныя, духовныя, практическія, и что онъ поэтому долженъ быть отвѣтственъ передъ своими ближними», между тѣмъ какъ онъ не зналъ ни причинъ, ни мыслей, ни чувствъ, изъ которыхъ проистекали его дѣйствія — дѣйствія, которыя этими божественными качествами и силами необходимымъ образомъ производятся во всѣхъ.

«Слѣдствіемъ этой необдуманной мысли и совершенно неосновательнаго, дикаго и нелѣпаго представленія были — безумный гнѣвъ, зложелательство, гордость, тщеславіе, самомнѣніе, себялюбіе, самоувеличеніе, тиранство, разбой, убійство за собственность, соперничество, споры, личныя ссоры и національныя войны, зависть, злость, ревность, месть, убійство по ненависти и человѣческіе законы, необращающіе вниманія на инстинкты природы, и на неизмѣнные вседѣйствующіе, всемилостивые законы Создателя. Эти законы бѣднаго обманутаго человѣка произвели суевѣріе, нищету, проституцію и другія преступленія, извѣстныя роду человѣческому; эти жестокія и несправедливѣйшіе законы одни такъ долго поддерживали причину зла, поощряли его существованіе и замедляли успѣхи знанія и достиженіе общаго и постояннаго счастья нашего рода.

«Причина зла въ настоящее время производитъ и поощряетъ возрастаніе всѣхъ этихъ грѣховъ и ужасовъ до ихъ полнаго зрѣлаго состоянія, и даже вводитъ порчу въ тѣло политическое, физическое и нравственное. Между тѣмъ, по причинѣ этого начала всякаго зла, ни настоящей религіи, ни духа, ни дѣятельности всеобщей любви и малосердія не можетъ быть на землѣ, такъ какъ они истреблены силой, обманомъ и неправдой въ каждомъ ея уголкѣ.

---

* Дѣйствительно часто, и не только въ послѣднихъ, но и въ среднихъ, и въ первыхъ; но только писано, а не доказываемо.

«Уже, пора, ради начала добра, разсѣять начало зла, основать царство добра и даровать здоровье тѣлу и духу, разумность и счастье долго-терпѣвшему и долго-ошибавшемуся человѣчеству — нашему общему человѣчеству, которое перестрадало все это потому, что совершенно не знало своей натуры и своихъ божественныхъ качествъ, способному къ достиженію какого бы то ни было превосходства и къ наслажденію высшею степенью разумнаго счастья» (The reporters report. Lond. 1858. 49).

Этотъ отрывокъ весьма характеристиченъ. Онъ составляетъ доказательство справедливости словъ Вестминстерскаго Обозрѣнія, приведенныхъ нами выше (стр. 530, въ примѣчаніи), что на своихъ послѣднихъ митингахъ Оуэнъ повторялъ свои старыя положенія, давно всѣми забытыя, вслѣдствіе чего никто и не шолъ на его митинги. Дѣйствительно, слушать подобное перечисленіе золъ, происходящихъ отъ господства принципа вмѣняемости человѣческихъ дѣйствій было по крайней мѣрѣ скучно, а слушать его въ десятый разъ и все въ одномъ и томъ же категорически-бездоказательномъ видѣ, разумѣется, еще скучнѣе. Въ этомъ отрывкѣ, между прочимъ, проявляется весьма замѣтнымъ образомъ и религіозная наклонность Оуэна, появившаяся у него къ концу жизни. Съ какою вѣрою и очевидно любовію говоритъ онъ о «вседѣйствующихъ и всемилостивыхъ законахъ Создателя»! — Замѣчательно, что качество природы человѣческой онъ уже называетъ «божественнымъ» и на основаніи контекста нельзя думать, чтобы это слово было употреблено въ значеніи метафорическомъ.

Г.

Новый нравственный міръ.

О Новомъ нравственномъ мірѣ мы не сказали почти ничего. На это были самыя обязательныя причины. О немъ мы не нашли нигдѣ никакихъ свѣдѣній. Всѣ авторы писавшіе объ Оуэнѣ, кромѣ краткихъ газетныхъ извѣстій и манифеста самого Оуэна, довольствовались извѣстіями объ Оуэнѣ, содержащимися въ сочиненіяхъ Макъ-Наба и Ж. Рея, которыми и мы сами также пользовались. Но позднѣйшее изъ этихъ сочиненій обнимаетъ время дѣятельности Оуэна только до 1828 года. Въ изданіи «New existense of Man», какъ мы сказали, Оуэнъ старательно проходитъ молчаніемъ все, что онъ писалъ, говорилъ и дѣлалъ послѣ 1824 года. Во всѣхъ библіотекахъ Петербурга, доступныхъ публикѣ, также нигдѣ нѣтъ никакихъ сочиненій о Новомъ нравственномъ мірѣ (въ

книжной торговлѣ сочиненій Оуэна изъ этого періода его жизни давно уже нѣтъ). Теперь познакомившись съ Новымъ нравственномъ міромъ у Буса, мы изложимъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія касательно его.

Подъ этимъ названіемъ (съ незначительными измѣненіями его) разумѣются три предмета. Во первыхъ Новымъ нравственнымъ міромъ Оуэнъ и его ученики называютъ будущее состояніе человѣческихъ обществъ, когда будутъ господствовать принципы Оуэна. Во-вторыхъ подъ тѣмъ же самымъ именемъ (New moral world) выходилъ журналъ, котораго всѣ выпуски составляютъ 12 большихъ томовъ. Въ-третьихъ подъ именемъ «Книги новаго нравственнаго міра, (Book of the new moral world) самъ Р. Оуэнъ издалъ свое сочиненіе, въ которомъ излагаетъ будущее состояніе общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ излагаетъ принципы будущей соціальной жизни; принципы эти тѣже, что и въ кооперативной системѣ, но подчасъ съ измѣненіями, передѣлками, которыя у Оуэна постоянно встрѣчаются. У Буса приводятся подробности, касающіяся Новаго нравственнаго міра, будущаго состоянія общества, заимствуемыя имъ и изъ журнала Новый нравственный міръ и изъ Книги новаго нравственнаго міра. Мы приведемъ подлинныя слова Буса, съ его собственными цитаціями.

«Новый нравственный міръ, говоритъ Бусъ, будетъ организованъ на основаніи слѣдующаго принципа. Каждому, впродолженіе всей его жизни, придется отправлять всевозможныя обязанности отъ самыхъ скромныхъ домашнихъ должностей до труднѣйшихъ правительственныхъ операцій. До тридцатаго года жизнь будетъ раздѣляться на періоды, въ каждомъ по пяти лѣтъ. Два первые періода будутъ посвящены образованію характера и полезнымъ отраслямъ воспитанія. Съ семи лѣтъ всѣ дѣти начнутъ принимать участіе въ домашнихъ работахъ и въ тѣхъ изъ занятій внѣ дома, которыя имъ по силамъ и благопріятны ихъ здоровью. Имъ станутъ указывать и помогать другія дѣти отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ; на этомъ послѣднемъ году они перестанутъ заниматься домашними работами, которыя, при настоящемъ порядкѣ, довѣряются слугамъ, и вступятъ на болѣе важное поприще. Отъ двѣнадцати до двадцатипятилѣтняго возраста каждый будетъ трудиться надъ произведеніемъ богатствъ. Со стороны покажет-

ся едва ли возможнымъ, чтобы всякій могъ упражняться попеременно или одновременно во всѣхъ отрасляхъ труда; но будутъ приложены особенныя старанія оразнообразить занятія, чтобы каждому было обезпечено совершенное здоровье и достаточный отдыхъ. Такъ какъ цѣлью каждой общины будетъ только обезпеченіе довольства ея членамъ, гнетущій трудъ, столь обыкновенный въ старомъ обществѣ, здѣсь не будетъ имѣть мѣста, и потому въ теченіе лѣтъ, посвященныхъ производству богатствъ, не будетъ недостатка во времени для упражненія въ лучшемъ способѣ воспитанія, именно въ обученіи другихъ. Въ двадцать пять лѣтъ гражданинъ новаго нравственнаго міра перейдетъ отъ трудовъ жизни къ пользованію ея благами. Его характеръ сложился при благопріятныхъ условіяхъ; его молодость употреблена съ пользою и не можетъ быть сомнѣнія, что остальные годы его жизни пройдутъ съ удовольствіемъ для него и съ выгодой для человѣчества. Его служба на пользу общины будетъ отнимать у него очень мало времени. До тридцатаго года онъ будетъ хранителемъ созданнаго имъ богатства. Отъ тридцати до сорока лѣтъ онъ будетъ членомъ Правительственнаго совѣта и управлять дѣлами колоніи; отъ сорока до шестидесяти—онъ будетъ выполнять, какія представятся, порученія въ иностранныхъ государствахъ. Пріобрѣтенныя знанія и опытность онъ можетъ съ пользою употребить во всѣхъ концахъ свѣта, его благотворное присутствіе упрочитъ связи между самыми отдаленными колоніями *.

«Изъ этого читатель можетъ видѣть, насколько упрощаются сложныя соотношенія стараго общественнаго порядка. Всѣ темныя стороны большихъ городовъ будутъ уничтожены, потому что сами города опустѣютъ. Обитатели Новаго нравственнаго міра будутъ разсѣяны по всей странѣ, общинами, въ каждой отъ 500 до 3,000 человѣкъ. Главнымъ основаніемъ ихъ жизни будетъ служить земледѣліе. Чтобы облегчить бремя труда и увеличить удобства жизни, будутъ въ разумной степени введены машины и всякія мануфактуры; но каждая колонія преимущественно будетъ держаться своими собственными силами. Крупная торговля и обмѣнъ будутъ почти, если не вполнѣ, оставлены. Прекратятся торговыя предпріятія, соединяющія самыя отдаленныя страны, потому что исчезнутъ вызывавшія ихъ порочныя наклонности. Частная собственность отмѣнится. Страсть къ наживѣ, завистливый духъ конкурренціи, демонъ соперничества, всѣ ужасы стараго общества—его необузданная роскошь и длинный пе-

* Book of the New Moral World, часть V.

речень его язвъ—совершенно исчезнутъ. Кромѣ того значительно возрастутъ производительныя силы общества, такъ какъ исчезнутъ обширные классы безполезныхъ потребителей. Напримѣръ, духовенство разсѣется вмѣстѣ съ созданными имъ суевѣріями. Нездоровыя условія, сложившіяся въ большихъ городахъ, и пороки стараго безнравственнаго міра будутъ такъ радикально устранены, что не будетъ надобности въ докторахъ. Вѣрою въ предопредѣленіе будутъ заглушены всякіе враждебныя чувства и потому арміи и блюстители закона упраздняются; сверхъ того обширный классъ факторовъ, лавочниковъ и другихъ, занимающихся распредѣленіемъ богатства по рукамъ, совершенно разсѣется новой организаціей самостоятельныхъ колоній. Такимъ образомъ всѣ силы общества будутъ исключительно направлены только на производительный трудъ.

«Предлагая осуществить эти коренныя перемѣны въ современной организаціи общества, Оуэнъ также утверждалъ, что необходимо внести реформу и въ семейныя отношенія. Онъ предполагалъ, что общинная жизнь въ достаточной степени разрушитъ эгоистическую замкнутость, въ которой нынѣ живутъ семейства. Обитатели Новаго нравственнаго міра должны жить всѣ вмѣстѣ; ѣсть они будутъ за общими столами; отдѣльные дома замѣняются обширными спальнями. Ни отдѣльныя лица, ни семейства не могутъ имѣть частной собственности; каждый человѣкъ становится частью общины; всѣ одинаково участвуютъ въ общихъ богатствахъ, плодахъ общаго труда. Такъ какъ женщины будутъ пользоваться совершенно тѣми же правами, какъ и мужчины, ихъ положеніе разумѣется будетъ вполнѣ независимо. Дѣти будутъ принадлежать болѣе общинѣ, чѣмъ родителямъ. Огромное возрастаніе производительныхъ силъ, вслѣдствіе полнаго исчезновенія безполезныхъ профессій и разорительной роскоши, въ такой степени увеличитъ богатства міра, что всякія соображенія о томъ, какъ ограничить рожденіе дѣтей будутъ совершенно излишни. Конечно, общество будетъ имѣть надзоръ за правильностью соединенія половъ, чтобы препятствовать воспроизведенію въ дѣтяхъ болѣзней * или размноженію низшей расы. За этимъ исключеніемъ будутъ употреблены всѣ усилія, чтобы содѣйствовать раннимъ бракамъ, какъ единственному способу къ охраненію нравственности, а безбрачная жизнь

* New Moral World, т. II, стр. 42. На основаніи принципа: «не производить ничего недоброкачественнаго», особы, обладающія плохимъ здоровьемъ, «должны быть лишены возможности распространять свои природные недостатки и болѣзни, дабы наслѣдственныя страданія быстро перестали нарушать благосостояніе человѣческаго рода».

будетъ считаться «великимъ преступленіемъ, необходимо ведущимъ къ болѣзненному состоянію души и тѣла, къ неестественнымъ помышленіямъ, чувствамъ и поступкамъ». Оуэнъ горячо возставалъ противъ чудовищной доктрины общности женъ, но въ то же время думалъ, что въ значительной степени слѣдуетъ допустить свободу чувствъ. Онъ осмѣивалъ обѣты, налагаемые въ старомъ обществѣ, говоря, что они совершенно безсильны воспрепятствовать охлажденію привязанности и переходу самой пылкой любви въ самую горькую ненависть. Онъ утверждалъ, что существующими теоріями непорочности и брака люди обязаны вліянію духовенства и что ихъ должно всецѣло преобразовать. Онъ отрицалъ, что цѣломудріе когда-либо само по себѣ можетъ быть добродѣтелью, и утверждалъ, что, напротивъ, послѣ періода, указаннаго самой природой, оно становится, по его мнѣнію, «противоестественнымъ преступленіемъ». Онъ училъ, что человѣческая натура состоитъ изъ умственныхъ, нравственныхъ и чувственныхъ свойствъ, и для счастія необходимо, чтобы всѣ они были развиты и находились между собой въ должномъ равновѣсіи. Ни одинъ изъ элементовъ нашей натуры онъ не ставилъ ниже остальныхъ, полагалъ, что всѣ они равно важны и всѣ въ одинаковой степени способствуютъ къ достиженію цѣли нашей жизни, т. е., по его мнѣнію—счастія. Онъ утверждалъ, что союзъ половъ никогда не можетъ быть осуждаемъ нравственностью, если только онъ освященъ любовью. Бракъ онъ называетъ «поддѣльной чистотой нравовъ», «сатанинскимъ измышленіемъ духовенства», такъ какъ онъ служитъ источникомъ двоякаго разврата: ему должно приписать нерасторжимый союзъ лицъ, нравственно отчужденныхъ другъ отъ друга, и которыхъ существованіе такимъ образомъ отравлено; ему также слѣдуетъ приписать царствующій въ обществѣ порокъ, порождающій въ огромномъ числѣ людей жесточайшія формы страданій. Пора освободиться отъ проституціи, разрушающей привязанности и позорящей тѣло. Потому въ новомъ нравственномъ мірѣ въ бракъ будутъ вступать съ должными формальностями, но не обязываясь не расторгать его. Если со времени свадьбы прошло двѣнадцать мѣсяцевъ и обѣ стороны пожелаютъ разстаться, имъ это будетъ дозволено по истеченіи шести мѣсяцевъ съ того дня, какъ они заявили о своемъ намѣреніи; но если только одна сторона заявитъ это желаніе, то разводъ откладывается еще на двѣнадцать мѣсяцевъ и тогда, по вторичному заявленію, бракъ расторгается» *. (Бусъ, стр. 170—176).

---

* Въ противномъ случаѣ, по его мнѣнію, союзъ становится безнрав-

О журналѣ «Новый нравственный міръ», который издавался въ тотъ періодъ крайней ирреліпіозности Оуэна,—о которомъ мы говорили выше (стр. 532), Бусъ говоритъ, что онъ (журналъ) не упускалъ никакого случая оскорбить чувства христіанъ. «Тамъ присоединялось къ имени Роберта Оуэна имя основателя христіанства самымъ богохульнымъ образомъ * и поднимались споры — которая книга полезнѣе: библія или «Книга о новомъ нравственномъ мірѣ». Страницы этой послѣдней представляютъ плачевное доказательство вредныхъ послѣдствій введенія богословскихъ раздоровъ въ среду невѣжественныхъ и воспріимчивыхъ людей. Но это было еще умѣренно въ сравненіи съ языкомъ, усвоеннымъ нѣкоторыми миссіонерами. Одинъ изъ нихъ, имени котораго изъ состраданія не приводимъ, взялъ въ руку библію и объявилъ, что берется доказать изъ этой самой книги, что God was a fool and a liar **. Этотъ же самый господинъ обличалъ духовенство, «которое, запугавъ людей до смерти всякими страстями, заставляетъ ихъ платить десятины и церковные налоги, чтобы спастись отъ дьявола». О великихъ религіяхъ прошедшаго они не нашлись сказать ничего лучшаго, кромѣ того, что эти религіи были ловушками придуманными хитрыми людьми, для порабощенія народа. Не вынося надъ собой контроля и гнушаясь руководствомъ извнѣ, они старались утвердить свою независимость тупымъ хуленіемъ своихъ прежнихъ вѣрованій и оскорбленіемъ религіознаго чувства тѣхъ, чье общество они оставили». Въ примѣчаніи Бусъ прибавляетъ:

«Тѣмъ изъ моихъ читателей, которые имѣютъ несчастіе быть склонными къ вольнодумству, я серьозно присовѣтовалъ бы пройти курсъ соціальнаго чтенія. Двѣнадцати большихъ томовъ изданія «New Moral World» вообще окажется достаточно. Нужно, чтобы болѣзнь пустила ужъ очень глубокіе корни, если не послѣдуетъ быстраго и радикальнаго изцѣленія». (Бусъ, стр. 193—194).

Въ новомъ нравственномъ мірѣ мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми новыми подробностями. Такъ, подобно Кампанеллѣ, Оуэнъ проектируетъ въ немъ дѣятельное вмѣшательство

ственнымъ и слѣдовательно «теперь всѣ обвѣнчанныя пары, за весьма немногими исключеніями, живутъ въ состояніи самой унизительной проституціи, вынужденныя къ тому человѣческими законами о бракѣ». (Lectures on Marriage, 1841, стр. 49).

* New Moral World, томъ V, стр. 538.

** Какъ то даже неловко переводить это выраженіе на общепонятный языкъ. Потому для незнающихъ англійска о языка мы переведемъ его на латинскій. Вотъ что оно значитъ по-латыни: deus erat stultus et mendax.

властей въ брачныя отношенія супруговъ; подобно Платону, онъ принимаетъ мѣры, чтобы слабыя и больныя дѣти не появлялись въ мірѣ. Какъ достигнуть этого думаетъ онъ, этого Бусъ не говоритъ. Но тутъ возможны только три предположенія: или власти запретятъ вступать въ бракъ слабымъ индивидуумамъ, или позаботятся объ истребленіи плода, или наконецъ воспрепятствуютъ образованію его.—Едва ли Оуэнъ и его почитатели найдутъ большое сочувствіе, хотя одному изъ этихъ предположеній въ средѣ супруговъ, или вообще въ средѣ людей, нелишенныхъ склонности къ любви. — А если власти новаго нравственнаго міра будутъ поступать вопреки сочувствію и мнѣніямъ личностей въ этихъ столь деликатныхъ дѣлахъ, то намъ кажется, даже нашъ старый, дѣйствительно не очень нравственный міръ будетъ въ правѣ не завидовать новому міру относительно либерализма и гуманности его учрежденій и принциповъ.

Вообще, взгляды Оуэна на бракъ, высказываемые имъ въ этомъ періодѣ жизни, отличаются противорѣчіями. Какъ общій принципъ, онъ ставитъ то положеніе, что «союзъ половъ никогда не можетъ быть осуждаемъ нравственностью, если только онъ освященъ любовью». То же говорилъ онъ и прежде. Но теперь онъ уже дѣлаетъ ограниченія, которыхъ не было прежде, напр. въ Декларацiи умственной независимости. Въ новомъ нравственномъ мірѣ, по его мнѣнію, бракъ можетъ быть расторгнутъ только по истеченіи 18 мѣсяцевъ и притомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы оба супруга заявили о своемъ желаніи за 6 мѣсяцевъ. Для чего это ограниченіе? — И въ какомъ положеніи будутъ супруги, если уже на второй день брака окажется, что ихъ любовь исчезла, и возникли новыя привязанности (а это бываетъ)? Въ такомъ случаѣ съ одной стороны они осуждаются на «самую унизительную проституцію» впродолженіи 18 мѣсяцевъ безъ одного дня, съ другой—они насильственно удерживаются отъ «союза половъ» съ любимыми лицами, который «никогда не можетъ быть осуждаемъ нравственностью, если онъ освященъ любовью». —Потомъ съ какой стати Оуэнъ осуждаетъ общность женъ?—Киногамія есть дѣло столь же естественное, только не столь разумное и нравственное, какъ моногамія. Океанійскіе дикари, мѣняясь еженедѣльно и даже ежедневно женами, поступали такъ не вопреки своему чувству, а вполнѣ согласно съ нимъ. Нравилась дикарю одна женщина, онъ вступалъ съ нею въ половой союзъ; нравилась другая, онъ вступалъ въ союзъ и съ нею; потомъ возвращалась прежняя любовь, онъ обращался къ прежней женѣ. На основаніи главнаго принципа Оуэна, слѣдуетъ допустить всякіе виды и формы брака. Кто хочетъ, пусть пребываетъ въ моногаміи, другіе пусть слѣдуютъ прин-

ципамъ киногаміи, полигаміи, или поліандріи. И турецкій паша, имѣющій десятки женъ, поступаетъ не вопреки чувству, а вполнѣ согласно съ нимъ. Онъ любитъ всѣхъ своихъ женъ, а когда какую разлюбитъ, то выдаетъ ее за другаго.— Впрочемъ, это существуетъ на востокѣ, гдѣ женщина порабощена, гдѣ на ея чувства не обращается вниманія. Паша любитъ своихъ женъ, да онѣ-то его не любятъ. Но то же дѣлается и на самомъ дальнемъ западѣ. Полигамія существуетъ и у Мормоновъ, которые также въ своемъ обществѣ видятъ осуществленіе совершеннаго нравственнаго міра; и что всего замѣчательнѣе, главную поддержку мормонизмъ находитъ въ женскомъ полѣ; извѣстно, что въ обществѣ мормоновъ на одного мужчину приходится нѣсколько женщинъ. Этотъ излишекъ составляютъ бѣглянки изъ нашего несовершеннаго міра, предпочитающіе ему совершенный міръ мормоновъ. Слѣдовательно, въ полигаміи не только нѣтъ ничего неестественнаго, но есть еще нѣчто привлекательное для женщинъ, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ. — Итакъ непослѣдовательность Оуэна въ его взглядѣ на бракъ не подлежитъ сомнѣнію.— Но мы обратимъ вниманіе еще на то, что это ограниченіе свободы любви явилось у него уже впослѣдствіи, на седьмомъ десяткѣ лѣтъ. Мы видѣли, что также къ концу жизни измѣнился его взглядъ и на религію. Мы предполагали и доказывали, что вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились его взгляды и на другія основы общественной жизни, но осязательныхъ фактовъ въ подтвержденіе своего мнѣнія мы представить не могли. Книга Буса представляетъ намъ одинъ изъ такихъ фактовъ. Извлеченныя нами изъ нея мнѣнія Оуэна о бракѣ и разводѣ несомнѣнно доказываютъ, что и Оуэнъ, такъ абсолютно осудившій бракъ въ началѣ, впослѣдствіи сдѣлалъ ему уступку. Его ограниченіе свободы любви въ сущности имѣетъ одинъ характеръ съ тѣми ограниченіями ея, которыя дѣлаются въ христіанствѣ.

Д.

Мнѣнія о дѣятельности Р. Оуэна, изложенныя въ сочиненіяхъ Ад. Бланки, Л. Рейбо, Тонниссена, Рошера и Бунге.

Не смотря на то, что Оуэнъ почти съ самаго начала своей реформаторской дѣятельности пользовался громадной извѣстностью во всей Европѣ; не смотря на то, что его дѣятельность уже давно излагается въ сочиненіяхъ, касающихся вопроса о соціализмѣ,—ученые и публицисты, говорившіе о ней обыкновенно представляли ее себѣ въ самомъ спутанномъ

видѣ. Первоначальнымъ источниками для всѣхъ служили, кромѣ газетныхъ извѣстій, сочиненія М. Наба и Ж. Рея. Но даже и эти сочиненія не были, какъ слѣдуетъ, утилизированы; и въ нихъ оставлено безъ вниманія многое, что могло бы уяснить дѣятельность Оуэна. Что касается до сочиненій Оуэна, даже важнѣйшія изъ нихъ, Новые виды общества, Книга новаго нравственнаго міра, повидимому, не переведены ни на французскій, ни на нѣмецкій языки; по крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что ими не пользовались ученые, писавшіе объ Оуэнѣ.—Въ этомъ безъ сомнѣнія и заключается причина того, что о дѣятельности Оуэна всѣ имѣли смутное представленіе.—Особенно не посчастливилось въ этомъ отношеніи дѣятельности его въ Нью-Ланаркѣ. Выше мы привели неправильный взглядъ на нее г. Герцена. Но г. Герценъ не одинъ имѣлъ этотъ взглядъ; его раздѣляли съ нимъ всѣ, писавшіе объ Оуэнѣ.

Ад. Бланки въ «Исторіи Политической Экономіи», изданной въ 1838 г., говоритъ объ Оуэнѣ такимъ образомъ: «Кооперативныя общества англійскаго соціалиста не имѣютъ почти ничего общаго съ фалангами соціалиста французскаго (т. е. Фурье). Оуэнъ пробовалъ улучшить состояніе рабочихъ не посредствомъ экономическихъ реформъ, а посредствомъ хорошихъ мѣръ администраціи и нравственнаго исправленія, употребляемыхъ съ толкомъ и твердостью. Нью-ланаркское заведеніе, разсматриваемое неправильно, какъ соціальный опытъ, было только фабрикою, гдѣ господствовали пьянство, развратъ и безпорядокъ, когда Оуэнъ приложилъ къ нему свои принципы возрожденія и строгости нѣсколько пуританской». (Hist de l'écon polit., chap. XLIV). Все это вѣрно; даже принципы строгости, приложенные Оуэномъ въ Нью-Ланаркѣ, можно назвать пуританскими; таковы именно они были въ то время. Только Нью-Ланаркъ не принадлежалъ ни къ кооперативнымъ обществамъ, ни къ кооперативнымъ общинамъ, къ устройству которыхъ Оуэнъ приступилъ 25 лѣтъ спустя послѣ вступленія въ управленіе Нью-Ланаркомъ. Но далѣе начинается путаница и даже противорѣчіе. «Тѣмъ не менѣе Оуэнъ, говоритъ Бланки, безразсудно допускалъ уничтоженіе собственности. Онъ хотѣлъ уничтожить всѣ соціальныя неравенства, и въ то же время требовалъ закрытія кабаковъ, реформы обученія, реформы церкви и всѣхъ злоупотребленій.—И пока онъ былъ въ Нью-Ланаркѣ, на фабрикѣ, гдѣ дѣлались его опыты, царствовалъ порядокъ, трудъ былъ производителенъ, дисциплина поддерживалась. Но послѣ его удаленія, прежнія привычки возвратились, и его система исчезла. Оуэнъ, надѣясь, что опыты удадутся лучше на дѣвственной почвѣ, отправился въ Америку, чтобы осно-

вать свое знаменитое учрежденіе Нью-Гармони. Онъ привелъ съ собою много прозелитовъ обоего пола, и мѣстоположеніе его владѣнія повидимому было хорошо выбрано. Однако черезъ нѣсколько времени человѣческія страсти возстановили свою власть; въ этомъ возрожденномъ обществѣ оказались трусы, ревнивые, лѣнивые и невоздержные, и благодушіе основателя много разъ было возмущаемо. Путешествіе, которое онъ долженъ былъ сдѣлать въ Шотландію, докончило разрушеніе заведенія, въ которомъ появилась анархія».—Итакъ въ Нью-Ланаркѣ Оуэнъ стремился къ уничтоженію собственности или нѣтъ?—По тому, что̀ приведено выше, не стремился; а по тому, что приведено ниже, стремился; тамъ на фабрикѣ онъ произво̀дилъ опыты надъ своими принципами (а первый принципъ былъ уничтоженіе собственности), что̀, какъ намъ извѣстно, несправедливо.—Изъ второй выписки слѣдуетъ, что и въ Америку Оуэнъ поѣхалъ потому, что будто бы въ Нью-Ланаркѣ его принципы плохо укоренялись; что̀ опять невѣрно.—Отсюда же слѣдуетъ, что разницы въ духѣ учрежденія нью-ланаркскаго и учрежденія нью-гармонійскаго, по мнѣнію Бланки, не было; это также невѣрно.

Л. Рейбо въ сочиненіи «Etudes sur les réformateurs contemporains», изданномъ въ 1840 г., въ главѣ, посвященной Оуэну, высказалъ правильный взглядъ на дѣятельность его въ Нью-Ланаркѣ, видя въ ней только опытъ «дѣйствовать на характеры съ помощью доброты, соединенной съ здравымъ смысломъ», и даже признаетъ это, какъ заслугу Оуэна, какъ его «une belle gloire». Но въ то же время Рейбо думаетъ, будто Оуэнъ отчасти осуществилъ въ Нью-Ланаркѣ «систему коммунизма» (I, 219) тѣмъ, что устроилъ общій столъ для холостыхъ рабочихъ. Въ общемъ столѣ нью-ланаркскихъ рабочихъ въ дѣйствительности нельзя видѣть ни малѣйшей черты коммунизма, такъ какъ никто не видитъ коммунизма въ томъ, что нѣсколько студентовъ, живя на одной квартирѣ, приготовляютъ для себя также общій столъ, пьютъ вмѣстѣ чай, и т. п. Если видѣть коммунизмъ во всякомъ потребленіи, которое нѣсколько человѣкъ дѣлаютъ сообща, то придется признать его и въ томъ, что нѣсколько человѣкъ наняли тройку для загородной поѣздки или заказали себѣ въ ресторанѣ общій обѣдъ. Такой коммунизмъ встрѣчается вездѣ ежедневно; и только Робинзонъ на своемъ островѣ былъ свободенъ отъ него.

Но даже эта воображаемая черта коммунизма въ Нью-Ланаркѣ, повидимому произвела такое дѣйствіе на Ал. Сюдра, автора книги «Histoire du communisme», что онъ уже не хочетъ мириться съ опытомъ Оуэна въ Нью-Ланаркѣ; прямо признаетъ въ немъ принципъ коммунизма, но не позволяя

себѣ отвергать успѣхъ нью-ланаркскаго опыта, видитъ въ немъ только счастливое исключеніе, которое не можетъ составить общаго правила, и которое будто бы есть ничто иное, какъ осуществленіе идей Бабефа. «Претензія г. Оуэна на новость, говоритъ Сюдръ, тѣмъ болѣе странна, что экономическія комбинаціи его раціональной системы суть именно тѣ самыя, которыя передъ тѣмъ пытались осуществить Бабефъ и его соумышленники. Только 16 лѣтъ отдѣляютъ покушеніе равныхъ (т. е. бабувистовъ) отъ того момента, когда г. Оуэнъ поднялъ на высоту соціальной системы счастливое исключеніе Нью-Ланарка» (стр. 297, изд. пятое). Заговоръ Бабефа относится къ 1796 году; черезъ 16 лѣтъ послѣ этого, въ 1812 году Оуэнъ издалъ Опыты объ образованіи характера. Слѣд. это къ нимъ Сюдръ относитъ тѣ комбинаціи, которыя будто бы воспроизводятъ комбинаціи Бабефа. — Очевидно, Сюдръ не имѣетъ понятія ни о дѣятельности Оуэна въ Нью-Ланаркѣ, ни о содержаніи его Опытовъ. Впрочемъ, онъ не самъ виновенъ въ своей ошибкѣ, а введенъ въ нее сочиненіемъ Рейбо. Рейбо думаетъ, что Оуэнъ въ опытахъ объ образованіи характера между прочимъ предлагаетъ «коммунизмъ, соединенный съ равенствомъ правъ, т. е. уничтоженіе всякихъ преимуществъ, даже преимуществъ ума и капитала» (226). Это несправедливо. Опыты объ образованіи характера посвящены главнымъ образомъ владѣющимъ классамъ; къ нимъ приложенъ даже адресъ Оуэна къ директорамъ фабрикъ и другимъ людямъ, имѣющимъ состояніе, гдѣ Оуэнъ обѣщаетъ имъ увеличеніе ихъ барышей (до 50, даже до 100%), если они примутъ въ основаніе своей дѣятельности его принципы. Это прямо противорѣчитъ предполагаемому Рейбо уничтоженію преимуществъ капитала. Очевидно, Рейбо приписалъ Опытамъ объ образованіи характера ученіе не на основаніи знакомства съ этимъ сочиненіемъ, а на основаніи какихъ-нибудь своихъ соображеній. А Сюдръ къ соображеніямъ Рейбо прибавилъ еще свои соображенія; такимъ образомъ у него и оказалось съ одной стороны «счастливое исключеніе», съ другой воспроизведеніе идей Бабефа въ Опытахъ объ образованія характера.

Тонпссенъ въ сочиненіи «Le Socialisme et ses promesses» (1849 г.) о дѣятельности Оуэна въ Нью-Ланаркѣ пишетъ: «То, что люди просвѣщенные и серьезные, по справедливости приписывали личной заслугѣ, благоразумію и практическому смыслу главы Нью-Ланарка (т. е. Оуэна), самъ онъ приписывалъ единственно вліянію, внутреннему достоинству нѣкоторыхъ принциповъ, которые онъ почерпнулъ въ сочиненіяхъ Руссо и Саундерса *, англійскаго экономиста XVI

* Дѣло идетъ очевидно о Беллерсѣ, экономистѣ XVII вѣка. А Са-

вѣка, и къ которымъ онъ искусно примѣшалъ идеи Платона, Морелли, Мора и нѣкоторыхъ сектантовъ (?) среднихъ вѣковъ. Вполнѣ признавая, что нью ланаркская колонія находилась въ обстоятельствахъ исключительныхъ (?), онъ былъ убѣжденъ, что стоитъ только проникнуться тѣми же самыми принципами, чтобы произвести во всѣхъ мѣстахъ и среди всякихъ обстоятельствъ чудеса, которыя онъ осуществилъ на берегахъ Кляйда. Однимъ словомъ, онъ приписывалъ способу, системѣ то, что было дѣломъ человѣка, фактовъ (?) и мѣста» (I, 60). Вся эта натяжка, происходящая изъ убѣжденія, что въ Нью-Ланаркѣ осуществлены принципы Платона, Морелли, Мора и Руссо, т. е. коммунизмъ, отличается полною несостоятельностью. Если въ самомъ дѣлѣ Оуэнъ съ успѣхомъ осуществилъ систему коммунизма на берегахъ Кляйда, то отчего другіе не могутъ осуществить ее въ другомъ мѣстѣ? Или берега Кляйда почему-нибудь располагаютъ человѣка къ коммунизму, такъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ можно успѣхъ Оуэна называть дѣломъ мѣста?—Это очевидный non sens. Также, почему съ личностью Оуэна связана возможность успѣха, а съ личностью кого-нибудь другаго не связана? Просвѣщенные и серьезные люди, приписывавшіе успѣхъ Оуэна только его личности, были очень неосновательны; потому что, если его личность имѣла успѣхъ, то не тѣмъ, что она личность Р. Оуэна, а тѣмъ, что она употребляла извѣстные способы, которые очевидно не составляютъ привилегіи Оуэна, а точно такъ же могутъ быть употреблены другими; и способныхъ людей на свѣтѣ не одинъ Оуэнъ.

Смутный взглядъ на дѣятельность Оуэна раздѣляетъ даже Рошеръ, который обыкновенно въ самыхъ мелкихъ замѣчаніяхъ своихъ отличается точностью, обличающею хорошее знакомство съ дѣломъ. Вотъ какъ говоритъ онъ объ Оуэнѣ: «Теоріи Р. Оуэна (A new view of society, 1812) имѣютъ сходство съ теоріями Фурье; въ нихъ не достаетъ только казарменнаго расположенія фалангъ и фантастической формы системы. Вся страна должна быть раздѣлена на дистрикты, по 1,000 акровъ каждый; всякій дистриктъ содержитъ въ себѣ квадратную деревню въ 1,000 жителей, которые будутъ заниматься земледѣліемъ и промышленностью, слѣдуя въ производствѣ и потребленіи коммунизму, но безъ абсолютнаго равенства. Главный пунктъ новой системы есть воспитаніе. «Человѣкъ до сихъ поръ былъ рабомъ ужасной троицы: положительной религіи, частной собственности и нерасторжимаго брака». (Declaration of mental independence).—(Начала народнаго хо-

---

ундерсъ едва ли и существовалъ когда-нибудь. У Макъ Коллоха въ Literature of political Economy такого имени нѣтъ.

зяйства. § 58, прим. 3). Очевидно, Рошеръ говоритъ здѣсь о земледѣльческихъ и мануфактурныхъ деревняхъ, примѣшивая къ нимъ декларацію умственной независимости, которая съ ними не имѣетъ ничего общаго, и предполагая также по какимъ-нибудь соображеніямъ, что земледѣльческія и мануфактурныя деревни служатъ осуществленіемъ теорій, изложенныхъ въ New views of society, т. е. въ Опытахъ объ образованіи характера.

Неясный взглядъ на дѣятельность Оуэна въ Нью-Ланаркѣ повторился и въ сочиненіи нашего ученаго, г. Бунге—«Историческій очеркъ экономическихъ ученій».—«Малый міръ Нью-Ланарка, говоритъ г. Бунге, въ которомъ онъ (Оуэнъ) былъ неограниченнымъ распорядителемъ, разросся въ его воображеніи въ общины, покрывающія весь земной шаръ; успѣхи въ перерожденіи нью-ланаркскаго населенія и въ воспитаніи дѣтей представились ему слѣдствіемъ примѣненія новыхъ идей, а не его доброжелательной дѣятельности. — Оуэнъ искалъ движущаго начала для своего общества въ общихъ основаніяхъ своей системы (между прочимъ въ коммунизмѣ), тогда какъ въ Нью-Ланаркѣ движущею силою былъ онъ самъ, а гарантіею свободы была та общественная некоммунистическая среда, которая его окружала». (Стр. 58 и 59). Не только общественная среда, окружавшая Оуэна, была не коммунистическая, но и въ самомъ Нью-Ланаркѣ коммунизма, какъ мы видѣли, не было; и никакія новыя идеи въ Нью-Ланаркѣ примѣнены не были, кромѣ тѣхъ, которыя выразились въ доброжелательной дѣятельности Оуэна, и которыя въ дѣйствительности ничего новаго не содержали. Движущею силою въ Нью-Ланаркѣ былъ не Оуэнъ, а обыкновенный стимулъ экономической дѣятельности человѣка, необходимость посредствомъ труда удовлетворять своимъ потребностямъ. А Оуэна скорѣе можно назвать регуляторомъ этой силы, который не давалъ ей ослабѣвать, направляться въ сторону и теряться непроизводительно. Мысль, что самъ Оуэнъ игралъ роль движущей силы въ Нью-Ланаркѣ, что успѣхъ въ перерожденіи тамошняго населенія принадлежитъ его доброжелательной дѣятельности, а не идеямъ, весьма походитъ на мысль Сюдра о томъ, что Нью-Ланаркъ представляетъ счастливое исключеніе, и на мысль Тоннессена, что успѣхъ Нью-Ланарка есть дѣло не системы, а личности и мѣста. Неправильность всѣхъ ихъ, мы надѣемся, достаточно доказана и разъяснена въ этомъ сочиненіи.

Е.

Отношеніе нашей журналистики къ Оуэну.

Въ русской журналистикѣ Оуэнъ былъ предметомъ статьи покойнаго Добролюбова. (Въ Совр. 1859 г. № 1). Статья замѣчательна чрезвычайно бойкою рѣчью, безусловнымъ уваженіемъ къ теоріямъ Оуэна, но въ то же время большою невѣрностью въ фактахъ и взглядахъ.

«Восемнадцати лѣтъ, говорится въ статьѣ, Оуэнъ былъ уже въ долѣ у основателя обширной хлопчато-бумажной фабрики, Дэля, на дочери котораго потомъ онъ женился».—«Черезъ нѣсколько времени Дэль и совсѣмъ сдалъ на руки Оуэну свою фабрику, съ которой никакъ не могъ справиться. Это было въ 1789 году». (Соврем. 1859 г. № 1; статья: Робертъ Оуэнъ и его попытки общественныхъ реформъ, стр. 231). Авторъ ошибся ровно на 10 лѣтъ: Оуэнъ взялъ въ свои руки фабрику въ 1799 году, и притомъ не какъ компаньонъ Дэля, который совсѣмъ отошелъ отъ дѣла, продавъ фабрику манчестерской компаніи.

Объясняя, почему фабрика была основана въ долинѣ рѣки Кляйда, авторъ говоритъ, что «въ то время приложеніе пара къ фабричнымъ производствамъ было еще неизвѣстно».—Въ то время (въ 1785 г.) во многихъ мѣстахъ Англіи, преимущественно въ Бирмингамѣ, уже дѣйствовали усовершенствованныя машины Уатта, который 20 лѣтъ раньше, въ 1764 г. получилъ привилегію на свое изобрѣтеніе.

«Дэль долго бился съ своими работниками, употребляя для ихъ исправленія обычныя средства хозяевъ: брань, строгія приказанія, уменьшеніе жалованья, вычеты, лишеніе мѣста, судебное преслѣдованіе. Ничто не помогало. На мѣсто прогнанныхъ поступали новые работники, и какъ бы они ни были хороши сначала, общій потокъ увлекалъ и ихъ спустя нѣсколько дней по ихъ вступленіи на фабрику. Работники, у которыхъ убавляли жалованье, старались за то больше лѣниться, и не чувствовали особенной разницы въ своемъ положеніи, потому что вѣдь и прежде они пропивали все, что получали, конецъ концовъ выходилъ все тотъ же. Лишенія мѣста рѣшительно никто не боялся; а брань хозяина даже намѣренно вызывалась, потому что многіе не безъ пріятности видѣли раздраженіе и безпокойство своего врага». 234. Все это сочиняетъ чистую выдумку, не основанную ни на какомъ источникѣ. Самъ Оуэнъ, единственный впрочемъ источникъ, доставляющій свѣдѣнія о состояніи фабрики до его управленія, свидѣтельствуетъ, что Дэль былъ человѣкъ гуманный, что онъ не притѣснялъ рабочихъ, а старался имъ

«доставить благополучіе». Вся бѣда происходила изъ того, что самъ Дэль не жилъ въ Нью-Ланаркѣ, а пріѣзжалъ туда однажды въ три или четыре мѣсяца и притомъ на нѣсколько часовъ.

О причинѣ неудовольствій, которыя будто бы имѣли нью-ланаркскіе рабочіе на Дэля, авторъ говоритъ, что она состояла въ «ничтожности заработковъ, сравнительно съ выгодами предпріятія» (233). Предпріятіе не доставляло Дэлю выгодъ, а приносило ему убытки, что и было другою причиною того, что онъ рѣшился продать ее и притомъ за незначительную сумму.

О нравственномъ состояніи рабочихъ говорится такъ: «Пьянство господствовало между всѣми работниками въ самыхъ страшныхъ размѣрахъ; ни одинъ (?) работникъ не могъ сберечь никакой бездѣлицы изъ своего жалованья; все пропивалось.—Если недоставало своихъ денегъ, то ни по чемъ было украсть что-нибудь у товарища (233). Это «ни по чемъ украсть у товарища» есть вольный переводъ той мысли, что рабочіе воровали съ фабрики бумажную пряжу. — Странно, какъ могли подобные пьяные и неимущіе люди воровать что-нибудь другъ у друга.

Далѣе.—«Семейство не существовало; дѣти оставались не только безъ образованія, но даже безъ всякаго призора; и какъ только они немножко подростали, ихъ брали въ работу на фабрику». — Дѣти, которыхъ брали на фабрику, даже не могли принадлежать къ семействамъ нью-ланаркскихъ рабочихъ, потому что ихъ брали изъ общественныхъ пріютовъ, находившихся въ разныхъ пунктахъ Англіи.

О началѣ дѣятельности Оуэна въ Нью-Ланаркѣ, говорится: «Оуэнъ прежде всего позаботился о томъ, чтобы какъ можно меньше напоминать рабочимъ свои хозяйскія права» (236). Это чистая фантазія. Напротивъ, Оуэнъ съ перваго шага показалъ всему народонаселенію Нью-Ланарка, что теперь у него есть хозяинъ. И первою его мѣрою было то, что, въ предупрежденіе воровства, ежедневно обыскивали всякаго человѣка каждый разъ, какъ онъ выходилъ съ фабрики. Такимъ образомъ каждому рабочему нѣсколько разъ въ день весьма чувствительно напоминались хозяйскія права Оуэна.

Далѣе—«Оуэнъ рѣшился уничтожить всѣ крутыя насильственныя мѣры, всѣ принудительныя средства, употреблявшіяся до того времени съ работниками» (236). Это опять бросается камень въ огородъ Дэля; можно подумать, что у Деля усердіе рабочихъ подогрѣвалось палками или чѣмъ-нибудь подобнымъ. Ничего такого не было и никакихъ крутыхъ и насильственныхъ мѣръ не было надобности уничтожать.

О причинахъ первыхъ успѣховъ Оуэна говорится такъ:

«Въ нихъ (въ ученіяхъ Опыта объ образованіи характера) ясно уже его безкорыстное стремленіе къ улучшенію положенія массъ народныхъ. — Несмотря на то, многіе не умѣли понять истинныхъ намѣреній Оуэна, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что значительной долей временнаго успѣха своихъ идей, въ первое время именно, онъ былъ обязанъ тому, что его плохо поняли». — «Какъ скоро онъ высказался съ большею опредѣленностью, его немедленно всѣ оставили, и идеи его не только не возбуждали уже прежняго восторга, но даже поступили въ разрядъ вредныхъ и опасныхъ мечтаній» (244). Странное возвышеніе одной личности на счетъ всѣхъ его современниковъ. Оуэна не поняли или плохо поняли. Что же это за таинственный жрецъ истины, что его сразу не могли понять? если онъ не высказался опредѣленно, то никто, кромѣ него, и не виноватъ въ томъ, что его не поняли. — Въ дѣйствительности не идеи Оуэна возбуждали восторгъ; ихъ почти никто и не зналъ; потому что, какъ мы видѣли, Опыты объ образованіи характера первоначально даже не были пущены въ продажу. Всѣмъ было извѣстно только то, что Оуэнъ отлично велъ коммерческое дѣло; и вмѣстѣ съ тѣмъ улучшилъ бытъ своихъ рабочихъ, что онъ сдѣлалъ не отступая ни на шагъ отъ общепринятыхъ принциповъ производства. И нельзя сказать, чтобы сочувствіе публики охладѣло къ идеямъ Оуэна; нѣтъ, публика увидѣла, что онъ дѣлаетъ одно, а проповѣдуетъ другое. Состоятельность его дѣла она видѣла и понимала; а состоятельности его проповѣди не видѣла, потому что и проповѣдь-то была очень слаба, и потому публика не принимала идей, составлявшихъ ея содержаніе.

«Съ 1818 года начинается для Оуэна жестокая борьба.— Этотъ чудакъ вздумалъ преобразовать Англію, Европу, цѣлый міръ, и въ чемъ же? въ дѣлѣ самомъ священномъ, самомъ миломъ для человѣческихъ сердецъ, въ дѣлѣ личнаго интереса. Онъ хотѣлъ бездѣлицы: чтобы лѣнтяи и плуты не имѣли возможности обогащаться на счетъ чужаго труда, и чтобъ дураки не могли записывать въ преступники людей, несогласныхъ съ ихъ мнѣніями». (250). Эта бойкая тирада служитъ довольно вѣрнымъ образчикомъ всей статьи. Авторъ очевидно находится на самой послѣдней степени увѣренности, что преобразовать Англію, Европу и цѣлый міръ и въ особенности въ миломъ дѣлѣ интереса, дѣло столь легкое, что приняться за него можно во всякое время, когда вздумается. —Тутъ же находятся въ полускрытномъ состояніи слѣдующія мысли: что обогащаются люди непремѣнно на чужой счетъ, и что это дѣлаютъ обыкновенно лѣнтяи и плуты, и кромѣ того, что въ преступники записываются люди, несогласные съ мнѣніями дураковъ.

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о неудачѣ Оуэна въ Нью-Гармони и сознавая необходимость объяснить ее какъ-нибудь, авторъ дѣлаетъ слѣдующій тонкій оборотъ мысли: «Все производя изъ обстоятельствъ, Оуэнъ надѣялся, что привычки эти легко будутъ забыты при новой общественной обстановкѣ, созданной имъ. Но и тутъ онъ былъ слишкомъ легковѣренъ и самонадѣянъ; онъ вступалъ въ борьбу съ цѣлымъ свѣтомъ, противопоставляя свои вновь изобрѣтенныя условія жизни — тѣмъ всемірнымъ условіямъ, которыми до того опредѣлялась жизнь человѣческая. Онъ считалъ нелѣпыми всѣ эти условія, но онъ самъ былъ нелѣпъ, воображая, что эти, освященныя вѣками нелѣпости, можно разрушить экспромтомъ. Еще можно имѣть нѣкоторые шансы на успѣхъ, предлагая замѣнить эти нелѣпости другими, равномѣрно безсмысленными; но чего же могъ надѣяться общественный реформаторъ, вопіявшій противъ нелѣпостей даже не во имя высшихъ туманныхъ абстракцій, а просто во имя здраваго смысла, во имя первыхъ насущныхъ потребностей здоровой человѣческой природы?» — Тутъ вы опять встрѣчаетесь съ полною увѣренностью автора въ томъ, что то, что Оуэнъ называлъ нелѣпостью,—эта троица зла была дѣйствительною нелѣпостью, и что проповѣдь самого Оуэна напротивъ основана была на здравомъ смыслѣ, на первыхъ насущныхъ потребностяхъ здравой человѣческой природы.—Но именно на основаніи здраваго смысла онъ увѣрялъ, что его система произведетъ благопріятную перемѣну въ привычкахъ жителей. А этого-то и не оказалось. И къ чему тутъ рѣчь о борьбѣ противъ цѣлаго свѣта? Въ Нью-Гармони онъ имѣлъ предъ собою извѣстную массу людей, которые согласились стать въ указанныя Оуэномъ обстоятельства, но ожидаемыхъ счастливыхъ результатовъ не произошло; вотъ что слѣдуетъ объяснить, а не толковать по этому случаю о борьбѣ противъ цѣлаго свѣта, которой тутъ не было.--Впрочемъ, авторъ сознаетъ, что безъ этого объясненія ему обойтись все-таки нельзя, и вотъ къ какому объясненію онъ прибѣгаетъ.

Разсказывая объ основаніи нью-гармонійской общины, онъ говоритъ: «Богачи и люди достаточные не откликнулись (?) на призывъ Оуэна, это было не совсѣмъ хорошимъ признакомъ для реформатора . Большая часть шла съ тѣмъ, чтобы пожить безъ нужды и безъ заботы на счетъ благотворителя, наивно мечтающаго о всеобщемъ благоденствіи. Такимъ образомъ уже съ самаго начала Нью-Гармони находилась въ положеніи гораздо болѣе затруднительномъ, чѣмъ каково было положеніе Нью-Ланарка». (253).—«Тамъ реформы Оуэна произошли совершенно естественно изъ предшествующаго поряд-

ка дѣлъ на фабрикѣ; тамъ не люди пришли къ нимъ, а онѣ были приложены къ людямъ; тамъ сами эти люди понимали, что ихъ трудомъ и честностью должна обезпечиваться для хозяина возможность продолжать для нихъ свои благодѣтельныя мѣры. Здѣсь ничего подобнаго не было: здѣсь люди шли на кличъ къ Оуэну, приступали къ нему съ надеждами и требованіями, а онъ давалъ имъ обѣщаніе и какъ бы обязательство въ томъ, что они будутъ благополучны подъ его руководствомъ. Очевидна вся невыгода положенія, въ какое поставилъ себя Оуэнъ въ виду этой толпы грубыхъ, невѣжественныхъ и развращенныхъ нищихъ, изъ какихъ состояло большинство людей, собравшихся въ Нью-Гармони». (253). Странно было бы Оуэну и ожидать, что кооперативная система привлечетъ къ себѣ богачей и людей достаточныхъ. Но даже, несмотря на странность такого предположенія, оно исполнилось, потому что дѣйствительно, какъ мы видѣли, нашлись очень достаточные люди, которые рѣшились пожертвовать своимъ состояніемъ для осуществленія новой системы.— Что касается до того, что будто бы большая часть шла только съ намѣреніемъ пожить на счетъ Оуэна, этотъ разсчетъ былъ совершенно невозможенъ. Оуэнъ давалъ колоніи только землю и постройки, приспособленныя къ другому роду жизни; вся община и каждый членъ ея съ перваго разу видѣли, что они должны трудиться, чтобы быть сытыми и одѣтыми; кромѣ того община дала обязательство выплатить Оуэну за землю деньги. Гдѣ же тутъ разсчетъ на то, чтобы жить на счетъ Оуэна?—Мало того, Оуэнъ взялъ съ каждаго члена общины обязательство слѣдовать принципамъ кооперативной системы. Слѣдовательно, не къ нему «приступали съ требованіями, а онъ предъявлялъ свои требованія. И не онъ далъ обязательство въ томъ, что члены общины будутъ пользоваться благосостояніемъ, а съ нихъ взялъ обязательство и именно въ томъ, что они будутъ пользоваться благополучіемъ, увѣряя ихъ, что если слѣдовать кооперативной системѣ, то это не только возможно, но непзбѣжно. Впрочемъ и сами новопришедшіе были очень наклонны думать такъ; они даже имѣли болѣе довѣрія къ кооперативной системѣ, чѣмъ самъ Оуэнъ, вслѣдствіе чего они и передѣлали преливинарную общину въ полную кооперативную. Такимъ образомъ здѣсь сразу оказалось согласіе и единство стремленій у руководителя и руководимыхъ, чего не было въ Нью-Ланаркѣ, гдѣ, какъ извѣстно, рабочіе впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ смотрѣли на Оуэна, какъ на врага.— Слѣдовательно, Нью-Гармони находился не въ положеніи болѣе затруднительномъ, чѣмъ Нью-Ланаркъ, а въ положеніи гораздо болѣе благопріятномъ, съ точки зрѣнія самого Оуэна, съ чѣмъ нельзя не согласиться.—Но у Оуэна

было другое основаніе, почему онъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его почитатели должны думать, что Нью-Гармони находился при началѣ своей дѣятельности въ положеніи дѣйствительно благопріятномъ. Еще прежде Оуэнъ много разъ, говоря объ успѣхахъ Нью-Ланарка, сожалѣлъ, что не всѣ обстоятельства его были измѣнены такъ, чтобы дѣйствіе ихъ на людей было совершенно полнымъ.—Если въ Нью-Ланаркѣ, говорилъ онъ, при менѣе значительномъ измѣненіи обстоятельствъ, произошли столь счастливые результаты; то какъ же громадны они должны быть, если всѣ остальныя и притомъ наиболѣе важныя обстоятельства измѣнятся!—И онъ дѣйствительно измѣнилъ всѣ обстоятельства; собственность, религію и бракъ провозгласилъ троицею зла и удалилъ ихъ изъ жизни нью-гармонійской общины; а результаты вышли плачевные, несмотря на то, что и почва для новыхъ идей была вполнѣ подготовлена!— И почитателямъ Оуэна, для защиты его теоріи, приходится сваливать вину на другихъ, на большинство нью-гармонійскаго населенія. Да вѣдь не они выработали кооперативную систему, не они задумали осуществить ее въ Нью-Гармони, а Оуэнъ. И если они раньше, чѣмъ предподполагалъ Оуэнъ, рѣшились организоваться въ полную кооперативную общину, то это съ одной стороны только показываетъ, что они еще больше вѣрили въ новую систему, чѣмъ ея авторъ, и съ другой, что они даже были послѣдовательнѣе его. Если въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе обстоятельства измѣняются въ извѣстномъ направленіи, тѣмъ болѣе благодѣтельно они дѣйствуютъ на человѣка, то на какомъ основаніи не измѣнить ихъ сразу, а довольствоваться малыми дозами? — Если паровая машина остановилась оттого, что по ошибкѣ, вмѣсто каменнаго угля, въ печку положили булыжнику, то зачѣмъ вытаскивать этотъ булыжникъ малыми частями, а потомъ подкладывать каменный уголь золотниками?—Не лучше ли сразу вытащить весь булыжникъ, накласть, сколько слѣдуетъ, угля и поджечь его? Оуэнъ очевидно хотѣлъ испытать сначала, кто изъ членовъ общины усерденъ и постояненъ въ трудѣ, кто лѣнивъ и непостояненъ. Но во-первыхъ, кто усерденъ и постояненъ, тотъ и безъ кооперативной общины, при современныхъ обстоятельствахъ, мало-мальски благопріятныхъ, найдетъ себѣ достаточный кусокъ хлѣба. Во-вторыхъ, кто лѣнивъ и непостояненъ, того очевидно слѣдовало пріучить къ прилежанію, постоянству, порядочности. И это очевидно нужно дѣлать съ помощью средствъ, ведущихъ именно къ этой, а не къ противоположной цѣли. Но по словамъ самого Оуэна только новая система ведетъ къ этой цѣли, а старая по сущности своей должна достигать цѣли противоположной; такъ зачѣмъ же именно тѣхъ, кто нуждался въ дѣйствіи новой си-

стемы, оставлять при старой? Это совсѣмъ нелогично, нецѣлесообразно, нераціонально.—Итакъ, если члены нью-гармонійской общины были чѣмъ виноваты, то только тѣмъ, что имѣли довѣріе къ системѣ Оуэна и были послѣдовательны. Дѣйствительнымъ виновникомъ неудачи нью-гармонійскаго опыта, былъ никто другой, какъ Оуэнъ, и притомъ во всей полнотѣ. И онъ былъ здѣсь дѣйствительнымъ виновникомъ не въ логическомъ только, а и въ нравственномъ смыслѣ этого слова; онъ былъ виновенъ передъ нѣсколькими сотнями людей, которыхъ онъ поставилъ въ неестественное положеніе, требуя, чтобы они признали принципы, достоинства которыхъ самъ онъ даже и обсудить былъ не въ состояніи и никогда не обсуждалъ, которые шли въ разрѣзъ съ самыми законными требованіями ихъ природы *.—Обвинять за неуспѣхъ нью-гармонійскаго опыта людей, собравшихся въ Нью-Гармони по призыву Оуэна, значитъ подражать тому блаженной памяти майору, который обвинялъ своихъ солдатъ за то, что они вслѣдствіе своей развращенности и упорства противъ начальства смотрятъ на парадѣ, какъ мокрыя куры, а не имѣютъ веселаго вида, какъ желаетъ начальство.—«Ужъ я ли не готовился къ параду, говорилъ почтенный майоръ, всѣ кула-

---

* Замѣчательно, что въ то время, какъ въ Нью-Гармони Оуэнъ провозглашалъ религію, какъ одну часть троицы зла, которую слѣдуетъ вырвать съ корнемъ, въ то время, какъ онъ провозглашалъ нравственную невмѣняемость дѣйствій человѣка и т. п., сами члены общины не могли усвоить этихъ взглядовъ; ихъ серьезно занимали вопросы религіи и нравственности. По словамъ Буса, они постоянно разсуждали между собою о томъ, есть ли Богъ, существуетъ ли зло, управляетъ ли Провидѣніе дѣлами міра, достовѣрна ли библія, есть ли будущая жизнь, что ожидаетъ душу послѣ смерти, дѣйствительно ли нравственность человѣка есть созданіе обстоятельствъ, на сколько можно допустить вмѣняемость человѣческихъ дѣйствій и т. п. (стр. 108). Можно ли обвинять этихъ людей за то, что ихъ занимали эти вопросы? И можно ли допустить, что эти вопросы занимали «грубыхъ, невѣжественныхъ и развращенныхъ нищихъ», собравшихся затѣмъ, чтобы сытно покушать и спокойно поспать на счетъ Оуэна. Въ такомъ случаѣ къ числу подобныхъ невѣжественныхъ и развращенныхъ нищихъ нужно причислить прежде всего Сократа, Платона, потомъ всѣхъ вообще философовъ отъ начала философіи до нашихъ дней, потому что и ихъ всѣхъ занимали подобные вопросы. Извѣстно, что только Вагнеръ, ученикъ доктора Фауста, разъ навсегда рѣшилъ для себя всѣ эти вопросы, и знать ихъ больше не хотѣлъ. Самъ Оуэнъ также не удовольствовался подобнымъ, вагнеровскимъ, рѣшеніемъ, и къ концу жизни безъ сомнѣнія послѣ нелегкой умственной работы, пришелъ къ другому. Обитатели Нью-Гармони, стало быть, виноваты развѣ тѣмъ, что превзошедши Оуэна послѣдовательностью, еще опередили его въ своемъ философскомъ развитіи.—Это слѣдствіе начальнымъ образомъ напоминаетъ намъ выше приведенную мысль, что если не всегда, то по крайней мѣрѣ иногда въ преступники записываются люди, несогласные съ мнѣніями другихъ людей, неспособныхъ здраво судить о вещахъ.

ки объ нихъ обколотилъ, требуя, чтобы они смотрѣли веселѣй, и все не смотрятъ весело».—Почтенный майоръ, не могутъ они смотрѣть весело; для достиженія этой цѣли ихъ слѣдовало бы получше содержать, да поменьше обременять пустыми ученьями, да еще вашими частными работами, и кромѣ того получше обходиться съ ними. Вы сами ихъ поставили въ такое положеніе, въ которомъ они не могутъ смотрѣть весело, не насилуя себя; а къ этому многіе совсѣмъ неспособны.—То же можно сказать Оуэну и его почитателямъ; не могли нью гармонійскіе обитатели пользоваться благосостояніемъ; они были поставлены въ такое положеніе, при которомъ благосостояніе невозможно; они были лѣнивы не вслѣдствіе своей развращенности или упорства, а вслѣдствіе естественной необходимости, потому что они были лишены необходимаго стимула дѣятельности. Стало быть, они тутъ ничѣмъ не виноваты, а виноваты тѣ, которые поставили ихъ въ такое положеніе, т. е. Оуэнъ, который игралъ здѣсь роль почтеннаго майора. Правда, въ Нью-Гармони собирались жители не по конскрипціи, а по доброй волѣ. Но и къ майору въ батальонъ попало нѣсколько такъ-называемыхъ охотниковъ; и они шли въ службу съ пѣснями и пляскою; а потомъ и они повѣсили носы, когда испытали собственными особами систему майора.—Правда еще, что Оуэнъ съ сжатыми кулаками не требовалъ, чтобы жители Нью-Гармони были счастливы, но онъ отнялъ у нихъ ихъ духовный хлѣбъ насущный, безъ котораго они не могли быть счастливы, т. е. религію, онъ отнялъ у нихъ другое утѣшеніе—сознаніе того, что каждый изъ нихъ получаетъ должное вознагражденіе за свои труды,—утѣшеніе, которое въ то же время должно было быть и стимуломъ ихъ дѣятельности, слѣдов. необходимымъ условіемъ ихъ благосостоянія.

Замѣчательно, что статья Добролюбова объ Оуэнѣ проникнута повидимому самымъ безграничнымъ либерализмомъ и гуманизмомъ. Но авторъ не замѣчаетъ, что его гуманизмъ и либерализмъ приводятъ его къ тому, что для оправданія одной личности, которая очевидно плохо сознавала значеніе своихъ словъ и дѣлъ, ему приходится осуждать, клеймить позоромъ порочныхъ наклонностей тысячи другихъ людей, которые не подали къ этому никакого повода; а это уже совсѣмъ не гуманизмъ и не либерализмъ. На подобныхъ основаніяхъ дѣйствовали и Діонисій Сиракузскій и Тиверій и Неронъ и Калигула и т. п. Всѣ они думали, что они одни понимали вещи, какъ слѣдуетъ, а тысячи и десятки тысячъ людей, которыхъ они подвергали преслѣдованію, были грубые и развращенные люди. Правда, между Тиверіемъ и Оуэномъ сходство небольшое; но оно есть, и состоитъ въ томъ, что и

тотъ и другой желали, чтобы всѣ окружающіе ихъ мыслили ихъ умомъ, чувствовали ихъ сердцемъ и дѣйствовали согласно съ ихъ волею. Претензія въ сущности чрезвычайно большая; и въ системѣ, основанной на коммунизмѣ, она неизбѣжна; тутъ кто-нибудь одинъ несомнѣнно долженъ подчинить всѣ воли своей волѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ чувства и умы своему уму; потому что тутъ необходимо общее согласіе, единодушіе въ дѣятельности. Въ Нью-Гармони и въ Тизерли эта претензія выпала на долю Оуэна, потому что онъ былъ основателемъ и руководителемъ этихъ общинъ. И очевидно не даромъ обитатели Тизерли назвали Оуэна тираномъ и заставили его сложить съ себя должность директора. Не даромъ раньше этого они смѣнили еще нѣсколько директоровъ; тутъ очевидно даже не личности виноваты, а система, которая всѣхъ, и начальствующихъ и подчиненныхъ, ставила въ неестественное положеніе.

Ж.

Сочиненія Оуэна и другіе источники для изученія его ученій и практическихъ опытовъ.

Address delivered by Mr. Owen at the Public Dinner given to Mr. Joseph Lancaster in Glasgow, in 1812 (Адресъ, произнесенный. г. Оуэномъ на публичномъ обѣдѣ, данномъ г. Іосифу Ланкастеру въ Глазговѣ въ 1812 году).

Здѣсь Оуэнъ говоритъ о значеніи воспитанія вообще и о значеніи дѣятельности І. Ланкастера.

Essays on the formation of Character (New Views of Society). First published in 1812—13. Опыты объ образованіи характера (Новые виды общества), первоначально изданные въ 1812—1813 г.).

Всѣхъ опытовъ четыре. Въ первомъ опытѣ говорится о неудовлетворительности существующей системы воспитанія и о необходимости новой, которую должны привести въ исполненіе правительства. Во второмъ разсказывается о дѣятельности Деля и потомъ Оуэна въ Нью-Ланаркѣ, о нравственномъ перевоспитаніи нью-ланаркскаго взрослаго населенія по системѣ Оуэна, и о правильномъ воспитаніи и обученіи дѣтей посредствомъ привлекательности обученія и гуманнаго обращенія съ ними. Въ третьемъ опытѣ излагаются дальнѣйшія улучшенія, предполагаемыя Оуэномъ въ воспитаніи нью-ланаркскихъ дѣтей и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя основанія, на которыхъ построена его система (характеръ человѣка образуется не имъ, а для него); въ концѣ этого опыта си-

стема Оуэна рекомендуется имъ, какъ національная система воспитанія, для всей Англіи; причемъ отъ введенія въ воспитаніе военныхъ экзерцицій онъ обѣщаетъ сокращеніе расходовъ на армію. —Въ четвертомъ опытѣ Оуэнъ предлагаетъ цѣлую систему для предупрежденія преступленій и образованія характера (a system for the prevention of Crime and the formation of human Character), которая должна обнимать въ себѣ и воспитаніе молодаго поколѣнія и улучшеніе участи бѣдныхъ посредствомъ реформы рабочихъ домовъ, которые должны превратиться въ нѣкоторый родъ національныхъ мастерскихъ, которыя доставляли бы бѣднымъ работу, но съ платою нѣсколько менѣе обыкновенной рабочей платы. Занятія, проектируемыя для рабочихъ, должны состоять въ общественныхъ постройкахъ, главнымъ образомъ въ постройкѣ и исправленіи дорогъ. —Что касается до воспитанія дѣтей, Оуэнъ заботливо старается устранить духовенство отъ вліянія на него, вопреки проекту нѣкотораго Уайтбреда, представленному въ парламентъ. Съ своей точки зрѣнія въ этомъ случаѣ Оуэнъ конечно правъ.

Observations on the Effects of the Manufacturing System, 1815 (Наблюденія надъ слѣдствіями мануфактурной системы).

Address delivered on the Opening of the Original Rational Infant School and Institution for the Formation of Character, at New Lanark. (Адресъ, произнесенный при открытіи первоначальной раціональной школы для дѣтей и института для образованія характера. 1816).

Report presented to the committee of the Association for the Relief of the Manufacturing and Labouring Poor. (Докладъ, представленный комитету Ассоціаціи для облегченія участи бѣдныхъ рабочихъ фабричныхъ и земледѣльческихъ. 1817).

Здѣсь изложенъ Оуэномъ проектъ устройства земледѣльческихъ и мануфактурныхъ деревень, о которыхъ мы говорили.

A further development of the Plan contained in the Report to the Committee of the Association for the Relief of the Manufacturing and Labouring Poor (Дальнѣйшее развитіе плана, содержащагося въ докладѣ комитету Ассоціаціи для облегченія участи бѣдныхъ рабочихъ фабричныхъ и земледѣльческихъ. 1817).

Здѣсь Оуэнъ въ первый разъ ясно и открыто проповѣдуетъ систему коммунизма, хотя еще только для земледѣльческихъ и мануфактурныхъ деревень.

A Sketch of some of the Errors and Evils arising from the Past and Present state of Society. (Очеркъ нѣкоторыхъ заблужденій и золъ, происходящихъ изъ прошедшаго и настоящаго состоянія общества 1817).

Address delivered at the City of London Tavern, August 14 th. (Адресъ, произнесенный въ гостинницѣ Городъ Лондонъ, 14 авг. 1817).

Letter published August 17 th. 1817. (Письмо, изданное 17 авг. 1817).

Address delivered at the City of London Tavern, Aug. 21 th. (Адресъ, произнесенный въ гостинницѣ Городъ Лондонъ 21 авг. 1817).

Здѣсь Оуэнъ высказывается прямо противъ всѣхъ религій.

Further Development of the Plan for the Relief of the Poor and the Emancipation of Mankind (Дальнѣйшее развитіе плана касательно облегченія участи бѣдныхъ и эманципаціи человѣчества. 1817).

Immediate Relief of the Poor. (Немедленное облегченіе участи бѣдныхъ. 1817).

Memorial addressed to the Governements of Europe and America. (Записка, адресованная правительствамъ Европы и Америки). При ней: Appendix, containing some of the general Results derived from the Memorialists long study and Experience. (Дополненіе, содержащее нѣкоторые общіе выводы, добытые долгимъ изученіемъ и опытомъ автора записки. 1818).

Memorial on behalf of the Working Classes, — adressed to the Allied Powers assembled in Congress at Aix-la-Chapelle. (Записка въ пользу рабочихъ классовъ, адресованная Союзнымъ Государямъ, собравшимся на Конгрессѣ въ Ахенѣ 1818). Записка состоитъ изъ трехъ частей и заключенія; объемъ ея не превышаетъ 10 страницъ.

Proceedingsin Parliament in sessions — 1816, 1817, 1818. (Дѣйствія въ парламентѣ въ сессіи 1816, 1817 и 1818 г.

Report to M. Sturge's Bourne's committee on the Poor Law. (Отчетъ комитету Стерджа Борна, касательно законовъ о бѣдныхъ). «Эти два сочиненія, по словамъ Л. Рейбо, разсуждаютъ о причинахъ недостатка работы у городскихъ и сельскихъ рабочихъ и о средствахъ помочь этому ненормальному состоянію».

Proceedings of committee of the National Schools. (Дѣйствія коммисіи народныхъ школъ). «Весьма замѣчательное сочиненіе, касательно школъ для дѣтей» (L. R.).

Report to the County of Lanark, of a Plan for relieving Public Distress and Removing Discontent. Часть первая: Introduction; часть вторая: Outlines of the Plan; часть третья: Details of the Plan. (Докладъ въ Графство Ланаркское, о планѣ касательно облегченія общественнаго бѣдствія и устраненія неудовольствія. 1 Введеніе, 2 общій очеркъ плана, 3 подробности плана. 1820). Въ этомъ докладѣ Оуэнъ предлагаетъ ввести обработываніе земли посредствомъ заступа, вмѣсто плуга, и вмѣстѣ съ тѣмъ принять знакъ цѣнности, посредствомъ котораго могъ бы производиться обмѣнъ произведеній. Причемъ рабочіе должны соединиться въ ассоціацію, подобную той, которая описана Оуэномъ подъ именемъ земледѣльческихъ и мануфактурныхъ деревень.

First Letter to the Nobility, Gentry, Clergy and Inhabitants of Ireland. (Первое письмо къ дворянству, духовенству и жителямъ Ирландіи. 1823).

First Meeting at the Rotunda. (Первый митингъ въ Ротондѣ, въ Дублинѣ. 1823).

Second letter to the Nobility etc, of Ireland (Второе письмо къ дворянству Ирландіи и пр. 1823).

Second Meeting at the Rotunda. (Второй митингъ въ Ротондѣ. 1823).

Third Meeting at the Rotunda. (Третій митингъ въ Ротондѣ 1823).

First Meeting of the Hibernian Philanthropic Society. (Первый митингъ Гибернійскаго Филантропическаго Общества. 1823).

Philanthropic foreign and britanic Society. (Иностранное и британское филантропическое общество).

(Объ этомъ сочиненіи, равно какъ о другихъ сочиненіяхъ, о которыхъ мы не можемъ сообщить никакихъ указаній, которыхъ даже времени появленія мы не можемъ опредѣлить съ точностью, мы заимствуемъ свѣдѣнія изъ неопредѣленныхъ библіографическихъ указаній Л. Рейбо и даже изъ книгопродавческихъ объявленій на оберткѣ нѣкоторыхъ другихъ сочиненій Оуэна. Принявъ за правило заботиться о возможной полнотѣ библіографическихъ свѣдѣній, мы находимъ нужнымъ и въ этомъ случаѣ не отступить отъ этого правила).

Lectures on a new state of Society. (Лекціи о новомъ состояніи общества).

Six lectures delivered in Manchester. (Шесть лекцій, читанныхъ въ Манчестерѣ).

Эти лекціи содержатъ въ себѣ изложеніе взглядовъ Оуэна на религію.

Rules of the national community friendly Society. (Уставъ дружескаго общества національной общины).

Constitution of the Association of all classes of all Nations. (Уставъ Ассоціаціи всѣхъ классовъ всѣхъ народовъ).

National Labour equitable exchange. (Справедливый обмѣнъ народнаго труда).

Institution for the labourers of London. (Институтъ для лондонскихъ рабочихъ).

Cooperative Society's proceedings. (Труды кооперативнаго общества).

Propositions fondementales du Système cooperatif. Переводъ Ж. Рея, 1838. (Основныя положенія кооперативной системы).

Это тѣ основныя положенія, которыя приведены нами почти вполнѣ въ текстѣ этой главы.

Book of the new moral World. (Книга новаго нравственнаго міра. 7 частей. (1836—1844).

О содержаніи и характерѣ этой книги см. приложеніе Г.

Outline of the rational System. (Очеркъ раціональной системы).

Manifesto in reply to the Bishop of Exeter. (Манифестъ въ отвѣтъ епископу Экзетерскому. 1840).

Нами приведенъ въ приложеніи А не весь манифестъ, а только наиболѣе существенная часть его, касающаяся практической дѣятельности Оуэна. Изложеніе принциповъ, содержащееся въ манифестѣ, нами опущено потому, что оно повторяетъ то, что нами уже изложено въ текстѣ и притомъ въ видѣ менѣе опредѣленномъ въ виду обвиненій, которымъ въ то время подвергся Оуэнъ.

Lectures at the Egyptian Hall. (Лекціи въ Египетскомъ залѣ).

Calculations (Вычисленія).

Letters on education. (Письма о воспитаніи).

Letters on Government. (Письма о правительствѣ).

An attempt to change this lunatic asylum into a rational world (Попытка перемѣны этого сумасшедшаго дома въ раціональный міръ).

Catechism of the rational System. (Катихизисъ раціональной системы. 1850.)

Farewell Adress. (Прощальный адресъ, 1850.)

The Revolution in Mind and Practice. Революція въ теоріи и практикѣ, 8 томовъ, 1849). Отрывокъ изъ этого сочиненія—A Narrative of the Thirty Year's

Experiment at New Lanark. (Разсказъ о тридцатилѣтнемъ опытѣ въ Нью-Ланаркѣ), помѣщенъ въ New existence of Man.

Letters to the human Race. (Письма къ человѣческому роду. 1850.)

The future of the human Race (Будущность человѣческаго рода. 1854).

New existence of Man upon the Earth. (Новое существованіе человѣка на землѣ); сборникъ, состоящій изъ пяти частей. Въ началѣ каждой части вновь написанная статья Оуэна, въ видѣ объясненія къ прежнимъ статьямъ, изъ которыхъ каждая часть состоитъ, и которыя относятся исключительно ко времени до 1824 г. 1854.

Robert Owen's address to the human race ton his 84-th birthday (Адресъ Р. Оуэна къ человѣческому роду, по случаю его 84 дня рожденія); напечатанъ въ видѣ прибавленія къ New Existence of Man.

R. Owen's last legacy to the Governors and Governed of all Nations. (Р. Оуэна послѣднее завѣщаніе всѣмъ народамъ, правителямъ и управляемымъ); второе прибавленіе къ New existence of Man.

Report of the Meetings of the Congress of the advenced minds of the world Convened by R. Owen, held in St. Martin's Hall and in the Literary and Scientific Institution, from 12-th to the 25-th May, 1857. (Отчетъ о митингахъ конгресса передовыхъ умовъ міра, созванныхъ Р. Оуэномъ въ залѣ Св. Мартина и въ литературномъ и ученомъ институтѣ отъ 12 до 25 мая 1857.)

The first Volume of the Life of R. Owen, written by himself with Selections from his Writings and Correspondence. (Первый томъ жизни Р. Оуэна, написанный имъ самимъ, съ прибавленіемъ избранныхъ сочиненій и корреспонденціи. Лондонъ, 1857 или 58 года).

A Supplement to the First Volume of the Life of R. Owen, containing a collection of Mr. Owen's early publications. (Дополненіе къ первому тому жизни Р. Оуэна, содержащее въ себѣ собраніе прежнихъ его сочиненій. 1858).

The reporter's report of R. Owen's May Meetings in London for 1858. (Репортерскій отчетъ о митингахъ Р. Оуэна въ маѣ 1858, въ Лондонѣ). Брошура въ 98 страницъ съ слѣдующимъ предисловіемъ: «Эта книга написана и издана съ тѣмъ, чтобы приготовить народонаселеніе міра, помочь ему и дать возможность одолѣть и оставить

систему лжи, зла и бѣдности, которою оно такъ долго управлялось, и вмѣстѣ съ тѣмъ начать и продолжать въ своемъ будущемъ управленіи систему вѣрности, добра и счастія. Старая система приводитъ къ земному пандемоніуму, а новая къ земному раю».—Въ маѣ 1858 г. Оуэнъ созывалъ три митинга, на которыхъ читалъ свои адресы къ публикѣ, предлагалъ адресы къ королевѣ, къ обоимъ парламентамъ, къ министрамъ, предлагалъ свой проектъ новой національной хартіи, излагалъ свои понятія о началѣ зла и о соціальной наукѣ. Все это напечатано въ брошурѣ. Въ концѣ къ ней присоединено новое и дѣйствительно послѣднее прощальное слово къ людямъ (Іюнь, 1858) подъ названіемъ For the grave considerations of Governements». (Для важныхъ соображеній правительствамъ). Въ концѣ этого года Оуэнъ умеръ.

Газеты, служившія органами идей Оуэна: «Gazette of New-Harmony, Metropolitan Litterary Journal, Cooperative Magazine, Orbiston Register, New moral World, Weekly Chronicle, Crisis, Pionneer, Man, Rationalist, Star of the East, Rational Quaterly Review and Journal (одинъ томъ, 1853.), Robert Owen's Journal (1850—52, 4 тома), Millenial Gazette (1857.)

Источники для изученія соціальной системы и соціальныхъ опытовъ Оуэна заключаются, главнымъ образомъ, въ самыхъ сочиненіяхъ его и въ журналахъ, бывшихъ органами его системы. Но, повидимому, и сочиненія Оуэна и въ особенности его журналы составляютъ большую рѣдкость въ библіотекахъ Европы. — Изъ сборниковъ сочиненій Оуэна имѣетъ большое значеніе New existence of man; но, какъ мы видѣли, онъ старательно обходитъ періодъ дѣятельности Оуэна послѣ 1824 г. Весьма важныя дополненія къ нему находятся въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

Mac Nab, Impartial Search of the new views of M. R. Owen. Это сочиненіе переведено на Французскій языкъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Examen impartial des Nouvelles Vues de M. Owen, par Mac Nab, traduit de l'anglais par Laffon Ladebat, 1821. (Безпристрастное изслѣдованіе новыхъ видовъ г. Оуэна, Макъ-Наба, переведено съ англійскаго Лафономъ-Ладеба.)—Сочиненіе Макъ-Наба весьма благосклонно къ Оуэну; Макъ-Набъ между прочимъ старается защитить Оуэна отъ обвиненія въ иррелигіозности, доказывая, что его взгляды на религію не получили приложенія въ его педагогической дѣятельности въ Нью-Ланаркѣ.

Dale-Owen. Sketch of the system of education followed in the schools of New Lanark. (Очеркъ воспита-

тельной системы, употребляющейся въ школѣ Нью-Ланарка). Переведено на французскій языкъ Дефонтеномъ (Desfontaines). 1 томъ. Парижъ, 1825.—Вѣроятно, это сочиненіе принадлежитъ одному изъ сыновей Оуэна, которые въ своей фамиліи соединили фамиліи отца и матери.

Joseph Rey. Lettres sur le système de coopération mutuelle et de la communauté de tous les biens, d'après le plan de M. Owen. (Письма о системѣ взаимной кооперацiи и общности всѣхъ имуществъ, по плану Оуэна). 1828.—Это сочиненіе содержитъ въ себѣ много данныхъ для исторіи дѣятельности Оуэна въ Нью-Гармони. Первоначально оно было напечатано въ «Производителѣ», журналѣ сенъ-симонистовъ.

Sargant. Robert Owen and his philosophy. London. 1860. (Р. Оуэнъ и его философія). Къ сожалѣнію, мы не могли достать этого сочиненія. Бусъ ссылается на другое сочиненіе Саргента: «Life of Owen» (жизнь Оуэна). Едва ли можно думать, чтобы это было не точно обозначенное названіе перваго сочиненія.

A. J. Booth. Robert Owen, the founder of socialism in England. (Р. Оуэнъ, основатель соціализма въ Англіи), Лонд. 1869. 220 стр. in-8. Это драгоцѣнное пособіе для изученія системы Оуэна и его практическихъ опытовъ, написанное основательно и съ большимъ знаніемъ дѣла. Источниками для автора служили главнымъ и почти исключительнымъ образомъ сочиненія Оуэна и періодическіе органы его системы, равно какъ совершенно неизвѣстныя другимъ біографамъ Оуэна описанія его дѣятельности различными личными наблюдателями. Между прочимъ онъ заимствуетъ много свѣдѣній изъ «Book of the new moral World», изъ журнала «The new moral World», изъ автобіографіи Оуэна и пр. — Бусъ имѣетъ совершенно ясное представленіе о дѣятельности Оуэна въ различные періоды его жизни. Въ нью-ланаркской дѣятельности Оуэна онъ, какъ и слѣдуетъ, видитъ опытъ не соціальной, а педагогической реформы Оуэна; и между прочимъ довольно подробно разсматриваетъ значеніе Оуэна въ ряду другихъ педагоговъ-реформаторовъ.—Начало Оуэнова соціализма онъ относитъ къ тому времени, когда Оуэнъ предлагалъ свои проекты касательно земледѣльческихъ и мануфактурныхъ деревень.—Намъ кажется, что въ своемъ стремленіи сдѣлать правильное различеніе дѣятельности Оуэна, Бусъ заходитъ даже слишкомъ далеко. Онъ различаетъ дѣятельность Оуэна въ Нью-Гармони отъ дѣятельности его въ Англіи послѣ возвращенія изъ Америки въ 1828 году; и даже въ этой дѣятельности различаетъ два періода, изъ которыхъ въ одномъ видитъ стремленіе къ осуществленію кооперативной системы, въ другомъ — системы раціональной. Въ дѣй-

ствительноети разница, существующая между этими двумя періодами, равно какъ разница между ними и періодомъ дѣятельности Оуэна въ Нью-Гармони, существуетъ только въ подробностяхъ и въ названіяхъ, которыя самъ Оуэнъ давалъ своей системѣ. Духъ и сущность идей и стремленій Оуэна отъ 1824 до 1842 года оставались тѣ же самые; а что касается до подробностей, — измѣненій, которыя допускалъ въ нихъ Оуэнъ, не перечислить. — Приведенныя нами выше измѣненія во взглядахъ Оуэна на религію и бракъ относятся къ тому времени, когда Оуэнъ заканчивалъ или уже закончилъ свою общественную дѣятельность; въ стремленіяхъ Оуэна эти измѣненія не выразились ничѣмъ.

Сочиненіе Буса имѣетъ столько достоинствъ, что переводъ его составилъ бы пріобрѣтеніе для всякой литературы. Желательно было бы, чтобы и у насъ нашелся для него переводчикъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

НЕОБХОДИМЫЯ ПОПРАВКИ.

Стр.	строка.		*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
6	9		Остальнаго	Остальное
12	20		30,000	тридцати тысячамъ
25	8	снизу	тоже,	тоже
30	5		разныя	разные
72	18	сн.	дѣльнѣйшаго	дальнѣйшаго
114	9	—	смерный	смертный
116	7	—	Мормона	Мортона
141	17	—	нибутъ	нибудь
152	3	—	Амовротумъ	Амавротумъ
165	15		сочиненій	сочиненія
168	12		иѳиною	иѳикою
181	6 и 7	сн.	adminitrandis	admirandis
197	2	—	вовыхъ	новыхъ
203	14	—	anticristian	antichristian
212	10	—	это	эта
232	5	—	придерживаетъ	придерживается
246	12 и 13		мысленныя вѣры	мысленные взоры
248	6	сн.	National Economie	Nationaloeconomie
260	26		обращается	обращается вниманіе
272	2		pour un homme	par un homme
277	20		начала	начали
280	6	сн.	посѣтилъ	посѣщалъ
293	12		нѣсколько	нѣсколькихъ
343	20		жинитьбой	женитьбой
425	4 и 5	сн.	неизвѣстности	неизвѣстности отношенія
467	8		опытъ	опыты
472	17		13 лѣтъ	18 лѣтъ
473	6	сн.	Bromesses	promesses
—	5	—	Jnqaniry	Inquiry
483	2	—	Маннабу	Макъ Набу
488	7	сн.	XIII	XLII
515	5 и 4	сн.	бощину	общину
521	1	—	Social	Social.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ